Джоан

ВИНДЖ

Снежная королева

Снежная королева
Джоан Виндж

Аннотация
Джоан Виндж
Снежная королева
- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44

Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Хрустальный корабль
Ученик торговца

Аннотация

Первый роман цикла «Снежная королева», внецикловая повесть и рассказ.

Содержание:

1. Снежная королева (роман)
2. Хрустальный корабль (повесть)
3. Ученик торговца (рассказ)

Джоан Виндж

Joan Vinge
THE SNOW QUEEN, 1980
THE CRYSTAL SHIP, 1976
THE PEDDLER'S APPRENTICE, 1975

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА
Перевод: И. Тогоева, 1995
УЧЕНИК ТОРГОВЦА
Перевод: А. Иванов, 2007

* * *

Снежная королева

В романе «Снежная королева», при использовании некоторых сюжетных мотивов сказки Г. Х. Андерсена, описывается колония людей на изолированной планете, властные системы и общественное устройство которой подвержены циклическим изменениям.

Действие происходит на планете Тиамат, где существует всего два времени года — Зима и Лето, которые чередуются циклами в сто — сто пятьдесят лет. Каждый такой цикл знаменуется всепланетным карнавалом и выбором новой королевы Тиамат. Начало романа приходиться на завершение правления очередной Снежной Королевы — Ариенрод, которая вот уже полтора столетия правила планетой. Она загодя подготовилась к смене времени года, когда ее, согласно закону должны были утопить в океане, а на ее место избиралась Королева Лета. Ариенрод в один из ежегодных

карнавалов в Карбункуле, главном городе Тиамат, имплантировала несколько своих клеток-клонов в тела ничего не подозревающих суррогатных матерей. Прошло почти двадцать лет. Все эти годы Королева внимательно следила за Мун — молодой девушкой с Летних островов, которая оказалась единственным выжившим клоном Ариенрод.

Пролог

Дверь, тихонько захлопнувшись, сразу как бы отрезала их от громкой музыки, веселого шума и яркого света, царивших в зале. На какое-то мгновение он будто оглох и ослеп; и, пожалуй, даже ощутил легкий приступ клаустрофобии. А потому, словно за последнюю соломинку, вцепился в медицинский саквояж с инструментами, который нес под плащом.

Потом рядом в темноте раздался ее веселый смех, и сразу же вспыхнул свет; и он увидел, что находятся они в небольшой гостиной, но явно не одни. Напряжение его было столь велико, что он невольно вздрогнул, хотя и ожидал увидеть то, что уже в шестой раз за эту бесконечную ночь

предстало его взору, и этот раз тоже был не последним. Среди целого леса темной мебели на позолоченных ножках белела широкая, мягкая и довольно бесформенная тахта. Ему вдруг пришло в голову, что за одну-единственную ночь он перевидал столько самых различных интерьеров, сколько не встречал и за все свои сорок лет у себя на Харему.

Однако сейчас он находился на совсем другой планете, в городе Карбункуле, и понимал, что эта праздничная ночь — вероятно, самая странная ночь в его жизни, проживи он еще хоть сто лет.

На тахте перед ним лежали двое — мужчина и женщина, — погруженные в глубокий, вызванный добавленным в вино наркотиком сон; полупустая бутылка валялась тут же на ковре. Он уставился на темно-красную дорожку винных пятен, тянувшуюся по дорогому толстому ковру, стараясь по возможности не тревожить этих двоих.

— Вы уверены, доктор, что… половой акт уже имел место?

— Совершенно уверен. В этом нет ни малейших сомнений.

Его спутница сняла свою украшенную белыми перьями маску, доходившую ей почти до плеч,

и из-под нее хлынула масса вьющихся светлых, почти белых волос, пышным облаком окутавших ее страстное и нетерпеливое юное лицо, рядом с которым снятая маска казалась мрачным гротеском: острый огромный клюв хищной ночной птицы и огромные, с нарочито расширенными зрачками глаза, которые обещали то ли жизнь, то ли смерть… Впрочем, когда он заглянул в глаза своей прелестной спутницы, ощущение контраста пропало: глаза страшной маски и живой женщины были удивительно похожи.

— Все вы, жители Харему, слишком самоуверенны. И слишком лицемерны. — Она отбросила маску в сторону и снова засмеялась: в ее смехе тоже слышались одновременно жизнь и смерть, свет и тьма.

Он неохотно снял и свою, куда менее затейливую маску: то была морда совершенно фантастической, какой-то, пожалуй, даже абсурдной твари — не то рыбы, не то черт знает кого. Ему неприятно было обнажать перед нею свое лицо, не хотелось, чтобы она могла что-то прочитать по нему.

А она действительно с самым безмятежным видом пристально рассматривала, его в ярком свете лампы.

— Только не говорите мне, доктор, что вам противно на это смотреть!

Он с трудом проглотил гневные слова.

— Я биохимик, ваше величество, а не шпион. К тому же я не люблю заниматься любовью вприглядку.

— Чепуха. — Теперь улыбка была слишком старой для ее лица. — Все медики так или иначе занимаются любовью вприглядку. А иначе зачем им такая специальность? Зачем им возиться с людскими болячками? Ведь только садистам доставляет удовольствие вид крови и страданий.

Он не рискнул ответить, боясь выдать свое отвращение; молча прошел мимо нее по ковру к тахте и поставил на пол свой саквояж. За стенами дома город Карбункул исходил в истоме веселья, празднуя очередной протокольный визит премьер-министра на эту планету, где наступала Смена Времен Года, а потому день был перепутан с ночью. Доктор подумал о том, что ему и в голову не могло прийти, что последнюю ночь Фестиваля он проведет в обществе здешней королевы, да еще и творя по ее приказу беззаконие.

Женщина на тахте лежала к нему лицом. Она была совсем юной; среднего роста, крепкая и здоровая. На устах ее блуждала нежная улыбка.

Лицо, покрытое темным загаром, какой дают только солнце и вольный морской ветер, ярко контрастировало со спутанными светлыми волосами цвета сухого песка. Зато тело ее казалось чересчур белым; видимо, женщине приходилось хорошенько кутаться, спасаясь от жгучего холода, царящего за стенами Карбункула на всей остальной планете. Мужчина с нею рядом тоже был молод, лет тридцати. Темные волосы, но кожа светлая — судя по внешности, он мог быть как местным жителем, так и инопланетянином. Впрочем, сейчас это было неважно. Праздничные маски, брошенные у изножия их ложа, осуждающе смотрели на влюбленных пустыми глазницами — словно бессильные боги-евнухи, которых заставили стоять на страже. Доктор протер плечо женщины антисептиком и сделал маленький надрез, чтобы ввести зонд; он не спешил — эти несложные процедуры прежде всего помогали взять себя в руки. Тем более что королева не сводила с него глаз. Правда, теперь она молчала, понимая важность момента.

Сейчас ему казалось, что весь шум Фестиваля сконцентрировался за запертыми дверями этой комнаты: он явственно слышал чьи-то приглушенные негодующие возгласы и внутренне

сжался, точно зверь, заслышавший шаги охотника.

— Не беспокойтесь, доктор. — Королева ободряюще коснулась его плеча своей легкой рукой. — Мои люди позаботятся о том, чтобы нам не мешали.

— Боги, как я мог позволить уговорить себя на такое! — Он обращался как бы к себе самому, ни на секунду, впрочем, не отрываясь от дела. Руки у него дрожали.

— Разве двадцать пять лет жизни и молодости — недостаточная плата, доктор?

— Какой в них прок, если я на всю оставшуюся жизнь угожу в исправительную колонию!

— Ну-ну, возьмите себя в руки. Вам нужно непременно успеть все сделать за сегодняшнюю ночь, иначе никаких двадцати пяти лет вы не получите. Наш договор останется в силе только в том случае, если где-то на Летних островах у меня вырастет по крайней мере один абсолютно нормальный ребенок-клон.

— Я хорошо помню ваши условия. — Закончив маленькую операцию, он аккуратно зашил надрез. — Однако вы, я надеюсь, понимаете, что имплантация клона при подобных обстоятельствах не только незаконна, но и весьма

непредсказуема. Клонирование — процедура вообще очень сложная. Шансы на создание клона, в достаточной степени соответствующего оригиналу, не столь уж высоки я при соблюдении строжайших условий, не говоря уж…

— А раз так, то, чем больше клонов вы имплантируете сегодня, тем лучше для нас обоих. Разве я не права?

— Да, ваше величество, — его тошнило от собственных слов, — я полагаю, что правы. — Он осторожно перевернул спящую женщину на спину и продолжил работу.

Глава 1

На планете Тиамат, где воды больше, чем суши, небо и океан как бы плавно перетекают друг в друга, и граница между ними едва заметна. Вода, испарившаяся из сияющей чаши океана, вновь изливается туда короткими и обильными ливнями. Тучи пробегают порой, как тени негодования, по красным от гнева лицам солнц-Близнецов и тут же исчезают, превращаясь в радуги: каждый день в здешних небесах вспыхивают десятки радуг, и в конце концов люди перестают ими восхищаться, часто никто и головы не поднимет,

не говоря уж о том, чтобы подивиться вслух…

— Стыдно! — громко сказала вдруг Мун, с силой налегая на рулевое весло.

— Что стыдно? — Спаркс пригнулся: наполненный ветром парус чуть не хлестнул его по лицу своим концом. Легкая шлюпка взлетела на волну, словно летучая рыба. — Это тебе должно быть стыдно — совсем за рулем не следишь! Ты что, утопить нас хочешь?

Мун нахмурилась, настроение у нее моментально переменилось.

— Можешь сам утопиться, если угодно!

— Да я и так уже наполовину утоп! — Он показал язык волне, плеснувшей через борт, и взялся за черпак.

Видно, последний ливень унес все его добродушие и утопил вместе с нашими последними жалкими припасами, подумала Мун. А может, он просто устал? На этот раз они странствовали по морю уже около месяца, перебираясь от острова к острову под защитой Наветренной гряды. А весь последний день пришлось плыть в открытом море, ибо утесы остались позади. Направлялись они, не очень хорошо представляя себе свой путь, к трем заповедным островам — убежищу Матери Моря. Лодчонка у них была явно мала для такого

путешествия, а ориентирами им служили лишь звезды да весьма ненадежная карта морских течений, где невозможно было разобраться в переплетении разноцветных стрелок. Но они были настоящими Детьми Моря — не меньше, чем детьми собственных матерей, — так что Мун была уверена, что раз путь их лежит в священные места, то Мать Моря не даст им пропасть.

Всклокоченная голова Спаркса каждый раз вспыхивала огнем, когда небесная мельничка солнц-Близнецов брызгала из-за туч своими лучами; золотилась и его редкая, едва начавшая расти бородка, а стройное мускулистое тело отбрасывало на дно лодки четкую тень. Мун вздохнула, как всегда не в силах долго сердиться, когда он с ней рядом. Она протянула руку и нежно потрогала пальцем сверкающую на солнце рыжую прядь.

— Радуги… Я говорила о радугах. Никто уже не обращает на них внимания. Не радуется им. А что, если радуги возьмут и исчезнут навсегда? — Она откинула капюшон плаща, сделанного из пестрой шкуры морского зверя, и развязала тесемки, стягивающие его у горла. Волнистые пряди светлых, цвета густых сливок волос заструились по ее плечам и по спине. Глаза Мун напоминали одновременно туман над морем и моховой агат.

Она выглянула из-под треугольного, похожего на крабью клешню паруса, и зажмурилась, когда из-за тучи вдруг брызнуло солнце, превратив все вокруг в сплошное сияние, в котором даже серые полосы облаков казались разноцветными флагами.

Спаркс снова выплеснул за борт полный черпак воды, как бы возвращая ее домой, в морскую пучину; потом поднял голову и внимательно посмотрел на Мун. Даже если не принимать во внимание густой загар, обычный для жителей островов, юноша явно был слишком темнокожим для аборигена, хотя ресницы и брови у него выгорели совершенно, почти до белизны, как и у Мун, которая все еще продолжала щуриться из-за нестерпимого сияния моря, и на ярком свету глаза ее меняли цвет, в точности как волны морские.

— Да ладно тебе, Мун, радуги у нас были и будут всегда! Во всяком случае, до тех пор пока существуют Близнецы и выпадают дожди. Самый обычный пример дифракции; я же показывал тебе…

Она терпеть не могла, когда он говорил так — с невольным пренебрежением, как все эти чересчур образованные технократы.

— Знаю. Не такая уж я дура. — Она резко и сер-

дито дернула его за медный вихор.

— Уй, больно!

— Но мне все-таки больше нравятся сказки нашей бабушки о том, как Хозяйка обещала, что радуги всегда будут родиться во множестве, а не рассуждения всяких там торговцев, которые даже такую красоту превращают неизвестно во что. И тебе ее сказки тоже нравятся больше. Ну, согласись, что это так, мой Звездный Мальчик, а?

— Нет, не так! — Он оттолкнул ее руку, глаза его гневно сверкнули. — И нечего смеяться, черт бы тебя побрал! — Он повернулся к ней спиной и снова принялся сердито вычерпывать воду. Она видела, как побелели от напряжения костяшки его пальцев, сжимавших раковину-черпак, и как отчетливо проступили светлые лунки ногтей — примета, оставленная ему в наследство отцом-инопланетянином.

Происхождение Спаркса и было тем единственным, что вечно разделяло их, подобно обоюдоострому мечу. Спаркс отличался не только от Мун, но и ото всех окружающих как цветом кожи, так и любовью к технике. Жители Летних островов редко общались с обожающими всякую технику жителями Зимы, которые находились в постоянном контакте с инопланетянами.

Впрочем, во время праздников, посвященных Смене Времен Года, искатели веселых приключений съезжались в Карбункул со всех островов планеты на грандиозные Фестивали, когда все надевали маски и напрочь забывали о существующих между жителями Зимы и Лета различиях, чтобы, во-первых, отметить очередной визит премьер-министра, а во-вторых, непременно принять участие в традиционном чрезвычайно древнем действе.

Матери Мун и Спаркса, родные сестры, побывав на последнем фестивале в Карбункуле, вернулись в Нейт с «живой памятью о той волшебной Ночи Масок», как рассказывала Мун позже ее мать. Они со Спарксом родились в один день, но во время родов мать его умерла, и они росли, как близнецы, под присмотром бабушки, пока мать Мун рыбачила вместе с остальными жителями деревни. Да, мы действительно как близнецы, часто думала Мун; странные, постоянно соперничающие друг с другом близнецы, давно привыкшие к косым взглядам туповатых и флегматичных соседей-островитян. Вот только в душе Спаркса всегда существовал потайной уголок, куда он не допускал никого; заветная частица его души, умевшая слышать тихие голоса звезд. Он поти-

хоньку выменивал у заезжих торговцев всякие иноземные механические штучки, целыми днями разбирал их, снова собирал и в конце концов швырял в море, злясь на себя самого и как бы принося жертву Хозяйке, чтобы умилостивить ее.

Мун хранила его занятия техникой в тайне от бабушки и соседей, благодарная ему хотя бы за то, что он поделился своей великой тайной с нею, однако в душе ее росло возмущение. Она знала о том, что отец ее — не житель островов, а гражданин Зимы или, возможно, тоже инопланетянин, но вполне довольствовалась тем будущим, которое было уготовано ей под родными небесами. Потому-то у нее порой и не хватало терпения, когда Спаркс начинал ворчать по поводу примитивности жизни на островах, словно никак не мог обрести устойчивости и как бы висел между ставшими ему колыбелью Летними островами и далекими, манящими звездами, которые звали его к иной, неведомой жизни.

— Ах, Спаркс, — наклонившись вперед, она ледяной ладошкой погладила тугие узлы мускулов у него на плече, ощутимые даже под неуклюжей толстой одеждой из шкур. — Я ведь и не думала тебя дразнить. Не сердись. — По мне так вообще лучше не иметь отца, чем всю

жизнь прожить в его мрачной тени, подумала она. — Посмотри-ка! — Голубые искры плясали на поверхности волн, почти на уровне сиявшей золотом рыжей головы Спаркса. То были летучие рыбки, которые, пронесясь над водой, снова ныряли в море, навстречу своей Матери. Вдруг с подветренной стороны Мун отчетливо разглядела очертания острова — наверное, это был самый высокий из тех трех, заповедных, к которым они плыли. Пенная линия прибоя обрисовывала прибрежные скалы, вздымаясь, как пышное кружево. — Острова Избранных! И — смотри, Спаркс! — меры… — От избытка восторга Мун даже послала мерам воздушный поцелуй.

Повсюду вокруг них из воды поднимались пестрые гибкие шеи; черные, матовые, точно эбеновое дерево, глаза смотрели мудро, будто хранили неведомую тайну. Считалось, что меры — истинные Дети Моря и приносят мореплавателям счастье. Их появление рядом с любым судном всегда воспринималось как «улыбка Хозяйки».

Спаркс взглянул на Мун и неожиданно тоже улыбнулся. Потом взял ее за руку.

— Они ведут нас… Она-то знает, зачем мы сюда приплыли. Неужели мы все-таки доплыли? Неужели нас изберут? — Спаркс достал из висев-

шего у него на поясе мягкого футляра флейту, сделанную из раковины, и заиграл что-то веселое. Головы меров начали покачиваться в такт музыке, они издавали жутковатые посвисты и крики, звучавшие как некий контрапункт. Согласно старым легендам, мерам суждено было вечно оплакивать неведомую тяжкую утрату и совершенную по отношению к ним жестокую несправедливость, однако ни в одной из сказок толком не говорилось, в чем именно заключалось их тяжкое горе.

Мун слушала, но отчего-то пение меров вовсе не казалось ей печальным. И все равно волнение вдруг так сдавило ей горло, что она не могла вымолвить ни слова: перед ее мысленным взором возникал сейчас совсем иной берег, где они, тогда совсем еще дети, обрели свою вечную мечту, подобрали ее, точно раковину, выброшенную на песок. И эти воспоминания захватили ее целиком…

* * *

Мун и Спаркс бежали босиком по узкой полоске берега между грубыми изгородями и узкими языками неглубоких заливчиков, таща на плечах сеть, свисавшую, словно гамак. Их крепкие, с

загрубелыми подошвами ноги шлепали прямо по острым камешкам, по мелкой ледяной воде, по каменистым тропкам между домами. Рыбья мелочь, обычно флегматично-неподвижная, сливавшаяся с камнями, поднималась к поверхности, удивленно глядя на них. Животы у детей бурчали от голода; они уже переделали все свои дела, так что сеть их была пуста — морские водоросли разложены в сарае на просушку.

— Скорей, Спарки! — Мун шла, как всегда, первой и, точно улов, тянула за собой своего двоюродного братишку, отбрасывая с лица светлые, почти белые пряди волос и глядя на дальний конец глубокого канала, вдававшегося далеко в берег и начинавшегося сразу за изгородями, на которых сушились сети и вялилась рыба. Там, вдали, уже показались верхушки двойных парусов — то приближались суденышки рыбаков. — Ой, ну так мы конечно опоздаем! — Она еще сильнее потянула за свой конец сети, начиная сердиться.

— Я и так уже устал, Мун. И что ты все время меня подгоняешь — моя-то мама, небось, домой не вернется! — Спаркс все же, собрав оставшиеся силенки, прибавил ходу и догнал ее; она почувствовала у себя на шее его горячее дыхание. — Как

ты думаешь, медовую коврижку бабушка испечет?

— Ну конечно! — Мун споткнулась и чуть не упала. — Я видела, как она квашню доставала.

И они, словно пританцовывая на камнях, побежали дальше к сверкающему под полуденным солнцем заливу. Мун живо представила себе смуглое улыбающееся лицо матери — такой она видела ее в последний раз, три месяца назад: толстые, цвета сухого песка косы туго уложены вокруг головы и тщательно прикрыты темной вязаной шапкой; толстый свитер с высоким воротом, непромокаемые тяжелые сапоги и заправленные в них штаны — в таком наряде она почти ничем не отличалась от остальных рыбаков. Она в последний раз обняла и поцеловала детей, а лодка-катамаран покачивалась рядом, носом по ветру, дувшему с востока.

А сегодня мать возвращалась. Позже в деревенском зале все соберутся на праздник, будут танцевать и веселиться, а потом, уже глубоким вечером, Мун свернется у матери на коленях (хоть и стала слишком большой для таких нежностей), та крепко обнимет ее своими загрубелыми руками, и Мун сквозь слипающиеся ресницы будет следить за Спарксом — не уснет ли тот пер-

вым на коленях у бабушки. В очаге будут мирно потрескивать поленья, будет что-то шептать пламя, а волосы матери всегда пахнут морем… и бабушка станет монотонно молиться Хозяйке, благодаря ее за то, что дочь благополучно вернулась домой…

Мун спрыгнула с каменной ограды на мягкий, золотисто-коричневый песок пляжа. Спаркс последовал за нею, тени их сплелись на песке в сверкающем свете полуденного солнца. Глядя только на паруса приближающихся к берегу рыбачьих лодок, Мун чуть не пролетела мимо какой-то незнакомой женщины, которая, казалось, ждала, пока дети подойдут ближе. Чуть не…

Спаркс наткнулся на девочку, когда та вдруг резко затормозила и остановилась как вкопанная.

— Смотреть надо, куда идешь, голова рыбья!

Вокруг их ног взвилось целое облако песка. Мун ухватилась за Спаркса, чтобы удержаться на ногах, и, вдруг очень рассердившись, что было сил тряхнула его. Он вырвался, возмущенный; забытая обоими сеть упала на песок; забыта была и деревня, и залив, и грядущая встреча с возвращающимися рыбаками.

Мун теребила край своего ставшего корот-

коватым свитера, просовывая пальцы между ржаво-красными петлями редкой вязки. Женщина, улыбаясь, глядела на них; ее овальное лицо, чуть тронутое загаром, словно светилось над откинутым капюшоном старенькой серой парки. Она была в толстых зимних штанах и неуклюжих башмаках, какие носили все островитяне. Однако сама явно не была уроженкой Летних островов…

— А ты… а разве ты не прямо из моря вышла? — выдохнула наконец Мун. Спаркс сопел у нее за спиной.

Женщина рассмеялась; от ее смеха все отчуждение в один миг разлетелось вдребезги.

— Нет… я не из моря. Я всего лишь приплыла с довольно далекого острова.

— А зачем? А кто ты? — Вопросы сыпались один за другим.

Вместо ответа женщина вытащила висевший у нее на шее медальон: колючий трилистник, похожий на пучок рыболовных крючков, посверкивающий загадочно и зловеще, точно глаз рептилии.

— Знаете, что это такое? — Она опустилась на одно колено, и черные косы упали ей на грудь. Дети придвинулись ближе, тараща глаза.

— Знак сивиллы?.. — смущенно прошептала

Мун, краешком глаза заметив, что Спаркс тут же непроизвольно вцепился в собственный медальон. Но потом уже глаз не могла отвести от волшебного трилистника незнакомки, понимая теперь, почему темные глаза той словно бы видят сквозь глубины вечности. Предсказатели вообще — а женщин-предсказательниц здесь называли сивиллами — воспринимались островитянами как источник сверхъестественной мудрости; они считались избранными самой Хозяйкой благодаря неким своим особым качествам, проходили серьезную выучку, могли ответить на любой вопрос и даже встретиться с самой Богиней лицом к лицу.

Женщина кивнула.

— Верно. Меня зовут Клавалли, Голубой Камень, дочь Лета. — Она приложила ладони ко лбу. — Спрашивайте — я отвечу.

Они ни о чем не спросили; они были потрясены уже одним тем, что она непременно ответит — СМОЖЕТ ОТВЕТИТЬ! — на любой вопрос, какой только придет им в голову. Впрочем, возможно, сама Хозяйка станет отвечать устами Клавалли, пока та будет погружена в Транс.

— У вас нет вопросов? — Суровый тон вновь сменился добродушным. — Тогда — раз уж вы

такие всезнайки — расскажите-ка мне сами, кто вы такие.

— Я Мун, — проговорила Мун и выпалила свое полное имя: — Мун, Покорительница Зари, дочь Лета!.. И я еще слишком мало знаю, чтобы задавать умные вопросы! — внезапно жалобно закончила она.

— Я знаю, о чем спросить! — Спаркс оттолкнул ее и вышел вперед, показывая свой медальон. — Что это такое?

— Ввод информации… — Клавалли взяла медальон двумя пальцами, слегка нахмурилась и что-то прошептала. Глаза ее сейчас были похожи на дымчатый хрусталь и смотрели как-то странно, ненаправленно, точно у лунатика; пальцы стиснули медальон Спаркса. — Знак Гегемонии — вписанный в окружность восьмиугольник — означает единство Харему и семи подчиняющихся ей миров… Такой медалью награждали за особую доблесть во времена восстания Киспаха… Надпись на ней гласит: «Сей гражданин обладает тем, к чему всем должно стремиться. Возлюбленному сыну нашей планеты Теммону Ашвини Сайрусу, 9.113.07». Надпись сделана на сандхи, государственном языке Харему и всей Гегемонии… Конец анализа… — Голова Клавалли сама собой

склонилась на грудь, словно отягощенная невидимым бременем. Сивилла чуть качнулась, стоя на коленях, вздохнула и откинулась назад. — Ну, хорошо…

— Но что все это означает? — Спаркс озадаченно смотрел на надпись, забыв закрыть рот.

Клавалли покачала головой.

— Не знаю. Хозяйка всего лишь использует мои уста — Она говорит не со мной. Мы только передаточное звено, в этом суть нашей профессии, наше предназначение.

Губы Спаркса дрогнули.

— А эта Гегемония… — быстро проговорила Мун, — что она такое, Клавалли?

— Гегемония — это мир инопланетян! — Глаза Клавалли чуть расширились. — Они сами так его называют. Так что медальон твой с другой планеты, а потому… Я никогда даже в Карбункуле не бывала. — Она снова посмотрела на медальон Спаркса. — Каким образом это к тебе попало — так далеко от Звездного порта и от столицы? — Она вскинула глаза, испытующе глядя на них обоих. — Вы ведь после прошлого Фестиваля родились, верно? Вашим матерям повезло — они привезли из Карбункула вас… И этот талисман тоже оттуда?

Спаркс кивнул, совершенно зачарованный логичностью этих догадок.

— Значит… мой отец… он не с островов? И даже не с Тиамат?

— Этого я тебе сказать не могу. — Клавалли поднялась с колен. Мун заметила, как по ее лицу пробежала тень странной озабоченности, когда она снова взглянула на Спаркса. — Но я точно знаю, что таких детей, как вы, благословляет Хозяйка. А как вы думаете, зачем я здесь?

Они дружно помотали головами.

— Вы знаете, кем хотите стать, когда вырастете?

— Мы хотим быть вместе, — не задумываясь ответила Мун.

Клавалли усмехнулась.

— Это хорошо! Ну а я проделала столь долгое путешествие по морю, чтобы рассказать молодым островитянам, что, став взрослыми, они могут служить Матери Моря не только в качестве рыбаков или крестьян. Можно приносить пользу своему народу и будучи предсказателями — как это делаю я, например. В некоторых это начало заложено от рождения и ждет лишь священного прикосновения Хозяйки, чтобы прорасти. Став взрослыми, вы оба, возможно, услышите Ее зов и

отправитесь на Острова Избранных.

— О! — Мун слегка вздрогнула. — Мне кажется, я и сейчас Ее слышу! — Она прижала холодные ручонки к груди, словно пытаясь удержать готовое выпрыгнуть наружу сердце, где прорастало семя ее давней мечты.

— И я, я тоже! — подхватил Спаркс. — А нельзя ли нам отправиться туда прямо сейчас, с тобой, Клавалли?

Сивилла прикрыла лицо капюшоном из-за неожиданно резкого порыва ветра.

— Нет, пока еще рано. Нужно немного подождать. Нужно быть совершенно уверенным, что слышишь именно этот зов.

— А долго еще ждать?

— Месяц или больше?

Она обняла малышей за плечи.

— По-моему, еще несколько лет.

— Лет? — возмутилась Мун.

— Да. К этому времени вы успеете убедиться, что слышите не просто крики морских птиц. Но помните: в любом случае последнее слово всегда остается за Хозяйкой: Она сама выбирает себе учеников и помощников. — Клавалли снова как-то особенно остро посмотрела на Спаркса.

— Ну ладно… — Мун этот взгляд показался

странным, и она решительно стряхнула со своего плеча руку Клавалли. — Мы подождем. И будем помнить.

— А теперь… — сивилла опустила обе руки, — теперь, по-моему, кто-то уже ждет вас.

Время снова устремилось вскачь, и они бросились за ним вдогонку — правда, без конца оглядывались на Клавалли, оставшуюся стоять на берегу.

* * *

— Мун, помнишь последние слова Клавалли? — Серебряная трель рассыпалась в воздухе и затихла; Спаркс опустил флейту и оглянулся, неожиданно ворвавшись в воспоминания Мун. Меры перестали петь и молча уставились на лодку.

— Конечно, — Мун ловко правила рулем, огибая узкий язык суши, высунувшийся далеко в море у самого входа в бухту. Береговая линия большого острова была такой же изрезанной, как и очертания трилистника, знака предсказателей. — По-моему, она сказала, что нас ждут…

— Нет. Насчет того, что Хозяйка сама выбирает себе учеников и помощников. — Спаркс глядел на линию прибоя. Потом снова посмотрел Мун

прямо в глаза. — А знаешь… вдруг Она выберет только одного из нас? Что мы будем делать тогда?

— Она выберет нас обоих! — улыбнулась Мун. — Как Она может поступить иначе? Мы ведь дети Фестиваля — Она одарила нас своим благословением.

— Ну а если Она все-таки выберет одного? — Спаркс пальцем поковырял мох в щели между плотно пригнанными досками обшивки. Пригнаны плотно, неотделимы друг от друга… Он слегка нахмурился. — Никто ведь не может заставить тебя стать предсказателем, даже если ты прошел испытание, правда? Значит, нам нужно дать друг другу клятву, что если будет избран только один из нас, то он откажется. Ради второго.

— Ради нас обоих, — кивнула Мун. Но Она выберет нас обоих. Мун никогда не сомневалась — с той самой первой встречи с Клавалли, случившейся много лет назад, — что непременно окажется на этом острове и услышит зов Хозяйки. Мечта об этом всегда жила в ее сердце; в конце концов, ее мечта заняла главенствующее место и в сердце Спаркса, оттеснив все его мысли о чужих мирах на второй план, не позволяя ему отвлекаться от их общей цели.

Мун протянула к нему руку, и Спаркс с мрачным видом пожал ее. Потом как-то незаметно обнял Мун, и все сомнения в ее душе растаяли, как утренний туман…

— Спарки, я люблю тебя… больше всего на свете. — Она поцеловала его, чувствуя на губах привкус соли. — Пусть Хозяйка знает, что сердце мое принадлежит только тебе, отныне и навсегда.

Он гордо и громко повторил ту же клятву любви, обращаясь к ней, и они вместе испили морской воды из сложенных ковшиком ладоней, поднеся этот ковш друг другу и скрепляя свой обет. «После этого путешествия никто не посмеет сказать, что мы слишком молоды, чтобы просить разрешения на брак!» Они уже пытались сделать это — и в первый раз с трудом сумели выразить свою просьбу, так что все только посмеялись над ними. Однако отношения их и верность друг другу с каждым годом становились все прочнее и очевиднее; они делили друг с другом все, и первые робкие прикосновения рук и губ постепенно перерастали во всепоглощающие порывы юной страсти…

Мун помнила узкий лаз в пещеру с подветренной стороны на берегу залива; теплые грубые

ладони скал, словно в чаше державшие их дрожащие от страсти тела; яркую луну в небе и шепот прибоя у входа в пещеру. Сейчас, как и тогда, она ощущала ту могучую силу, что связывала их друг с другом: тепло, порожденное их единением и согревавшее их на пустынном берегу ледяного залива; единство душ, в конце концов ставшее для них важнее всего, поднявшее их на такую высоту и придавшее им такую целостность, какой ничто в мире не могло им дать. Вместе войдут они и в эту новую жизнь, наконец-то станут принадлежать своему миру столь же безраздельно, как принадлежат друг другу… Губы Спаркса щекотали ей ухо; она наклонилась к нему, обняла… Лодка, никем не управляемая, поплыла к берегу.

* * *

— Ты что-нибудь видишь?

Спаркс в последний раз внимательно осмотрел лодку, лежавшую на песке среди ракушек, обломков утонувших судов и плавника, довольно далеко от линии прибоя. Резная фигурка — родовой тотем — красовалась на носу, глядя на него тремя нарисованными глазами. Прилив еще не кончился, и им пришлось оттащить лодку подальше, так что они совсем выбились из

сил. Один из меров почему-то вышел из воды с ними вместе и даже позволил погладить себя по мокрой гладкой пятнистой спине. Спарксу никогда прежде не доводилось видеть меров так близко; они были почти с него ростом, но раза в два тяжелее.

— Пока ничего… а вот и тропинка! — донесся до него голос Мун, и она яростно замахала ему рукой. Она сразу пошла за мером, когда тот неторопливо двинулся на своих ластах в глубь острова. — Вот, здесь ручей и тропа! Должно быть, та самая, о которой говорила бабушка!

Спаркс бросился по сверкающему песку к Мун; пустые раковины хрустели у него под ногами. Ручеек принес сверху довольно много красновато-коричневой горной породы; среди прорезанных красными жилками камней виднелись тонкие нити зеленой, как мох, воды. Мун поджидала его, готовая двинуться дальше.

— Нам нужно идти вверх по течению?

Она кивнула, глядя на круто уходивший вверх, подернутый туманной дымкой склон горы. Голые красноватые вершины громоздились над ними, закрывая небо. Эти острова возникли совсем недавно по меркам древней истории моря; их пики все еще царапали небеса, не успев приту-

питься от старости.

— Похоже, придется ползти на четвереньках. — Он сунул руки в карманы и застыл в неуверенности.

— Да. — Мун смотрела, как мер повернул обратно к воде. Она все еще чувствовала странное покалывание в ладони после прикосновения к его густой шерсти. — Сегодня руками-ногами поработать придется! — Она снова посмотрела на Спаркса, вдруг осознав, сколь много значит то, что они все-таки доплыли сюда. — Что ж, пошли, — она почти не скрывала нетерпения. — Первый шаг всегда самый трудный. — И они вместе сделали этот первый шаг.

Но ведь кто-то еще, задолго до них, тоже сделал здесь свой первый шаг, подумала, карабкаясь вверх, Мун… и наверно, таких людей было немало? Ей показалось, что ответ на ее вопрос покоится глубоко в земле, на этом крутом склоне, где чьи-то ноги уже успели протоптать в легкой вулканической пемзе странно глубокую тропинку — казалось, что она выгрызена в камне на глубину колена. И сколько же их поднималось здесь, чтобы потом получить отказ? Мун мысленно помолилась, поглядев вниз и увидев, что тропинка вдали кажется узким санным следом

на самом краю глубокого каньона, заросшего вечнозеленым ферном и непроходимыми кустарниками. Ветер стих; стояла почти полная тишина; до сих пор она не заметила ни одного живого существа — ни птицы, ни зверя, только гудели пчелы в траве. Впрочем, кажется, вдалеке прокричала какая-то птица. Ручей подмигивал ей из зелени, теперь уже несколько ниже тропы, а слева еще на многие сотни футов вздымалась поросшая зеленью стена горного склона. Хоть Мун и привыкла к грубым рыбацким башмакам и узким тропкам у себя на острове, здешняя крутизна все-таки вызывала у нее головокружение.

Спаркс налетел на торчавшую поперек тропы ветку и оцарапал лицо.

— Да, дорожка будь здоров! — пробормотал он, явно не замечая, что говорит вслух.

— Может, это все тоже специально придумано? — Мун утерла взмокшее лицо рукавом.

— По-твоему, в этом и заключается испытание? — Оба жались к грубой скале — с такого склона ничего не стоило сорваться.

— О, Хозяйка! — не поймешь, с мольбой или с проклятием вырвалось у нее. — С меня и этого вполне достаточно!

— Далеко нам еще? А если стемнеет?

— Не знаю… Где-то там, наверху, вход в долину…

— По-моему, ты говорила, что наш дед в молодости проходил здесь. Мне казалось, ты об этом все выспросила.

Мун сглотнула.

— Бабушка сказала, что дед не выдержал и повернул назад. Он так никогда и не нашел ту пещеру.

— Да, нечего сказать, вовремя ты об этом сообщаешь! — Спаркс почему-то засмеялся. — И все равно я совсем не так себе это представлял.

Ручеек внизу еще раз повернул, и выступ на каменной стене, по которому ползла тропа, стал чуточку шире. Здесь, в защищенной от морских ветров долине, жар солнца удваивался, отражаясь от разогретых скал. Мун на ходу стянула тяжелую парку; Спаркс свою давно уже снял и накинул на спину, связав рукава узлом вокруг шеи. Ветерок облепил грудь Мун влажной льняной сорочкой. Она расстегнула ее до пояса, почесываясь и вздыхая.

— Ужасно жарко! Нет, правда, мне ужасно жарко. А что можно сделать, когда так жарко? Если холодно, всегда можно надеть что-то еще, а вот если жарко?.. — Она отцепила от ремня фляжку с

водой и напилась. Где-то впереди слышался шум, похожий на грохот камнепада, но ей почему-то вспомнилось шипение раскаленного чайника.

— Да ты жары-то особенно не бойся, не стоит, — Спаркс попытался добродушно успокоить ее. — Лето еще не наступило, а до настоящей жары и подавно так далеко, что мы, наверно, и помереть успеем. — Оступившись, он ударился коленом и проворчал:

— А может, и раньше на тот свет отправимся.

— Смешно. — Она помогла ему подняться; ноги не слушались, казались каменными. — Ведь уже и Летняя звезда на небе видна… Если посмотреть вот так, сквозь пальцы… Уже несколько дней… Ох! — выдохнула она и снова вытерла потное, горящее лицо тыльной стороной ладони.

— Да, жарко. — Спаркс тяжело опустился на землю, прижимаясь к каменной стене над обрывом.

За последним поворотом тропинки слышавшийся ранее шум превратился в сплошной грохот: то ревела и грохотала вода, устремлявшаяся вниз по узкому проходу в скалах. Вода, словно принося себя в жертву, серебристой струей падала вниз, навстречу неизбежной смерти. У водопада тропинка кончилась.

Они замерли, не дыша, оглушенные какофонией звуков, окутанные облаками брызг.

— Она не может просто так оборваться здесь! — гневно вопрошал Спаркс у падающей вниз воды. — Мы знаем, что это путь верный. Так где же тропа?

— Здесь! — Мун свесилась с края обрыва и за полосой падающей воды увидела продолжение тропы. Рассыпавшиеся волосы ее и руки были совершенно мокры. — Здесь, прямо в скале, перила… — Она снова встала, выпрямилась и закинула за спину мокрые пряди. — А вдруг это не… — Она помотала головой и умолкла, заметив на его лице гнев.

— Все равно, зачем все это? — Сердитый вопрос полетел вниз, в долину, к морю. — Каких еще доказательств Ей нужно? Может, чтоб мы убили себя?

— Нет! Не говори так, не надо! — Мун потянула его за руку, чувствуя, как к ее усталости тяжелым бременем прибавляется его гнев. — Она просто хочет, чтобы мы были совершенно уверены. И мы действительно совершенно уверены. — Она снова свесилась вниз, потом села, сняла тяжелые башмаки и принялась болтать ногами над пропастью.

Потом начала потихоньку спускаться вниз, стараясь слушать только рев водопада, чтобы забыть о страхе. Краем глаза заметила, что Спаркс начал спускаться за нею следом. Она упорно твердила себе, что множество людей уже спускалось здесь до нее — ведь столько лет прошло… (ноги скользили на мокром камне)… и она тоже непременно пройдет… (еще один шаг — и ее пальцы нащупали край выступа!)… это не труднее, чем ходить по мокрой палубе или управляться с мокрой оснасткой, а ведь она делала это столько раз, не задумываясь… (и еще один шаг)… и всегда доверяла Матери Моря… это Она верно ставила ее ноги, делала цепкими руки… (пальцы соскользнули, и Мун прикусила губу)… она полностью сосредоточилась на своей вере в Хозяйку, вере в себя, ибо стоило лишь хоть чуть-чуть поколебаться или усомниться, и тогда… (нога ее шарила по влажной скользкой каменной стене, не находя ни трещины, ни ступеньки, ни…) — Спаркс! — отчаянно вскрикнула она. — Здесь все просто кончается!

— …за кромку!.. — Она услышала лишь последнее слово, остальное потонуло в реве водопада и в ее собственном ужасе. Но за это слово она ухватилась изо всех сил, скребя ногами по щеке утеса. — …Направо! — Она дернулась вправо,

открыла глаза и тут же нащупала кромку обрыва. С трудом придя в себя, она увидела, что узкий выступ исчезает под завесой падающей воды. Она подвинулась вперед, резким броском преодолела это препятствие и углубилась в расщелину. Спаркс последовал за ней; она протянула ему руку, чтобы помочь пройти под водопадом.

— Спасибо, — он встряхнулся и стал растирать омертвевшие руки.

— Это тебе спасибо! — Она глубоко вздохнула. Потом они полезли дальше, догадавшись, когда глаза привыкли к зеленоватому полумраку, царившему здесь, что расщелина одним своим концом выходит прямо в долину. — Вот… это наверняка здесь! Мы добрались. Это долина Избранных!

Они остановились, инстинктивно прижавшись друг к другу, и, не дыша, ждали. Никто не звал их, слышался лишь шум водопада. Вокруг не было ни души, лишь изредка налетал легкий ветерок.

— Ну, пошли, — подтолкнул ее Спаркс. — Давай еще немного пройдем вперед, а?

Над расщелиной высоко в небе перекрещивались острые пики, отбрасывая вниз странные темные тени, и Мун казалось, что кто-то в молитве сложил над ними свои пальцы. Они шли

все дальше и дальше по извилистой каменистой тропке. На крутом повороте Спаркс вдруг споткнулся и сказал:

— Говорил я, надо свечку с собой захватить…

— Не так уж тут темно. — Мун удивленно посмотрела на него. — А странно, что свет становится все зеленее и зеленее…

— О чем ты говоришь? У меня лично такое ощущение, словно я заживо в могилу попал… я и тебя-то не вижу!

— Да ладно тебе, — в ней тоже проснулась неуверенность. — Здесь все хорошо видно — просто нужно глаза открыть. Ну же, Спарки! — Она дернула его за руку. — Ой, ты слышишь? Какая-то музыка…

— Нет. У меня от этого местечка мороз по коже.

— Ну, перестань, хватит. — Она дернула его сильнее, но сама насторожилась.

— Нет… погоди-ка… — Он сделал несколько шагов и остановился. Потом прошел немножко еще.

Неведомая музыка теперь наполнила ее всю, особенно громко она звучала в голове и оттуда как бы растекалась по телу вместе с током крови, в такт биению сердца. Музыка скользила, касаясь ее кожи, точно шелк, от нее исходил дивный

аромат и зеленоватый свет моря.

— Неужели ты не слышишь, не чувствуешь?

— Мун… — Спаркс снова что-то недовольно проворчал, видимо, в очередной раз споткнувшись о камень. — Мун, не говори ерунды! Нет, ничего из этого не выйдет. Я и разглядеть-то ничего не могу, тишина, как в гробу… и я… я падаю, Мун! — Голос его как-то странно сорвался.

— Нет, никуда ты не падаешь! Не можешь ты упасть. — Она как-то рассеянно посмотрела на него и увидела, что он действительно с беспомощным видом, как слепой, шарит вокруг себя руками; во взгляде его было смятение. — Ах нет, Спарки, не можешь ты…

— Я не могу дышать, это не воздух, а какая-то смола. Придется нам вернуться назад, пока еще не слишком поздно. — Он сильнее сжал ее запястье, притягивая к себе, стараясь увести от этой музыки и зеленого света.

— Нет. — Она накрыла его руку свободной рукой, пытаясь разжать пальцы. — Назад ты пойдешь без меня.

— Мун, ты же обещала! Мы дали клятву… ты должна, должна вернуться со мной вместе!

— Нет, не должна! — Она вырвала руку и увидела, как он отшатнулся, потрясенный до глубины

души. — Спаркс, прости меня…

— Мун…

— Прости… — Она попятилась в объятия плывущей к ней музыки. — Я должна! Теперь я уже не могу остановиться, я уже ничего не могу поделать… это слишком прекрасно. Пойдем со мной! Попробуй, ну пожалуйста, попробуй! — Она все дальше и дальше уходила от него.

— Ты же дала клятву. Вернись, Мун!

Она повернулась и побежала, и его зов заглушила волна немыслимого восторга, затопившая все ее существо.

Она бежала, пока расщелина не стала шире и не выплюнула ее на вырубленную в скале площадку, освещенную обыкновенным масляным светильником. Мун зажмурилась и стала тереть глаза, внезапно ослепленная его золотым сиянием, словно действительно вышла на яркий свет из непроницаемой тьмы. Когда же она вновь обрела способность видеть, когда в душе стихла торжественная и прекрасная музыка, освободив ее от своих ласковых пут, то она вовсе не удивилась, увидев, что ее уже поджидает Клавалли и еще какой-то незнакомый мужчина… Клавалли, чьей улыбки Мун никогда не смогла бы забыть, сколько бы лет ни прошло…

— Ты ведь… Мун? Значит, ты все-таки пришла!

— Я вспомнила, — кивнула Мун, сияя от радости и сознавая, что избрана. И утерла слезы.

Глава 2

Город Карбункул пристроился, подобно гигантской, закрученной спиралью раковине, у самой кромки океана на одном из северных островов планеты Тиамат. Его дыхание как бы повторяло вздохи моря — приливы и отливы, — и даже форма его сама по себе казалась принадлежащей океанским глубинам, словно он действительно был рожден великой Хозяйкой. Карбункул называли еще «Город-на-ходулях», потому что покоился он на гигантских опорах, уходящих в морские глубины; под его покрытым множеством рытвин и отверстий «брюхом» была устроена отличная безопасная гавань, где суда могли не бояться капризов погоды и штормов. А еще этот город называли порой Звездным портом, потому что он, помимо всего прочего, был крупнейшим центром межпланетной торговли; настоящий же космический порт располагался в центральной части острова, и жителям планеты Тиамат запрещено было появляться даже на прилегающих к

космопорту территориях. Ну а Карбункулом его называли потому, что для кого-то город этот был похож на драгоценный камень, а для кого-то — на гноящуюся язву.

Однако его сходство с опустевшей раковиной жалкого морского обитателя было обманчиво. Изнутри Карбункул больше всего напоминал гигантский муравейник, населенный не только уроженцами самой планеты Тиамат, но и иных миров. Его нижние уровни, имевшие выход прямо в море, служили приютом бедному люду — рабочим, морякам и различным иммигрантам; выше начинался так называемый Лабиринт, обитатели которого отличались значительно более высоким уровнем материального благосостояния и образованности: здесь жили в основном различные инженеры и техники — как местные, так и инопланетяне; кроме того, Лабиринт буквально кишел торговцами и предпринимателями разного калибра, создававшими густую питательную среду для индустрии развлечений, в том числе и весьма сомнительных. Здесь высокорожденные дети Зимы веселились, устраивали ссоры и дуэли, сорили деньгами, экспериментируя с экзотическими видами возбуждающих средств и наркотиков, завезенных на Тиамат инопла-

нетными купцами. А потом самые знатные из них возвращались к себе, на верхние уровни, поближе к почитаемой ими Снежной королеве, знавшей и видевшей все, что происходит вокруг, и полностью контролировавшей все источники влияния и власти в этом огромном, невообразимой городе. И знатным господам трудно было даже вообразить себе, что путь, которым они следуют почти полтораста лет, направляемые одной и тою же рукой, не вечен и конец его близок.

* * *

— …Ничто в этом мире не вечно!

Ариенрод, стоя в полном одиночестве, слушала голоса, доносившиеся из потайного динамика, вделанного в резную мраморную раму огромного зеркала. Через это зеркало можно было также наблюдать за тем, что происходит в соседней комнате, но сейчас оно оставалось непрозрачным и отражало лишь ее собственное лицо. Невидимые ей представители местной знати и придворные обсуждали всего-навсего проблему порванной струны у зеликса, инопланетного музыкального инструмента, а вовсе не тревожившие королеву вопросы ближайшего будущего. Впрочем, с порванной струны они вполне могли перейти и

к обсуждению более существенных вещей, ибо будущее самым непосредственным образом было связано с поломкой этой иноземной игрушки. Во всяком случае, ее собственные мысли заняты были только будущим — точнее, отсутствием оного.

Она смотрела в окно — собственно, это была стеклянная стена самой верхней комнаты ее дворца под остроконечной крышей, увенчанной звездой. Это была вершина ее города, ее мира, и отсюда она, Снежная королева, могла видеть не только закручивающиеся спиралью стены Карбункула, но и острова среди стальных, с белыми барашками волн. Или же — как и сейчас — перед ней, подобно сверкающему горну, распахивалась безбрежная ночь, горевшая огнем пятидесяти тысяч солнц: в эту галактику их планета попала случайно миллиарды лет назад. Впрочем, бесчисленные звезды, похожие на крупные светящиеся снежинки, нисколько не трогали Ариенрод — ни теперь, ни когда-либо прежде. Лишь одна из них, небольшая и ничем не примечательная, заставляла ее душу трепетать от чувства, весьма далекого от восторга и куда более мрачного. То была Летняя звезда, та самая, чей яркий свет означал, что они приближаются к Черным Воротам,

некогда захватившим в вечный плен странствующие солнца-Близнецы, дающие жизнь планете Тиамат.

Черные Ворота представляли собой нечто, не совсем понятное ей; инопланетяне называли их «черной дырой»; среди множества тайн, известных только инопланетянам, был и секрет использования подобных «черных дыр» в качестве проходов в иные галактики при использовании космических кораблей, движущихся со скоростью, превышающей скорость света. Ариенрод знала лишь, что только через Ворота можно попасть в семь остальных обитаемых миров Гегемонии, хотя некоторые из них находились так далеко от Тиамат, что и представить себе было невозможно. Все семь миров были тесно связаны не только друг с другом, но и с бесчисленным множеством необитаемых планет, на которые космические корабли Гегемонии попадали тоже через Черные Ворота, где пространство было скручено как бы жгутом и завязано в таинственные узлы, позволявшие недосягаемому становиться вдруг совсем близким и ловившие время в некую ловушку.

Все эти миры и образовывали систему космических владений Гегемонии и считались

автономными — Ариенрод слабо усмехнулась, — общаясь друг с другом через Черные Ворота с помощью космических кораблей, где время как бы замедляло свой бег. Ариенрод была верной апологеткой Гегемонии, прекрасно понимая, что без ее помощи знатные семейства Зимы никогда не овладели бы высокой инопланетной технологией, даривше й им и цель в жизни, и ежедневные удовольствия… И, самое главное, возвышавшей их над жителями Лета, суеверными рыбаками и крестьянами, насквозь пропахшими морскими водорослями и опутанными древними бессмысленными традициями.

Чтобы расплачиваться с инопланетянами, Тиамат превратили в пересадочную станцию для них и поистине райское место отдыха, где совершающие длительные перелеты астронавты могли встретиться друг с другом и приятно провести время. Эта планета оказалась чрезвычайно удобным космическим перекрестком, ибо лишь ее орбита проходила вокруг Черных Ворот, хотя и была чересчур вытянутой, так что достигнуть ее оказалось значительно легче, чем любую другую планету Гегемонии.

Ариенрод повернулась к звездам спиной и молча прошла по дивному иноземному ковру,

устилавшему пол, к зеркалу в резной раме. Перед ней снова возникло собственное отражение — бесстрастное, будто фарфоровое лицо, молочно-белые волосы, уложенные в прихотливую прическу и скрепленные диадемой в форме снежинки из драгоценных камней, прелестная прозрачная кожа… Такой она обычно являлась перед иноземными торговцами или представителями местной знати. Она быстро, будто лаская, провела рукой по щеке, по украшенной драгоценностями шее, по сверкающим шелкам платья, ощущая юную упругость своего тела, столь же прекрасного, каким оно было без малого полтораста лет назад, в тот день, когда она взошла на престол. А может быть, это… Она слегка нахмурилась, придвинулась ближе к зеркалу… Да, конечно. Удовлетворение блеснуло в глазах цвета морского тумана и мохового агата.

И еще по одной причине инопланетяне частенько прибывали на Тиамат с дарами: Снежная королева держала в своих руках ключ от источника вечной молодости, дававшего возможность становиться старше и мудрее, не старея внешне. Дивное средство это добывалось в морях Тиамат, но доступно было лишь наиболее богатым и могущественным, а контролировала его запасы

лично она, Ариенрод, устраивая Королевскую Охоту и убивая меров, а потом точно определяя, с какой именно планетой выгоднее в данный момент иметь дело Зиме и кого из чиновников стоит использовать, заплатив ему уникальной возможностью сохранить молодость… Именно благодаря ее, отнюдь не таким уж случайным, капризам любимцы из знатных родов получали право на охоту в морях или же сам драгоценный серебристый напиток. По слухам, внешность того или иного придворного была прямым показателем отношения к нему королевы.

Однако ничто не вечно. Даже вечная юность. Ариенрод снова нахмурилась, и дрогнувшая рука ее сжала позолоченный пульверизатор. Она открыла рот и направила в горло брызги тяжелой серебристой жидкости. Ей показалось, что задняя стенка глотки тут же покрылась льдом, на глазах выступили слезы. Она вздохнула с облегчением, прогоняя неприятные мысли. Гарантия вечной молодости заключалась в ежедневных впрыскиваниях «живой воды», как называли серебристую жидкость инопланетяне. Ариенрод находила это название довольно забавным, однако в нем таилась некая зловещая двусмысленность: собственно, то была не вода, а вытяжка из крови

местного морского животного мера, и она имела точно такое же отношение к смерти — смерти мера, — как и к долгой жизни некоего человеческого существа. Каждый, кто пользовался этим средством, понимал это — одни, правда, лучше, другие хуже. Но что значит жизнь какого-то животного в сопоставлении с вечной молодостью человека?

До сих пор не удавалось создать технологию, способную воспроизвести «живую воду». Доброкачественный вирус, дарующий организму способность регенерировать без каких-либо генетических последствий или сдвигов, будучи извлеченным из организма мера, погибал довольно быстро, вне зависимости от того, сколь тщательно это проделывалось. Таким образом, его краткое существование в теле иного млекопитающего было изначально обречено, и для поддержания нужного эффекта требовался постоянный приток свежей жидкости — а отсюда следовала и постоянная потребность в добыче крови меров, в охоте на них. Что означало заинтересованность инопланетян в планете Тиамат и процветание последней до тех пор, пока ею правит Зима.

Но уже и на дневном небе становилась ви-

димой Летняя звезда; Весна была объявлена официально, приближалась Смена Времен Года, и теперь даже островитяне понимали это. Планета подходила к той точке своей орбиты, которая расположена ближе всего к Черным Воротам, что вызывало чудовищные вспышки энергии на солнцах-Близнецах и наступление непереносимо жаркого летнего периода на самой Тиамат. Летом островитяне были вынуждены, перемещаться со своих экваториальных островов в северные широты, и уже начавшийся их приток нарушал стабильный распорядок жизни Зимы.

Но то была лишь часть тех великих перемен, которые неизбежно должны постигнуть планету. Приближение солнц-Близнецов к «черной дыре» превращало Тиамат в дальний, окраинный мир; планета становилась практически недоступной для Гегемонии… Ариенрод обернулась к окну и посмотрела на звезды. По мере того, как Близнецы оказывались все ближе к Черным Воротам и на небе начинал все ярче сиять другой их пленник, Летняя звезда, ослабевала стабильность поля самих Черных Ворот. Уже сейчас не так просто стало вылететь с Тиамат на другие планеты Гегемонии; уже сейчас при прохождении Ворот у астронавтов не было твердой уверен-

ности, что конкретная цель вообще будет ими достигнута. Тиамат переставала служить местом встреч и пересадочной станцией для космических путешественников, прилетающих сюда за «живой водой» и взамен привозящих технические новинки: оба источника благополучия планеты иссякали одновременно. Скоро Тиамат станет запретным миром; Гегемония и без того запрещала создавать или развивать местную технологическую базу, а без необходимой научной информации вся импортированная техника, вся автоматика Зимы быстро и неизбежно придет в упадок. Так что даже если не учитывать великого переселения островитян к северу после Смены Времен Года, тот мир, который знала Ариенрод, все равно перестанет существовать. Ей была отвратительна даже сама мысль о том, чтобы вернуться в прежний — дикий и отсталый — мир Лета. С другой стороны, ее это, в общем-то, касаться было не должно — ведь она в этом мире жить не будет. Недаром говорят, что смерть — последнее, что человек запоминает в своей жизни.

Смех Ариенрод нарушил тишину комнаты. Да, теперь она может смеяться даже перед лицом смерти, хотя не платила ей дань целых полтораста лет. Вскоре смерть так или иначе потребует

вернуть должок — и во время ближайшего и последнего для Снежной королевы Фестиваля островитяне заставят Ариенрод заплатить, ибо такова древняя традиция Тиамат. Но смеяться последней будет все-таки она, Ариенрод. Во время прошлого Фестиваля она посеяла среди простодушных островитян девять семян своего возрождения — девять собственных клонов — и эти семена должны были прорасти на местной почве, среди детей Лета, стать родными для тех, кто произведет их на свет и воспитает — частицу ее души и тела, порождение ее ума; только она сможет управлять ими, когда пробьет урочный час.

Она постоянно следила за подрастающими детьми, всегда верила, что среди них будет, по крайней мере, один, в точности повторяющий ее самое… И такой ребенок действительно родился. Но только один. Пессимизм инопланетного врача относительно результатов операции, произведенной почти двадцать лет назад, диктовался не одним лишь недовольством и страхом; три зародыша погибли из-за выкидышей, остальные дети родились либо с физическими недостатками, либо оказались умственно отсталыми и эмоционально неуравновешенными. И лишь один

ребенок, по имевшимся у Ариенрод сведениям, оказался безукоризненным во всех отношениях… И эту девочку она сделает королевой Лета!

Ариенрод протянула руку и взяла со столика маленький, богато украшенный кубик с голографическим изображением внутри. Лицо девочки на голограмме вполне могло бы быть ее собственным лицом в детстве. Она вертела кубик, наблюдая, как меняется это лицо — улыбается, становится серьезным, движется. Оно казалось совершенно живым. Голограмму сделал для нее один из торговцев, имеющий дело с островитянами постоянно; ему же было поручено следить за тем, как девочка растет. Глядя на голограмму, Ариенрод вдруг обнаружила странное трогательно-пронзительное чувство: ей все чаще хотелось увидеть саму девочку, живую, настоящую… коснуться ее, обнять, смотреть, как она играет, наблюдать, как она растет и меняется, становится умней: видеть себя такой, какой была много-много лет назад, так давно, что даже и припомнить по-настоящему невозможно, как это было на самом деле.

Но нет. Смотри на девочку, одетую в грубые обноски, в плащ из вонючих шкур, пропахший рыбой; она ведь небось и ест-то прямо грязными

руками из общего горшка! Разве подобное зрелище для Ариенрод, разве можно вообразить, что она, Снежная королева, когда-то была точно такой же, разве приятно видеть как в капле воды то, во что превратится этот мир буквально через несколько лет, когда инопланетяне снова покинут Тиамат? Но ведь этого может и не произойти? По крайней мере, ущерб будет не так значителен, если ей удастся осуществить свой план. Она внимательно вглядывалась в лицо девочки, так сильно похожее на ее собственное. И вдруг поняла, что оно не в точности такое же — чего-то в нем все-таки не хватает.

Опыта, жизненного опыта — только его. Искушенности. Вскоре она изыщет способ доставить девушку сюда, все объяснит ей, все покажет, расскажет, какие цели нужно преследовать, о чем заботиться. И поскольку объяснять все это она будет как бы самой себе, девушка непременно поймет ее. Как ни малы технические знания, доставшиеся им от инопланетян, утратить их недопустимо. На сей раз их необходимо во что бы то ни стало сохранить и приумножить; и пусть, когда инопланетяне вновь вернутся на Тиамат, они найдут здесь не жалких варваров…

Ариенрод вдруг резко повернулась и прошла на

другой конец комнаты, где включила роскошное бра на стене у зеркала, повернув жемчужину у его основания. Она сменила пластинку в проигрывателе и включила видео, чтобы чужие глаза и уши не смогли подслушать или увидеть, чем она занимается на самом деле. Преданность механических шпионов и простое чувство удовлетворения, получаемое от манипуляции ими, привели к тому, что Ариенрод создала целую сеть подсматривающих и подслушивающих устройств — тысячи шпионов были внедрены ею на всех уровнях города. Всеведение и вседозволенность были одновременно и розами и шипами на стебле ее власти; однако и живые, и механические шпионы имели свои потребности и стремились непременно удовлетворить их, даже за счет друг друга, хотя кормились из одних и тех же рук.

Теперь сквозь ставшее прозрачным зеркало она видела своего Звездного Быка; видела, как он нетерпеливо мечется по комнате, как вздуваются и опадают узлы могучих мускулов на его стройном смуглом теле инопланетянина. Да, то был действительно могучий мужчина, казавшийся слишком громоздким среди утонченной изысканности ее спальни. Он был почти обнажен; он

ждал, когда его королева придет к нему. Ариенрод смотрела на него с нескрываемым восхищением, в памяти крутился калейдоскоп эротических видений; сейчас она совершенно не думала о том, что и он уже начал надоедать ей — как до него все остальные ее любовники. Услышав, как он пробормотал ругательство, она решила, что заставила его ждать достаточно долго.

Чем-чем, а терпением Звездный Бык не отличался; но, зная, что Ариенрод прекрасно это понимает и использует против него самого, даже не пытался справиться с собой. Он мог бы найти чем занять себя, пока она заставляет его ждать, например, попробовать разобраться, какая тонкая преграда отделяет любовь от ненависти, однако ему не было присуще копание в собственных чувствах. Он снова выругался, уже громче, сознавая, что за ним, скорее всего, наблюдают, и что это позабавит ее, если она сама смотрит на него сейчас. Удовлетворять ее прихоти любым способом — вот в чем заключалась главная его задача. Как и тех Звездных Быков, что были до него. Он обладал достаточно развитым интеллектом, однако чаще руководствовался собственными наклонностями работорговца и полной аморальностью: именно эти качества в сочетании с

физической силой избавили юношу, известного на родной планете Харему под именем Герне, от бесперспективного прозябания в самых низах общества и способствовали его успешной карьере на поприще торговли таким доходным товаром, как человеческие жизни. Эти же качества идеально подходили и для его теперешней роли — Звездного Быка.

«А кто он, собственно, такой, этот Звездный Бык?» Сей риторический вопрос он задал, обращаясь к инкрустированному кусочками зеркала кувшину, стоявшему на маленьком столике у постели. Потом громко рассмеялся и налил себе местного вина. (Боги! Что за дрянь делают эти вонючие островитяне вместо бодрящего и поднимающего настроение напитка! Он чуть не плюнул. Ни черта здесь нет такого, к чему привык всякий нормальный человек!) Даже сейчас время от времени он снова превращался в того прежнего Герне, баловался наркотиками и развлекался со случайными приятельницами и приятелями с других планет, пробовал самые различные извращенные забавы, возможностей для которых было сколько угодно в бесчисленных увеселительных заведениях Лабиринта. И очень часто его знакомые, пытливо заглядывая ему в

глаза, задавали один и тот же вопрос: кто такой Звездный Бык?

И уж он-то мог бы рассказать им, что Звездный Бык — это инопланетянин, советник здешней королевы, действующий во имя ее интересов и вопреки интересам Гегемонии. А еще он мог бы сказать им, что этот Звездный Бык — великий Охотник, который вместе со стаей инопланетных Гончих охотится на меров и убивает их согласно приказу королевы, собирая для нее мрачную дань. Он мог бы сказать им, что Звездный Бык — любовник королевы и останется им, пока более удачливый и честолюбивый соперник не займет его место, ибо королева, согласно традиции, считается земной инкарнацией Матери Моря, которой полагается иметь множество любовников, как морю — множество островов. И все это было бы чистой правдой; и кое-что еще он мог бы порассказать им, даже то, что он и есть Звездный Бык, ловец доверчивых душ, королевский шпион, заботящийся о том, чтобы положение королевы при любых переговорах оставалось неизменным, — и все его знакомые, конечно же, только посмеялись бы, если б он вздумал говорить им все это.

Потому что Звездным Быком мог бы стать лю-

бой из них, но, скорее всего, никто. Звездный Бык обязательно должен был быть инопланетянином, причем лучшим из лучших. Анонимность его обеспечивалась традицией и законом; он существовал как бы вне влияния любых властей, вне правосудия, и лишь сама королева могла покарать его.

Звездный Бык повернулся и поверх бокала с вином посмотрел на совершенно неуместный здесь костюм из черного шелка и кожи, с островерхим шлемом-маской, скрывавшим лицо, — его повседневный наряд при дворе. Надев его, Герне оказывался в одном ряду со своими многочисленными и столь же безжалостными и жадными до власти предшественниками. Шлем был украшен переплетением длинных стальных шипов, похожих на рога быка, — то был символ неограниченного могущества, которым жаждал обладать любой мужчина. Во всяком случае, так считал сам Герне, когда впервые водрузил шлем себе на голову. И лишь позднее он понял, что на самом деле шлем этот принадлежит женщине — как и его кажущаяся власть, как и он сам.

Он плюхнулся прямо на смятые покрывала огромной постели; смотрел, как его движения повторяют, кривляясь, бесконечные отражения

в зеркальных стенах и потолке. Неужели в этом весь смысл его жизни? Он нахмурился, отгоняя эти мысли, и провел рукой по густым черным кудрям. Он был Звездным Быком уже, по крайней мере, лет десять и намеревался во что бы то ни стало сохранить за собой эту роль… Пока не наступит Смена Времен Года. Он обладал вполне реальной властью и наслаждался ею, и совершенно неважно, где источник этой власти и когда именно ей наступит конец.

Совершенно неважно? Он посмотрел на свои могучие кулаки; тело его было по-прежнему мускулистым, упругим и юным благодаря особой привилегии. А резня меров, которую они устраивали во время Королевской Охоты… Нет, резня эта не имеет к нему особого отношения и, кроме того, совершается во имя иной, более важной цели. Но вот источник власти… о да, это значение имело! Она, Ариенрод, была чрезвычайно важна для него. Ей принадлежало все — красота, благосостояние, неограниченное могущество… вечная юность… С первого раза, когда во время случайного визита во дворец он увидел ее в обществе предыдущего Звездного Быка, он сразу понял, что не остановится ни перед чем, даже перед убийством, чтобы обладать ею, чтобы

стать ее собственностью… Он вдруг представил себе ее тело, ее белоснежные, точно подвенечная фата, волосы, жестокий изгиб ее рубиновых губ, даривших ему сладость власти, недосягаемости и вечной, врожденной страстности.

Он ничуть не удивился и, не задумываясь, соскользнул с постели на пол и преклонил колена, когда дверь в спальню отворилась и видения его стали реальностью.

Глава 3

— Близится Смена Времен Года! Летняя звезда освещает нам путь к спасению…

Мун стояла на причале, обхватив себя руками и дрожа от озноба, вызванного не только холодным туманом, но и ее собственным мрачным настроением. Она задерживала дыхание, пока не становилось больно в груди, и выдохнутый воздух, вырвавшись наружу белым облачком, точно сбежавшая из тела душа, сливался с серым дыханием моря. *Не стану я плакать.* И она утерла нечаянную слезу.

— Мы должны приготовиться к Концу и встретить Начало!

Она обернулась и посмотрела на бабушку, что

стояла на дальнем конце пирса, а дикие вопли безумного старца налетали, точно морские валы на песчаный замок ее воли и самообладания.

— Ох, замолчи ты, старый, глупый…

Она пробормотала это дрожащим от отчаяния голосом, с трудом подавив желание закричать. Бабушка с состраданием глянула на нее через плечо. Мун отвернулась: ей было стыдно за эту вспышку гнева и она сердилась на себя за то, что стыдится. Предсказатели не должны так вести себя; на всех островах сивиллы считаются воплощением мудрости, силы и сострадания. Мун нахмурилась. *Я пока еще не сивилла.*

— Мы должны изгнать сеятелей Зла, выбросить их проклятых идолов в море! — Дафт Найми воздел руки, кулаками грозя подернутому дымкой небу; широкие рукава его обтрепанного грязного одеяния упали, обнажив руки почти до плеч. Собаки лаяли и бесновались вокруг него, держась, правда, на безопасном расстоянии. Он называл себя Пророком Лета, скитался по морю от острова к острову, проповедуя учение Хозяйки так, как понимал его сам, то есть не совсем правильно, ибо был одержим священным безумием. В детстве Мун боялась его, пока мать не сказала ей, что бояться нечего; потом она над ним смеялась и

дразнила его, пока бабушка не велела ей прекратить это; потом он частенько ставил ее в тупик и заставлял задуматься, когда она стала старше; потом она научилась его терпеть и примирилась с ним. Вот только сегодня терпение ее было на пределе, причем непонятно почему… *И я ведь все еще не сивилла!*

Она давно уже слышала, что Дафт Найми — уроженец Зимы. Что когда-то он был влюблен в технику и не верил в Хозяйку; что он нарушил закон Летних островов, пролив кровь сивиллы. Что в наказание Хозяйка свела его с ума; что теперь, своими скитаниями и проповедями, он расплачивается за совершенное преступление. Знак трилистника, который носили предсказатели, служил на Летних островах грозным предупреждением любому, кто попытается оскорбить сивиллу, посягнуть на ее честь. За убийство сивиллы полагалась смерть, как и за любовь к сивилле; а может быть, и за то, чтобы быть сивиллой… В последнем случае, видимо, имелась в виду смерть при жизни… Смерть тому, кто убьет сивиллу…

— Вот он, великий грешник, поклоняющийся лживым божествам! Вот он, смотрите! — Кривоватая рука проповедника стремительно взлетела

вверх, потрясая указующим перстом.

Лицо Спаркса вынырнуло из-под причала: прицепив внизу лодку, он взобрался по лестнице. Лицо было застывшим, суровым от ненависти и решимости, он не сводил глаз со старика; потом взглянул на Мун. Смерть тому, кто полюбит сивиллу!..

Мун покачала головой, как бы отвечая на иное его, не высказанное вслух обвинение. Но он уже снова отвел глаза, теперь он смотрел на бабушку, как бы стараясь доказать Мун, что все, что было ей дорого, теперь для нее потеряно. Теперь-то она поняла смысл этих слов: смерть — быть сивиллой.

— Но я еще не стала ею. — Она неслышно прошептала эти слова и крепче стиснула зубы.

Кто-то окликнул Спаркса из-под причала; он ответил и подошел к ним с бабушкой. Был он высокий, бледный и очень решительный. Начался отлив; вода отступила далеко от берега, так что отсюда Мун могла разглядеть только верхушки мачт того торгового судна, которое увезет Спаркса. Мачты кивали ему, словно манили к себе.

— Ну что ж, вот мне и пора. Вещи мои уже на борту; корабль готов к отплытию. — Он смотрел себе под ноги, став вдруг каким-то странно

неуклюжим. Обращался он исключительно к бабушке. — Наверное… наверное, нам надо прощаться…

— Готовьтесь к концу!

— Спаркс… — бабушка погладила его по щеке. — Неужели тебе так уж обязательно уезжать сейчас? Хоть бы обождал, пока тетка твоя, Леларк, с моря вернется.

— Не могу. — Он тряхнул головой, противясь ее ласке. — Не могу я. Я должен уехать. Но ведь это же не навсегда… — Он словно боялся, что если задержится хотя бы до завтра, то вполне может и не уехать никогда.

— Ах, мальчик мой любимый… детки мои дорогие… — Бабушка обеими руками обняла их и неловко прижала к себе, как делала с тех пор, как они себя помнили. — Что же я буду делать без вас? Вы были мне единственным утешением на старости лет, особенно когда дед ваш умер… Неужели теперь я должна и вас потерять — да еще обоих сразу? Я понимаю, Мун должна уйти, но ты…

— Покайся, грешник!

Мун скорее почувствовала, чем заметила, как затвердели губы Спаркса, когда он поднял голову и посмотрел на Дафта Найми.

— Мун позвала ее судьба… А теперь и меня зовет моя судьба, бабушка. Только я прежде не знал, что судьбы у нас будут разными. — Он сжал свой медальон в руке, словно давая молчаливый обет, потом вдруг резко отвернулся.

— Да зачем тебе этот Карбункул проклятый! — В устах бабушки это прозвучало как горестный протест. Она сокрушенно покачала головой.

— Это самый обычный город. — Спаркс улыбнулся, обнимая ее за укутанные платком плечи и пытаясь успокоить. — Моя мать привезла оттуда меня. Кто знает, что на этот раз привезу я. Или кого.

Мун отвернулась и так сильно скрутила рукава своей парки, словно собиралась кого-то удушить ею. Ты не можешь так со мной поступить! Она отошла к самому краю пирса, глядя на воду и вдаль, на обросший водорослями каменный причал, возле которого послушно покачивалась, поджидая Спаркса, шлюпка с торгового корабля. Она глубоко вдохнула тяжелый от влаги воздух, еще раз и еще, задыхаясь от запахов залива — водорослей, рыбы, размоченного морской водой дерева, — прислушиваясь к негромкому разговору, доносившемуся снизу, к скрипу, шлепкам волн, шорохам… Только чтобы не слышать!..

— Мир ваш приближается к концу!

— Прощай, бабушка. — Бабушка так стиснула его в объятиях, что голос Спаркса звучал глухо.

Внезапно все вокруг Мун, все, что было до боли знакомым, обрело как бы налет чужеродности, словно она видела все это впервые… Она понимала, что в действительности это, разумеется, не так, что изменилось лишь ее собственное восприятие окружающего. Две соленые, точно морская вода, слезинки скатились по щекам и упали прямо на дно моря, пронзив тридцатифутовую толщу воды. Она услышала, как он прошел мимо нее к лестнице, даже не замедлив шаг.

— Спаркс! — она обернулась и преградила ему путь. — Так и не сказав мне ни слова?..

Спаркс чуть качнулся назад.

— Да нет, мне все понятно. — Она взяла себя в руки, даже умудрилась сказать это с некоторой гордостью, которой на самом деле в ней совсем не осталось. — Но я ведь еще не стала сивиллой.

— Нет. Я знаю. И вовсе не потому… — Голос его сорвался, он сдвинул на затылок свою вязаную шапку.

— Но ведь ты именно поэтому уезжаешь? — Она и сама не могла бы сказать, был ли то простой вопрос или обвинение.

— Да. — Он вдруг потупился. — Наверное, это так.

— Спаркс…

— Но только отчасти — так! — Он выпрямился. — Ты же сама знаешь, меня всегда тянуло туда, Мун. — Он посмотрел на север, туда, где лежал Карбункул. — Я должен найти то, чего мне недостает.

— Или кого? — Она прикусила язык.

Он пожал плечами:

— Возможно.

Она в отчаянии замотала головой.

— Я ведь вернусь сразу, как только свершится обряд посвящения… и все будет по-прежнему, мы по-прежнему сможем любить друг друга! — *Я могу иметь и то, и другое, могу!* — Как и раньше, снова. Как мы с тобой всегда мечтали… — она сама не сознавала, что говорит.

— Эй, парень, — голос со шлюпки донесся до них сквозь рев волн. — Ты идешь? Прилив ведь целый день ждать не будет!

— Сейчас! — хмуро глянул в его сторону Спаркс. — Нет, так не получится, Мун. Ты ведь понимаешь… Ты же знаешь: «Смерть тому, кто полюбит сивиллу…» — голос у него снова сорвался.

— Это просто суеверие! — Глаза их встретились.

И в тот же миг она поняла, что он все знает и разделяет ее опасения, как всегда разделял с ней все: ничто никогда больше не будет как прежде.

— Ты станешь другой, Мун. А я никогда не смогу настолько измениться сам, во всяком случае, пока. — Костяшки его пальцев, сжимавших перила, побелели. — Я не могу оставаться здесь, оставаться таким, как сейчас. Я тоже должен измениться. Я должен расти, учиться… Я должен понять, кто я такой на самом деле. Я раньше считал, что скоро узнаю это — вот стану предсказателем и найду ответы на все вопросы. — Глаза его потемнели от какого-то нового чувства, которое она впервые заметила в нем в потайной пещере на Острове Избранных, когда вернулась к нему от предсказателей. Он завидовал ей, обвинял ее в измене, выталкивал ее прочь из своей жизни.

— Тогда ступай, если причина действительно такова! — Она первой бросила вызов его темным чувствам, боясь отступить перед ними. — Если только тебя не гонит обида, тоска, боль или желание причинить боль мне. Потому что если это так, ты никогда не вернешься назад. — Мужество вдруг покинуло ее. — Ох, мне не вынести этого, Спарки…

Он протянул было к ней руки, но, когда и она

тоже потянулась к нему, вдруг отступил, и руки его бессильно повисли. На нее он не смотрел, отвернулся, качая головой — не простил, не понял, даже не испытал сожаления. И ушел от нее, стал спускаться в шлюпку.

Мун почувствовала, что бабушка подошла, стоит рядом с ней и смотрит, как Спаркс высаживается на палубу судна, как скрывается в каюте… И хотя Мун глаз не сводила со входа в каюту, он так больше на палубу и не вышел. Отдали швартовы, треугольные паруса упали с рей и вскоре наполнились влажным ветром.

Туман начинал рассеиваться, постепенно светлело. Мун было хорошо видно, как по узкому проливу судно-катамаран выходит в море и становится все меньше и меньше. Она услышала, как заработал его мощный двигатель, и почти сразу судно оказалось далеко от берега, нырнуло в густой туман, раза два мелькнув в его наплывах, словно корабль-призрак. Мун вытирала слезы, которые смешивались с осевшими на лицо капельками тумана, и руки у нее стали совсем мокрыми. Растерянно, как лунатик, которого неожиданно разбудили, она оглянулась на бабушку, ставшую вдруг совсем маленькой, согнувшейся под бременем горя, потом посмотрела

поверх ее головы на висящие сети, на лебедки у причалов, на древний, исхлестанный морскими ветрами сарай и дальше — на круто уходящую вверх деревенскую улицу. Где-то там, чуть дальше, был и ее родной дом… а рядом на песке лежала ее шлюпка, готовая унести ее прочь ото всего, что осталось ей в этом мире…

— Бабушка!

Рука бабушки не дрожала, когда она погладила Мун по плечу; старушка видела обнадеживающую решительность в серовато-зеленых глазах внучки и, что было еще важнее, неколебимую веру.

— Что ж, детка, вот он и уехал. Нам остается только молиться, чтобы он снова когда-нибудь отыскал путь домой. А тебя ждет Хозяйка, и чем раньше ты уедешь, тем скорее вернешься ко мне!

Она взяла Мун за руку и повела по пирсу к берегу.

— По крайней мере, этот проклятый старый маразматик уже убрался… — Мун с некоторым облегчением увидела, что Дафт Найми действительно исчез, зато бабушка, опомнившись, поскорее изобразила в воздухе знак священного трилистника, чтобы сгладить кощунственные

слова внучки.

Опущенные уголки губ Мун снова приподнялись, на лице появилось решительное выражение — прежние силы уже возвращались к ней. Пусть Спаркс уплыл в Карбункул… пусть даже назло… Не станет она догонять его вместе с отливом, черт бы его побрал! Там, за морем, лежит остров ее собственной судьбы, той, о которой она мечтала с детства, и прекрасная эта судьба вновь позвала ее. Мун пошла быстрее, таща за собой бабушку.

Глава 4

Спаркс стоял на палубе, прижавшись спиной к мачте, спасаясь от порывов сильного холодного ветра, и слушал, как двигатель корабля сражается с тяжелыми морскими валами. Он смотрел прямо вперед и видел перед собой Карбункул, раскинувшийся у края моря, словно немыслимый сон, словно мечта. Они, казалось, целую вечность шли к нему, взяв курс на север и двигаясь вдоль берегов бесчисленных островов. Он видел, как постепенно этот удивительный город вырастал из скорлупы размером не больше ногтя, превращаясь в гигантскую раковину, которую ему и

сравнить-то было не с чем. Сейчас Карбункул застилал собою и небо, и море, и все вокруг, так что Спаркс почти ничего больше не замечал.

— Эй, парень! — В мечты ворвался грубый голос морского торговца; рука в перчатке легонько хлопнула его по плечу. — Мне, черт побери, еще одна мачта тут ни к чему. Ежели не можешь ничем полезным на палубе заняться, так ступай в каюту, пока совсем не окоченел. — Спаркс услышал, как рядом кто-то рассмеялся, увидел улыбку на загрубелом лице торговца, понял, что тот говорит разумные вещи, и оторвал спину от мачты, потом с треском отодрал примерзшие к обледенелым перилам рукавицы.

— Извини. — Дыхание тут же превратилось в такое густое облако пара, что на мгновение он даже словно ослеп. На нем было столько всего надето — тяжелые морские одежды, — что трудно было шевелиться, и все равно северный ветер пробирал до костей. Карбункул спасало лишь шедшее вдоль западного побережья теплое морское течение, не дававшее водам здесь полностью замерзнуть. Лицо Спаркса совершенно онемело; он даже не был уверен, что у него получилась улыбка, которую он пытался изобразить непослушными губами. — Клянусь Хозяйкой! Целый

город — и как из одного цельного куска вырезан! Разве можно хотя бы вообразить себе такое!

— Твоя Хозяйка не имеет к этому городу ни малейшего отношения, парень. Как и к его жителям. Сроду не имела. Ты всегда помни об этом, пока будешь в Карбункуле. — Торговец покачал головой, глядя в сторону города, и поджал свои обветренные губы. — Да пожалуй… никто на Тиамат толком и не знает, откуда этот Карбункул появился. И зачем. Даже сами инопланетяне, по-моему. Впрочем, они-то вряд ли сказали бы об этом нам, даже если б знали.

— Почему же нет? — Спаркс огляделся.

Торговец пожал плечами.

— А с какой стати им свои секреты выдавать? Они сюда торговать с нами явились — свои машины продавать и покупать наши товары. Нам бы они, конечно, и не нужны были, кабы мы сами умели такие машины делать.

— Наверное, нет, — пожал плечами и Спаркс, разминая закоченевшие пальцы. Эти уроженцы Зимы вечно только и говорили что о торговле — и за едой, и повсюду, даже во сне; и эта тема очень быстро перестала его интересовать. Одна лишь вещь поразила его воображение во время их бесконечного каботажного плавания: то,

что торговцы легко находили общий язык и с островитянами, и с жителями Зимы, будто им было совершенно неважно, сколь существенны различия между ними. — А где же все звездные корабли?

— Звездные — что?.. — Торговец затрясся от смеха. — Ох, только не говори мне… что ожидал, будто ими все небо полно! Ах ты господи! Ты что ж, думал небось, что для каждой звезды свой отдельный корабль существует? Неужели ты и после моих рассказов ни черта не понял? Вы, жители Лета, и впрямь какие-то тупоголовые и к технике совсем не способны — все так говорят!

— Ничего подобного! — Спаркс нахмурился, он чувствовал себя униженным; его онемевшее лицо исказилось. — Я… хотел узнать, где находится Звездный порт, вот и все.

— Ну конечно, конечно, — хмыкнул торговец. — Он, парень, от берега далеко, та территория для нас запретная. — Торговец вдруг посерьезнел. — А ты, Спаркс, хорошо подумал, когда в Карбункул отправился? Ты хоть понимаешь, во что там вляпаешься?

Спаркс ответил не сразу, молчал, глядя на воду. Перед ним вдруг возникло лицо Мун — каким оно было при прощании. Он слышал в криках

морских птиц ее голос. Смерть тому, кто полюбит сивиллу. Внезапно грудь холодным кинжалом пронзила боль. Он вздрогнул и зажмурился; и голос Мун, и ее лицо исчезли.

— Я знаю, что делаю, — ответил он.

Торговец пожал плечами и пошел прочь.

Судно толкалось носом в плавучий причал; на причале застыл Спаркс в позе конькобежца, резко затормозившего прямо посреди спокойной темной глади. Со всех сторон теснились другие, более крупные и тяжелые суда, похожие то ли на гигантских морских обитателей, то ли на длинные водоросли. И надо всем этим, над самим Спарксом, казавшимся ничтожной козявкой, громоздился Карбункул, словно готовое к прыжку чудовище. Его розовато-белые опоры, в каждой из которых свободно мог бы поместиться дом, поднимались из моря подобно фантастическому лесу; выше над ним нависало брюхо города — какие-то бесконечные блоки, лебедки, цепи и немыслимое множество иных приспособлений. Запах моря здесь смешивался с самыми разнообразными и порой куда менее аппетитными запахами, источаемыми подбрюшием города. Широкие причалы ощетинились неведомыми Спарксу устройствами; тоннели уходили из

гавани прямо в утробу Карбункула… Он вдруг подумал о притаившемся в этой утробе чудовищном, ненасытном голоде.

— Ты, парень, держись нижних уровней! — Торговец вынужден был кричать, чтобы Спаркс мог расслышать его среди сотен других громких голосов, звона, стона и грохота, что гулким эхом разносились в этом странном мирке, замкнутом между морем и брюхом Карбункула. — Ты отыщи на аллее Литорина местечко под названием «Гаддерфи»; тамошняя хозяйка тебя и приютит.

Спаркс рассеянно кивнул в знак благодарности и протянул ему руку.

— Спасибо. — Он забросил мешок с пожитками за плечо и поежился, когда порыв холодного ветра вдруг лизнул его своим влажным языком.

— Мы еще дня четыре тут простоим — смотри, если вдруг передумаешь…

Спаркс только головой помотал. Потом повернулся и пошел к лестнице, ведущей вверх, в чрево города. Торговец смотрел ему вслед, пока юноша не скрылся из виду.

* * *

— Эй, ты, с дороги! Ослеп, что ли?

Спаркс шарахнулся в сторону, на груду ящи-

ков, а целый дом на колесах съехал по аппарели прямо у него над головой, медленно перевалил через порожек и стал спускаться туда, откуда сам он только что поднялся. Где-то в вышине, в маленьком окошке, он разглядел личико, слишком крохотное для столь зычного голоса и с совершенно равнодушными глазами — существу в окошке было абсолютно безразлично, убрался он с дороги или нет. Он тупо уговаривал себя, что вот, наконец-то, добрался куда хотел, и все вокруг всамделишное, и техники полно, но почему-то радости при этом особой не чувствовал.

Испугавшись собственных мыслей, он двинулся дальше, по Главной улице, которая, начинаясь внизу, длиннющей спиралью поднималась на самый верх гигантской раковины; теперь он еле брел по самой обочине. Казалось, Главная улица никогда не кончится, так и будет некруто ползти вверх, порой плавно сворачивая, уходя в тоннели, ведущие куда-то внутрь толстенных стен, а изумленные глазищи разинутых дверей складов и прочих хозяйственных помещений будут пялиться на него, словно недоумевая, как он попал сюда. Вокруг был сплошной лабиринт жилых домов, отгороженных от улицы перилами. Неба видно не было — над головой была только

нижняя часть следующего поворота нескончаемой спирали, тускло поблескивающая полосами светящейся краски. Ответвления боковых улочек были похожи на конечности сороконожки или еще какой-нибудь извивающейся твари из того, настоящего мира, который всегда был ему понятен, но теперь остался так далеко, за этими мощными прозрачными стенами, не боящимися никаких штормов.

Он пробирался мимо сложенных в кипы тюков, куч мусора, пустующих магазинов, равнодушных лиц в толпе, стараясь и своему собственному лицу придать непроницаемое выражение. Навстречу ему попадались рыбаки, рабочие, лавочники и прочий трудовой люд в небогатой одежде; впрочем, часто ему трудно было даже вообразить, каков род занятий того или иного встречного. И повсюду попадались еще какие-то бесполые полулюди, которые с лишенной разума четкостью в одиночку выполняли такое количество самой различной работы, что и двоим бы не справиться. Он робко приблизился к одному из них и смущенно спросил: «Как это вы умудряетесь такие тяжести поднимать?» Но существо продолжало грузить упаковочные клети, даже не удостоив его ответом.

Ему уже начинало казаться, что он всю свою жизнь так и бредет по этой бесконечной улице, что давно уже ходит по кругу. Каждая следующая боковая улочка была похожа на предыдущую как две капли воды; он ошалел от шума, от толчеи, от вони и дыма. Дома, способные самостоятельно менять свою конфигурацию, громоздились один под другим, внутри этого огромного муравейника; песок и штукатурка сыпались из их стен; еще совсем новые строения некрасиво кособочились, теснимые другими, куда более древними, почти такими же древними, как само море. Здесь ничто не происходило само по себе — все случалось в двойном, тройном, десятерном объеме, и каждое новое впечатление буквально сбивало с ног. Громада города, нависшая надо всем, казалось, способна была вот-вот сокрушить и хрупкий «потолок» над его головой, и его собственные плечи. Бесконечные катакомбы улиц создавали впечатление подземного лабиринта, они смыкались вокруг него, пока… Помогите! Он бессильно прислонился к странно теплой стене какого-то здания, ногами утопая в мусоре, и закрыл глаза.

— Эй, приятель, с тобой все в порядке? — Его осторожно коснулась чья-то рука.

Он поднял голову, открыл глаза и поморгал,

чтобы прояснилось зрение. Коренастая женщина в рабочем комбинезоне стояла рядом, качая головой.

— Нет, по-моему, милый, ты не в себе. Вон, позеленел совсем. Может, это у тебя от суши «земная» болезнь, морячок?

Спаркс слабо улыбнулся, чувствуя, как зеленоватая бледность на его щеках сменяется румянцем смущения.

— Наверное, — он был благодарен, что хоть голос его не выдал. — Наверное, так и есть.

Женщина склонила голову, чуть нахмурившись.

— Ты ведь островитянин?

Спаркс отшатнулся от нее, прижался к стене.

— Откуда ты знаешь?

Женщина лишь пожала плечами.

— У тебя акцент. Да и никто здесь, кроме жителей островов, не станет ходить в плаще из грязных шкур. Прямо из рыбачьей деревни, да?

Он смущенно разглядывал свой плащ.

— Да.

— Что ж, ничего, не пугайся. Не позволяй большому городу сбивать тебя с ног, мальчик. Ты привыкнешь. Правда ведь, Полли?

— Как скажешь, Тор.

Спаркс подался вперед, вглядываясь в того, кто стоял у женщины за спиной, и впервые заметив, что они с ней не одни.

Там возвышался один из этих металлических полулюдей; его матовая шкура отражала тусклый свет. Интересно, какого пола это существо, подумал Спаркс и заметил, как оно выдвинуло что-то вроде третьей ноги или хвоста и преспокойно уселось на эту подпорку. Вместо лица у него было прозрачное окошко, за которым виднелись панели электронных датчиков.

Тор вытащила из кармана своей кожаной куртки плоскую бутылку и открутила пробку.

— Вот. Укрепляет позвоночник.

Он взял бутылку, сделал глоток… задохнулся и почувствовал, как обжигающая сладость огнем растекается во рту и глотке. Он судорожно сглотнул слюну, и на глазах у него выступили слезы.

Тор рассмеялась:

— Да ты настоящий парень!

Подумав, Спаркс сделал еще глоток, уже не дрогнув, и сказал:

— Неплохо. — И отдал ей бутылку. Она снова рассмеялась.

— Это… как оно… хм… как он… — Спаркс толчком отодвинулся от стены, не сводя глаз с

металлического существа и пытаясь задать вопрос так, чтобы никого не обидеть. — Это что же, у него костюм такой — жестяной?

Тор улыбнулась, заправляя прядь тусклых светло-каштановых волос за ухо. Он догадался, что она, по крайней мере, в полтора раза старше, чем он.

— Нет, но он думает, что это так. Разве я не права, Поллукс?

— Как скажешь, Тор.

— А разве он не… хм…

— Живой? Ну, во всяком случае не настолько, как сам считает. Он серво, автомат, робот — как хочешь, так и называй. Серво-механическое приспособление. Он действует только по приказу человека, хозяина.

Спаркс чувствовал, что не в силах отвести от робота глаз, а потому просто отвернулся. Помолчав, он неуверенно спросил:

— А он не…

— Не рассердится ли он, что мы о нем говорим? Нет, он вообще ничего против людей не имеет, он выше этого. Самый обыкновенный святой. Правда, Полли?

— Как скажешь. Тор.

Она фамильярно обняла робота за плечи, при-

валившись к нему.

— Я сама за ним слежу и могу гарантировать, что у него механизм в полном порядке. Кое-где, правда, коротит, так что у него порой слов не хватает. Ты, может, даже и сам заметил…

— Да, пожалуй… вроде бы. — Спаркс переминался с ноги на ногу, все еще испытывая легкое головокружение.

Тор засмеялась.

— Ну, он хоть, по крайней мере, ругательствами не злоупотребляет. А скажи-ка, где ты это взял? — Она протянула руку к медальону у Спаркса на груди.

— Это мой… — Спаркс отшатнулся. — Я… м-м-м… его у торговца купил.

Тор смотрела на него так, что ему вдруг показалось, будто череп у него стеклянный. Но руку она опустила и вообще не сделала к нему ни единого шага.

— Что ж, сын Лета… может, пока с нами останешься, со мной и с Полли? Немного попривыкнешь к Карбункулу? Между прочим, я как раз с работы иду — мы там, внизу, тоннели осматривали, кое-что проверить нужно было. Вообще-то довольно интересно, иногда немножко страшно, может быть; а глядишь, и парочку подходящих

пари заключишь… У тебя деньги-то при себе есть?

Спаркс кивнул.

— Ну так тебе, может, как раз и выпал час, чтоб их удвоить! Пошли-ка с нами… У меня предчувствие, Полли, что тут-то он как раз и обучится всему, чему нужно.

— Как скажешь, Тор.

Спаркс последовал за ними в боковую улочку, навстречу тусклому свету за толстыми стеклянными стенами, защищавшими город от штормов. Тор остановилась перед неприметной крашенной масляной краской дверью какого-то дома, похожего на склад, и два раза сильно постучала кулаком, потом еще три раза. Дверь сперва приоткрылась едва-едва, потом чуть шире, так, чтобы они смогли протиснуться. И тут же они оказались в непроницаемой тьме. Спаркс дернулся было назад, потом, повинуясь нетерпеливому знаку Тор, все-таки прошел дальше, успев услышать чей-то становившийся все громче говор и понять, что они здесь не одни.

— Ты на сколько ставить будешь? — оглянулась на него Тор; теперь она уже кричала, потому что шум, царивший в огромной комнате, открывшейся перед ними, оглушал. Она передала целую

горсть монет какому-то скрюченному человечку в плаще, остановившись у самого края толпы; люди здесь стояли на коленях, сидели на корточках или просто на полу и были совершенно поглощены тем, что происходило на маленькой арене в центре их круга. Спаркс подошел к Тор, стараясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь плотную завесу едкого дыма.

— А на что ставить-то?

— На Кровавого Корня, на что же еще? Только дурак может на Старла ставить! Ну-ну, давай, посмотрим, на что ты там годишься! — Глаза ее жадно сверкнули — словно электрический заряд, исходивший от толпы, воспламенил и ее.

— В таком случае, слишком многие тебе тут дураками кажутся. — Человек в плаще растянул рот в усмешке и погремел зажатыми в кулаке номерками.

Тор грубо выругалась. Шум толпы за ее спиной усилился было, потом снова стих, словно все звуки вдруг просочились в трещины по темным углам: все чего-то ждали. Спаркс увидел двоих — один был гуманоидом, второй нет; они вынесли на импровизированную арену какие-то странные ящики. Кожа инопланетянина маслянисто блестела, вместо пальцев у него на руках были

щупальца.

— Неужели они собираются…

— Они? Господи, конечно нет! Они только поставщики. Ну же, скорей, ставь свои денежки! — Тор потянула его за руку.

Он пошарил в вещевом мешке и выудил пару монет.

— Что ж, вот… м-м-м, двадцать.

— Двадцать! И это все, что у тебя есть? — Тор явно была разочарована.

— Это все, на что я ставлю. — Он протянул монеты.

Скрюченный человечек взял их без лишних слов и исчез в толпе.

— Эй, а эта штука законом случайно не запрещена? — засомневался было Спаркс.

— Ну конечно запрещена… Расчисти-ка нам дорогу среди этого знатного сброда, Поллукс. Нам нужно место в первом ряду, потому что мы-то как раз из тех, кто здесь действительно большие деньги тратит.

— Как скажешь, Тор. — Поллукс решительно двинулся вперед, получив вполне определенное задание. Спаркс услышал ругательства и вопли боли, отмечавшие продвижение робота сквозь толпу.

— Да не беспокойся ты, это ведь не смертельно опасно, так что строгого запрета нет. — Тор потянула его за собой, и Спаркс обнаружил, что каким-то образом уже оказался в центре толпы. — Здесь и запрещенного-то только импорт иноземных животных.

— Ой, извините… — он наступил на чью-то украшенную драгоценностями руку. Примерно половину «аудитории» составляли рабочие или моряки, зато на остальных в полумраке сверкали самоцветы, а у некоторых кожа была землистого цвета и волосы странным облаком стояли вокруг головы. Ему стало любопытно: неужели это они специально? Тор дернула его за руку, чтобы он сел; они были уже у самой арены. Он подогнул ноги и уселся. Поллукс удобно устроился с помощью своей третьей ноги-подпорки с ним рядом. Сзади послышались крики: «Эй вы, там впереди, сядьте ниже!», на которые робот не обратил ни малейшего внимания. Тор снова вытащила свою фляжку, сделала глоток и передала ее Спарксу: можешь допить.

Дым, висевший над ареной и сочетавший в себе самые немыслимые запахи, окутывал их подобно кокону; Спарксу казалось, что он отделен ото всех непроницаемой стеной. Он поднес

бутылку ко рту и отважно глотнул; там было еще порядком. Горло опять обожгло, он закашлялся. Тор снисходительно потрепала его по коленке.

— Здорово бодрит, правда?

Он усмехнулся и прохрипел в ответ:

— Да уж.

Она убрала руку.

— А остальное потом, потом.

Продолжая время от времени отхлебывать из бутылки, Спаркс повернулся и вместе с Тор стал смотреть на то, что происходило за барьером, отделявшим арену от зрителей. Бесконечное шевеление вокруг вызывало у него легкую тошноту, словно морская зыбь. Затаившаяся, глубинная энергия толпы пела теперь и в его душе, и, когда толпа испустила восторженный вопль, завидев, что поставщики открывают свои ящики, он завопил вместе со всеми.

Если инопланетянин со щупальцами вместо пальцев и показался ему удивительным (хотя, как ни странно, он вдруг совершенно утратил способность чему-либо удивляться), то он, скорее, воспринял его всего лишь как обещание чего-то необычного. И точно — через стенку ящика буквально у него перед носом переливалась масса плетевидных мясистых щупалец; щупальца во-

локли за собой с виду бессильное, похожее на пустой мешок тело, словно покрытое синяками.

— Это Кровавый Корень, — прошептала Тор. Насколько Спаркс мог видеть, головы у существа вообще не было, разве что тело и голова являли собой единое целое, украшенное огромными зазубренными клешнями, прятавшимися среди целого леса щупалец. В наступившей тишине было слышно, как щелкнули эти клешни. На противоположной стороне арены что-то резко метнулось. Спаркс перевел взгляд туда.

— А это Старл, — пробурчала Тор, мотнув головой в направлении какой-то черной тени, на самом деле оказавшейся пятнистым змеевидным извивающимся животным длиной примерно с руку. В луче света блеснули огромные обнаженные клыки твари, и она тонко закричала. Щупальца Кровавого Корня встрепенулись, но сам он остался безмолвным, даже когда Старл первым атаковал его, отодрав полоску кожи с его мешкообразного тела. По-прежнему храня полное молчание, Кровавый Корень сделал яростный рывок и обхватил Старла за узкую голову.

— Яд, — прошипела, ликуя. Тор.

Старл пронзительно закричал, и вопль его заглушил голодный рев толпы.

Спаркс наклонился вперед, словно марионетка, которую дернули за веревочку, и, к своему удивлению, понял, что вопит вместе со всеми, издавая нечто вроде охотничьего клича. Старл вырвался, шлепая по арене всем телом, корчась в судорогах жестокой боли, бросаясь на Кровавого Корня и пытаясь укусить его за щупальца или за мешкообразное вялое тело. Грозные щупальца Кровавого Корня снова взвились в воздух… и восторг толпы, празднующей победу ядовитой твари, превратился в настоящую оргию. Спаркс тоже позабыл обо всем на свете, зачарованный этим танцем смерти.

Казалось, миновала целая вечность, и в то же время все произошло как-то слишком быстро: Старл уже лежал совершенно обессиленный, бока его тяжело вздымались, а Кровавый Корень в последний раз опутывал его своими переломанными в схватке щупальцами, чтобы нанести окончательный удар — смертельный. Спаркс увидел белок дико вытаращенного глаза Старла, красно-белую его пасть, услышал полузадушенный стон, когда клешни Кровавого Корня нашли наконец его горло. Хлынула кровь; брызги ее попали даже на плащ Спаркса и на его залитое потом лицо.

Он отпрянул, утираясь, потом уставился на измазанную кровью ладонь. Ему вдруг совершенно расхотелось смотреть на арену, расхотелось смотреть, как опадает и без того уже ставший плоским пузырь тела Старла, а кровь, или что там еще, снова и снова брызжет из его израненных боков, как Кровавый Корень пьет кровь своей жертвы… К тому же вдруг и голос тоже пропал, и Спаркс не смог присоединиться к вдохновенному хору толпы, изрыгающей проклятья и восторги. Он отвернулся, но укрыться от всепоглощающего безумия зрителей было негде.

— Тор, я…

И обнаружил, что Тор исчезла, и Поллукс тоже… а вместе с ними — и его мешок с пожитками.

* * *

— Говорю тебе, сынок, нет у нас никакой работы для островитян — ты же с машинами обращаться не умеешь, законов не знаешь, да и опыта у тебя никакого. — Чиновник смотрел на Спаркса через окошечко так, словно тот был умственно отсталым ребенком.

— Ну как же я могу чему-то научиться, если меня здесь никто на работу брать не хочет? — Спаркс почти кричал. Он поморщился — даже

звуки собственного голоса отдавались в голове болью.

— Хороший вопрос. — Чиновник погрыз ноготь.

— Это несправедливо!

— А жизнь — вообще сплошная несправедливость, сынок. Если хочешь получить здесь работу, придется отказаться от всего, к чему был привязан на родине.

— Черта с два!

— Ну и отправляйся к себе на острова, к своим вонючим шкурам, и не морочь голову занятым людям! — Человек, стоявший в очереди следующим за Спарксом, оттолкнул его в сторону; в перчатке у этого типа явно была свинчатка, да и кулаки тоже ничего себе.

Спаркс отвернулся и побрел прочь, сопровождаемый злорадным смехом; так, с бюро по найму покончено; теперь — только на улицу. После шторма тучи на небе за толстыми стеклянными стенами рассеялись, над морем горела заря. Впрочем, на улицах Карбункула всегда было светло как днем. И он не сумел отыскать ни одного темного угла, чтобы скрыть свой гнев, отчаяние, свое убожество, когда его вырвало после всего того, что он делал, пил, видел, слышал… Потом он спал

как убитый на куче мусора, и ему снилось, что Мун стоит рядом, смотрит на него и все понимает, и в ее агатовых глазах — сострадание, жалость!..

Спаркс прикрыл воспаленные глаза рукой, силясь отогнать мучительное видение.

Внизу, в конце длинной улицы, в подбрюшии города лежала гавань; там у причала покачивался маленький торговый кораблик, готовый отвезти его домой. Живот у него скрутило от ярости и мучительного голода. И дня еще не прошло, а он уже утратил все, что ему принадлежало, — имущество, идеалы, уважение к себе. Что ж, пожалуйста, ползи домой, на острова, забудь свою мечту и живи там благодаря состраданию и жалости Мун всю оставшуюся жизнь. Он даже скривился от отвращения к самому себе. А может, ему просто дали первый настоящий урок? Может, Карбункул намеренно лишил его никчемных иллюзий, наглядно продемонстрировав, что пока ничего-то у него за душой нет, ничего особенного он из себя не представляет… И горести его во всем этом проклятом городе небезразличны только ему самому. И только от него самого зависит, изменится ли что-нибудь в его жизни или нет.

Остался с пустыми руками… Он беспомощно пошевелил пальцами, отряхнул пыль с мягкой

сумочки, висевшей на поясе, — единственная вещь, которую оставили ему Тор и Карбункул, это его флейта. Он бережно вынул ее, нежно погладил и поднес к губам. И позволил песням той поры, что осталась в невозвратном прошлом, облегчить ему утрату всего остального.

Он бесцельно брел вверх по Главной улице, как бы отгородившись своей музыкой от непрерывной суеты, не прекращающейся даже ночью. Теперь здешние жители начали поглядывать на него, они, похоже, наконец заметили его присутствие. Он, правда, не обращал на это внимания, пока что-то не звякнуло о тротуар прямо у него перед носом. Он остановился и посмотрел вниз. У его ног лежала монета. Он медленно нагнулся, подобрал ее и изумленно сжал пальцами.

— А знаешь, в Лабиринте ты сможешь заработать куда лучше. У тамошней публики и денег в карманах побольше… да и настоящего музыканта она оценить сумеет…

Спаркс изумленно вскинул глаза и увидел перед собой женщину; темные волосы ее были перехвачены повязкой, низко спущенной на лоб, и заплетены в косы. Толпа обтекала их с обеих сторон; у него даже возникло ощущение, будто они стоят на острове. Женщина была примерно одних

лет с его теткой Леларк, а может, на несколько лет постарше; в длинном поношенном платье из бархата, на шее потрепанное боа из перьев. В руке она держала тросточку с набалдашником, который светился красным, как головешка. Она поднесла этот набалдашник к самому его лицу, коснулась его рукой и улыбнулась. На него она не смотрела. Вокруг ее глаз была какая-то странная мертвенная пустота, словно в них чего-то не хватало, какого-то света.

— Кто ты? — спросила она.

Слепая!

— Спаркс… Покоритель Зари… — начал он, совершенно не представляя, куда же ему смотреть, и посмотрел на ее трость. Она, казалось, ждала. — Сын Лета, — договорил он с отвращением.

— А! Я так и думала. — Она кивнула. — Другой столь же печальной музыки в Карбункуле не услышишь. Послушайся моего совета, Спаркс, сын Лета. Отправляйся на верхние уровни. — Она порылась в украшенной перьями сумочке, висевшей у нее на плече, и протянула ему горсть монет, толстых, с дыркой посредине. — Желаю тебе удачи.

— Спасибо. — Он неуверенно коснулся ее руки и, мгновение поколебавшись, взял монеты.

Она кивнула и опустила свою трость, собираясь двинуться дальше. Потом вдруг снова остановилась.

— Заходи ко мне в мастерскую на Цитрусовой аллее. Спросишь, где маски делают, тебе всякий покажет.

Он молча кивнул; потом опомнился и быстро сказал:

— М-м… Конечно. Я, наверно, приду. — И долго смотрел ей вслед.

А потом отправился вверх по Главной улице, в Лабиринт, где фронтоны зданий были разрисованы звездами, бусами, диковинными раковинами и игрушечными крутящимися колесами; где ни расцветка материи, ни фасон платья у прохожих никогда не повторялись дважды; где оглушающие зазывные вопли торговцев обещали рай и ад одновременно и все ступени, расположенные между ними. Отыскав более или менее тихий уголок, где на ветру хлопали пестрые флажки, Спаркс остановился и несколько часов подряд играл свои островные мелодии, то и дело слыша звон монет, которые бросали ему прохожие, — денег в итоге оказалось не так много, как он надеялся, но для начала и это было очень и очень неплохо.

В конце концов аппетитные запахи самых разнообразных приправ, что плыли над улицей, заставили его пойти и потратить некоторое количество заработанных денег на ублажение пустого желудка всякими необычными лакомствами. Потом он скинул привычный плащ и купил себе рубашку из красного шелка и бусы из стеклянных и медных шариков; на эти бусы ушли все последние деньги. Однако, бредя по вечерним улочкам на свой излюбленный угол, чтобы заработать на ночлег, он в душе благодарно помолился Хозяйке за то, что одарила его способностью играть на флейте и все-таки привела в Карбункул. Благодаря музыке он теперь вполне проживет, пока не усвоит все правила здешней жизни…

Четверо инопланетян в космических комбинезонах, проходившие мимо, внезапно окружили его и поволокли куда-то в темную щель между двумя домами.

— Что вам надо?! — Он яростно вертел головой, пока не высвободился из-под руки, зажимавшей ему рот; рука пахла машинным маслом. В тусклом свете он разглядел перед собой еще троих, скаливших зубы в усмешке охотников, настигших жертву; а еще он заметил какой-то явно очень опасный предмет в руках одного из банди-

тов — заморское оружие. Вырваться он не мог: его со всех сторон удерживали чьи-то мощные руки, потом на голову ему обрушился сокрушительный удар и воняющие маслом пальцы сомкнулись у него на горле.

Он резко дернулся назад и вдруг увидел того, кто держал его сзади, а потом услышал болезненный стон, когда пустил в ход собственные локти и тяжелые башмаки. Инопланетянин упал навзничь, грязно выругавшись; и Спаркс, почуяв близкую свободу, уже хотел было позвать на помощь, но человек с оружием опередил его.

Вопль вырвался у Спаркса, он задохнулся, когда черная молния поразила его. Он упал ничком, словно жалкая марионетка, у которой разом оборвали все нити, не в силах даже оберечь голову от удара о тротуар. Но боли он не чувствовал, только тупое головокружение и как бы сухое потрескивание тысячи нейронов, которые перестали передавать сигналы мозга его телу, утратившему способность отвечать и повиноваться. Железная хватка на горле стала еще сильнее, он слышал свой собственный отвратительный хрип — он задыхался…

Кто-то ногой перевернул его лицом вверх. Тот тип с оружием, стоявший в тени, теперь накло-

нился над ним, и на этот раз он хорошо разглядел их хищные улыбки: бандиты заметили ужас у него на лице.

— Ты сколько ему влепил, толстопалый? Он, похоже, задыхается.

— Пусть себе задыхается, жалкий червяк. От того, что будет чуть похуже соображать, цена ему на рынке не убавится.

Тип, которому Спаркс съездил по физиономии, вытер кровь с разбитой губы.

— Да, мальчик хорошенький, это верно. Не то что мой Нозири, скотина. За этого можно получить столько, что хватит заплатить за груз до Ци-пун. — Все засмеялись. На живот Спарксу крепко надавила чья-то нога в ботинке. — А ну-ка дыши, красавчик. Вот так.

Один из них, опустившись на колени, застегнул на его беспомощных руках наручники. Человек с окровавленным ртом тоже опустился на колени, вытащил из кармана фонарик, нажал на кнопку, и узкий лучик света осветил его руку. Вторая его рука полезла Спарксу в рот, отыскивая язык.

— Ну, каково будет твое последнее слово, красавчик?

ПОМОГИТЕ! Но вопль этот прозвучал лишь у него в душе.

Глава 5

— О боги, до чего я ненавижу эту обязанность! — Инспектор полиции Гея Джеруша ПалаТион сердито дернула за полу свой алый плащ, который прищемила дверцей патрульной машины. Машина вздрогнула и остановилась на дворцовой площади — в самом верхнем конце Главной улицы Карбункула.

Сопровождавший ПалаТион сержант посмотрел на нее с иронической полуулыбкой, от которой смешно сморщились светлые веснушки на его тонком смуглом лице.

— Вы хотите сказать, инспектор, что вам не нравятся визиты в королевский дворец? — невинным тоном спросил он.

— Вы прекрасно поняли, что я хочу сказать, сержант Гундалину. — Она еще раз дернула за полу плаща, и тот распахнулся; под ним была обычная полицейская форма серо-голубого цвета. Зато алый плащ был скреплен у горла красивой пряжкой с печатью Гегемонии. — Ах, БиЗед… — она махнула рукой, — я хочу сказать, что ненавижу эти костюмированные представления на тему: «Визит инопланетян к Снежной королеве»!

Гундалину погладил светозащитный козырек своего самого обычного шлема из белого металла. Шлем Джеруши был позолочен. Алого плаща Гундалину тоже не полагалось.

— Вы еще должны радоваться, инспектор, что наш комиссар не пристроил в машину карликовое деревце в горшке, а вам на шлем — консервированные фрукты, чтобы вы могли произвести на здешнюю королеву еще более благоприятное впечатление… Ведь должны же вы как-то внедрять универсальный закон Гегемонии на этой ублюдочной планете, черт бы ее побрал?

— Ох и дерьмо! — По светлым плиткам дворцовой площади, выложенным прихотливым рисунком, они двинулись к массивным парадным дверям. На дальнем конце площади двое слуг — уроженцев Зимы — скребли плитки щетками на длинных ручках. Здесь вечно что-нибудь скребли, чистили, мыли, доводили до совершенства. Не алебастр ли это, полюбопытствовала она, посмотрев себе под ноги, и подумала о песке, летней жаре и синем небе. Ничего этого здесь не было — во всем холодном вылизанном каменном городе. Дворцовая площадь была началом Главной улицы, началом этого мира Зимы. Или его концом. Здесь, над верхними ярусами, были

видны мертвенно-холодные небеса, беспомощно глядевшие на них с Гундалину сквозь толстенные, предохраняющие от любых ветров и дождей прозрачные стены Карбункула.

— Ариенрод не более моего любит эти идиотские визиты. Единственный положительный момент — если она чисто случайно поверит, что мы настолько глупы, насколько хотим казаться.

— Ну а что вы скажете, инспектор, насчет здешних варварских ритуалов и суеверий? Ведь аборигены до сих пор считают чрезвычайно важными и полезными человеческие жертвоприношения. А какие чудовищные маскарады и оргии они устраивают прямо на улицах Карбункула каждый раз, когда члены Ассамблеи прибывают сюда с визитом!..

— А ты, БиЗед, разве не принимаешь участия в параде по случаю прибытия на Харему премьер-министра, который позволяет наиболее отличившимся целовать ему ноги в знак особого расположения?

— Ну, вряд ли это можно сравнивать... К тому же премьер-министр ведь и сам родом с Харему, — Гундалину весь подобрался, словно пытаясь защититься от скверны, — да и наши празднества всегда такие благородные!

Джеруша улыбнулась.

— Все познается в сравнении. И прежде чем бросаться оценками по поводу чужой культуры, сержант, вам следует повнимательнее изучить этнографию планеты, пока не разберетесь, что к чему. — Она специально нацепила маску официальной благопристойности, дав Гундалину возможность оценить ее по достоинству, прежде чем они предстанут перед королевской стражей, которая уже напряженно ждала у дверей, словно тоже участвуя в некоем костюмированном представлении, данном в честь инопланетной полиции. Огромные, потемневшие от времени двери раскрылись перед ними без малейшей задержки.

— Да, мэм, вы правы.

Их начищенные башмаки прогремели по коридору, ведущему в зал Ветров. Гундалину выглядел подавленным. Он провел на Тиамат уже почти целый ее стандартный год и большую часть этого времени был Джеруше незаменимым помощником. Он ей нравился. И, похоже, отвечал своей начальнице взаимностью. Ей представлялось, что он весьма твердо следует намеченным курсом вверх по карьерной лестнице и вскоре будет достаточно компетентным, высшим офицером.

Впрочем, родом он был с Харему, планеты, которая, в сущности, правила всей Гегемонией. Особой властью там пользовались технократы, создававшие в высшей степени изощренное оборудование для всех семи миров Гегемонии. Джеруша подозревала, что Гундалину, младший сын какого-нибудь могущественного технократического клана, был просто вынужден покинуть родину и служить полицейским на чужой планете из-за суровых законов о наследстве, свойственных Харему, но сам он технократ до мозга костей. С некоторой грустью она думала, что, сколько ни заставляй его прокручивать видеозаписи по культурной ориентации, все равно терпимости такого человека не научишь.

— Ну что ж, — сказала она куда более мягким тоном, — я, пожалуй, назову тебе одного человека в маске, который действительно соответствует всем твоим предубеждениям по поводу аборигенов, да и моим тоже. Это Звездный Бык. Впрочем, он инопланетянин, кем бы или чем бы по сути своей ни был здесь, на Тиамат. — Она взглянула на фрески, украшавшие стены зала; на них были изображены леденящие душу сцены из жизни Зимы. Джеруша попыталась определить, сколько раз подобные сцены воспроизводили

здесь вновь и вновь. Однако из головы не шел Звездный Бык — этот негодяй, что вечно стоит по правую руку королевы и как бы прячет усмешку под своим проклятым капюшоном и маской при виде полицейских — инопланетных пташек с подрезанными крыльями.

— Он носит маску по той же причине, что воры и убийцы, — мрачно изрек Гундалину.

— Да, весьма похоже. Живое доказательство того, что ни одна планета не обладает монополией на духовный регресс… И ведь этот подонок практически на вершине власти! — Джеруша замедлила шаг: ей показалось, будто в брюхе планеты сонно вздохнул какой-то великан. Она и сама глубоко вздохнула, с неприязнью ожидая очередного Испытания Ветром, которое тоже было частью ритуала во время визитов во дворец, и даже в теплом плаще дрожала от холода, ибо воздух вокруг стал вдруг ледяным. Ей никогда не удавалось полностью избавиться от страха и изумления в этом странном месте, называемом залом Ветров.

Она заметила, что у моста, перекинутого над пропастью, их ждет один из придворных, и была рада, что королева хоть на этот раз оказалась достаточно предусмотрительной. Чем меньше

думать о пропасти, тем легче через нее перейти. Возможно, присутствие придворного означало, что Ариенрод пребывает в хорошем настроении или же просто слишком занята чем-то более важным. Джеруша хорошо знала, сколь разветвленную систему шпионов создала королева в этом городе и особенно здесь, в собственном дворце. Ариенрод очень нравилось ставить ловушки, способные полностью деморализовать противника… а еще — Джеруша нисколько в этом не сомневалась — королеве приятно было видеть, как ее жертвы покрываются испариной от страха.

Джеруша узнала Кирарда Сета, старейшего из представителей древних родов Тиамат, фаворита королевы. По слухам, он пережил уже целых четыре визита членов Ассамблеи, однако лицо его под причудливо закрученным тюрбаном казалось совсем еще юным.

— Старейший! — Джеруша немного смущалась, приветствуя его так и с горечью сознавая, что у нее самой вокруг глаз уже появились «гусиные лапки»; однако от этих мыслей ее тут же отвлек то ли стон, то ли зов, донесшийся из пропасти и похожий на голодный хохот проклятого и нераскаявшегося грешника в аду. Кому только пришло

в голову построить этот Колодец? Каждый раз, приходя сюда, она задавала себе один и тот же вопрос. Ей казалось порой, что в стонах ветра на самом деле слышатся стоны строителей этого зала, тех древних людей, которые выдумали и создали весь этот город-призрак на самом севере планеты Тиамат. Никому не ведомо, кто они были такие, что делали здесь до того, как рухнула их великая межзвездная империя, по сравнению с которой теперешняя Гегемония кажется крохотным государством.

Если бы сейчас она могла оказаться где-нибудь на Летних островах, то попыталась бы, возможно, отыскать предсказателя и получить ответ на эти вопросы, пусть невнятный, невежественный, но все-таки ответ. Здесь, на Тиамат, на дальних островах предсказатели странствовали, подобно магам иных миров, считая, что их устами говорит великая Богиня — Мать Моря, Хозяйка. Однако мудрость их была подлинной и не искаженной современной цивилизацией, ибо автохтонное население Тиамат давно утратило понимание того, откуда эта мудрость и эти знания на самом деле взялись и зачем существует город Карбункул. В самом Карбункуле никаких предсказателей не было — по законам Гегемо-

нии, охотно поддерживаемым жителями Зимы, испытывавшими отвращение ко всему «примитивному», им появляться там было запрещено. Хорошо рассчитанная и обретшая здесь благодатную почву пропаганда Гегемонии заставляла обитателей Карбункула верить, что пророчества сивилл — это всего лишь смесь шарлатанства и болезненного безумия. Никто, даже правители Гегемонии, не решились бы уничтожать предсказателей в обитаемых мирах… однако Гегемония приложила немало усилий, чтобы сделать Карбункул практически недоступным для них. Они были носителями утраченной мудрости Старой Империи и предназначались для того, чтобы дать новым цивилизациям, возникшим на ее обломках, ключ от дверей в хранилище ее тайн. А уж чего могущественная и ныне процветающая Гегемония не желала, так это видеть, как Тиамат пробуждается ото сна, набирается сил, становится способной даже отказать порой инопланетянам в поставках «живой воды».

Джеруша вдруг живо припомнила того единственного предсказателя, которого когда-либо встречала в Карбункуле, — это было лет десять назад, вскоре после ее прибытия сюда. Она видела все от начала до конца — именно ей было

приказано проследить за изгнанием несчастного из города — и шла вместе с вопящей толпой, гнавшей своего перепуганного, протестующего соотечественника вниз, к пристани, чтобы посадить в лодку и отправить в море. На шее у предсказателя был «ведьмин воротник», утыканный шипами, а люди подталкивали его вперед длинными баграми, справедливо опасаясь, что его зло перейдет на них.

А потом, уже спускаясь по крутой лестнице к причалам, они толкнули его слишком грубо, и он упал, и шипы вонзились ему в шею и нижнюю часть щеки; из открытых ран обильно потекла кровь. Кровь, которой так сильно боялась эта толпа, заливала ему рубаху (а рубаха была небесно-голубого цвета; ее тогда поразила красота этого контраста), и, перепуганная до смерти, как и все остальные, она лишь смотрела. Как он сидит и стонет, прижав руки к горлу, но не сделала ничего, чтобы помочь ему…

Гундалину нерешительно коснулся ее локтя. Она удивленно вскинула на него глаза и встретилась с чуть насмешливым взглядом Старейшего.

— Скажите, когда будете готовы, инспектор.

Она кивнула.

Старейший поднес к губам маленький свисток,

висевший у него на шее на цепочке, и ступил на мост. Джеруша последовала за ним, глядя только вперед и зная, что увидит, если посмотрит вниз, и вовсе не желая увидеть это: ужасную шахту, ведущую к рабочим механизмам самодостаточного производственного городского цикла, то есть того, что, насколько ей было известно, ни разу городу не понадобилось в течение последних тысячелетий. Там же находились лифты, дававшие техникам возможность беспрепятственно попадать на любые уровни города. Гигантский воздушный столб как бы пронизывал полую сердцевину спирали, вокруг которой расположился Карбункул, заканчиваясь в зале Ветров. Здесь было единственное место в городе, где путь штормовым ветрам был преграждён не полностью. Яростные ветры открытого пространства с бешеной скоростью врывались в эту громадную трубу, как бы высасывая воздух из ее подземных пустот. Здесь, в зале Ветров, на большой высоте в воздухе всегда чувствовался сильный запах моря и слышались его стоны, пока сам ветер ощупывал шероховатости и углубления в стенах шахты.

Над шахтой в воздухе парили прозрачные панели, похожие на громадные, вечно меняющие свою форму мобили, способные то вздыматься

подобно облакам, то создавать предательские боковые потоки воздуха, способные сбить человека с ног. Существовал лишь один путь, ведущий через этот зал к самым верхним уровням города и дворца: легкий разводной мост, светящейся лентой взлетающий над бездной. Мост был достаточно широк, и по нему было бы нетрудно пройти при спокойном воздухе; но это становилось смертельно опасным, когда вокруг начинали свирепствовать жадные вихри.

Старейший издал с помощью своего свистка какой-то определенный звук и уверенно шагнул вперед: воздух вокруг него сразу же застыл. Джеруша буквально по пятам следовала за ним, испытывая непреодолимое желание во что бы то ни стало спрятаться вместе с Гундалину внутрь этого пузыря полного штиля. Старейший продолжал идти спокойным ровным шагом, потом свистнул еще раз и еще. Штиль по-прежнему окружал их со всех сторон; но Джеруша, не оборачиваясь, услышала, как Гундалину выругался себе под нос: видимо, чуть замешкался, и ветер тут же лизнул ему спину.

Это же безумие! Именно такие слова без конца вертелись у нее в голове. Она не могла избавиться от отвращения и ужаса, всегда охватывавших

ее при переходе через эту бездну. Что за маньяк придумал подобную забаву? — думала она, понимая, что подобная технологическая ловушка способна поглотить и самого ее создателя, даже если шахта строилась исключительно с целью безопасности города. На том уровне развития техники, который допускался Гегемонией на планете Тиамат, подобное препятствие действовало достаточно эффективно. Какой бы бессердечный безумец ни создал Колодец, он, как подозревала Джеруша, более чем успешно служил и нынешней королеве Зимы.

Они уже достигли середины моста. Джеруша по-прежнему не сводила глаз со спины Старейшего, слушая непохожие один на другой слабые посвисты этого «заклинателя ветров», удерживавшие смертоносный вой где-то во вздыхающей тяжко глубине. Впрочем, то были отнюдь не магические чары, а всего лишь включение автоматического контроля створок, которые то сдвигались, то раздвигались под воздействием конкретного акустического сигнала; в данном случае во благо тем, кто шел по мосту, а не во вред им. Понимая это, она не слишком-то доверяла механизму, особенно если учесть возможность того, что человеку вообще свойственно ошибаться, а в столь

древней системе и подавно могли произойти определенные сбои. Некогда, видимо, существовали специальные приборы дистанционного управления, выполнявшие ту же функцию, что и дующий в свисток человек; однако, насколько ей было известно, последний из таких действующих приборов висел на поясе у Звездного Быка.

Наконец-то безопасность. Ее башмаки ощутили под собой спасительную твердь. Пропасть осталась позади. Джеруша с трудом удержалась от невыносимого искушения позволить ватным коленям подогнуться; ей ужасно хотелось сесть прямо на пол. Гундалину, лицо которого было покрыто крупными каплями пота, с улыбкой поглядывал на нее. Интересно, а он тоже старается не думать о том, что придется возвращаться обратно? Джеруша заметила, что даже в походке шествующего впереди них Старейшего ощущается триумф победителя.

Вскоре они вошли в зал Приемов, находившийся как бы в самой вершине спиралевидного города; зал этот поражал своими размерами. Джеруше казалось, что здесь свободно может поместиться целая вилла с ее родной планеты Ньюхевен. Воздушные занавеси из искусственного волокна с морозными узорами на пастельном

фоне свисали с изящных арок между стройными колоннами и, покачиваясь, издавали мелодичный звон — к ним были прикреплены тысячи крохотных серебряных колокольчиков, искусно сделанных вручную.

Весь пол в зале был застлан заморским белоснежным ковром — и на противоположном конце этого белого поля на троне своем восседала Снежная королева, божество во плоти, хищный снежный ястреб с когтистыми лапами, и вокруг нее, казалось, царил леденящий холод. Джеруша машинально запахнула плащ поплотнее. «Холоднее, чем в Кару», — пробормотал Гундалину, потирая руки. Старейший знаком велел им остановиться и ждать, а сам прошел вперед, чтобы доложить об их прибытии королеве. Джеруша не сомневалась, что эта женщина с темными холодными глазами под короной очень светлых, почти белых волос уже отлично обо всем осведомлена, хотя и не выдала себя ни единым движением, а продолжала смотреть в пространство перед собою, как бы не видя их. В который раз она поражала Джерушу этой своей способностью; однако, внимательно проследив за взглядом королевы, она вдруг заметила тонкий лучик света.

— Ух ты! — выдохнул Гундалину, когда на ковер

неожиданно с криком вывалились сплетенные тела господ придворных; впрочем, комок этот тотчас же распался. — Это что же, дуэль?

Он не мог поверить собственным глазам. Джеруша стиснула пряжку с эмблемой Гегемонии, еле сдерживая злость. Неужели королеве настолько наплевать на межпланетную полицию, что кровавый спектакль по ее приказу разыгрывается прямо в присутствии полицейского инспектора? Она уже открыла рот, чтобы протестовать, требовать… Но еще до того, как сумела отыскать нужные слова, увидела, что «жертва», лежавшая ничком, перевернулась и села; на лице ее не было заметно ни единого волдыря, ожога или пятнышка крови, способного испачкать дивной белизны ковер. Это была женщина. Пышные причудливые одежды, принятые у здешней знати, делали порой невозможным сразу определить пол человека. Вокруг дамы воздух едва заметно колебался: ясно, защитное поле. «Жертва» грациозно поднялась на ноги, склонилась перед королевой в изысканном поклоне, а все остальные зааплодировали, смеясь от удовольствия. Гундалину снова выругался, теперь уже, правда, тише, но с отвращением. Когда придворные расходились, Джеруша заметила среди них человека

в черном, холодный блеск металла и поняла, что изображал убийцу сам Звездный Бык.

Боги! Какими пресытившимися полудурками нужно быть, чтобы пытаться сжечь человека просто ради смеха? Они играли с оружием, способным не только искалечить, но и полностью уничтожить, не лучше разбираясь в назначении того или иного механизма, чем избалованный любимец пес в драгоценностях, которыми зачем-то украшен его ошейник. Да, но чья в том вина, разве не наша? Ариенрод вдруг остро глянула в ее сторону, и Джеруша не успела скрыть лицо под маской равнодушия. Странного цвета глаза спокойно смотрели прямо на нее; королева улыбалась. Выражение лица самой Ариенрод приятным назвать было никак нельзя. Кто сказал, что любимый пес не понимает, какой на нем ошейник? Джеруша глаз упрямо не отводила. Или, что дикарь не понимает, зачем придумана та ложь, что превращает его в недочеловека?

Старейший объявил об их прибытии и уже пятился от трона, поскольку в зал вошел Звездный Бык, заняв свое обычное место. Его скрытое маской лицо также было обернуто в их сторону — видимо, ему интересно было узнать, какое впечатление произвел на них разыгранный спек-

такль. Все мы в душе дикари.

— Можете подойти ближе, инспектор ПалаТион. — Королева подняла тонкую руку.

Джеруша сняла шлем и шагнула вперед, Гундалину держался чуть позади. Она была уверена, что сейчас ничего, кроме минимального официального почтения, прочесть на ее лице нельзя, как и на лице ее спутника. Придворные выстроились в сторонке, приняв те изысканные позы, которые так часто изображались на привозимых торговцами голографиях, с нескрываемым равнодушием наблюдая, как Джеруша приветствует королеву. Почему-то ей вдруг подумалось: отчего они так любят играть со смертью? Все эти люди явно были фаворитами королевы — лица совсем юные, и лишь богам известно, сколько этим старикам на самом деле лет. Все всегда говорили ей одно и то же: те, кто пользуется «живой водой», желают во что бы то ни стало сохранить свою вечную юность. Может ли действительно наступить такой момент, когда испытаешь все, чего желал в жизни? Нет, для этого даже и полутора сотен лет не хватит. А вдруг они просто ничего не подозревают, вдруг Звездный Бык не предупредил их о грозящей опасности?..

— Ваше величество… — Она глянула искоса

на Звездного Быка и мгновенно перевела взгляд на королеву, восседавшую на троне. Прелестное девичье лицо казалось сейчас насмешливой маской — из-за слишком мудрых, слишком много видевших глаз.

Ариенрод чуть приподняла палец, этим едва заметным движением как бы призывая молчать.

— Я решила, что с сегодняшнего дня, являясь сюда с визитами, вы будете преклонять колена пред королевой Зимы, инспектор.

Джеруша прикусила губу. Ей потребовалось несколько секунд и очень глубокий вдох, чтобы прийти в себя.

— Я офицер межпланетной полиции, ваше величество. Я присягала на верность Гегемонии. — Она умышленно смотрела как бы сквозь Ариенрод, мимо нее — куда-то на спинку трона. Тщательно заделанные швы в зеркально гладкой поверхности, светящиеся внутри камня спирали и затертые трещинки приковывали ее взор, точно магический лабиринт: причудливое искусство, порожденное в недрах Карбункула странной смесью очень различных культур.

— Но Гегемония оставила ваше подразделение на Тиамат для того, чтобы вы служили мне, инспектор. — Голос Ариенрод заставил ее

вновь посмотреть на королеву. — Я требую всего лишь того уважения, которым пользуется любой правитель независимой территории. — Слово «независимая» она произнесла с чуть заметным нажимом.

— Ну и требуй, черт бы тебя побрал! — это Гундалину почти неслышно проворчал у Джеруши за спиной; взгляд королевы молнией метнулся к нему, запечатлевая лицо юноши в своей памяти. Звездный Бык почти лениво спустился на одну ступеньку — лазерное ружье все еще болталось у него на руке, затянутой в черную перчатку. Но королева снова шевельнула пальцем, и он замер, безмолвно повинуясь.

Джеруша колебалась, чувствуя и возникшее вокруг восхищенное изумление, и то, как дрожит от негодования у нее за спиной Гундалину. Моей задачей шляется сохранение мира. Она чуть наклонила голову к Гундалину.

— Ну хорошо, БиЗед, — сказала она почти так же тихо, как говорил он, но все-таки не настолько тихо. — Мы преклоним перед королевой колена. В конце концов, это не такое уж неразумное требование.

Гундалину пробормотал что-то на незнакомом ей языке, глаза у него потемнели. Звездный Бык

крепче стиснул свое страшное оружие.

Джеруша снова повернулась к королеве, ощущая на себе взгляды всех присутствующих, более уже не безразличные, а давяще-настойчивые, потом преклонила одно колено и склонила перед Ариенрод голову. Через секунду у нее за спиной послышался шорох и скрип кожи — это Гундалину тяжело опустился на пол за ней следом.

— Ваше величество…

— Можете встать, инспектор.

Джеруша одним движением поднялась.

— А ты нет! — Голос королевы звучал резко; она смотрела мимо Джеруши на Гундалину, который тоже начал было подниматься. — Ты будешь стоять на коленях до тех пор, пока я не позволю тебе встать, инопланетянин. — При этих словах Звездный Бык, словно воплощение воли королевы, выдвинулся вперед и сжал рукой в черной перчатке плечо Гундалину, заставляя его оставаться коленопреклоненным и прошипев что-то на том же, незнакомом Джеруше, языке. Она стиснула руки под плащом, потом заставила себя чуть расслабиться и резко сказала:

— Убери от него руки, Звездный Бык, не то я арестую тебя за оскорбление офицера полиции.

Человек в черном улыбнулся — она заметила,

как нагло блеснули его глаза в прорезях маски, — но не двинулся с места, пока королева жестом не приказала ему отойти.

— Вставай, БиЗед, — тихо сказала Джеруша, с трудом сохраняя спокойствие, и протянула руку, помогая Гундалину подняться; она чувствовала, что он прямо-таки дрожит от бешенства. На нее он не смотрел; веснушки на смуглом лице покраснели от прилившей крови.

— Если бы это был мой подданный, он был бы наказан за подобную дерзость более сурово. — Ариенрод наблюдала за ними теперь уже с совершенно бесстрастным выражением лица.

Мы и так уже достаточно сурово наказаны. Джеруша отвернулась от Гундалину, подняла голову.

— Он гражданин Харему, ваше величество; и здесь он полностью отвечает за собственные поступки. — Она пристально посмотрела на Звездного Быка, который все еще стоял с нею рядом.

Королева улыбнулась, и на этот раз в ее улыбке было едва заметное восхищение.

— Хм, так, может, действительно комиссар ЛиуСкед посылает вас сюда с отчетами не просто как женщину-полицейского, а?..

Что ж, оказывается, и ты не всеведуща. Дже-

руша чуть улыбнулась одними губами, как бы самой себе.

— Прошу прощения, ваше величество, но я вынуждена предупредить, что… — Она неожиданно резко повернулась и ловко выхватила лазерное ружье у Звездного Быка. — Видите ли, это весьма опасное оружие, а не игрушка. — Короткий приклад удобно лег в руке; ружье было нацелено прямо на Звездного Быка, и он, едва шевельнувшись, застыл на месте; Джеруша слышала возбужденное перешептывание придворных. — Из энергетического оружия, ваше величество, никогда нельзя целиться во что-то или в кого-то просто так, если вы, конечно, не хотите, чтобы ваша цель была уничтожена. — Она видела, как от напряжения напряглись, взбугрились мускулы на руках Звездного Быка. И опустила ружье. — А индивидуальное защитное поле в каждом пятом случае оказывается недостаточно прочным при прямом попадании, тем более из лазерного оружия. Вашим придворным следует помнить об этом всегда.

Королева весело рассмеялась; Звездный Бык, вытянув шею, скосил глаза в ее сторону; глаза его огоньками просвечивали сквозь прорези в маске.

— Благодарю вас, инспектор, — кивнула ей Ариенрод, делая пальцами какое-то забавное движение. — Но мы всегда хорошо представляем себе пределы и возможности вашего инопланетного оборудования и механизмов.

Джеруша сделала вид, что слова королевы не вызвали у нее ни малейших сомнений, снова подняла ружье и для начала прицелилась прямо в Звездного Быка.

— Ты еще пожалеешь об этом, сука, — еле слышно, только для нее одной прошипел он. Вырвал у нее ружье, оцарапав ей ладонь, и быстрым шагом отошел к трону.

Она невольно поморщилась.

— А теперь, ваше величество… с вашего разрешения я все-таки представлю вам отчет комиссара ЛиуСкеда об уровне преступности в городе.

Ариенрод кивнула и положила руку на плечо Звездного Быка — так хозяин успокаивает разнервничавшуюся собаку. Придворные начали потихоньку исчезать, пятясь, чтобы не поворачиваться к королеве спиной. Джеруша с трудом подавила желание сочувственно улыбнуться им. Этот отчет имел для королевы не больше значения, чем сотни предшествующих или тех, что последуют за этим. Впрочем, сама-то она

вскоре будет вообще неизвестно где… Джеруша включила диктофон, висевший у нее на поясе, и услышала голос своего начальника, перечислявшего количество разбойных нападений, ограблений, арестов, обвинительных приговоров, имена инопланетных и местных преступников и жертв. Слова текли бессмысленной цепочкой звуков, отдаваясь в мозгу, пробуждая уже знакомые сомнения и сожаления… Бессмысленно… все совершенно бессмысленно.

Полиция Гегемонии представляла собой полувоенную организацию, имевшую своих представителей на всех планетах для защиты интересов самой Гегемонии и граждан той или иной планеты… или, точнее, для защиты интересов местных властей. Здесь, на Тиамат, с ее крайне низким уровнем технологии и разбросанным по всей территории немногочисленным населением (половина которого к тому же едва ли вообще учитывалась Гегемонией), силы полиции равнялись по сути дела одному полку, расквартированному главным образом на космодроме и в Карбункуле.

Да, здесь они существовали действительно как бы с подрезанными крыльями, пребывая в полной зависимости от местных законов; в их обязанности входили только такие мелочи, как

разбор пьяных драк, арест всяких воришек и бесконечная череда вытирания носов и проведения душеспасительных бесед, тогда как буквально у них на глазах совершались вопиющие злодеяния, и притом совершенно безнаказанно, и наиболее гнусные преступники продолжали преспокойно встречаться в злачных местечках Лабиринта, где чувствовали себя как дома.

Премьер-министр может, конечно, символизировать собой Гегемонию, но он более не способен управлять ею, держать ее под контролем, как это было когда-то. Если такое вообще когда-то было. Все связи внутри Гегемонии контролируются экономикой, торговлей: купцы и торговцы — вот ее настоящие корни; а их единственным божеством является Выгода. Впрочем, есть разные виды торговли и разные торговцы… Джеруша снова посмотрела на Звездного Быка, небрежно прислонившегося к правому подлокотнику королевского трона: живой символ странного сговора Ариенрод с силами тьмы и света одновременно, а может — и манипулирования этими силами… В Звездном Быке как бы сконцентрировалось все самое отвратительное и злое, что было в Карбункуле и его обитателях.

Преступление и наказание на Тиамат — прежде

всего в Карбункуле, — как и на других планетах Гегемонии находились в юрисдикции двух судов: местного, в котором председательствующий избирался жителями Зимы и действовал в соответствии с местными законами, и Верховного. Полиция щедро снабжала зерном обе эти мельницы, и, по мнению Джеруши, зерна должно было быть значительно больше. Но Ариенрод не только терпела, но даже, пожалуй, приветствовала существование на планете некоего подпольного мирка, этакого лимба, нейтральной зоны, удобной и для инопланетян, и для местной знати. И комиссар ЛиуСкед, напыщенный, всегда готовый лизать чужие сапоги жалкий солдафон, явно не способен был понять, что с этим нужно решительно бороться. Ах, если б у нее самой был соответствующий чин и хотя бы половина полномочий ЛиуСкеда…

— Вы можете как-то прокомментировать этот отчет, инспектор?

Джеруша чувствовала себя до странности прозрачной под взглядом Снежной королевы. Она выключила диктофон — удобный повод, чтобы спрятать глаза.

— Нет, ваше величество. — Я ни слова не скажу о том, что ты хотела бы узнать. Что хоть как-то

могло бы прояснить твое положение.

— А неофициально, Гея Джеруша? — тон королевы изменился.

Джеруша посмотрела ей в лицо, такое открытое, прелестное: лицо настоящей женщины — не маска королевы.

Такому лицу почти можно было поверить… ей почти показалось, что за всеми этими ужимками и предательствами прячется настоящий, реальный человек, до которого можно дотронуться… почти. Джеруша через плечо глянула на Звездного Быка, стоявшего у трона, — пажа королевы, ее любовника. И вздохнула.

— У меня нет неофициального мнения на этот счет, ваше величество. Я здесь представляю Гегемонию.

Звездный Бык сказал что-то на незнакомом ей языке; по тону она догадалась, что это ругательство или какая-то грубость.

Королева засмеялась — звонким, невинным смехом. И махнула рукой.

— Что ж, в таком случае можете идти, инспектор. Если мне понадобится еще порция консервированных заверений в лояльности, я велю инопланетянам привезти мне коппока. По крайней мере, его перья будят у окружающих

воображение.

Появился Старейший, поклонился и повел полицейских прочь из королевских покоев.

* * *

Джеруша застыла посреди дворцовой площади, не сводя глаз с патрульной машины. Ветровое стекло было точно паутиной покрыто бесчисленными трещинами: так, прямое попадание. Значит, вот до чего дошло?

— Ну уж на этот счет у меня и неофициальное мнение нашлось бы! — Она коснулась было изуродованного стекла, потом решительно взялась за ручку двери. — Но черт меня побери, если я стану устраивать им спектакль! — Она плюхнулась на вращающееся сиденье рядом с Гундалину, который уже взялся за руль. — А вообще-то, — она опустила боковое стекло, — я вряд ли смогла бы сейчас придумать, что сказать ей, кроме того, что устала, что испытываю такое ощущение, будто меня пожевали и выплюнули. Иногда хочется все-таки знать, несем мы здесь за что-то ответственность или нет? — Она пошарила в кармане в поисках пакетика с йестой, вытряхнула пару стручков на ладонь и стала жевать плотную кожистую мякоть, чувствуя,

как кисловатый, резкий на вкус сок проникает внутрь, как расслабляются натянутые нервы. — Ну, все-таки полегче… Хочешь? — Она протянула пакетик Гундалину.

Он напряженно вглядывался вперед сквозь оставшиеся неповрежденными кусочки стекла. Он уже давно молчал; молча шел назад через зал Ветров — словно по пустой улице; да и сейчас не отвечал ей.

Она убрала пакетик.

— Вы в состоянии вести машину, сержант? Или, может, лучше мне? — Столь внезапная смена тона заставила его вспыхнуть.

— Да, инспектор. Конечно в состоянии! — Но глядел он по-прежнему прямо перед собой. Она видела, что ему страшно хочется прибавить что-то еще; он судорожно, с трудом сглотнул, словно разозлившийся ребенок. Машина вырулила со стоянки, чуть подала назад и, развернувшись, двинулась вниз по Главной улице.

— Что сказал Звездный Бык сразу перед тем, как королева отослала нас прочь? — Джеруша старалась говорить равнодушным тоном. Она еще могла кое-как разобраться в идеографической письменности Харему — инструкции по эксплуатации присылаемой ими техники тре-

бовали подобных знаний, — однако никогда не затрудняла себя изучением разговорного сандхи. Полицейские обычно пользовались языком «планеты пребывания».

Гундалину прокашлялся и снова судорожно сглотнул.

— Прошу прощения, мэм, но эта скотина сказала: «У членов Ассамблеи, видно, яйца больше головы, если они посылают в качестве своих представителей таких ублюдков».

— И это все? — Джеруша хмыкнула, ей стало смешно. — Черт побери, это же почти комплимент!.. Удивительно, что королеве подобные слова показались смешными. Интересно, а она действительно хорошо их поняла? Может, она не понимает, что это прежде всего касается ее самой?

— Ну она же полностью в его лапах! — злобно пробормотал Гундалину.

На этот раз Джеруша рассмеялась.

— О да! И в лапах инопланетян тоже. Значит, Звездный Бык родом с Харему?

Гундалину кивнул.

— Что он сказал тебе?

Гундалину только головой помотал, не глядя на нее.

— БиЗед, ты ведь знаешь, меня вряд ли можно чем-либо удивить в этом гнусном городе.

— Я знаю, инспектор. — В конце концов он все-таки взглянул на нее, и тут же веснушки его от смущения порозовели… — Но этого я вам повторить не могу. Ни за что. Это могут понять только те, кто родился и вырос на Харему. Это вопрос Чести.

— Понятно. — Она и раньше слышала от него нечто подобное о Чести с большой буквы. Видимо, он придавал этому понятию какое-то не совсем понятное ей значение.

— Я… спасибо вам, что вступились за меня в этой стычке со Звездным Быком. Мне самому все равно недопустимо было долее отвечать на его оскорбления, не теряя своего лица и не нанося ущерба Чести. — Джеруша изумилась его церемонной речи и искренней благодарности, звучавшей в голосе.

Она посмотрела в окно: благородные господа и их слуги глазели на полицейских из-за ставен, прикрывавших окна богатых домов верхнего города.

— Честь не может пострадать, если оскорбление наносит человек, вообще о чести представления не имеющий.

— Благодарю вас. — Он резко вильнул, чтобы объехать катившийся прямо на них золотистый игрушечный обруч какого-то малыша. — Я сам во всем виноват, это понятно. К тому же я явился причиной недовольства вами и полицией вообще. Если вам больше не потребуется моя помощь, я вас отлично пойму.

Она откинулась на мягкую округлую спинку сиденья, поудобнее уложила пораненную Звездным Быком руку.

— А может, тебе лучше просто больше не ходить со мной во дворец с этими отчетами, БиЗед? И никакого особого недовольства твоим поведением я не ощущаю. Просто теперь у Звездного Быка есть против тебя козырь, так что тебе придется трудно, а стало быть, будет труднее и мне — особенно трудно будет не дать им вывалять в грязи доброе имя межпланетной полиции. Если честно, ты мне нравишься, БиЗед; неприятно будет, если тебе захочется от меня уйти. — Хотя в этом отношении ты будешь не первым. По лицу его скользнула слабая довольная улыбка.

— Нет, мэм. Я совершенно не собираюсь никуда уходить… вовсе нет! А вот стоять за вашей спиной во время визитов к этой королеве действительно очень противно. — Улыбка его стала шире.

Она кивнула.

— Я понимаю. Неужели ты думаешь, что мне самой это не надоело и никогда не хотелось кого-нибудь послать вместо себя? Тебя, например? — Она усмехнулась, чувствуя, что ей стало легче. Расстегнула свой тяжелый парадный плащ и с отвращением стряхнула его с плеч; потом сняла шлем, сделанный из позолоченной, причудливой формы раковины. — Боги! Ведь эта реликвия прямо-таки просится на священное дерево! До чего же мне все здесь осточертело! Ничего другого не хочется — лишь бы честно служить где угодно — там, где требуется полиция, а не потешный полк!

Гундалину оглянулся на нее — теперь уже без улыбки.

— А почему бы вам не перевестись?

— А ты представляешь себе, сколько времени занимает оформление перевода? — Она покачала головой, бережно положив шлем на колени и расстегивая воротник парадного мундира. Потом вздохнула. — И кроме того, я уже пробовала. Ничего не вышло. Я им, видите ли, «нужна здесь». — В голосе ее звучала горечь.

— А почему бы вам вообще не уволиться?

— А почему бы тебе вообще не заткнуться?

Гундалину снова с повышенным вниманием уставился на дорогу. Теперь они спустились в Лабиринт и еле ползли по его запруженной народом территории. Небо за толстыми прозрачными стенами уже окрасилось в закатные тона. Джеруша смотрела на плетущихся по тротуарам оборванцев, на отвратительно яркие витрины — все это вдруг показалось ей насмешкой над ее собственными высокими целями и устремлениями… Неужели она действительно готова пожертвовать чем угодно, лишь бы иметь настоящее дело? Неужели готова рискнуть даже тем довольно высоким чином, который, как ей было известно, ЛиуСкед присвоил ей исключительно из-за этих визитов к Снежной королеве? Она сердито сунула темно-каштановый локон за левое ухо. В конце концов, через какие-то пять лет все здесь переменится. Гегемония покинет Тиамат, и тогда ее, Джерушу, пошлют куда-нибудь еще — не все ли равно куда, где угодно будет лучше, чем здесь. Терпение и еще раз терпение — вот и все, что нужно. Боги свидетели, женщине вообще нелегко сделать карьеру, да еще в качестве полицейского; даже сейчас ей вряд ли светит сколько-нибудь высокий пост.

Они проезжали мимо боковой аллеи, где все

— стены зданий, фонари, флажки на столбах — было окрашено в лиловато-синие тона: аллея Индиго… Ее ведь тогда послали на Тиамат именно потому — в этом она была практически уверена, — что она женщина; и поначалу ее это даже привлекало. Но вскоре восторгов поубавилось. Она вообще пошла на службу в полицию, потому что эта работа нравилась ей, вот только делать эту работу как следует здесь почему-то никак не удавалось…

Она краем глаза успела заметить, что в переулке что-то не так. Почуяла тревогу.

— БиЗед, назад! Включи прожектор! Надо посмотреть вон в том проезде… — Она нахлобучила шлем, быстро застегнула ремешок под подбородком и рывком открыла дверцу машины. — Скорей, за мной. — И выскочила на улицу, не дожидаясь, пока патрульная машина припаркуется у въезда в темноватую улочку. Воздух был пропитан ароматами кухни; весь узкий тупичок по обе стороны был точно норами изрыт входами в забегаловки, которые, несмотря на обеденное время, были почти пусты. Немногочисленные посетители, казалось, вжались в стены при виде красного огня патрульной машины и серо-голубых мундиров. Неладно было явно где-то здесь,

где-то совсем недалеко… Джеруша замедлила шаг, нащупывая кнопку индивидуального освещения на своем шлеме, потом нырнула налево, в черную трещину, за дом, низ которого занимали три магазинчика сразу. Слабый фонарик помогал мало: сперва ей удалось разглядеть только груду каких-то металлических цилиндров и ящиков. Сзади к ней тихо подошел Гундалину… Потом она услышала голоса…

В самой глубине щели она разглядела троих — нет, четверых, даже пятерых; один сидел на корточках над распростертым на земле человеком, явно жертвой, и светил себе карманным фонариком.

— Не двигаться! — Она выхватила оружие.

— Легавые! — Замешательство, явный испуг и очень странные движения, которые ей особенно не понравились.

Она выстрелила, при вспышке успев заметить, как один из бандитов выронил свой пистолет и упал.

— Я же сказала: не двигаться! Вставай, ты, с бритвой! Давай ее сюда, живо! — Она чувствовала рядом плечо Гундалину, готового в любую минуту выстрелить, и полностью сосредоточилась на типе с бритвой. Сложенная бритва перелетела на

тротуар и со стуком упала к ее ногам. — На землю! Ничком, ничком, я сказала! Руки в стороны! БиЗед, проверь-ка их зубки. Я тебя прикрою.

Гундалину быстро прошел вперед; она внимательно следила, пока он приседал возле каждого по очереди, обыскивая их в поисках оружия. Потом взгляд ее невольно упал на того, кто стал жертвой бандитов и лежал неподвижно на боку. Нахмурившись, она сделала несколько шагов, чтобы рассмотреть его лицо повнимательнее.

— Ото… — В тусклом свете она разглядела копну спутанных рыжих волос и белые от ужаса глаза парнишки; он дышал хрипло, с трудом. Джеруша опустилась возле него на колени. Гундалину обыскивал уже последнего работорговца. — БиЗед, поищи-ка у них ключи от наручников. Здорово парнишке досталось, пожалуй, стоит ему обезболивающее ввести. — Она открыла свою сумку и вытащила одноразовый шприц. — Не знаю, парень, видишь ли ты мое лицо, но сам теперь можешь улыбаться во весь рот. Теперь все в порядке. — Она, улыбаясь, расстегнула у него на груди рубашку и ввела лекарство прямо под грудину. Он слабо застонал, то ли протестуя, то ли от боли. Она положила его голову поудобнее себе на колени. Вскоре к ним подошел Гундалину,

позвякивая ключами, и снял с парнишки наручники. Руки того висели как плети.

— Пожалуй, кое-кому они куда больше пригодятся. — Гундалину усмехнулся и тряхнул наручниками. Джеруша кивнула.

— Точно. — Она отстегнула вторую пару наручников, висевших у нее на ремне, и протянула ему. — Эти вот тоже сгодятся. Всем сестрам по серьгам — согласно закону.

Гундалину отошел к бандитам. Джеруша видела, как двумя парами наручников он сковал вместе трех работорговцев. По телу юноши вдруг пробежала дрожь; он с каким-то отчаянием хватал воздух ртом. Потом на лице его отразилось облегчение, ресницы плотно сомкнулись, скрыв диковатые, цвета морской волны глаза. Она бережно отвела влажные рыжие кудри с его лица.

— Включи-ка приемник, БиЗед: нам нужна еще одна машина — не запихнешь же всю эту шваль на заднее сиденье. Надеюсь, для нашего юного друга это приключение закончится благополучно.

Гундалину кивнул.

— Я тоже надеюсь.

Работорговец, которому он как раз скручивал руки за спиной, поднял голову и злобно сплю-

нул.

— Женщина! Баба, черт меня задери! Ничего себе вляпался! Взяла тепленьким какая-то баба!

Гундалину весьма неласково пнул его тяжелым ботинком, бандит выругался. Джеруша прислонилась к стене, удобно прицелившись в него с колена.

— И никогда не забывай об этом, сукин ты сын! — спокойно сказала она. Может, нам никогда не добраться до сердца той мерзости, что опутала Карбункул, но уж несколько-то щупальцев этой гадины мы точно обрубим.

Гундалину пошел к машине. Если кого-то из местных и заинтересовало происходящее, то вопросов они не задавали; ни один даже не остановился. Джеруша была уверена, что тот, кому это действительно интересно, давно уже все знает. Раненый юноша издал странный звук, словно пробуя голос, и невольно схватился за горло и грудь. Потом открыл глаза и снова зажмурился: свет лампочки на шлеме Джеруши бил ему прямо в лицо.

— Ты сесть-то можешь?

Он кивнул, опершись на руки, приподнялся и с ее помощью сел, прислонившись спиной к стене. Из носа у него ручьем хлынула кровь, глубокий

порез на груди тоже кровоточил; лицо и рубашка были покрыты какими-то жирными пятнами. На шее болтались остатки сломанных бус.

— Господи… я ведь только что все это купил! — Глаза у него казались стеклянными.

— Упаковка — не главное; главное — товар сохранить… — Она умолкла, заметив среди обрывков бус тускло блеснувшую Медаль Чести. — Где ты это взял? — И сама удивилась настойчивости собственного тона.

Он прикрыл медаль рукой, словно желая спрятать ее.

— Это мое!

— Никто этого и не отрицает… Смотри, береги ее! — Краешком глаза она заметила подозрительное движение в быстро вскинула оружие. Тот работорговец, что был ближе других к Главной улице, попытался вскочить со скованными за спиной руками. — Лежать! Лицом в землю, урод! Не то будешь валяться тут, как этот мальчишка только что валялся! — Бандит шлепнулся ничком, изрыгая в ее адрес проклятия.

— Он… — заговорил было юноша и зажал рот рукой. — Он хотел… отрезать мне… Они собирались продать меня! Они сказали, что… я буду… — он содрогнулся; она ждала, пока он возьмет себя

в руки.

— Немые ведь ничего рассказать не могут… хотя там, куда тебя бы отправили, все равно никто не понял бы ни одного твоего слова. Так что им было все равно… Да ладно, не стоит вспоминать об этом. — Она нежно пожала его тонкую руку. — Такое тут частенько случается. Ладно, хоть этим мерзавцам руки обрубили. А ты что ж, инопланетянин?

Его рука снова сжала медаль.

— Да… То есть я хотел сказать — нет. Моя мать здешняя. А отец — с другой планеты… — Он все еще щурился из-за слишком яркого света.

Она постаралась не проявлять удивления.

— И эта медаль принадлежала ему, — закончила она за него, словно ей было совершенно безразлично, где на самом деле он раздобыл эту редкую вещь. Впрочем, ее куда больше заботило только что предотвращенное преступление. — Но ведь ты-то вырос на Тиамат? Ты-то себя кем считаешь?

Он вытер рот, растерянно хлопая глазами.

— Гражданином Тиамат, наверно. — Голос его звучал неуверенно.

Вновь появился Гундалину; лампочка на его шлеме словно помогла ей отогнать подальше

тени и тьму.

— Они будут с минуты на минуту, инспектор. — Она кивнула. Гундалину подошел к юноше. — Ну, как дела?

Парнишка уставился на покрытое светлыми веснушками смуглое лицо Гундалину, чуть ли не раскрыв рот, прежде чем сообразил, что ведет себя вроде бы не совсем прилично.

— Нормально… Спасибо… спасибо вам! — Он снова повернулся к Джеруше, и, встретившись с ней взглядом, опустил глаза. Потом снова посмотрел на шее. — Я не знаю, как мне… я только… спасибо.

— Ты хочешь нас отблагодарить? — Она улыбнулась; он кивнул. — Будь поосторожнее, когда по улицам ходишь. И всегда будь готов поклясться, что являешься гражданином Тиамат. — Она улыбнулась Гундалину и встала. — Так, тут не только нападение на несовершеннолетнего и насилие, но и попытка увезти гражданина Тиамат за ее пределы. Ты знаешь, БиЗед, мне становится все лучше и лучше.

Гундалину рассмеялся.

— А кому-то все хуже и хуже. — Он кивнул в сторону бандитов.

— Но неужели?.. — Юноша с огромным трудом

поднялся, тяжело опираясь о стену дома. — Неужели я никогда не смогу побывать на другой планете, даже если очень захочу?

Гундалину успокаивающим жестом потрепал его по плечу. Джеруша взглянула на часы.

— Нет, ты как раз, возможно, и побываешь. Если твой отец действительно был инопланетянином. Впрочем, тебе придется это доказать. И, разумеется, если ты когда-либо покинешь Тиамат, то никогда не сможешь сюда вернуться… А вообще — все сам у любого юриста выяснишь.

Юноша посмотрел на нее враждебно.

— А почему бы и нет? Если вы сами свободно прилетаете сюда, то почему не разрешаете нам летать, куда хочется?

— Потому что уровень культуры и цивилизации на вашей планете пока что слишком низок, — в тон ему ответил Гундалину.

Юноша пристально посмотрел на инопланетян-работорговцев, потом снова на Гундалину. Гундалину нахмурился.

Джеруша включила диктофон.

— Если не возражаешь, я запишу кое-что с твоих слов. А потом подумаем, как доставить тебя в медицинский центр и…

— Мне ничего не нужно. Со мной все в по-

рядке! — Юноша гордо выпрямился, одергивая рубаху.

— Знаешь, в данном случае медикам лучше судить… — Она остро глянула на него, заметив угольки, тлевшие в глубине зеленых глаз. — Впрочем, как хочешь. Только тогда уж, по крайней мере, отправляйся домой и хорошенько выспись. Да, еще одно: нам необходимо знать, где тебя найти. Назови, пожалуйста, свое полное имя.

— Спаркс, Покоритель Зари, сын Лета.

— Сын Лета? — Она слишком поздно заметила легкий акцент островитянина. — И давно ты в этом городе, Спаркс?

— Не очень. — Он пожал плечами и отвернулся.

— Хм. Это многое объясняет. А зачем ты приехал в Карбункул?

— А что, это тоже противоречит вашим законам? — насмешки он не скрывал.

— Да нет, насколько мне известно. — Она услышала, как Гундалину неодобрительно фыркнул. — Ты где-нибудь работаешь? Если да, то чем именно занимаешься?

— Я уличный музыкант. — Юноша вдруг начал судорожно ощупывать складки рубахи, ремень, тротуар… — Нет!.. Нет! — Его лицо и руки словно

вдруг окаменели. Один из работорговцев засмеялся, и Спаркс кулаком ударил его прямо в зубы.

Джеруша быстро схватила его за плечо и оттащила прочь.

— Ну, хватит, сын Лета… Тебе тут, видно, здорово досталось, никто ведь даже не объяснил тебе правила игры… Да никто и не сумеет, вот ведь в чем проблема. Отправляйся-ка ты назад, на свои мирные острова, где время пока что ведет себя спокойно. Поезжай домой, сын Лета… и подожди еще каких-то пять лет. После Смены Времен Года тебя здесь встретят с распростертыми объятиями.

— Я знаю, что делаю!

Черта с два ты знаешь. Она посмотрела на его разбитое лицо, на сломанную флейту, которую он по-прежнему сжимал в руках.

— Ну, раз в настоящий момент ты лишен средств к существованию, тебе может быть предъявлено обвинение в бродяжничестве. Если, конечно, ты не уедешь из города в течение ближайших суток. — Все что угодно, только бы отправить тебя подальше отсюда, прежде чем. Карбункул загубит еще одну жизнь.

Юноша смотрел на нее недоверчиво, потом его гнев вспыхнул с новой силой, и она поняла, что

проиграла.

— Я не бродяга! Спросите у нее… Мастерская масок на Цитрусовой аллее — я там живу.

Джеруша услышала шум приближающейся патрульной машины, потом топот полицейских в переулке.

— Ну хорошо, Спаркс. Если у тебя есть где жить, то, наверное, тебя можно просто отпустить домой. — Вот только домой-то ты и не пойдешь, глупец. — Но я все-таки хочу, чтобы ты дал показания при свидетелях, как полагается, чтобы мы могли уничтожить эти поганые личинки. Пожалуйста, зайди завтра в полицию; уж такую-то малость ты для меня можешь сделать?

Юноша с упрямым видом кивнул и шагнул куда-то во тьму. Она, собственно, и не надеялась когда-либо снова увидеть его.

Глава 6

— Что ты хочешь этим сказать? Как это ты не знаешь, что случилось с мальчиком? — Ариенрод наклонилась вперед, уставившись на склоненную перед ней лысину торговца. Ее пальцы, как когти, впились в подлокотники кресла.

— Простите, ваше величество! — Торговец

посмотрел на нее взглядом затравленного грызуна. — Я не подумал, что вам и о нем тоже знать интересно, не только о девочке. Я ему посоветовал дойти к Гадерфи, но он туда не пошел… Если хотите, я весь город обыщу… — Голос его сорвался.

— В этом нет необходимости. — Ей удалось сказать это вполне миролюбиво, она не желала, чтобы старик где-нибудь случайно встретил свою смерть. — Мои способы куда более эффективны. Я сама найду его, если он мне понадобится. — Наверное, именно этим мне и придется заняться. — По твоим словам, он решил приплыть сюда потому… что Мун… стала сивиллой, а он был Избранными отвергнут? — Как все-таки трудно называть чужим именем себя. — Что же он надеялся найти в Карбункуле?

— Не знаю, ваше величество. — Торговец мял в руках конец кожаного ремня. — Но я ведь уж говорил вам, они друг другу клятву дали и всегда были вместе. По-моему, слишком он гордый и очень страдал, потому что не мог с ней вместе во всех этих фокусах участвовать. Да и отец у него — инопланетянин, Спаркс всегда эту свою медаль носит… Странный он какой-то.

Ариенрод кивнула, не глядя на него. Все эти

годы он приносил ей вести о двух детях, что росли вместе, с ранних лет влюбленные друг в друга, связанные невидимой нитью верности… Которой, возможно, стоит воспользоваться, чтобы притащить девчонку сюда, в Карбункул, и отвлечь ее от нелепого увлечения предсказателями. Она не могла винить Мун: та лишь стремилась достигнуть вершины своего ограниченного мирка, что доказывало, насколько обе они похожи. Однако слепая вера сделала девушку совершенно невосприимчивой к заманчивым рассказам торговца о замечательной технике, которой обладают жители Зимы, зато мальчик весьма этим интересовался; возможно, сказывалось то, что отец его с другой планеты. Но, по крайней мере, Мун никогда не возражала против увлеченности Спаркса техникой — в отличие от любой другой дочери Лета, будь та на ее месте. И Ариенрод догадалась, что терпимое отношение к любви этих детей поможет ей подготовить Мун к первому контакту с развитой технологией Зимы, поможет и самой Мун вступить на уготованный ей путь. Хорошо хоть девчонка не забеременела — жители Лета специально выращивают противозачаточные травы и отлично умеют ими пользоваться. Если бы мальчишка оказался здесь, во дворце, и

ждал появления Мун…

— Ты уверен, что Мун «учится» сейчас у этих предсказателей на их далеком острове? Что она там в безопасности?

— Может быть, там даже безопаснее, чем где-либо еще на Летних островах, ваше величество. К моему приезду она, возможно, уже и в Нейт вернется.

— И, по-твоему, сивиллы, которых ты видел, не совсем безумны?.. — В голосе ее звучало недоверие. Она надеялась, что успеет привезти девочку во дворец, пока та еще не заразилась этой «болезнью»; однако опоздала…

— Нет, ваше величество. — Он покачал головой. — Они все были в здравом уме; я ни одной не видел, чтоб не в себе была. — Он явно ничего не опасался, и это приободрило ее.

Ариенрод внимательно изучала мозаику прямо над головой у торговца. Пока девочка сохраняет ясный ум, остальное не имеет значения. В какой-то степени эта ее болезненная приверженность может потом оказаться даже плюсом, послужить ей в будущем защитой, ведь сивилле жители Лета будут доверять значительно больше. Ариенрод снова посмотрела на торговца.

— Ну хорошо, отвезешь ей весточку от братца.

Я напишу… Мне нужно, чтобы она приехала в Карбункул. — Причем по собственной воле; островитяне никогда не простят похищения сивиллы.

Торговец по-прежнему смотрел в пол; она не видела его глаз, однако заметила, что лицо его исказила легкая судорога.

— Но, ваше величество… коли она теперь сивилла, так, наверно, побоится сюда приехать…

— Она приедет, — улыбнулась Ариенрод. — Уж я-то знаю: приедет непременно. — Если сочтет, что ее возлюбленному грозит опасность, на крыльях примчится! — Ты сослужил мне отличную службу… — она вдруг поняла, что не помнит его имени, — …торговец. И тебе полагается хорошее вознаграждение. — Боги! Я, должно быть, старею! Ее улыбающиеся губы чуть дрогнули. Она нажала в определенной последовательности несколько светящихся кнопок в подлокотнике кресла. — Я полагаю, ты вскоре узнаешь, что все твои долги полностью выплачены.

— Благодарю вас, ваше величество! — Она видела, как трясутся его дряблые щеки, когда он расшаркивался перед нею, и ненавидела его за столь очевидную старость, за признаки разрушения плоти, неизбежно с годами проявляющиеся

у всех людей — кроме нее самой. Пока что.

Она отпустила торговца, даже не упомянув о том, что он должен молчать об их встрече. Он был ее хотя и дальним, но очень преданным родственником; и неважно, что он там подумает о своем поручении; ей было ясно: он никогда ни о чем не спросит и никогда не предаст. Во всяком случае, такую щедрую хозяйку.

Когда он ушел, Ариенрод встала — она принимала его в своих личных покоях — подошла к двери, ведущей в соседнюю, более просторную комнату, и, распахнув створки, увидела, что Звездный Бык уже ждет ее. Она не ожидала увидеть его там.

Вместе с ним были его Гончие — амфибии с планеты Ци-пун, идеально приспособленные для охоты на сообразительных меров. Гончие собрались стаей в дальнем углу комнаты, отрывисто переговариваясь и жестикулируя своими щупальцами, заменявшими им руки.

Сам Звездный Бык облокотился о массивный стол у левой стены с обычным высокомерным видом… слишком близко от двери, пожалуй. Уж не подслушивал ли он? Она решила, что, скорее всего, так оно и есть и что, в общем-то, ей это безразлично.

Звездный Бык был весь в черном, однако не в своем изысканном придворном костюме, а в весьма удобной для подводной охоты облегающей одежде с подогревом; на поясе висел кинжал в ножнах; когда Звездный Бык выпрямился, свет блеснул на смертоносном металле. Он поклонился сдержанно, но с должным почтением; впрочем, не раньше, чем она показала, что заметила и жадное внимание, и вопрос в его темных глазах.

— Уже отправляетесь? — Она ничем ему не ответила, голос ее звучал холодно.

— Да, ваше величество. С вашего любезного разрешения.

Она терпеть не могла, когда он начинал разговаривать подобным образом — с вывертами и приседаниями.

— С удовольствием даю вам свое любезное разрешение на это. — Да, потрошитель мой, мой Охотник, ставший мне чересчур близким. Ты не первый в длинной веренице Звездных Быков и, возможно, не последний. — И чем раньше вы отправитесь, тем лучше. На этот раз вы будете охотиться в заказнике Вайавейз.

— Да, ваше величество. На островах сейчас ясная погода, и она, похоже, продержится… — Он поколебался, потом подошел к ней совсем

близко. — Пожелай мне удачной охоты… — Рука его нежно поглаживала плечо Ариенрод сквозь тончайшую ткань.

Он чуть приподнял свою маску, и она поцеловала его, притянув к себе руками, — то было обещанием более высокой награды.

— Доброй охоты!

Он кивнул и повернулся, чтобы вместе со своими Гончими отправиться на поиски вечной жизни — обретаемой в смерти.

Глава 7

— Ввод информации…

Океан воздуха… горы камней. Она плыла, летела… Будто чужими глазами смотрела на уходящие в немыслимую высь стены из полосатого, бороздчатого камня, закручивающиеся вокруг нее, словно воронка, и вновь обретала простор над изрытой каньонами горной страной, страной каменных кружев, точно созданных неведомым искусным резчиком-великаном. Камни, камни — фиолетовые, зеленые, алые, серые… Сама Мун находилась в утробе похожего на прозрачную птицу воздушного корабля, летевшего над самой землей; сверкающие диски и кнопки с незнако-

мыми символами мерцали перед ней на панели, и она не сумела до них дотянуться, когда перед ней вдруг выросла отвесная стена из пурпурного камня…

Воздушный корабль сам резко взмыл вверх, оставив позади горный хребет и тут же нырнув в глубокую пропасть. У нее закружилась голова. Что-то там на панели замигало красным, загудело и не умолкало до тех пор, пока полет снова не выровнялся. Откуда она сюда явилась, на какой планете существует это загадочное море камня — ни одной из этих загадок она никогда не сможет отгадать, ответить для себя на бесконечные «кто?», «как?», «почему?»… Над головой небо было совершенно безоблачным, ярко-синим, темнеющим в зените, и в нем плыло только одно небольшое серебристое солнце. Нигде не сумела она заметить воды…

— Ввод информации…

Океан песка, Бесконечность песчаного пляжа, целое море дюн, чьи волны застыли в вечном движении под вечным ветром… Ее корабль волнообразными движениями летел теперь над этими песками, и она не была уверена — сидя в шлеме у горнила, полного огня, верхом на закованной в латы спине чудовища, — живой он, этот

«корабль», или нет…

— Ввод информации…

Океан людей. Толпа колыхалась вокруг нее на перекрестке двух улиц, напирая, таща людей за собой, точно приливная волна — мелкие камни. Мимо нее с лязгом и грохотом проносились машины, застревая потом в чудовищных пробках, заставляя ее задыхаться от вонючих выхлопных газов, оглушая… Темнолицый незнакомец, с ног до головы одетый в коричневое, в шляпе с высокой островерхой тульей, в сверкающих ботинках, схватил ее за руку и громко спросил у нее что-то на незнакомом ей языке. Она увидела, как лицо его внезапно переменилось, и он выпустил ее руку…

— Ввод информации…

Океан ночной тьмы. Полное отсутствие света и жизни… ощущение микрокосмической вечности… осознание того, что в этой крохотной вселенной что-то происходит… и понимание собственной неспособности когда-либо проникнуть в тайную суть происходящего, вне зависимости от того, сколько еще раз она будет возвращаться к этой полночной пустоте, к этой безжизненности, кажущейся полной и абсолютной…

— …конец анализа! — Слова эти эхом отдались

у нее в ушах, голова с облегчением упала на грудь. Мун судорожно вздохнула, вновь возвращаясь в привычный мир. Стоя на коленях, откинулась назад, расправляя затекшие мышцы спины, глубоко вдыхая воздух и отчетливо ощущая каждый незначительный отклик собственного тела на эту возвращенную действительность.

Наконец она решилась открыть глаза и сразу, к великому своему облегчению, увидела, как из противоположного угла комнаты ей ободряюще улыбается Данакиль Лю, сидящий в грубо сколоченном деревянном кресле. Теперь уже, погружаясь в Транс, она способна была сама контролировать собственное тело — ее больше не нужно было держать или даже привязывать. Она с усталой гордостью улыбнулась своему наставнику и уселась на тканой циновке, скрестив ноги.

В дверь заглянула Клавалли, заслонив тот луч солнца, что так приятно согревал спину Мун. Мун поежилась, но тут следом за Клавалли в комнату ворвался новый луч — из широкого окна. Клавалли как-то рассеянно погладила Данакиля Лю по вечно встрепанным каштановым волосам. Он был спокойный, почти застенчивый человек, однако отлично ладил с Клавалли, легко сносил

ее вечные причуды и лишь смеялся в ответ на ее капризы. Он порой просто поражал Мун своим полным несоответствием всему на этом острове — особенно внутри этих грубых хижин из пористого камня… Она понятия не имела, откуда он родом, но иногда замечала в его глазах тоску по тем, неведомым ей, местам или какой-то невысказанный вопрос, обращенный к ней, Мун, словно он где-то ее уже видел, словно они уже встречались раньше, только он никак не может вспомнить где, и это не дает ему покоя. На шее и на щеке у него были безобразные шрамы, будто оставленные когтистой лапой зверя…

— Ну, что же ты видела? — Вопрос был традиционным: Клавалли и Данакиль Лю специально задавали ей вопросы, на которые легко было ответить, чтобы научиться контролировать свое состояние после Транса и привыкнуть управлять своим телом и разумом. Их самих когда-то учили так же. Мун уже усвоила, что никогда не сможет точно припомнить, что именно отвечала на тот или иной вопрос, заданный ей непосредственно перед погружением в Транс: едва услышав первые слова, она мгновенно уносилась в мир видений, начинала падать в черный колодец — бездонный, как сама смерть… а потом ее окружал

переменчивый мир снов, порождаемых тайной сущностью совершенно иного бытия. Каждый из заданных вопросов каким-то мистическим образом не только проявлялся в отдельном видении, но при этом с нею оставались связанными Клавалли или Данакиль Лю; они помогали ей не только погрузиться в Транс, но и уменьшить шок, порой чудовищный, от увиденного или узнанного ею.

— Я снова попала в Ничто. — Мун тряхнула головой, как бы освобождаясь от остатков воспоминаний, от тех теней, что все еще шебуршились у нее в голове. Первое, чему ее научили после прохождения обряда инициации, — это устанавливать телепатические барьеры и сосредоточивать внимание на чем-то конкретном, чтобы не сойти с ума, разом получив доступ ко всем тайным мыслям Хозяйки, и быть способной прочесть одну лишь конкретную ее мысль: ответ на заданный сивилле вопрос. — Почему мы чаще всего попадаем именно туда? Это словно утонуть…

— Не знаю, — ответила Клавалли. — Может быть, мы и тонем… Говорят, у тонущих тоже бывают видения…

Мун поежилась.

Наставники засмеялись. Клавалли присела на корточки возле Данакиля Лю, растирая ему плечи с какой-то рассеянной нежностью; ожерелье из морских раковин у него на шее мелодично позвякивало. От промозглого холода, что царил по ночам в домах на острове, у него буквально мертвели руки и ноги, он страдал от ужасных болей, но никогда не жаловался. Может быть, это потому… Мун теснее сжала руки между колен, глядя на них обоих.

— Ты отлично владеешь собой, Мун. — Данакиль Лю улыбнулся одновременно и ей, и Клавалли. — Ты с каждым разом все успешнее входишь в Транс — у тебя очень сильная воля.

Мун рывком заставила себя встать.

— Я, пожалуй, немного пройдусь, подышу воздухом, — собственный голос казался ей слабым и тонким. Она быстро вышла из комнаты, понимая, что нужен ей вовсе не свежий воздух.

Она почти бегом спустилась по тропе на берег узкого залива, где у причала стояли лодки; потом пошла по краю заросшего сине-зелеными водорослями и продуваемого всеми ветрами мыса. Тяжело дыша, бросилась на толстую, густо просоленную естественную подстилку, зарывшись в нее ногами и, видя перед собой южный утес, где

жила, словно птица небесная в орлином гнезде, в течение долгих месяцев. За морем в голубой дымке виднелись холмистые очертания главного Острова Избранных, младшим братишкой которого был этот их островок… Она вдруг необычайно живо вспомнила последнее погружение в Транс и связанное с этим видение, которое, по воле Хозяйки, навсегда отделило ее от Спаркса. Мне ничуть не жаль! Она сильно замахнулась кулаком, но ладонь тут же раскрылась, и удар оказался больше похож на шлепок по влажным водорослям.

Она поднесла руку к самому лицу и стала внимательно рассматривать тонкую белую линию у запястья, где во время инициации Клавалли металлическим серпиком сделала надрез сперва ей, а потом — себе. Данакиль Лю сложил их руки так, чтобы кровь обеих женщин смешалась и единой струей потекла на землю, а сам тем временем пел гимн Матери Моря. Это было здесь, на этом самом месте. Здесь, на берегу бескрайнего моря, она была посвящена Хозяйке, и ей на шею повесили колючий трилистник; здесь они поздравили ее со вступлением в новую жизнь, а потом все по очереди испили морской воды из священной чаши; здесь, после совершения обряда, она получила

право стать членом их святого братства. Она дрожала от страха, ее бросало то в жар, то в холод — она чувствовала рядом с собой присутствие Хозяйки… и, в конце концов, она упала без чувств и очнулась лишь на следующий день, все еще чувствуя в теле слабость и жар, а в душе — напряженное ожидание и восторг. Она оказалась одной из немногих избранных: по количеству шрамов на запястьях у Клавалли и Данакиля Лю можно было сделать вывод, что до нее они посвятили не более полудюжины неофитов. Мун сжала в руке трилистник, вспомнив, что Спаркс тоже всегда оберегал свою медаль — символ того, что их разделяло. Ощупывая острые края трилистника, она устало думала: смерть тому, кто полюбит сивиллу… смерть — стать ею…

Но ведь любовь среди предсказателей не запрещена! Мун оглянулась, завистливо подумав о том, что в ее отсутствие Клавалли и Данакиль Лю, вполне возможно, предаются любовным утехам. Теперь слова, сгоряча сказанные Спарксом при прощании, казались ей лишь чем-то вроде тоненькой линии где-то на горизонте — вроде едва заметного шрама у нее на запястье. Время и пережитое смыли причиненную боль — так морская волна смывает следы ног на песке, делая

его вновь гладким и блестящим, — и теперь Мун остро чувствовала тоску и потребность видеть его. Ее любовь к нему осталась прежней. Он по-прежнему был ей нужен. Никогда не откажется она от него!

Она дала обет, а потому тайна ее любви скрывалась в ее душе подобно маленькому демону. Для жителей Летних островов любовные игры были столь же естественны, как и прочие признаки взросления человека, однако говорить о своей интимной жизни они не любили; так что Мун вынуждена была долгие часы проводить в одиночестве, в сосредоточенной медитации, которая слишком легко переходила порой в настоящие сны наяву, полные неистового желания. И по крайней мере одно она теперь о предсказателях знала точно: они были всего лишь людьми. Печаль, гнев и многие другие человеческие порывы по-прежнему прорастали из тех семян, что таились под ее священным титулом сивиллы, ясновидицы, а лучшие ее начинания порой приводили к весьма плачевным результатам — как и прежде. Она по-прежнему смеялась и плакала, и ей по-прежнему до боли хотелось порой почувствовать рядом его тело…

— Мун?

Она вздрогнула и оглянулась с виноватым видом, заслышав над головой голос Клавалли.

— С тобой все в порядке? — Клавалли присела рядом на подстилку из водорослей и положила руку Мун на плечо.

Мун почувствовала вдруг, что эмоции переполняют ее; что они сильнее даже той энергии, которую любой заданный вопрос высвобождал теперь в ее мозгу, — беда никогда не приходит одна. Она довольно успешно справилась с собой, но выговорила с трудом:

— Да, все хорошо. Но иногда… иногда я очень скучаю по Спарксу.

— По Спарксу? Твоему двоюродному брату… — Клавалли покивала. — Да-да, припоминаю. Я видела вас вместе. Ты говорила, что вы поклялись друг другу в вечной верности, но он не пошел за тобой, да?

— Конечно пошел! Но… Хозяйка не пропустила его. Мы всегда мечтали прийти к вам вдвоем… и Она его не пропустила!

— Но ты все-таки пришла.

— Я была ДОЛЖНА. Я всю жизнь ждала и хотела… что-то значить в этом мире. — Мун поежилась и поджала колени к груди, потому что солнце внезапно закрыла темная туча. Внизу,

в тени утеса море стало совсем мрачным. — А он так и не смог понять меня. Он говорил всякие глупости… гадости… он… он уехал от меня далеко-далеко, в Карбункул! Он расстался со мной во гневе… Не знаю, вернется ли он когда-нибудь домой. — Она подняла голову, увидела, что Клавалли смотрит на нее с сочувствием и пониманием, и сама поняла, что зря так долго скрывала свою муку, зря так долго носила все это в себе. — Почему, ну почему Хозяйка не приняла нас обоих? Мы бы тогда не разлучались! Неужели Она не понимает, что нас разлучать нельзя?

Клавалли покачала головой.

— Она хорошо знает, Мун, что все это не совсем так, как ты себе представляешь. Именно поэтому Она и выбрала только тебя. Что-то в Спарксе было такое, чего нет в тебе — или наоборот, ему не хватало чего-то, чем обладаешь ты. Так что, испытывая ваши сердца там, в пещере, Она сразу услышала, что его сердце немного фальшивит.

— Нет! — Мун смотрела за море, на Остров Избранных. В небе клубились тучи, готовые разразиться очередным ливнем. — То есть я хочу сказать… со Спарксом все в порядке. А может, это потому, что отец его — инопланетянин? Или потому, что сам Спаркс так любит технику? Может

быть, Хозяйка решила, что он по-настоящему не верит в Нее? Она же не берет в ученики жителей Зимы. — Мун сосредоточенно перебирала жесткие водоросли, словно пытаясь найти в них ответ.

— Нет, ты не права.

— Как? Разве это возможно?

— Да. Данакиль Лю…

— Правда? — Мун вскинула голову. — Но… как же? Почему?.. Я всегда думала… все говорят, что жители Зимы не верят в Хозяйку. И что они не… такие, как мы. — Неловко закончила она и прикусила язык.

— Неисповедимы пути Ее. В самом сердце Карбункула существует некий Колодец, открывающийся прямо из дворца королевы в морские глубины. Впервые попав во дворец, Данакиль Лю шел по мосту над этим Колодцем, и в этот миг Мать Моря призвала его и сообщила, что он должен стать предсказателем. — Клавалли печально улыбнулась. — В людях ведь сладость и горечь перемешаны всегда и повсюду. Хозяйка сама выбирает своих слуг, и Ей, похоже, безразлично, кому поклоняется тот или иной человек. — Она больше не смотрела на Мун; внимательно разглядывала дома, прилепившиеся на краю утеса. — Но

среди предсказателей детей Зимы очень мало; ведь им внушили, что служение Хозяйке — это либо шарлатанство, либо безумие. К тому же предсказателям запрещено появляться в Карбункуле. По неизвестной причине их почему-то ненавидят инопланетяне; ну, а то, что ненавистно инопланетянам, ненавистно и жителям Зимы, хотя последние все-таки верят в силу возмездия Хозяйки. — Суровые морщины пролегли на лице Клавалли. — Инопланетная полиция и целая сеть шпионов Снежной королевы специально следят за тем, чтобы «ядовитая кровь предсказателей» никого не отравила…

Мун подумала о Дафте Найми… и о Данакиле Лю, коснулась татуировки в ямке у основания шеи под толстым свитером из светлой, чуть желтоватой шерсти.

— Данакиль Лю…

— …Был сурово наказан и выслан из Карбункула. Он никогда не сможет вернуться; по крайней мере, пока там правит Снежная королева. Я встретила его во время своих странствий по островам. По-моему, с тех пор, как мы вместе, он не то чтобы счастлив… но относительно доволен своей жизнью. Ну а я многому от него научилась. — Она опустила глаза, внезапно став похожей на сму-

щенную девочку. — Я понимаю, что так говорить нельзя… но я рада, что они изгнали его.

— Тогда ты должна понимать и мои чувства.

Клавалли кивнула, скрывая улыбку. Она отвернула длинный рукав парки, обнажив старые, шрамы на запястье.

— Не знаю, почему мы оказались среди Избранных… но только избраны мы были вовсе не потому, что так уж безупречны.

— Я знаю. — Губы Мун дрогнули. — Но если это случилось не из-за его любви к технике, то он никак не мог в остальном оказаться хуже меня…

— …Значит, ты считаешь своего возлюбленного почти совершенством? А ты хорошо его помнишь?

Мун кивнула.

— Когда я впервые увидела вас вместе, у меня сразу возникло предчувствие, что если ты доберешься до наших островов, то окажешься в числе Избранных. Но Спаркс… он вызывал у меня какое-то беспокойство…

— Я не понимаю…

— Ты сказала, что он ушел от тебя во гневе, и считаешь, что это было отчасти справедливо. Однако он хотел причинить тебе боль, он винил тебя за твой успех и свой провал…

— Но ведь и я бы чувствовала то же самое, если б выбрали его, а не…

— Неужели? — Клавалли посмотрела на нее. — Возможно. Это могло бы быть с каждым… никакие благие намерения не способны уберечь нас от крючка с такой наживкой, как зависть. Но Спаркс обвинял в том, что случилось, только тебя. Ты бы обвиняла — одну лишь себя.

Мун растерянно захлопала глазами, потом нахмурилась; она припомнила вдруг их детство и то, как редко Спаркс пытался спорить с нею. Но когда они по-настоящему ссорились, он всегда убегал и оставлял ее одну. Он мог злиться часами, иногда — несколько дней. И, оставшись в одиночестве, она всегда начинала сердиться на себя, всегда была готова первой пойти и попросить у него прощения, даже если знала, что он не прав.

— Наверно, это так. Но даже если ничьей вины здесь нет, то все равно это неправильно…

— Может быть… хотя это, по-моему, причиняет боль только тебе одной. В этом-то вся и разница.

Крупные капли дождя вдруг посыпались на неприкрытую голову Мун; она как-то смущенно посмотрела вверх, накинула было капюшон, но Клавалли вскочила и потянула ее за собой.

Они укрылись под гигантскими древовидными

папоротниками. Шум дождя на какое-то время полностью заглушил все остальные звуки. Они молча смотрели на иссеченную дождем серую мглу над серой водой, пока очередной порыв ветра не стал сносить тучу за море. Мун отодвинулась от пористого темного ствола папоротника, глядя, как стекают одна за другой капли по ажурной его листве — точно жемчужинки. Потом высунула руку наружу. Дождь прошел, и ее гнев тоже улетучился, подобно унесшейся вдаль туче. Но ведь если они встретятся, это будет очень не скоро, они наверняка станут такими разными…

— Я понимаю, люди не могут не меняться… Но хорошо бы, чтобы они знали, когда нужно остановиться.

Клавалли только головой покачала, и они побрели по тропе, стараясь ступать по самой ее кромке, ибо тропа после дождя превратилась в настоящий ручей.

— Даже Хозяйка не может обещать этого. Надеюсь, ты поймешь, ответил ли Спаркс на этот вопрос, когда вы снова встретитесь.

Мун остановилась; повернулась и сделала несколько шагов назад: она все еще не могла оторвать глаз от беспокойных вод моря, от тех далей, за которыми лежал ее родной остров…

Глава 8

— …И тогда часть доходов, полученных в результате последнего Фестиваля, употребили для создания нового фонда — чтобы я могла немедленно начать работу над масками для следующего праздника… Было это почти девятнадцать лет назад. Ах, как бежит время, скрываясь под маской будней! Так и жизнь пролетит — сливаясь с ритмом Вселенной… Красно-оранжевые перья, пожалуйста. — Она протянула руку.

Спаркс, сидевший рядом на низенькой скамеечке, сунул руку в один из ящиков, что во множестве стояли между ним и дверью, и протянул ей полную пригоршню перьев. Малкин, стройный, длинноногий серый кот, попытался перехватить несколько перышек на лету. Но Спаркс оттолкнул кота и вернулся к прежнему занятию — он перебирал бусины, раскладывая одинаковые по отдельным плошкам, то и дело поднимая голову и стараясь не упустить ничего из рассказа Фейт. В конце концов у него закружилась голова.

— Не понимаю, как ты умудряешься создать столько масок и все совершенно разные? Ты ведь

едва… — Он запнулся, все еще опасаясь говорить о ее слепоте.

— …Отличаешь красное перо от зеленого? — Она улыбнулась, подняла голову и посмотрела на него своими темными незрячими глазами; на лоб у нее был надет особый светочувствительный обруч — «третий глаз». — Что ж, поначалу это было совсем не легко. Но я страстно мечтала творить, сама создавать что-то прекрасное. Я ведь не могла ни рисовать, ни писать красками, а маски скорее похожи на скульптуру — они ощутимы, осязаемы. К тому же это мастерство передается в нашей семье по наследству, как и слепота. Родившись слепой и позже обретя весьма слабую способность хоть что-то видеть… А знаешь, порой мне кажется, что этот недостаток помог развитию у меня особого воображения. Все, даже самые обычные предметы представляются мне неясными и таинственными… какими я сама хочу их увидеть… У меня здесь в городе две сестры, обе тоже слепые — у каждой по такой мастерской. И многие мои другие родственники тоже делают маски, хотя некоторые из них зрячие. Требуется немало выдумки, чтобы каждый получил свою маску во время Фестиваля. И знаешь еще что? — Она улыбнулась с нескрываемой

гордостью. — Мои маски всегда самые лучшие! Я, Фейт, Хрустальный Глаз, буду делать маску и для королевы Лета… Кусочек красного бархата, пожалуйста.

Спаркс передал ей кусок нежной ткани винного цвета.

— Но ведь все это… ты полжизни затратила на эти маски! Ради одной-единственной ночи! А потом они станут никому не нужны. Как ты можешь с этим мириться?

— Потому что это очень важно для Тиамат — для того, чтобы наша планета чувствовала себя самостоятельной, самоценной. Эти традиции достались нам от предков, это и есть наше культурное наследие. Праздник Смены Времен Года уходит корнями в туманное прошлое, в те времена, когда еще не существовало ни Гегемонии, ни ее правителей… А некоторые наши обряды связаны даже с тем периодом, когда и сами мы были на Тиамат всего лишь пришельцами…

— Откуда ты знаешь? — прервал он ее. — Откуда тебе известно, что делали здесь люди до того, как первые звездные корабли опустились на Тиамат из облака, поднятого Великой Бурей? — Он и не заметил, что заговорил вдруг языком мифов.

— Все это я узнала, слушая свой приемник. —

Она улыбнулась. — Инопланетные археологи давно уже изучают наши старинные раскопки и записи, оставшиеся со времен Старой Империи. Они утверждают, что наш народ прибыл сюда после какой-то межзвездной войны с планеты под названием Триста. Это случилось, когда Старая Империя уже клонилась к закату. Фантастические существа, головы которых я воспроизвожу в своих масках, прежде были вполне реальными пассажирами первых приземлившихся на Тиамат звездных кораблей, предками жителей Лета и Зимы. Ты, возможно, узнаешь некоторых из них — у вас, на Летних островах, эти персонажи все еще имеют свое Имя. «Покоритель Зари» — всего лишь название межзвездного корабля, давшего имя одному из основных родов островитян — их около десяти. Ты разве этого не знал? — Спаркс покачал головой. — Но с началом правления Гегемонии нас заставили стыдиться «примитивных» традиций; так что теперь мы лишь во время Фестиваля даем им волю, в сущности отмечая не столько визит премьер-министра, сколько свой собственный традиционный праздник.

— Да? — Спаркс, казалось, был очень встревожен, смущен таким видением истории, где не было места Хозяйке; сам он ни за что не согласил-

ся бы с подобной точкой зрения.

— Так или иначе, но вспомни: многие вещи прекрасны только благодаря своей эфемерности, недолговечности — раскрывающийся цветок, звучащая мелодия, вспыхивающая в небе радуга… любовная игра…

А что если радуги возьмут и исчезнут навсегда?.. — вспомнил вдруг Спаркс и прикусил губу.

— Я думаю, что глупо все время оглядываться назад и тосковать по прошлому.

— Нет, не глупо. Это свойственно человеку. — Фейт, подняв голову, вглядывалась в него, словно читала его мысли. — Впрочем, для художника подлинная радость заключена в самом созидании. Когда чувствуешь, как в твоих руках возникает, растет нечто материальное, ты и сам как бы растешь с ним вместе, живешь, твоя энергия бьет через край. А когда заканчиваешь работу, сразу перестаешь расти. Перестаешь жить — только существуешь, чтобы иметь возможность начать новый акт созидания. Разве у тебя не бывает так, когда ты играешь на своей флейте?

— Бывает. — Он взял флейту и легонько погладил тонкие волоски шрамов на ее поверхности — там, где Фейт бережно склеила раковину, приводя инструмент в порядок. Она отлично сделала

это — у флейты даже звук почти не изменился. — Да, наверное, это так. Я никогда об этом не задумывался. Но непременно подумаю.

— Пожалуйста, передай мне сине-фиолетовое крылышко жука… спасибо. Не знаю уж, как я справлялась бы без тебя. — Малкин прокрался бочком и прыгнул к ней на колени, смяв широкую юбку и умоляюще мяукнув.

Спаркс засмеялся. Несмотря на то, что Фейт предсказала ему удачу в ту самую первую их встречу на улице, его хрупким островным мелодиям все же оказалось не под силу тягаться с сотнями развлечений, которые сулил Лабиринт; он с огромным трудом зарабатывал своей игрой на улицах ту малость, что позволяла ему не умереть с голоду. Вспоминая об этом, он вдыхал смешанные ароматы, доносившиеся из экзотического вегетарианского ресторана «Новый рай» и расположенного напротив кафе «Саматан». Если бы Фейт не приютила его тогда, поселив в своей кладовой, где со стен на него смотрели тысячи загадочных ликов, ему пришлось бы ночевать в придорожной канаве…

Теперь он был благодарен ей и за то, что она тогда заставила его пойти в межгалактическую полицию и дать все необходимые показания. Он

помнил, как изумлена была спасшая его женщина-полицейский, когда вновь увидела его перед собой, и мучительное чувство вины, которое явно читалось в его собственных глазах. Спаркс вздохнул.

— Неужели они просто соберут свои вещички и после Фестиваля улетят с Тиамат навсегда? Бросят все, что у них здесь есть? С трудом верится…

— Да, улетят почти все. — Она сделала из золотой нити кисточку. — Подготовка инопланетян к отлету уже началась, да и мы готовимся к расставанию с ними. Ты бы уже почувствовал это, если б вырос здесь. А ты что ж, опечален переменами?

Он вскинул голову: такого вопроса он не ожидал.

— Я… я не знаю… На островах все вечно твердили, что именно этого дня, праздника Смены Времен Года, и следует ожидать, что с его наступлением мы вновь обретем себя… А мне противно, что инопланетяне, ослепляя жителей Зимы блеском своей славы и богатства, беззастенчиво грабят их; ну мы-то, островитяне, для них просто не существуем. — Он непроизвольно стиснул висевшую у него на груди медаль. — Хотя…

— Хотя и ты тоже был ослеплен их славой и богатством. — Она завязала узелок и оборвала

нитку; потом погладила спящего Малкина по серебристой спинке.

— Я…

Она улыбнулась, пытаясь разглядеть, что написано у него на лице, с помощью своего «третьего глаза».

— Не вижу в этом ничего особенно дурного. Ты спросил меня как-то, не возмущает ли меня, что я не имею права полететь на другую планету Гегемонии, где меня могли бы излечить от слепоты. Ты был уверен, что меня обманули, вместо настоящего излечения предложив теперешний мой «третий глаз», с помощью которого я могу видеть лишь немногое. Будь я зрячей, я, вполне возможно, видела бы все в том же свете, что и ты… Но я слепа… для меня и такая возможность — уже подарок.

— Да уж, ты и с такими глазами все видишь и замечаешь! — Спаркс прислонился к стене, глядя вдоль улочки. — И после фестиваля ничего этого не будет…

— Да. Это последний Фестиваль. А затем инопланетяне покинут Тиамат, жители Летних островов вынуждены будут снова переселяться на север, и та жизнь, которой я до сих пор жила, кончится. На сей раз выборы королевы состоятся

по-настоящему… и маска королевы Лета станет моей последней и самой лучшей маской.

— А что ты будешь делать потом? — Спаркс вдруг понял, что это далеко не риторический вопрос.

— Начну новую жизнь. — Фейт завязала последний узелок. — Точно так же, как и все остальные. Для того и существует Смена Времен Года, знаешь ли. — Она подняла законченную маску, точно предлагая ее идущим по улице прохожим. Некоторые смотрели на нее и улыбались.

— Почему тебя так назвали? Это твои родители придумали тебе имя?

— Скорее мать. А ты разве сам не догадываешься? По той же причине и тебя назвали Спарксом. У детей Фестиваля особые имена.

— Ты хочешь сказать, что два Фестиваля тому назад…

Она кивнула.

— Ты знаешь, это суровое наказание — всю жизнь носить такое имя, как мое. Радуйся еще, что тебя как-нибудь так не назвали.

Он засмеялся.

— С меня хватит и этой прибавки: «сын Лета»; особенно здесь, в Карбункуле. Имя мое — точно якорь — не дает мне уплыть далеко. — Он снова

взял в руки флейту и поднес было ее к губам, но положил на место и прислушался: с улицы донесся какой-то странный шум, становившийся все сильнее.

— Что там такое? — Фейт отложила работу, напряженно сморщившись.

— Кто-то сюда идет, по-моему. Кто-то очень богатый и знатный. — Спаркс уже мог разглядеть роскошные одеяния, хотя лица приближающихся по проулку людей были пока неразличимы. Их было человек шесть — мужчины и женщины, — но он не сводил глаз с той, что шла впереди. Богатство экзотического наряда этой женщины вдруг померкло, когда он ясно увидел ее лицо…

— Спаркс? — Рука Фейт сжала его плечо. Он не ответил. Медленно поднялся, чувствуя, что окружающий мир вдруг куда-то отступил, границы его раздвинулись, а он остался один на один с…

— Мун!

Женщина остановилась, улыбаясь ему, словно хорошему знакомому. Она явно ждала, пока он сам подойдет к ней поближе.

— Мун, что ты здесь…

Ее спутники тесным кольцом обступили Спаркса, схватили за руки, оттеснили от нее.

— Что с тобой, парень? Как ты смеешь прибли-

жаться к королеве?

Но королева подняла руку, повелевая им отпустить юношу.

— Ничего страшного. Он всего лишь принял меня за кого-то… Разве я не права, Спаркс, Покоритель Зари, сын Лета?

Окружающие изумленно уставились на нее, однако больше всех был потрясен сам Спаркс. И не верил. Это была Мун, настоящая Мун… но и не она… Он потряс головой. Нет, это не Мун. Это Снежная королева. Королева Зимы… Снежная королева! Изумленный, смущенный, он в страхе упал перед ней на колени.

Она наклонилась, потянула его за руку, призывая встать.

— Ты не сделал ничего дурного. — Он поднял голову и увидел, что она внимательно вглядывается в его лицо — так внимательно, что он, вспыхнув, отвернулся. — Редко островитяне здесь оказывают мне такое почтение. Кого же я напомнила тебе?

Даже голос ее звучал, как у Мун; только в нем явственно слышалась насмешка.

— Мою… двоюродную сестру, ваше величество. Мун. — Он судорожно сглотнул. — К-к-как же вы-то узнали, кто я такой?

Она рассмеялась.

— Если бы ты был жителем Зимы, то и спрашивать бы не стал. Мне в этом городе известно все. Например, я уже знаю, что ты необычайно талантливый музыкант. Честно говоря, я сегодня и пришла сюда, чтобы встретиться с тобой и пригласить во дворец — поиграть для меня.

— Встретиться со мной? — Спаркс протер глаза; ему вдруг показалось, что это сон. — Но никто ведь даже не слушает мою музыку… — Он побренчал жалкими монетками в пустом кармане.

— Те, кто понимает, слушают. — Донесся до него сзади голос Фейт. — Я ведь говорила тебе.

Королева обернулась в ее сторону одновременно со Спарксом.

— А, это ты. Как продвигается работа? Начала ли ты изготовление главной маски?

— Ваше величество, — Фейт церемонно поклонилась ей. — Работа у меня спорится куда лучше благодаря Спарксу. Но для маски королевы Лета время еще не пришло. — Она улыбнулась. — Пока что правит Зима. Не обижайте моего музыканта. Я буду скучать по нему.

— Рада буду позаботиться о нем, — в голосе королевы послышалась нежность.

Спаркс сунул в сумку, висевшую на поясе, свою

флейту и, поддавшись внезапному порыву, взял Фейт за руки, наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Я буду заходить к тебе.

— Я знаю, — кивнула она. — А теперь — не заставляй свое будущее ждать.

Он встал, повернулся к королеве, по-прежнему не веря своим глазам. Он моргал так, словно никак не мог разглядеть ее как следует. Королевская свита сомкнулась вокруг них, как лепестки чужеземного цветка, и Снежная королева увела его прочь.

Глава 9

— Я хочу попросить его меня подвезти. Не могу я больше сидеть здесь и ждать. И так слишком много времени прошло. — Мун стояла у окна с тесным переплетом и смотрела на раскинувшийся внизу город. Мать с бабушкой сидели за грубым деревянным столом и чистили рыбу. Мун так ни разу к ним и не обернулась: ей было стыдно, но она продолжала выдумывать различные предлоги — главным образом для того, чтобы самой укрепиться в своем решении ехать в Карбункул. — Это судно заглянет сюда в лучшем случае через несколько месяцев. А ведь Спаркс

позвал меня уже так давно!.. — Она тогда, к тому же, вернулась домой на целый месяц позже обещанного, и торговец, что привез ей письмо от Спаркса, успел снова уехать с их острова. Пальцы Мун побелели, сжимая деревянную оконную раму, украшенную ракушками, которые они со Спарксом вместе собирали на берегу еще детьми. Очень и очень не скоро к их островам приплывет другой корабль из Карбункула; ближайшим местом, где достаточно часто останавливались суда, плывущие в столицу, был залив Шотовер, почти на границе с Зимой, и одной отправляться в подобное путешествие не очень-то хотелось.

Однако сейчас в поле за деревней какой-то чужеземец чинил свой летающий корабль — такие корабли она видела в своих видениях во время Транса. То был самый настоящий инопланетянин, редкий гость в Нейте — мужчина с кожей медного цвета и странными, очень глубоко посаженными глазами, словно капюшоном скрытыми густыми бровями и надбровными дугам. Его воздушный корабль совершил здесь вынужденную посадку; она сама видела, как в то утро он вынырнул из сини небесной, а потом ей без конца пришлось отвечать на жадные вопросы односельчан. Она легко, немного гордясь

собой, рассказала им все, что знала, о летающих машинах и о том, что бояться их нечего.

Сам инопланетянин тоже был рад, что кто-то из жителей деревни может достаточно хорошо объяснить остальным насчет его машины. Слушая его, Мун вдруг поняла, что ему столь же непросто было оказаться в их окружении, как и им — встретиться с ним на их собственном поле. Деревенские все сразу ушли, стоило ему проявить достаточную настойчивость, и позволили ему спокойно работать. Они надеялись, что если не будут обращать на чужеземца внимания, то он непременно скоро снова исчезнет.

Мун понимала, что нужно действовать как можно быстрее, пока инопланетянин действительно не исчез. Он, видимо, направлялся как раз в Карбункул — ведь все инопланетяне там живут. Ах, если б он только согласился взять ее с собой!..

— Но Мун, ты ведь теперь сивилла, — проговорила мать. Сердясь на нее за эти слова и одновременно чувствуя собственную вину, она обернулась.

— Я и не думала забывать об этом! Предсказатели нужны везде.

— Только не в Карбункуле. — Это мать сказала твердо и напряженно. — Я ведь не судьбу твою за

тебя решить пытаюсь, я просто опасаюсь за твою жизнь. Теперь ты настоящая Дочь Моря. Я понимаю, что не могу запретить тебе жить по-своему. Да только предсказателей в Карбункуле ох как не любят! Если они узнают, что ты…

— Я знаю. — Она прикусила губу, вспомнив Данакиля Лю. — Очень хорошо знаю. Я буду очень осторожна и спрячу свой трилистник… — Она сжала его в ладони. — Пока не найду Спаркса.

— Неправильно он поступил, позвав тебя туда. — Мать поднялась и беспокойно заходила вокруг стола. — Он же должен был понимать, какой опасности подвергает тебя. Только о себе и думает! Подожди, пусть лучше сам явится. Небось, повзрослеет, так и о других тоже заботиться начнет.

Мун только головой замотала.

— Мама, это же Спаркс! Мы с тобой о ком говорим-то? Он ведь никогда не пожалуется, если уж его совсем не припрет. И меня он ни за что бы приехать не попросил, если б я не была ему очень нужна. — К тому же я однажды уже предала его. Она снова выглянула в окно. — Я-то его знаю. — Она потрогала раковину, вделанную в раму. Я люблю его.

Мать подошла и встала рядом; Мун чувствова-

ла, что сомнения мешали ей сделать это сразу.

— Да уж, ты-то его знаешь. — Мать оглянулась на бабушку, которая по-прежнему сидела за столом и казалась совершенно поглощенной чисткой рыбы. — Ты знаешь его куда лучше, чем я знаю тебя. — Мать взяла Мун за плечи и повернула к себе; они посмотрели друг другу в лицо; в глазах матери светились восхищение и печаль. — Моя дочь — сивилла! Дитя, мною рожденное! Порой мне кажется, что я тебя и вовсе не знаю…

— Мама… — Мун прижалась щекой к огрубелой руке матери, лежавшей у нее на плече. — Не говори так, не надо!

Мать улыбнулась, словно Мун невзначай ответила на какой-то незаданный ею вопрос.

Мун выпрямилась и нежно сжала руку матери в своей руке.

— Я понимаю, я ведь только что вернулась домой, к вам, и мне так хотелось подольше побыть с вами. — Она еще сильнее сжала руку матери и потупилась. — Но мне, по крайней мере, нужно хотя бы переговорить с этим инопланетянином…

— Да-да, конечно, — мать кивнула, все еще как-то странно улыбаясь. Потом подобрала с полу плащ, что валялся у ног Мун. — Зато теперь я

знаю, что Хозяйка на твоей стороне, если уж я сама не могу защитить тебя.

Мун накинула плащ и вышла из дому. Прошла по каменистой тропке к расположенным террасами полям. Теперь она почти бежала, опасаясь, что инопланетный корабль может взлететь в серое дождливое небо прямо у нее на глазах. Вскарабкавшись на нужное ей поле, она услышала громкий неземной вой его мощного мотора, казалось, повисший во влажном воздухе.

— Подожди! — Она бросилась к нему со всех ног.

Любопытные ребятишки, кружком стоявшие поодаль, заметили ее и принялись махать ей, думая, что она машет именно им. Однако инопланетянин вдруг тоже высунул голову из кабины корабля, и вой прекратился.

Он спрыгнул на землю и выпрямился. Одет он был почти так же, как и все островитяне, только одежда из какой-то невиданной материи. Мун замедлила бег, осознав, что теперь он не улетит. Мужчина подбоченился и смотрел на нее сверху вниз; до нее вдруг дошло, что он ужасно высокий — она едва доставала ему до плеча макушкой.

— Ну, так в чем дело, крошка?

Она остановилась: она вдруг снова почувство-

вала себя жалкой деревенской девчонкой на раскисшем от дождя поле, на богом забытом островке…

— Я… мне показалось, что вы улетаете.

— Улетаю. Вот только инструменты соберу — и в путь. А почему это тебя интересует?

— Так быстро?.. — Мун потупилась, укрепляясь в принятом уже решении. Хорошо, раз так, то пусть это случится сейчас. — Я хотела попросить вас об одном одолжении, пока вы не улетели. Если вам не трудно, скажите…

Он на Мун и не посмотрел; закрыл крышку какого-то ящичка у самого носа корабля и нажал на нее рукой.

— Если ты хочешь, чтобы я объяснил тебе, как летает этот волшебный корабль, то, к сожалению, у меня нет времени. Я и так опаздываю на важную встречу.

— Я знаю, как они летают, мне мой двоюродный брат рассказывал! — Она рассердилась и все скомкала. — Я просто хотела, чтобы вы взяли меня с собой в Карбункул.

На этот раз он уставился на нее в молчаливом изумлении. Она выдавала из себя улыбку, всем своим видом стараясь показать, что имеет право на подобную просьбу. Возражения уже готовы

были сорваться у него с языка, но он промолчал, наклонился и поднял с земли сумку с инструментами.

— Извини. Но я лечу не в Карбункул.

— Но… — Она сделала шаг и оказалась между ним и открытой дверцей корабля. — Куда же вы летите?

— Я лечу в залив Шотовер, хотя тебя это вряд ли касается. А теперь отойди-ка…

— Но это же хорошо! Просто прекрасно. А я могу полететь с вами туда?

Он откинул со лба черные, абсолютно прямые волосы, мазнув по лбу грязной рукой; бороды у него не было, зато черные длинные усы почти скрывали рот с опущенными книзу уголками.

— Клянусь богами, с какой стати я должен везти тебя?

— Ну… — Она снова чуть не рассердилась, обнаружив столь полное отсутствие какого бы то ни было великодушия. — Я бы с радостью заплатила вам — чем угодно! — Она примолкла, заметив, как он помрачнел. — Я… я, наверно, что-то не то сказала, да?

Совершенно неожиданно он рассмеялся.

— Да нет, все в порядке, крошка. — И швырнул сумку с инструментами мимо нее прямо в

открытую дверцу. — Хотя не следовало бы тебе с такой готовностью отправляться в путь с первым встречным. Вполне можно вляпаться в отвратительную историю.

— Ох! — Мун почувствовала, как вспыхнули на холодном ветру ее щеки. Она даже приложила к щекам ладони, стараясь скрыть багровый румянец. — Ох, нет! Это совсем не то, что вы подумали! Здесь, на островах, когда кто-нибудь просит вас подвезти, если вам по дороге, то просто… всегда и подвозят… — Голос у нее сорвался. — Простите меня. — Она уже повернулась, чтобы уйти, но споткнулась о борозду, внезапно почувствовав себя такой глупой, какой наверняка показалась и ему.

— Ладно, погоди минутку. — Нетерпение все еще слышалось в его голосе, но звучал он гораздо мягче. — Зачем тебе туда?

Она вернулась назад, стараясь не забывать о спрятанном под плащом трилистнике, о достоинстве сивиллы и о традиционном праве на уважение.

— Я хочу в заливе Шотовер сесть на судно, которое могло бы отвезти меня в Карбункул. Мне очень важно поскорее попасть туда.

— Не сомневаюсь — раз уж дочь Лета по соб-

ственной воле решилась сесть в летающий аппарат к инопланетянину.

Мун поджала губы.

— Не стоит думать, что при виде инопланетной техники мы, островитяне, бледнеем и падаем в обморок. Хотя и не пользуемся вашими машинами.

Он снова рассмеялся — одобрительно; похоже, ему даже нравилась ее дерзость.

— Ну тогда хорошо. Если тебя нужно всего лишь подвезти, крошка, тогда полезай в машину.

— Мун. — Она протянула руку. — Мун, Покорительница Зари, дочь Лета.

— Нгенет ран Ахазе Миро. — Он взял ее руку и потряс, а не стал похлопывать по ней ладонью, как у них на островах было принято. Потом словно пояснил: — Последнее слово и есть мое настоящее имя. Залезай и пристегивайся.

Она весьма решительно залезла внутрь, забилась в угол, стараясь не думать о последствиях; потом пристегнула ремни безопасности. Внутреннее убранство этого летательного устройства заметно отличалось от виденного ею во время Транса; ей казалось, что те корабли выглядели проще. Она крепко держалась за ремни. Нгенет Миро залез за ней следом, сел к пульту управле-

ния и закрыл дверь; вокруг стал разливаться тот самый вой, который она уже слышала, но теперь он звучал значительно глуше, не громче стука крови у нее в ушах.

Она не почувствовала, когда именно они оторвались от земли, но увидев Нейт и родную деревню далеко внизу, почувствовала вдруг резкую боль — словно оборвалось что-то у нее внутри. Она прижала руки к груди, чувствуя под одеждой колючий трилистник и повторяя про себя молитву Хозяйке.

Потом летательный аппарат резко накренился и помчался над открытым морем.

Глава 10

Джеруша ПалаТион видела вокруг бескрайнее синее зеркало воды с зелеными пятнышками отдельных островков. Ей казалось, что море само несет ее патрульную машину с немыслимой скоростью, словно она попала в водоворот, в бесконечную временную петлю, вырвавшись из удушающей суеты повседневных забот… Джеруша протерла глаза, возвращаясь к действительности, и оглянулась на Гундалину, сидевшего возле включенного автопилота с книгой в руках.

— Далеко еще до залива Шотовер, БиЗед?

Он посмотрел на вделанный в панель хронометр.

— Еще часа два, инспектор.

Она вздохнула и снова уселась поудобней, поджав ноги.

— Не хотите ли все-таки почитать что-нибудь из моих книжек, инспектор? — Он протянул ей какую-то потрепанную сказочную повесть времен Старой Империи. Он буквально глотал подобное чтиво, отдавая этому занятию половину своего свободного времени. Книга была написана на языке планеты Тиамат; она прочитала название: «Сказания о Будущем, которое непременно станет Прошлым».

— Нет, спасибо. Порой приятно просто поскучать. — Она небрежно швырнула в корзину пустой пакетик из-под йесты. — Как только ты, настоящий технократ, можешь читать подобную дребедень, БиЗед? Просто удивительно, что у тебя еще с головой все в порядке пока что.

Он возмущенно вскинул на нее глаза.

— В основе этих книг — солидные археологические исследования и анализ данных, полученных от предсказателей. Они… — он усмехнулся, глаза его снова мечтательно заблестели, — …это почти

то же самое, что побывать там самому.

— Карбункул — вот она, их история! Живая. Так что, если нравится, то скатертью дорога — в «старые добрые времена»!

Гундалину с отвращением хмыкнул.

— Вот уж ничего общего! Мне и думать-то об этом городе противно. Настоящий Карбункул был…

— Да ладно. Уж наверно, он был не менее отвратителен. Никому никогда и не хотелось хоть что-то в нем улучшить! Как и сейчас, впрочем. — Джеруша откинулась на спинку сиденья, хмуро глядя на синюю воду внизу. — Иногда мне кажется, что я бутылка, брошенная в море, и течение несет меня куда-то, но никогда не выбросит на берег. И то послание, что содержится во мне, тот смысл, который я пытаюсь придать собственной жизни, никогда никому не принесут пользы… потому что никому это, в общем-то, не нужно.

Гундалину отложил книжку и мягко сказал:

— Наш комиссар действительно знает, как побольнее задеть память о ваших священных предках, да?

Она вопросительно посмотрела на него.

— Мне вчера было слышно каждое слово. Я ведь дежурил. — Он состроил рожу. — У вас куда более

крепкие нервы, чем у меня, инспектор.

— Возможно. Только за последние годы запал и у меня стал короче. — Она нырнула в воротник своего теплого плаща. — Впрочем, неважно. — Они направлялись в залив Шотовер, у самой границы с территорией, принадлежавшей Лету и настолько чуждой комиссару полиции ЛиуС-кеду, что это было ясно даже из его короткой объяснительной записки. — Объехать четверть планеты из-за непроверенного сигнала о контрабандистах!..

— В то время как настоящие контрабандисты в Карбункуле действуют совершенно открыто и нагло смеются нам в лицо, — договорил за нее Гундалину и печально улыбнулся. — Да, мэм, гнусно. — Он плотно сомкнул руки на руле. — Но если бы нам действительно удалось кого-нибудь из них прищучить… С этими контрабандистами нам еще хлебать и хлебать…

— Благодарите ее величество. — Джеруша скривила губы, вспомнив тот парад лицемерия, который ей только что довелось пережить во время визита во дворец.

— Никак не могу этого понять, инспектор! — Гундалину даже головой замотал. — Я думал, ей действительно нужна вся эта технология — для

развития Тиамат; она вечно ведет разговоры о технологической независимости родной планеты и тому подобном. Так ведь все это можно было получить и законным путем. Однако она, черт возьми, предпочитает именно контрабанду!

— Ей совершенно безразличны и Тиамат, и ее техническое развитие, и все остальное; все это интересует Снежную королеву лишь в той степени, в какой влияет на укрепление ее собственных позиций. А некоторые из контрабандных товаров не так давно стали ей поперек дороги.

— Трудно представить, каким образом. — Гундалину пересел поудобнее, стараясь не задеть автопилот.

— Не все здешние заказчики и купцы такие уж безвредные чудаки.

Джеруша давно интересовалась рапортами о той контрабанде, что велась за спиной у Снежной королевы, проникаясь, пожалуй, даже симпатией к тем независимым торговцам, которые умудрялись прорваться на собственных космических кораблях даже сквозь Межгалактический Кордон, созданный Гегемонией и похожий на мелкоячеистую сеть. Эти особые контрабандисты успешно осуществляли свой маленький бизнес, торгуя информацией, различными техниче-

скими учебниками и справочниками, а также энергетическими батареями и прочими дефицитными деталями. Всегда находились богачи из числа жителей Зимы, прямо-таки помешанные на всевозможных блестящих приборах и механизмах; порой они даже устраивали потайные лаборатории — в своих поместьях на островах; существовали здесь и всякие ученые безумцы, пытающиеся постичь тайны Вселенной путем расщепления атома. Были и такие, кто потихоньку запасал технику, предвидя грядущий исход инопланетян с Тиамат, и планировал в будущем создать собственное государство в государстве, не учитывая, однако, того, что Гегемония непременно позаботится, чтобы ничего подобного не произошло. Некоторые инопланетяне, считавшие себя местными жителями и издавна поселившиеся на этой отсталой планете, на бесчисленных ее островах, также были зачастую недовольны строгими ограничениями, наложенными Межгалактическим Кордоном и мешавшими развиваться тому миру, что стал для них родным.

— Кто-то явно здорово потревожил Звездного Быка и его Гончих во время охоты на меров, и, по-моему, охота у них была не слишком удачной.

Поголовье меров сейчас чрезвычайно уменьшилось и уменьшается все больше — в интересах королевы… и в целях более жесткого контроля с ее стороны в отношении тех, кто от нее зависит. Однако для того, чтобы столь решительно вмешиваться в ее политику, необходимы и весьма сложные радиоустановки, и быстроходная техника. Существует только один источник их поступления…

— Хм? Значит, если мы прихватим кого-то из контрабандистов, то можем получить наводку и на тех, кто ставит палки в колеса Звездному Быку с его Гончими? — Гундалину снова беспокойно заерзал на своем сиденье.

— Возможно. Однако не стоит слишком обольщаться. Вся эта затея, по-моему, — вообще пустая трата сил. — А именно этого и хотел ЛиуСкед. — Честно говоря, я не надеюсь, что мы хоть что-нибудь там обнаружим. Тебя это так удивляет, БиЗед? — Она усмехнулась, глядя на его лицо. — Знаешь, неприятно в этом признаваться, но порой мне и себя трудно убедить, что технократы ведут здесь правильную политику. И что те, кто протестует против ненормального удлинения жизни одних существ за счет жизни других, так уж неправы. Порой мне кажется, что

все самое отвратительное в Карбункуле связано именно с «живой водой». Что общество этого города все больше погрязает в мерзости и коррупции именно потому, что само его выживание зависит от… мерзости и коррупции.

— А что бы вы сказали, если б могли сами пользоваться этим источником бессмертия, инспектор?

Она посмотрела на него, чуточку помедлила и задумчиво проговорила:

— Мне хочется думать, что и тогда представления мои остались бы неизменными. Но я не знаю. Я действительно не представляю себе этого.

Гундалину кивнул и пожал плечами.

— Я даже и не надеюсь, что кому-то из нас когда-либо представится возможность выяснить это на опыте. — Он снова поерзал и посмотрел на хронометр.

— В чем дело, БиЗед?

— Ничего страшного, мэм. — Он смотрел в морскую даль со сдержанным достоинством, столь свойственным уроженцам Харему. — Просто я кое-что должен успеть сделать, прежде чем мы покинем Тиамат. — Он вздохнул и снова взялся за свою книжку.

Глава 11

— Однако налегке ты путешествуешь! Ты уверена, что сможешь добраться до Карбункула, имея при себе только то, что на тебя надето? — Нгенет длинным пальцем нажал на замок дверцы. Мун стояла рядом, глядя на залив. Они добрались сюда от Нейта всего за несколько часов, тогда как обычному судну требовалось несколько дней. Колени у Мун дрожали от страха и от того, что она так быстро оказалась ужасно далеко от дома.

— Что?.. Ах да, все будет в порядке. Я договорюсь с каким-нибудь торговцем, и он меня с собой прихватит — в этом заливе, должно быть, сотни судов! — В акватории залива Шотовер поместилась бы и гавань Нейта, и их деревня, и половина острова в придачу, и еще место осталось бы. Клонившиеся к закату солнца-Близнецы окрашивали суда, покачивавшиеся на волнах высокого прилива, в рубиновые тона; суда были всех видов и размеров. Некоторые казались Мун какими-то странными, чужеродными, хотя она вряд ли могла бы сказать, что в них особенного. У некоторых, правда, не было мачт; может, они просто попали в шторм?

— Зима уже давно пользуется моторными судами, разве ты не знала? Многие про парусники и думать забыли. А тебя на борт-то возьмут? — Нгенет снова своими вопросами вывел ее из задумчивости, и она вдруг поняла, почему у этих судов нет мачт. За время их быстрого, точно полет стрелы, путешествия она не слишком много узнала об этом человеке, разве только то, что о себе рассказывать он не любит; но его собственные краткие вопросы, обращенные к ней, говорили о нем больше, чем он мог предположить.

— Я не боюсь моторных судов. А работа у моряка везде одна и та же, наверное. — Она улыбнулась, надеясь, что это действительно так. И погладила рукой холодную обшивку их быстролетной машины, борясь с совершенно новым ощущением: эта машина могла бы доставить ее к Спарксу меньше, чем за день… Улыбка ее погасла.

— Хорошо. Но ты должна непременно подыскать себе такой корабль, где капитаном женщина. Некоторые из капитанов-мужчин набрались дурных привычек в этом вонючем Звездном порту.

— Я не… Ага. — Она кивнула, припомнив, почему бабушка велела ей держаться подальше от торговых судов. — Я так и сделаю. — Несмотря на то, что Нгенет определенно был инопланетяни-

ном, он говорил о своих так, словно они значили для него ничуть не больше, чем жители Лета или Зимы. Она не стала выяснять, почему это, но его угрюмый вид совершенно перестал пугать ее. Она чувствовала себя с ним почти свободно, хотя пока что и не была готова воспользоваться этим своим новым преимуществом. — Я… я хочу поблагодарить…

Он хмуро посмотрел туда, где за заливом разгорался закат.

— Да ладно. Вообще-то нам давно пора. Я уже и так на целый день опоздал. Только ты…

— Эй, лапушка, спихни-ка своего старичка в канаву, а мы тебе покажем, как можно отлично время провести! — Один из двух молодых парней, явно жителей Зимы, что махали им с причала, перегнулся через перила и, ухмыляясь, оценивающе разглядывал Мун. Он уже протянул к ней руки, и она приготовилась сказать ему в ответ что-нибудь ядовитое, как вдруг выражение его лица переменилось. Он отпрянул от перил и потянул своего приятеля за собой, что-то растерянно прошептав тему на ухо. И оба бросились бежать, все время почему-то оглядываясь.

— Откуда они узнали? — Мун непроизвольно прижала руки к груди.

— Узнали что? — Нгенет все еще хмуро и все больше мрачнея смотрел вслед юнцам.

— Что я сивилла. — Она сунула руку за пазуху и вытащила свой трилистник.

— Ты… кто? — Нгенет обернулся к ней и потрогал трилистник с таким видом, точно не был уверен, что он настоящий. Потом поспешно выпустил его из рук. — Почему же ты мне сразу не сказала?

— Ну, я не… я хотела, я…

— Ну раз так, тогда дело другое. — Ее он не слушал. — Одна ты здесь сегодня не останешься. Хорошо, пойдем вместе; Элси поймет. — Его рука крепко сжала ее плечо, он буквально потащил ее за собой по причалу.

— Куда мы идем? Подождите! — Мун спотыкалась, горя бессильным гневом, а Нгенет решительно шагал к начинавшейся прямо от набережной улочке. Вдруг рядом с ними на верхушке тонкого столба вспыхнул, точно цветок, огонь. Потом еще и еще — огромные странные свечи, горевшие как бы без пламени. — Я ничего не понимаю! — Голос у нее срывался. — Вы тоже верите в Хозяйку?

— Нет, но я верю в тебя. — Он продолжал тащить ее за собой.

— Но вы ведь инопланетянин!

— Верно.

— Но я думала…

— Не спрашивай, а иди. Ничего тут удивительного нет. — Он отпустил ее руку; теперь она старалась и так не отставать от него.

— Так значит, вы меня не боитесь?

Он покачал головой.

— Ты, главное, не упади и не обдери коленку, не то мне все-таки придется поволноваться.

Она, уже совсем непонимающе, глянула на него. У них за спиной прямо на набережную сел еще один почти такой же летающий корабль, но с опознавательными знаками полиции Гегемонии. Нгенет, впрочем, даже не обернулся.

— Куда мы идем? — Мун обошла группу смеющихся моряков.

— На встречу с одним моим другом.

— С подругой, наверно? А она не будет…

— Это дело, а не развлечение. Ты, главное, о себе заботься.

Мун пожала плечами и сунула начинавшие коченеть руки в карманы. От холода дыхание ее превращалось в густой туман — солнце уже село, и температура быстро падала. Мун с любопытством разглядывала товары на витринах, да

и столько домов сразу она никогда в жизни не видела, но все они были в основном местной постройки и тупо смотрели на девушку глазницами окон. Дома, сложенные из камня, скрепленного известью и обшитого досками, покосились, опираясь друг на друга и словно ища поддержки, и где-то меж ними порой виднелись стены, сделанные отнюдь не из камня или глины. Многочисленные, в том числе и самые экзотические звуки доносились до нее то из одной, то из другой таверны.

— Но как все-таки они узнали, кто я такая, даже если вы об этом не догадались, Нгенет?

— Называй меня Миро. Не думаю, что они догадались. Мне кажется, они просто разглядели, что я значительно крупнее и, черт побери, значительно сильнее любого из них.

— Хм. — Мун потрогала пальцем лезвие рыбацкого ножа, что висел у нее на поясе. Она чувствовала, как постепенно расслабляются онемевшие от напряжения мышцы на спине и на шее, заметив наконец, что далеко не каждый прохожий даже просто обращает на нее внимание; многие на нее вообще не смотрели.

Нгенет еще раз свернул в какой-то узенький переулок, и они остановились перед маленькой

уединенной таверной. Сквозь цветные стекла окошка на булыжники мостовой радугой падал свет; надпись, сделанная порядком облупившейся краской, гласила: гостиница «Черных дел мастера».

— У Элси всегда было весьма своеобразное чувство юмора, — проворчал Нгенет.

Мун заметила и еще одну вывеску с надписью «Закрыто», но Нгенет нажал на ручку, и дверь отворилась. Они вошли внутрь.

— Эй, мы закрыты! — Огромная, круглая как шар женщина, наливавшая пиво в кружку — для отсутствующих посетителей, что ли? — глянула на них от стойки.

— Мне Элсевиер нужна. — Нгенет вышел на свет.

— Ах вот как? — Толстуха поставила кружку и подмигнула ему. — Я так и подумала. Ты чего ж задержался-то?

— Мотор забарахлил. А она ждала?

— Она все еще в городе, если ты об этом. А тут ее нет — она… кой-чем другим занимается на тот случай, если ты вдруг решишь сюда носу не показывать. — Заплывшие жиром глазки остановились на Мун; та нахмурилась.

Нгенет выругался.

— Черт бы ее побрал, она ведь понимает, что я не только от себя завишу!

— Но она ведь не знала! А вдруг ты бы решил эту встречу отложить? Понимаешь? А кстати, это-то кто?

— Я ее подвез немного. — Мун снова почувствовала, как рука Нгенета сжала ее плечо. — Она вам беспокойства не причинит. — Он как бы разом стремился предотвратить все возможные возражения. — Ведь не причинишь? — обратился он к Мун.

Мун вскинула на него глаза.

— Я? — И только головой покачала, уловив в его глазах едва заметную усмешку.

— Я пока пойду — поищу свою приятельницу. А ты можешь подождать меня здесь. — Он мотнул головой в сторону уставленной столами комнаты. — А потом, может быть, мы с тобой договоримся относительно Карбункула.

— Хорошо. — Мун выбрала столик поближе к камину, подошла к нему и уселась. Нгенет двинулся к двери.

— Ты знаешь, где ее искать-то? — окликнула его толстуха. — Ты там у Клуба поспрашивай.

— Хорошо. — И он исчез.

Мун сидела в неуютной тишине под кислыми

взглядами барменши и водила пальцем по неровностям и порезам на деревянной столешнице. В конце концов толстуха снова пожала плечами, вытерла руки о фартук, налила в кружку пива и принесла ей. Мун даже слегка вздрогнула, когда кружка вдруг оказалась у нее перед носом и пивная пена выползла на стол, и без того достаточно запятнанный бесчисленными мокрыми кружками. Толстуха, так и не сказав ни слова, удалилась, шаркая ногами, и стала рыться в каком-то невзрачном черном ящике за стойкой бара. Кто-то вдруг запел — странную песню, прямо с середины, с незаконченного слова. Мелодию эту Мун уже слышала здесь на улицах.

Она вскочила, осторожно оглянулась через плечо и обнаружила, что комната по-прежнему пуста. Более того, и барменша уходила куда-то вверх по лестнице, прихватив с собой кружечку пивка. Мун уставилась на черный ящик. Он оказался довольна смешной и забавной штукой — был битком набит разными словами и мелодиями, словно корзинка с припасами. Мун отхлебнула пива, поморщилась: пиво было из бурых водорослей, кислое и плохо сваренное. Поставив кружку на стол, она стянула с себя тяжелый плащ. В очаге тонкая металлическая

пластинка странно светилась красным — словно раскаленный железный прут в кузне. Мун поджала ноги и скрючилась на сиденье, водя пальцем по резным изображениям звериных морд на спинке стула; она всем телом впитывала тепло и музыку и даже начала ногой отбивать ритм, которому, приятно расслабившись, вторило все ее тело. Мелодия была довольно сложной, громкой и пронзительной; голос певца порой срывался чуть ли не на визг. Воздействовала эта музыка совершенно иначе, чем та, что играл на своей флейте Спаркс… Но было в ней и нечто привлекательное, отдаленно напоминающее ту волшебную мелодию, что звучала в пещере Избранных.

Мун закрыла глаза, прихлебывая пиво; пусть мысли сами наведут порядок и решат, что правильно, а что нет в ее отношениях со Спарксом, а она пока послушает, музыку, которую всегда воспринимала совершенно иначе, чем он. Они, возможно, договорятся о Карбункуле — так сказал Нгенет. Значит, он отвезет ее туда? Никто не сможет остановить ее… но, может быть, все-таки удастся переубедить Нгенета. Она попробует использовать то, что он так о ней заботится, и уговорит отвезти ее к Спарксу. Сейчас она была в

этом почти уверена. Она могла бы быть там уже завтра… Мун даже заулыбалась.

Но правильно ли она поступает? Что-то тревожило ее. В чем-то она явно заблуждается, но в чем? Нгенет хочет помочь, это ясно. Но она даже не знает, зачем вдруг так понадобилась Спарксу; ей представлялось, что он, возможно, болен или остался совсем без денег и без друзей, голодает… Если это так, то важен каждый день, каждый час… Боги, да каждая минута дорога, если только она, Мун, может избавить его от печалей и страданий!..

Шум за спиной заставил ее открыть глаза. Она посмотрела в сторону двери и почувствовала, как глаза у нее от изумления раскрываются все шире и шире, а разум отказывается воспринимать то, о чем говорят ему глаза. ОНО было живое и двигалось. ОНО стояло на двух ногах, как человек, но ступни у него были широченные, перепончатые, а движения напоминали плавные колыхания морских водорослей. Серо-зеленое, лишенное половых признаков тело, поблескивающее маслянистой пленкой, было совершенно обнаженным, за исключением плетеного пояска, на котором висели какие-то совершенно неведомые ей предметы; руки существа расщеплялись

на множество плетевидных щупалец. Перламутровые, лишенные зрачков глаза уставились на нее, словно глаза морского духа.

Мун встала; во рту у нее совершенно пересохло, и говорить она была не в состоянии, хотя и пыталась что-то сказать. Она передвинула стул, отгородившись им от кошмарного существа, и попыталась вытащить свой рыбацкий нож. Однако, заметив это ее движение, существо издало какой-то гортанный звук, стремительно отступило к двери и исчезло прежде, чем Мун успела осознать, что оно только что было перед нею.

Теперь на его месте оказался незнакомый ей мужчина, раза в полтора ее старше, с густыми белокурыми зачесанными на косой пробор волосами. Он был в обычной парке, какие носят все рыбаки, но штаны у него были странные — светло-зеленые, яркие.

— Не надо, юная госпожа. Я все видел. — Он протянул руку. На ладони у него лежал какой-то неведомый Мун предмет. — Брось нож сейчас же на пол. И тихо.

Она чувствовала себя очень неуверенно из-за отчетливо звучавшей в его голосе угрозы. Мужчина нетерпеливо махнул рукой, и она бросила изогнутое лезвие на пол. Он подошел и поднял

нож.

— Что вам нужно? — спросила она пронзительным от испуга голосом.

— Давай, Силки, выходи оттуда. — Вместо того чтобы ответить ей, мужчина посмотрел в сторону двери. Оттуда послышались совершенно невразумительные шипящие звуки. Мужчина усмехнулся. — Да, она тоже была ужасно рада встретиться с тобой. Силки. Выходи и постарайся произвести на нее более благоприятное впечатление.

Существо снова осторожно приблизилось. Руки Мун стиснули резную спинку стула. Существо внезапно заставило ее вспомнить о сказочном Древе Жизни, которое словно и в самом деле ожило прямо у нее на глазах.

— Я… денег у меня нет.

Человек равнодушно взглянул на нее и засмеялся.

— А, понятно. Тогда мы все в одном и том же положении. Но отнюдь не по одной и той же причине. Так что веди себя спокойно, и ничего страшного с тобой не случится.

— Кресс! Что тут такое происходит, скажи на милость? — Неожиданно в комнату вошел еще один незнакомец, и только потом Мун разгля-

дела, что это маленькая пухленькая женщина с иссиня-черной кожей и серебристыми седыми волосами. Женщина остановилась, изумленно всплеснув руками. — Ну, дорогой мой, ты никогда не добьешься свидания, если все время будешь держать девушку под дулом пистолета. — Она без улыбки рассматривала Мун.

На сей раз блондин не рассмеялся.

— Я не знаю, много ли она знает, но находиться ей здесь совсем не следовало бы, Элси.

— Очевидно. Ты кто, девочка? Что ты здесь делаешь? — Слова были такие, словно ее просили ответить хотя бы из вежливости; однако в голосе женщины звенела сталь.

— Приятельница… я приятельница Нгенета Миро. А вы — та самая Элсевиер? Та самая, с которой он должен был здесь встретиться? — Мун взяла инициативу в свои руки, заметив по их лицам, что вопросы ее попадают в цель. — Он пошел вас искать. Его можно позвать, наверное… — она посмотрела в сторону двери.

— В этом нет необходимости. — Женщина махнула рукой, и блондин опустил свое оружие в карман — туда же, где исчез и нож Мун. У обоих выражение на лицах несколько смягчилось. — Мы подождем его вместе с тобой. — Кошмарное

существо прошипело какой-то едва различимый вопрос. — Силки вот тоже интересно узнать, почему Нгенет так опоздал?

— У него мотор забарахлил, — машинально повторила Мун слова самого Нгенета. Она переминалась с ноги на ногу, по-прежнему отгораживаясь от незнакомцев стулом.

— А, ну тогда понятно. — Но Мун показалось, что старая женщина не очень-то удовлетворена таким ответом. — А что, разве так уж необходимо ждать его стоя? Мои старые кости начинают ныть при одной лишь мысли об этом. Садись, дорогая, и мы просто посидим здесь, у огня, познакомимся поближе и подождем Нгенета. Кресс, не принесешь ли и нам по кружечке пивка?

Мун в ужасе смотрела, как седовласая женщина и кошмарное существо садятся за ее столик. Однако существо скрючилось у камина — подальше от Мун, — прикрыв глаза и поблескивая в свете пламени маслянистой кожей. Его плоские щупальца поглаживали теплые камни камина с какой-то ритмической усыпляющей монотонностью; некоторые из щупалец были обрублены, некоторые — изуродованы старыми шрамами. Женщина подвинула стул и села рядом с Мун, улыбаясь и, видимо, желая ее подбодрить. Она

расстегнула свой плащ, который явно был ей слишком велик, и оказалось, что она одета в комбинезон, такой же яркий, как и штаны блондина, но только оранжевый.

— Ты уж извини Силки за то, что он не хочет присоединяться к нам; он не очень-то любит незнакомых людей.

Мун медленно обошла вокруг своего стула и осторожно присела. Блондин принес три кружки пива, одну из которых поставил прямо на каминную полку. Мун смотрела, как жуткие щупальца этого морского демона нежно оглаживают кружку, потом подносят ее ко рту. Она взяла свою кружку и сделала несколько больших глотков. Мужчина сел по другую сторону от нее и усмехнулся.

— Придется тебе пока отставить свое пиво, крошка. Ты еще должна нам кое-что рассказать.

Старая женщина неодобрительно крякнула, прихлебывая из, кружки.

— Не обращай на него внимания. Просто расскажи о себе, дорогая. По-моему, ты так и не представилась нам. Меня зовут Элсевиер. А его — Кресс. А это Силки. Он был… партнером моего покойного мужа по бизнесу. Разумеется, Силки — не настоящее его имя. Настоящее мы просто не

в состоянии произнести. Он — диллип с планеты Ци-пун, так что он здесь тоже чужак, как и мы. А ты что же, одна?.. Работаешь у Миро на ферме? — Элсевиер говорила спокойно и дружелюбно.

— Я — Мун. Я… — Она поколебалась, ощущая их недоверие. Она по-прежнему не знала, что лучше: сказать правду или солгать. — Я только недавно познакомилась с Миро. Он меня сюда подвез.

— А потом привел в эту таверну? — Кресс наклонился к ней и нахмурился. — Просто так? Что он тебе сказал?

— Ничего. — Мун отодвинулась от него поближе к старой женщине. — Мне, по правде говоря, все равно, кто меня подвезет. Я только хочу поскорее попасть в Карбункул. Он… сказал: вы поймете. — Она повернулась к Элсевиер, встретилась взглядом с ее внимательными темно-синими глазами, прячущимися в паутине морщинок.

— Пойму — что?

Мун глубоко вздохнула и вытащила трилистник сивиллы из-под свитера.

— Вот это.

Элсевиер явно была поражена; Кресс снова сел и выпрямился. Существо у камина прошипело какой-то вопрос, и Кресс ответил ему: «Она си-

вилла!»

— Что ж… — Элсевиер почти с облегчением вздохнула. — Для нас это большая честь. — Она посмотрела на своих спутников. Кресс согласно кивнул. — Насколько я понимаю, зимнее полушарие Тиамат — не самое лучшее место для предсказателей. Как это похоже на Миро — вечно он во все вмешивается. — Она вдруг улыбнулась, открыто, но очень устало. — Нет, нет, ничего… просто, когда я смотрю на тебя, такую молодую и мудрую, то чувствую себя старой и глупой.

Мун потупилась, по-прежнему судорожно водя пальцем по неровной столешнице.

— Я всего лишь сосуд, куда изливает свою мудрость Хозяйка. — Она машинально повторила традиционную формулу. Они тоже были инопланетянами, и все же они, как и Миро, как и островитяне, реагировали на нее, пожалуй, с уважением и страхом. — Я… думала, что инопланетяне совсем не верят в могущество Хозяйки. Все говорят, что это вы заставляете жителей Зимы ненавидеть предсказателей. Почему же вы не испытываете ненависти ко мне?

— А ты не знаешь? — недоверчиво спросил Кресс. И посмотрел сперва на Элсевиер, потом на существо у камина. — Она что же, не понимает,

кто она такая?

— Конечно, не понимает, Кресс. Служители Межгалактического Кордона желают сохранить на этой планете тьму, невежество и незнание элементарных научных законов, а предсказатели — настоящие маяки знаний. Правда только тогда, когда люди понимают, что означает их свет. — Элсевиер задумчиво прихлебывала пиво. — А ведь мы можем положить начало Золотому Веку на этой планете! Знаешь, Кресс, мы, наверное, самые опасные инопланетяне, когда-либо посещавшие Тиамат…

Мун слегка нахмурилась.

— Что вы хотите этим сказать? Почему это я не понимаю, кто я такая? Я сивилла. Я отвечаю на вопросы.

Элсевиер кивнула.

— Но не всегда эти вопросы бывают правильно заданы. Зачем тебе в Карбункул, Мун, если тебя там ждет только ненависть?

— Я… мне нужно отыскать своего двоюродного брата.

— Это единственная причина?

— Это единственное, что для меня важно. — Он принадлежит мне.

Она посмотрела на трилистник, зажатый в

руке.

— Значит, он для тебя просто родственник?

— Нет.

— Ты его любишь? — в голосе звучала нежность.

Мун кивнула, проглотив комок, невесть откуда взявшийся в горле.

— Он — единственный, кого я люблю и буду любить. Даже если никогда не смогу отыскать его…

Элсевиер потрепала ее по плечу своей скрюченной морщинистой рукой.

— Да, дорогая, я тебя понимаю. Ради иного человека босиком готов пройти по адским угольям. Интересно, почему вдруг кто-то один так сильно начинает отличаться ото всех остальных…

Мун покачала головой. И от меня самой?

— А вы из Карбункула? — Она вскинула на Элсевиер глаза. — Может быть, вы видели его там? Он такой рыжий…

— Увы, нет. Мы не из столицы. Мы здесь… временно. В гостях. — Она посмотрела в сторону двери, словно вдруг вспомнив, чего они, собственно, ждут.

— А… а что вы имели в виду, когда говорили, что вопросы бывают заданы неправильно?

Дверь таверны вдруг резко распахнулась,

словно кто-то хотел вообще вышибить ее, и с грохотом стукнулась об стену. Мун одновременно с остальными вскинула глаза, и ее вопрос повис в воздухе.

В темном дверном проеме возникли две человеческие фигуры: стройный невысокий мужчина и высокая плотного сложения женщина, оба инопланетяне, в отлично сшитой форме полиции Гегемонии. В шлемах. С оружием наизготовку.

— Легавые! — пробормотал Кресс еле слышно. Рука Элсевиер потянулась к горлу, застегивая ворот плаща, надетого поверх оранжевого комбинезона. Потом вдруг темнокожая рука ее бессильно упала.

— В чем дело? — Мун с трудом удержалась, чтобы не вскочить, когда Силки боязливо спрятался за спинкой ее стула. — Кто это такие?

— С этими тебе лучше близко не знакомиться, — тихо сказала Элсевиер и еще раз отхлебнула из кружки, прежде чем посмотреть прямо в глаза незваным гостям. — Что ж, инспектор. Проинспектировать нас решили? Сегодня вы далековато забрались.

— По-моему, и вполовину не так далеко, как вы. — Женщина-полицейский сделала несколько шагов по направлению к ним, внимательно на

них глядя и не опуская оружия.

— Боюсь, я не очень-то вас понимаю. — Элсевиер улыбнулась, сдерживая гаев. — Это просто частная вечеринка, а, мы полноправные граждане Гегемонии, и, по-моему, то, как вы ворвались сюда…

— Да ладно тебе! — Женщина-полицейский махнула рукой и сурово поджала губы. — Ваш корабль засекли еще при подлете; на этой планете вы находитесь нелегально. Кроме того, я обвиняю вас в контрабанде запрещенных товаров. Вставайте! Все, все! И руки за голову!

Мун по-прежнему сидела, застыв и глядя то на Элсевиер, то на Кресса, то снова на Элсевиер; но сами они смотрели только на полицейских. Трилистник впился ей в ладонь — она слишком сильно стиснула кулак, догадавшись вдруг, что этих людей следует бояться. И поспешно спрятала трилистник под свитер.

Однако женщина в форме полицейского заметила это движение и подошла к ней; Мун видела, как она сперва нахмурилась, а потом на ее лице явственно проступило изумление — точно такое же, как у тех двух парней в порту. Второй полицейский тут же предусмотрительно посторонился, заметив, что Элсевиер и Кресс

разом вскочили на ноги. Мун почувствовала, как Элсевиер легонько толкнула ее под локоть и, поднимаясь, неловко уронила стул, так что тот с грохотом упал на пол.

— Давай, Силки! — прошептала Элсевиер, и тот, отделившись от стула Мун, пополз к дальней двери, через которую они тогда и вошли. Мун оказалась прижатой к камину, пока полицейские решали, в кого раньше выстрелить, и тут Кресс, схватив со стола пивную кружку, разбил ею лампочку, свисавшую на проводе с потолка; посыпались голубые искры, и сразу стало очень темно.

— Быстрей!

— БиЗед! Взять его!

— Мун, держись подальше! — Элсевиер довольно грубо оттолкнула Мун, та споткнулась в темноте о собственный стул и чуть не упала, тут же налетев на стол. У нее за спиной слышались шум и крики. В полутьме она заметила, что женщина-полицейский пытается поймать Элсевиер за плащ, как-то машинально схватила со стола вторую пивную кружку и со всей силы обрушила ее на плечо женщины-полицейского, услышав, как та застонала от боли. Элсевиер удалось вырваться, и она повлекла Мун за собой к выходу.

— Никогда, никогда не наноси полицейским «телесных повреждений», дорогая… — Она прошептала это едва слышно, прямо Мун в ухо. — Но все равно — спасибо тебе! А теперь беги!

Мун проскользнула в дверь. Перед глазами мелькали какие-то белые вспышки, комната за спиной вдруг ярко осветилась; потом она выбежала еще в одну дверь и оказалась в темном переулке.

— Сюда! — Позади громко хлопнула дверь. — Скорей!

Они бежали что было духу; Мун буквально тащила пожилую женщину за руку, как бы передавая ей часть своего запаса сил и скорости. Впереди при свете звезд она сперва видела того блондина, Кресса, но потом он нырнул вдруг в какую-то темную дыру. Мун слышала, как дверь у них за спиной снова со стуком распахнулась, и кто-то закричал, обнаружив, что беглецы исчезли. Свободная рука ее внезапно вся, до кончиков пальцев, онемела; но от ужаса она не очень-то обратила на это внимание и полетела дальше, будто на крыльях.

— Пробирайтесь к ракете! — Кресс яростно махал им рукой. — Я прикрою!

— Сюда. — Элсевиер потянула Мун за руку, и

они стали пробираться между грудами мусора и каких-то обломков. Мун все время оглядывалась назад, на Кресса, который затыкал проход в куче мусора какими-то колючими ветками. Одна ветка вцепилась ему в парку; Мун видела, как Кресс пытается освободиться, пока нечто землистого цвета не заслонило его от нее. Элсевиер обо что-то споткнулась в темноте, и Мун протянула руку, чтобы ее поддержать.

Прямо перед ними на небольшой темной площадке, залитой звездным светом, Мун увидела какую-то металлическую штуковину, лежавшую на земле. Сбоку в ней зиял открытый люк, а возле него стояла лесенка на колесах.

— Что это такое?

— Наше последнее убежище, — задыхаясь буркнула Элсевиер. Они подбежали к лесенке и вместе поднялись по ней; наверху их уже ждал Силки. — Двигатель включен?

Силки что-то утвердительно проворчал и сделал неопределенный жест щупальцами.

— Тогда все на борт! Уносим отсюда ноги. — Элси привалилась спиной к перегородке, хватаясь за сердце. — А Кресс где? — Она выглянула из люка, но оттуда видно было лишь мрачное небо да кучу мусора.

Мун тоже высунулась из люка, потом спустилась по лесенке. Она видела, как Кресс бежал к ним, потом споткнулся и упал в нескольких шагах от ракеты. Когда наконец он рывком снова заставил себя подняться, ей показалось, что он движется словно под водой, когда каждый шаг дается с огромным трудом.

— Вот он! Идет!

Кресс добрался до нижней ступеньки, остановился и долго смотрел вверх, прижимая обе руки к животу. У него за спиной Мун заметила обоих полицейских.

— Кресс, скорее!

Но, несмотря на ее крик, он почему-то вдруг остановился посреди лестницы; в глазах его светилось отчаяние.

— Ну же, давай!

Он покачал головой и пошатнулся.

Она теперь ясно видела преследователей; один из них прицелился, а второй крикнул: «Погоди, не стреляй!»

Мун кинулась вниз, схватила Кресса за рукав парки и поволокла наверх, к люку. Следом за ними лесенка вдруг начала сама собой складываться; потом зашипела, закрываясь, дверь, и уши у Мун сдавило так, что она совсем оглохла. Кресс

тяжело осел, ухватившись за створку внутренней двери, а Мун, выпустив его, постаралась удержаться на ногах. Рука ее по-прежнему казалась парализованной; она посмотрела и изумленно вскрикнула: рука была вся в крови.

— Кресс, давай проходи вперед и… — Элси умолкла, увидев скорчившегося на полу Кресса. Мун заметила пятно крови у него на плаще и поняла, что кровь у нее на руках тоже его.

— О боги. Кресс!

Мун опустилась рядом с ним на колени, пытаясь понять, в чем дело. Но он отбросил ее перепачканную кровью руку.

— Нет! — Она вдруг заметила ручку своего собственного ножа, торчавшего из нагрудного кармана его парки; вокруг ручки расплывалось кровавое пятно. — Не трогай… или я истеку кровью. — Мун отшатнулась и опустила беспомощно руки. — Где Элсевиер? — Кресс смотрел куда-то мимо нее.

— Кресс, как же это ты так? — Элсевиер неуклюже рухнула на пол возле него и нежно погладила его по щеке. У нее за спиной в дверном проеме появился Силки.

Кресс усмехнулся побелевшими губами.

— Мне следовало позволить юной даме оста-

вить нож при себе… Когда бежали… я на него сам напоролся. Сунь меня в морозилку, Элси, очень больно… — Он попытался было встать, но не смог и застонал сквозь стиснутые зубы, когда они попробовали его передвинуть.

— Силки, к пульту!

Силки прошел вперед, а они с Элси стали укладывать скрючившегося Кресса на узкую кушетку.

— Так ты, значит, сунул нож в карман!.. Ах, мальчик, ну до чего же глупо! — Элсевиер поцеловала кончики пальцев и нежно прижала их к глазам Кресса.

— Я — астронавигатор… а не… какой-то наемный убийца! Что я… в этом… понимаю? — Он закашлялся; струйка крови сползла из уголка его рта и побежала по щеке к уху.

Элси отступила в сторону, и дымчатый полупрозрачный конус опустился над кушеткой, отделяя от них Кресса.

— Спи спокойно. — Это звучало как прощальное благословение, но Элси отрицательно покачала головой, заметив в глазах Мун ужас и невысказанный вопрос. — Нет, не бойся. Это сохранит ему жизнь, пока мы не доберемся до врачей. Если, конечно, успеем выбраться с этой планеты до то-

го, как легавые созовут все свое святое воинство. Пристегнись, дорогая, такое ускорение может показаться тебе, новичку, весьма неприятным.

Сама же Элси прошла вперед и уселась в кресло перед пультом управления. Силки сидел во втором кресле, щупальца его свисали над мигающей огоньками приборной доской. Прямо перед собой сквозь толстое стекло Мун видела все тот же заваленный мусором двор. Она легла на третью кушетку справа и неуверенно пристегнула ремни. Силки что-то вопросительно забулькал.

— Ну а как же я должна поступить? — резко ответила ему Элсевиер. — Мы же не можем бросить девочку; тем более, что она сивилла. И она так старалась спасти меня… ты ведь знаешь, как они с ней поступят… Взлет!

Мун приподнялась было, прислушиваясь, но тут какая-то невидимая волна ударила ее в грудь, прижав к кушетке. Она от изумления даже задохнулась, а потом с огромным трудом вздохнула, потому что воздух из ее легких будто выдавливали. Она боролась с этим, словно утопающий, но столь же безуспешно, и, в конце концов, потеряла сознание, так и не успев ничего понять. Очнувшись, она не увидела между двумя передними сиденьями ни того грязного двора,

ни вообще какой бы то ни было земли — только звезды. Луна камнем пролетела мимо их окна и скрылась. Мун зажмурилась, почувствовав, как ее втягивает в водоворот какого-то кошмара, черного, бездонного.

Но среди захлестывающих ее волн черной паники она отыскала воспоминание об иной черноте, более густой, всеобъемлющей и абсолютной — о черных глубинах Транса. Да… это было похоже на погружение в Транс. Она уцепилась за эту мысль, как за спасительный якорь, переставая погружаться в пучину страха и чувствуя в окружающей ее стихии нечто знакомое. Она полностью сосредоточилась на этом, как бы привязывая тонкой нитью свое затуманенное сознание к реальности… медленно, медленно приучая себя к мысли, что все это нужно просто перетерпеть.

Снова открыв глаза, она увидела, что звезды все еще снаружи; повернув голову, узнала подмигивающие огоньки на панели рядом с ее кушеткой. Она даже не пыталась их потрогать. Потом вдруг отчетливо услышала голос Элси, приглушенный, почти шепот, и ответы Силки; но абсолютно ничего не поняла из того, о чем они говорили.

— …Проверяю. Пока сигналы тревоги не посту-

пают. Надеюсь, ретрансляторов у них нет… ну, к тому времени, как они сигнал подадут, нас уже и след простынет… Экраны зеленые?

Силки ответил что-то совершенно невразумительное.

— Я тоже надеюсь… но будь готов в любой момент включить запасной двигатель.

(Ответ.)

— Совершенно определенно. Они ищут контрабандистов с других планет… но не очень-то хорошо… во всяком случае, я надеюсь на это…

(Ответ.)

— Ну конечно… Время незаметно пролетело? — слабо захихикала она.

Мун снова закрыла глаза, успокоенная, и просто слушала их невнятный разговор. Они куда-то явно летели в этой металлической штуковине; однако их полет был абсолютно не похож на то путешествие с Нгенетом. Интересно, почему? — подумала она и еще, мимолетно: а вдруг это один из пресловутых межзвездных кораблей?.. Глаза ее вдруг широко раскрылись.

— Элсевиер?

— Да… С тобой все в порядке, Мун?

— Что это мы… Куда мы летим? — Она задыхалась.

— Мы улетаем… Время?

(Ответ.)

— Из колодца-то вырвались! — Сдержанный торжествующий смех. — Уменьши-ка подачу горючего… побережем лучше то, что осталось, для всяких там встреч.

Давящая пелена вокруг Мун рассеялась так же неожиданно, как и возникла. Девушка с облегчением потянулась. Когда исчезла эта ужасная тяжесть во всем теле, ей показалось, что она стала легкой, как пузырек воздуха, поднимающийся к поверхности моря; что у нее вообще нет плоти… что она сейчас взлетит, несмотря на сдерживающие ее ремни. Она дикими глазами смотрела на собственные руки, прижатые к кушетке ремнями.

— Ох-х, Силки. Стара я становлюсь, видно. Слишком это тяжелый для цивилизованного человека способ — такими полетами себе на жизнь зарабатывать!

(Ответ.)

— Ну конечно это было главным! Неужели ты думаешь, что я стала летать туда-сюда исключительно ради денег? И уж конечно не ради удовольствия. — Она поцокала языком. — Но все равно, больше никаких полетов не будет. А в

этот раз мы и гроша медного не заработали, все товары по-прежнему на борту… Ах, бедный Миро! Кто его знает, что там с ним случилось?.. — Мун услышала щелканье пряжки и увидела серебряную голову Элсевиер над спинкой кресла. — Но теперь уж нам этого никогда не узнать. — Элсевиер обернулась и посмотрела на нее. — Мун, ты как там?..

— Не бойтесь! — Мун вскинула на нее изумленные глаза. — Я чувствую присутствие Хозяйки! Этот корабль полон Морем, потому-то мы и плывем… Это чудо!

Элси улыбнулась, печально глядя на нее.

— Нет, моя дорогая, моря-то как раз здесь и нету. Мы сейчас вне пределов досягаемости и твоей Богини, и жителей твоей планеты. Здесь просто отсутствует сила притяжения, которая заставила бы тебя стоять на ногах. Иди сюда, и сама поймешь, что я имею в виду.

Мун нерешительно отстегнула ремни и резко вскочила с кушетки. Элсевиер изогнулась и успела поймать девушку за ногу, прежде чем та ударилась головой о такой же купол, как тот, под которым лежал на соседней кушетке Кресс.

— Осторожней! — Элси подтянула ее к себе, ближе к иллюминатору, и показала вниз. Под ними

виднелась полусфера Тиамат, пенно-голубая, посверкивающая на фоне темного звездного неба.

В глубине души Мун знала, что именно увидит; однако, заглянув в иллюминатор, поняла, что это зрелище превосходит все ее ожидания, и сумела лишь выдохнуть: «Красиво… ах, как красиво!» И прижала ладони к холодному прозрачному стеклу.

— Подожди, вот скоро пройдем Черные Ворота, и ты увидишь, что лежит по другую сторону от них.

— О!.. — Черное зерно сомнения шевельнулось в ее душе. Она отвела глаза от иллюминатора, повернулась к Элси. — Черные Ворота? Но ведь этим путем инопланетяне улетают в иные миры… — Она снова посмотрела в иллюминатор, где ее планета, казавшаяся такой невероятно громадной и многоликой, плыла теперь у нее под ногами, как прозрачный голубой поплавок. — Нет-нет, я не могу пройти через Черные Ворота. Я должна непременно попасть в Карбункул. Я должна найти Спаркса. — Она решительно оттолкнулась от иллюминатора и тут же налетела на спинку кресла, в котором сидел Силки. — А вы не можете… как-нибудь опустить… вернуть меня обратно на Тиамат? Вы ведь можете… по-

жалуйста, верните меня обратно… на землю, в Звездный порт…

— Вернуть тебя обратно? — Морщинка пролегла между голубовато-сиреневыми глазами Элсевиер; она прижала руки к губам. — Ах, Мун, дорогая моя… а я-то боялась, что ты не поймешь! Видишь ли, мы не можем вернуть тебя обратно. Они тут же выследят нас, а у нас и без того уже рыльце в пуху… Некуда нам теперь возвращаться. Боюсь, что, говоря о Воротах, я имела в виду только одно: выбора у тебя нет.

Глава 12

— Это ваша машина? — Джеруша стояла на набережной радом с ховеркрафтом; ее дыхание в ледяном ночном воздухе тут же превращалось в мелкие снежинки. Она мрачно хмурилась, гладя на огромного роста мужчину, прислонившегося к борту ховеркрафта с такой же фальшивой самоуверенностью, с какой вели себя эти контрабандисты в баре. Гундалину стоял с ней радом, покачиваясь с пятки на носок и с трудом сдерживая свой гнев.

— Да, моя. И я имею на это полное право. — Говорил, точно гравий жевал, и резко жестику-

лировал. Свет был неяркий, но все равно сразу становилось ясно, что он с другой планеты — с Н'дойля или с Четвертой. — Вы что же, специально из Карбункула сюда прибыли, чтобы оштрафовать меня за неправильную парковку, инспектор?

Джеруша поморщилась, стараясь за мелочной раздражительностью скрыть глубокое волнение. Она стояла спокойно, скрестив руки под толстыми плащом и поглаживая правую, по которой ударила тяжелой кружкой девушка в таверне. Плечо болело ужасно, под мышкой звездой пылал белый огонь, а само тело ощущалось как некая вселенная, зависимая от этой звезды, жалкая и дрожащая. От боли ее тошнило, и только сильный гнев помогал сохранять ясный рассудок. Какая-то старуха и горстка жалких контрабандистов выставили ее полной дурой, но самым обидным было, пожалуй, то, что она практически сама позволила им это сделать! Черт побери, она ведь должна охранять закон, а не перестраивать его согласно собственным вкусам! Хорошо хоть этот вот не ушел.

— Нет, гражданин Нгенет. У нас иное обвинение в ваш адрес: вы пытались купить запрещенные законом товары.

На лице его было написано отвращение, смешанное с презрением. Догм, я бы отдала все на свете, чтобы хоть раз увидеть, как они поднимают руки и говорят: «Ладно, сдаюсь»!

— Мне хотелось бы звать, на основании каких доказательств вы предъявляете мне подобное обвинение? Вы ведь не найдете…

— Я знаю, что не найдем. У вас не хватило времени заключить сделку. Но вас видели в обществе одного из тех контрабандистов, которым удалось от нас скрыться.

— О чем вы говорите?

Она почти поверила в его искренность.

— Это девушка, примерно семнадцати стандартных лет, очень светлые волосы, очень светлая кожа…

— Она никакой контрабандой не занимается! — Нгенет яростно глянул на нее, оттолкнулся от борта и выпрямился.

— Она была вместе с теми типами, когда мы пытались их задержать, — сказал Гундалину. — И сильно ударила инспектора. Да и улетела она с ними вместе.

— Она островитянка, с Наветренной гряды, ее зовут Мун, Покорительница Зари. Я ее подвез сюда и оставил в гостинице, потому что… — Он

вдруг умолк; Джеруше очень хотелось знать, что именно он так боится выговорить. — Она вообще ничего об этом не знала.

— Тогда почему же она помогла им бежать?

— А что бы сделали вы, впервые явившись сюда с Летних островов, когда двое инопланетян кидаются на вас с оружием? — Он раздраженно прошелся взад-вперед. — Что, во имя тысячи богов, вы бы подумали на ее месте? Кстати, вы ее не ранили?

Джеруша снова недовольно поморщилась, потом криво усмехнулась.

— Хорошо. Давайте начнем с другого конца. — Ей все больше становилось интересно, почему это он так защищает девушку. Неужели она его любовница?

— Вы ведь сказали, что они все спаслись?

Гундалину горько рассмеялся.

— Для совершенно постороннего человека вы слишком сильно заботитесь об их целости и сохранности!

Нгенет не обратил на него внимания, ожидая, что ответит Джеруша.

— Да, им всем удалось уйти от нас. И взлетели вполне успешно. — Джеруша заметила, как изменилось его лицо; причем написано на нем было

отнюдь не облегчение.

— Все? Вы хотите сказать, что девушка тоже улетела с ними? — Он так сказал это, словно каждое слово выговаривал впервые.

— Совершенно верно. — Джеруша кивнула, сжимая здоровой рукой ноющий локоть и пытаясь хоть как-то уменьшить боль. — Они увезли ее с собой. Вы хотите сказать, что на самом деле она тут ни при чем — просто стояла рядом? Она что ж, действительно из местных?

Нгенет отвернулся и поскреб заиндевевшее стекло ховеркрафта рукой в перчатке.

— Это моя вина…

— И моя. Если бы их задержали, с ней все было бы в порядке. — Вот что получается, когда начинаешь перекраивать законы на свой лад.

— Кто она вам, гражданин Нгенет? — спросил Гундалину. — Наверное, не просто знакомая. — Последние слова звучали как утверждение.

— Она сивилла. — Он снова внимательно посмотрел на полицейских. — Теперь уже не имеет значения, даже если вы об этом и узнаете.

Джеруша вскинула брови.

— Сивилла? — Ветер с залива царапнул ее своими ледяными когтями. — Но почему… какая вам, собственно, разница?

— Пойдемте, инспектор. — Голос Нгенета казался еще холоднее ветра.

— Мы слуги закона. Мы обеспечиваем его выполнение, — ох, как она лжет! — А сивиллы находятся под защитой закона даже на Тиамат.

— Так же, как меры, да? Так же, как этот закон «защищает» Тиамат от прогресса?

Она заметила, как напрягся Гундалину: почуял добычу.

— Как давно вы живете на поселении, гражданин Нгенет?

— С рождения, — ответил тот даже с какой-то гордостью. — И отец мой жил здесь, и его отец тоже… Здесь моя родина.

— И вам, конечно, не нравится, как мы ею управляем? — Гундалину словно бросал вызов.

— Да уж, черт побери, чему тут нравиться! Вы пытаетесь удушить будущее планеты в самом зародыше, позволяете такому мерзавцу, как Звездный Бык, вытирать о полицию ноги и безнаказанно убивать невинных меров для ублажения кучки грязных богатеев, которым хочется жить вечно! Да вы просто смеетесь и над Законом, и над Справедливостью!

— Как и вы, гражданин. — Гундалину сделал шаг вперед; Джеруша отлично понимала, что у

него на уме. — Инспектор, для меня совершенно очевидно, что этот человек — куда больший преступник, чем обычный контрабандист. По-моему, нам следовало бы прихватить его с собой в столицу…

— И какие обвинения ему предъявить? Что он — заблуждающийся глупец? — Она покачала головой. — У нас недостаточно доказательств.

— Но он… — Гундалину махнул рукой и нечаянно задел ее больное плечо.

— Черт бы вас побрал, сержант! Я же сказала: придется его отпустить! — Она почти не видела его изумленного лица из-за вспышек жгучей боли. Сморщившись, она пыталась сфокусировать зрение. — Но это вовсе не означает, что я вас отпущу просто так, гражданин Нгенет. И ваше присутствие здесь, и ваше отношение к сложившейся ситуации — уже сами по себе достаточная улика, а потому ваше судно я конфискую. Мы отправим его в столицу. — Струйка пота сбежала у нее от виска по щеке и тут же заледенела.

— Вы не имеете права! — Нгенет громадой возвышался над ней. — Я гражданин Гегемонии!..

— И обязаны подчиняться мне. — Она подняла голову и посмотрела ему прямо в лицо. — Вы житель Тиамат — вы сами выбрали это — и теперь

должны существовать по тем же законам, что и остальные ее жители.

— Но как же я буду справляться со своей плантацией?

— Как и все остальные жители Зимы. Воспользуйтесь обычным судном, договоритесь с торговцами… Вы прекрасно обойдетесь и без ховеркрафта… Впрочем, может быть, вы предпочли бы отправиться вместе с нами в Карбункул, а ваше хозяйство предоставить полиции для электронного обследования на предмет наличия контрабанды? — Она с удовлетворением заметила, что он с трудом сдерживает гнев.

— Ладно. Забирайте машину. Только дайте вещи собрать.

— В этом нет необходимости.

Он изумленно воззрился на нее.

— Я сперва отвезу вас в ваше поместье, а потом отгоню ваш ховеркрафт в Карбункул… А ты, БиЗед, поедешь на патрульной машине.

Гундалину кивнул; по его замедленным движениям она поняла, что он разочарован.

— Вы не хотите, чтобы я сопровождал вас, инспектор?

— Нет. Не думаю, чтобы гражданин Нгенет совершил какую-нибудь глупость. Мне он таким

уж дураком не кажется.

Нгенет издал странный звук, менее всего похожий на смех.

— Что ж, по-моему, пора в путь. — Она кивнула в сторону патрульной машины. Это будет долгое путешествие.

— Хорошо, инспектор. Увидимся в Карбункуле. — И Гундалину махнул ей рукой на прощанье.

Она смотрела ему вслед, пока его судно на воздушной подушке не поднялось над набережной. Небо снова начинало хмуриться; ее пробирал озноб. По крайней мере, в Карбункуле везде центральное отопление… Внезапно в ее душе проснулась тоска по теплому прикосновению напоенного ароматами трав ветра Ньюхевена — как в детстве.

— Ну что ж, гражданин Нгенет…

Нгенет протянул руку и несильно, но твердо сжал ей плечо. Она задохнулась от боли, изумленно и испуганно вздрогнув.

— Ага. Так и есть. — Он не сразу отпустил ее, второй рукой сделав успокоительный жест. — Я просто хотел убедиться, что та девочка с Летних островов действительно ранила вас, инспектор. Может, позволите мне посмотреть, насколько

серьезно?

— Ничего страшного. Садитесь. — На него она не смотрела, стиснув от боли зубы. Он пожал плечами.

— Да пожалуйста. Можете изображать из себя жертву, если вам так нравится. Но на меня это впечатления не производит. Как вы сами сказали, я не дурак.

Она все-таки взглянула на него.

— Подожду, пока меня сможет посмотреть настоящий врач. В космопорте.

— Я тоже настоящий врач, и вполне квалифицированный. — Он повернулся и провел ладонью по шву на обшивке ховеркрафта. Открылась дверца грузового отсека, но освещение было настолько слабым, что Джеруша не могла рассмотреть, что там внутри. Он вытащил какую-то темную сумку или ранец, поставил на землю и раскрыл настежь. — Разумеется, — он присел на корточки и посмотрел на нее с язвительной усмешкой, — вы сочли меня в лучшем случае ветеринаром. Однако, если уж честно, то диагностическое оборудование для всех одинаковое.

Она слегка нахмурилась, не совсем его понимая, однако позволила взять себя за руку и пробежать вдоль нее сканнером.

— Хм, — он отпустил ее руку. — Трещинка. Я бы все-таки наложил гипсовую повязку и ввел какой-нибудь анальгетик.

Она стояла неподвижно, пока он накладывал ей шину. Потом он прижал какую-то пористую подушечку к ее обнаженной ладони, и она почувствовала, как нечто совершенно замечательное начинает гасить боль, огнем горевшую в плече, и с облегчением вздохнула.

— Спасибо. — Она смотрела, как он убирает свою сумку, вдруг подумав, что, наверное, показалась ему чересчур доверчивой. — Вы ведь понимаете, что это нисколько не повлияет на принятое мной решение, Нгенет?

Он снова запер грузовой отсек и сердито ответил:

— Я на это вовсе не рассчитывал. Довольно и моей косвенной вины в том, что вас ранили. Мне это неприятно. Кроме того… — он повернулся к ней лицом, — мне кажется, я кое-чем вам обязан.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы ведь сразу предложили мне целых два выхода. Если бы этот ваш не в меру ретивый сержант настоял на своем, боюсь, для меня бы все кончилось депортацией.

Она едва заметно усмехнулась.

— Нет, если вам было нечего скрывать.

— А кому из нас здесь действительно нечего скрывать, инспектор ПалаТион? — Он отпер дверь салона, глядя на нее и вроде бы чему-то улыбаясь. — Разве вам скрывать нечего?

Она обошла судно вокруг, подождала, пока он изнутри откроет заднюю дверцу, и осторожно села.

— Ну, вы-то об этом, во всяком случае, узнаете последним, Нгенет. — Она неловко пристегнулась одной рукой.

Он ничего не ответил, но продолжал улыбаться, заводя мотор. И ей вдруг показалось, что как раз он-то и узнает обо всем далеко не последним.

Глава 13

— …И уже одно то, что он там оказался, дает основания полагать, что этот человек, возможно, связан с противниками охоты на меров. Его судно на воздушной подушке было конфисковано мной лично. И теперь, лишившись быстроходной техники, он не сможет причинить вашим охотникам особого беспокойства.

Ариенрод откинула голову на расшитую цветами подушку, отделявшую ее от холодной спинки

трона. Она слушала, как инспектор ПалаТион, неприязненно поджав губы, отчитывается перед ней, и чувствовала, что на самом деле все это куда больше интересует ее, чем можно позволить себе показать внешне. Она успела перехватить тот взгляд, которым ПалаТион наградила Звездного Быка, закончив говорить, и по его виду тоже догадывалась о многом, хотя внешне он был почти спокоен. Он отлично проучил в прошлый раз того наглеца и невежу, что сопровождал ПалаТион, а заодно и сам развлекся. Ариенрод нравилось слушать его живописные рассказы о том, что он мог бы сделать с самой ПалаТион, если б имел возможность. Она никогда особенно не интересовалась прошлым своего Звездного Быка, но это прошлое порой так неожиданно вмешивалось в сегодняшнюю жизнь… хотя вообще-то теперь он весьма редко способен был удивить ее чем-либо.

— Кто этот человек, инспектор? Почему он не арестован, если вы установили его виновность? — Голос Ариенрод звучал резко — она с трудом сдерживала острое желание немедленно выяснить, что за таинственные дела творятся в заливе Шотовер.

— Я не располагала достаточным количеством улик, — официальным тоном устало ответила

ПалаТион, словно ей давно надоело отвечать на один и тот же вопрос. — А он, будучи инопланетянином, подлежит юрисдикции Гегемонии, ваше величество, так что вам совершенно не стоит утруждать себя запоминанием его имени и рода занятий. — На лице ее появилась легкая тень упрямства.

— Разумеется, инспектор. — К тому же я достаточно легко могу узнать это сама. Она глянула вниз, где у подножия трона виднелась медноволосая голова Спаркса, Покорителя Зари, беспокойно застывшего на ступенях. При появлении инспектора Ариенрод отослала остальных своих болтливых придворных прочь, однако, по чисто личным причинам, велела юноше остаться. ПалаТион смотрела на Спаркса с очевидным и все возрастающим изумлением. Ариенрод заметила, как тот напрягся — видимо, от гордости, — когда ПалаТион склонила перед ним голову, как бы признавая этим жестом значительность его нового положения. — А девушку с Летних островов, которую подвез этот инопланетянин, сами вы видели?

ПалаТион заметно вздрогнула: о девушке она даже не упоминала!

— Да… я ее видела, ваше величество. — И она

левой рукой непроизвольно коснулась повязки на правой руке. — Но она… ее нельзя было допросить. Она бежала вместе с теми контрабандистами, которых мы пытались задержать. Они… вы ведь знаете: им удалось скрыться. — Она потупилась. — И девушка улетела с Тиамат с ними вместе.

— Нет! — Ариенрод так резко подалась вперед, что это слово, как ни старалась она задержать его, все-таки сорвалось с ее уст. Улетела?.. Улетела… Она бессильно откинулась на подушки, уронив руки на подлокотники и сознавая, что за ней сейчас следят три пары глаз. По карим, глубоко посаженным и слишком внимательным глазам ПалаТион она поняла, что та, должно быть, заметила их слишком явное сходство, однако сейчас, лишь мельком взглянув на королеву, инспектор снова смотрела в пол, словно так и не сумела проследить до конца нить собственных подозрений.

— Вы знаете, как зовут эту девушку? У меня есть основания полагать, что она одна из моих… родственниц. — И пусть ПалаТион строит какие угодно догадки!

— Ее имя Мун, Покорительница Зари, ваше величество.

Ожидая именно этого ответа, Ариенрод на сей

раз сумела сдержать себя, хотя чувства переполняли ее. Однако юноша на ступенях трона, услышав это имя, вдруг выронил свою флейту. Флейта беззвучно скатилась по ковру к ногам ПалаТион, и тишина громадного зала осталась ненарушенной. ПалаТион смотрела на Спаркса пристально и довольно долго, прежде чем снова подняла голову и обратилась к королеве.

— Прошу прощения, ваше величество, что так получилось. — Она еще раз взглянула на Спаркса, словно вдруг догадавшись, что Мун как-то связана с ними обоими. — Я… не думаю, что кто-то специально хотел этого. Просто так вышло. Мне очень жаль.

Ты и понятия не имеешь, как жаль мне. И как я еще пожалею об этом впоследствии. Ариенрод задумчиво крутила перстень на пальце.

— Вы свободны, инспектор.

ПалаТион отдала ей честь и быстро пошла к залу Ветров; красный плащ развевался у нее за спиной. Ариенрод стиснула дрожащие руки. Спаркс вскочил и подобрал свою флейту, с огромным трудом сдерживая отчаяние и растерянность.

— Ваше величество, можно… я могу уйти? — Его зеленые, цвета молодой листвы глаза смотрели в

пол; голос звучал еле слышно.

— Да, ступай. Я тебя позову, если ты мне понадобишься. — Она махнула рукой.

Он бросился прочь, даже не поклонившись как следует. Она задумчиво смотрела ему вслед; его ярко-рыжие волосы казались на фоне белоснежного ковра красными, как свежая кровь: раненое существо, которое стремится заползти в первую попавшуюся щель, совершенно измученное, одинокое, тоскующее, но такое прекрасное…

С тех пор, как он появился во дворце, Ариенрод все время чувствовала, что среди царящей здесь суматохи будто кто-то спит и тревожить его нельзя. Освежающее, совершенно новое желание пробуждалось в ней… Не имеющее ничего общего с тем, что она испытывала по отношению к Звездному Быку или кому-то еще из длинной череды ее бывших и настоящих любовников. С ними было лишь обыкновенное бездушное влечение плоти, удовлетворение ненасытной жажды чувственных наслаждений. Когда она смотрела на Спаркса, ей порой до боли в сердце хотелось ощутить его стройное юное тело рядом с собой, она сгорала от желания просто коснуться его руки, обнять его, прижать к себе… Но, замечая написанные на его лице невинное изумление

и самую искреннюю благодарность… Впрочем, на подобные вещи она давно уже научилась не только не обращать внимания, но и полностью запретила себе эти чувства. Однако Спаркс был возлюбленным Мун — ее второго «я», ее духовной дочери — и казался сам еще почти мальчиком, а не взрослым мужчиной; в его присутствии она как бы снова ощущала запахи родного дома и собственного далекого, давно забытого детства, странно отогреваясь сердцем, которое давно оледенело.

Но он никак не откликался на ее любовный призыв, сперва не слишком настойчивый, но потом достаточно явный. Он каждый раз отступал перед нею, что-то испуганно бормоча и как щитом прикрываясь клятвой, данной им этой девочке, ее, Ариенрод, второму «я». И клятва эта, видимо, спасала его от любых искушений, а ей оставалось лишь гореть в огне собственных неисполненных желаний и надежд. Но теперь, теперь, когда оба они лишились всяких надежд на будущее!.. Она страстно желала, чтобы он сейчас обернулся, чтобы только посмотрел на нее…

Спаркс остановился — одинокая фигурка на снежно-белом поле — и действительно посмотрел на Снежную королеву. На лице его было

какое-то затравленное выражение, и вместе с тем глаза его светились пониманием, когда она, уставившись прямо на него, словно заставляла его осознать: мы оба, оба потеряли ее…

В конце концов, он все же отвернулся от нее и пошел к винтовой лестнице, что вела на верхние этажи дворца.

— Теперь, когда рыбка сорвалась с крючка, может, и наживку выбросить пора?

Ариенрод вздрогнула и оглянулась на Звездного Быка, ощущая острую как бритва ревность, которая всегда слышалась в его голосе, когда он говорил о Спарксе.

— Ради бога, избавься наконец от этого островного утенка и от его дурацкой свистелки, Ариенрод. Меня просто тошнит от его дудки. Выброси его назад, на ту помойку, где подобрала, а не то я…

— Что — ты? Неужели теперь мной начинает командовать мой Звездный Бык? — Она чуть наклонилась вперед, приподнимая свой скипетр.

Он отступил и опустил глаза.

— Нет. Я только прошу тебя, Ариенрод. Только прошу… Избавься от него, пожалуйста! Он ведь не нужен тебе теперь, когда эта девчонка…

Она резко ударила скипетром по руке, лежав-

шей на подлокотнике; у него вырвался вопль изумления и боли.

— Я же предупреждала, чтобы ты никогда не смел говорить со мною об этом. — Она прикрыла рукой глаза, точно желая отгородиться от него. Да, она проиграла эту партию, проиграла! Ее планы, все ее будущее рухнуло из-за одного-единственного неверного жеста судьбы. Девять семян удалось ей посеять; один лишь безупречный колос дали они... и вот теперь нет и этого последнего. Из-за вмешательства проклятых безмозглых инопланетян, чью затянувшуюся тиранию она так надеялась сокрушить. Если бы они даже знали о ее планах, и тогда не сумели бы нанести ей более сокрушительный удар. А теперь?.. Что же ей делать теперь? Непременно следует продумать новый план, сделав его не столь уязвимым... Впрочем, новый план может оказаться значительно более опасным для нее самой... Но ведь у нее пока еще есть время, и можно успеть выяснить все «за» и «против»...

Ну а пока она отомстит всем виновным. О да, уж это-то она может сделать немедленно!..

— Сперва ЛиуСкед. Он мне заплатит за это сполна. Я хочу проучить этих легавых как следует. О комиссаре полиции необходимо должным обра-

зом позаботиться…

— Ты хочешь убить комиссара полиции? Только из-за того, что девчонка куда-то улетела с Тиамат? — Звездный Бык явно был потрясен.

— Нет. Не убить. — Она покачала головой, играя перстнями. — Это слишком просто. Я хочу, чтобы он был до последней степени унижен, раздавлен, чтобы он потерял все на свете: положение, уважение друзей, собственное достоинство… Я хочу, чтобы история, которая случится с ним, унизительным пятном легла на всю полицию. Ты прекрасно знаешь людей, которые способны устроить нечто подобное… так отправляйся же в Лабиринт немедленно и займись этим.

Глаза Звездного Быка блеснули в прорезях маски.

— Но зачем тебе все это, Ариенрод? Неужели из-за каких-то жалких островитян, которых ты прежде даже ни разу не видела? Сперва этот щенок понадобился тебе для того, чтобы приманить сюда девчонку; теперь ты затеваешь какую-то месть полиции — потому что девчонка исчезла… Что, во имя семи кругов ада, все это значит? Кто она для тебя?

— Это значит… — она вздохнула, задержала дыхание, — …это многое значило для меня, одна-

ко тебе я ничего объяснять не стану — не могу, даже если б хотела. — Она, впрочем, кое-что уже рассказывала ему — но только в самых общих чертах, без каких-либо подробностей, — потому что ревность по отношению к мальчику сделала его почти неуправляемым. Пока Звездный Бык был уверен, что интерес Ариенрод к прочим ее любовникам носит достаточно поверхностный характер, он оставался спокоен; но Спаркс оказался для нее чем-то большим, и не только одна она понимала это. Ей не нравилась агрессивная властность Звездного Быка, но, как и все прочие его слабости, это его качество тоже можно было использовать. Потому она рассказала ему о существовании Мун, не упомянув о причине, которая ее существование обусловила…

— Поскольку теперь ее больше нет на Тиамат, тебе должно быть безразлично, кем она была для меня. Забудь о ней. — Как и я должна забыть…

— А мальчишка? — спросил он запальчиво.

— И о нем тоже пока забудь. — Она заметила, как он нахмурился. Чем дальше отступаешь, тем яростнее тебя преследуют. Спаркс не шел у нее из головы. — Сосредоточься на том, что я тебе велела в отношении ЛиуСкеда, и ты очень, очень утешишь меня. — Она легко коснулась его плеча.

Он кивнул, и она почувствовала, как под ее пальцами расслабились могучие напряженные мышцы.

— А как насчет ПалаТион? Это же ее просчет, в конце концов. Ты хочешь, чтобы что-нибудь такое устроили и для нее?

— Нет. — Она задумчиво посмотрела в сторону зала Ветров. — На ее счет у меня совсем другие планы. Она свое заплатит… поверь мне, заплатит с лихвой! А теперь иди. Я хочу, чтобы все устроилось как можно скорее.

Он поклонился и вышел. Она осталась в громадном белом зале одна.

Глава 14

Спаркс лежал ничком, раскинув руки, поперек своей широченной кровати, и пальцем размазывал на покрытом изысканной резьбой изголовье капельки пролитого иноземного вина. Улетела. Ее больше нет… Он повторял эти слова снова и снова, безостановочно водя пальцем по резному рисунку. Но не хватало сил поверить в это; не хватало сил ни на эмоции, ни на движение — ни на что. Не было слез. Как могло случиться, что она вдруг исчезла из его мира — столь же безвозврат-

но, как если б умерла? Кто угодно, только не Мун! Ведь она всегда была частью его собственной жизни — с того самого дня, как он появился на свет. Ведь она дала ему клятву верности…

Но нарушила эту клятву и стала сивиллой! Зачем? Почему она так с ним тогда поступила? И теперь — почему она это сделала? Потому что считала, что он к ней никогда не вернется? Ах, почему он тогда не поехал в Нейт! Если бы он был дома, когда она вернулась с Островов Избранных, такого никогда бы не произошло.

Но он в Нейт не поехал. Сперва из-за того, что сразу все как-то не заладилось, а потом, когда его нашла Снежная королева, из-за того, что ему было слишком хорошо во дворце. И в тот, и в другой раз — из-за Карбункула. Нейт и весь мир Лета казались теперь далекими и серыми, словно неведомый, скрытый в тумане берег; единственной реальностью был калейдоскоп столичной жизни, целиком поглотившей его, захватившей настолько, что теперь он никогда уже не сможет удовлетвориться узким мирком островов и моря… Море… море теперь казалось ему всего лишь лужицей воды на каменном шарике планеты… Так было почти со всеми жителями Карбункула. Они часто клялись тысячей богов, но крайне

редко молились им — и все необходимые ответы получали от своих машин.

Здесь, в соседней комнате, на столе сейчас лежало описание одной из таких машин… Спаркс битком набил свои в высшей степени просторные апартаменты, отведенные ему королевой, инструментами, приборами и механизмами, которые умели говорить, петь и даже слушать; которые сами умели рисовать и показывать различные картинки; которые сообщали ему, который час, как далеко отсюда до ближайших звезд и многое другое. Иногда он пытался разобраться в их устройстве, но каждый раз у него в руках замечательные работающие механизмы превращались в кучу мусора, или оказывалось, что внутри у них пустота или какие-то металлические стружки, сухой кал насекомых, бесполезные проволочки… Королева каждый раз подбадривала его и позволяла ему исследовать любые приборы и механизмы, имевшиеся во дворце; даже посылала его в Лабиринт, где было множество магазинов, чтобы он мог купить себе новые игрушки.

Он так и не понял, почему она тогда выбрала именно его и почему так щедро награждает за ту малость, что он для нее делает. Впрочем, теперь

он уже не так сильно удивлялся этому. Сперва он заметил, как Снежная королева слушает его игру — то было напряжение, ничего общего с музыкой не имевшее; и это владевшее ею напряжение заставляло пальцы Спаркса спотыкаться и брать неверные ноты; порой у него возникало ощущение, что он стоит перед ней голый. А потом — то легкое касание, то шепотом сказанное нежное слово, поцелуй невзначай, нечаянная встреча в укромном уголке… И она была так невероятно похожа на Мун, что отвести от нее глаза было ему нелегко; и невозможно было не замечать ее чувств, не слышать зова собственной плоти…

Но это была не Мун. Это была вечная, нестареющая королева Зимы, и когда он наблюдал, как она обращается с инопланетянами и местными богатеями, получившими у нее аудиенцию, истина эта становилась для него тем более ясной.

В Снежной королеве было то, чего Мун не смогла бы, наверное, приобрести и за всю свою жизнь — глубокая мудрость, расчетливая рассудительность, богатейший опыт, прикрытые флером всепонимающей улыбки. И еще было в ней кое-что, чего никогда не будет в Мун… впрочем, он бы, пожалуй, и не смог бы назвать это словами… Как и в Мун было нечто, совершенно не

свойственное Снежной королеве. Нет, Ариенрод никогда бы не смогла заполнить все его мысли, занять место Мун; и никогда бы не смогла стать той единственной, с кем он, как прежде с Мун, разделил бы все…

Но они были немыслимо похожи, и он уже так давно никого не любил… разве что иногда, случайно, в городе… Ариенрод стала его действительностью, Мун — только воспоминанием. И он начинал этого бояться; он боялся утратить связь с реальностью, но боялся утратить и собственное «я», а потому промолчал, когда, наверное, следовало принять ее недвусмысленное приглашение…

Но теперь обрезана та нить, что связывала его с жизнью на островах. Мун больше нет. Покинула Тиамат. Улетела неведомо куда. Теперь больше нет причин возвращаться домой… все равно не распутать то, что они напутали со своим будущим… Он никогда больше не увидит ее, никогда не почувствует рядом ее обнаженное тело — как тогда, впервые, на плетеном коврике у камина… Тогда ветер гремел кровлей и свистел за окнами в темноте, а в соседней комнате спокойно спала бабушка… Слезы наконец полились; он повернулся на бок и похоронил их в теплой мягкой подушке.

Он не столько услышал, сколько почувствовал, что в комнату кто-то вошел, — пахнуло холодным ветерком из открывшейся и бесшумно затворившейся двери. Он приподнялся, вытирая мокрые щеки, и хотел было вскочить, узнав королеву, но она удержала его, положив руку ему на плечо.

— Нет. Сегодня мы с тобой не королева и ее подданный, а всего лишь двое людей, одновременно потерявших того, кого любили. — Ариенрод присела с ним рядом. Ее свободно струящееся платье приоткрывало одно плечо. Она была одета почти просто, на шее — лишь ожерелье из кованых металлических листьев, нанизанных на шелковую нитку с узелками.

Он еще раз вытер лицо, как бы стирая с него и собственную растерянность. Но ничуть не смутился.

— Я… я не понимаю… ваше величество. — Зачем она пришла сюда, почему сидит на его постели? Можно подумать… — Откуда вы узнали? О Мун? О Мун и обо мне?

— Тебе, значит, по-прежнему не ясно, откуда я все знаю? После стольких дней, проведенных здесь? — Она улыбнулась.

Он потупился, обхватив руками колени.

— Но почему… именно мы? Столько людей…

мы ведь всего лишь дети Лета.

— Разве ты до сих пор ни о чем не догадался, Спаркс? Посмотри на меня. — Он поднял голову. — Я ведь напоминаю тебе кое-кого?.. Я напоминаю тебе Мун, не правда ли? — Он кивнул. — Ты думал, я этого не знаю? — Она коснулась его плеча. — А я знаю все. Знаю, что это… беспокоит тебя. Она мне родная, одной крови со мной; ближе мне, чем даже ты — ей.

— Может быть, вы… — Он пытался представить себе, в каком родстве они могли состоять, ибо были удивительно похожи, даже в мелочах. — Вы ее тетя? Сестра ее отца?..

Ариенрод покачала головой; светлая прядь волос выпала из прически и заструилась по шее.

— У Мун нет отца… И самой ее тоже больше нет у нас — ни у тебя, ни у меня. Мне так и не представилось возможности повидать ее, но она мне была так же необходима и бесконечно дорога, как и тебе. Может быть, даже больше. Когда-нибудь, надеялась я, она сможет тоже поселиться здесь, в столице, с нами вместе. — На него Ариенрод больше не смотрела; взгляд ее беспокойно скользил по стенам, по украшенной резьбой столешнице…

— Она бы сюда никогда не приехала. — Голос Спаркса звучал уверенно. — Во всяком случае,

после того, как стала сивиллой.

— Ты думаешь, нет? Даже ради тебя? — Рука Снежной королевы все еще сочувственно сжимала его плечо. Он вздохнул.

— Для нее всегда важнее всего было стать сивиллой. Но почему вы сразу не сказали мне… о ней и о вас? И… о нас? — Каким-то образом получилось, что он разговаривал уже как бы не с королевой, а с тем единственным человеком, который способен был понять, сколь велика его утрата.

— Я бы непременно со временем рассказала тебе. Вот теперь рассказываю… Мне хотелось сперва понять, хорош ли возлюбленный у моей… родственницы; тот, кого она предпочла всем остальным. Надо сказать, я весьма одобряю ее выбор, весьма! — Рука Ариенрод снова легонько сжала его плечо. Потом она убрала руку и раздраженно отбросила за спину выпавшую из прически прядь; от этого движения волосы ее совсем рассыпались по плечам. Он никогда не видел ее такой — усталой, огорченной, разочарованной. И человечной. Такой похожей на него самого… такой похожей на Мун.

— Теперь я уже никогда не узнаю Мун, Спаркс. У меня остался только ты, чтобы рассказать о ней,

напомнить мне, какая она. Расскажи мне, что ты помнишь наиболее ясно и наиболее глубоко связываешь с ней. Что она любила? Что ты в ней любил больше всего? Расскажи мне, как сильно ты ее любил…

Та ночь, наполненная светом очага и шумом ветра, снова возникла в его памяти; и еще — связанные с той ночью тысячи других воспоминаний о Мун: девочка в грубых рукавицах, с ним вместе вытаскивающая из полной сети рыбу и раскладывающая ее на ледяной палубе: девочка, бегущая по пляжу с раскинутыми навстречу ветру руками; и снова она, уже почти взрослая, любимая, шепчущая ему нежные слова и сама такая нежная, теплая рядом с ним…

— Я не могу. Не могу рассказать вам о ней… — Голос у него сорвался. — Не теперь.

— Ее больше нет, Спаркс. — Ариенрод вытащила из волос диадему и тряхнула головой; волосы светлым водопадом рассыпались по ее простому серо-голубому платью. — Но ты не совсем потерял ее. Нет — если сам этого не хочешь… — Она склонилась к нему. — Мы ведь очень похожи с ней, правда?

Он уставился на нее: эта масса вьющихся волос цвета слоновой кости, это хрупкое девичье тело,

скрытая мягкой тканью платья небольшая высокая грудь — яркие губы, глаза, как моховой агат… В глазах ее был вопрос, но ответ уже читался на склонившемся к нему лице.

— Позволь мне стать для тебя — Мун. — Она кончиками пальцев коснулась его рыжих волос — такое знакомое, чуть пугливое движение! Он почувствовал, что у него на виске забилась жилка. В голове шумело море, вот только он не знал, благословляло оно его или проклинало. Да и не хотел знать.

Море тоже не смогло бы погасить огонь, зажегшийся в его душе. Спаркс протянул руку и впервые коснулся обнаженного плеча Ариенрод, ее прохладной округлой руки…

Она затрепетала под этой лаской и потянула его к себе, упав на постель и уверенно руководя им…

* * *

— Дай мне почувствовать, как сильно ты любишь ее…

Спаркс лежал с закрытыми глазами, слушая собственное тело, упивающееся благодатной истомой. Он вдохнул мускусный аромат прильнувшей к нему Ариенрод, ощущая теплые изгибы ее тела. Морем от нее не пахло совсем;

зато пахло какими-то заморскими духами. И все-таки присутствие моря он в ней ощущал; Моря и Хозяйки, вечно юной, одетой в пену… и морские птицы слетают с ее волос, а губы ее — словно заря или… кровь… Это Хозяйка лежала так же тихо и ждала его в течение долгих столетий… Он слушал ее ритмичное и тихое дыхание; потом открыл глаза, чтобы еще раз взглянуть ей в лицо. Глаза Ариенрод были закрыты; она чуть улыбалась в полудреме. Сейчас она казалась ему той, чьим именем он назвал ее, когда совсем потерял голову…

Он вздрогнул от изумления, в очередной раз осознав, что рядом с ним лежит сама королева Зимы. Но тут же исполнился глубокой нежности; ему до боли хотелось осчастливить ее, одарить любовью, которую он поклялся отдать той, другой, ее второму «я». Сейчас ему хотелось быть верным только ей, отдать за нее жизнь…

— Ариенрод… — он выдохнул непривычное имя. — Ариенрод. Я хочу, чтобы, кроме меня, у тебя никого не было.

Она открыла глаза и посмотрела на него с явным осуждением.

— Нет. Нет, любовь моя, это невозможно.

— Почему? — Он жестом собственника обнял

ее и прижал к себе. — Я был единственным для Мун. Позволь мне быть единственным и для тебя. Я не хочу становиться всего лишь еще одной рыбкой в твоем неводе. Не хочу делить тебя с сотней других.

— Но ты должен, Спаркс. Я твоя королева и повелительница. Никто не смеет ограничивать мои действия, никто не смеет командовать мной… я никогда и никому не позволю этого. А потому никогда не будет никого, для меня единственного — ни мужчины, ни женщины. Я сама — Единственная. Но такого, как ты, у меня тоже никогда не будет… — Она нежно поцеловала его в лоб, потрогала медальон, лежавший у него на груди. — Мой Звездный Мальчик.

Он вздрогнул.

— В чем дело?

— Так называла меня она. — Спаркс резко приподнялся на локте, глядя на Ариенрод сверху вниз; она лежала спокойно, улыбаясь ему, словно выпав вдруг из потока безжалостного времени. — Если я не могу быть для тебя единственным мужчиной, то позволь мне, по крайней мере, стать тем единственным, с кем будут считаться! — Он вспомнил язвительного и недружелюбного человека, всегда стоявшего

по правую руку от Ариенрод; этот человек вечно поддразнивал его и смеялся над ним по любому поводу, с каким-то злобным весельем все глубже погружаясь в пучину горькой ревности. — Я хочу вызвать на поединок Звездного Быка!

— Звездного Быка? — Ариенрод удивленно заморгала. Она была искренне поражена. Потом рассмеялась. — Любовь моя, ты здесь слишком недолго, ты вряд ли понимаешь, что говоришь… нет, ты слишком юн и полон жизни, чтобы жертвовать этим. Ибо жизнью тебе и придется пожертвовать, если ты бросишь вызов Звездному Быку. Мне приятно твое желание, однако этот поединок я запрещаю. Поверь, для этого человека в моем сердце уже нет места. С того самого дня, когда я впервые надела маску Снежной королевы — ах, это было так давно!.. — выражение ее глаз переменилось, она больше не видела перед собою Спаркса, — …в постели моей и в моей жизни не было ни одного мужчины, который заставил бы меня тосковать по тем временам, когда я звалась просто Ариенрод и жила в мире невежественном, но свободном; когда сны и мечты что-то значили для меня именно потому, что далеко не всегда воплощались в жизнь… Ты заставляешь меня мечтать об утраченной невинности, Спаркс… ты

заставляешь меня МЕЧТАТЬ. Зачем тебе это? Ты ведь все равно не сможешь прыгнуть выше собственной головы, чтобы заставить меня любить тебя — единственного. А Звездный Бык способен убить тебя любым оружием, какое бы ты ни выбрал, даже голыми руками. К тому же Звездный Бык непременно должен быть инопланетянином, чтобы поддерживать контакты с другими инопланетянами и помогать мне держать их на короткой сворке.

— Но ведь я тоже инопланетянин! — Он покачал в воздухе своей медалью. — С другой стороны, я в достаточной степени принадлежу нашему миру и ненавижу его — подобно тебе. Я много слушал и смотрел; и многому научился у тебя во дворце. И в городе тоже. Я понял, зачем Карбункул инопланетянам. Остальному меня можешь научить ты… — Он улыбнулся: такой улыбки Мун бы не поняла. — И я знаю, что действительно могу бросить Звездному Быку вызов и выиграть поединок — даже если ты в это и не веришь. — Он перестал улыбаться.

Ариенрод молча, изучающе смотрела на него; он чувствовал, как глаза ее как бы что-то взвешивают и измеряют. Кажется, тень промелькнула по ее лицу, прежде чем она кивнула.

— Хорошо. Можешь вызывать его. Но если проиграешь, я назову тебя жалким маленьким хвастуном и займусь с ним любовью у тебя на могиле. — Она поймала качавшуюся в воздухе медаль и притянула Спаркса к себе.

— Я не проиграю. — Он снова жадно припал к ее губам. — И если я не могу быть твоим единственным возлюбленным, то буду среди них лучшим!

Глава 15

Утро только началось. Звездный Бык готовился медленно, тщательно, стараясь каждым движением утвердиться в мысли о том, что полностью контролирует себя. Он был в удобном облегающем костюме, предназначенном для охоты на меров, а не в обычной своей траурно-мрачной одежде. Так будет ловчее. Он натянул черные кожаные перчатки, аккуратно расправив их на каждом пальце, надел глубокий остроконечный шлем. В голову ему вдруг пришло, что он, возможно, в последний раз надевает его; мышцы напряглись. Он с отвращением отверг позорную мысль — вот так он отшвырнет со своего пути и этого мальчишку!

Значит, этот молокосос, этот недоносок с Лет-

них островов считает, что может занять его место? До того обнаглел, что даже осмелился бросить ему, Звездному Быку, вызов — и Ариенрод дала согласие на поединок! Конечно, неприятно уже и то, что так поступила она, но каков противник! До сих пор верилось с трудом, что Ариенрод воспринимает их поединок всерьез. Но иначе она не позволила бы невежественному молокососу с какого-то задрипанного островка называть себя инопланетянином, хоть у него на груди и висит эта фальшивая медалька. Неужели она так в нем уверена?

Нет, просто захотела развлечься; на нее это так похоже. Она вообще сильно переменилась с тех пор, как получила известие о сестрице этого Покорителя Зари: стала задумчивая, равнодушная, теперь с ней еще труднее общаться, чем прежде. Ему всегда казалось, что ничто в мире не способно пробить броню ее сверхъестественного эгоизма, поколебать ее чудовищную самоуверенность. Кем же была для Ариенрод эта девушка, если она так внимательно следила за ней долгие годы? Он бы многое отдал, чтобы узнать, где ахиллесова пята Снежной королевы…

Он знал, чем дорог ей этот мальчишка — она все-таки настигла ускользающую жертву и за-

тащила к себе в логово, хотя погоня была самой долгой и упорной из всех, какие ей когда-либо приходилось предпринимать. Мальчишка-то был либо слабоумным, либо нарочно изображал из себя этакую нерешительную невинность; впрочем, и то и другое действовало на нее отлично. Лицо Ариенрод в те моменты, когда она смотрела на юного островитянина, приводило Звездного Быка в бешенство; он молчал, но страдал от такой невыносимой ревности, какой никогда не знал прежде, несмотря на ее бесчисленных любовников.

Ну а теперь все это неважно. Нечего терять время зря и потеть над разгадкой. Все ясно: он ей уже надоел. Едва угасал охотничий пыл и недосягаемый прежде объект становился добычей, она спешила избавиться от очередного возлюбленного — как и от всех его предшественников. В этом был, пожалуй, свой смысл, и это вполне соответствовало характеру Ариенрод. Она, разумеется, снова будет принадлежать ему; она к нему вернется — она всегда возвращалась к нему, потому что только он знал, что именно ей нужно, и умел дать ей это.

Что ж, он с удовольствием еще разок позаботится о ней — убьет надоедливого ублюдка.

Ариенрод, правда, предоставила мальчишке право выбирать оружие, но и это Звездного Быка не тревожило: он-то отлично управится с любым оружием в отличие от жалкого музыкантишки, который только и умеет в свою свистелку дудеть. Ситуация, конечно, почти унизительная… но ничего, он позабавиться сумеет!

Звездный Бык изучил свое отражение в зеркале и остался весьма доволен. Потом надел перевязь и направился в зал Ветров, где была назначена встреча. Странное место для поединка, но ничего выяснять он не стал. Придворные и слуги, когда он проходил по залам, уступали ему дорогу, украдкой обмениваясь тревожными взглядами. (Даже самые знатные всегда побаивались его; ну хоть, по крайней мере, не поносили за глаза, жалкие высокорожденные ублюдки!) Всем уже было известно, что поединок состоится сегодня, хотя никто так и не узнал, кто же осмелился бросить вызов Звездному Быку и чем все это закончится. Впрочем, все догадывались.

Интересно, подумал он, какое оружие выберет мальчишка? Руки у него буквально чесались от нетерпения; он расслабил мышцы и помассировал их. Дуэли хотя и были разрешены в Зимнем полушарии, но ни один уважающий себя житель

Зимы не признался бы в том, что они ему по душе: дуэли считались здесь наследием темных времен, когда Гегемония еще не пролила благословенного света просвещенности на их затерянный мир и единственной властительницей планеты считалась Мать Моря, Хозяйка — по крайней мере, в глазах жителей Тиамат — и люди сражались за то, чтобы получить ее волшебное благословение… точно так же, как теперь убивают друг друга ради благосклонности Снежной королевы. Однако презрительное отношение местных жителей к дуэлям было Звездному Быку безразлично; ему нравилось проверять себя в сражении, нравилось доказывать всему миру, Ариенрод и себе самому — каждый раз, когда он одерживал победу, — что он не только сильнее, но и умнее всех своих соперников. И пусть на Харему он от рождения принадлежал к самой низшей касте и каждый высокорожденный мог заставить его есть дерьмо, он сам выбрался из этой помойки! Достиг такого положения и власти, какие и не снились даже самым образованным и знатным технократам! Сейчас у него есть все, даже «живая вода»! А ведь немало высокорожденных пустили на ветер свое состояние, чтобы спасти хотя бы день, неделю, месяц своей неуклонно бегущей под откос жизни.

Он же пил из источника юности каждый день! Такова была особая привилегия любого Звездного Быка. Пока он мог дать Ариенрод то, что ей требовалось, он имел и будет иметь то, что хочет. А стареть ему вовсе не обязательно, так что он никому не уступит первого места при дворе Снежной королевы!

Наконец он добрался до зала Приемов. Огромный зал был пуст и тих, словно затаил дыхание. Звездный Бык, мягко ступая по ковру, пересек его. Интересно, думал он, как чувствует себя человек, просидевший на троне сто пятьдесят лет? На что вообще это похоже — даже просто прожить так долго; быть свидетелем возвращения инопланетян и возрождения власти Зимы, видеть, как нарождалась здешняя цивилизация, дожить до верхнего пика ее развития и наслаждаться ею, пока она снова не начнет приходить в упадок? Ему хотелось бы знать, что чувствуют местные долгожители сегодня. И вдруг ему пришло в голову, что если бы он сам прожил так долго, то, наверное, лучше понимал бы неожиданные выходки Ариенрод.

Он давно потерял счет женщинам, которыми обладал — от высокорожденных технократок до рабынь; некоторых он ненавидел, большую

часть просто использовал, одну или двух уважал, но никогда ни одной из них не любил. Никто никогда не сумел доказать ему, что любовь — это нечто большее, чем просто слово из шести букв. Только слабаки и неудачники верили в любовь и в богов…

Но никогда в жизни у него не было такой женщины, как Ариенрод. Она казалась ему даже не женщиной, а стихией; но больше всего его привлекала ее необычайная многоликость. И это она заставила его почувствовать собственную уязвимость — а ведь он не желал этого признавать! — и в итоге ему пришлось, пусть неохотно, но все же поверить в могущество здешней странной Богини… Впрочем, теперь он уже не получит ста пятидесяти лет молодости и удовольствий — даже если б очень этого захотел — и не успеет научиться отгадывать ее загадки. У него осталось всего пять лет — а потом он либо сбежит отсюда, либо умрет, ибо через пять лет наступит Смена Времен Года, господство Зимы кончится, и Ариенрод должна будет умереть… и он с нею вместе — если вовремя не смоется, конечно. Можно даже сказать, что он успел полюбить Ариенрод, хотя никогда и никого в своей жизни не любил, кроме себя самого. Впрочем, все-таки вряд ли он любил

Снежную королеву больше собственной жизни.

Она уже ждала, когда он вошел в зал Ветров. Колодец застонал и завздыхал у нее за спиной, радостно приветствуя появление своей потенциальной жертвы. Потоки воздуха, идущие снизу, вздымали молочно-белые волосы Ариенрод, облаком окутывавшие ее плечи, с которых ниспадал знаменитый плащ Снежной королевы, сделанный из перьев и пуха арктических птиц и украшенный серебряным кантом. Плащ казался невесомым, как туман… Звездный Бык хорошо помнит его пушистую воздушность. Ариенрод надевала этот плащ шесть раз — во время каждого из его поединков с очередным претендентом; она была в нем и тогда, когда своего предшественника на поединок вызвал он сам.

Его Гончие стояли слева, чуть поодаль; их шкуры блестели, перламутровые равнодушные глаза были прикрыты внутренней пленкой. Они явились, чтобы при любом исходе засвидетельствовать свою готовность служить победителю — и получить в качестве награды труп побежденного. За эти десять лет он никогда не вникал в суть их бесконечных заунывных разговоров, порой не делал этого сознательно. Он не знал, какое значение имеет для них секс, и вообще

— есть ли у них половые различия. Считалось, что их разум ниже человеческого, но как, черт побери, можно судить о совершенно чуждом людям разуме негуманоида? На некоторых планетах диллипов использовали как рабов; но ведь и людей тоже зачастую продавали в рабство. У него вдруг мелькнула мысль: интересно, о чем они сейчас думают? Гончие как раз обернулись и смотрели на него. Может ли их занимать что-либо, кроме убийств?

Он светски поклонился — сперва королеве, потом этому мальчишке.

— Я к вашим услугам. Назовите оружие. — Впервые привилегия выбора оружия была дарована не ему. На мгновение он встретился с глазами Ариенрод; взгляд этот не только не ободрял его, но лишь подтверждал ту холодность, что поселилась в ее душе по отношению к нему с тех пор, как во дворце появился этот мальчишка. Неужели она по-прежнему сходит с ума из-за этого ничтожества? Неужели действительно надеется на его победу?

Звездный Бык помассировал запястья, внезапно почувствовав себя не в своей тарелке. Черт бы ее побрал! Ей это даром не пройдет! Когда он убьет молокососа, она снова окажется в его

постели, будет ей это угодно или нет! Он пытался как-то обуздать все возрастающий бешеный гнев: необходимо было собраться.

— Ну, и каков же ваш выбор?

— Ветер. — Спаркс натянуто улыбнулся и, словно уточняя, обвел вокруг себя рукой. — Мы поднимемся на мост, и тот… кому лучше удастся овладеть ветрами, сумеет устоять и не упадет. — Он медленно вытащил из сумочки на поясе свою флейту и поднес ее к губам.

Звездный Бык затрясся от смеха. Так, воображение у мальчишки вполне развито… только простоват он! Благородные придворные со своими свистками могут, конечно, спокойно пройти над Колодцем, но не способны управлять двумя стихиями одновременно. Зато он, Звездный Бык, с помощью своего прибора может извлекать такие сочетания звуков и обертоны, которые способны не только защитить его от ветров, но и позволяют одновременно вести атаку. Если мальчишка думает, что он оснащен лучше, обладая лишь жалкой флейтой из морской раковины, то придется ему пережить тяжкое — и последнее в его жизни — разочарование.

Ариенрод чуть отступила назад; в своем белом плаще она почти сливалась с прозрачными пане-

лями над мостом.

— Пусть победит сильнейший. — Голос ее звучал бесстрастно.

Не дожидаясь Спаркса, Звездный Бык первым ступил на мост. Он проделал это почти небрежно, пальцы привычно перебирали кнопки акустического прибора, висевшего на поясе.

Один лишь раз ветер успел лизнуть его, и сразу перехватило дыхание, но он был уверен, что этой оплошности никто не заметил. Наконец, пройдя больше половины моста, он остановился, обернулся и стал, подбоченившись, ждать. Он никогда прежде не задерживался надолго над этой чудовищной пропастью; стонущие внутренности столицы продолжали свои извечные жалобы, а мостик над Колодцем казался ему сейчас каким-то особенно хрупким и ненадежным. Звездный Бык нажимал на прохладные кнопки почти машинально, как бы поглаживая их в такт меняющемуся давлению, обволакивая себя пузырем спокойного воздуха. Он был очень осторожен и старался ни в коем случае не смотреть вниз.

Спаркс поднял свою флейту и тоже шагнул на мост; Звездный Бык отчетливо слышал льющуюся как чистый ручей мелодию. С некоторым удивлением он увидел, что музыка способна

воздействовать на ветер, как заклятие, и под нее мальчишка спокойно продвигался вперед в словно бы замершем воздухе, сверкая рыжей шевелюрой. На голове у него не шевельнулся ни один волосок, не колыхались и широкие рукава его зеленой шелковой рубашки. Он, должно быть, немало времени разгадывал тайну Колодца. Но вряд ли флейта так уж ему поможет.

Звездный Бык нажал очередную кнопку, когда юноша успел сделать по мосту лишь несколько шагов. Прозрачные панели надулись парусами; ветер, вынырнув откуда-то снизу, под совершенно неожиданным углом, ударил Спаркса в спину. Юноша пошатнулся и упал на одно колено; однако флейту из рук не выпустил и, быстро вызвав противоположный поток воздуха, снова вскочил на ноги и теперь стоял на самой середине моста, не имевшего ни перил, ни даже низенького бортика. Потом он двинулся дальше; лицо его горело от гнева; целый вихрь пронзительных нот заплясал у него над головой, как бы оберегая его, сбивая с тона те звуки, которыми Звездный Бык пытался отразить акустический удар противника и сманеврировать.

Когда ветер особенно сильно хлестнул его по лицу, Звездный Бык пошатнулся и едва устоял на

ногах. Из глаз брызнули слезы, он яростно моргал, пытаясь, разглядеть своего соперника, вместо того чтобы прислушаться. Теперь ветер ударил его сзади и сбил с ног. Стоя на четвереньках, он вновь нащупал кнопки, поспешно стабилизировал давление вокруг себя и осторожно поднялся на ноги. Панели над головой трещали и грохотали, ибо Спаркс снова пошел в атаку; теперь он улыбался и был совершенно спокоен и сосредоточен. Ветер из Колодца заставил было его пошатнуться, однако сейчас он вполне твердо стоял на ногах. Звуки флейты звенели у него над головой. Звездный Бык, кажется, наконец понял, что не ему одному определять исход сегодняшнего поединка. Он никогда прежде не обращал внимания на то, как виртуозно этот мальчишка-островитянин управляется с каким-то осколком раковины и что он наигрывает на своей флейте. Черт бы его побрал! Он, оказывается, научился извлекать из этой штуковины неслыханные обертоны, а пальцы его так быстро летали по отверстиям, что ноты сливались в аккорды — звучавшие почти слитно! Мальчишка играл сейчас так, словно начал готовиться к своему необычному выступлению задолго, используя и свой тонкий музыкальный слух, и незаурядный интеллект прирожденного

технократа.

Да, то была смертельная игра. Из всех видов поединка Звездный Бык менее всего был искушен в манипулировании ветрами Колодца. Он взмок от напряжения; впервые за долгие десять лет он начинал опасаться за собственную жизнь. Ветер снова ударил его — как раз тогда, когда он считал, что находится в полной безопасности. Он яростно ответил на этот удар, послав на противника потоки воздуха сразу с трех сторон. Он слышал, как мальчишка вскрикнул, ибо один из потоков все-таки застал его врасплох и подтолкнул к краю. Но Спаркс не упал и успел обрести равновесие прежде, чем второй поток воздуха накинулся на него сзади.

Звездный Бык еле слышно пробормотал ругательство. Слишком много вариантов и никакой возможности предсказать заранее, какое воздействие окажет смешивание независимых друг от друга тонов-команд, даже если противник успеет о чем-то догадаться. Звездный Бык, низко пригнувшись, снова сделал несколько шагов в сторону Спаркса, сосредоточившись, однако, на собственной защите, а не на атаке. Чем ближе они подойдут друг к другу, тем меньше у мальчишки будет возможностей поднять ветер, не повредив

при этом себе самому. Если бы удалось выхватить у него эту флейту и сломать ее… Впрочем, еще не все потеряно…

Резкий удар ледяного ветра сбил Звездного Быка с ног и заставил лечь ничком; он раскинул руки как можно шире, тщетно пытаясь подняться; ноги его соскользнули и повисли над пропастью, а голова и плечи почти доставали противоположного края мостика. В течение нескольких секунд, показавшихся вечностью, он смотрел прямо в черный бездонный Колодец, где поблескивали в неясном свете спирали каких-то механизмов, похожие на вечные светящиеся вихри Черных Ворот. Он слышал дыхание моря, его стоны и запахи, казавшиеся сейчас особенно сильными, и лежал совершенно неподвижно, ожидая скорой смерти, словно загипнотизированный ее неожиданной близостью.

Но последнего смертоносного удара не последовало. И он не упал в страшную черную пропасть. Когда паралич отпустил его, он, подняв голову, увидел Спаркса, который замер посреди моста не в силах убить.

Звездный Бык отполз назад, пошатываясь встал на ноги и мгновенно создал вокруг себя защитный пузырь. Потом сделал несколько быстрых

шагов вперед и чуть не сбил Спаркса с ног, когда тот наконец очнулся и швырнул ему в лицо двойной поток воздуха. Звездный Бык легко встретил этот удар и в тот же миг ударил сам — ногой в тяжелом ботинке прямо в пах мальчишке.

Спаркс с воплем согнулся пополам. Флейту он, правда, не выронил, но пока что был полностью нейтрализован… Звездный Бык медленно отступил, уже лелея свою неизбежную победу и жалея только об одном: парень слишком поглощен болью, чтобы заметить, что произойдет с ним через секунду. Он с вызовом посмотрел на Ариенрод, которая замерла у противоположного края Колодца, довольно далеко от них, похожая на недостижимую мечту. Еще одно мгновенье, и путь к ней снова будет свободен. Его рука шевельнулась, находя нужные кнопки; Ариенрод тоже чуть шевельнулась.

Две ноты диссонансом прозвучали в воздухе. Пораженный, он вдруг почувствовал, что теряет опору, что ветер сбивает его с ног, что не мальчишка, нет, не мальчишка — он сам падает! Падает!..

— Ариенрод! — В имени ее как бы слились и его проклятие, и его мольба, и его обвинение. Он упал в Колодец, и вопль его последовал за ним

во тьму.

Глава 16

Черные Ворота занимали собой теперь почти весь огромный экран в центре стены — вихрь огня на фоне янтарного светящегося круга, а дальше — черные глубины космоса. В сердце этого скопления звезд некогда имелся переизбыток свободно перемещающихся частиц и обломков планет, способный «кормить» прожорливую «черную дыру» в течение многих тысячелетий; наконец чудовищный выброс ее энергии несколько уменьшился. Однако «черная дыра» успела как бы втянуть в сферу своего влияния звезду, которую жители Тиамат называли Летней, и держала ее в плену, постоянно отсасывая энергию из ее хромосферы. Точно так же, как мельчайшие частицы из хромосферы Летней звезды, всасывался сейчас в «черную дыру» их корабль…

Элсевиер физически ощущала неутолимый космический голод Черных Ворот: ее точно лизало своим языком алчное чудовище и невесомое тело ее медленно, нехотя продвигалось все ближе и ближе к нему, казавшемуся сейчас непроницаемой стеной… В глубине души она всегда

чувствовала страх при приближении к «черной дыре» — ей казалось, что тело ее не выдержит и превратится в поток молекул. И лишь окутывающий ее антигравитационный кокон придавал ей некоторую уверенность.

Она посмотрела как бы вдоль себя самой, мимо своей свободно парящей в воздухе ноги в центр корабля, где девушка по имени Мун висела в точно таком же светлом коконе и беспокойно шевелилась, словно огненная муха, которой не терпится родиться на свет; ярко-розовый космический комбинезон Мун отражал свет, струившийся из консоли у нее над головой; вся она была окружена серебристым сиянием, да еще на ее серебристых волосах красовался серебристый шлем — тот самый, что должен был украшать голову Кресса, особый шлем астронавигатора, имевший среди прочих и чисто символическое значение. Мун заметила, что Элси смотрит на нее, и на лице девушки отразилась сложная внутренняя борьба.

— Мун, ты готова?

— Нет…

Элсевиер напряглась: страшно представить, к каким последствиям может привести сопротивление Мун. Она надеялась, что ей все-таки

удалось убедить девушку в том, что их путешествие — лишь небольшая отсрочка на ее пути к Спарксу. Но если она сейчас откажется начинать Переход…

— Я не знаю, что мне делать. Я ничего не понимаю! Я не понимаю, как…

Элсевиер почувствовала, как ее непослушные губы слабо улыбаются: совершенно очевидно, что Мун терзается лишь сомнениями в собственных возможностях, но отнюдь не отказывается помочь им пройти Черные Ворота. А все остальное, что, как ей показалось, она прочитала на лице девушки, было лишь плодом ее, Элсевиер, собственной нечистой совести.

— Не надо бояться, Мун. Предоставь все мне. Верь мне. Только включи экран и вызови нужную информацию, как я тебе показывала.

Мун снова молча посмотрела на экран; охвативший ее ужас был результатом понимаемой лишь отчасти чудовищной силы, заключенной в Черных Воротах. Они находились сейчас в верхней точке орбиты, но уже попали в сферу влияния гравитационного могущества Ворот; и сила, воздействовавшая на них сейчас, была столь неумолима, что даже свет, попавшись в ее ловушку, не сумел бы освободиться. «Черная

дыра», равная двадцати тысячам масс обычного солнца, была достаточно «велика», чтобы особым образом оснащенный корабль успел проскользнуть в щель у ее края, прежде чем будет разорван на куски приливными волнами исходящей от нее энергии. Лишь опытный астронавигатор, специалист по физике «черных дыр», пребывающий в почти симбиотическом единстве с компьютерами космического корабля, мог осуществить движение по строго заданному курсу. Только такой астронавигатор мог быть уверен, что они войдут в Ворота точно в том месте и в то время, когда их, словно по трубопроводу, мгновенно перенесет к заданной цели. Только такой астронавигатор… или невежественная девчонка с отсталой планеты, чей разум пребывает в симбиотическом единстве с самым большим банком памяти, когда-либо существовавшем во времени и пространстве…

— Ты хочешь, чтобы я вошла в Транс? Да, Элси?.. — Мун вскинула на нее глаза; беспомощное лицо ее словно щитом было прикрыто внутренней решимостью.

Элсевиер глубоко вздохнула, оттягивая неизбежное. Однако времени не оставалось, и она, собравшись с духом, выговорила:

— Да, Мун. Смотри внимательно на экран и начинай Переход. — И да простят меня боги, да защитят они это дитя! Ибо ты, Мун, никогда больше не увидишь родного дома.

На краткий миг глаза Мун закрылись, словно в молитве, обращенной к ее собственной Богине, а потом взгляд девушки сконцентрировался на сверкающем водовороте перед нею. «Ввод информации…» Элси нажала кнопку на пульте дистанционного управления, когда хрупкое тело девушки вздрогнуло и она погрузилась в Транс; данные, необходимые для прохождения Черных Ворот, ярко засветились поверх чуть померкшего огненного вихря на экране и снова исчезли. Если она права — а она не может позволить себе ошибиться, — этих данных вполне достаточно, чтобы, введя их в систему управления кораблем, начать Переход. Без имплантируемого всем астронавигаторам специального устройства ни один человек не был способен полностью контролировать корабль в условиях подобного полета, однако предсказатели, погружаясь в Транс, получали доступ к такой информации, какой не мог дать даже самый лучший корабельный компьютер.

— Готово-с-с-ш-ш, — услышала она голос Силки из пилотского отсека. Он говорил — то есть, ско-

рее свистел или шипел — на савдхи. — Девочке больно?

— Откуда мне знать? — Ответ прозвучал неожиданно резко из-за терзавших Элсевиер сомнений. Она нахмурилась, глядя на Силки. Его тело — тело амфибии — просвечивало сквозь антигравитационный кокон; кожа поблескивала, смазанная маслом, предохранявшим от дегидратации. Голос Силки звучал странно, взволнованно; она вдруг догадалась, что диллип, видимо, просто сочувствует беззащитной невинной девочке, насильно оторванной от родной планеты и оказавшейся в руках предательски настроенных чужаков-инопланетян.

— А ш-ш-што, ес-с-сли она с-с-скончает-с-с-ся?

— Силки, черт бы тебя побрал! — Элсевиер прикусила губу и снова уставилась на зловещее, расплывшееся, точно опухоль, пятно на экране. — Ты же знаешь, что я не могу ответить на твой… но ведь ты прекрасно понимаешь, что я никогда бы на такое не пошла, если бы была уверена, что это может стоить ей жизни! Ты ведь прекрасно понимаешь это, Силки!.. Но разве у нас есть выбор? Я предупредила ее, что Транс на этот раз будет долгим; она согласилась.

— С-с-слишком молода. Не с-с-соображает. Ты

с-с-солга-ла ей. — Силки говорил почти с упреком; она никогда прежде не слышала, чтобы он так говорил.

Элсевиер зажмурилась.

— Когда мы долетим до Харему, я позабочусь, чтобы у нее было все, что ей нужно, чтобы она была счастлива… — Элси снова открыла глаза и посмотрела на Мун. Тело девушки, облаченное в розовый комбинезон, казалось сейчас совершенно расслабленным и мягко перекатывалось от одной стенки «кокона» к другой. Неужели прошло всего четыре дня с тех пор, как они совершили эту проклятущую посадку на Тиамат, потом бежали, так ничего и не продав, а Кресс к тому же оказался на грани жизни и смерти, и теперь погруженная в Транс невежественная девочка занимает его место за пультом управления?..

Но время поджимало: полиция Гегемонии будет искать их повсюду — на Тиамат и вокруг; совершенно недопустимо, чтобы их перехватили, тем более, что они увезли с собой аборигенку. Эта девочка так хотела домой… но не было никакой возможности отправить ее назад. Крессу необходим врач… а такие врачи есть только на Харему, за Черными Воротами… А из них только сам Кресс мог уверенно осуществить Переход…

И тогда она вспомнила: Мун ведь — сивилла, а ТиДжей однажды рассказывал ей, что собственными глазами видел сивиллу, которая, войдя в Транс, оказалась способной управлять полевым поляризатором и сумела спасти пять человек во время несчастного случая на производстве. И та предсказательница вовсе не была технократкой и понятия не имела об устройстве всяких мудреных механизмов, как и Мун. Она действительно всего лишь сосуд, содержащий чужую премудрость, — в точности как она сама сказала тогда; и ее обязанность — служить всем, кто об этом попросит. Так что только она могла провести их теперь через Ворота и спасти.

Но когда Элси попыталась объяснить все это Мун, то налетела на такую непреодолимую стену, словно то были сами Черные Ворота. Мун сидела прямо, пристегнутая к своему креслу, и даже головы не повернула. «Отвезите меня назад. Мне необходимо попасть в Карбункул!» — вот и все. Ее лицо было похоже на крепко сжатый кулак. На любой аргумент, приходивший Элси в голову, она отвечала только этими словами.

— Но Мун, инопланетяне никогда не позволят тебе вернуться, если узнают, что ты улетела вместе с нами. Тиамат для тебя теперь под запретом.

А нас всех они приговорят к работе на угольных копях Большой Голубой. Поверь мне, дорогая, тогда уж лучше сразу умереть.

— Мне все равно, если я не могу вернуться. Без него моя жизнь не имеет смысла.

Ах, девочка, какая ты счастливая, что веришь в это… и какая наивная! Но что-то в душе Элсевиер говорило, что Мун права: ведь с тех пор, как умер ТиДжей, и она тоже живет лишь наполовину…

— Я понимаю. Правда, понимаю. Я знаю, как тебе все это сейчас представляется. Но если не хочешь думать о себе, подумай о Крессе. — Элси погладила прохладную прозрачную поверхность купола, под которым едва теплилась сейчас жизнь их астронавигатора. — Он умрет, Мун. Если мы не доберемся до Харему, он умрет. Ты сивилла, помогать другим — твой долг…

— Я не могу сделать то, что ты просишь, — Мун тряхнула головой так, что косы ее расплелись и рассыпались по плечам. — Не могу! Я не знаю, как это сделать! Я не умею управлять звездным кораблем… — Голос ее зазвенел. — И я не могу бросить Спаркса!

— Это ведь всего лишь несколько недель отсрочки! — Слова эти вырвались у Элсевиер от отчаяния; но, прежде чем взять их назад, она

успела заметить, что девушка подняла голову и настойчиво всматривается ей в лицо.

— Сколько?

— Около месяца в один конец. — По корабельному времени, а на Тиамат пролетит больше двух лет! Но этого Элсевиер не сказала; надежда уже поселилась в ее душе. — Только месяц туда и месяц обратно. Мун, если бы ты села на торговый корабль в заливе Шотовер и поплыла на нем в Карбункул, это путешествие заняло бы у тебя не меньше времени. Помоги нам пройти Ворота, помоги Кressу! И если ты по-прежнему будешь стремиться назад, побывав на Харему, хорошо: я отвезу тебя назад. Обещаю это тебе.

— Но как я могу? Я же не умею…

— Ты можешь делать все что угодно, быть кем угодно, ответить на любой вопрос, за исключением одного, как тебе известно. Ты сивилла, и пришла пора тебе как следует понять, что это такое, моя дорогая. Ты только верь мне.

Остальные слова застряли у нее в горле, и она отстегнула ремни, которыми Мун была пристегнута к своему креслу.

Громкий щелчок эхом разнесся по кораблю. Элсевиер вздрогнула и стряхнула с себя задумчивость.

— Силки! Что это было? Что-то не в порядке?.. — Защитный кокон не давал ей двигаться. Она даже пальцем не могла ни до чего дотронуться, даже голову хоть на дюйм повернуть; ничего не оставалось — только глядеть прямо перед собой на все разрастающуюся на экране раковую опухоль.

— Нужно с-с-следить за с-с-своими ча-с-с-сами.

Она вздохнула со смешанным чувством облегчения и раздражения, увидев, что это ее наручные часы со стуком прилепились к нижнему углу экрана. Изображения звезд на нем сдвинулись ближе к центру; «черная дыра» словно надела звездчатую корону — символ ее власти над самим светом…

Какая неосторожность! Что-нибудь — даже значительно меньше ее часов, — оставшись без присмотра, могло запросто пробить дыру в той хрупкой оболочке, что отделяла их от гибели.

— Все, я их поймала! Ох, Силки, я слишком много раз переживала подобные путешествия; нелегко мне в одиночку нести груз стольких лет. ТиДжей был моей силой… но его больше нет, Силки.

Она чувствовала в окружающем их космосе какое-то легкое дрожание и, снова подняв глаза, увидела перед собой не чудовищный звездный

вихрь, а красноватую пелену — дьявольское свечение Черных Ворот: конечная цель была близка.

— Сейчас она держит под контролем стабилизаторы поля, Силки, иначе мы бы уже полетели кувырком! Я знала, я была уверена, что она сможет нас удержать!

Но что, если такое напряжение разрушит ее мозг? Если с Мун что-нибудь случится, она, конечно, никогда себе этого не простит. Никогда. Даже за те несколько дней, что они провели вместе, девочка одним лишь своим присутствием успела подтвердить справедливость того, во что всегда верил ТиДжей. Обладающая гибкой и независимой психикой, она уже начала оправляться от потрясения, вызванного ее внезапным отлетом с Тиамат, стала интересоваться открывавшимися перед нею возможностями, которые они, инопланетяне, предлагали, чтобы умилостивить ее. В ярком космическом комбинезоне, никто никогда не признал бы в ней теперь второсортного обитателя отсталой планеты, некогда носившего грубые самодельные одежды и считавшегося недостойным приобщения к Знанию. Однако великая цивилизация, создавшая гигантскую, связанную компьютерными узами сеть пред-

сказателей, и куда более значительная, чем их собственная, рассудила иначе: эта девушка с планеты Тиамат вполне заслуживает внимания и признания.

ТиДжей всегда мечтал о том времени, когда все разумные существа обретут равные права на реализацию собственного интеллектуального потенциала. Именно поэтому он и начал заниматься технической контрабандой, несмотря на бурные протесты Элси. «Есть разные контрабандисты, сердце мое», — говаривал он, ухмыляясь; к этому времени она уже знала, что никто и ничто не способны сбить его с пути, если он избрал этот путь согласно собственным внутренним убеждениям… Даже ее он не стал бы слушать…

Гегемония сдерживала развитие Тиамат с помощью различных запретов и ограничений, не давая ей создавать собственную технологическую базу (Элси помнила, какими громовыми речами разражался ТиДжей в их крошечной квартирке); и обитатели этой планеты оставались как бы вечными, хотя и избалованными, детьми, которым дают игрушки, тщательно отобранные их умными родителями и учителями, вполне способными в случае чего эти игрушки и отобрать. И все это делалось ради одной-единственной цели — по-

лучения драгоценной «живой воды», которая успела совратить уже немало высокорожденных граждан Гегемонии, вселив в них надежду на вечную молодость.

Если бы Тиамат, предоставленная самой себе, развивалась нормально хотя бы в течение тех ста с лишним лет, пока она остается для Гегемонии недоступной, кто знает, что нашли бы там инопланетяне во время своего очередного визита. Может быть, даже общество, вполне способное противостоять их влиянию, разочаровавшееся в чужих механических игрушках и научившееся отлично делать свои собственные, — то есть такую планету, которая решила сохранить возможность бессмертия исключительно для себя и чрезвычайно устала от эксплуатации своих ресурсов чужаками. Может быть даже, новое общество Тиамат сочло бы аморальным истребление меров… и не просто аморальным, но губительным для себя, ибо именно это толкнуло Тиамат на путь, следуя которому планета Киду, например, превратилась в помойку для чужих радиоактивных отходов. Тиамат, безусловно, обладала сокровищем, которого ни одна другая планета Гегемонии предложить не могла, и обладание им стало для нее скорее проклятием, чем

благословением.

Такую ситуацию ТиДжей считал недопустимой. Понимая, что все равно не остановит его, Элси снова и снова отправлялась с ним вместе, как всегда не в силах отказать ему ни в чем. И, разумеется, попалась в ловушку этой его страсти… так что и после смерти ТиДжея они вместе с Силки продолжали свои «крестовые походы», и теперь только это составляло смысл ее жизни.

Случай соединил ее судьбу с судьбой этой девочки Мун — словно для того только, чтобы доказать, что все было не напрасно. В Мун как бы воплотились их лучшие надежды и упования. Ведь у них с ТиДжеем детей не было. ТиДжей гордился бы такой дочерью, а она, Элси, с радостью стала бы беречь и опекать ее, считая, что ей наконец-то повезло…

Она почувствовала тошнотворное головокружение: могучие космические течения словно высасывали силы из ее неподвижного тела. Несмотря на включенное защитное поле, корабль все же был не в состоянии полностью спасти их от излучения. Она снова посмотрела на экран, прямо в сверкающую сердцевину черного сгустка. О Господи, я больше не могу! Это происходит слишком часто и продолжается слишком долго!

Хорошо хоть Мун не испытывала страданий, ибо душа ее в эти мгновения была пленницей чего-то огромного, далекого, находящегося по ту сторону галактики… Мне не следовало этого делать; я сделала это только ради Кресса… О боги, хоть бы с ним-то все было в порядке! Кресс по-прежнему лежал под аварийным колпаком; они не осмелились перенести его куда-либо еще. Но в целом и сам корабль, и все его оборудование были достаточно хорошо приспособлены для осуществления Перехода; так что, если хоть кто-то из них останется в живых, Кресс выживет тоже…

Суставы буквально выворачивало, потом Элсевиер почувствовала удушье, все возрастающее по мере того, как поднималась температура внутри. Она представляла себе, как раскалена сейчас внешняя оболочка корабля, гирькой падавшего к дальнему краю «черной дыры».

Этот корабль был сделан из самых прочных, самых упругих материалов, известных человеку, и снабжен защитными полями, помогавшими ему осуществить спуск в космический водоворот. Он был максимально компактен и имел форму плоского диска, похожего на монетку; гравитационные стабилизаторы поддерживали его широкие плоскости в одном и том же положении в течение

всего Перехода. Ибо стены этого космического колодца были столь отвесны, что если бы корабль утратил устойчивость и начал кувыркаться, то мгновенно оказался бы разорванным на куски вихревыми течениями. За этим последовала бы смерть, чудовищная агония, и их предсмертные вопли навсегда замерли бы в черной бездонной пустоте. Проход через Черные Ворота требовал чрезвычайной выносливости — и от людей, и от техники — и максимального использования достижений космической технологии Харему. Лишь симбиотическое слияние компьютерной техники и живого человеческого мозга у специально подготовленных астронавигаторов давало возможность не только выдержать Переход, но и посадить корабль в единственно допустимом месте на самой границе «черной дыры».

А что, если Мун все еще держит стабилизаторы, тратя последние силы, но они уже пропустили тот крохотный выход в подпространство, через который можно вырваться из объятий «черной дыры»? Жители Харему научились проходить через Черные Ворота более тысячи лет тому назад, воспользовавшись научными данными Старой Империи, полученными от предсказателей. Сама же Старая Империя издавна обладала

космическими кораблями, передвигавшимися со скоростью, значительно превосходившей скорость света, что позволяло Империи держать под контролем даже самые отдаленные, недоступные Гегемонии миры; впрочем, Старая Империя вполне успешно пользовалась и Черными Воротами для ускоренной переброски грузов и людей. Гегемония же подбирала крохи с ее стола, пытаясь постепенно установить собственную власть хотя бы среди ближайших планет, составлявших лишь малую часть того, что называлось Старой Империей. Однако она развивалась быстро, по-прежнему, впрочем, не обладая знанием тех законов и сил, которые использовала в своих интересах Старая Империя… Если корабль при прохождении Черных Ворот не оказывался в нужный момент в точке, имеющей строго определенные космические координаты, он мог очутиться в совершенно неведомых пределах космического пространства, не имея поблизости ни одной знакомой звездной системы и никаких данных относительно своего местонахождения, позволяющих ему вернуться… Или он мог вообще никогда больше не появиться ни в одном из уголков Вселенной… Корабли пропадали в «черной дыре» и раньше; и если пропадали, то навсегда.

Элсевиер чувствовала, что глаза ее под сомкнутыми веками распухают, вылезают из орбит; больше не было сил смотреть на раскаленные стены черного колодца, высасывавшие из них жизнь. Она слышала, как стонет корабль, и ей казалось, что сама она вот-вот рассыплется в прах. Пульсирующая слепящая чернота эхом отдавалась у нее внутри, и сознание наконец уступило: Элсевиер позволила всем своим страхам и сомнениям взорваться, взлететь, подобно снопу искр, и с радостью отдалась беспамятству.

Черные Ворота открылись и выпустили их.

Глава 17

Этого не может быть. Джеруша, стиснув руки за спиной, стояла посреди элегантного дома в верхнем городе и смотрела в шестиугольное окно на улицу. Дети приплясывали среди каких-то немыслимых кружков, нарисованных ими на древних плитах тротуара, — дети зажиточных горожан и инопланетян играли вместе, равнодушные и к космическим расстояниям, что разделяли их родные планеты, и ко взглядам, что разделяли их родителей. Джеруше не хотелось думать о расстояниях, о различиях, об ужасном…

Этого просто не может быть!

Но даже столь яростное неприятие не могло отвлечь ее от того, что вновь и вновь воскресало в ее памяти и душе, от той ночи, когда сигнал тревоги — она как раз дежурила — заставил ее выскочить из-за стола и помчаться вверх по темным улицам Карбункула. И она никогда не забудет того, что услышала, влетев в дом ЛиуСкеда, — то был не человеческий голос, но рев и стон измученной бессловесной твари.

А потом, включив свет, она закричала. Она не кричала так, по крайней мере, лет двадцать, давно научившись владеть собой, но тут не смогла сдержать ни крика ужаса, ни слез. Она оказалась не в силах воспринять случившееся: ей не хотелось видеть это окровавленное существо — то ли человека, то ли животное, — что с каким-то блеянием ползало по полу наполненной отвратительным смрадом комнаты… бредовый, кошмарный призрак того, кто некогда был человеком. И не просто человеком, но КОМИССАРОМ ПОЛИЦИИ ПЛАНЕТЫ ТИАМАТ! Который сжег свой мозг, приняв сверхдозу спага. Боги, да проживи она еще хоть тысячу лет, и то никогда не забудет этого зрелища! Джеруша яростно заморгала, потому что дети, игравшие на улице, вдруг

расплылись у нее перед глазами. Сколько она ни старалась выбросить эти воспоминания из головы, они липли к ней, словно трупный запах, путали чувства и мысли. Работая в полиции, она повидала немало такого, что способно было закалить даже самую нежную душу; но когда с кем-то из твоего непосредственного окружения случается такое… Она не очень-то любила ЛиуСкеда, но никто в мире не заслуживал подобной участи, подобного самоуничтожения. Хотя, возможно, ЛиуСкеду теперь на все наплевать, Но ведь у него были дети, семья. Мантаньес, исполняющий обязанности комиссара полиции, поручил Джеруше «оказать всестороннюю помощь супруге ЛиуСкеда в подготовке к отъезду с Тиамат». «Лучше, если в такое время рядом с Марикой будет женщина», — сказал ей Мантаньес и, надо отметить, вполне искренне. Она прикусила язык, не решившись возражать. Что ж, черт побери, может, он и прав.

Она не слишком хорошо представляла себе, как встретится теперь с Марикой ЛиуСкед и двумя ее маленькими дочками — после увиденного и услышанного в ту ночь. Но длительная выучка и богатый опыт помогли, и она, взяв себя в руки, похоже, произвела весьма благоприятное

впечатление на растерявшуюся и убитую горем женщину.

Лесу Марика всегда держалась отчужденно и холодно во время их предыдущих встреч: ЛиуСкед частенько заставлял Джерушу играть роль любимой нянюшки, вместе с семьей хозяев посещающей Лабиринт. Теперь роли переменились. Как и большая часть живущих на Тиамат полицейских — как и сама Джеруша, — ЛиуСкед и его семья были с планеты Ньюхевен; и теперь, вспомнив родной язык и обычаи, Марика вела себя с Джерушей так, точно прежде они не были знакомы, но, случайно встретившись на чужой планете, вдруг обнаружили, что у них много общего. Жена ЛиуСкеда и его дети теперь возвращались домой, к семье и старым друзьям (комиссар тоже летел с ними, чтобы провести остаток жизни в специальном медицинском учреждении; но этой темы они всячески избегали), так что Джеруша старалась затрагивать только спасительные общие темы. Все они мечтали поскорее снова увидеть родную планету, и она говорила с отъезжающими о выцветших от летнего зноя полуднях Ньюхевена, об энергичных, быстрых как ртуть его обитателях, о космодроме Метрополиса, где она впервые видела велико-

лепный праздник, устроенный в честь визита на планету премьер-министра, и была совершенно очарована этим празднеством; о тех днях, когда она сама еще только мечтала о полетах в иные миры…

Джеруша услышала, что кто-то молча подошел и остановился с ней рядом; глянула искоса и увидела десятилетнюю Лесу Андради, младшую из двух дочерей ЛиуСкеда. Это была умненькая, любознательная девочка, очень непохожая на свою старшую жеманную сестрицу, и Джеруша успела даже полюбить ее: И только то, что Андради, вечно висевшая у нее на руке, смотрела на нее, одетую в полицейскую форму, с тем же благоговейным обожанием и восхищением, что и на служивших в полиции отца и старшего брата, заставляло ее как-то терпеть унизительную роль няньки, которую отводил ей ЛиуСкед в своем доме.

Сейчас Андради, сгорбившись, как и сама Джеруша, стояла с ней рядом у окна — маленькая, несчастная, в бесформенном сереньком платье, с вымазанным золой лбом… Семейство было в трауре, как если бы ЛиуСкед умер по-настоящему. Но боги не были к нему так милосердны… Какие там боги! Джеруша поджала губы так, что они

превратились в тонкую нитку. Боги-то как раз не имели к этому ни малейшего отношения; здесь прямо-таки разило человеческой подлостью и предательством!

Андради тайком смахивала слезы, глядя, как играют другие ребятишки — в том мире, от которого сама она теперь оказалась вдруг полностью отрезанной.

— Жаль, что я не могу попрощаться со Скелли и Минук. Но мама не разрешает нам выходить, потому что… из-за папы.

Джеруша подумала: неужели ее мать считает подобное прощание неуместным только из-за траура? А может, просто боится, что другие дети могут обидеть ее девочек? И сказала Андради:

— Ничего, они не обидятся и все поймут.

— Но я не хочу уезжать и навсегда расставаться с ними! Я ненавижу этот Ньюхевен! — Андради родилась на Тиамат, а ее весьма заботившиеся о собственной репутации родители во всем предпочитали следовать претенциозным правилам светской жизни Харему, так что родная планета была для девочки не более чем просто названием, бездушным символом того, что вдруг так внезапно и неприятно поломало ее судьбу.

Джеруша обняла Андради за худенькие плечи,

оглядывая поверх; ее головы холодно-стерильное убранство комнаты. Она слышала приглушенный шум на верхних этажах, где Марика с помощью слуг заканчивала паковать багаж. Большая часть дорогой мебели оставалась здесь — не из-за того, что везти ее ракетой было Марике не по карману, но скорее, как подозревала Джеруша, из-за тех болезненных ассоциаций, которые отныне всегда будут вызывать эти предметы.

— Я понимаю, Андради, почему сейчас ты Нью-хевен ненавидишь. Но когда ты туда приедешь, то найдешь себе новых друзей, и они научат тебя лазить по деревьям пронг и плести из их коры шляпы. Они возьмут тебя в поход за теми цветами, что цветут только ночью и искать их нужно с фонарем; а в дождливый сезон вода там падает с небес, словно теплый душ, прямо на виноградные лозы, что всегда покрыты сладкими ягодами. Ты сможешь ловить в пруду светящихся вогов… — Хотя весьма сомнительно, что Марика позволит дочерям ловить вогов.

Андради фыркнула.

— А кто… это такие?

Джеруша улыбнулась.

— Такие маленькие животные, вроде рыбок, которые в сезон дождей живут в лужах и запол-

ненных водой ямках, а летом зарываются в грязь и спят там, пока снова не пойдут дожди.

— Целых сто лет? — Глаза Андради расширились. — Это ведь так долго!

Джеруша рассмеялась, догадавшись, в чем дело.

— Нет, не сто — всего-то года два. Там зима и лето не длятся так долго, как здесь.

— Ой, вот здорово! — Андради захлопала в ладоши. — Это будет похоже на вечную жизнь. Как у Снежной королевы!

Джеруша поморщилась, прогнала неприятные мысли и кивнула.

— Вот туда ты и поедешь. Тебе понравится на Ньюхевене. Я знаю, я там выросла. — Она теперь даже не вспоминала о том, что в юности стало ей там ненавистно. — Я бы и сама с удовольствием туда вернулась! — Эти слова вырвались у нее уже совершенно непроизвольно.

Андради, разумеется, тут же прилипла к ней как репей.

— Да, да, да, Джеруша! Пожалуйста! Давай поедем вместе! Ты сможешь показать мне все; я так хочу, чтобы ты поехала со мной! — Девочка вся дрожала. — Ты очень добрая для полицейского, — прибавила она вдруг.

Джеруша молча погладила темную курчавую головку, догадываясь, что именно в ней, инспекторе ПалаТион, воплотился теперь для этой девочки символ стабильности и веры, рухнувший столь внезапно. Она всем сердцем сочувствовала Андради, удивляясь тому, сколь сильно эта малышка успела привязать ее к себе.

Она расцепила тонкие теплые ручонки, вцепившиеся в ее форменный ремень, и взяла их в свои.

— Спасибо тебе, Андради. Спасибо за то, что попросила. Я бы очень хотела поехать с тобой, но моя работа здесь еще не закончена. Твой отец… твой отец не виноват в том, что с ним случилось, Андради. Неважно, кто тебе что говорит на этот счет, ты только не верь тем, кто скажет, что он сам во всем виноват. В этом он не виноват. Это сделали с ним другие. Пока я еще не знаю, кто именно; но непременно узнаю. И непременно заставлю их заплатить за это. И тогда ты получишь от меня весточку и будешь знать, кто сделал такое с твоим отцом. Может быть, тогда и я смогу вернуться на Ньюхевен.

— Хорошо… — Андради тряхнула кудряшками, потом мрачные, чуть раскосые, с приподнятыми уголками глаза ее снова уставились Джеруше

в лицо. — Когда я вырасту, то тоже стану полицейским.

Джеруша улыбнулась — без иронии, без снисходительности.

— Да, я думаю, что это, наверно, будет справедливо.

Обе вздрогнули и вскинули головы, когда неожиданно вошла Марика, закутанная в серую вуаль; она жестом подозвала дочь к себе, и Андради неохотно отлепилась от Джеруши.

— Все готово, Джеруша. — Голос Марики казался столь же серым и тусклым, как траурная вуаль. — Вы ведь проводите нас в космопорт?

Джеруша кивнула.

— Да, мадам ЛиуСкед. — И почти с радостью вышла вместе с ними из опустевшей комнаты.

Джеруша оставила машину служителю, чье присутствие заметила с трудом, и пошла по направлению к приземистому зданию с тяжелыми стеклянными дверями. Почти весь переулок был занят полицейским управлением — кабинетами офицеров полиции, камерами предварительного заключения, залами для судебных заседаний — мрачно-коричневое родимое пятно высокой нравственности на немыслимо пестрой, как лоскутное одеяло, шкуре Лабиринта. Официально

улица называлась Оливковой аллеей, но все, включая и самих ее обитателей, называли ее Голубой.

Она с трудом вспомнила, что перед массивными медлительными дверями нужно минутку подождать, прежде чем они пропустят тебя в безликий вестибюль. Мыслями она была все еще в космопорте, и цепочка невероятных, вызывающих отвращение событий последних дней по-прежнему не давала ей покоя.

— Извините, я патрульный. Извините, я патрульный. Извините, я патрульный…

Что-то упорно цеплялось за рукав, когда она влетела в битком набитую дежурку. Она обернулась и рассеянно посмотрела прямо сквозь прозрачную оболочку, прикрывавшую механические мозги полицейского робота, который не давал ей пройти и с идиотской настойчивостью повторял одно и то же.

— Я инспектор полиции ПалаТион, — сказала она почти таким же монотонным, как у самого робота, голосом.

Кто-то толкнул ее сзади.

— Извините, инспектор. Мне необходимо доложить немедленно. Иначе я не смогу продолжать работу. Пожалуйста, разрешите доложить

вам. — В механическом голосе слышались нотки отчаяния. — Докладываю: человек с Четвертой призывал к мятежу против Гегемонии. В баре Звездного порта. Он рассказывал аборигенам о том, что сивиллы имеют доступ к запрещенной информации. Возможно, он находился под воздействием наркотика…

— Да-да, отлично, дежурный 77А, я тебя поняла. Даю разрешение продолжать работу. Заполни файл и пришли мне. — Наркотики. Не смей думать о наркотиках!

Она двинулась дальше по коридору, старательно избегая смотреть в ту сторону, где еще месяц назад находился кабинет ЛиуСкеда.

— Извините, инспектор! — Тот же вежливый робот уже спешил к ней с целой охапкой файлов. — Это тоже вам.

Увы, гора работы, которую предстояло завершить до их окончательного отлета с Тиамат, уже нависала над нею. Купцы и прочие инопланетяне-резиденты загодя начинали беспокоиться о своем будущем или, точнее, о его отсутствии здесь; они надоедали чиновникам по поводу сотен различных разрешений, форм и предписаний, которые требовались, прежде чем они навсегда покинут планету. Если уже сейчас они

так активизировались, думала Джеруша, то что же будет, скажем, года через четыре?.. Да, занята, занята, должна быть все время занята, занята по горло, только бы не думать об этом…

Но ничто не могло занять ее достаточно сильно и отвлечь от страшных и горестных мыслей. Она не лгала, когда сказала Андради, что ее отец не по собственной воле превратился в пускающее слюни растение. Она слишком хорошо знала ЛиуСкеда — при всех его недостатках он ни за что не стал бы баловаться с такими наркотиками. Черт побери, да он ни разу в жизни и к йесте не прикоснулся! Однако в Карбункуле можно найти по крайней мере полсотни таких «деятелей», благодаря которым в любой чашке чая, в любой тарелке супа может оказаться смертельное количество яда.

И очень возможно, что заказала это убийство — иначе не скажешь — именно Ариенрод. Джеруша видела, какое у Снежной королевы было лицо, когда та услышала о похищении Мун. Заметив ее ярость и отчаяние, она догадалась, почему с лица юной островитянки на нее смотрела совсем другая женщина — Снежная королева. Существовал только один способ создать подобного двойника: клонирование. У Ариенрод, несомненно,

были вполне определенные планы относительно этой девочки, и, вероятно, они имели самое непосредственное отношение к грядущей Смене Времен Года и отлету инопланетян с Тиамат. В архивах имелись многочисленные свидетельства того, что практически каждая Снежная королева предпринимала попытки сохранить собственную власть и правление Зимы на всей планете. Можно почти не сомневаться, Мун была центральной фигурой в стратегических планах Ариенрод. Однако волей случая планы эти были нарушены, а Снежная королева — не тот человек, чтобы простить подобное вмешательство и не наказать виновного. И она отомстила, нанеся удар полиции и уничтожив ЛиуСкеда; в этом Джеруша тоже была абсолютно уверена. Как и в том, что ей никогда не удастся это доказать. Впрочем, возможно, удастся выяснить, кто конкретно совершил злодеяние…

Если только королева раньше не уничтожит и ее тоже. Как всегда, от волнения горло стиснула судорога. Ведь, собственно, виновна в исчезновении Мун именно она, Джеруша; если Ариенрод хотелось кого-то наказать, то следовало наказать именно ее. Она неделю почти ничего не ела и не пила, опасаясь участи ЛиуСкеда. Возможно,

это тоже было частью наказания: подержать ее в напряжении и неведении… Боги, но у нее не хватит сил!

— Инспектор!

Она вздрогнула, неожиданно возвращаясь к действительности. Перед ней возник знакомый коридор полицейского управления и встревоженное лицо Гундалину.

— Ох… БиЗед, что ты тут делаешь?

— Жду вас. — Он глянул через плечо в сторону дежурки, потом снова посмотрел на нее. На лице его, покрытом светлыми веснушками, было написано явное сочувствие. — Инспектор, они сейчас в вашем кабинете… вместе с Верховным судьей… Понятия не имею, какого черта им нужно, но мне показалось, что лучше вас как-то предупредить.

— Верховный судья? — Она как будто не поняла его. Голос ее эхом разлетался по коридору. — Вот еще дерьмо… — Она прикрыла глаза. — Похоже, что ждать больше нечего.

Гундалину поднял брови.

— Вы понимаете, к чему все это?

— Не совсем. — Она покачала головой, чувствуя, как где-то в животе шевелится холодное отчаяние. Верховный судья находился на самой верхушке властной структуры Тиамат, он был

единственным человеком, имевшим право отдавать приказания комиссару полиции. Она даже вообразить себе не могла, зачем ему понадобилось самому являться сюда… во всяком случае, разумной причины этому не находила. А может, это и есть месть Ариенрод? Ее вполне могут уволить, посадить под арест, выслать с планеты, обвинить в коррупции, насилии, половых извращениях… Тысячи кошмарных предположений роились у нее в голове, словно стая голодных демонов. Может быть, мне все-таки следовало улететь вместе с семьей ЛиуСкеда сегодня утром? — Спасибо, БиЗед, что предупредил. — Голос ее звучал еле слышно.

— Инспектор… — Гундалину помялся, на лице его был написан вопрос, который он не решался задать вслух.

— Поговорим позже, БиЗед. — Она глубоко вздохнула. — Спросишь меня об этом потом — когда я буду знать ответ. — И пошла по коридору, с огромным трудом делая каждый следующий шаг и понимая, что сейчас от нее потребуется больше мужества, чем когда-либо в жизни.

Она увидела их сквозь прозрачную дверь раньше, чем они заметили ее. Старший инспектор Мантаньес, ныне исполняющий обязанности

комиссара полиции, сидел за ее письменным столом и с плохо скрытым смущением барабанил пальцами по его поверхности. Престарелый Верховный судья устроился в кресле поодаль, очень прямой, достойный, высоко держа голову, что помогал ему делать высокий старинный воротник официального костюма. Руки у Джеруши дрожали, когда она взялась за круглую ручку двери.

Оба мужчины резко вскочили. Так резко, что она сперва лишь молча уставилась на них; впрочем, быстро взяла себя в руки и успела поздороваться на какую-то долю секунды раньше, чем Мантаньес открыл рот. «Господин комиссар… Ваша честь…» Верховный судья вежливо ответил на ее приветствие; оба продолжали стоять. Интересно, подумала она, они что же, настолько галантны? Оглянулась, но больше ни одного свободного стула в комнате не было. Если они действительно ждут, чтобы она села первой, то, вероятно, ей придется сесть на пол.

— Пожалуйста, садитесь… не беспокойтесь из-за меня. — Ее кокетливый тон прозвучал довольно фальшиво. Она, впрочем, притворяться не стала и даже не улыбнулась.

Мантаньес вышел из-за стола и молча, жестом предложил ей занять ее же собственное кресло.

При этом он так злобно на нее смотрел, что она вся покрылась гусиной кожей. Мантаньес, как и Верховный судья, был уроженцем Харему — жители Харему чаще всего делали карьеру именно за счет службы на чужбине; ничего удивительного, что на Тиамат их так много, ведь их родная планета правит здешним миром, как своим собственным. Она знала, что на Харему женщины пользовались почти равными социальными правами с мужчинами, поскольку в их развитом обществе профессионализм и родовитость ценились выше простой физической силы. Однако служба на иных планетах, с менее просвещенным и развитым населением, похоже, имела в глазах представителей мужского населения Харему, по-прежнему склонных к автократии и патриархальным отношениям, свои достоинства. Так было, видимо, и с Мантаньесом. Джеруша ничего не знала о взглядах Верховного судьи Хованнеса, но ничего обнадеживающего для себя в выражении его лица не нашла. Она подошла к столу и села; ощущение знакомого места несколько успокоило ее. Взгляд ее блуждал по комнате — она более остро, чем когда-либо, мечтала, чтобы здесь было хоть одно настоящее окно.

Мужчины продолжали стоять.

— Вы, вероятно, желали бы знать, зачем мы здесь, инспектор ПалаТион? — безжалостно прямо начал Хованнес.

Она с огромным трудом подавила внезапно возникшее желание расхохотаться ему в лицо. Ну конечно хочет! Если это не величайшая тайна тысячелетия!

— Да, разумеется, ваша честь. — Она положила руки на серую крышку компьютера; суставы сплетенных пальцев побелели, так сильно она сжала их. Она вдруг заметила на уголке стала какой-то потрепанный сверток и прочитала на нем свое имя, рассеянно отметив про себя, что почерк ей незнаком. Имя было написано неправильно. Надеюсь, что это бомба.

— Насколько я понимаю… бывший комиссар ЛиуСкед с семьей сегодня покинули Тиамат. Вы провожали их?

— Да, ваша честь. Они вылетели точно по расписанию.

— Да помогут им боги. — Он мрачно посмотрел себе под ноги, на покрытые пятнами старинные керамические плиты пола. — Как он мог так опозорить свою семью и собственное доброе имя!

— Ваша честь, я не могу поверить… — Она почувствовала на себе враждебный взгляд Ман-

таньеса и запнулась. Они-то хотят поверить этому; ЛиуСкед ведь родом не с Харему.

Верховный судья резко одернул отлично сшитый дублет. Джеруша ослабила воротник. Втайне она была удивлена нервозностью судьи. Жители Харему были прямо-таки созданы для того, чтобы носить любую форменную одежду; а вот жители Ньюхевена как раз вечно страдали, когда приходилось облачаться в официальный костюм.

— Как вам известно, инспектор, в связи с отъездом комиссара ЛиуСкеда… место официального начальника полиции теперь свободно. Естественно, совершенно необходимо как можно скорее назначить нового комиссара полиции — хотя бы из соображений нравственности. Ответственность за это назначение возложена на меня. Однако Гегемония традиционно предоставила королеве Тиамат право самой выбрать тех чиновников, с которыми она будет находиться в наиболее тесном контакте…

Джеруша вжалась в спинку кресла; Мантаньес еще больше помрачнел.

— Снежная королева попросила… потребовала… чтобы я назначил на пост комиссара полиции вас.

— Меня? — Она ухватилась за край стола. — Это

что же… шутка?

— И не лишенная остроумия, — кисло откликнулся Мантаньес. — Впрочем, предметом насмешки являемся мы.

— Вы хотите сказать, что согласились с ее предложением? Насчет моего назначения? — Она сама не могла поверить тому, что говорит.

— Ну разумеется. И вы займете этот пост, — ровным тоном ответил Хованнес. — Если Снежная королева хочет, чтобы во главе полиции, которая защищает ее народ, оказалась женщина, то так тому и быть. — Видимо, он еле удержался, чтобы не сказать, что таким образом Ариенрод накажет сама себя.

Джеруша медленно привстала в кресле и наклонилась над столом.

— Итак, вы приказываете мне стать комиссаром полиции? Что ж, выхода у меня нет.

Мантаньес заложил руки за спину и злобно сказал:

— Еще бы! Вы же не возражали, когда вас по желанию королевы назначили инспектором. — Впервые кто-то из них открыто выразил свои чувства по этому поводу. — Я полагаю, вы будете прыгать от радости, став комиссаром. Хотя бы потому, что вы женщина!

— Должна сказать, что лучше это, чем вообще никаких повышений по службе — только потому, что я женщина. — Она чувствовала, что у нее перехватывает дыхание, а сердце готово вот-вот остановиться. — Но этот пост мне не нужен! Черт побери, я не больше вашего люблю Снежную королеву и вовсе не хочу становиться ее марионеткой! — Ловушка, это ловушка…

— Ну, это не вам решать, комиссар ПалаТион. Разумеется, у вас остается право подать в отставку… — сказал Хованнес. — Но я позабочусь о том, чтобы ваши сомнения относительно нового назначения были соответствующим образом зафиксированы.

Она промолчала, не в силах придумать достойный ответ. Мантаньес поднес руку к воротнику и отстегнул комиссарские знаки различия, которые, вне всякого сомнения, рассчитывал носить вечно. Он швырнул их на стол, и Джеруша едва успела накрыть значки рукой, чтобы не упали на пол.

— Поздравляю. — Он вызывающе четко отдал ей честь. Она с трудом ответила тем же.

— Свободны… инспектор Мантаньес.

Оба покинули ее кабинет, не сказав больше ни слова.

Джеруша снова села за стол. Она так сильно сжала крылатые комиссарские значки, что те впились ей в ладонь. Вот она, месть Ариенрод! Комиссар ПалаТион… Итак, королева подцепила ее на крючок, надеясь, что теперь-то непременно уничтожит не только ее карьеру, но и ее самое…

Однако, черт побери, она не для того пошла служить в полицию! Слабаки и тихони сюда не годятся. Что ж, комиссар ПалаТион, постараемся выжать из этой должности все, что возможно. Джеруша очень аккуратно и тщательно приколола «крылышки» к воротнику формы.

— Не надейся, что тебе удастся меня уничтожить, что я проиграю! — громко сказала она словно парившему в воздухе видению королевы. — Считай, что это твоя вторая ошибка, Ариенрод! — Но руки ее дрожали. Я не проиграю! Я ничуть не хуже любого мужчины! И старые раны заныли, ослабляя ее уверенность в себе.

Она отперла ящик стола и вытащила оттуда пачку йесты. И тут же снова вспомнила страшный облик ЛиуСкеда, Рука ее сама собой задвинула ящик. Она не прикасалась к йесте с тех пор, как ЛиуСкед получил сверхдозу наркотика.

Взгляд Джеруши снова уперся в загадочный сверток; она подтянула его поближе, стараясь

думать только о том, что там может оказаться, и забыть об йесте. Развязала веревку, развернула двойной лист грубой упаковочной ткани. Внутри оказалась обычная коробка, в каких доставляют товары на местных торговых судах. Впрочем, она не могла припомнить никого, кто мог бы послать ей, инспектору полиции, посылку.

Она осторожно открыла коробку; там оказалась большая раковина размером с обе ее ладони; один из тонких красивых зубцов на краешке был отломан. Раковина была алой, цвета зари, ее поверхность, тщательно отполированная, сияла, словно закатное небо. Она вспомнила, где видела эту раковину: та красовалась на каминной полке в доме Нгенета ран Ахазе Миро… а сама Джеруша тогда стояла и слушала, как трещат в камине дрова, молча прихлебывая крепкий черный чай, которым Нгенет непременно возжелал напоить ее, прежде чем отпустить в Карбункул… Этот удивительно мирный эпизод вдруг ясно припомнился ей, принеся успокоение. Смешно сказать, но единственным приятным визитом за те десять лет, что она провела на Тиамат, были эти четверть часа в доме человека, вполне возможно, серьезно нарушившего охраняемый ею закон…

Джеруша пошарила внутри раковины пальцем,

потом вытащила из коробки всю упаковочную бумагу, но никакой записки не обнаружила. Она вздохнула — не то чтобы обманутая в своих ожиданиях, но просто разочарованная тем, что он не написал ей ни слова.

— Поздравляю вас с продвижением по службе, Гея Джеруша, — устало сказала она вслух. Снова взяла раковину в руки, закрыла глаза, прижала ее к уху, как показывал Нгенет, и стала слушать голос моря.

Глава 18

ЭЙ, СПАРКС, НЕ УХОДИ, НЕ СЕРДИСЬ, ДАВАЙ СЫГРАЕМ ЕЩЕ РАЗОК И РАССТАНЕМСЯ ПО-ХОРОШЕМУ. ДАЙ НАМ ОТЫГРАТЬСЯ.

С ним «разговаривало» голографическое изображение мужского обнаженного торса, возвышавшегося над разрушенным городом. Однако он снял легкие наушники и повесил их на край игрового стола, как бы официально давая понять, что вышел из игры.

— Извините. — Он самодовольно усмехнулся; этот ответ предназначался скорее для остальных, весьма враждебно настроенных игроков, чем для компьютера, исполнявшего роль крупье. — Мне

просто надоело. — Он сунул свою кредитную карточку в щель, и она выскочила оттуда с обозначенной суммой — денег было куда больше, чем он мог себе представить еще каких-то несколько месяцев тому назад. То, что он теперь запросто распоряжался подобными суммами, уже почти перестало его волновать; он отлично знал, какие немыслимые деньги перекочевывают из одного казино в другое по спирали Главной улицы Карбункула. И начинал представлять себе, какие средства, к тому же, уплывают через Черные Ворота в иные миры Гегемонии… Он быстро учился. Но все-таки недостаточно быстро.

Пошатываясь, Спаркс двинулся прочь от игорного стола; он выпил немало розового саматанского вина, но был не настолько пьян, чтобы не сообразить, что уходить нужно именно тогда, когда начинает везти. Это-то он теперь делать научился. Он знал все тонкости игры и собственные возможности — а потому выигрывал все чаще и чаще. Ариенрод щедро снабжала его деньгами, и он все время, свободное от обязанностей Звездного Быка, сорил ими в игральных залах и пивных, расположенных на Главной улице, приобретая при этом такое количество приятелей и знакомых, что с трудом способен был порой

«переваривать» их общество. Он слушал, задавал вопросы, наблюдал за тайными сделками, пытаясь разгадать, откуда приходит в игорные дома самая разнообразная информация и в чьи руки попадает.

Однако вместе с тем он стремился все же и выбраться из колодца собственного невежества, и когда весь этот сбор сведений, сопровождаемый слишком большим количеством вина и наркотиков, мельканием различных помещений и лиц, начинал туманить ему мозги, в душе поднималась удушающая тоска, почти боль. Ничто здесь уже не давало ему удовлетворения: те вещи, которым так радовался мальчик с Летних островов, вероятно, существовали по-прежнему в бесконечных извилинах Лабиринта, но он больше не замечал их. И чем дольше он жил в Карбункуле, тем более отвратительными казались ему люди, составлявшие суть этого города, воплощавшие его душу.

Он уже начинал их ненавидеть, сам не зная почему; черная пелена, накрывшая его здесь, словно запятнала все его прошлое и будущее, и даже собственное лицо стало ему неприятно. Все, все вызывало отвращение — кроме Ариенрод. Ариенрод понимала, что за черная тьма лежит

ядовитыми озерами в самых сокровенных уголках его души; знала, как уничтожить, смыть его болезненную враждебность ко всему окружающему; уверяла его, что все души в глубине своей черны. Ариенрод убаюкивала его, Ариенрод давала ему покой. Ариенрод исполняла каждое его желание… Ариенрод любила его. И только страх перед тем, что он может утратить ее любовь, а она — пожалеть о том, что позволила ему стать Звездным Быком, и низвергнуть его, как был низвергнут его предшественник, был единственным облачком, омрачавшим горизонты его безграничного покоя.

Она пользовалась широчайшей тайной сетью электронного шпионажа и придворных доносчиков, присовокупляя собранную ими информацию к той, которую добывал Спаркс. Однако инопланетяне — из числа тех, кому действительно было что скрывать, — обладали и эффективными средствами защиты от подобных вещей, и он понимал, что Снежной королеве сейчас не хватает особых знаний и связей, которыми должен обладать настоящий Звездный Бык, родившийся и всю жизнь проживший среди инопланетян. Наступит день, когда Ариенрод покажутся отвратительными и его неискушенность

островитянина, и его невежество. Возможно, опьяненный мгновенно обрушившимся на него везением, он некогда утратил представление о собственных реальных возможностях…

Спаркс сунул кредитную карточку в кармашек на ремне, чувствуя, как гаснет приятное возбуждение, вызванное удачной игрой. В голове вдруг мелькнула предательская мысль: а действительно ли он так хорошо научился играть во все эти игры, или, может быть, Ариенрод даже здесь незаметно наблюдает за ним и делает все, чтобы победу одержал именно он?

Он решил не думать об этом; сунул руки за ремень и посмотрел поверх голов, склонившихся в нечестивом почитании мигающих огоньками игорных столов, — головы были украшены пышными тюрбанами, космическими шлемами, самоцветами, посверкивавшими в замысловатых прическах… Это был один из первоклассных притонов, с изощренными и не слишком преступными забавами, куда более интересный, чем дешевые казино нижних уровней города, обслуживавшие, главным образом, рабочий люд. Но здесь, как и везде, трудно было ожидать честного выигрыша. Игроки радовались победе с одинаковым безумством и проклинали свои неудачи с

одинаковой мстительностью там и здесь, отупев от грохочущей музыки, заглушавшей и разговоры за столами, и шум, доносившийся из соседних комнат, где помещались иные виды развлечений, например, «машины сновидений», с помощью которых можно было поучаствовать в ужасных и опасных приключениях на различных планетах или совершить какое угодно преступление — да пережить все что угодно, вплоть до смерти, если смелости хватит. Он все чаще и чаще пользовался этими машинами, и они все меньше и меньше развлекали его.

Он начал уверенно пробираться между столиками к выходу — именно так должен был двигаться тот, кто носит маску Звездного Быка и иноземную медаль на груди. Спаркс был одет в расшитый ярким галуном инопланетный мундир и высокие ботинки; волосы его были коротко острижены по моде Зимы, и, чувствуя в нем неосознанный напор и первозданное невежество, другие все чаще уступали ему дорогу.

— Ты выглядишь как человек, который знает, чего хочет, и не сойдет с мудро избранного им пути. — Длинное серебристое платье с соблазнительными разрезами по бокам не скрывало от взгляда прелестей заговорившей с ним жен-

щины.

Он посмотрел на нее и отвернулся — ему снова стало не по себе от столь откровенного приглашения к любовным утехам. Впрочем, здесь, в столице, такое с ним случалось сплошь и рядом.

— Нет, спасибо. Я очень спешу. — Серебристое платье на какое-то мгновение пробудило в нем воспоминание об отливающих серебром светлых волосах… Он быстро, стараясь не касаться проститутки, прошел мимо. Теперь он практически не замечал других женщин, кроме Ариенрод: она учила его желать такого, о чем он никогда даже и не мечтал. Да и сама идея продажной любви была ему противна, хотя он прекрасно знал, что по крайней мере половина тех женщин и мужчин, что предлагали себя за деньги, — граждане Зимы. От скуки или от жадности они приспособили свое естественное легкое отношение к здоровому сексу, свойственное обитателям планеты Тиамат, к алчным аппетитам инопланетян.

Впрочем, и многие инопланетяне занимались тем же под присмотром других инопланетян, обладавших чуть большей властью в той немыслимо сложной иерархической преступной структуре, что паутиной опутала весь Лабиринт. В Гегемонии существовали миры, где рабство

было явлением естественным и законным, и Снежная королева не вмешивалась в обычаи своих гостей. Некоторые инопланетные торговцы собственным телом выглядели точно так же, как и местные (только, на взгляд Спаркса, чуть более экзотично); но попадались и зомби, наемные жертвы, обладавшие человеческой плотью и кровью и удовлетворявшие запросы тех клиентов, которым машинных снов было недостаточно. Зомби почти голышом бродили в толпе, выставляя напоказ свои шрамы — впрочем, нет, «выставляя напоказ» сказано неточно. Шрамы им были безразличны; живые мертвецы или безумцы, они двигались с пустыми, ничего не видящими глазами, словно лунатики во сне; да и само их существование было ужасным сном, ночным кошмаром. Они жили лишь под воздействием наркотиков, как объяснили Спарксу, и порой наркотики уже полностью успевали разрушить их тела и души. Ариенрод говорила, что зомби вообще ничего не чувствуют. И однажды, когда у него было особенно паршивое настроение, он уже почти нанял было…

Но воспоминание о том, как он лежал беспомощный в переулке, а четверо работорговцев называли его «красавчиком», оказалось сильнее

дурного настроения, и он переломил себя точно так же, как была сломана в ту страшную ночь его флейта. Он так и не понял до сих пор, что же именно было ему тогда так отвратительно: то ли инопланетяне-работорговцы, то ли то, что сам он наполовину инопланетянин.

И снова Ариенрод тогда помогла ему, смахнула небрежным жестом мучившие его вопросы, нежно рассмеялась и сказала, что зло существовало и будет существовать всегда, в любом мире, в любом существе, ибо без зла нельзя было бы понять, что такое добро…

Спаркс глубоко вздохнул, когда дверь казино, наконец, захлопнулась за ним; немного постоял на крыльце, откашлялся и сплюнул накопившуюся в легких дрянь на ступени из редкого металла. Рыжеватая кошка скользнула мимо, задела боком об его ноги и исчезла в какой-то щели. Охотилась.

— …Ну хватит, Съинг, дай передохнуть. — Что-то знакомое послышалось в этом странном голосе и заставило Спаркса обернуться. — Боги, я бы все на свете отдал, лишь бы выбраться из этой чертовой дыры и вернуться туда, где мне могут помочь! Где мне дадут нормальную работу… — Говоривший был явно инопланетянином,

с густыми темными волосами, бронзовой кожей и редкой, полуотросшей бороденкой. Он сидел на ящике, прислонясь к стене, в грязной морской форме, лишенной каких бы то ни было знаков различия. Он, видимо, некогда был очень сильным человеком, но теперь медленно умирал от голода. Спаркс хотел уже было отвернуться и не смотреть на него, но снова услышал странно знакомый голос:

— Ты мне должен, Съинг, черт тебя побери!

Он увидел, что незнакомец оттолкнулся от стены каким-то неловким, нелепым движением и схватил за штанину второго мужчину.

Этот второй, судя по одежде, был либо капитаном грузового судна, либо помощником капитана; тяжеловесный, с покрытым шрамами лицом. Он резко вырвался, из-за чего сидевший на ящике первый мужчина упал на землю. Спаркс смотрел, как он беспомощно барахтается в грязи, с отвращением обнаружив, что ноги у этого типа парализованы. Человек со шрамами на лице засмеялся — таким смехом, какого Спаркс не хотел бы слышать никогда в жизни, — и сказал:

— Да ни фига я тебе не должен, Герне, ты хорошенько вспомни. — И пошел прочь, а вслед ему понеслись проклятия калеки.

Потом человек по имени Герне, мучительно волоча свои бесполезные ноги, долго пытался снова усесться, не обращая внимания на косые, исполненные презрения взгляды прохожих. Спаркс почему-то стоял среди прочих любопытных и смотрел на него, охваченный странным чувством жалости и болезненного интереса. Наконец он нерешительно двинулся с места, но тут калека, уже успевший взгромоздиться на свой ящик, посмотрел ему в лицо и вдруг снова соскользнул на тротуар.

— Ты! — Ненависть, звучавшая в этом возгласе, ударила Спаркса почти одновременно с узнаванием. — Это она тебя сюда послала? Это она подсказала тебе, где меня найти?.. Да, смотри хорошенько, малыш! Запомни — и глазами, и рассудком — и никогда не забывай, потому что в один прекрасный день она то же самое сделает с тобой. — Герне с отвращением отряхивал руки от налипшей на них грязи.

— Звездный Бык! — Спаркс не был уверен, что сказал это вслух, но не сомневался, кто именно перед ним. — Она… она сказала, что ты умер… — Он-то считал, что иначе и быть не могло: Герне ведь упал в Колодец глубиной в несколько километров. Но он не подумал о различных выступах

и механизмах, вделанных прямо в скальную породу. Должно быть, что-то такое и помешало отвесному падению Звездного Быка… и он лишь сломал себе спину. И теперь считался мертвым — но был жив… Спаркс почувствовал внезапное облегчение — словно исчезла давящая тяжесть в груди, которую он заметил только тогда, когда она перестала его душить.

— Я рад…

Герне вздрогнул и в бессильной ярости посмотрел на него.

— Ах ты, сукин сын! Если б я только мог до тебя дотянуться! Не сомневайся, я непременно закончил бы начатое тогда! — Он обессилено оперся о стену, рука его, тянувшаяся к ноге Спаркса, упала. — Давай, радуйся жизни, малыш. Я и сейчас куда больше мужчина, чем ты. И Ариенрод тоже понимает это.

Спаркс стоял на безопасном расстоянии, лицо его горело. Воспоминания о поединке в зале Ветров и о том, что Герне хотел сделать с ним, но потерпел неудачу, заполнили его душу горечью, и в этой горечи его сочувствие к калеке утонуло, как муха в котелке с супом.

— Ты вообще больше не мужчина, Герне. И знай: Ариенрод принадлежит мне! Мне одно-

му! — Он повернулся и пошел прочь.

— Дурак! — Злобный смех Герне ударил ему в спину. — Ариенрод никогда не принадлежала ни одному мужчине! Это ты принадлежишь ей, и она будет пользоваться тобой, пока не использует до конца…

Спаркс, не оборачиваясь, свернул за угол. Но в верхние ярусы не пошел, а некоторое время постоял, пока не улегся гнев и в душе не возникла знакомая иссушающая пустота. Успокоившись, он бесцельно побрел по улице вниз, забираясь все глубже и глубже в Лабиринт. Мелькали двери баров и казино, ставших для него вторым домом; он рассеянно разглядывал порой освещенные витрины магазинов, полные импортных товаров, лекарств, украшений, картин, нарядной одежды, радиоаппаратуры… и прочей дорогостоящей мудреной ерунды, выставленной напоказ любителями беспошлинной торговли. Когда-то, во время своих бесконечных прогулок по Лабиринту, он останавливался у каждой витрины; тогда ему казалось, что он гуляет по райским кущам. Теперь же он и не заметил, как время стерло чувство восторга перед этими техническими достижениями, окутав душу дымкой утраченных иллюзий, а терпкое вино восхищения волшеб-

ством превратилось в уксус равнодушия.

Даже аллеи Лабиринта, носившие названия различных растений и цветов радуги и служившие плодородной почвой для демонстрации мастерства и творческих возможностей умельцев Тиамат и еще семи планет Гегемонии, казались ему теперь странно тусклыми и какими-то чужими, будто его собственная реальная жизнь не имела с ними ничего общего. Он чувствовал себя чужим в этом пестром мире зрелищ, изысканных ароматов и громкой музыки, бредя по торговым рядам; к тому же свежее болезненное впечатление после встречи с Герне, который, оказывается, остался жив, давило на него немыслимой тяжестью, и он прислонялся лбом к ярким витринам, а они как будто прогибались под его тяжестью, обволакивая его своими соблазнами. Здесь, в самом сердце города, слушая его живое биение, он некогда надеялся делать замечательные открытия, но сумел открыть для себя лишь то, что вожделенная цель вновь и вновь ускользает от него, хотя, казалось бы, он вот-вот ее достигнет. Ускользает прямо из рук — как и все, на что он когда-либо рассчитывал, что было ему дорого…

Он яростно стукнул по пьедесталу какой-то кинетико-музыкальной скульптуры, выставленной

владельцем прямо на тротуар; от удара украшавшие ее шипы и колючки задрожали и с них как бы посыпались резкие звуки — точно кошки замяукали. И эта отвратительная, не поддающаяся нормальному восприятию музыка вывела его из оцепенения; холодная металлическая скульптура качнулась и сама собой изменила форму. Впрочем, может быть, ему это только показалось. Но ощущение собственной отгороженности от мира по-прежнему не проходило… Почему? Что со мной такое? В чем дело?

Он с омерзением отвернулся от скульптуры, когда из дверей, надеясь на покупателя, выглянул равнодушный торговец, и пошел дальше, неожиданно поняв, куда именно занесли его ноги: это была Цитрусовая аллея, и он уже видел чуть дальше Фейт, Хрустальный Глаз, как всегда сидевшую со своими подносами и корзинами на пороге мастерской. Именно сюда он однажды забрел в поисках убежища, и его приняли без единого вопроса или просьбы. Сюда он всегда мог вернуться, здесь было единственное средоточие покоя и созидания в море равнодушия и разобщенности.

Он заметил, что Фейт не одна; увидев его, посетительница встала со ступеньки, завернувшись

в вуаль, похожую на синие ночные сумерки. Он узнал ее по этой вуали: подруга Фейт, Тьеве. Ему никогда не удавалось как следует разглядеть ее — только черные, цвета эбенового дерева руки. Да еще из-под шалей и шарфов доносился порой нежный перезвон висевшего у нее на шее ожерелья из колокольчиков. Он уже спрашивал Фейт, почему Тьеве никогда не открывает лица; неужели она такая некрасивая или, может, обезображена чем-то? Но Фейт сказала, что таковы обычаи ее родной планеты. За все время он видел еще только одну или двух землячек Фейт — женщин, тщательно укутанных в шарфы и вуали и сопровождаемых дуэньями. Тьеве чувствовала себя в присутствии мужчин явно неловко, и он ощутил некое ревнивое удовлетворение, поняв, что она уходит только потому, что заметила его. У Фейт было много друзей-мужчин, однако непохоже, чтобы среди них был кто-то, значивший для нее больше, чем просто друг. Порой Спаркс даже думал, уж не дала ли она обет безбрачия?

Когда Тьеве удалилась под перезвон своих колокольчиков, Фейт повернулась к нему — с неуверенной полуулыбкой:

— Спаркс?.. Это ты? — Малкин, кот Фейт, мяукнул в ответ, подтверждая справедливость ее

догадки; Малкин как всегда сидел на своем посту у дверей мастерской.

— Да. Здравствуй, Фейт. — Спаркс нерешительно остановился возле нее.

— Ах, какой приятный сюрприз! Садись, где нравится, не стесняйся. Как давно тебя не было — несколько месяцев!

Он сокрушенно покачал головой, признавая свою вину, и осторожно сел, стараясь не задеть расставленные на ступенях подносы.

— Да, верно… Прости, я…

— Нет, нет, не извиняйся. — Она замахала руками, добродушно отпуская ему все грехи разом. — В конце концов, ведь и я не так уж часто заходила к тебе во дворец!

Он рассмеялся.

— Ты никогда не приходишь.

— Ну, значит, это мне нужно благодарить тебя за то, что пришел навестить меня. — Она ощупью нашла маску, которую отложила. — Расскажи мне, как там, во дворце, — о чем сплетничают, что носят, во что играют, о какой бредятине спорят… Мне хочется поболтать немного. Тьеве очень талантлива в том, что касается работы с иглой и шелком, но она всегда такая печальная… — Фейт нахмурилась чему-то невидимому, потом про-

тянула руку к подносу, полному разноцветных бусинок, и неожиданно перевернула его. — Ах ты черт! — Малкин нервно вскочил и тут же скрылся в мастерской.

— Погоди, дай-ка я… — Спаркс наклонился, с трудом успевая ловить бусины, ручейком скатывавшиеся по ступеням. Потом поставил поднос и принялся терпеливо собирать остальное, успокоенный этим бездумным занятием. — Ну вот. — Он вручил ей последние три бусины, вновь ощутив благодатный покой ее дома — совсем как тогда, когда жил здесь.

— Вот видишь, все из-за того, что я по тебе соскучилась. — Фейт улыбнулась, когда он положил бусины ей в раскрытую ладошку. — И не только по твоим терпеливым рукам — но и по твоей музыке, по твоей способности удивляться всему…

Спаркс, стиснув руки между коленями, промолчал.

— Ты мне не поиграешь? Очень давно я твоих песен не слышала.

— Я… — Он проглотил застрявший в горле комок. — Я не взял с собой флейту.

— Не взял? — В ее голосе было больше недоверия, чем если бы он сказал, что забыл одеться. — Почему же?

— Я… мне в последнее время что-то не хочется играть.

Она сидела, склонив голову над незаконченной маской и ожидая, что он скажет еще.

— Я сейчас слишком занят, — он словно оправдывался.

— А мне казалось, что королеве была нужна именно твоя музыка.

— Больше уже нет. Я… теперь занимаюсь другими вещами. — Он поерзал на твердой ступеньке. — Совсем другими…

Она кивнула; он и забыл, как может смутить неожиданный взгляд ее «третьего глаза».

— Ну да, играешь и пьешь. Слишком много пьешь! В «Видимом параллаксе» небось? — Она явно все знала.

— Откуда ты… это знаешь? — Ему стало не по себе.

— А запах? Они привозят свою отраву с Н'дойля. Каждое место обладает своим запахом, особенно то, где употребляют наркотики. А голос у тебя что-то хрипловат.

— Раз так, то скажи: проиграл я или выиграл?

— Выиграл. Если б ты проиграл, то не спрашивал бы меня с таким самодовольством.

Он засмеялся, но как-то натужно.

— Из тебя бы хороший легавый получился.

— Нет. — Она покачала головой и поискала с помощью иглы бусину с подходящим отверстием. — Чтобы стать полицейским, нужно обладать определенным чувством нравственного превосходства над другими; а я не желаю судить и оценивать поступки таких же, как я сама, грешников. Ну вот… — Бусина села точно на место. — Подай-ка мне несколько зеленых перьев, пожалуйста.

— Я знаю, что ты судить, никого не станешь. — Он передал ей перья.

— Именно поэтому ты и пришел сюда сегодня? — Она общипала с перьев лишний пух. — До тех пор, пока ты будешь уходить от игорного стола сразу после выигрыша, королева не станет сердиться из-за того, что ты соришь ее деньгами в казино, верно?

— Она рада, когда я играю, развлекаюсь… Да, она дает мне деньги! — Слова звучали жестко; он чувствовал, как его тайна топорщится внутри, стремясь вырваться наружу — и вырвется непременно, это всего лишь вопрос времени.

— Дает? Неужели только за красивые глаза? — Фейт как будто сомневалась.

— Нет. Я узнаю для нее разные вещи про ино-

планетян и про то, что они делают и каковы их планы; потом я рассказываю ей…

— Я считала, что для подобных целей у нее есть Звездный Бык.

— Вот именно. — Он чувствовал себя настолько свободным от каких бы то ни было законов и условностей, будто замкнул себя и Фейт в единое пространство, окруженное непроницаемыми стенами, однако голос его, который должен был бы гордо звенеть, прозвучал еле слышно:

— Звездный Бык — это я.

Она вздохнула, точнее, судорожно всхлипнула, как маленькая девочка, но в ответ не сказала ни слова. Помолчав, она снова заговорила:

— Да, я слышала, что во дворце новый Звездный Бык… Но ты, Спаркс?.. Ты, сын Лета, такой… — юный. Но она этого слова не произнесла.

— Я сын Лета только наполовину. И все, что я сказал, правда.

— Но почему? — Руки Фейт застыли над разинувшей рот маской.

— Потому что она удивительно похожа на Мун! А Мун больше нет. — Ариенрод была для него сейчас тем единственным, что осталось неизменным, настоящим, реальным в опостылевшей жизни; она была более реальна, чем его собствен-

ная плоть… — Ариенрод все знает о Мун; знает, что та значила для меня. Она единственная, кто мог понять… — Слова, словно истекая кровью, выползали у него изо рта, но он продолжал рассказывать, опуская, впрочем некоторые подробности, о том, как разворачивались события во дворце, когда они с Ариенрод узнали, что Мун похитили. — …И мне пришлось вызвать Звездного Быка на поединок — потому что я люблю ее. И она позволила мне его вызвать. И я победил…

— Как тебе удалось убить такого страшного человека?

— С помощью своей флейты — в зале Ветров… — Вот только он не умер!

— И с тех пор ты на ней не играешь. — Фейт покачала головой, толстая коса шевельнулась у нее на плече. — А скажи мне… стоило ли за это… платить такую цену?

— Да! — Он вскочил, потрясенный собственной горячностью.

— Почему же в голосе твоем звучит «нет»?

Его пальцы сжали край подноса с бусами, мышцы напряглись; но она не видела этого.

— Я должен был стать Звездным Быком! Я должен был стать самым лучшим для нее, я не смог бы существовать, не будучи… ее достойным…

Мне необходимо было, чтобы со мной считались. Я думал, что раз я победил, то все остальное будет легко; но я ошибся. Я думал, что сразу получу все…

— И не получил?

Он покачал головой.

— Да что со мной такое, в конце концов! Все не так, как надо… все, что бы я ни сделал!

— А может, тебе и не стоило ничего делать? Ты ведь по-прежнему можешь вернуться на Летние острова, домой; ничто тебя здесь не держит.

— Вернуться? К чему? — Эти слова он как бы выплюнул. — Нет. Я не могу вернуться. — Он уже не раз сам задавал себе этот вопрос и знал ответ. — Никто никогда не возвращается назад, это я теперь знаю точно; мы все время идем вперед, вперед, и нет никакой причины… нет, я не оставлю Ариенрод, не могу! Но раз я не могу быть таким, каким хочет она, я так или иначе потеряю ее. — Герне знал, что ей нужно; Герне знал все…

— Ничего, ты сумеешь еще приноровиться к инопланетянам, если у тебя хватило ума перехитрить Звездного Быка. Ты еще войдешь во вкус, погоди; ты уже начал входить во вкус.

Что-то в ее словах, какая-то удивительная печаль, причинило ему боль. Он кулаком одной

руки ударил в ладонь другой.

— Я должен! Я должен поверить, что смогу все — до того, как начнется новая Охота!

— Охота? За «живой водой»? Охота на меров?

— Да. — Он уставился на плиты тротуара, словно пытаясь сквозь них увидеть сердце Карбункула и всего зимнего мира — до берегов океана, где тоже властвуют здешние богачи. Мысленно он отлично представлял себе эту Охоту: ожерелье голых скал в открытом море; океанские валы бьются о борт корабля, стонут и поют песнь того мира, который он, Спаркс, навсегда покинул… Он вспомнил, как всматривался в далекий горизонт с неумолчной тоской… Но даже если Хозяйка и звала его, он больше уже не мог слышать ее голос. Может быть, потому, что участвовал в охоте на меров; а может, потому, что Море стало для него теперь всего лишь огромным водным пространством, огромным количеством химических веществ, растворенных в воде…

Тогда, во время его первой Охоты, он внимательно смотрел на берег, где на черной гальке устроилась становящаяся все более малочисленной колония меров… а потом Гончие согнали меров в воду, прямо в расставленные сети, которые должны были удушить и утопить их. Если

дважды в течение часа меры не выныривают на поверхность, чтобы вдохнуть воздуха, то неизбежно умирают.

Дети Лета никогда не убивали меров; меры считались любимцами Хозяйки, родившимися у нее уже после того, как звезды упали в море и стали островами. Островитяне были уверены, что моряк, случайно убивший мера, не будет более знать удачи… ну, а того, кто убивал мера сознательно, команда собственноручно топила в море. Он слышал сотни различных историй о мерах, спасавших людей, оказавшихся за бортом, и даже целые команды судов, потерпевших крушение; он помнил того мера, что жил в заливе у Наветренной гряды, его лоснящуюся спину, когда он аккуратными стежками вышивал водную гладь, провожая суда и указывая им путь среди предательских рифов… Он помнил и тех меров, которые приветствовали их с Мун близ Островов Избранных. Но никогда не слышал, чтобы меры кому-нибудь причинили зло.

Однако за добро, которое они могли дать людям, одаривая их вечной молодостью, меры расплачивались собственной жизнью. Спаркс всегда считал, что истории о бессмертных мерах, способных и людей сделать бессмертными, —

всего лишь старые сказки… пока не приехал в Карбункул. И не встретил королеву, которая правила планетой целых сто пятьдесят лет… и не получил из рук Ариенрод серебряный флакон с драгоценной жидкостью, и не позволил оросить себе горло, и не осознал, наконец, что тоже может оставаться вечно молодым…

И он остался у Снежной королевы, платя за вечную молодость предательством, забыв и самого себя, и все, во что верил когда-то, а его Гончие продолжали ловить сетями и душить беспомощных меров.

Потом они втаскивали мертвые тела на борт и, отодвинув Спаркса в сторону, как бесполезный предмет, приседали возле них на корточки, ножами взрезали им глотки и отсасывали драгоценную кровь, пока щупальца их не становились красными, а палуба — скользкой, как на скотобойне.

Потом кровь смывали обратно в море, за ней следовали изуродованные тела меров, и темные глаза их смотрели так, словно все еще не верили в собственную смерть. Напрасно… все напрасно! Тогда, в первый раз, он отвернулся — он едва стоял на ногах с самого начала бойни — и постарался унестись взглядом и душой в беспредельные

дали океана и небес. Но невозможно было не слышать этих частых всплесков за бортом… Поздно… слишком поздно… невозможно было не замечать кипения сине-зеленой воды, где хищники алчно пожирали нечаянную добычу… Мать Моря в своей безжалостной мудрости старалась использовать все и проклинала тех, кто к этому не стремился…

— Спаркс? — Голос Фейт снова вернул его в город, который, точно стены пещеры, сомкнулся вокруг него, спасая от проклятий Хозяйки, отрицая даже само ее существование…

— Это было так отвратительно!.. И бессмысленно! Но я не мог… — Он потряс головой. — Зато теперь я буду вести себя как надо! Я сумею вспороть горло мертвому меру, я больше не какой-то там ублюдок-островитянин, страдающий от суеверных страхов. — Он помнил презрение Гончих, слишком очевидное и без слов; помнил, как утешала его Ариенрод, хотя она сама же и выпустила на волю демонов сомнения и презрения к себе, терзавших его после той Охоты. А потом она вручила ему позолоченный флакон с «живой водой».

— Да, пожалуй, ты уже не тот, что прежде. — И снова в голосе Фейт послышалось сожаление. —

Со смертью всегда нелегко встречаться лицом к лицу. Вот почему мы все стремимся хотя бы попробовать «живой воды», а потом не можем оторваться, потому что тяжелее всего — собственная смерть… Мы всегда поступаем так, как считаем нужным, как нам нравится… — Она протянула руку и поискала в воздухе его плечо.

— Хм, не хотелось вам мешать… — Из-за спины у Спаркса послышался чей-то голос. — Мне тут кое-что передать нужно.

Спаркс обернулся. Возле них с Фейт на тротуаре стояли двое; один из них при ближайшем рассмотрении оказался неряшливо одетой женщиной, второй — вообще не человеком.

— Ты!

Знакомая физиономия робота Поллукса маячила перед ним с тем же отсутствующим выражением, однако в серых глазах женщины по имени Тор промелькнули все чувства разом — от полного изумления до глубокой печали.

— Никак это Спаркс, Покоритель Зари? — Она переминалась с ноги на ногу. — Ну и ну… Что ж, как дела-то, парень? Похоже, ты неплохо живешь, а? — Она кокетливо изогнула бровь. — Я тебя еле узнала.

— Уж не тебя ли мне благодарить за свои успе-

хи?

— Да ладно тебе… — Она стыдливо отвела глаза. — Привет, Фейт. Наконец-то привезла тебе целую кучу отделочных материалов, нужны? Если хочешь, Поллукс сложит в мастерской.

Фейт начала торопливо отставлять в сторону свои подносы, расчищая путь к двери.

— Я ему покажу, где сложить. Вот не знала, что вы со Спарксом приятели, Тор.

— Никакая она мне не приятельница! — Спаркс встал, пропуская Поллукса, с равнодушным видом тащившего на крыльцо тележку с ящиками. Фейт исчезла в мастерской, легко двигаясь в привычной обстановке, и робот последовал за ней. Но, когда Тор попыталась тоже пройти в мастерскую, Спаркс преградил ей путь. — Давай-ка поговорим. О том, как вы со мной тогда поступили. И о том, куда вы дели все мои вещи, когда обчистили меня.

Тор прислонилась к облупившейся крашеной стене, старательно пряча глаза.

— Послушай, Спаркс, мне и правда очень жаль, что так получилось. Не хотелось так тебя накалывать… я хочу сказать, ты был такой доверчивый… и такой глупый… Но мне тогда было — хоть в петлю. Я в «Море и звездах» почти всю свою днев-

ную выручку потеряла. Если б я хозяйке денег не отдала, она бы из меня душу вынула, понимаешь? Честно говоря, тут вопрос стоял так: твоя жизнь или моя. И я решила, что тебе такой урок так или иначе на пользу пойдет. — Она явно начинала приходить в себя.

— Что ты сделала с моими вещами?

— Заложила, а ты что подумал?

Он усмехнулся.

— Ну и много ли получила за них? — Он говорил почти весело.

— Да ерунду, дерьмо собачье, а ты ду… — Она не договорила: Спаркс, схватив ее за горло, прижал к стене. — Боги! — Она извивалась, пытаясь не видеть того, что отражалось в его глазах. — Что это на тебя нашло, малыш?

— Я хорошо усвоил твой урок. — Он еще сильнее сдавил ей горло, явно развлекаясь, потому что в глазах у нее плескался ужас. — Ты моя должница, Тор, и я могу вытрясти из тебя этот должок прямо сейчас.

— Ты… ты не посмеешь! — Она судорожно сглотнула и вцепилась руками ему в плечо. — Кто ты такой, собственно говоря?..

— Спаркс, что ты делаешь! — В голосе Фейт слышалось осуждение.

Он поморгал, словно стряхивая с ресниц дымку уязвленного самолюбия, и отпустил Тор.

— Да не буду я руки марать…

Тор шумно вздохнула, массируя горло.

— Это просто… просто недоразумение, Фейт. Я отдам тебе эти деньги, малыш. Я что хочу сказать — ты приходи в получку…

— Ладно, забудь. — Он отвернулся, чувствуя, как горит от гнева и смущения его лицо, и решая, много ли успела увидеть Фейт. Но кое-что из потока бессвязных оправданий Тор засело у него в голове; кое-что, имевшее самое непосредственное отношение к главной причине его дурного настроения; и он снова посмотрел на нее — задумчиво и мстительно. — А впрочем… нет, все-таки наказать тебя следует. Должок останется за тобой, и я тебе сейчас скажу, как ты можешь со мной расплатиться. И даже кое-что выиграть сама, если сыграешь верно. — Он вытащил свою кредитную карточку и поднес к самому ее носу.

Тор тупо посмотрела на нее.

— Ну?

Она неуверенно потянулась за карточкой, но он отдернул руку.

— Ты ведь служишь посыльной в «Море и звездах», так кажется? Значит, ты должна хорошо

знать, кто кому здесь подчиняется, — в Лабиринте ведь можно услышать немало интересного, верно?

— Ой нет… ничего я не знаю, малыш! Я свои ушки на запоре держу. — Она помотала головой, зажмурилась, подавляя искушение. — Ну, порой приходится, конечно, кое-какие поручения выполнять, если кто из клиентов попросит, деньги-то нужны. Вот и все, а больше…

— Ты мне лапшу на уши не вешай! — Он нахмурился. — Хотя, возможно, ты действительно знаешь маловато… — Внезапно пришедшая в голову мысль буквально ослепила его. — Я знаю, кто в таких вещах хорошо разбирается! И ты вполне можешь расспросить его… Вот этим ты и займешься, но сперва позаботишься о нем, понятно?

— Нет. — Она покачала головой. — Чем, черт побери, ты занимаешься сам и во что меня втравить хочешь, а?

— Тоже служу кое-кому, только рангом повыше, и хозяину моему желательно знать о планах противников. Тут где-то есть человек по имени Герне, который во всем этом здорово разбирается, просто ему не повезло. Ты его отыщи и помоги ему выжить; а он из благодарности расскажет

тебе все, что ты у него спросишь.

— Ха! Знавала я одного Герне — большой был мот! Что ж, если ему не повезло, пусть хоть подыхает! Он с дружками так наркотики жрал… А еще он… — Она недоговорила и принялась нервно теребить полу плаща. — У меня синяки да ссадины на таких местах были, что и родной матери показать стыдно. Уж он успел надо мной поизгаляться, пока Поллукс его не оттащил… правда, потом ему самому несладко пришлось. — Тор взглянула на флегматичного робота у дверей, словно не замечая слушавшей их разговор Фейт. — Может, Поллукс — и тупая машина, да только сто очков вперед даст тому, кто его программировал.

Спаркс улыбнулся, представив себе, как Поллукс заставил Герне задуматься над своим поведением.

— Этот Герне, должно быть, действительно от наркотиков спятил, раз прицепился к такой…

Тор вспыхнула, замахнулась кулаком.

— Послушай-ка, островитянин, ты эти свои шутки брось, тем более в Карбункуле!

Спаркс тут же перестал улыбаться.

— О черт!.. Клянусь богами, я совсем не это имел в виду! Просто если тот Герне он самый и есть, тебе не о чем беспокоиться. Теперь он тебе

ни малейшего вреда не причинит. Ты его сможешь отыскать у «Видимого параллакса». Я за все заплачу с лихвой, только постарайся, чтобы он не понял, почему ты им заинтересовалась. И ни слова обо мне. — И прибавил почти шепотом, отвернувшись от Фейт:

— Учти, если я не получу того, что мне нужно, ты об этом пожалеешь! И никакой Поллукс тебя не спасет.

Тор так побледнела, что он понял — она поверила его словам — и даже немного удивился.

— Встретишься со мной здесь. Скажем, через неделю в то же время.

— Да, хорошо, — слабым голосом ответила она и несмело выглянула из-за его плеча — он по-прежнему загораживал ей дорогу. — Пошли, Поллукс, нам пора.

— Как скажешь, Тор. — Робот отделился от стены и последовал за ней.

— Заткнись, куча металлолома, не то обменяю тебя на собаку! — Она сердито стукнула его по металлической груди и пошла прочь, потирая ушибленную руку.

Фейт снова уселась на ступеньку и принялась украшать еще голую, с разинутым ртом маску. Она работала с таким усердием, словно больше

ничего для нее не существовало вокруг. Ему она не сказала ни слова, даже глаз не подняла.

Спаркс чувствовал, как приятное возбуждение в его душе гаснет: Фейт словно отгородилась от него, словно унеслась от него далеко-далеко.

— Ты же сказала, что я сумею приноровиться к инопланетянам! Вот я и приноровился.

— Да, и, видимо, вполне успешно. — Она взяла кусочек атласа.

— Я думал, ты не любишь судить других.

— Стараюсь не судить. Мы сами выбираем себе путь в ад… Но выбор некоторых более заметен, что ли… И потом, я не люблю смотреть, как обижают моих друзей.

— Я же просто так ей пригрозил. Ничего бы я ей не сделал. — Но он знал, что едва удержался от этого. И именно в эту секунду Фейт видела их.

— Как говорится, сегодня скажешь — завтра сделаешь, — тихо проговорила Фейт. — Я ведь и тебя своим другом считаю.

— Все еще?

— Да, все еще. — Она подняла на него глаза, но не улыбнулась. — Осторожнее, Спаркс. Жизнь сплетена не из одной нитки, ты ведь знаешь.

— Знаю. — Он пожал плечами, не совсем ее понимая. — Я к тебе еще загляну, Фейт.

Она наконец улыбнулась, но это была не та улыбка, какой он ждал:

— Ну конечно: через неделю, в то же время.

* * *

— Звиняюсь, мужичок, ты тут парня по имени Герне не видал? — Тор не договорила; оборванец вскинул на нее глаза, в которых была такая бессильная злоба, какую она видела только у посаженного на цепь дикого зверя. Его лицо ей было явно знакомо. Худой, заросший щетиной, он все еще напоминал прежнего темнокожего красавца-инопланетянина; глаза у него были прежние — обворожительные, с длинными ресницами, но холодные, как сама смерть. Тор некоторое время молча смотрела на него, словно пытаясь соединить прошлое и будущее. Да, у ее ног на жалком ящике сидел тот самый Герне, который когда-то умел так смотреть на нее, будто она была вещью.

Однако сейчас, когда он глянул на нее, в его глазах даже не мелькнул огонек узнавания; даже знакомая ироничная усмешка не тронула его губы. Она чувствовала вонь, исходившую от его отвратительных, засаленных лохмотьев, и вспоминала те роскошные одежды, что были на нем тогда. Может, пристрастие к наркотикам в

конце концов сыграло с ним злую шутку?.. Перед Герне стояла полупустая бутылка и консервная банка с зазубренными краями, в которой виднелось несколько монет. Подходя к нему по аллее, она видела, как офицер полиции с нелепыми розовыми веснушками на темнокожем лице выговаривал ему за попрошайничество. После этой беседы лицо Герне до сих пор сохраняло свирепое выражение; однако, когда до него дошел смысл ее вопроса, он внимательно посмотрел на нее и Поллукса.

— Может, одного Герне я тут и знаю. Но вроде никак не вспомню. — Его рука со значением тряхнула консервной банкой. — А зачем он тебе?

Она порылась в кармане и бросила в банку несколько монет.

— Слышала, не везет ему. Так может, я чем помогу?

— Ты? — Он глотнул из бутылки, вытер рот тыльной стороной ладони. — А зачем тебе это?

— Ну, это только его и меня касается. — Она сложила руки на груди, уже почти развлекаясь начатой им игрой. — И где же он?

— Я Герне, — проворчал он.

— Ты? — Она спросила так же недоверчиво, как спрашивал ее он, но тут же рассмеялась, смягчая

атмосферу. — Докажи.

— Сука!

Она отшатнулась, вспомнив его звериную силу, но он только качнулся на своем ящике и, наверное, упал бы, если бы Поллукс не подхватил его и не посадил обратно. Тор, отойдя на безопасное расстояние, стояла и смотрела на него, пытаясь осознать увиденное. — Так вот что он имел в виду. Ты калека!

Лицо Герне исказилось.

— Кто это он? Кто тебя сюда послал?

— Да никто в общем-то. — Она неловко пожала плечами. — Просто захотелось тебя повидать. А знаешь, Герне, зря ты обо мне не вспомнил ни разу с тех пор. — Она прислонилась к Поллуксу и провела рукой по его холодному металлическому плечу, потом улыбнулась. — А как бы ты поступил со мной, если б я в таком положении оказалась?

Он весь напрягся и снова внимательно посмотрел на нее и на Поллукса. В какой-то миг Тор показалось, что он ее узнал; а может быть, то был лишь страх самому быть узнанным ею… Сколько же должно быть врагов у человека, раз он с такой высоты упал прямо в помойку?.. А сколько у него найдется настоящих друзей? Много ли, даже если

во всей Вселенной искать?

— Делай что хочешь, мне все равно. — Герне прислонился к стене, отхлебнул из бутылки и как-то сник.

— Нет. — Она покачала головой, почти с ненавистью вспомнив этого Спаркса и собственные финансовые затруднения. — Я ведь просто спросила. Так как твои дела, Герне? — Она заглянула в консервную банку.

— Плоховато. — Ему явно не хотелось ни отвечать ей, ни задавать вежливые вопросы самому. Верхняя, живая половина его тела была по-прежнему напряжена. Хозяева «Видимого параллакса» прошли мимо них и отвернулись.

— Много воды утекло с тех пор, как мы с тобой в последний раз виделись. А ты здорово опустился, скажу я тебе.

Он не помнил, виделись ли они вообще когда-нибудь. Теперь она была в этом уверена. Но не знала, радоваться этому или нет.

— Ничего, я уже давно попрошайничаю и пока не умер.

Она снова оперлась о плечо Поллукса, спокойно рассматривая Герне.

— Знаешь, все может быть…

Он быстро взглянул на нее и, ничего не ответив,

опустил глаза.

— Я слыхала, ты отлично тут все и всех знал, в Лабиринте. Раньше, до… хм, до этого несчастного случая. — Интересно, что это с ним такое случилось? — И местных всех знал, и других тоже… Так вот, мне в этом деле помощь требуется.

— Зачем? — Вопрос прозвучал резко.

— Ну, тебе ведь неважно, за что денежки получать, а? — Она пыталась найти какую-нибудь правдоподобную причину для своей просьбы. — Слишком ты много вопросов задаешь для нищего…

— Я хочу знать, зачем местной бабе понадобились такие сведения. Есть только одна местная… — Он нахмурился.

— Да нас таких тысячи, и все не меньше твоего заинтересованы в том, чтобы власть Зимы подольше продержалась! — Она расстегнула молнию, вытащила из кармана свою кредитную карточку и сунула ему под нос — как Спаркс только что. — Я, может, не намерена вечно быть грузчиком. Я, может, хочу свою долю пирога получить, прежде чем вы, инопланетяне, отсюда смоетесь и весь пирог с собой прихватите. — Она даже немножко удивилась тому, как разумно говорит.

Он с загадочным видом кивнул; было похоже, что ее слова показались ему достаточно убедительными.

— Ты сказала, за это заплатят? Сколько? — Он прищурился, глядя на ее карточку.

— Да не так уж и много… но все-таки больше, чем ты сейчас получаешь. А жить-то у тебя есть где?

Он только мотнул своей грязной нечесаной башкой. Она выругалась.

— Ну так я и думала! Ладно, можешь жить у меня. Тебе ведь все равно нужно, чтобы кто-то тебя кормил и убирал за тобой.

— Мне нужны деньги! А нос я себе и сам вытереть могу, черт побери! И нечего тут зря время тратить. — Он, гримасничая, поскреб себе спину.

Она смотрела, как он чешется.

— Удивительно, что кто-то еще решается подойти к тебе достаточно близко да еще и в банку твою что-то бросить. Уж больно от тебя разит! А что ты будешь делать, когда твои лохмотья совсем расползутся?

— А ты что же, хочешь их нынче ночью снять да постирать, моя милая? — Он ухмыльнулся.

Она поджала было губы, но все же заставила себя тоже улыбнуться.

— Ты не в моем вкусе, уродина! Для меня всю грязную работу Поллукс делает. Он и тяжести всякие носить привык…

— Как скажешь, Тор, — покорно откликнулся робот. В его бесцветном голосе слышалась почти неуловимая нотка одобрения. Она даже неловко отстранилась от него: иногда было трудно вспомнить, что Поллукс — всего лишь запрограммированное погрузочное устройство.

— Ты сможешь иметь нормальную еду и постель, пока будешь мне полезен, Герне. Хочешь — соглашайся, не хочешь — нет. — Как хочешь, ублюдок! Мне и то и другое совершенно ни к чему.

— Только мне сразу деньги понадобятся. Иначе мне и концов не найти, чтобы…

— Сколько нужно — получишь. Пока у меня деньги будут, они будут и у тебя. — Пока этот Покоритель Зари от меня не отвяжется!

Герне наклонился к ней с такой гнусной улыбкой, что его красивое лицо стало почти уродливым.

— Тогда, значит, дорогуша, ты обзавелась ценным советчиком. — Он осторожно расправил плечи.

— Заботами я обзавелась, черт бы тебя по-

брал! — Она подобрала его банку и вытряхнула монеты себе в ладонь. — Ладно, Полли, вези его домой.

Глава 19

Бесконечная тьма и абсолютное безмолвие отупляли. Точно окутанная пеленой, падая в бездонный колодец, Мун ощущала себя последней слабой искоркой жизни во Вселенной, где всецело правила смерть… и ее слуги, чьи неосязаемые объятия отняли у Мун все силы, затуманили разум. Она явилась сюда, в эти бескрайние, безжизненные просторы в поисках утраченной любви, пройдя через те врата, через которые проходила прежде множество раз; но на этот раз она сбилась с пути, и не было никого, кто мог бы услышать ее, отозваться на ее крики… Отпустите меня домой!

— Отпустите меня домой! — Мун села в кровати. Ее голос гулким эхом разнесся по небольшой полупустой квартире.

— Мун, Мун… тебе просто сон страшный приснился! А теперь я с тобой, и ты здесь в безопасности, и все хорошо… — Элсевиер обнимала Мун, ласкала ее, и она вспомнила, как бабуш-

ка когда-то баюкала ее, свою внучку, когда она просыпалась ночью, и было это так давно, так давно…

Сквозь слезы она увидела, что комната залита ярким искусственным светом, который резал глаза; радиоприемник на стене орал во весь голос — как и прежде, до того как она вновь соскользнула в этот то ли сон, то ли беспамятство. После тяжкого испытания — прохождения Черных Ворот — Мун не переносила темноты, не могла находиться в темной комнате. Мучительная тоска комом застряла у нее в горле; она сглотнула и прислонилась головой к плечу Элси, одетой во что-то мягкое, ощущая, как от прохладного ветерка шевелится смятая ночная сорочка на спине. Мир вокруг медленно останавливался, принимал привычные очертания, словно подтверждая, что у нее есть в нем свое место; сердце успокаивалось, переставало биться так, словно хотело выскочить из груди. Ей казалось, что она слышит звуки моря…

— Да-да, уже все прошло. Со мной все в порядке. — Голос Мун звучал слабо и неубедительно. Бессилие и полная потеря самообладания в результате ночных кошмаров стали уже почти привычными для нее в момент пробуждения. Она

села прямо, отстранившись от Элси и засовывая пряди взмокших волос за уши. — Прости, что снова разбудила тебя. Но я не могу… — Она внезапно замолкла, устыдившись своей беспомощности, и стала тереть глаза, которые горели так, словно их запорошило песком. Уже третью ночь подряд она кричала во сне и будила всех в доме. Она видела, что усталость и беспокойство все глубже гнездятся в морщинках Элсевиер. — Это просто глупо. — Мун стиснула руки. — Прости, что заставляю тебя всю ночь не спать из-за моих дурацких…

— Нет, Мун, дорогая моя, — Элси покачала головой; ее темно-синие глаза смотрели с такой искренней тревогой, что Мун замолчала, — не извиняйся, родная. Это я должна просить у тебя прощения; это ведь моя вина, что тебе снятся такие сны, моя вина, что ты не можешь носить свой трилистник… — Элси оглянулась: в другом конце комнаты, на комоде одиноко лежал трилистник Мун. — Если бы я могла взять твой страх себе, я бы с радостью сделала это; и это было бы слишком легкое наказание за все зло, которое я тебе причинила! — Она отвернулась, пальцы ее нежно поглаживали Мун по плечу.

— Твоей вины тут нет. Это я виновата — у меня

не хватает сил быть настоящей сивиллой. — Мун до боли стиснула зубы. Да, она сама виновата: ведь, пройдя через Черные Ворота, она стала как бы чужой своей Хозяйке и мучилась теперь этой раздвоенностью. Когда они достигли Харему, она уже почти пришла в себя, но стоило ей закрыть глаза и предоставить своим мыслям свободу…

Здесь, в космическом городе на орбите Харему она могла носить свой трилистник совершенно открыто, и было приятно, когда совсем незнакомые люди и даже обитатели таких планет, о которых она никогда не слыхала, смотрели на нее одобрительно, улыбались и всячески выказывали ей свое почтение. Но однажды к ней подошел человек и попросил ее, сивиллу, ответить на вопрос. И она от него отвернулась, сразу почувствовав тошноту и страх, и отказалась ответить… ОТКАЗАЛАСЬ ОТВЕТИТЬ НА ВОПРОС! Элси что-то тогда сказала этому человеку и увела его прочь, но сама Мун уже успела понять, что больше никогда не сможет отвечать на вопросы… «Я поправлюсь! Со мной все будет в порядке, когда я вернусь домой, на Тиамат!» — говорила она себе. Домой, туда, где небо по ночам сияет тысячами звезд, подальше от этих безжизненных небес, от этой черной, горькой пустоты, которая

даже у здешнего солнца отнимает его энергию, в которой даже звезды кажутся какими-то съежившимися, замерзшими и безнадежно одинокими!.. Туда, где, может быть, еще теплится ее любовь, которую она, наверное, погубила, прилетев сюда, хотя любовь эта была единственным, что имело для нее значение. Туда, где все еще ждет ее самый дорогой и любимый человек, который понял бы, каково это — утратить желание жить. Ее Спаркс… Она должна непременно найти его! «Сколько же еще?..» Она старалась не задавать этот вопрос вслух, пока они здесь, боялась, но ей все время хотелось задать его — каждый лень, каждый час…

— Значит, ты все-таки не хочешь остаться здесь? Даже после того, что видела? — Сердце Мун сжалось — такое глубокое разочарование и печаль слышались в голосе Элсевиер. Элси изо всех сил старалась развлечь ее, показывая невероятные чудеса, собранные в этом городе, в этом огромном звездном порту, что плыл в космосе на невидимой привязи, удерживаемый той планетой, что находилась под ним. Она сперва думала, что Элси делает это, только чтобы разогнать ее страхи, но потом поняла, что есть и другие причины.

— А ты… правда хочешь, чтобы я осталась с

тобой навсегда?

— Да. Очень хочу, дорогая. — Элси неуверенно улыбнулась. — У нас ведь с ТиДжеем детей никогда не было, ты же знаешь…

Мун опустила глаза: нужно было проявить жестокость и нанести Элси еще один удар.

— Знаю. Если бы все зависело только от меня, если бы я была никем… я бы осталась с тобой, Элси.

Она уже поняла, что это действительно так, хотя и чувствовала себя по-прежнему чужим ребенком, заблудившимся во время шумного праздника в этом непонятном, идеальном городе, парящем в небесах. Элсевиер старалась приобщить ее к новому окружению, и постепенно Мун начала понимать беззаботную гордость инопланетян, считавших звездный корабль или этот город чем-то вполне обычным и совершенно спокойно пользовавшихся такими чудесными вещами, которые вызывали у нее священный трепет. При встрече с каждым новым технологическим чудом Элси терпеливо учила Мун спокойному отношению к подобным новшествам, и однажды, стоя на балконе и глядя на раскинувшийся перед ней Воровской Рынок, она почувствовала себя настоящей инопланетянкой,

истинной гражданкой Гегемонии, почти своей в этом межзвездном сообществе.

Но потом вспомнила, что именно Спаркс первым пытался внушить ей это, и подумала, как важно было бы для него побывать в таком орбитальном городе, постоять на балконе такого дома… И еще она вспомнила, что бросила Спаркса именно тогда, когда была ему больше всего нужна.

— Спаркс все еще в Карбункуле, и я должна вернуться к нему. Я не могу жить здесь — без него. — Жить в ссылке на острове, окруженном безжизненной пустотой. — И здесь я не могу быть сивиллой… — Она прижала руку к татуировке на шее. — Я бросила свою родную планету именно тогда, когда должна была на ней остаться. Я не исполнила свой долг, я обманула Спаркса, я обманула… Хозяйка больше не слышит моих молитв! Я сбилась с пути и не слышу Ее зова. — Мун спрыгнула босиком прямо на холодный пол. — Я поступила неправильно; и здесь я чужая. Я никогда не буду счастлива здесь. Я нужна на Тиамат… — Сейчас она чувствовала это особенно остро. Она смотрела прямо в темно-синие глаза Элси, от всей души желая, чтобы та поняла и ее стремления, и ее раскаяние…

— Мун… — Элсевиер стиснула руки, как всегда, когда принимала решение. — Ну что я могу тебе сказать!.. Это очень плохо, но… ты не можешь сейчас отправиться домой.

— Что? — Ночной кошмар, возродившись вновь, как бы заслонил и эту комнату, и встревоженное лицо Элси. — Нет, я могу! — Она изо всех сил, собрав всю свою волю, старалась разогнать окутавшую ее мглу. — Я должна!

Элсевиер протянула к ней руки — то ли желая успокоить, то ли пытаясь защититься.

— Нет… нет… я только хотела сказать… хотела сказать, что ты не можешь отправиться домой, пока Кресс не поправится, пока он не сможет вести корабль… — Слова звучали беспомощно, словно утратив свой смысл и значение.

Мун неуверенно нахмурилась; пелена сомнений все еще закрывала от нее лицо Элси. Она потерла лицо руками; все ее тело ныло от усталости и разочарования.

— Я понимаю. Прости. — Она потянулась за полупустой бутылочкой с транквилизатором, стоявшей на столике у кровати.

— Нет. — Темная рука Элси перехватила ее руку. — Это не спасение. Ты не найдешь ответа на свои вопросы, вернувшись на Тиамат; эти во-

просы будут преследовать тебя везде, вечно, пока ты не узнаешь, кто такие предсказатели и зачем они существуют. А я недостаточно мудра, чтобы объяснить тебе это. Но знаю того, кто объяснить может. При первой же возможности мы полетим на планету и повидаемся с моим деверем. — Она сама взяла бутылочку с таблетками. — Вот что я должна была сделать уже давно… но я всего лишь глупая старуха! — Она встала, улыбаясь ничего не понимавшей Мун. — Я думаю, всем нам не помешает вновь походить по настоящей земле. Может, и Кресс с нами слетает. А теперь отдыхай, дорогая… приятных тебе сновидений. — Она нежно погладила Мун по щеке и вышла из комнаты.

Мун снова забралась в постель, разгладила у себя на животе тонкую простыню — одеяла здесь не требовались. Но впереди, в той безжизненной ночи, что окружала этот город-остров, ее ждали отнюдь не приятные сновидения. Она лежала и смотрела непонимающим взором на то, что проплывало перед нею за прозрачной стеной, а тело ее и душа ныли, мучились от тоски и неудовлетворенных желаний. И не было рядом никого, кто мог бы сделать ее сны светлыми, кто отпустил бы ее домой… домой!.. Слезы ручейками потекли по щекам и текли до тех пор, пока глаза ее не

закрылись сами собой.

Было светло, как днем; Мун ехала через Воровской Рынок, стиснутая пассажирами космического трамвая, вместе с Элси, Силки и каким-то новым, резиново-упругим Крессом. Пассажиров в трамвае было бы достаточно, чтобы заселить целый остров у них в океане, но все они почему-то казались мрачноватыми. Космический город оказывался над «окном» — транспортным коридором, выходившим прямо на поверхность Харему, — каждые несколько часов; но таких коридоров было несколько, и находились они друг от друга на расстоянии сотен или даже тысяч миль. Тот, кто пропускал нужную остановку, должен был порой целый день ждать, чтобы снова оказаться в нужном месте.

Все сиденья в трамвае были заняты, однако какой-то мужчина уступил Мун место, и она тут же предложила Элсевиер сесть. Та улыбнулась и в свою очередь предложила сесть Кressу. Тогда встал второй мужчина, и растерянная Мун поспешила усадить Элси, прошептав:

— Неужели они все считают меня больной из-за того, что я такая бледная?

— Нет, дорогая, что ты! — Элси слегка нахмурилась и с шутливой укоризной одернула

«неприличную», желтую и короткую безрукавку Мун. — Напротив. Но тебе, пожалуй, все-таки лучше надеть пальто. — И она выразительно посмотрела на винного цвета легкое пальто, висевшее у Мун на руке.

— Слишком жарко! — Мун чувствовала тяжесть своих волос, заколотых высоко на затылке, чтоб не мешали. Она вспомнила те свободные, мешковатые платья и тесно облегающие спортивные костюмы, которые мерила и отбрасывала прочь в отделах центрального супермаркета. Покинув космический корабль, она старалась обходиться своей собственной одеждой; здесь, в орбитальном городе, было так жарко, что она бы и вовсе разделась, если б Элси позволила.

— В молодости я ходила закутанная в шарфы и шали с ног до головы; считалось, что только так и можно сохранить «женскую загадочность». — Элси поправила складки своего свободного пестрого кафтана; ожерелье из колокольчиков нежно звякнуло. — Мне до смерти хотелось тогда побегать по улице нагишом под жарким летним солнышком… но я так никогда и не осмелилась снять хотя бы один шарф.

Мун откинулась на спинку сиденья. Прямо перед ней молча страдал несчастный Силки

— измученный жарой и слишком густой толпой незнакомых людей. В открытые окна трамвая были видны улицы орбитального города, построенного Межзвездным Космическим Обществом, где Элсевиер жила вместе с Силки и Крессом — а теперь еще и с Мун. Это было элегантное, хотя и вызывающее клаустрофобные ощущения гетто планеты Харему для инопланетян. Мун плохо ориентировалась здесь и никак не могла усвоить местных обычаев. Она знала только, что город представляет собой как бы большое кольцо с космопортом посредине. Жители Харему называли город на орбите Воровским Рынком, а сами горожане не возражали против такого названия, даже проявляя какой-то радостный мазохизм. Харему доминировала среди планет Гегемонии благодаря своей чрезвычайно развитой и мудреной технологии, и Элсевиер как-то заметила не без гордости, что Воровской Рынок — название скорее справедливое, а не порочащее.

— А как ты сама попала на Харему? — спросила ее Мун, поскольку Элси дальше развивать свою мысль насчет Воровского Рынка не стала. Мун все чаще удивлялась, как это такая тихая, нежная, застенчивая женщина стала заниматься контрабандой, постоянно нарушая законы и рискуя

жизнью.

— Ах, моя дорогая, то, как я утратила все свои шарфы и все уважение своих земляков — история длинная, неинтересная и запутанная. — Но Мун заметила, что в уголках рта Элси притаилась улыбка.

— Ой, притвора! — рявкнул, не оборачиваясь, Кресс. Глаза его были закрыты, руки скрещены на груди. Он вернулся из госпиталя всего два дня назад.

— Кресс, ты хорошо себя чувствуешь? — Элси тронула его за плечо.

— Отлично, хозяйка! — Он ухмыльнулся. — Прощеньица просим, готовы слушать.

Она шутливо оттолкнула его и уселась поудобнее, недоуменно пожав плечами.

— Итак, родом я с Ондинеи, Мун. Это планета, которая, конечно же, удивила бы тебя еще больше, чем Харему, хотя уровень ее технического развития далеко не так высок. Женщинам в моей стране не очень-то разрешали…

— Запрещали! — снова вмешался Кресс.

— …жить так, как они сами хотят, как ты, например, привыкла. — Голос Элси плыл, заглушая общий шум и разговоры, словно дымка, и в этой дымке перед Мун вставали иные миры и города

с замками-пирамидами, памятниками древней теократической власти. Там женщин покупали и продавали, как товар; там в каждом доме была специальная «женская половина», подальше от мужчин, которые были женщинам не партнерами, а ревнивыми господами. Там жизнь каждой женщины тянулась точнехонько по узенькой глубокой колее, протоптанной множеством поколений; то была жизнь неполноценная, ущербная, но, безусловно, вполне предсказуемая.

Застенчивая девочка по имени Элсевиер, что означало «Покорность», шла по жизни тропой традиций, вечно закутанная в бесчисленные шарфы, скрывавшие ее человеческий облик от нескромных чужих взоров; она порой спотыкалась в глубокой колее ритуалов, но никогда не имела возможности увидеть свою жизнь как бы со стороны, задаться вопросом: а почему, собственно, эта жизнь такая? Пока в один прекрасный день на городской площади, где она собирала пожертвования на уход за святыми гробницами предков-покровителей, любопытство не взяло над ней верх и не втащило в толпу, слушавшую речи какого-то безумного инопланетянина о свободе и равенстве. Он нагло вещал прямо со ступеней замка великого Не'ехмана, а

группа радикально настроенных местных юнцов совала в руки и карманы прохожим какие-то листки. Однако толпа постепенно распалялась, ее злили речи чужака; затем явилась безжалостная и хладнокровная полиция Святой Церкви и разогнала толпу; возникла паника; полицейские сунули всех, кого успели схватить, в черные фургоны и увезли.

Элсевиер сжалась в комок в уголке раскачивающегося фургона, битком набитого людьми. Она была перепугана, вся перепачкана, ее без конца касались чужие тела и руки, все ее шарфы порвались, и она плакала от страха перед неминуемой ссылкой или казнью. Но тут ее неожиданно подхватили чьи-то сильные руки, поставили на ноги и прислонили к стене. По-прежнему ничего не соображая, почти в истерике, она почувствовала вдруг, как мир вокруг нее расплывается и сама она расплывается вместе с ним…

— Только ради бога не вздумай падать в обморок! Я не могу поддерживать тебя вечно… — Последовала пощечина.

Острая боль точно ножом взрезала оболочку овладевшего ею ужаса. Она вздрогнула и открыла глаза, пытаясь получше разглядеть склонившееся к ней измученное, перепачканное кровью

лицо того самого безумца инопланетянина, который и послужил причиной ее ареста… которого она с этой минуты полюбила на всю жизнь. Но в первый момент она была весьма далека от проявлений любви.

— Ну что? Как ты? — Он невольно застонал: кто-то ударил его локтем по почкам. Потом он уперся обеими руками в стену, закрывая ее собственным телом, словно щитом. Она только головой покачала. — Я что, больно тебе сделал? Я не хотел… — Он оторвал одну руку от стены и нежно коснулся ее обнаженной, открытой взору любого щеки. Она забилась, стараясь увернуться от его прикосновения и снова закутать голову изорванным шарфом. — Извини. — Он потупился, снова упершись обеими руками в стену, когда фургон на повороте сильно качнуло. — Ты ведь даже толком и не слышала, про что я говорил, верно? — Он горестно поморщился, вдруг показавшись Элси значительно старше ее самой. Она снова покачала головой и вытерла глаза. Он пробормотал что-то непонятное на своем языке и грустно прибавил:

— КейАр прав: я приношу больше вреда, чем пользы!.. Да не дрожи ты, тебя-то они не тронут. Как только доберемся до места, они тут же отсеют

семена от плевел и отпустят тебя.

Она снова задрожала. Она слишком хорошо знала, какой репутацией пользуется церковная полиция. Глаза ее вновь наполнились слезами.

— Не реви. Пожалуйста, не надо. — Он попытался улыбнуться, но улыбка не получилась. — Я не позволю им сделать тебе больно. — Это был уже совершеннейший абсурд, но она почему-то поверила ему — чтобы не захлебнуться в волнах ужаса. — Послушай, — он попытался сменить тему, — раз уж ты… здесь, может, хочешь послушать мою речь? Это, наверно, последняя такая возможность. — Капельки пота блестели у него на лбу, под курчавыми жесткими каштановыми волосами.

Она не ответила; и, приняв ее молчание за согласие, он наполнил душное пространство фургона свежим воздухом своего безнадежного и прекрасного идеализма — планами о том, чтобы все люди жили вместе, как братья, чтобы женщины имели одинаковые с мужчинами права и свободы и несли одинаковую с ними ответственность за собственные поступки… Иногда фургон наклонялся и останавливался, и тогда их снова швыряло в реальную действительность, отвратительную, страшную, и она уже успела

полностью убедиться, что, конечно же, этот человек абсолютно ненормальный… и удивительно красивый.

Потом дверцы фургона с лязгом распахнулись, впустив в душную полутьму резкий дневной свет и грубые окрики охраны, выгонявшей своих жалких пленников в огороженный высокими тюремными стенами двор. Они спустились на землю последними; он успел лишь кратко сжать ее руку со словами: «Будь храброй, сестренка», и спросить, как ее зовут.

И она, наконец, решилась заговорить с ним — только для того, чтобы успеть назвать свое имя, прежде чем до них доберутся тюремщики. Она еще слышала, как он принялся объяснять им, что она ни в чем не виновата, а потом его потащили прочь, и он страшно закричал, а потом вдруг словно захлебнулся. Грубые тяжелые руки и ее поволокли куда-то вниз по лестнице, и она не могла уже видеть, что с ним сталось. Потом ее вместе с остальными загнали внутрь, и все кончилось.

Однако в тюрьме ее уже ждал отец, примчавшийся туда после отчаянного рассказа ее подружки, видевшей, как Элсевиер сунули в полицейский фургон. Она, рыдая, бросилась к

отцу, и, выслушав множество угроз и заплатив изрядный штраф миссионерскому фонду, он увел ее из этой ужасной тюрьмы, пока церковники не успели окончательно испортить ее репутацию.

Она просидела дома почти две недели, едва осмеливаясь выглянуть за порог, пока испуг ее не начал понемногу проходить. И тогда она снова вспомнила о том безумном инопланетянине… Она с любопытством размышляла о его словах, о его добром отношении к ней, о его желании уберечь ее среди всего этого кошмара… Но еще больше хотелось ей узнать, жив ли он. Понимая, что она никогда не узнает этого, никогда больше его не увидит, Элси все-таки не могла изгнать из своих воспоминаний его сияющие глаза.

Несмотря на постоянные мысли о нем, она не узнала его в том незнакомце, который подошел и нагло уселся прямо на скамью у ворот. Мать послала ее спросить, что этому человеку нужно, и она, неловкая, застыдившаяся, предстала перед безжалостно изучающими ее глазами чужого мужчины. Он был одет очень просто, в рабочую одежду и плащ; лицо его отчасти скрывали широкие поля шляпы. Но та часть лица, которую ей удалось рассмотреть из-под своих шарфов и шалей, имела странный ярко-красный, а кое-где

и зеленоватый оттенок.

Она вежливо ему поклонилась и, замирая от страха, стыдливо потупившись, сияла с головы свою темно-синюю шаль, чтобы он тоже мог рассмотреть ее лицо. Ожерелье из серебряных колокольчиков зазвенело в наступившей вдруг тишине.

— Элсевиер! Ты что, не узнала меня, да? — Голос его звучал глухо, хотя в нем явно слышалось разочарование. Он стащил с головы шляпу.

Но она уже узнала его, несмотря на надтреснутый голос и странные пятна на лице, и присела с ним рядом на скамейку, тихонько вскрикивая от изумления.

— Ты! Ах… святой Калавре! — Она и не замечала, что ведет себя неприлично; даже подняла руку к его лицу, хоть и не коснулась его; теплая смуглая кожа инопланетянина была похожа на пятнистый коврик — так много там было порезов, ссадин и ожогов, а четкие линии его подбородка совершенно изменила ужасная опухоль.

— Я сказал твоему отцу, что попал в аварию, — он с трудом выговаривал слова; потом улыбнулся и пояснил:

— Говорить мне трудновато пока: челюсть сломана.

Она сморщилась от сострадания и стиснула лежавшие на коленях руки.

— Да ничего. Теперь уже почти не больно. — Церковники не передали его муниципальной полиции, а сами по очереди били смертным боем, сменяя друг друга, целый день и потом еще целую ночь, а к вечеру вторых суток выбросили его на улицу и велели уносить ноги, да поскорее. — Мне об этом даже вспоминать не хочется… — Он горько усмехнулся. Прошло немало лет, прежде чем он скупо рассказал ей о том, что с ним сделали в тюрьме. А тогда он только молча смотрел на нее, словно чего-то ждал. — У тебя что, тоже челюсть сломана, сестренка? Говорить не можешь?

— Могу! — Она смущенно покачала головой. — Я… я о тебе вспоминала. Часто. Думала, никогда больше не увижу тебя; я за тебя боялась. — Она вдруг почувствовала непреодолимое желание прижать его избитое лицо к сердцу. — А зачем ты пришел сюда? — Она безжалостно теребила краешек своей шали. Нет, он не просить о чем-то пришел. Она так и не стала прикрывать лицо — не ощущала в этом ни малейшей потребности.

— Мне нужно было убедиться, что с тобой все в порядке. А с тобой действительно все в порядке? — Он чуть наклонился к ней.

— Да. Мой отец тогда… Ты был так добр ко мне! Мой отец непременно…

— Нет. Пожалуйста, не рассказывай ему обо мне. Ты мне вот что скажи: ты меня внимательно слушала? Заронил я какое-то зерно интереса в твою девственную душу или не заронил? Ну что, хотела бы ты узнать больше?

— Но почему?.. — Из всего множества вопросов, что теснились в ее душе и готовы были сорваться с уст, этот был совершенно невпопад. Но по его глазам она видела, что он понял.

— Почему? Потому что я хотел еще раз увидеть тебя.

— Ах, как это хорошо! — вырвалось у нее, и она глуповато засмеялась и прижала пальцы к губам. Потом посмотрела ему прямо в лицо. Женщина, завоевавшая любовь мужчины, сперва должна была завоевать его уважение. — Да, конечно, — она не отводила глаз, чувствуя, как от напряжения у нее на щеке дрожит мускул, — я очень хочу узнать больше. Пожалуйста, приходи еще.

Он улыбнулся.

— Когда?

— Мой отец…

— Когда?

— Завтра. — Она опустила глаза.

— Приду. — Он кивком подтвердил свое обещание.

— А… сколько у тебя жен? — Она сама себя ненавидела за то, что спросила.

— Сколько? — Он, казалось, не понял. — Пока ни одной. На Харему считается, что одной вполне достаточно. Хватит, чтобы жизнь прожить… если правильно выберешь, конечно. — Он сунул руку за пазуху и вытащил пачку брошюр. — Это я тебе принес, потому что самому мне пока говорить трудно. Вот эту я написал… и эту… Может, почитаешь?

Она кивнула, чувствуя, что по руке от его прикосновения будто пробежали электрические искры.

— Сад у вас здесь красивый. — Что-то вроде зависти слышалось в его голосе. — Ты сама эти цветы выращиваешь?

— Ну что ты, нет. — Она помотала головой, отчего-то опечалившись. — Мне только иногда разрешают приходить сюда. Но никогда не позволяют возиться в саду, потому что я могу испачкаться. А цветы я люблю. Если б можно было, я бы все время здесь проводила.

Какая-то странная решимость была написана

на его истерзанном лице, когда очень осторожно он протянул руку и сорвал пышный лиловый цветок с лозы, что вилась у них над головой. И подал ей.

— Все мы когда-нибудь умрем. Но лучше прожить короткую жизнь на свободе, чем так и увянуть на лозе.

Она зажала цветок в ладонях, вдыхая его аромат. И улыбнулась — скорее ему самому, чем в ответ на его слова.

Он тоже улыбнулся.

— Ну, тогда до завтра. — И с трудом поднялся.

— Уже уходишь?..

— У нас сегодня вечером собрание в университете. — Он еще шире улыбнулся, видя, как она разочарована, и наклонился к ней с видом заговорщика. — Я у них внештатный агитатор, понимаешь?

— Но ты не будешь?.. — Она осмелилась даже коснуться его.

— Нет-нет! — Он нахлобучил шляпу, надвинул ее на самые глаза. — Больше никаких речей; по крайней мере, до тех пор, пока не смогу снова как следует рот раскрывать… Пока, сестренка. — И пошел прочь, чуть прихрамывая; только тогда до нее дошло, что она так и не спросила, как его

имя. Она посмотрела на пачку брошюр, которые держала в руке, и на одной из них прочитала: «Партнеры в Новом мире. ТиДжей Аспундх». Она вздохнула.

— Что это он тебе дал? — Мать подошла к ней и подозрительно уставилась на брошюры.

— Это… любовные стихи. — Элсевиер торопливо сунула книжечки за пояс и прикрыла шалью. — Некоторые он сам написал.

— Хм, — мать покачала головой, колокольчики ее ожерелья зазвенели. — Но ведь он с Харему; он твоему отцу видеокомпьютер подарил, чтоб разрешил ему с тобой повидаться. Наш-то хозяин очень доволен был. Да все равно, в конце концов, решать-то ему… не нам.

— Почему? — Элсевиер вскочила, брошюры рассыпались по земле. — Почему не нам?

Мать молча взяла у нее из рук цветок и повела обратно, на женскую половину дома.

ТиДжей был верен своему слову и каждый день приходил повидаться с ней; перед ее родителями он был прямо-таки образцом респектабельности, а наедине с ней — упрямым мечтателем, видевшим в ней не ту невежественную девушку, какой она была тогда, но прекрасную женщину, какой она только еще могла стать. Он притащил ей

целую кучу революционных брошюр, которые упорно выдавались за любовную лирику; но прежде чем она успела сама начать исследование того нового мира, горизонты которого он с каждым днем все шире открывал перед нею, ее неудачные попытки доказать, что и она имеет собственные права, привели к тому, что родители обнаружили склад запрещенных брошюр, и ухажер был изгнан из их дома и из ее жизни.

— Но ведь ты же не позволила им разлучить вас? — Мун даже наклонилась вперед. — Ты, наверное, убежала, да?

— Нет, дорогая моя. — Элси покачала головой, с былой покорностью складывая руки на коленях. — Отец запер меня на верхнем этаже башни — он испугался, что я действительно убегу, прежде чем мне самой эта мысль в голову пришла. — Она улыбнулась. — Зато ТиДжею это пришло в голову сразу. И вот однажды ночью он забрался в окно моей башни и выкрал меня.

— И ты…

— Я чуть с ума не сошла! Я ведь была обыкновенной невежественной девчонкой; он ошибался, считая меня такой уж бунтаркой; своими выходками и нежеланием подчиниться родителям я, скорее, хотела доставить удовольствие ему…

А похитив меня, он мое доброе имя с грязью смешал. Я чуть не умерла от стыда в ту ночь. Но к утру мы добрались до космопорта, и пути назад не было. — Она посмотрела в окно, хотя видела перед собой совсем другое время и место. — И потом всегда было так, всю нашу совместную жизнь. Он твердо верил в девиз: «Если уверен, что прав, смело иди вперед», ну а моим девизом было: «Делай то, что велит тебе твой долг»... Но даже в ту ужасную ночь ни тени сомнения не возникло в моей душе; я была уверена, что он поступает так из самых лучших побуждений, что он любит меня так сильно, как я никогда и мечтать не осмеливалась. Потом — годы спустя — я как-то упрекнула его за то, что он повел себя тогда чересчур грубо, чересчур по-мужски, а он только рассмеялся в ответ и сообщил, что всего лишь пытался «действовать в рамках существующей системы социальных отношений».

Мы поженились прямо на космодроме с помощью одного из этих отвратительных механических нотариусов, и перелет на Харему был нашим медовым месяцем. Бедный ТиДжей! Мы пролетели половину галактики, прежде чем я позволила ему дотронуться до меня. Но раз и навсегда усвоила: все, что мне говорили — твердили

всю жизнь! — о моем теле, это ложь. Куда легче было поверить, что и у меня есть мозги, которые требуют пищи… Мы были очень разными во многом… но души наши были как одна душа. — Она вздохнула.

Тьма внезапно поглотила их — трамвай нырнул в одну из прозрачных «спиц», вакуумных тоннелей, которые выходили прямо в космическую «ступицу» городского колеса. История, рассказанная Элсевиер, странным образом преломилась в восприятии Мун — ей почему-то вспомнились огонь в очаге, ветер за окном, горячие поцелуи и два сердца, бившиеся рядом как одно. Черная пустота заполнила космос ее души, заползая в сердце, меняя лицо, обесцвечивая саму ее душу…

— Жаль, что я его не знал! — Во тьме на мгновение мелькнуло лицо Кресса — он раскуривал тонкую длинную сигарету, какие здесь курили, кажется, все.

— С-с-сейчас-с-с его с-с-с нами нет-с-с-с, — спокойно просвистел Силки, словно отмечая очевидность этого факта. Он говорил на едва понятном сандхи, языке Харему, ставшем международным языком. Мун как раз учила его с помощью Элси. Однако, несмотря на сложности с произнесением человеческих слов, мыслил

Силки как всегда ясно.

— В споре ТиДжей непременно припер бы тебя к стенке, Кресс, — любовно сказала Элси. — И он всегда был наготове. Зато ты гораздо лучше управляешь кораблем!

Кресс засмеялся, потом закашлялся.

— Тебе же запретили курить! — Элси потянулась и вынула из его пальцев тлеющий красный огонек; он не сопротивлялся.

— Нет его с-с-с нами, — снова сказал Силки. — Нет. Нет… — словно помешался на этом слове.

— Да, Силки, — прошептала Элсевиер. — Хорошие люди всегда умирают слишком рано, даже если им до ста лет жить на роду написано. — Она погладила одно из изуродованных щупалец, лежавших на спинке кресла. — Я больше никогда не видела его таким сердитым и веселым одновременно, как в тот день, когда он вытащил тебя из уличной толпы во время карнавала в Нарликаре. — Она покачала головой; раздался серебристый перезвон колокольчиков. — Он за каждого душой болел, всем помочь хотел; боль каждого как свою чувствовал. Благодарение богам, он был человеком сильным. И все равно — не знаю, как он с этим жил?..

Где-то сейчас Спаркс? Кто тот человек, что

причиняет ему боль? И почему я не могу помочь ему? Своей изящно обутой ногой Мун беспокойно постукивала по краешку сиденья. Потом посмотрела на Силки с неожиданной симпатией. Хозяйка! Я не могу больше ждать! Домой! Костяшки ее пальцев побелели, так сильно она сжала спинку кресла.

— …Подумать только, он оборвал все свои связи с революционерами только потому, что боялся ЗА МЕНЯ — а я ведь знала, что за свои убеждения он бы с радостью жизнь отдал. Я тогда сердилась, но и рада была тоже: он ведь был настоящим пацифистом среди тех, кто пацифистами только считались… — Элси затянулась сигаретой, отобранной у Кресса. — И тогда он занялся контрабандой. О боги!..

Трамвай снова вылетел на свет — уже на уровне космопорта. Стены космопорта были украшены сценами из жизни различных миров Гегемонии; на нижних уровнях комплекса, занятых складами, невообразимое количество товаров со всех планет ожидало, когда все это переправят на Харему. А мудреная техника, созданная технократами Харему, в свою очередь ждала отправки в иные миры. Здесь на стенах Мун видела изображения побед высокоразвитой технологии

Харему, например в космосе. Эти картины были специально рассчитаны на то, чтобы сразу ошеломить гостей с наиболее отсталых планет. Мун уже знала, что их орбитальный город — самый большой, хотя и не единственный, космопорт Харему. Существовали еще тысячи других посадочных станций, промышленных предприятий и прочих структур, тоже вынесенных на орбиту и обслуживаемых людьми, которые практически всю свою жизнь проводили как бы между небом и землей. Одна лишь мысль о том, чтобы жить всегда в этой черной пустоте, вызывала у Мун тошноту и депрессию.

Трамвай, покачиваясь, приблизился к остановке, где его уже поджидали пассажиры. Мун следом за Крессом и Силки молча выбралась из бурлившей толпы и стала ждать Элси, которая направилась к билетным автоматам.

— Ах… — Кресс уселся неудобнее, глядя на многочисленные телеэкраны. На них сейчас показывали внешнюю сторону гигантского космопорта: сперва появилась туманная, окутанная облаками поверхность планеты Харему; потом — общий вид ближайшего спутника; потом — похожее на абстрактную живопись экологически вредное пятно индустриального гиганта; потом

— великолепие межзвездного грузового лайнера, напоминавшего ожерелье из блестящих монеток или отполированных ракушек на матово-черном фоне бездонного космоса. Силки сидел между ними так, чтобы Мун с Крессом отгораживали его от прохожих, и во все глаза смотрел то на медленно бредущих пассажиров, то на нефтяные пятна на поверхности воды, появившиеся на телеэкранах. — Вот за что я люблю Харему: ее обитатели всегда стараются чем-то занять свои и чужие мозги! — Голос Кресса прозвучал несколько фальшиво, хотя тон и был нарочито небрежным: в этот миг на телеэкранах как раз появились космические корабли. Элсевиер рассказывала, что Кресс когда-то был астронавигатором на одной из главных космических линий. — Жаль, что нельзя посмотреть, как летит премьер-министр со своим эскортом: его возвращение ожидается только недели через две. Вот это действительно зрелище — тебе бы полюбоваться, юная леди!

Мун отвела глаза от экрана.

— Почему ты все время называешь меня так? Меня зовут Мун!

— Как? — Кресс непонимающе посмотрел на нее и пожал плечами. — Я знаю, как тебя зовут, юная леди, — добавил он осторожно. — Но ты ведь

сивилла; и я обязан тебе собственной жизнью. Ты заслуживаешь того, чтобы к тебе обращались с почтением. Кроме того, — он улыбнулся, — я боюсь влюбиться, ежели начну тут с тобой болтать по-свойски…

Она, пораженная, уставилась на него, но по его лицу невозможно было понять, шутит он или говорит серьезно. Она медленно отвернулась, не зная, как ему ответить, и снова принялась рассматривать картины на стенах.

Лишенные телесной оболочки чужие голоса что-то громко объявляли на сандхи и, по крайней мере, еще на десяти других языках, которых она не знала вовсе. Идеографическая письменность сандхи была ей пока совершенно недоступна, но она уже немного научилась понимать устную речь благодаря магнитофонным записям и занятиям с Элси. Элси инициировала ее восприятие с помощью музыкального ключа, а потом легко «записывала» новые слова и понятия прямо ей в подкорку; и теперь Мун понимала почти все, что слышала. Но в сандхи было невероятное множество разнообразных тонов и оттенков… — точно так же, как и в обществе тех людей, для которых этот язык был родным. Строго соблюдаемая кастовая система определяла роли людей в этом

обществе с момента их рождения. На инопланетян подобные строгости не распространялись, пока те не нарушали закон — так, например, Мун вручили «штрафной билетик» за то, что она назвала хозяина одного из магазинов «хозяином», а не «гражданином». И не помогли никакие мольбы Элсевиер. Более серьезные нарушения правил могли караться строже, а для местных жителей нарушение этикета порой грозило даже потерей наследственного социального статуса. Существовали специальные магазины, рестораны и театры для представителей различных каст и классов — для технократов, интеллигенции и так далее; а те, кто занимал в обществе Харему самое высокое и самое низкое положение, то есть технократы и деклассированные, не могли даже просто разговаривать друг с другом без посредника. Мун недоумевала, сжимая в руке штрафной билетик, почему они мирятся со всем этим? Элси как-то раз с улыбкой сказала в ответ на ее возмущенные вопросы: «По инерции, моя дорогая. Большая часть этих людей просто еще не испытала особых несчастий, чтобы променять известную им жизнь на неизвестную. Этого ТиДжей как раз и не мог никогда понять».

Перед Мун, чуть было не заснувшей в мягком

кресле, вдруг появилась бодрая Элси.

— Посадка уже идет. Нам, пожалуй, лучше поспешить. — Элси помахала зажатыми в руке билетами и направилась в сторону находящихся на противоположной стороне огромного зала дверей, за которыми пассажиры исчезали прямо в пустоте какого-то тоннеля. Кресс, Силки и Мун последовали за ней.

— Да не смотри ты так мрачно, юная леди; ты ничего и не почувствуешь. Здесь всем заправляют компьютеры; к тому же, «челнок» — это не космический корабль. Больше на самолет похоже.

— Там, внизу, очень красиво, Мун. Погоди, вот скоро увидишь сады КейАра… — обернулась к ней Элси.

— Не нужны мне никакие сады! — Взгляд Мун снова устремился к экранам, показывавшим открытый космос; ее тянуло туда, точно железо к магниту. — Мне нужно домой!

Кресс тяжелым осуждающим взглядом посмотрел на Элсевиер; та отвернулась.

— Подожди, вот поговорим с КейАром, Мун, и ты все поймешь…

Глава 20

Они погрузились на «челнок» почти последними, в самом хвосте длинной очереди. Через пневматические двери Мун видела бочкообразный внутренний салон, действительно похожий на салон самолета, как и говорил Кресс. Это был «самолет», который с помощью компьютера то сажали на планету, то снова выводили на орбиту. Посадочным «окном» для него служила специальная шахта диаметром 30 м, выходившая прямо в промышленную зону Харему.

Их проводили к рядам кресел на второй палубе. Стены были прозрачными, и Мун могла видеть под собой туманную поверхность планеты, основными цветами которой были голубой и хаки. Она попыталась представить себе ее величину и плотность, ее атмосферу и тому подобное, чтобы не думать, как немыслимо все-таки они далеко от земли. Здесь, на борту «челнока», ни один человек не «плавал» в невесомости над своим креслом; жители Харему говорили не без гордости, что избавляться от гравитационного притяжения вредно, а потому человек должен ощущать его всегда.

Наконец двери были плотно закрыты, «челнок» высвободился из объятий станции и начал падать вниз по скоростной шахте. Мун сидела, тупо слушая невнятный говор вокруг, по большей части ей непонятный; она и не пыталась вникнуть ни во что; ее заворожило зрелище поднимающейся им навстречу планеты, готовой встретить их и принять. Сейчас Харему напоминала довольно бесформенную тарелку, окутанную облаками, края которой все расширялись, а поверхность становилась видна все более четко. Наконец Элси вполголоса что-то сказала Мун и показала вниз, на блестящие синие воды моря и зелено-охряные пятна островов; острова были такие большие, что казались порой больше самого моря. Один из них, прямо под ними, все увеличивался, пока не заполнил собой все видимое пространство и не разделился на множество разных земель — гор, лесов, возделанных и освещенных утренним солнцем полей… А потом, прежде чем Мун успела осознать это, хрупкое кольцо города, огни которого расплывались в сумерках, выплыло из концентрических кругов, нарисованных посреди обширной, лишенной деревьев долины…

— …И посадочная площадка! — услыхала она слова Элсевиер.

В последний миг у нее возникло такое чувство, будто рука неведомого гиганта выхватила их прямо из воздуха — еще до того, как «челнок» сел в самый центр светящейся сетки, которой было расчерчено поле, — перенесла куда-то в сторону, в одно из огромных, похожих на склад зданий, кольцом окружавших посадочную площадку, и, в конце концов, поставила на землю.

Толпа пассажиров хлынула из дверей выкрашенного приятными теплыми красками помещения космопорта. Мун чувствовала, что колени у нее подгибаются — здесь сила тяжести была немного больше, чем на Тиамат или в орбитальном городе, а может, просто затекли ноги… Ноги прямо-таки волочились по земле, хотя она очень старалась идти, как следует.

Здесь, на поверхности планеты, утро еще только начиналось, воздух был холодным; Элси сунула руки в рукава своего кафтана. Мун тоже накинула винно-красное пальто и даже завязала кушак. Жители Харему отличались скромностью в одежде, и Элсевиер предупреждала ее, что вольное поведение, принятое на Воровском Рынке, здесь, на самой планете, считается неприличным. Заря дивной красоты расцветала на востоке, хотя небо у них над головой по-прежнему было черным,

беззвездным… У Мун перехватило дыхание, когда она подняла голову: тьма над ней вдруг скрылась под невиданными светящимися занавесями, в складках которых таились зеленовато-розовые, золотисто-желтые, морозно-голубые оттенки, сияли обрывки радуг, какие-то слепящие белоснежные лучи — да, их белизна как бы венчала великолепие волшебного мира света.

— Ты только посмотри, Силки, на это безобразие! — Элси внезапно перешла на сандхи, заметив восхищение Мун; в ее тоне восторгов не слышалось вовсе. — Это же просто неприлично!

— Можете еще разок повторить это, гражданка? — Трое пассажиров с их «челнока», смуглые стройные уроженцы Харему, стояли с ними рядом в ожидании такси. Один из них покивал головой в шлеме, на лице его тоже было написано отвращение. — Загрязнение окружающей среды чудовищное! Можно подумать, завтра здесь и жить будет некому! А впрочем, какая тут жизнь! Боги, там столько всякого мусора плавает!.. Не знаю уж, на что они надеются?.. И кто здесь что контролирует?.. По-моему, они соревнуются, кто больше разрушит и испакостит!

— Ох, ЭсЭн… — Его спутница звонко засмеялась и похлопала мужчину по плечу. — Ты пойми, эти

граждане не местные, — она выразительно подняла брови, — и им вовсе не обязательно слушать твои бессмысленные вопли.

— Да уж, старичок, — поддержал ее второй мужчина, тоже в шлеме, — что-то ты увлекся! Тебе действительно пора отдохнуть. Ты прямо каким-то биопуристом заделался!

Первый мужчина, сунув руки за ремень брюк, с раздражением посмотрел на них.

— А что такое с вашим небом? — Мун неохотно отвела глаза от этой красоты. — Оно полно дивного света… Оно прекрасно! — Как и должно быть.

Мужчина перевел взгляд на нее и сперва нахмурился, но потом не смог сдержать улыбки. И покачал головой — скорее сокрушенно, чем сердито.

— О, счастливое неведение! Радуйся, что родилась не на Харему, юная гражданка. — Возле них остановилось такси, и он вместе со своими спутниками нырнул внутрь.

— Добро пожаловать на Харему! — Кресс нарочно говорил на языке Тиамат. — Здесь боги и люди говорят на священном сандхи. — Он улыбнулся Мун.

Элсевиер взяла следующее такси; местный житель, но явно не технократ, сидевший за пультом

управления, одарил их компанию взглядом, в котором явственно читалось тихое изумление, особенно когда Элси спросила, как проехать в поместье КейАра Аспундха, и продемонстрировала ему рубиновый перстень с печаткой, который всегда носила на своей изящной руке. Водитель потрясенно молчал, объезжая по периметру огромное посадочное поле.

— И все-таки, что здесь такое с небом? — высунулась из окна Мун. Небо светлело, предрассветный туман рассеивался, гонимый светом дня.

— Промышленное загрязнение окружающей среды, — тихо отчеканила Элси. — Неужели мы навеки приговорены повторять ошибки наших предков? Неужели сама история передается по наследству и непременно связана с конкретной средой обитания?

— Хорошо сказано, — заявил Кресс, оглядываясь назад со своего кресла рядом с водителем.

— Это ТиДжей так говорил, — Элси отмахнулась от его комплимента, как от мухи. — Харему уже обладала хорошо развитой промышленностью, когда Старая Империя начала приходить в упадок, хотя трудности здесь поначалу тоже были велики, как и везде, впрочем. Особенно пока Харему была лишена возможности вести межга-

лактическую торговлю, которая позже сыграла такую роль в ее развитии. Жители Харему научились полностью удовлетворять собственные потребности, избрав для этого, однако, весьма непродуманные, грубые и расточительные способы, а потом очень страдали от самых различных экологических проблем. Всего тысячу лет назад их мир был на грани гибели, однако они как-то умудрились спасти положение — в частности, научились чистой кислородной плавке металлов и вывели большую часть промышленных предприятий в космос. Впрочем, теперь прежние экологические проблемы сменились новыми — пока, правда, не настолько серьезными, однако кто знает, к чему все это приведет в будущем? Причина и следствие — от этого никуда не деться.

Мун коснулась своей татуировки, скрытой широким ожерельем из эмалированных пластин, и посмотрела в окно, на море зеленой листвы. Она старалась не касаться Силки, сидевшего рядом: знала, что ему неприятны ее прикосновения, и, кроме того, втайне все еще побаивалась его щупалец и маслянистой блестящей шкуры. Они летели вдоль похожего на длинную ленту города — внизу, насколько она сумела разглядеть, вид-

нелись по большей части склады и магазины, в основном еще не открывшиеся, а вот жилых домов было совсем мало. Потом показалась полоса леса с лужайками несколько искусственного вида, посреди которых стояли красивые особняки.

— Ты, по-моему, говорила, что они здесь страдают от перенаселенности, Элси? Но они живут даже более просторно, чем у нас на островах!

— Да, моя дорогая, проблема перенаселенности на Харему все еще существует, просто большая часть людей вместе с теми предприятиями, на которых они работают, переселилась в космос, так что оставшиеся могут располагаться достаточно свободно — настолько, насколько хотят и могут себе позволить. Они группируются вокруг таких городских центров, какой мы только что видели, где имеется все необходимое. Обычно, чем выше у здешнего жителя доход, тем дальше от города он живет. КейАр, например, живет весьма далеко.

— Значит, он богат?

— Богат ли он? — Элси хмыкнула. — О да, он настоящий грязный богатей!.. А вообще-то по закону все должен был унаследовать ТиДжей, старший из братьев; однако ТиДжей всегда не ладил со своими земляками, и, в конце концов, здешнее общество его осудило, вычеркнув из

рядов высокорожденных. Я уверена, он этого добивался нарочно, потому что ненавидел кастовую систему Харему. А его брат, КейАр, напротив, всегда стремился сохранить в своих отношениях со здешней системой статус кво. Они с ТиДжеем даже порой подолгу не разговаривали друг с другом.

— Тогда, может, он и с нами разговаривать не захочет? — Мун встревожено заерзала.

— Он с удовольствием повидается с нами, не волнуйся. — Загадочная улыбка скользнула по лицу Элси. — Не делай из моих слов слишком поспешных выводов, дорогая. КейАр — очень хороший человек, просто он живет в другой системе ценностей.

— Все жители Харему в той или иной степени страдают нетерпимостью, — сказал Кресс, — только проявляют ее по-разному. И по отношению к разным проблемам и людям.

— Верно. Когда КейАр приезжал на похороны ТиДжея, он сказал мне, что прекрасно понимает: всем своим богатством он обязан исключительно брату, который сам отказался ото всего в его пользу. Он сказал еще, что если я когда-нибудь буду нуждаться в чем-либо, мне нужно только намекнуть.

— А как умер ТиДжей? — неуверенно спросила Мун.

— Сердце. Черные Ворота — тяжкое испытание для человеческого организма. Особенно страдает сердце. Ну и постоянные разочарования свою роль сыграли… — Элси отвернулась, глядя куда-то вдаль, на зелено-красный ковер пролетающего внизу леса. Теперь сквозь деревья просвечивали порой огромные узловатые пальцы серых скал. К утесам осторожно жались дома. — Все это случилось совершенно неожиданно. Надеюсь, я тоже умру вот так, внезапно.

Они снова снизились, пролетая над территорией огромного поместья и почти касаясь верхушек великолепных цветущих кустарников, подстриженных в виде застывших в причудливых позах животных. Повсюду виднелись хрупкие изящные домики, окруженные лентами живых изгородей. Пилот опустил машину на посадочную площадку, красиво обложенную по краям камнями, прямо перед центральным зданием усадьбы, своей архитектурой напоминавшей какой-нибудь городской дворец с залом для торжественных заседаний. Стены дома были прелестно украшены зелеными занавесями плюща и винограда и почти сливались с зеленым ковром лужайки. В

доме было множество окон, многие — с разноцветными стеклами; окна по форме напоминали цветы и прекрасно сочетались с архитектурой искусно созданных дивных садов, раскинувшихся вокруг. Во все глаза глядя на удивительный дом, Мун увидела, как приоткрылись огромные, украшенные фресками двери.

— Вы хотите, чтобы я подождал вас, граждане? — Водитель, опершись на локоть, обернулся к ним; взгляд у него был скептический.

— Вряд ли в этом есть необходимость. — Элси с высокомерным видом протянула ему свою кредитную карточку;

Мун вместе с Силки и Крессом выбралась из такси.

— Погодка как раз для отдыха за городом, — Кресс широко раскинул руки в стороны.

— С-с-славно! — Силки, не сходя с места, поворачивался, озирая уходящие вдаль террасы садов.

Элсевиер повела их к центральному входу. Исполненная достоинства женщина средних лет с лицом, покрытым бледными веснушками, и с серебряным колечком в одной ноздре уже поджидала их на крыльце; она была одета в простое белое платье, перетянутое в талии широким, расшитым бирюзой поясом.

— Тетя Элсевиер, какой неожиданный сюрприз! — Мун показалось, что сопровождавшая эти слова улыбка лишь слегка натянула кожу на лице этой светской дамы, вряд ли затронув хоть что-то в ее душе.

— Ну, не такой уж неожиданный, — пробормотала Элси. — Мой свекор на системе электронного оповещения целое состояние заработал — Здравствуйте, ЭйЭлВи, дорогая, — теперь она говорила на сандхи, — как это мило, что наши визиты сюда совпали! Я привезла одного своего друга повидаться с вашим отцом. — Она коснулась руки Мун. — Надеюсь, КейАр в добром здравии? — Мун обратила внимание, что Элси обращается к своей племяннице на «вы».

— Да, отец здоров, благодарю вас, но в настоящий момент его как раз осматривает терапевт Дарджинг-эшкрад. — ЭйЭлВи провела гостей в прохладный вестибюль и закрыла двери. Солнечный свет, проникавший сквозь разноцветные стекла в панелях по обе стороны от дверей и веселыми зайчиками игравший на полу, несколько отвлек внимание Мун, смягчил ощущение полной неуместности здесь всей их разношерстной компании. — Позволите мне чем-нибудь развлечь вас, пока отец не закончит консультацию с

врачом? — Она жестом пригласила их следовать за ней; Мун заметила, что ее длиннющие ногти выпилены в виде мини-скульптур.

ЭйЭлВи провела их по анфиладе просторных, с высокими потолками комнат в гостиную, где огромное, отделанное по краю цветными стеклами окно выходило прямо на живописные сады. Она нажала одну из кнопок на маленьком, вделанном в стену пульте у дверей, и вид за окном почему-то изменился: теперь там был зал, полных яростно споривших о чем-то людей. В глубине комнаты, среди пышных пурпурных занавесей виднелись низенькие деревянные столики, инкрустированные золотом и аметистами.

— Прошу вас. Слуги принесут все что нужно… А меня, я надеюсь, вы извините? Я ужасно занята: готовлю для отца данные о налогах. Он присоединится к вам, как только сможет. — И ЭйЭлВи вышла из гостиной. Люди на стене по-прежнему о чем-то спорили.

— Ну-ну. — Кресс скрестил руки на груди и присвистнул. — Чувствуйте себя как дома! Можете даже кое-что украсть из столового серебра! Нет, все-таки у нас, на Большой Голубой, родственные связи кое-что значат. Все мои родственники…

— Хватит, Кресс. — Элси покачала головой. —

Мы и всего-то с этой девушкой… с этой женщиной раза два встречались: один раз, когда ей было лет восемь, и еще — на похоронах ТиДжея. А слухи о нас с ним ходили не самые благоприятные. И ты прекрасно знаешь, как здешние высокорожденные боятся… — она изучала свой подол, — …переживают из-за смешанных браков.

Кресс тоже покачал головой и сердито пнул ножку стола.

— Прекрасная работа! — громко заявил он. — А знаешь, Элси, за эти камешки у нас на орбите можно целых четыре дигитальных диска получить…

— Веди же себя как следует. Кресс! — неодобрительно прошипела Элси. — Ну, как ты, Мун? Ведь правда, здесь очень красиво?

Мун вздрогнула и повернулась к ней. Она лишь молча улыбалась, не в силах выразить свои чувства.

— А ты не думаешь, что могла бы остаться здесь и быть сивиллой?

Улыбка медленно сползла с лица девушки. Она покачала головой, подошла к столику и уселась среди подушек. Элси внимательно следила за ней. Мун чувствовала в ее глазах вопрос, но ответить не могла. Я не могу ответить ни на один вопрос!

Желая сменить тему, она указала на экран:

— Почему они все такие сердитые?

Элсевиер посмотрела на спорящих.

— Ну, это старый ПиЭн Сингалу, политический лидер деклассированных. Господи, я и не знала, что он еще жив! Обычные дебаты в парламенте; а вон и переводчик, вон тот темпераментный молодой человек справа; должно быть, тоже из высокорожденных. Ты ведь знаешь, представители противоположных каст не могут непосредственно общаться друг с другом.

— Я думала, что деклассированные вообще никаких прав не имеют…

Двое мужчин с горящими глазами стояли на возвышении лицом к лицу, а между ними, как бы на нейтральной территории, монотонно гудел переводчик с бритой головой. Они, не давая ему закончить предыдущую фразу, тут же начинали вновь сердито говорить что-то, а он переводил, не успевая за ними, и все в целом это было похоже на детскую ссору. По их виду Мун никак не могла отличить высокорожденного технократа от деклассированного, и удивлялась, как это они сами отличают, кто выше по рождению, а кто ниже.

— О, права-то у них кое-какие есть! Просто им не все разрешено официально… К тому же у них

недостаточно представителей, чтобы вносить поправки в законодательные проекты. Но они все-таки постоянно пытаются это делать.

— Но как вообще может функционировать такое правительство? Я считала, что раз премьер-министра нет на планете…

— А, ну он-то и вовсе существует на другом уровне! — Элсевиер только рукой махнула. — Он и Ассамблея являют собой правительство Харему, но это правительство — наследие давних времен, когда Харему только еще начинала завязывать контакты с иными мирами, позже вошедшими в состав Гегемонии. Гегемония ведь тоже рассчитывала создать нечто вроде Старой Империи — разумеется, с помощью Черных Ворот. Однако слишком сложная технология Старой Империи оказалась жителям Харему не по зубам: они вовремя поняли, что подлинное господство возможно лишь при наличии космических кораблей, обладающих способностью развивать сверхсветовую скорость. Итак, космос поглотил их мечты о господстве во Вселенной, и, пока Харему не достигла теперешнего уровня развития, ей приходилось довольствоваться лишь своим экономическим превосходством среди тех планет, членов Гегемонии, которые были для нее досягае-

мы. Однако премьер-министр и его летучая свита продолжали гнуть свое. Они странствовали с одной планеты на другую, принимая дары подобно живым богам — внешне не стареющие, защищенные тем, что при подобных перелетах время как бы замедляется, и, конечно, «живой водой», получаемой на Тиамат. И, разумеется, их всюду принимали очень хорошо, ибо, по иронии судьбы, они воплощали мечту о великом единстве…

Голоса выступавших в парламенте и гул взволнованной аудитории между тем становились все громче; когда Элси вдруг умолкла, неожиданно умолкли и они, там, на экране, и в гостиной воцарилась полная тишина.

Мун успела заметить острый взгляд, который метнул морщинистый старик на своего оппонента, и полное недоумение, написанное на лице молодого технократа. Даже бритоголовый переводчик утратил свою невозмутимость и застыл с разинутым ртом, глядя то на одного, то на другого.

— Что случилось? — спросила Мун, и Элси ответила:

— Он не дождался! Технократ не дождался, пока переводчик переведет! — Она прижала ладони к пылающим щекам; ее радость удивила

Мун. — Нет, вы только посмотрите на старика! Он ведь всю жизнь надеялся на это, прекрасно зная, что мечтам его сбыться не суждено… — В зале нарастал шум; молодой технократ, застывший в каком-то ступоре, резко повернулся и вышел из зала. Некто в серой мантии, явно высокорожденный, занял его место и призвал аудиторию к порядку.

— Что же все-таки у них произошло? — Мун наклонилась вперед, поставив локти на колени и опершись на них подбородком. Она была ужасно заинтригована.

— Технократ слишком увлекся спором, — задыхаясь от волнения, пояснила ей Элси, — и обратился непосредственно к Сингалу — как к равному, понимаешь! — тогда как по закону они могут разговаривать только через переводчика. И это — на глазах у миллионов зрителей!

— Я не понимаю…

— Теперь Сингалу — тоже технократ! — Элси засмеялась. — На Харему можно изменить свой социальный статус, если кто-то из вышестоящих как бы «поднимет» тебя до своего уровня, обратившись к тебе непосредственно, как к равному, при свидетелях. Именно это сейчас и произошло.

— А если бы такое сделал Сингалу? Тогда

технократ стал бы деклассированным? — Мун смотрела на экран: там морщинистый, с жалкими перышками седых волос старикашка вцепился руками в край подиума, упав на колени, бесстыдно плача от радости и улыбаясь сквозь слезы. Она чувствовала, что у нее самой в горле застрял комок; рядом с ней Элсевиер тоже вытирала слезы.

— Нет, нет, что ты! Если бы это произошло, любой технократ велел бы арестовать нарушителя закона… — Элси не договорила: человек в серой мантии приблизился к Сингалу и неловко обнял его — поздравляя лично. — Ах, если б ТиДжей мог это видеть, он бы так…

— Да? Отлично понимая, что молодой технократ, придя домой, немедленно примет яд?

— КейАр! — Они разом обернулись. В дверях Мун увидела очень высокого человека, согнувшегося под бременем лет, хотя обычно жители Харему держались и в старости очень прямо и выглядели значительно лучше, чем старики на тех планетах, которые не располагали запасами «живой воды». Мун просто глазам своим не верила: похожая на пергамент коричневая кожа, просторный кафтан просто болтается на старчески худом теле… Но ведь он значительно младше ТиДжея! Когда же он успел так сильно

состариться?

— Да, КейАр, он обрадовался бы, — Элсевиер снова села и разгладила юбку на коленях, — даже если бы этот молодой идиот решил лишить себя жизни; даже несмотря на вашу, надо сказать, отвратительную заповедь «смерть прежде бесчестья». А вам, КейАр, разве не приятна радость старого Сингалу? — И с деверем Элси тоже не пользовалась фамильярным и дружеским «ты».

Старик улыбнулся почти добродушно.

— Приятна, приятна! Сингалу давно уже доказал, что вполне достоин повышения… Но это лишь подтверждает, сколь эффективна наша система отбора наиболее умных и инициативных людей, которую ТиДжей так старался разрушить, продвигая наверх буквально каждого низкорожденного, который успел ему улыбнуться.

— КейАр, как вы можете так говорить! Вы же прекрасно знаете, что высокорожденные блюдут свою чистоту, как невеста — девственность! А в какой среде, кстати, вырос ваш отец, один из самых блестящих умов своего поколения?

— Зато меня самого воспитали как надо! — добродушно пожал плечами КейАр. — И отец был доволен; он знал, что со временем все образуется.

— Ну да, если достаточно денег, чтобы заплатить за имена более подходящих и респектабельных предков, — пробормотал Кресс.

Лицо Аспундха осталось безмятежным; Мун догадалась, что он не понимает языка Тиамат.

— Подобное высоконаучное структурирование общества оптимально соответствует нашей технологической ориентации. И это общество отлично выполняет свои функции — благодаря ему мы навсегда выбрались из хаоса докосмической эры и достигли долговременного стабильного прогресса.

— Стагнации, вы хотите сказать! — нахмурилась Элси.

Он возмущенно отмахнулся:

— Как вы можете! Вы ведь столько лет прожили в самом развитом обществе Гегемонии!

— Технически развитом. В социальном же отношении Харему ничуть не лучше моей родной Ондинеи.

— Ну почему мне все время кажется, что я уже не раз беседовал с кем-то на эту тему?.. — вздохнул КейАр.

Элсевиер подняла руки в знак того, что сдается.

— Простите меня, КейАр. Я вовсе не о политике

спорить приехала и не собираюсь зря тратить ваше и свое время. Я приехала к вам, всегда такому аполитичному, совсем по другому делу: я привезла с собой кое-кого, кто очень нуждается в ваших советах. — Она встала и вытащила из-за занавески смутившуюся Мун.

Мун молча смотрела на Аспундха. Он, очень тихо ступая ногами в домашних туфлях, подошел к ней, и тут она увидела, как у него на груди слабо блеснул трилистник.

— Как, вы тоже предсказатель? Этого не может быть!

Он торжественно поклонился ей:

— Спрашивай, и я отвечу.

Элси быстро расстегнула ожерелье, скрывавшее татуировку на шее Мун.

— Ваша сестра, КейАр. Ее зовут Мун.

Руки Мун взлетели к горлу; она отвернулась, пряча символ своих рухнувших надежд; ей было стыдно, как если бы этот старый мужчина увидел ее голой. Но Элсевиер решительно повернула ее к нему лицом, заставила опустить руки и поднять голову.

— Вы оказали мне большую честь… — Аспундх склонил перед ней голову. — Простите, если мое поведение разочаровало вас и заставило сты-

диться того, что вы пришли ко мне за советом.

— Нет! — Мун снова потупилась, с трудом отвечая на непривычном сандхи. — Нет, вы ничем… я не… я не сивилла. Я не сивилла здесь — только в моем мире.

— Ясновидение ни временем, ни пространством не ограничено, благодаря чудесам науки Старой Империи. — КейАр сделал шаг вперед, пытливо заглядывая ей в глаза. — Мы можем отвечать на вопросы в любое время и в любом месте… — Это только ты не смогла! — Вы пробовали, и вам не удалось, но это не страшно. — Он остановился перед ней, спокойно глядя в ее изумленные глаза. — И объяснить это вовсе нетрудно. Ну а теперь скажите мне, почему вы решили, что больше не являетесь сивиллой? На этот вопрос можете ответить только вы. Садитесь же и расскажите, с какой вы планеты. — Он опустился на подушки, рукой опираясь о низенький резной столик.

Мун тоже села — по другую сторону стола. Элси, Силки и Кресс замкнули круг.

— Я с Тиамат.

— С Тиамат?

Она кивнула.

— И теперь Хозяйка больше не говорит моими

устами, ибо я не… выполнила данных ей обещаний.

— «Хозяйка»? — Он взглянул на Элсевиер.

— Мать Моря, их Богиня. Может быть, я сумею лучше объяснить вам, КейАр, как девочка сюда попала? — Элси стиснула руки и, чуть наклонившись вперед, волнуясь, быстро рассказала ему о случившемся. Мун заметила, как морщинка между седыми бровями Аспундха стала глубже, но Элсевиер на него даже не смотрела. — Мы не смогли отправить ее обратно, и к тому же нам очень нужно было пройти через Черные Ворота. И я воспользовалась тем, что Мун — сивилла. Я ее использовала. — Элси с некоторым нажимом произнесла это слово. — Она лишь незадолго до этого закончила обучение, и после Перехода больше не может погружаться в Транс… — Элси умолкла, ломая руки.

Высокий, блестящий, в белоснежных одеждах механический слуга появился в дверях и двинулся к Аспундху. В руках он держал поднос, полный высоких стаканов. Аспундх кивнул, и робот принялся расставлять напитки на столике.

— Что-нибудь еще, господин?

— Нет, ничего, — КейАр нетерпеливо махнул ему рукой. — Вы хотите сказать, что девочка

пробыла в Трансе несколько часов? Без какой бы то ни было подготовки? О боги, какая ужасная безответственность! Такую мог допустить только ТиДжей! Удивительно, как она вообще разум не утратила!

— Ну хорошо, а что им оставалось делать? — вмешался рассерженный Кресс. — Сдаться легавым? Позволить мне умереть?

Аспундх посмотрел на него, но выражение его лица осталось неизменным.

— Вы считаете, что ее рассудок — вполне подходящий объект для торговли?

Кресс взглянул на трилистник, висевший на груди Аспундха, потом — на татуировку на шее Мун, но глаз не поднял. И молча покачал головой.

— Они поступили правильно. — Мун заметила, что жесткий профиль Кресса чуть смягчился при этих ее словах. — Это был мой долг. Но я… я была недостаточно сильна. — Она отхлебнула из высокого стакана ледяной напиток абрикосового цвета; пузырьки газа ударили в нос так, что даже слезы на глаза навернулись.

— То, что вы сейчас сказали, свидетельствует как раз о необычайно сильных душевных качествах — или о чрезвычайной удачливости.

— Правда? — Мун сжала ладонями успокаивающе холодный стакан. — Но когда же, в таком случае, я перестану бояться темноты? Когда я вспоминаю о той бездне… у меня все сжимается внутри… Это как умереть. — Она сделала несколько глотков, перед глазами у нее все плыло. — Я ненавижу тьму!

— Да, я понимаю. — И КейАр надолго умолк. Потом заговорил снова, обращаясь к Элси:

— Элсевиер, вы не поработаете для меня переводчиком? Я думаю, очень важно, чтобы сейчас Мун понимала каждое мое слово.

Элси кивнула и приготовилась переводить.

— Тиамат… недоразвитая планета… Ты ведь понимаешь, девочка, куда тебе нужно идти, когда внезапно оказываешься в темноте? А понимаешь ли ты, почему порой видишь перед собой совсем иной мир?

Элсевиер не выдержала:

— Я ведь именно поэтому и привезла ее к вам!

Мун задохнулась.

— Хозяйка сама выбирает…

— Ага. Значит, на твоей планете всем заведует некая Богиня — или, по крайней мере, вы всегда верили, что это так. А что ты скажешь, если я докажу тебе, что видения твои — вовсе не дар

Богини, а наследие Старой Империи?

Мун наконец позволила себе перевести дыхание.

— Да! То есть я хочу сказать; что… ожидала чего-то в этом роде. Здесь каждый знает, что я сивилла; откуда они могли это узнать? И вот вы тоже предсказатель, но никогда не слышали о Хозяйке… — Она уже давно перестала при упоминании этого имени представлять себе Мать Моря, прекрасную женщину с волосами-водорослями, закутанную в морскую пену и плывущую по волнам в раковине, влекомой мерами. Но и само море, та аморфная стихия, силу которой она порой ощущала всей своей душой, не могло бы оставить родные берега и отправиться в столь далекое путешествие. А может быть, ей просто всегда хотелось почувствовать близость Хозяйки… — У вас, инопланетян, так много богов… — Она была слишком обескуражена потерей собственного божества, чтобы думать о чем-то еще. — Почему у вас их так много?

— Потому что существует множество разных миров; и в каждом — по крайней мере одно божество, а по большей части — множество разных. Есть же поговорка: «Кто его знает, чьи из богов настоящие — твои или мои?» Так что мы стара-

емся уважать их всех — просто для безопасности.

— Но разве могла Старая Империя сделать так, чтобы предсказатели были повсюду, если ее людям не помогали боги? Ведь они были всего лишь людьми!

— Да они были людьми. — КейАр потянулся к миске с засахаренными фруктами. — Но в некотором отношении обладали могуществом богов. Например, могли перелетать из одного мира в другой самое большее за несколько недель, а не лет, как мы: у них были такие средства передвижения. И все-таки, в конце концов, их великая империя потерпела крах… даже она изжила себя… А может, это только нам так кажется…

Но когда Старая Империя близилась к закату, группа замечательных и самоотверженных ученых решила создать небывалый банк научных данных, где хранилась бы вся информация, собранная Империей за долгие тысячелетия ее существования. Они надеялись, что, собрав все открытия человечества в одном абсолютно безопасном хранилище, сумеют избежать полного крушения собственной цивилизации, смогут через какое-то время восстановить ее. И, понимая, что технический регресс может охватить слишком многие из миров, изобрели удивительно

простые «филиалы» этого гигантского банка памяти, создав их из живых людей. Так появились предсказатели, способные передавать весь запас заложенной в них информации своим последователям непосредственно — из крови в кровь.

Мун невольно потрогала шрамы у себя на запястье.

— Но… как можно через кровь передавать знания машины… да еще находящейся в ином мире? Я вам не верю!

— Можешь назвать это чудесной болезнью, способной передаваться другим. Ты ведь знаешь, что такое инфекция?

Она кивнула:

— Когда кто-нибудь болен, от него лучше держаться подальше.

— Верно. «Инфекция», передаваемая предсказателями, создана человеком искусственно; это особый комплекс биохимических реакций, настолько сложный, что мы едва начинаем распутывать его составляющие. Видимо, были созданы и, возможно, даже имплантированы некие вещества, вызывавшие определенные изменения в ткани человеческого мозга и делавшие предсказателей способными принимать сигналы общего для всех них электронного «медиума»,

передаваемые со скоростью, во много раз превышающей скорость света. При этом предсказатель становился как бы приемником и передатчиком одновременно и был связан непосредственно с центральным источником информации. Чувствуя, будто тонешь в пустоте, ты на самом деле включалась в систему компьютерной связи, а вовсе не блуждала в космосе. Иногда в такие моменты предсказатели способны общаться друг с другом и давать друг другу ответы о тех мирах, которые были практически неизвестны Старой Империи. — КейАр поднял свой стакан, приглашая и Мун тоже выпить, и ободряюще улыбнулся. — Все эти речи вызвали у меня жуткую жажду.

Мун видела, как покачивается у него на шее трилистник, надетый поверх дорогой, вышитой золотом рубахи, — ее собственный тайный знак, ныне как бы сосланный, пойманный на крючок и оказавшийся здесь, в кондиционированном воздухе чужого дома… на другой планете…

— А что, это правда такая болезнь, от которой люди сходят с ума? — Смерть тому, кто убьет сивиллу… смерть тому, кто ее полюбит… Она задохнулась и, чтобы успокоиться, стала водить пальцем по холодным камням, вделанным в

кромку столешницы.

КейАр поднял брови.

— А что, на Тиамат все так думают? У нас тоже раньше существовало подобное мнение, теперь, правда, о нем уже почти забыли. Да, для некоторых людей подобное «инфицирование» кончается безумием. Предсказателей ведь выбирают и по некоторым индивидуальным признакам — прежде всего, по уровню эмоциональной устойчивости… И, разумеется, в крови любого предсказателя имеется этот «вирус». Как и в слюне. Но обычно, чтобы «заразиться», человек должен иметь как минимум открытую рану. Очевидно, все-таки достаточно простой осторожности, иначе вы бы не встретились, например, с моей родной дочерью. Я думаю, подобные предрассудки насаждались специально, чтобы предохранить предсказателей от угрозы менее цивилизованных обществ. Даже сам наш знак — колючий трилистник — является символом биологической контаминации; это один из древнейших символов, известных человечеству.

Но Мун уже не слушала его…

— Значит, полюбить сивиллу вовсе не означает умереть? Но тогда Спаркс… мы с ним можем жить вместе! Элсевиер! — Мун принялась так

тормошить несчастную женщину, что у той перехватило дыхание. — Спасибо тебе! Спасибо, что привезла меня сюда! Ты спасла мне жизнь. Теперь я для тебя на все готова!

— В чем дело? — Аспундх ласково смотрел на обеих, подперев голову рукой. — Кто такой Спаркс? Возлюбленный?

Элсевиер мягко оттолкнула Мун и теперь пыталась держать ее на расстоянии.

— О Мун, девочка моя дорогая, — проговорила она с невыразимой печалью. — Не надо давать мне таких обещаний.

Мун беспомощно смотрела то на нее, то на Аспундха.

— Мы дали клятву, но он ушел от меня, когда я стала сивиллой… Теперь, когда я вернусь, я расскажу ему…

— Вернешься? На Тиамат? — Аспундх выпрямился.

— Мун, — прошептала Элси, — мы не можем отвезти тебя назад! — Слова вылетели у нее изо рта, словно стая испуганных птиц.

— Я понимаю, понимаю, нужно подождать, пока…

— Мун, слушай внимательно! — Резкий тон Кресса заставил ее замолчать.

— Что? — Она снова прижалась к Элсевиер. — Ты же сказала, что мы непременно…

— Мы никогда больше не полетим на Тиамат, Мун. Мы не можем вернуться туда. И ты тоже не можешь. — У Элси дрожали губы. — Я солгала тебе. — Она отвернулась, словно надеясь отыскать более легкий путь, но его не было. — Это была чудовищная ложь. Я… мне очень жаль! — Она выпустила руки Мун.

— Но почему? — Мун в отчаянии провела обеими руками по волосам, и те густой паутиной накрыли ее лицо. — Почему?

— Потому что слишком поздно! Проход через Черные Ворота становится чересчур опасным для небольшого корабля, чересчур нестабильным… Ведь… с тех пор, как мы улетели с Тиамат, прошли не месяцы, Мун. Прошло более двух лет! И столько же времени займет обратный перелет.

— Это ложь! Мы же совсем недолго были на этом корабле… — Мун рывком встала на колени; постепенное осознание случившегося словно протаивало сквозь сковавший ее лед и холодными струйками сбегало во всему телу. — Почему ты так поступаешь со мной, Элси?

— Потому что мне следовало бы объяснить тебе все с самого начала. — Элсевиер прикрыла

глаза рукой. Кресс что-то очень быстро сказал Аспундху на сандхи.

— Она не лжет тебе, Мун. — КейАр сел очень прямо, как бы отстранившись от них обеих. Элсевиер тупо начала переводить то, что он говорил. — На корабле время идет с иной скоростью, чем вне его; там бег времени как бы замедляется. Посмотри на меня, посмотри на Элсевиер — и вспомни, что я был много молохе ТиДжея… Мун, если ты сейчас вернулась бы на Тиамат, то поняла бы, что прошло, по крайней мере, пять лет.

— Нет… нет, нет! — Она с трудом встала на ноги, высвободившись из объятий Кресса, который все пытался снова усадить ее, и пошла к окну. Перед ней расстилались сады; она до боли сильно прижалась лбом к раме. Ее дыхание легким облачком застывало на стекле; глаза слепило, как от яркого снега. — Я не останусь на этой планете! Вы не смеете удерживать меня здесь! Мне все равно, даже если прошло сто лет… Я должна попасть домой! — Она стиснула руки; косточки пальцев со скрипом скользнули по стеклу. — Как вы могли так со мной поступить, если знали? — Она в ярости обернулась. — Я вам верила! Черт бы побрал и ваш корабль, и ваших богов, и вас в придачу!

Аспундх тоже встал, опираясь о стол, и медлен-

но пошел к ней.

— Посмотри на своих друзей, Мун. — Он говорил спокойно, словно между ними шла самая обычная беседа. — Посмотри на их лица и скажи, действительно ли они хотели разрушить твою жизнь?

Она заставила себя снова взглянуть на тех троих, что остались сидеть за столом, — одно лицо как всегда казалось непроницаемым, второе было искажено стыдом, по третьему текли горькие, слепящие, как кислота, слезы. Она не ответила, но и этого было довольно. КейАр повел ее обратно.

— Мун, пожалуйста, пойми! Пожалуйста, поверь мне… именно потому, что твое счастье так много для меня значит, я и не сумела заставить себя тогда сказать тебе… — Голос Элсевиер казался совсем тоненьким и слабым. — И еще: я очень хотела, чтобы ты осталась.

Мун стояла молча, чувствуя, что лицо у нее застыло и похолодело, как маска. Элсевиер отвернулась.

— Мне так жаль!

— Я знаю. — Мун с трудом проталкивала слова сквозь заледеневшие губы. — Знаю, что тебе жаль. Но это ничего не меняет. — Она рухнула на подушки, утонула в них, совершенно обессилен-

ная, но так и не простившая.

— Зло совершено, невестушка, — проговорил Аспундх. — И что же ты можешь сделать теперь, чтобы его исправить?

— Все, что в моих силах.

— В наших силах, — сказал Кресс.

— Тогда отвези меня домой, Элси!

— Не могу. Я ведь правду тебе сказала: слишком поздно! Но мы можем помочь тебе начать новую жизнь…

— Не нужна мне новая жизнь! Я хочу старую.

— Пять лет, Мун, — промолвил Кресс. — Как ты найдешь его — спустя пять лет?

— Не знаю. — Она стиснула пальцы. — Но я должна вернуться на Тиамат! Еще не все пропало. До конца еще далеко. Я чувствую это! — В глубине ее души будто ударил далекий колокол. — Если ты сможешь отвезти меня, то найдется и подходящий корабль… Помоги мне найти такой корабль!..

— Тебе нельзя возвращаться туда — ни на одном корабле! — Кресс поерзал на подушках. — Это запрещено законом; раз ты покинула Тиамат, то снова вернуться уже не можешь. Твой родной мир теперь для тебя под запретом.

— Они не могут… — Мун чувствовала, как в ней

снова закипает гнев.

— Могут, сестренка. — Аспундх поднял руку. — Ты лучше объясни: что означали твои слова «до конца еще далеко»? Откуда ты знаешь?

— Я… я не знаю… — она потупилась, растерянная.

— Ты сказала так только потому, что не хочешь верить в это?

— Нет, я это знаю! — выкрикнула она яростно, гневно. — Я не знаю только… как, откуда…

— Понятно. — Он нахмурился, скорее встревожено, чем неодобрительно.

— Откуда ей знать? — прошептал Кресс. — Разве она может?..

— Иногда такое случается. — Аспундх мрачно посмотрел на него. — Все мы, предсказатели, в руках этой машины. Порой она манипулирует нами в своих собственных целях. Я думаю, сейчас мы должны хотя бы попытаться выяснить, что изменится, если Мун останется здесь. Если сумеем, конечно.

Мун не сводила с Аспундха недоверчивых глаз. Все остальные, примолкнув, тоже смотрели на него.

Кресс натужно засмеялся.

— Вы хотите сказать, что машина… принимает

совершенно самостоятельные решения? Как? Почему?

— Это одна из тех проблем, которые мы только еще пытаемся решить. И, возможно, не решим никогда. Я уверен, что вам известно: машина, управляющая предсказателями, практически непостижима. Хотя те, кто выполняет заданные ею функции, обладают, будучи людьми, определенной психологической восприимчивостью…

Мун застыла в напряжении, понимая эти речи едва ли наполовину.

— Но откуда, как я могу узнать, для чего нужна там?

— У тебя же есть ключ, предсказательница! Очень просто: я задам тебе вопрос, а ты ответишь мне.

— Вы хотите сказать… нет, я не могу! Не могу. — Лицо ее исказилось.

КейАр встал на колени, пригладил свои похожие на серебряную проволоку волосы.

— Хорошо. Тогда спроси ты, а я отвечу. Ввод информации… — Глаза его затуманились, и он вошел в Транс.

Мун, несколько растерявшись от неожиданности, почти машинально пробормотала:

— Что произойдет… если я, Мун, Покоритель-

ница Зари, никогда не вернусь на Тиамат?

Она видела, как в глазах Аспундха блеснуло изумление; он смотрел куда-то вдаль, потом, словно вернувшись, взглянул ей прямо в лицо.

— Ты, Мун, Покорительница Зари, сивилла, спрашиваешь это? Ты единственная! Такая же, но не та же… И ты можешь стать ею, стать королевой Тиамат… Он любил тебя, но сейчас он любит ее; такую же, но не ту же. Вернись — без тебя все рушится, в самом сердце столицы неизлечимая рана… Прошлое становится бесконечным, отнимая место у будущего. Смена Времен Года должна наступить!.. Конец анализа! — Голова Аспундха упала на грудь; довольно долго он сидел, прислонившись к столику, прежде чем снова поднял на них глаза. — Там, похоже, была ночь… — Он отхлебнул из своего стакана. — И полно каких-то странных незнакомых лиц…

Мун тоже взяла свой стакан и стала пить большими глотками, чтобы невидимая рука, сжимавшая ей горло, наконец разжалась. Он любил тебя, но сейчас он любит ее.

— Ну, что я говорил? — КейАр посмотрел в ее сторону, глаза у него уже снова прояснились, но лицо выглядело измученным.

Она, сбиваясь, пересказала то, что они слыша-

ли; остальные помогали ей.

— Но я ничего не понимаю… — Я этого не понимаю! Как он может любить другую… — Она прикусила губу. Рука Элсевиер легко коснулась ее плеча.

— Значит, ты могла бы стать королевой… — задумчиво проговорил Аспундх! — Утрата тебя — неизлечимая рана для планеты. Я думаю, что у тебя были верные предчувствия… Твоя роль в великом спектакле не доиграна до конца. Равновесие нарушено.

— Но ведь оно уже нарушено! — Элсевиер говорила медленно. — Разве это не означает, что так и должно было случиться?

КейАр улыбнулся и покачал головой.

— Я даже притворяться не стану, что понимаю это. Я технократ, а не философ. Интерпретация полученных данных, благодарение богам, дело не мое. Так это или не так — решать Мун.

Мун замерла.

— Вы хотите сказать… что я все-таки могу вернуться на Тиамат?

— Да, я думаю, такая возможность пока есть. Элсевиер поможет тебе, если ты по-прежнему туда стремишься.

— Но вы же сказали…

— КейАр, это невозможно!

— Если вылететь немедленно и использовать дополнительные стабилизаторы… я уверен, что в таком случае Переход пройдет нормально, и вы успеете вернуться еще до того, как путь на Тиамат будет закрыт надолго.

— Но у нас нет астронавигатора. — Элсевиер наклонилась вперед. — Кресс еще недостаточно окреп.

— У вас есть астронавигатор. — КейАр указал глазами на Мун.

У Мун вновь перехватило дыхание. Все разом посмотрели на нее.

— Нет! Я не смогу!

— Нет, КейАр, — хмуро сказала Элсевиер. — Вы не можете заставить ее снова пережить этот ужас! Да она и не сможет, даже если б сама хотела.

— Она сможет — если захочет достаточно сильно. — Аспундх коснулся своего трилистника. — Я могу помочь тебе, Мун; тебе больше не придется действовать без подготовки. Если хочешь вернуться в прежнюю жизнь, вернуть свое могущество сивиллы, ты должна решиться. Можно постараться забыть дурной сон, но к кошмарной действительности тебе придется повернуться лицом, иначе ты никогда не сможешь

снова поверить в себя. Никогда не сможешь воспользоваться тем драгоценным даром, что носишь в себе; никогда не станешь настоящим человеком. — Его резкий тон словно разбудил ее. Аспундх помолчал, скрестив руки на груди, лотом спокойно положил их на стол.

Мун зажмурилась, словно снова проваливаясь в ту черную пустоту. Но ведь до конца еще далеко. Я предназначена для выполнения важной миссии… А он… он должен быть со мною! Мы не можем быть разлучены, он никогда меня не забудет, до конца еще далеко… Лицо Спаркса сияло перед ней во тьме подобно встающему солнцу. Все верно: она должна решиться и тогда узнает, есть ли у нее силы, может ли она выполнить куда более сложную задачу… Она открыла глаза и обхватила себя руками: ее била дрожь.

— Я должна попробовать. — Она увидела, как шевельнулась печаль в темно-синих глазах Элсевиер; печаль и страх. — Элси, это значит абсолютно все в моей жизни! Я не подведу тебя.

— Ну конечно не подведешь, дорогая! — Элси кивнула, и на ее губах появилось некое подобие улыбки. — Хорошо, мы полетим на Тиамат. Но, КейАр, — она пытливо посмотрела на деверя, — как же нам потом попасть без нее обратно?

Он криво усмехнулся.

— С фальшивыми документами, разумеется, которые я вам подготовлю. В неразберихе окончательной эвакуации с Тиамат, никто ничего не заметит, уверяю вас… Даже Силки улетит спокойно.

— Ах, КейАр, тайный вы грешник, — улыбка у Элси снова вышла бледной.

— Я вовсе не считаю это таким уж забавным. — Лицо у него посуровело. — Если я обучу девочку всему, что должна знать предсказательница, а потом отошлю ее обратно на Тиамат, то тем самым совершу акт предательства по отношению к Гегемонии. Но, поступая так, я подчиняюсь высшему закону — более важному, чем все законы Гегемонии, вместе взятые.

— Простите меня. — Элси торопливо кивнула. — А как насчет корабля?

— Корабль я вам добуду — в честь моего покойного брата и его несбыточных мечтаний. Я же говорил, Элсевиер, что вам стоит только попросить… Итак, отвезите девочку на Тиамат, — и больше никакой контрабанды.

— Вот спасибо! — Искорка бунтарства блеснула в ее глазах. — Ну да мы все равно собирались кончать с этим делом, даже если б последняя наша

экспедиция не превратилась в цепь несчастий. Что ж, по крайней мере, теперь мы сумеем то, что не смогли сделать в прошлый раз: вручить заказчику товар.

Аспундх слегка нахмурился.

Кресс вдруг с очевидным усилием распрямил скрещенные ноги; следом задвигались и все остальные. Мун заметила, что Кресс очень внимательно смотрит на нее; потом взгляд его переметнулся на Элсевиер. На Элси он смотрел так, как смотрит сиротка на приласкавшую его руку. Но улыбка у него была какая-то нехорошая.

— Догадываюсь, что мне пора говорить вам всем «прощайте», да, Элси?

Мун вскочила и помогла ему подняться; остальные даже не успели сообразить, что к чему.

— Кресс…

— Считай, что я отдаю тебе должок, юная леди. — Он пожал плечами.

Элсевиер умоляюще посмотрела на Аспундха, но у того лицо буквально окаменело: на нем был написан отказ.

— Ему не так уж трудно будет найти другой корабль. Астронавигаторы весьма в цене… особенно в… торговле, не сомневаюсь.

— Есть разные контрабандисты, КейАр, — ска-

зала Элси.

— По-видимому, кто-то может и не захотеть взять на корабль человека, занесенного в черный список за убийство… Вы ведь это хотели сказать, Элсевиер? — Профиль Аспундха был точно отлит из стали. Мун ахнула.

— Это же была самозащита! — вспыхнул Кресс. — Так даже в судебном деле записано.

— Дело было так, КейАр, — вмешалась Элси. — Один накачавшийся наркотиками мерзавец вызвал Кресса на дуэль и непременно убил бы его. Но случилось иначе. А правила никаких исключений не допускают… Неужели вы можете предположить, что все это время я летала на одном корабле с убийцей?

— А что… я, например, до сих пор не могу понять, отчего вы все-таки согласились стать женой моего брата, Элси… — вздохнул КейАр, сдаваясь. — Ну хорошо, хотя из-за вас я в очередной раз поступаюсь собственными принципами. Дело в том, Кресс, что, насколько мне известно, я являюсь совладельцем какой-то пассажирской космической линии… Там наверняка астронавигаторы нужны…

— Вы это серьезно? О боги! — Кресс засмеялся. — Спасибо, старый хозя… гражданин! Вам не

придется жалеть. — Он долго смотрел на Элсевиер, глаза его были полны благодарности.

— Надеюсь, что жалеть мне не придется, — с расстановкой откликнулся Аспундх. Потом подошел к Мун. — А из-за тебя?

В его глазах она увидела мрачную перспективу того, что может означать ее неудача — не только для нее самой, но и для всех остальных.

— Нет, — твердо ответила она.

КейАр кивнул.

— Тогда побудь со мной несколько дней, пока готовят корабль. Я научу тебя кое-чему, что непременно должна знать сивилла.

— Хорошо. — Она коснулась татуировки на горле.

— КейАр, неужели она должна и эти последние дни…

— Ей это только на пользу, Элсевиер… да и вам тоже!

— Да… конечно. — Элсевиер улыбнулась. — Вы, безусловно, правы. Мун, я… — она погладила Мун по руке и снова отвернулась. — Ну хорошо. Не обращайте на меня внимания. Это неважно. Не обращайте внимания. — Она пошла прочь, не оборачиваясь и не заметив протянутой к ней руки Мун. Силки молча последовал за нею.

— Что ж, — Кресс ухмыльнулся, посматривая то на Мун, то на собственные ботинки. — Желаю тебе счастья, юная леди. Значит, ты могла бы стать королевой… Что ж, если станешь, я скажу: и я знавал ее когда-то… — Он, наконец, посмотрел ей прямо в глаза. — Надеюсь, что ты его найдешь. Прощай. — Он неловко попятился, резко повернулся и устремился за своими друзьями.

Мун молча смотрела им вслед, но никто из них так и не обернулся.

* * *

Мун сидела на качелях в саду, время от времени отталкиваясь ногой от земли. Над головой звучала световая симфония вечерних небес Харему. Мун положила голову на подушку, впитывая эту красоту глазами. Когда она закрывала их, то слышала и другую музыку — нежные сложные переливы старинной песни, доносившейся из раскрытых в патио дверей, стрекотание ночных насекомых в кустарнике, пронзительные гортанные крики странных существ, что жили в вольерах и бродили свободно по аллеям парка…

Весь день она, как и все предыдущие дни, совершенствовалась в управлении собственным разумом и телом, просматривала те записи, ко-

торые дал ей Аспундх, стараясь запомнить как можно больше о том, кто такие предсказатели, каковы их функции в своих мирах и их предназначение в масштабе Вселенной. На Харему для предсказателей была создана официально разрешенная школа, где они в полной безопасности учились управлять собой при впадении в Транс — подобно тому, как в свое время, только безо всякой определенной системы, и ее учили Клавалли и Данакиль Лю на крошечном, затерянном в море островке, где над головой расстилалось бескрайнее небо.

Помимо этого, КейАр и другие предсказатели Харему изучали ту сложную информационную систему, частью которой являлись сами, пытаясь разобраться в предохранительных мерах, предпринятых Старой Империей для защиты знаний от надвигающейся тьмы невежества. Все предсказатели здесь знали, например, что погружение в пустоту, в Ничто — это на самом деле момент соединения с электронным мозгом машины. Однако никто из предсказателей не знал, на какой именно планете находится этот электронный мозг. Впрочем, понимание своей исключительно важной роли всегда давало им силы пережить тяжкие испытания — вроде тех, что чуть не убили

Мун при прохождении Черных Ворот.

Предсказатели Харему постепенно познавали реальную природу собственного могущества: способность не только облегчить бремя жизни других, но и существенно улучшить эту жизнь, внести свой вклад в техническое и общественное развитие окружающего их мира. Причем вклад предсказателей порой был куда более ценным, чем любые гениальные догадки известных ученых… нужно было лишь одно: чтобы у людей, населяющих ту или иную планету, хватило мудрости и желания использовать знания предсказателей.

А еще в этой школе предсказателям давали представление о природе их загадочного «инфицирования» и о том, как защититься от злого умысла и как защитить любимых людей от того риска, которому те подвергались, общаясь с «инфицированными». Предсказательница могла, например, при желании даже родить ребенка. «Вирус», содержащийся в ее крови, не способен был преодолеть такой защитный фильтр, как плацента, и ребенок совсем не обязательно наследовал материнские качества, но имел значительно большую, по сравнению с другими, предрасположенность к тому, чтобы стать пред-

сказателем. Иметь ребенка… лежать в объятиях любимого… знать, что можешь быть с ним всегда, быть для него всем…

Мун вздрогнула, пробудившись от своих мечтаний: кто-то шел к ней через патио. Теперь он любит другую. Воспоминание о том, что любовь к этой другой разделяет их сейчас куда сильнее, чем время и пространство, причиняло ей резкую боль. И тут она увидела, что к ней подходит Аспундх.

— Мун, дорогая, — приветливо улыбнулся он ей, — а не пора ли нам на прогулку?

Каждый вечер он прогуливался по террасам своих садов, доходя до усыпальницы с мраморными колоннами, прятавшейся в густом кустарнике, где покоился прах его предков. На Харему существовала целая иерархическая система божеств, тесно и самым непосредственным образом связанная со сложной кастовой структурой их общества. Здесь поклонялись и «чужим» богам — тем, которые «правили» иными мирами Гегемонии. Однако на первой ступени этой иерархической лестницы стояли всемерно почитаемые предки того конкретного человека, чьи успехи или неудачи определили его собственное положение в обществе. Аспундх от всей души почитал

своих покойных родителей, и Мун порой очень хотелось узнать: неужели только благодаря тем успехам, которых достиг твой отец при жизни, так легко поверить в его божественность?

Она спрыгнула с качелей. Каждый вечер она сопровождала КейАра в его путешествии к могиле предков, и в тиши садов он обсуждал с ней те вопросы, которые накопились у нее в течение дня.

— Ты достаточно тепло одета? Весной вечера сырые, прохладные. Возьми мой плащ.

— Нет, мне тепло. — Она помотала головой, втайне надеясь, что настаивать он не будет. На ней было платье без рукавов, которое она сама выбрала в лавке у механического торговца. Ей казалось, что даже ее обнаженные руки смущают этих людей, но было ужасно противно надевать больше одежды, чем хочется, так что она — из чувства протеста! — нарочно носила меньше, чем ей порой было нужно.

— Ах, вот что значит суровые условия воспитания! — КейАр рассмеялся; она насупилась. — А где же твоя очаровательная улыбка? Не потому ли ты мрачна, что завтра утром должна быть в космопорте?

Они пошли рядом. Мун старалась приноровиться к его неторопливым широким шагам.

— Отчасти. — Она смотрела, как ступают ее мягкие удобные туфли по выложенной гладкими камешками дорожке. Силки мог часами ползать по этим дорожкам и с восторгом разбирать сложный рисунок орнамента… Она, пожалуй, будет даже рада снова увидеть Силки; еще больше — Элсевиер… И рада будет убраться из этого удушливого мира искусственной безукоризненной красоты. Она, правда, всегда ждала этих вечерних прогулок, но в течение дня КейАр бывал чрезвычайно занят, и за Мун присматривала ЭйЭлВи, проявлявшая благоразумную заботу о доме своего отца, когда в нем живет девушка весьма сомнительного происхождения. ЭйЭлВи была с Мун почтительна — благодаря трилистнику сивиллы у той на шее, — но одно лишь ее присутствие доводило Мун до полной потери контроля над собой; она то и дело спотыкалась, что-то роняла, разливала, разбивала… Безжалостная светскость ЭйЭлВи превращала каждое неверно произнесенное Мун слово в фатальную ошибку, делала нелепым любой ее вопрос, а искренний смех — просто немыслимым. В мире ЭйЭлВи боялись смеяться, боялись потерять самообладание — и контроль над Гегемонией, контроль над Тиамат…

— А тебе не кажется, что нам нужно было бы еще немного времени? Впрочем, я, видимо, уже мало чему могу научить тебя… а время, к несчастью, поджимает.

— Я знаю, — Неведомое существо с жабо из мерцающей чешуи испуганно закричало возле них на дорожке. — Я знаю, что сейчас готова настолько, насколько вообще могу быть готова к этому испытанию. Но иногда мне кажется, что я никогда по-настоящему готова не буду! — Она давно уже ощущала, что вера ее в себя и в силу, которой они оба принадлежат, постепенно меняется по мере постижения ею истины; но она по-прежнему боялась Транса: ей казалось, что если это не получится у нее сразу, то не получится уже никогда.

— Ты вполне готова. — Он улыбнулся. — Именно потому, что непременно должна пройти это испытание.

Она попыталась тоже ответить ему улыбкой, ибо его справедливые слова были созвучны с зовом ее души. Порой в системе взаимоотношений предсказателей с машиной было нечто такое, чего даже жители Харему объяснить не могли, — нечто аномальное, непредсказуемое, как если бы всеведущий источник вдохновения

сивилл в чем-то имел некий, почти человеческий изъян. Некоторые его ответы были настолько сложны и запутанны, что никакие специалисты не способны оказались прояснить их; иногда возникало впечатление, что он полностью исчерпал себя, решая какую-то неразрешимую задачу, хотя обычно он лишь реагировал на вопросы, задаваемые предсказателям. На этот раз было похоже, что гигантский компьютер решил проявить активность и использовать Мун в качестве подручного средства… что ж, неудачи она потерпеть не должна — не может! Но к чему она так стремится, если больше не нужна Спарксу? Я должна вернуть его. Я сделаю это. Я смогу. Она сжала руки, словно уцепившись за эту мысль. Мы принадлежим друг другу. Он принадлежит мне.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Аспундх. — Итак, какие еще вопросы ты приготовила? Что-нибудь не ясно?

— Она кивнула и задала один-единственный вопрос, беспокоивший ее с самого начала:

— Почему Гегемония хочет, чтобы на Тиамат оставалось тайной то, что предсказатели есть повсюду, на всех планетах? Почему вы внушаете жителям Зимы, что мы, сивиллы, несем зло или безумие?

КейАр нахмурился, как если бы Мун нечаянно нарушила старинное табу.

— Я не могу объяснить тебе этого. Слишком сложно.

— Но ведь это несправедливо! Вы говорили, что предсказатели жизненно необходимы, что они во всех мирах творят только добро… — Она вдруг поняла все их намеки и выпады в отношении власти Гегемонии — все-таки она узнала здесь несравненно больше того, чему учили ее на Островах Избранных.

Судя по выражению лица Аспундха, он тоже понимал — и сожалел! — что теперь бессилен остановить процесс познания ею истинного положения дел.

— Я надеюсь, что не причинил и не причиню впредь слишком большого вреда своей планете. — Он отвернулся. — Ты должна быть возвращена на Тиамат. А мне остается лишь молиться, чтобы это не принесло несчастий Харему.

Ей нечего было ответить ему.

Они миновали поблескивающую искусной мозаикой тропу в зарослях цветущей силлифы и углубились в лабиринт из искусно подстриженных кустарников, где вскоре перед ними возникла мраморная усыпальница, колонны

которой отражали пастельные краски закатного неба. КейАр исчез внутри; там лежали глубокие тени; а Мун присела на влажную от росы мраморную скамью и стала ждать его. Поднявшийся ветерок донес до нее запах изысканных благовоний. Интересно, подумала она, с какой молитвой обращается Аспундх к своим предкам сегодня?

Птицы, чье оперение днем могло показаться кричаще ярким, садились к ней на колени, в сумерках сменив тона на пастельно-серые и что-то нежно воркуя. Она гладила их по перышкам, все время помня, что делает это в последний раз, что послезавтра вокруг будут не эти мирные сады, а пропасть Черных Ворот… Она вдруг резко ощутила ночную прохладу и обхватила свои обнаженные плечи руками.

Глава 21

— Вы зачем пришли ко мне, гражданин? — Джеруша посмотрела на него поверх компьютера, который только что перевел в память очередной официальный отказ.

— Меня к вам послали… насчет разрешения… — Владелец магазина растерянно теребил концы шарфа, однако в нем чувствовалась скрытая

агрессивность. — Мне сказали, вы знаете, почему я ниче…

— Да, знаю. Однако любой сержант мог сообщить вам то же самое, любой патрульный робот, даже самый безмозглый! О боги, если бы я могла хоть один день прожить, не повышая голоса… хоть один час! — Она провела рукой по своим вьющимся каштановым волосам, пожала плечами. — Кто, черт побери, послал вас сюда?

— Инспектор Ман…

— …таньес, — договорила она за него. — Что ж, он ошибся. Ступайте назад и спросите дежурного офицера, к кому именно вам надо.

— Но он сказал…

— А вы настаивайте, требуйте конкретного ответа. — Она махнула рукой, чтобы он уходил, и снова уставилась в экран, пытаясь, наконец, дочитать отчет; потом потянулась к кнопке интеркома:

— Дежурный? У вас что, совсем голова не работает? Почему вы без конца посылаете ко мне кого попало? Вы для чего, собственно, на посту находитесь?

— Черт побери, вечно у вас неразбериха!.. — Пробормотав ругательство, владелец магазина захлопнул за собой дверь.

— Прошу прощения, комиссар, — дежурный сержант отвечал угрюмо и неохотно, — мне следующего к вам направлять?

— Направляйте. — Нет, нет, больше никого! — И попросите инспектора Мантаньеса зайти ко мне… Нет, не нужно. — Она отключила переговорное устройство. Вполне можно было бы прямо сейчас уволить Мантаньеса за халатность, мешающую ей нормально работать… но если она это сделает, то, пожалуй, окажется перед фактом открытого неповиновения, а не тщательно скрываемой неприязни. С тех пор, как она заняла пост комиссара полиции, отношение к ней из прохладного превратилось в невыносимое. И он это понимает. Он это отлично понимает, ублюдок… Она невидящим взором уставилась на экран. Их главный компьютер несколько месяцев назад пережил серьезную поломку, что повергло всю регистрационную систему в полный хаос. Да и теперь кое-каких данных не хватало, и обнаружить их было невозможно. Даже эксперты, вызванные с Харему, не сумели восстановить прежний банк данных. Она все это время билась, пытаясь восстановить свой архив; в частности, сегодня она вот уже целый час возилась с одним и тем же отчетом, через каждые тридцать секунд заходя

в тупик. Она набрала слова: «Текст проверен и одобрен» — и отправила текст в память, решив оставить остальное как есть.

Меня загнали в тупик. Я вот-вот буду похоронена заживо. Она поискала среди мятых пустых пачек ту, где еще оставалось несколько стручков йесты. Черт побери, почти вся кончилась… Как же мне дожить до конца рабочего дня?

Дверь, словно отвечая на ее вопрос, приоткрылась, вошел капитан полиции — о боги, как же его имя? — и отдал ей честь.

— Докладывает капитан КерлаТинде, комиссар. — Он будто прочел по ее лицу, что она не помнит, как его зовут. Теперь она уже почти привыкла и к подчеркнуто официальному обращению, и к наглости подчиненных. Мужчины-полицейские терпеть ее не могли — практически все! Дисциплина катилась ко всем чертям, однако понизить в должности она никого не решалась, зато все остальное уже пробовала. Они ни за что не станут ей подчиняться: ведь она женщина! И будь проклят тот день, когда ей пришло в голову попытаться прыгнуть выше собственной головы! К тому же она заняла место, которое, как все считали, должно было достаться Мантаньесу. И только потому, что так захотела Снежная

королева. Все были уверены, что Джеруша — ее марионетка; и как можно было доказать обратное, если Ариенрод с помощью своих шпионов словно паутиной ее опутала, заставляя висеть между раем и адом, высасывая из нее силы, подавляя волю и уничтожая желание делать что бы то ни было.

— В чем дело, КерлаТинде? — Она уже разучилась говорить нормально, не таким резким тоном.

— Офицеры попросили меня обратиться к вам, мэм, — слово это было отчетливо, неуместным, и он специально назвал ее именно так, — с нашей общей просьбой: нельзя ли прекратить усиленное патрулирование города офицерами? Нам кажется, что это — обязанность патрульных роботов; столь примитивные задания наносят ущерб престижу офицера полиции. К тому же наше появление на улицах тревожит граждан…

— А вы предпочитаете, чтобы граждане сами тревожили друг друга? — Она нахмурилась и подалась вперед. — Какое же не столь примитивное задание вы бы предпочли?

— Исполнять свои непосредственные обязанности! У нас не хватает времени даже на ведение протоколов и отчетов. — Он, тоже нахмурившись,

выразительно посмотрел на груду ящичков с дискетами у нее на столе.

— Я знаю, КерлаТинде. — Она видела, куда он смотрит. — Я и так уж стараюсь подогнать все хвосты. — И вы еще полюбуетесь, какие шрамы из-за этого оставит на моей шкуре кнут Хованнеса. — Я понимаю, что поломка главного компьютера поставила нас в тяжелое положение, но, черт побери, нашей основной задачей здесь является все-таки именно защита граждан от нарушения законности, и эту работу нам придется выполнять как следует.

— Тогда дайте нам хоть какое-нибудь стоящее задание! — КерлаТинде сердито махнул рукой. — Чтобы мы, по крайней мере, не только пьяных в канавах подбирали. Дайте нам поохотиться на матерых преступников, почувствовать, что наша работа хоть что-нибудь да значит!

— А вы никогда не чувствовали этого? Тогда вы просто зря тратили время. — Боги, неужели это действительно я говорю? Неужели я и сейчас такая, как несколько лет назад, когда, стоя на месте КерлаТинде, говорила абсолютно то же самое, что и он? Она скатала в комок пустой пакетик из-под йесты. Нет… Я не та, что прежде. Но то, что она только что сказала ему, было чистой правдой…

Став комиссаром полиции, она в первую очередь попыталась сломить сопротивление тех воротил подпольного бизнеса, которые, как ей было известно, контролировали массовые поставки в Карбункул запрещенных товаров. Однако они ушли из расставленных ею сетей, как вода сквозь сито. Любая незаконная деятельность, участие в которой можно было бы предъявить им в качестве обвинения, оказывалась формально под контролем одного из уважаемых и знатных местных граждан, которые подчинялись только своей королеве; она, Джеруша, без ее разрешения и пальцем их тронуть не смела.

— Комиссар ЛиуСкед имел несколько иное мнение…

Черта с два он его имел! Впрочем, есть ли смысл спорить? Заходил ли ЛиуСкед в подобный, сводящий с ума тупик? Или Ариенрод специально сделала так, чтобы сбить с толку комиссара ПалаТион? Разве можно объяснить что-либо этому КерлаТинде или кому-то из других ее подчиненных? Они так или иначе уже убеждены, что комиссар полиции у Снежной королевы в кармане, и что бы Джеруша ни говорила, все равно ничего не изменишь.

— Вы патрулируете улицы не просто так, капи-

тан. Вы же знаете, сколь значителен в последнее время рост особо опасных преступлений. — Она чувствовала за всем этим руку Ариенрод; читала в глазах КерлаТинде обвинение в свой адрес, в адрес комиссара полиции ПалаТион. — Грядет окончательная эвакуация, и штат нам расширять никто не собирается. Так что придется вам все-таки патрулировать улицы, пока последний корабль не будет готов к отлету с Тиамат. Мы должны обеспечить порядок!

— Но старший инспектор Мантаньес…

— Мантаньес — пока что не глава здешней полиции, черт побери! Этот пост занимаю я! — Голос у нее сорвался. — И мои приказы должны выполняться! А теперь убирайтесь из моего кабинета, капитан, пока я не сделала вас лейтенантом.

Оливковое лицо КерлаТинде потемнело от возмущения. Он удалился, хлопнув дверью. Так, ну вот и еще одна неразрешимая проблема. Она совершила еще одну идиотскую, глупейшую ошибку.

Ничего удивительного, что они меня ненавидят. Она и сама себя ненавидела сейчас, тупо уставившись в стену — единственную защиту от враждебности, буквально излучаемой ее подчиненными. В стене из непрозрачного стекла слабо

маячило ее собственное отражение, похожее на голограмму или на привидение и словно искаженное *лживой* атмосферой, царившей вокруг. Где прежняя Джеруша ПалаТион, нормальная женщина, нормальный человек? Ее будто подменили, она превратилась в старую ведьму с истрепанными нервами, параноидальными заблуждениями и острым как бритва языком. Кого, черт побери, она пытается обмануть? То была ее собственная ошибка, она не сумела справиться с работой, она потерпела поражение… нет, женщины — это низшие существа, слабые, слишком эмоциональные. Самки, одним словом. Джеруша откинулась на спинку кресла, изучая собственное тело и приходя к выводу, что даже тяжелая полицейская форма не в состоянии скрыть полностью ее женскую сущность. Ведь не хватило же у нее духу признать, что ошибка была допущена ею самой, а не явилась следствием какого-то дикого заговора Снежной королевы. Ничего удивительного, что она стала всеобщим посмешищем.

И все же… она совершенно определенно видела, что та девочка с Летних островов — двойник королевы! И видела, как разъярилась Ариенрод, узнав, что девочка исчезла. И видела, как ЛиуСкед барахтался в собственном дерьме — и не была для

того никакой мыслимой причины, кроме мести Ариенрод. Нет, это вовсе не она сходит с ума! Это королева систематически, упорно отнимает у нее рассудок.

Но с этим ничего поделать нельзя; ничего! Она уже все испробовала. Спасения не было; пришло только ужасное понимание того, что ее карьера, ее будущее, ее вера в собственные возможности неудержимо рушатся. Ее карьера!.. Отчет о ее пребывании на посту комиссара полиции будет представлять собой один долгий перечень просчетов и жалоб. Конец их пребывания на Тиамат станет концом всего, ради чего она работала, к чему всегда стремилась. Ариенрод уничтожала ее, — не так быстро, как ЛиуСкеда, но давая ей почувствовать все этапы агонии.

И Ариенрод прекрасно знала: Джеруша будет продолжать свою работу даже наперекор собственной судьбе — как поступала всегда, всю жизнь. Ибо сейчас для нее оставить этот пост и уехать с Тиамат означало бы, что она сдалась, и все ее усилия были напрасны. Разумеется, все пойдет прахом, когда они надолго покинут эту планету; но даже неразрешимая шарада ее мечтаний лучше жизни, совсем лишенной мечты.

Она была не в силах нанести королеве ответ-

ный удар, не могла отомстить ей даже маленькой неприятностью. Чисто случайно ей удалось сорвать один из заговоров, устроенных Ариенрод во имя сохранения собственной власти на планете. Однако она не получила тогда даже мимолетного удовлетворения. Богам известно, с тех пор она не нашла ни одного ключа к тем новым заговорам, которые, несомненно, плела Снежная королева… Джеруша была уверена, что готовится очередной план захвата власти, однако не знала, сможет ли на этот раз Гегемония остановить происки Ариенрод. И этот проигрыш будет венчать крах ее собственной полицейской карьеры.

Но время пока еще есть. Сражение со Снежной королевой не закончено, просто нужно немного оглядеться, подумать…

— Ты слышишь меня, сука? Я еще доберусь до тебя, клянусь! Ты не успеешь сломить меня, уничтожить, прежде чем я…

Дверь в ее кабинет снова отворилась. Вошел дежурный. Одного взгляда ему было достаточно, чтобы понять: комиссар в полном одиночестве разговаривает сама с собой. Он положил на стол еще несколько коробок с дискетами, посматривая на нее исподтишка.

— Ну, в чем дело? Что это вы высматриваете?

Он отдал ей честь и вышел из кабинета.

Ну вот, пожалуйста, еще одна сплетня для подчиненных! Ей стало не по себе. Откуда тебе знать? Разве можно быть в чем-то уверенной, если действительно сходишь с ума?.. Она потянулась было к дискетам, но тут заметила торчавший из ящичка одинокий листок. Она вытащила его и прочитала первую строчку; СПИСОК ЖАЛОБ… Она скомкала листок. Кто положил его туда? Кто?

Запищал интерком; она молча включила его, не доверяя собственному голосу.

— Радиовызов из дальних поселений, комиссар. Некто по имени Кеннет или что-то в этом роде. Переключить на вас?

Нгенет? Боги, да невозможно же говорить с ним прямо отсюда, нет, только не это… Ну почему, черт побери, он выбрал самое неудачное время, почему вообще еще помнит о ней?

— Да, комиссар, здесь еще инспектор Мантаньес…

— Переключите вызов на меня. — Но что, черт побери, я скажу? Что? — И попросите Мантаньеса… — Она стиснула зубы. — Попросите инспектора Мантаньеса подождать.

Она услышала в динамике потрескивание грозовых разрядов, и знакомый, хотя и искаженный

расстоянием голос произнес:

— Алло? Здравствуйте, Джеруша!..

— Здравствуйте, Миро! — Вдруг стало необычайно приятно вспомнить, что и с тобой кто-то может говорить радостно, охотно… Она понимала теперь, как много дала ей дружба с ним, как много простой человеческой теплоты… — Боги, как хорошо услышать вас снова! — Она улыбалась, нет, она действительно по-настоящему улыбалась!

— Ничего не слышу!.. Очень плохо сигнал проходит! Как вы?.. Приезжайте ко мне на плантацию снова… день или около того? …времени прошло с тех пор, как вы приезжали ко мне в гости?

— Я не могу, Миро. — Сколько же времени прошло с тех пор — наверно, несколько месяцев! — как она приняла его приглашение; с тех пор, как даже просто разговаривала с ним; и уже много месяцев она ни дня, ни часа не потратила на то, что могло бы заставить ее просто улыбнуться. Она не могла, не могла себе этого позволить.

— Что? Что вы сказали?

— Я сказала, я… я… — Она снова увидела собственное отражение в зеркальной стене; лицо казалось измученным, похожим на лицо заключенного в одиночную камеру. Панический ужас

ощутимо коснулся ее волос своими расплывающимися как дым ледяными пальцами. — Да! Да, я приеду! Сегодня.

Глава 22

— Ну что, простофили, вот вы и остались с носом! — Тор двинулась назад, надеясь, хоть и не особенно, на переменчивую благосклонность фортуны. Невольно обнажив больше собственной плоти, чем это было допустимо, она продралась сквозь толпу. На голове у нее покачивалась золотом шитая шапочка — сверкающий диск космического корабля и дождь метеоритов, — прижимавшая к голове пышный парадный парик. Блестящая ткань платья сверкала, точно пламя газовой горелки; участки обнаженного тела казались в сумеречном свете мертвенно-бледными, даже чуть лиловатыми.

Толпа свистела и негодующе вопила ей вслед. Как ей и было велено хозяином, она рискнула сыграть сегодня сама, проиграв ровно столько, (и отыграв на столько же больше), сколько было нужно, чтобы убедить всех в том, что игра здесь ведется честно. Простофили! Автоматы вообще играли довольно честно — что ее весьма удивля-

ло. Они были настолько сложны, что обычный человек не мог и надеяться перехитрить их. Когда Тор вспоминала, сколько раньше пускала на ветер времени и денег — так же безалаберно и глупо, как любой из этих сбрендивших от вина и наркотиков людишек, — то лишь с отвращением трясла головой. И все-таки дела сейчас у нее шли в общем-то неплохо; теперь она уже знала правила, позволявшие ей тайно контролировать доходы заведения.

Нет, теперь было совсем не то, что прежде, — свое казино, отличный бизнес, и сама она — ширма номер один для Сурса. Она считалась официальной хозяйкой «Ада Персефоны», без сомнения самого популярного из злачных мест Карбункула, где имелись самые хитроумные игральные автоматы. Кроме того, она участвовала еще в кое-каких, незаметных для глаз непосвященного, делишках, повинуясь Сурсу — самому главному воротиле межпланетного подпольного бизнеса. Пользуясь поддержкой Снежной королевы и действуя в ее интересах, наиболее активные из подданных Ариенрод служили ширмой для ее незаконных сделок с инопланетянами, а потому и сами могли действовать практически безнаказанно, не опасаясь ни полиции, ни сотрудников

Межгалактического Кордона. Тор, например, арестовывали четыре раза, пока она не заслужила полного доверия Сурса; но с тех пор, когда она попадала в руки королевской стражи, ее просто отпускали.

— Эй, Поллукс!.. — Она украдкой глянула в сторону танцующих — там, из-за занавесей со вделанными в них крошечными зеркалами появился инопланетянин, ведя за руку зомби, и нажала кнопку у себя на браслете, чтобы робот наверняка расслышал ее команду в оглушительном грохоте музыки. Поллукс тут же возник у нее за плечом — такой надежный, металлический, крепкий. — Вон — только что вошел очередной извращенец, так ты покажи ему, где дверь. Нам тут эти дела ни к чему. — Сама она старалась не смотреть ни на извращенца, ни на его спутника-зомби, так что не разглядела, мужчина он или женщина. Один только вид этих зомби вызывал у нее тошноту, но еще более противно было смотреть на мерзавцев, которым доставляет удовольствие пользоваться живыми людьми для своих паскудных развлечений.

— Как скажешь, Тор. — Поллукс двинулся прочь с неотвратимостью танка. Он был куда лучшим вышибалой, чем все те мужчины, что работали

здесь до него; Тор уже давно внесла деньги за его аренду на неопределенно долгий срок.

В итоге все получилось отлично… просто удивительно. Даже Герне… Она облокотилась о край полукруглого столика. Странный, поглощающий свет угольно-черный материал, из которого был сделан столик, казалось, высасывал тепло из ее тела; она вздрогнула и выпрямилась. На другом конце зала Герне присматривал за автоматами, продающими напитки, курево и наркотики. Она действовала с дальним прицелом, посадив его за стойку бара: там посетители готовы были оставить не только свои сбережения, но и доброе имя и выбалтывали друг дружке любые секреты, прямо-таки наизнанку выворачивались — самое оно Герне послушать. А потом рассказать ей. Она же передавала собранную Герне информацию Спарксу, который глотал ее с жадностью алкоголика.

Разве можно было предположить, что в тот день, когда Спаркс чуть не удушил ее в переулке у мастерской Фейт, судьба ее переменится подобным образом? Однако при поддержке ловкого и сообразительного Герне с одной стороны, а с другой — Спаркса, обладавшего связями при дворе, она сделала карьеру куда быстрее, чем в самых

смелых своих мечтах.

— Эй, Персефона, детка, Сурс тебя требует. — Ойярзабал, один из подручных Сурса, вдруг вырос прямо у нее за спиной. Он обнял ее сзади, и руки его зашарили в опасной близости от ее груди, едва прикрытой соблазнительным вечерним платьем.

Она еле удержалась, чтобы как следует не врезать ему локтем в живот. Она давно научилась изображать фальшивую страсть и вообще всячески притворяться, хотя это далось ей и не без труда.

— Осторожней! Смотри, браслет не задень, не то включишь сигнальное устройство. — Она оттолкнула Ойярзабала, но не слишком сильно. Он в общем-то был совсем сопляком, ничтожеством, и ему явно льстило, что эта шикарная женщина, проплывающая по залам казино, считается его любовницей; да она и сама не слишком старалась разубедить его на сей счет. Сын фермера с Большой Голубой, он был довольно привлекателен внешне, хотя и несколько грубоват, и в целом походил на мальчика-переростка. Она переспала с ним несколько раз, и нельзя сказать, что была так уж разочарована. Ей даже представлялась забавной идея окрутить его прежде, чем начнется

окончательная эвакуация инопланетян.

— Ну, а как насчет того, чтобы потом позабавиться, милашка?..

— Сегодня я занята, — отрезала она прежде, чем он успел снова облапить ее; потом решила все-таки одарить его улыбкой. — Завтра поговорим, хорошо?

Он гнусно ухмыльнулся. Зубы у него были инкрустированы бриллиантами. Она покачала, головой и отвернулась.

Пробравшись сквозь толпу, она отперла потайную дверцу, что вела в покои Сурса, и оказалась в его отлично охраняемой приемной — сторожами здесь были не только люди, но и различные хитроумные механизмы. Убедившись в том, что Герне родом с Харему, она попросила его научить ее подслушивать тайные переговоры Сурса. Но Герне совсем не разбирался в электронных сторожах, и она, в конце концов, поняла, что отнюдь не всем уроженцам Харему с малых лет дано уметь превращать железную руду непосредственно в компьютер. Пришлось удовлетвориться простым наблюдением и примечать, кто и когда посещает Сурса, лишь подозревая о целях этих визитов.

Сама она встречаться с Сурсом не очень-то любила. Дверь в его кабинет открылась сама,

стоило ей приблизиться; она уже научилась не удивляться подобной «предусмотрительности» и вошла. И тут же отчаянно заморгала и остановилась: там было так темно, что ей показалось, будто она вдруг ослепла. Неведомые благовония наполняли воздух удушливым ароматом. Она подняла было руку, чтобы протереть глаза, но вовремя остановилась — побоялась стереть великолепные цветы, нарисованные на веках. Потом глаза немного привыкли, и на фоне красноватой задней стены появился темный силуэт Сурса. Большего ей никогда видеть не позволяли.

Ойярзабал говорил ей, что у Сурса какое-то заболевание глаз и он не выносит света. Она не знала, стоит ли верить этому; может быть. Сурс просто скрывает свое лицо. Порой, когда она немного привыкала к слабому красноватому свечению, исходившему от стены, она начинала думать, что лицо у Сурса, возможно, сильно обезображено. Но и в этом уверена быть не могла.

— Персефона? — Сурс говорил каким-то свистящим шепотом. И опять же она не была уверена, что это его настоящий голос. В нем слышался слабый акцент, который, впрочем, ни о чем не говорил ей.

— Я, хозяин. — Он любил, когда его так назы-

вали, но здесь, в темноте, это слово приобретало новый, зловещий смысл. Она неловко поправила парик, чувствуя, что голова чешется от волнения. Он отлично видел в темноте — это она знала и каждый раз вынуждена была терпеть, пока он не закончит ее рассматривать.

— Повернись кругом.

Она повернулась на плотном мягком ковре; в голове вдруг мелькнуло: а может, у него кожа какого-нибудь странного цвета, хотя больше похоже, что он просто черный…

— Да, теперь уже значительно лучше… мне определенно нравится… Ты, разумеется, никогда не станешь красавицей, но уже немного научилась не придавать этому решающего значения. Ты вообще многому научилась, Персефона. Я и не думал, что ты сделаешь такие успехи.

— Да, хозяин. Спасибо, хозяин. — Она не говорила ему, что разрешила Поллуксу выбирать для нее платья и косметику. Беспристрастные суждения Поллукса о моде были отличной подсказкой при выборе одежды такого покроя и фасона, который скрадывал ее физические недостатки. В парике и сильно накрашенная, она теперь вполне способна была как-то скрыть свою неистребимую заурядность, — С другой сторо-

ны, разве можно сравнивать живого человека с абсолютным идеалом, да еще без ущерба для сравниваемого?.. — В голосе Сурса слышалась мечтательность; вздохнув, он немного помолчал, и секунды эти показались Тор часами. Однажды, когда ей разрешили зажечь крохотную красную лампочку, чтобы прочитать список данных Сурсом указаний, она успела мельком заметить на столе фотографию и на ней — лицо женщины поразительной, неземной красоты; вокруг головы ее туманом вились волосы цвета слоновой кости, уложенные в золоченую сетку. И Тор, внезапно почувствовав неловкость, догадалась, почему ей, как и ее многочисленным предшественницам, велено носить парик такого же цвета и почему в названии казино и у всех его хозяек одно и то же имя — Персефона. Ее тогда потрясло, что такой делец, как Сурс, испытывает безумную страсть — а возможно, и ненависть — к обыкновенной женщине. Но благодаря этому она вдруг почувствовала в нем что-то человеческое и даже ощутила себя пусть отдаленным, но все же в какой-то степени объектом этой безумной страсти. Впрочем, она никогда бы не осмелилась сказать это вслух — слишком щедрым было вознаграждение за молчание.

— Как выручка сегодня?

— Отлично, хозяин. Сегодня в Звездном порту получка, так что у нас не протолкнуться.

— Удачной ли оказалась последняя сделка? Богат ли… ассортимент? Все ли заказчики удовлетворены?

— Да, встреча с Кунабарабраном была именно там, где вы и сказали, и все товары получены. Сегодня ассортимент у нас чрезвычайно богат. — Она была уверена, что он уже знает заранее все ответы, так что всегда отвечала честно. Он не просил ее лично заниматься всеми его поручениями, но не возражал против ее участия в сделках, связанных с наркотиками, — она всегда сохраняла трезвость ума и могла ответить за последствия. Сурс наблюдал за ведением дел как бы издали, сам принимая участие во множестве других, тайных и опасных сделок; иногда таких, о которых она боялась даже думать. Но всегда находился кто-то, кто ничего такого не боялся.

— Хорошо… Сегодня вечером я жду исключительно важного гостя. Позаботься о том, чтобы внутренняя гостиная была соответствующим образом подготовлена. Она будет у боковой двери ровно в полночь. Смотри, чтобы ей не пришлось ждать.

— Да, хозяин. — Она? В подпольном мире было не так уж много женщин, которых Сурс удостаивал своим вниманием.

— Это все, Персефона. Ступай назад, к своим гостям.

— Благодарю вас, хозяин, — ответила она еле слышно. Дверь снова открылась сама собой, пропуская ее, и она зажмурилась, когда в глаза ударил слепящий белый свет. Дверь аккуратно щелкнула у нее за спиной. Она вздохнула с облегчением. Нет, она отнюдь не была обижена тем, что Сурс находил ее крайне непривлекательной. Она вообще не могла на него обижаться: он был величиной, совершенно несопоставимой с остальными, и при общении с ним где-то в глубине души у нее постоянно таился страх — так, несмотря на все разумные доводы, ребенок боится темноты.

* * *

Ариенрод последовала за укутанной в темный плащ Персефоной во внутренние покои Сурса. Издалека до нее доносился приглушенный шум казино и еще какой-то странный пульсирующий звук, порой казавшийся просто вибрацией, но проникавший прямо в сердце, словно рука

смерти. Отлично, думала она, вот поистине поучительное зрелище. А сколь безгранична власть Сурса над этим бездумно веселящимся сбродом!.. И где-то здесь, в полутемных коридорах, его логово…

Персефона остановилась перед одной из многочисленных дверей в длинном коридоре, ничуть не отличавшейся от остальных, и пропустила гостью вперед. Ариенрод подошла ближе, и Персефона прижала ее руку к незаметной глазу панели — специальному сигнальному устройству. (Можно подумать, что верные псы Сурса до сих пор их не заметили!) Потом Персефона склонилась перед Ариенрод с почтительным достоинством и удалилась по коридору в сторону игральных залов. Ариенрод была уверена, что эта женщина узнала ее; интересно, что бы она сказала, если б знала, что ее королеве она сама тоже отлично известна как шпионка Спаркса?

Но дверь передней уже отворилась; внутри царила непроницаемая тьма, и Ариенрод пришлось выбросить из головы все посторонние мысли. Она набросила на голову капюшон серого, как тень, плаща и отважно шагнула вперед, не дожидаясь, пока ее пригласят войти. Но стоило ей перешагнуть порог, как дверь у нее за спиной

снова плотно закрылась, как бы запечатав ее в абсолютно лишенном света пространстве. Ужас вдруг сжал ей сердце своей тяжкой рукой — как и всегда здесь. Вдруг стало трудно поверить, что, переступив порог, она не очутилась мгновенно на чужой планете, в ином мире, в безжалостных сетях того подпольного бизнеса, который, как ей казалось, она держала под контролем… Может быть, она выбрала неверный путь?.. Ее электронные шпионы, способные проникнуть в каждую щель, сюда доступа не имели; это место охранялось куда более могущественной и мудреной аппаратурой. А всепоглощающая тьма так и старалась смять ее волю, уничтожить самообладание… Ариенрод стояла в оцепенении, пока не обрела способности что-то видеть. Темнота… Прекрасно придумано! Жаль, мне самой это в голову не приходило…

— Ваше величество, вы оказали мне большую честь своим визитом. — Надтреснутый голос Сурса (похожий на голос мертвеца?) прошелестел от стены напротив; в нем чувствовался какой-то странный акцент. — Пожалуйста, садитесь, чувствуйте себя как дома. Совершенно недопустимо, чтобы хозяйка Тиамат стояла.

Ариенрод заметила, как подчеркнуто он

произнес это «хозяйка», словно намекая на ее варварское прошлое. Она ничего не ответила и, спокойно пройдя вперед, села в глубокое мягкое кресло, стоявшее напротив Сурса, через столик. С самой их первой встречи, когда она вынуждена была чуть ли не ползком пробираться в полной темноте, она перед визитом к нему непременно надевала контактные линзы с вмонтированным в них микроскопическим прибором ночного видения. Таким образом, она обретала способность не только нормально ориентироваться, но и видеть неясные очертания фигуры самого Сурса. Впрочем, как она ни старалась, разглядеть черты его лица не могла.

— Может быть, вы хотели бы развлечься, ваше величество? У меня имеется широчайший выбор любых чувственных наслаждений, если вам будет угодно… — Он сделал широкий приглашающий жест, однако сама рука его была видна неясно.

— Не сегодня. — Она никак не называла его, не говоря уж о слове «хозяин», употребления которого он требовал от всех остальных своих клиентов. — Я никогда не мешаю дело с удовольствием, разве что в исключительных случаях. — В этой темноте все ее органы чувств, а не только

зрение, были чрезвычайно напряжены.

Сурс хрипло захихикал.

— Как жаль! Пустая трата… разве вам никогда не хотелось узнать, чего вы лишаете себя здесь?

— Напротив, — она держалась с прежним холодным достоинством, — я никогда и ни в чем себе не отказываю. Именно поэтому я так давно являюсь королевой этого мира. И именно поэтому пришла сюда. Я намерена остаться королевой Тиамат и после того, как вы и прочие паразитирующие на наших богатствах инопланетяне в очередной раз исчезнете. Но для достижения поставленной цели мне приходится прибегать к вашей сомнительной помощи чаще, чем прежде. Чем хотелось бы.

— Ах, вы так деликатны, ваше величество… Разве может мужчина в чем-то отказать вам? — Точно железом по цементу поскребет. — Так каковы же ваши намерения?

Ариенрод оперлась локтем об удивительно мягкий подлокотник кресла. Точно живая плоть. Такое ощущение, что это живая плоть.

— Я хочу, чтобы во время Фестиваля случилось кое-что, способное создать панику, хаос… За счет островитян, разумеется.

— Возможно, что-то вроде несчастья, выпав-

шего на долю бывшего комиссара полиции? В значительно большем масштабе, конечно. — В голосе Сурса не чувствовалось ни малейшего удивления; она сочла это одновременно и добрым знаком, и чем-то опасным для себя самой. — Может быть, наркотики в системе водоснабжения?

Но почему его спокойствие должно меня волновать? Ведь идея принадлежит полностью мне самой.

— Никаких наркотиков. Это повредит гражданам Зимы, а я не хочу, чтобы они пострадали. Зима должна по-прежнему править планетой. Нет, я думаю, лучше что-то вроде небольшой эпидемии… заболевания, от которого у большей части жителей Зимы сделаны прививки, а у островитян никакого иммунитета нет.

— Понятно… Да, такое устроить можно. Хотя я, разумеется, нанесу весьма сильный ущерб интересам Гегемонии, предоставив вам возможность удержать власть. Мы прежде всего заинтересованы в том, чтобы удержать этих дикарей на прежнем уровне развития, когда временно покинем Тиамат.

— Ну, высокие интересы Гегемонии вы вряд ли разделяете. Вы преданы ей не более, чем я. — Аромат благовоний в этой комнате был слишком

силен — казалось, с их помощью стараются заглушить какой-то совсем иной запах…

— Наши интересы совпадают в том, что касается «живой воды». — Было похоже, что он улыбается.

— Раз так, назовите вашу цену. У меня слишком мало времени, чтобы тратить его понапрасну. — Она сказала это резким тоном; ей надоела бессмысленная чопорная церемонность.

— За это я возьму добычу трех Королевских Охот.

— Трех? — Она усмехнулась, надеясь скрыть испытанное ею облегчение: он просил даже меньше, чем она рассчитывала.

— А сколько стоит жизнь Снежной королевы, ваше величество? — В голосе Сурса теперь почти физически ощутима была та тьма, что окружала их; Ариенрод постаралась припомнить все, случайно услышанное здесь, пытаясь компенсировать невозможность увидеть выражение его лица. — Я уверен, полиции будет весьма любопытно узнать о ваших планах относительно судьбы этой планеты. Геноцид — очень серьезное преступление, ваше величество, особенно по отношению к собственному народу. Впрочем, когда женщине предоставляется возможность править

миром… Вы ведь знаете, в Гегемонии более нигде нет правителей-женщин. Зато на многих планетах существует такая власть, которая способна сломить даже вашу самоуверенность, Ариенрод.

Она стиснула пальцы, почувствовав чудовищную, неожиданно прорвавшуюся и давно сдерживаемую им ненависть к ней — словно в приоткрывшуюся щель стало видно, что ненависть эта раскалена добела и светится недобрым светом под пологом вечной тьмы. Она вдруг поняла, какой именно запах пытаются здесь скрыть с помощью благовоний: запах тяжелой болезни… или разложения… Но он не осмелится!

— Не угрожайте мне, Тханин Джаакола. Я не боюсь вас, хоть вы и были когда-то работорговцем с Большой Голубой; и именно вы ответственны за большую часть бедствий, постигших семь планет Гегемонии. — Она специально давала ему понять, что тоже располагает кое-какой информацией. — Но пока не наступила Смена Времен Года, эта планета принадлежит мне, и вы, Джаакола, процветаете здесь только потому, что я позволяю вам это. Что бы ни случилось со мной, то же самое случится и с вами, ибо вы тут же утратите какую бы то ни было защиту перед лицом закона. Я уверена, существует множество

таких мест, которые и вам самому кажутся отвратительными. — И я уверена, ты никогда, ни на мгновение не забываешь об этом! — То, о чем я прошу вас, разумеется, связано с риском, но, в общем, не так уж и трудновыполнимо. Я полагаю, что при вашем разнообразии средств вы легко справитесь с этой задачей. Я отдам вам всю добычу последней Охоты… Это безусловно хорошая цена — как для вас, так и для любого другого.

В темноте слышалось дыхание Сурса, а тишина вокруг стала физически ощутимой. Ариенрод старалась не дышать. В конце концов, ей показалось, что он слегка кивнул и промолвил:

— Хорошо, я все устрою. За ту цену, о которой мы только что договорились. Мне будет приятно представлять себе, как вы правите Тиамат после того, как мы покинем эту планету, и после того, как вы лишитесь «живой воды», способной сохранить вам молодость. А ведь Карбункул после нашего ухода… будет совсем иным — вы же не можете не понимать этого. Совсем, совсем иным! — Его смех напоминал звук лопнувшей резинки.

Ариенрод без дальнейших комментариев встала и пошла к двери. Однако, лишь повернувшись к нему спиной, она позволила себе нахмуриться.

— Куда, черт побери, ты собралась?

Тор с виноватым видом оглянулась: голос Герне донесся до нее с другого конца коридора. Она только что вышла от него. Он занимал комнату в той части казино, где проститутки принимали своих клиентов. В этот предутренний час коридор был пуст; казино закрыто на короткий перерыв; обслуживающий персонал мог отдохнуть и прийти в себя.

Тор повернула назад, ступая медленно и осторожно, и остановилась возле его двери, пристально на него глядя. Герне тяжело опирался о косяк, его беспомощные ноги были упрятаны в неуклюжие, снабженные моторчиком металлические клетки, позволявшие ему кое-как передвигаться в помещении. В короткой рубахе нараспашку он выглядел почти неприлично. Она нахмурилась.

— Мне предстоит одна неприятная встреча. Деловая. А тебе-то что?

— Деловая? В таком платье?

Она посмотрела на себя как бы со стороны: ее собственное, страшно утомленное лицо скрыто под ярким макияжем, хотя все-таки заметно, что она устала. Ей осточертело притворяться! И ужасно хотелось бы увидеть в зеркале свои собственные, мышиного цвета некрасивые воло-

сы, вечно спрятанные под пышным золотистым париком.

— А почему бы и нет?

— Ну конечно! Только и умеешь, что выпендриваться. — Он с отвращением сплюнул и запахнул рубашку. Глаза его налились кровью, лицо отяжелело, опухло от усталости или от наркотиков, а может, от того и другого вместе.

— Если бы я старалась одеться так, чтобы свести тебя с ума, то вряд ли получила бы хоть какую-то отдачу. — Она заметила, как зло он поджал губы, и почувствовала удовлетворение. Даже время не заставило ее полюбить его. И никогда не заставит. Сейчас она шла на свидание со Спарксом, а вовсе не с любовником. К Спарксу она тоже не питала теплых чувств; пожалуй, его она любила даже меньше, чем Герне. Трудно было представить себе, что Спаркс когда-то был испуганным мальчишкой с Летних островов, которого она подобрала в одной из аллей нижних ярусов. Она сама внешне очень изменилась с тех пор, изменилась настолько, что порой с трудом узнавала собственное лицо; но понимала, что стоит ей сбросить этот маскарадный костюм и стереть краску с лица, и все будет по-прежнему. Но ей тяжело было видеть, как то, что делало Спаркса

самим собой, делало его человеком, медленно гибнет под напором чего-то, людям совершенно не свойственного…

— А ты какого черта тут торчишь? Шпионишь! — набросилась она на Герне. — Ты учти, шпионить надо для меня, а не за мной! Прочисти мозги да ступай немного поспи. Как ты, интересно знать, работать будешь, если уже почти сутки на ногах? — Ей самой ужасно хотелось бы сейчас очутиться в своей уютной элегантной квартирке наверху, а вовсе не тащиться куда-то для малоприятной встречи с этим Покорителем Зари.

— Я не могу уснуть. — Он опустил голову и потерся щекой о плечо. — Я теперь уже и спать как следует не могу. Все это сплошная вонючая… — Он вдруг умолк, резко вскинул голову и посмотрел на Тор, словно безнадежно пытаясь отыскать в ее лице что-то очень важное. Потом снова посуровел. — Отцепилась бы ты от меня…

— Я-то отцеплюсь, только ты тогда тоже отцепись. От наркотиков. — И она двинулась дальше по коридору.

— Какого черта она-то здесь делала нынче ночью? — долетел до Тор голос Герне.

Тор снова остановилась, поняв, что он узнал женщину, которая приходила в полночь к Сурсу.

Ариенрод, Снежная королева. Королева была с ног до головы укутана в тяжелый плащ, как и сопровождавшие ее люди, но Тор родилась здесь и достаточно хорошо знала свою королеву. Ее удивило, впрочем, что и Герне, как это ни странно, тоже сразу узнал ее и к тому же заинтересовался, зачем она приходила сюда.

— Она приходила повидаться с Сурсом. А то, что мы с тобой думаем насчет их общих дел, — не более чем догадки.

Он злобно усмехнулся.

— Я способен догадаться, что ничего такого они не делали. Просто скоро последний Фестиваль; последний для Ариенрод. И может быть, ей очень не хочется отдавать все это островитянам. — Он снова улыбнулся, — ледяной, хищной улыбкой, полной, тем не менее, какого-то непонятного восхищения.

Тор так и застыла: ей вдруг стало ясно, что даже Смена Времен Года не является в этом мире такой уж неизбежной реальностью.

— Она обязана — так было всегда!.. Иначе может случиться война или что-нибудь в этом роде. Жители Зимы всегда мирились с неизбежностью перемен, когда к власти приходила королева Лета…

Герне насмешливо фыркнул.

— Только такие, как ты, мирятся с неизбежностью! Такие, как Ариенрод, всегда поступают по-своему. Вот ты согласилась бы отдать все, просидев на троне сто пятьдесят лет? Если бы ты могла заглянуть в архивы! Тогда бы ты знала, что ни одна из Снежных королев никогда не мирилась с наступлением Лета! Но ни одной не удалось навсегда закрепить власть Зимы на Тиамат. Ни одной!

— Тебе-то откуда об этом известно, инопланетянин? — Тор только рукой махнула, не желая даже говорить на подобную тему. — Это не твоя планета. И Ариенрод — не твоя королева.

— Теперь моя. — Он вскинул голову, но Тор уже уходила. Тогда он тоже повернулся, чтобы исчезнуть в глубине своей комнаты. — Она всегда была и будет единственной моей королевой.

Глава 23

Время плывет назад… Мун снова висела в прозрачном коконе перед пультом управления космическим кораблем, похожим на монетку. Все было точно так же, как и тогда… даже переворачивающее душу зрелище Черных Ворот на

экране. Как если бы первого Перехода не было вообще, Как если бы она никогда не ступала на чужую планету, не припадала к новым источникам знаний под руководством мудрого чужеземца, который в ее прежнем мире вообще не имел бы права на существование. Как если бы она — в один-единственный роковой миг — не потеряла целых пять лет своей жизни.

— Мун, дорогая… — Откуда-то сверху до нее долетел неуверенный голос Элси; она звала ее мягко, но настойчиво. Прозрачная оболочка кокона мешала ей взглянуть Элси в лицо; порой ей было тяжело дышать, а может, просто сказывалось чрезмерное напряжение. Она зажмурилась, почувствовав, как весь корабль задрожал; она понимала неизбежность их гибели, если только… Она быстро открыла глаза, чтобы услышать ужасный приговор и встретить смерть лицом к лицу…

Но Черные Ворота ничем не напоминали лик Смерти — это было чисто астрономическое явление, «дыра» в пространстве, проткнутая в самом начале времен и все больше сама в себя проваливающаяся. Причина ее возникновения коренилась как бы в другой действительности, в той бесконечности времени и пространства,

которая, возможно, была раем для черных ангелов — умирающих солнц этой тьмы. Вокруг непознаваемой сердцевины Черных Ворот материя закручивалась в бурном водовороте, всасываясь в колодец чудовищной гравитации. Между внешним миром, который Мун хорошо знала, находящимся за пределами «черной дыры», и внутренним миром этого удивительного и чудовищного явления была некая зона, где бесконечность оказывалась достижимой, где пространство и время как бы меняли свои полюса, и можно было передвигаться, не завися от законов нормального пространства-времени. Этот странный лимб был, точно ходами червей, изрешечен некоей первородной «шрапнелью» — обломками взорвавшихся планет, погибших в тот период, когда новая вселенная нарождалась среди грохота и вспышек огня. Имея определенные знания и соответствующее оборудование, люди могли проскользнуть, подобно мысли, из одного конца познанной Вселенной в другой, воспользовавшись проходом в Черных Воротах.

Даже космические корабли Старой Империи, способные развивать гиперсветовую скорость, пользовались Черными Воротами для того, чтобы мгновенно преодолевать немыслимые расстоя-

ния в межгалактическом пространстве. Однако теперь, когда ближайший источник того редкого элемента, который необходим был для создания подобных кораблей, находился слишком далеко, в иной солнечной системе, в тысяче световых лет от планеты Харему, ее корабли не могли долететь туда ни за недели, ни за месяцы, ни за годы. Ах, если бы хоть один корабль, посланный учеными Харему в космическую даль, сумел вернуться!.. Вероятно, его возвращение послужило бы началом новой эры…

Даже наблюдая на экране бесконечное свечение «черной дыры», Мун не могла ни на йоту проникнуть в то, что таилось в ее таинственной глубине, ибо свет, попадавший в эту ловушку, никогда не возвращался обратно. Слепящее сияние, которое она видела на экране, было всего лишь свидетельством предельной отражательной способности этого черного мира: случайно попавшие туда предметы — космические корабли, частички пыли, жизни людей — превращались в нечто красное и вязкое, сублимируясь и существуя как бы на границе времен; превратившись в вечный вопль отчаяния, эхом разносящийся по всему электромагнитному спектру.

Словно молитву повторяла Мун узнанное ею

на Харему о том, что предсказатели являются носителями универсальной информации, накопленной за долгое время существования Старой Империи; она верила в мастерство и мудрость населявших Империю людей, понимая теперь, что при вхождении в Транс попадала не в страну Смерти, а соединялась с немыслимо громадной памятью компьютера.

Она должна выполнить свою задачу! Неудача недопустима. Нет таких ворот, сквозь которые нельзя было бы пройти; нет такой реки, которую нельзя было бы переплыть; даже пространство и время преодолимы, если твердо держаться намеченной цели. Она полностью сосредоточилась на экране, где, заполняя его весь, Черные Ворота раскрывали им навстречу свои объятья. И, наконец, выговорила те слова, которые прежде так легко и привычно срывались с губ:

— Ввод информации... — И провалилась во тьму.

* * *

Прекратить анализ... Ее собственный крик, крик сивиллы, и конец Транса — все это пришло к ней как бы издалека; ее точно на золотистых крыльях пронесло по спиралью закрученному

тоннелю, один конец которого был погружен в абсолютную черноту. Чей-то голос продолжал звучать в ее ушах — разрозненные звуки, не имевшие конкретного значения; похоже, то была какая-то песенка и пел ее высокий, пронзительный и совершенно, незнакомый ей голос. Она коснулась руками собственных губ — и лишь благодаря этому движению поняла, что уже может свободно двигать руками, и прижала ладони к щекам, потрясенная этим новым ощущением и тишиной. И только тут почувствовала, как безумно напряжено, как горит все ее тело, каждая мышца и сухожилие после мучительно трудного и смертельно опасного Перехода… Но теперь Черные Ворота остались позади!

Мун открыла глаза, умирая от голода и желания поскорее увидеть свет. И свет вознаградил ее за все — он постоянно усиливался и, наконец, засиял так, что глазам стало больно, и она даже закричала от радости, смешанной со страданием. Сквозь слезы, прикрывая глаза рукой, она разглядела физиономию Силки, висящего перед ней, словно ее собственное отражение в кривом зеркале; она видела, как его перламутровые непрозрачные глаза потемнели от любопытства.

— Силки, это ты! — Кокон больше не разделял

их. — А я-то думала, что вижу саму Смерть… — Она ощупывала собственное тело, с огромным удовлетворением ощущая реальность плоти. Там, в вечных лабиринтах Великого Ничто, она вновь мучилась видениями и примитивными страхами. Как бы лишенная всех чувств, она ощущала себя созданной из этой пустоты; ее плоть, кости, мускулы, кровь… душа — все превратилось в ничто. И Смерть приближалась к ней сгустком еще более плотной тьмы и спрашивала: «Кто владеет твоим телом, плотью и кровью?» И она шептала: «Ты». — «Кто сильнее жизни, воли, надежды и любви?» — «Ты, Смерть». — «А кто сильнее меня?»

И тогда дрожащим голосом Мун ответила: «Я сильнее».

И Смерть отошла в сторону, уступив ей дорогу.

И она устремилась по коридорам времени и пространства — к свету реального дня.

— Я есть! — Она радостно засмеялась. — Посмотри на меня. Силки! Я СУЩЕСТВУЮ! Я есть! — Щупальца Силки вцепились в контрольную панель, потому что Мун чуть было не нарушила драгоценное равновесие падавшего в бездну корабля. — Теперь для меня ничего невозможного нет.

— Да, моя дорогая… — Голос Элсевиер приплыл

к ней сверху, и она подняла глаза. Элси висела в воздухе, прямо у нее над головой; она тоже высвободилась из своего кокона, но двигалась как-то замедленно. — Ты нашла дорогу назад. Я так рада!

Горевшее возбуждением лицо Мун несколько побледнело и посерьезнело при звуках слабого голоса Элси.

— Что с тобой, Элси? — Мун и Силки одновременно поднялись с кресел, точно неуклюжие пловцы, и закрепились страховочными тросами рядом с Элсевиер. — С тобой все в порядке? — Мун потянулась к ней.

— Да, да… все прекрасно. И разумеется, со мной все в порядке. — Глаза Элсевиер были закрыты, на щеках видны серебристые влажные дорожки слез. Она почти грубо оттолкнула протянутую руку Мун; и та не была уверена; были ли эти слезы вызваны болью или гордостью, или и тем и другим сразу — а может, ни тем ни другим… — Ты справилась с этим только благодаря собственному мужеству. Пора и мне набраться мужества, чтобы завершить начатое. — Она открыла глаза и вытерла щеки, словно пробуждаясь от своих, черных и страшных, снов.

Мун посмотрела на экран, где перед ними

больше уже не было Черных Ворот, а лишь красноватыми свечками светились тысячи и тысячи звезд, и среди них — солнца-Близнецы… и где-то совсем рядом было ее родное небо, небо Тиамат…

— Самое страшное теперь позади, Элси. Все остальное будет нетрудно.

Но Элси ничего ей не ответила, и Силки не сводил с нее глаз.

Глава 24

— БиЗед, мне очень не хотелось поручать это тебе, но я и так без конца откладываю… — Джеруша стояла в своем кабинете у «окна», но видела перед собой только глухую стену. Заперта. Замурована.

— Да ничего, комиссар. — Гундалину внимательно слушал ее, сидя в кресле для посетителей; ей была необычайно приятна его доброжелательная готовность помочь. — Если по правде, так я даже рад на время уехать из Карбункула… будет неплохо подышать свежим воздухом, даже если я от него слегка посинею. — Он бодро улыбнулся ей. — Мне на них наплевать, комиссар. Я знаю, что делаю. И я знаю, кто использует личную некомпетентность в качестве предлога… ну, чтобы вы выглядели как можно хуже. — От

негодования не найдя слов, он даже голову понурил. — Но, должен признаться, что общение с теми, кто ниже тебя во всех отношениях, тоже весьма утомительно.

Она слабо улыбнулась.

— Боги свидетели — ты заслужил эту передышку, БиЗед! Даже если зря потратишь время, ловя воров в бескрайней тундре. — Она осторожно поставила локти на стол, стараясь не уронить груду дискет и папок. — Мне бы только не хотелось отправлять тебя в космопорт: я не представляю, как буду управляться здесь одна! — Она потупилась, немного стыдясь того, что вынуждена признать свою зависимость от Гундалину. Однако она была так благодарна ему за безграничную преданность, что промолчать тоже не могла.

Он засмеялся и покачал головой.

— Вам сторожа не нужны, комиссар! Пока вы пользуетесь неприкосновенностью, они вас тронуть не смеют.

О, но я же… да и они тоже… каждый день! Мне необходимы твои слова, твоя поддержка — как солнце необходимо для жизни… Но он никогда до конца не поймет ее. Ну почему, почему у нее нет врожденного чувства превосходства над остальными, которое, в известной степени, специально

культивируют и воспитывают у всех уроженцев Харему? Боги, как было бы замечательно никогда не искать того, кто подтвердил бы тебе правильность твоего поступка! Даже когда она повысила Гундалину в звании, превратив его из сержанта сразу в Инспектора, ему и в голову не пришло, что это сделано по какой-то иной причине, не имеющей отношения к его личным достоинствам и заслугам.

— Что ж, в конце концов, это всего лишь вопрос времени… нескольких месяцев.

— Как и для всего остального, комиссар! О, новый век, приди скорей!.. Еще несколько месяцев, и после Смены Времен Года мы наконец уберемся с этой жалкой, вонючей планетки и забудем о ней навсегда.

— Я стараюсь так далеко вперед не заглядывать, — тупо уставясь в стол, откликнулась она. — Все своим чередом — так я воспринимаю порядок вещей. — Она рассеянно поправила стопку конвертов с петициями.

Гундалину поднялся, в глазах его внезапно вспыхнуло сочувствие.

— Комиссар… если вам понадобится кто-то надежный во время моего отсутствия, попробуйте КрэВье. Он кажется букой, но у него, по крайней

мере, голова работает и он считает, что вы пытаетесь честно выполнять свой долг.

— В самом деле? — Она была удивлена. КрэВье считался среди офицеров полиции ветераном, и уж его-то она в последнюю очередь рассчитывала увидеть среди своих союзников. — Спасибо, БиЗед. Это уже хорошо. — Она улыбнулась, хотя и несколько напряженно.

Он кивнул.

— Ну что ж, мне, наверно, пора паковать вещички, комиссар. Берегите себя, мэм.

— Береги и ты себя, БиЗед. — Она пожала ему руку и долго смотрела на закрывшуюся за ним дверь. У нее вдруг возникло острое щемящее предчувствие, что она видит его в последний раз. Прекрати! Ты что, хочешь беду на него накликать? Она пошарила в кармане в поисках пакетика с йестой, потом двинулась вокруг стола, чтобы снять, трубку звонившего телефона дрожащей от волнения рукой.

Глава 25

Ариенрод сидела с терпеливым видом, сложив руки на мраморной, с прожилками, столешнице, пока последние за этот день просители

— бесконечная вереница местных жителей и инопланетян — бормотали свои предложения, просьбы и жалобы. Самого последнего она вообще слушала вполуха, пока он мучительно подбирал слова чужого языка — наверное, его родиной была планета Н'дойль, — но не предлагала ему перейти на родной ему умик. Она знала и умик, и около сотни других языков и диалектов, выученных за долгие годы правления; но ее забавляло, когда из уважения к ней инопланетянам приходилось говорить на ее родном языке.

Купец нудно продолжал вещать что-то насчет расценок на перевозки, налогов на прибыль и тому подобное. Она обнаружила, что смотрит как бы сквозь него — слишком много она уже их выслушала, таких. Боги, сколько же их? Она вдруг пожалела, что не вела им счет. Знай она, сколько их было в точности, прошлое обрело бы пропорциональность, соотносимость с будущим. А теперь все эти факты ее прошлой жизни потускнели от времени, покрылись пылью, как вещи, которые крайне редко берут в руки; да и само прошлое превратилось в некое неясное пятно, утратило свой смысл. А ведь когда-то она хотела, чтобы каждый новый инопланетянин видел в ней прежде всего не женщину, а короле-

ву; не варварку, а опытного и мудрого правителя государства…

— …Время сейчас… как это, хм, саллак… в переходе?.. переходное?.. И это значит, что торговля вашими солями мне особой выгоды не приносит, так что я и предложить не могу…

— Извините. — Она наклонилась к нему через стол. — Время перелета отсюда до Ци-пун на самом деле занимает на пять месяцев меньше, что исключительно удобно и выгодно для перевозки туда коллоидных растворов наших марганцевых солей.

У купца дрогнула челюсть. Ариенрод ядовито усмехнулась, вытащила дискету из настольного компьютера и бросила ее прямо в протянутые руки своего собеседника. Они, возможно, рассчитывали встретиться здесь с наивной девчонкой? Что ж, когда-то, очень давно, она действительно была такой, но с тех пор прошло слишком много лет.

— Знаете, вы лучше приходите в другой раз, когда более уверенно будете владеть фактическим материалом.

— Ваше величество, я… — он понурил голову, опасаясь глядеть ей в глаза: самонадеянный стареющий щенок! Вон как сразу хвост под-

жал! — Разумеется, вы правы, было глупо… хм, моя оплошность… Я даже представить не могу, как это я так просчитался. Условия, которые предлагаете вы, будут… вполне приемлемыми… я сознаю свою ошибку…

Она снова улыбнулась, но глаза ее оставались холодными.

— Если бы вы имели представление о том, с каким количеством «ошибок» приходилось сталкиваться мне, то, наверное, не стали бы повторять многие из своих собственных. — Она вдруг вспомнила те времена, когда спотыкалась о каждую подобную «ошибку», которые инопланетяне специально «оставляли» у нее на пути. Именно тогда она и была вынуждена прибегнуть к советам своих Звездных Быков и стала пользоваться их знаниями и разнообразной информацией, которую они для нее собирали. Хотя информация эта далеко не всегда удовлетворяла ее… Но с течением лет и десятилетий она научилась ценить и свои ошибки, и те уроки, которые извлекала из подобного печального опыта; память у нее была отличная, и она никогда уже более не повторяла совершенной однажды ошибки. — Ну что ж, раз вы поняли, что заблуждались, то я склонна изменить свое прежнее решение и подписать с

вами договор на перевозку и торговлю. Мало того… — она специально выждала, чтобы он снова с жадным вниманием начал смотреть ей прямо в глаза, впитывая каждое ее слово, — у нас с вами могли бы завязаться некие дополнительные деловые отношения… разумеется, выгодные обеим сторонам. Мне известно, что недавно осуществил посадку торговый корабль, у которого на борту небольшой груз ледоптры; владелец корабля намеревался доставить ее на Саматхе. — И в самом крайнем случае он ее туда и доставит. — На Ци-пун ледоптра, как вам известно, ценится значительно выше. — Хозяину ледоптры тоже это известно, но зато он не знает о наличии в космопорту твоего корабля. — За разумные комиссионные я с удовольствием убедила бы его, что стоит продать всю ледоптру вам.

Жадность вспыхнула в глазах торговца и вместе с ней — сомнения.

— Я не уверен, что у меня… достаточно мощные грузовые стабилизаторы… для такого, хм… нежного, хрупкого товара, ваше величество.

— Вам вполне хватит их мощности, если вы оставите здесь компьютеризированную библиотечную систему, которую везете на Ци-пун.

— Откуда вам… я хочу сказать, это было бы…

хм, незаконно! — задохнулся он.

Что ж, тем больше оснований, чтобы этот источник информации остался здесь, где он действительно необходим.

— Несчастный случай. Просчет. Всякое случается при перевозке товаров из одной галактики в другую. У вас же бывали подобные случаи? Уверена, что да. — Она не была так уж уверена; просто издевалась, видя его растерянную физиономию.

Он промолчал, но какая-то безумная тревога плеснулась в глубине его глаз.

Да, я знаю о тебе все… Я более чем достаточно перевидала тебе подобных за эти сто пятьдесят лет.

— Ледоптра — по всем показателям куда более выгодный груз. А когда вы доберетесь до Ци-пун и обнаружится ошибка, Гегемонии будет уже поздно что-либо предпринимать: Ворота закроются. Все, как видите, очень просто. Даже для вас. Выгода — вот ведь что, в конце концов, важнее всего, не так ли? — А какова выгода для Зимы, если библиотека останется здесь! Знаний ведь ни за какие деньги не купишь. Она улыбнулась про себя, радуясь собственной тайной осведомленности о том, как на самом деле выгодны подобные сделки. В течение долгих лет она постепенно на-

капливала технологии и научную информацию, чтобы бороться с грядущим технологическим голодом.

Торговец кивнул, озираясь по сторонам, как помешанный.

— Да, ваше величество… вы верно сказали…

— Ну, раз так, я позабочусь, чтобы все было устроено наилучшим образом. Можете идти.

Он ушел, ни на чем более не настаивая. Она уставилась в стол, кратко пересказывая суть только что состоявшегося разговора вмонтированному в столешницу диктофону.

Когда она снова подняла голову, в дверях стоял Звездный Бык; глаза его сияли от восхищения.

— Понятно… И это все? — Ариенрод откинулась на мягкую спинку кресла-качалки, стоявшего у ее рабочего стола; кресло знакомо вздохнуло.

— Что значит «и это все»? — Спаркс рассмеялся, но было видно, что он задет. — Я целый день проторчал на Главной улице, с ног сбился, чтобы тебе угодить… Разве я недостаточно приношу разных слухов? Разве у этой легавой суки стало меньше хлопот и она теперь способна справляться с делами? По-моему, я обеспечиваю ее работой так, что она скоро захлебнется!

— Когда-то подобный вопрос вызывал бы у тебя

совсем другую реакцию. — Ариенрод наклонилась вперед и подперла голову рукой. — Спаркс, Покоритель Зари когда-то был готов плыть хоть на край света ради одной моей улыбки и дрожал, стоило мне нахмуриться. Если бы тогда я спросила: «И это все?», он упал бы на колени и стал молить об ином задании, каком угодно, лишь бы доставить мне удовольствие. — Она капризно надула губки, но шутливые слова казались ей острыми бритвами, кромсавшими ее собственную душу.

— И ты смеялась над ним, потому что тогда он был полным дураком. — Руки Звездного Быка в черных перчатках уверенно подпирали бока. Но на этот раз Ариенрод промолчала, предоставив уже сказанным словам сделать свое дело; и через некоторое время руки Спаркса бессильно повисли, взор погас, и он смиренно опустил глаза. — Я теперь такой, каким ты хотела меня видеть, — сказал он тихо, почти шепотом. — Жаль, если тебе это оказалось не по вкусу.

Да… мне это не по вкусу, и мне тоже очень жаль. Когда-то, глядя на него, лежа в его объятиях, она ощущала тепло забытого Лета. Но он и думать забыл о Летних островах, и она больше не видела воспоминаний о прошлом в его переменчивых

зеленых глазах. В них отражалась лишь она сама — Снежная королева, вечная властительница Зимы. Почему я всегда оказываюсь слишком сильной для них? Всегда слишком сильной… Пусть же появится хоть кто-то, кого я не могла бы уничтожить!

— Тебе это не нравится? Тебе жаль, что позволила мне стать Звездным Быком? Но разве я не справился со своей задачей? — От его вызывающего вида и подавно ничего не осталось.

— Нет, не жаль. Это было неизбежно. — Но мне жаль, что это было неизбежно… Она нашла силы улыбнуться, отвечая этому не слишком надежному мальчику, который сам позволил украсть у себя свой собственный голос. — И ты со своей задачей справился очень хорошо. — Слишком хорошо. — Сними свою маску. Звездный Бык.

Он стянул с головы черный шлем с рогами и сунул под мышку. Она улыбнулась, вновь увидев эту копну ослепительно рыжих волос и белокожее красивое лицо, которое оставалось все таким же свежим и юным… нет, не совсем таким же. Уже нет. И не более юным, чем ее собственное лицо. Улыбка в ее глазах погасла, хотя губы еще продолжали улыбаться; она видела, как тут же погасла и его улыбка. Какое-то время они молча

глядели друг на друга.

Наконец он взял себя в руки и потянулся — с кошачьей грацией и силой юного тигра.

— Ты не возражаешь, если я сяду? Такой длинный был день.

— Да-да, конечно садись. Я представляю, как можно устать, когда целыми днями слоняешься по злачным местам и развлекаешься. Да еще так прилежно, как ты.

Он нахмурился и сел в одно из широких, похожих на раскинутые крылья кресел.

— Ужасно надоедает! — Он вдруг заговорил совсем другим тоном и уставился на нее. — Каждая минута кажется годом и все осточертевает, когда тебя нет со мною. — И снова откинулся в кресле, какой-то встревоженный, удрученный, с безнадежным видом теребя иноземную медаль, которая висела у него на груди в вырезе полураспахнутой рубахи.

— Но разве это скучно — заставлять крутиться легавых и ту особу, из-за которой мы оба потеряли Мун? — Ариенрод заставляла себя говорить преувеличенно бодрым тоном, превращая собственную боль в орудие наказания… Вот только кого она наказывала?

— Мне было бы куда веселее видеть резуль-

таты своих трудов, — пожал он плечами. — А эта ПалаТион по-прежнему на самой верхней ступеньке.

— Разумеется. И останется там до своего горького — ох, какого горького! — конца. И каждый оставшийся день, вместо того чтобы одерживать победу за победой, она проживет, словно босиком ступая по битому стеклу… Останься завтра во дворце, и я позволю тебе присутствовать на нашей с ней встрече.

— Не хочу. — Он вдруг потупился. Ариенрод с изумлением увидела, как вспыхнуло его лицо. — Нет, не хочу я ее видеть. — Его руки пытались нашарить в кармашке на ремне, украшенном заклепками, то, чего он давным-давно уже не носил с собой.

— Как тебе будет угодно. Хорошо, правда, если бы ты еще и знал, что тебе угодно. — В голосе ее слышались одновременно и язвительность, и сочувствие. Но Спаркс ничего ей не ответил, и она продолжала:

— Надо отметить, что ПалаТион куда упрямее, чем я ожидала. Такая впечатлительная женщина, на мой взгляд, должна была бы давно уже сломаться. Она, видимо, получает откуда-то поддержку…

— Ее поддерживает Гундалину, один из инспекторов. Остальные его за это ненавидят, но ему на них наплевать; он, видите ли, считает себя лучше всех.

— Гундалину? Ах да… — Ариенрод глянула в свою записную книжку. — Это имя я запомню. И есть еще один инопланетянин, некий Нгенет; у него на дальнем побережье плантация. Насколько я понимаю, ПалаТион ездила к нему в гости. Этакая дружба сомнительного происхождения… — Она пригладила волосы и посмотрела на картину, висевшую прямо за спиной у Спаркса: белая пурга, бушующая над черными обледенелыми утесами и стремящаяся уничтожить и эти горы, и одинокое жилище одного из ее подданных — подданных Снежной королевы. — На его территории ведь Охота никогда не проводилась, верно?

Звездный Бык выпрямился.

— Нет. Он же инопланетянин! Я думал, что мы не имеем права, раз он…

— Ты прав. К тому же, насколько я понимаю, он яростный противник охоты на меров. Но мне интересно: а что, если ты все-таки поохотишься в его заказнике, и ПалаТион не сможет тебя за это наказать?

Он засмеялся; прежней нерешительности как не бывало.

— Хорошая идея! И тем дело и закончится?

— Всего-то день работы. — Она улыбнулась. — И наша последняя Охота даст нам улов в несколько человеческих душ.

— Самая последняя… — Звездный Бык снова откинулся на спинку кресла, переплетя и стиснув пальцы рук. — Ты знаешь, я тут кое-что любопытное слышал. Вроде бы несколько дней назад к Сурсу ночью приходила таинственная гостья. И вроде бы это была ты. А еще говорят, что ты вроде бы не готова смириться с концом Зимы. — Он вскинул на нее глаза. — Ну, каковы слухи?

— Отличные. — Она кивнула, прислушиваясь к тишине, повисшей вокруг. Она была удивлена, но лишь отчасти. Она знала, откуда Спаркс черпает подобную информацию: от Персефоны и Герне. Хорошие источники, вот только странно, что намерения Снежной королевы оказываются настолько очевидными всем ее подданным. Придется повнимательнее следить за этой Персефоной.

— Ну что ж? — Звездный Бык обхватил колени руками. — Может что-нибудь пояснишь мне на сей счет? Или позволишь и дальше считать, что

оба мы отправимся прямиком в море во время грядущего Фестиваля?

— О, ну разумеется, я бы тебе сказала — и очень скоро! Я всего лишь хотела лишний раз услышать, как ты клянешься, что жить без меня не можешь… драгоценная любовь моя! — Она подавила свой гнев с помощью последних трех слов, совершенно неожиданно вырвавшихся прямо у нее из сердца.

Спаркс встал, обошел стол, по краю отделанный серебром, и приблизился к ней. Но она покачала головой и отстраняющим жестом удержала его на расстоянии.

— Сперва выслушай меня. Раз уж ты спросил, я хочу, чтоб ты знал. У меня действительно нет ни малейшего желания становиться покорной жертвой допотопного ритуала и видеть, как все, за что я так боролась, будет уничтожено и следом за мной брошено в море. Такого намерения у меня никогда не было. Клянусь всеми богами, которые никогда не существовали в моем мире, Тиамат не будет отброшена назад в пучину невежества и застоя, когда инопланетяне в очередной раз покинут ее!

— Но как ты можешь остановить все это? Ведь после отлета инопланетян мы утратим свою

технологическую и энергетическую базу, рухнет сама основа нашего могущества… — Ей приятно было услышать это «мы», в котором звучала бессознательная мольба о помощи. — Ведь они специально уничтожат все. И тогда нам будет не удержать наступающее Лето — вместе со Сменой Времен Года неизбежно придет и власть островитян. Тиамат снова станет их миром.

— Да, основательно тебе промыли мозги! — грубо оборвала она его и махнула тяжелой от перстней рукой, как бы указывая на город, раскинувшийся за стеной. — Островитяне вскоре соберутся здесь, в столице, — ведь фестивали всегда проходят на территории Зимы. Нам нужно лишь застать их врасплох… Например, устроить небольшую эпидемию неведомой болезни, от которой мы, жители Зимы, убережемся благодаря чудесам инопланетной медицины.

Лицо Звездного Быка исказилось.

— Ты хочешь сказать… ты могла бы сделать такое? Но ведь непременно…

— Да и еще раз да! Ты что же, все еще так любишь этих невежественных суеверных варваров, что боишься пожертвовать даже несколькими из них ради будущего целой планеты? А ведь они заодно с инопланетянами, и у них есть подпольная

организация, которая стремится подавить нас, жителей Зимы — тех, кто хочет сделать Тиамат полноправным членом Гегемонии. И, одержав победу, они будут править планетой целых сто лет, неужели ты этого хочешь? А не пришла ли и наша очередь побеждать?

— Да, но…

— Никаких «но». И инопланетяне, и дети Лета — разве те или другие сделали для тебя хоть что-то? Нет, все они тебя предали, бросили на произвол судьбы! — Она видела, что ее слова задели Спаркса за живое, попали ему прямо в сердце, которое она так хорошо знала.

— Да, они меня предали. — Рот его был похож на прорезанную ножом щель. — Ты права… они заслуживают наказания — за все, что… сделали. — Руки его стиснули ремень, точно когти зверя добычу. — Но как ты сможешь устроить такое, да еще чтобы легавые не пронюхали?

— Все устроит Сурс. Он уже устраивал для меня самые разнообразные «несчастные случаи»; например, с предыдущим комиссаром полиции, — Она заметила, как изумленно распахнулись его глаза. — Конечно, сейчас масштаб более широкий, но я уверена, что Сурс все сделает как надо, получив добычу той Охоты, которая

станет для тебя самой последней. Он по-своему вполне благородный человек.

— Но ты ведь должна успеть до того, как улетят последние корабли. И значит, легавые все еще будут…

— Во время визита премьер-министра? И перед самым закрытием Черных Ворот? Да они сбегут без оглядки, бросят нас среди этого хаоса, надеясь, что и без них мы кончим тем, что все утонем в море. Знаю я их… Успела изучить за полтораста лет.

Он выдохнул — словно выпуская наружу мучившие его сомнения.

— Да, наверное, ты знаешь их лучше, чем они сами знают себя.

— Я всех людей знаю лучше, чем они сами знают себя! — Она поднялась с кресла, позволив ему, наконец, обвить руками ее талию. — Даже тебя.

— Особенно меня, — выдохнул он ей в ухо и принялся целовать ее прекрасную шею, волосы… — Ариенрод, тебе одной принадлежит мое тело, но я бы и душу свою отдал тебе — если бы ты только согласилась ее взять.

Она коснулась кнопки на столе, открывая дверь, ведущую в спальню, и печально подумала: я уже владею ею, любовь моя.

Глава 26

— Зафиксирован источник теплового излучения, инспектор. Где-то совсем близко! — ТьерПарде прервал свое обычное молчание и казался неожиданно заинтересованным. — Похоже, люди. Вон за поворотом кустарник — как раз есть где спрятаться…

— Интересно, а средства передвижения у них какие? — Гундалину сунул в карман очередную книжку о Старой Империи и наклонился к ветровому стеклу так, что ремень безопасности врезался ему в шею. Ну, наконец, хоть что-то!.. Он вглядывался в снежную даль, выискивая следы тех, кого уже обнаружили приборы. Они шли по этому следу полтора суток, взяв его еще в космопорту, но он оказался так запутан, что преследование затянулось. В списке похищенных вещей значился излучатель тяжелого типа, принадлежащий полиции; Гундалину очень хотелось знать, каким образом бандиты умудрились его украсть. Такие банды обычно бывали вооружены не слишком хорошо; именно поэтому они предпочитали «тихое» воровство и избегали стычек с полицией. Однако были столь же

безжалостны и тверды в своих намерениях, как эта черно-белая, окаменевшая от холода тундра, которая укрывала их. Практически ради развлечения бандиты убили нескольких инопланетян, которые всего лишь попались им на пути. Гундалину очень надеялся, что украденный излучатель никак не повлиял на поведение бандитов и их действия будут развиваться по обычной схеме.

Он снова взглянул на экран, чтобы еще разок обдумать ситуацию, и тут ТьерПарде пропел:

— Э-эх, сэр! Уж теперь-то мы их к ногтю прижмем! Интересно, где это они аэросани раздобыли? — Он радостно засмеялся. — Возьмем их аккуратненько, не торопясь, а потом я этим ублюдкам кишки выпущу. Самые пустяки остались, сэр. Они практически у нас в руках.

Гундалину открыл было рот, чтобы ответить, но прямо у него перед носом вдруг замигал красным сигнал особой опасности.

— Скорее отсюда, черт бы тебя побрал! — заорал он и поверх головы ошалевшего от неожиданности ТьерПарде резко рванул контрольную ручку, почувствовав, что та будто сопротивляется ему…

— Ну же, давай!..

— Инспектор, какого черта… — Договорить ТьерПарде не успел: с излучателем тяжелого типа

шутки плохи. Мощный толчок, и их подбросило в небеса. Перед Гундалину мгновенно замелькали какие-то черно-бело-синие пятна — некоторое время они кувыркались в воздухе, словно в лотерейном барабане, потом стабилизаторы все-таки выровняли машину, прекратив наконец это кошмарное кувыркание. Однако они продолжали камнем падать в безмолвную снежную пучину, и падение это должно было закончиться их смертью. Рука Гундалину инстинктивно потянулась к кнопке двигателя; он снова и снова давил на нее, пока отупевший мозг наконец не уяснил, почему мотор не отвечает: излучатель просто разнес двигатель на куски. Теперь ничего поделать было нельзя. Ничего! ТьерПарде сидел в нелепой позе, словно пластмассовый пупс, и хватал ртом воздух с таким звуком, который Гундалину сперва принял за смех. Потом небеса исчезли, и стал виден лишь истоптанный снег и вздымающиеся им навстречу черные клыки скал.

Они упали, так и не долетев до утесов, — только это и спасло их. Взметнувшийся в воздух снег окружил их ослепительно белой завесой, смягчив силу удара, который все же был настолько силен, что Гундалину шлемом пробил ветровое стекло.

Он довольно долго лежал неподвижно, обни-

мая какой-то твердый предмет, возможно руль, и слушал колокола, гудевшие в ушах, не в состоянии ни сфокусировать зрение, ни даже просто крикнуть. Он понимал, что нужно что-то сделать, кого-то предупредить, но все это сейчас представлялось ему недостаточно важным. Ему вдруг показалось, что в кабине очень жарко, и это было весьма странно, потому что они были буквально погребены в сугробе. Погребены. Погребены. Умерли… и похоронены? Он зажмурился. Какой отвратительный запах! Глаза жгло… и воздух… Дышать стало нечем, ужасно воняло смертью, могилой… Что-то горит?

Глаза слезились; но он сумел рассмотреть, что горит изоляция. Вот в чем дело! За окнами — снеговые завалы.

— ТьерПарде? Ты как? Выбирайся наружу!

Он, пожалуй, и сам себя не слышал. Он потряс ТьерПарде за плечо, однако тот по-прежнему безжизненно свисал с кресла на своих ремнях безопасности. Глаза его были закрыты. Гундалину с огромным трудом расстегнул защелку ремней и высвободился. Потом попробовал открыть дверь, но она была наглухо завалена снегом, и он долго колотил в нее кулаками, пока эти удары не стали отдаваться у него в голове красными вспышками

и резкой болью. Тогда он сел на пол, уперся руками и спиной в противоположную стену и изо всех сил ударил в дверь ногами. Ужас удваивал его силы, и дверь начала потихоньку подаваться, буквально по сантиметру с каждым ударом, пока наконец, не отлетела ее верхняя петля и Гундалину, вылетев из кабины, не утонул в снегу, Он встал на четвереньки в луже подтаявшего снега; все его ноющее от боли и усталости тело ощущало резкий контраст странного сильного жара и леденящего холода. Гундалину, с трудом шевеля ватными, ногами, прижался к стенке машины, стараясь защититься и от зловещего жара, источаемого двигателем, и от ледяных объятий ветра. Ему необходимо было вытащить ТьерПарде наружу, и как можно скорее, пока машина не взорвалась.

Он вполз было в кабину, но кто-то схватил его сзади за воротник и дернул назад, снова повалив в снег. На этот раз в ушах зазвучали не колокола, а отвратительный человеческий смех, эхом разлетавшийся среди голых утесов. Смех казался тем более отвратительным, что Гундалину понимал: это смеются над ним. Он перевернулся на живот, с трудом встал на колени и оказался лицом к лицу со своими мучителями; он без малейшего

удивления разглядывал их белые парки и рейтузы, полдюжины туповатых бледнокожих лиц, наполовину скрытых местными солнечными очками — огромными, деревянными, с узкими прорезями для глаз — делавшими людей похожими на компанию насекомых с выпуклыми глазами. Но это определенно были люди — скотоводы-кочевники фалла, дети Зимы, волей судьбы ставшие грабителями и сменившие местные ярко расшитые одежды на скучную, но теплую одежду арктических бандитов. От удара в спину Гундалину упал ничком и почувствовал, что кто-то ловко разоружил его, перевернув набок. Раздался радостный вопль — бородатый бандит продемонстрировал приятелям свою добычу.

Гундалину сел, вытирая залепленное снегом лицо, забыв об унижении и думая только о том, что необходимо вытащить ТьерПарде.

— Сейчас взорвется! — Он жестом показал, что именно взорвется, не уверенный, хорошо ли они его поняли. — Давайте скорее вытащим его оттуда, а то поздно будет! — Он с трудом встал на ноги, ободренный тем испуганным шумом, который пробежал по группе бандитов, и снова двинулся к двери в кабину, но тут кто-то выпрыгнул из машины, сияя улыбкой и размахивая станнером,

принадлежавшим ТьерПарде.

— Тот уже совсем концы отдает! Зато вон что я добыл! Да только жарко там, как в аду. Черт с ним, с остальным барахлом. — Дуло акустического ружья вдруг уперлось Гундалину прямо в грудь. — Ба-бах — и тебя паралич разобьет, легавый! — Визгливый смех, непохожий на смех взрослого мужчины, донесся из глубин напяленной на бандита одежды.

Гундалину не обратил особого внимания ни на этого подростка, ни на ружье у него в руках.

— Он еще жив! Просто тяжело ранен! Он жив, его необходимо вытащить оттуда… — Дыхание белым инеем оседало у него на лице. Но тот тип, что разоружил его, и еще один из взрослых бандитов вдруг схватили его за руки и бегом поволокли прочь. Подросток неуклюже бросился следом за ними, проламывая наст своими снегоходами; все остальные тоже отбежали подальше, нервно хихикая.

— Нет! Вы не можете его бросить там! Он ведь живой, черт бы вас побрал! Он ведь сгорит заживо!

— Ну так радуйся, что будешь смотреть на это отсюда, а не составишь ему компанию. — Тот, что разоружил его, гнусно ухмылялся.

Они затащили Гундалину за огромный валун, где у них стояли аэросани, и все разом присели на корточки, глядя, как горит патрульная машина. Двое мужчин по-прежнему крепко держали Гундалину за руки. Он видел красноватое сияние вокруг ховеркрафта, теперь совсем оттаявшего от снега, и, подняв глаза к небесам, к их чистой синеве, стал молиться всем богам Гегемонии, чтобы ТьерПарде не пришел в себя и не узнал, как именно он сейчас погибнет.

Но небеса были пусты и безмолвны над этим белым, холодным, погруженным в молчание миром Зимы, лишь слабо светился красноватым светом ховеркрафт. И не успел Гундалину отвернуться, как взрыв оглушил его и бросил в беспамятство.

Вернувшееся сознание возвратило и боль в его исстрадавшееся тело; он лежал, раскинувшись, прислоненный спиной к валуну, а бандиты, ругаясь, сновали мимо него, словно в каком-то кошмарном сне. Один из них вдруг нервно засмеялся, и Гундалину сообразил, почему они смеются… Он перегнулся пополам, и его стошнило прямо на истоптанный снег.

— Тебя, небось, нас отловить послали, да нутро у тебя слабовато, легавый! От одного вида смерти чуть копыта не откинул! — Один из бандитов

злобно сплюнул. Плевок попал Гундалину на куртку; слюна тут же начала замерзать. Гундалину поднял глаза и вдохнул побольше ледяного воздуха, чувствуя, как, он обжигает легкие. Он прекрасно понимал, что только что был оплеван варваром, бандитом — вернее, бандиткой, мерзкой старой каргой с лицом, похожим на рыбачью сеть из-за покрывавших его морщин; она и на женщину-то не была похожа, к такой на Харему не прикоснулся бы ни один из самых жалких деклассированных.

Гундалину, опираясь спиной о валун, заставил себя подняться и теперь стоял — неуклюжий, с затекшими конечностями и совершенно закоченевший, возвышаясь над старухой и глядя на нее сверху вниз. Потом сказал дрожащим от ярости голосом:

— Все вы арестованы за убийство и грабеж и сейчас отправитесь со мной в Звездный порт, где вам будут предъявлены соответствующие обвинения! — Он сам с трудом мог поверить, что все-таки сказал это.

Старуха тупо уставилась на него и вдруг, хлопая себя руками по бедрам, разразилась совершенно непристойным смехом и вся окуталась клубами пара, вылетавшего у нее изо рта. Остальные бан-

диты стали собираться вокруг них, совершенно утратив интерес к первой жертве.

— Слыхали, что говорит? — Старуха радостно помахала скрюченным, похожим на коготь пальцем у Гундалину перед носом. — Нет, вы слыхали, чем этот сопливый чужеземец с грязной рожей грозит нам? Мы, видите ли, арестованы! Нет, как вам нравится? — Она только рукой махнула.

— Так он, верно, спятил от страха. — Один из бандитов ухмыльнулся. Похоже, всего там было трое мужчин и две женщины, да еще этот подросток или, может быть, тоже женщина… Здесь никаких норм поведения, никаких правил приличия не соблюдалось, все было перевернуто с ног на голову, так что разобраться ни в чем как следует было невозможно.

Однако он понимал, и достаточно отчетливо, что живым отсюда не выберется. Следующим убьют его. От неизбежности этой нелепой смерти его даже затошнило, и он плотнее прижался к скале, чтобы не упасть. Он видел, как бандиты подталкивают друг друга и таращат глаза, чтобы получше разглядеть его. Глаза их, прикрытые бледными веками, светло-голубые, были беспощадны. Один из них грязными пальцами пощупал материю, из которой была сшита его

куртка. Гундалину резко смахнул его руку.

— Ну а с этим что будем делать, а? — Подросток толкнул локтем одного из мужчин, чтобы тот подвинулся. — Может, мне его отдадите? Ой, ну отдай мне его, ма! — Голос был девчачий. Гундалину увидел прямо перед собой дуло станнера и понял, что девчонка обращается к той отвратительной старухе. — Мне он для коллекции нужен.

Он вдруг представил свою собственную отрезанную голову, надетую на кол. В животе снова шевельнулся тугой клубок; он что было силы прижал язык к верхнему небу. Боги!.. О боги, только не это. Если я должен умереть, пусть моя смерть будет чистой… и быстрой.

— Заткнись, малявка! — рявкнула старая карга. Девчонка показала матери язык.

— А по-моему, надо его сразу прикончить, — сказала вторая женщина. — Да не просто так, а чтобы пострашнее было, чтобы чужеземцы сюда нос побоялись сунуть.

— Если вы меня убьете, вам от них никогда покоя не будет! — Гундалину шагнул было вперед и тут же увидел, как в воздухе мелькнули два ножа. — Нельзя убить инспектора полиции и надеяться, что это сойдет с рук. Наши ребята от

вас мокрого места не оставят. — Он понимал, что все это ерунда и неправда, что слова его звучат не слишком убедительно, что бандиты тоже чувствуют это… Его начала бить дрожь.

— А откуда они вообще об этом узнают? — Старая карга ухмыльнулась, ощерив безупречные, белые как снег зубы. Он совершенно не к месту подумал вдруг: не искусственные ли они? — Мы можем, например, твой труп в трещину столкнуть, так лед быстренько его в порошок перемелет. Даже боги твои не сумеют отыскать, где твой прах покоится! — Резким движением старуха перебросила излучатель, висевший у нее за спиной, на грудь и заставила Гундалину снова прижаться спиной к скале. — Значит, ты считаешь, что можно на нас загонную охоту устроить, чужеземец? На нашей же собственной земле? Я Великая Мать! Лед — мой возлюбленный, скалы, птицы и звери — дети мои. Все они разговаривают со мной, ибо мне ведом их язык. — Глаза старухи подернулись туманом безумия. — Это они рассказали мне, как охотиться на охотников. И я должна принести им жертву, вознаградить их за помощь.

Гундалину смотрел на длинную блестящую трубку у нее в руках, которая будто пришпилила

его к ледяной скале. Перед глазами у него все плыло, но он старался сохранять достоинство, огромным усилием воли держась на ногах. Старая разбойница медленно отошла на несколько шагов, готовясь выстрелить. Остальные тоже отошли подальше, опасаясь рикошета, и Гундалину остался один в кругу вытоптанного снега. Рот и легкие саднило от обжигающего холода. Каждый вдох сейчас мог стать его последним, однако перед мысленным взором отнюдь не проплывали сцены из прожитой жизни, как пишут в романах, и не открывалась глубинная вселенская истина… ничего не было перед ним в его последние мгновения, вообще ничего.

Старуха подняла излучатель и выстрелила.

Гундалину покачнулся, но не упал и никакого удара не почувствовал; открыв глаза, он не сразу понял, что случилось, пока не увидел, что старуха все жмет и жмет на пусковую кнопку, яростно бранясь и тряся излучателем. Злобные ругательства слышались и со стороны зрителей.

Он, пошатываясь, шагнул вперед.

— Дай-ка… давай, я исправлю… — Изумление вспыхнуло в выцветших светло-голубых глазах; старуха отдернула руку.

Он терпеливо ждал.

— Он неисправен. Все время ломается, но я могу починить, если ты мне позволишь.

Она нахмурилась; но вскоре выражение ее лица переменилось, и она едва заметно кивнула. Он прекрасно видел, что на него нацелены сразу два акустических ружья, так что нечего было и думать о побеге.

Старуха швырнула ему излучатель:

— Ну почини, если тебе уж так умереть не терпится. — Она явно решила, что он спятил; впрочем, он и сам был не слишком уверен в своем здравомыслии.

Он опустился на колени, чувствуя сквозь тонкие штаны обжигающие укусы снега. Устроив излучатель поудобнее, стянул перчатки и раскрыл небольшую сумку с запчастями, которую всегда носил на поясе. Оттуда он вытащил тоненький намагниченный щуп и ввел его в отверстие на конце приклада, принялся что-то уверенно и осторожно искать во внутренностях излучателя. Вспотевшие от напряжения руки липли к ледяному металлу, мешая работать; но он практически не замечал ни боли, ни холода. Нащупывая путь среди невидимых тропинок, он добрался наконец до критического перекрестка и разъединил замкнувшийся контакт. Потом вытащил щуп и

осторожно, с благодарностью за помощь, убрал его на место. Потом, удивляясь самому себе, протянул излучатель старухе и спокойно посмотрел ей в глаза.

— Теперь все должно быть в порядке. Не стоит красть чужие игрушки, если не умеешь с ними обращаться.

Она выхватила излучатель у него из рук так проворно, что содрала ему кожу. Он поморщился, однако руки настолько задеревенели, что уже почти ничего не чувствовали. Впрочем, и лицо тоже; и мозги… Он встал; перчатки упали в снег, но он их поднимать не стал. Что ж, по крайней мере он доказал свое превосходство и умрет теперь чистой смертью, умрет с достоинством — будет убит из превосходного оружия.

Однако на сей раз старуха целиться в него не стала, а повернулась и выстрелила в вечнозеленый куст у подножия скалы. Он услышал треск и увидел, как взметнулся маленький зеленый взрыв и остатки куста охватило пламя. Послышались крики одобрения, и жажда убийства вновь отразилась на диких, безжалостных лицах бандитов.

Старая карга, расталкивая остальных, подошла к нему.

— Отлично поработал, чужеземец. — Она улыбалась какой-то нечеловеческой, злой улыбкой.

Краем глаза он видел еще горевший куст. Под скалой дым почти не рассеивался, и запах горящего дерева казался каким-то отвратительно чужим. Зато запах горелого человеческого мяса, витавший в воздухе, был таким же, как и всегда…

— Я ведь с Харему. Могу починить любой механизм даже с завязанными глазами. Именно этим мы, люди, и отличаемся от животных.

— Но ты ведь тоже смертен, чужеземец! Неужели ты действительно так спешишь умереть?

— Я готов. — Он еще больше выпрямился; теперь ему, казалось, что тело его принадлежит кому-то другому.

Она подняла излучатель; руки у нее слегка дрожали — излучатель был довольно-таки тяжелым. Пальцы ее нащупали кнопку, а глаза между тем испытующе впились ему в лицо, желая поймать тот миг, когда он сломается и станет молить о пощаде. Но он умрет молча и не доставит им такого удовольствия… Он понимал, что так или иначе, но его все равно убьют.

— Убей его! Убей! — Нетерпение зрителей нарастало, их голоса стали громче. Гундалину

рассеянно посмотрел на них и заметил на лице девчонки-подростка такое выражение, которое однозначно определить бы не смог.

— Нет. — Старуха опустила излучатель, злобно ухмыляясь. — Нет, убивать мы его не станем; мы его сохраним. Он может чинить те вещи, которые мы крадем у инопланетян в Звездном порту.

— Он опасен, Великая Мать! — разочарованно и сердито сказал один из мужчин. — Да и ни к чему он нам.

— А я говорю, он будет жить! — рявкнула карга. — Он ведь хочет умереть — ты только посмотри на него! Человек, которому умирать не страшно, безумен. А тому, кто убьет безумца, удачи не видать. — Она все еще ухмылялась, но уже язвительно.

Гундалину почувствовал, что охватившее его оцепенение отступает, сменяясь ужасом и отвращением. Нет, они не дадут ему умереть чистой смертью. Они намерены сделать его своим рабом…

— Нет, твари вы вонючие! — Он бросился на старуху, пытаясь выхватить у нее излучатель. — Убейте меня, черт бы вас побрал! Я не буду…

Она инстинктивно вскинула излучатель раструбом вверх, потом ударила Гундалину при-

кладом по лицу, и он рухнул в размешанный снег. Кровь заливала ему лицо, острая боль криком звенела у него в ушах. Он выплюнул в снег кровь и сломанный зуб, приподнялся и стал смотреть, как бандиты собирают свои вещи; было похоже, что они намерены бросить его здесь. Он слышал громкие указания старухи, но не мог разобрать слов; впрочем, это было неважно, все теперь стало ему безразлично…

— Вот… надень-ка свои перчатки, глупый. — Девчонка стояла над ним и махала у него перед носом перчатками. Он сделал вид, что не замечает ее, взял горсть снега и сунул в разбитый, окровавленный рот.

— Эй, легавый! — Теперь у него перед носом закачался станнер ТьерПарде. — Ты бы лучше слушался меня, легавый! — Девчонка бросила перчатки ему на колени.

Он медленно натянул перчатки на совершенно бесчувственные пальцы, покрытые ледяной кровавой коркой. Мысль о том, что его сейчас оглушат слабым разрядом и беспомощного отволокут в аэросани, точно мешок с барахлом, была невыносимой. Необходимо сохранить достоинство, насколько это возможно, пока не отыщется какой-нибудь выход… хоть какой-нибудь!..

Что-то упало на его шлем, скользнуло по лицу и, точно змея, обвило шею. Он, изумленный, вскинул глаза, и петля туже затянулась у него на горле. Девчонка рассмеялась; второй конец веревки сжимала ее рука в, рукавице. Она сделала петлю немножко посвободнее и вызывающе подбоченилась.

— Вот и отлично! Ма говорит, ей только руки твои нужны, а все остальное я могу забирать себе, так что я устрою тебя в свой зоопарк. — Она смотрела себе под ноги; он — в ее узкое прыщавое лицо. — Ты будешь моей любимой зверюшкой! — Она снова засмеялась и вдруг дернула за веревку. — Ну, легавый, пошли скорей! Поторапливайся!

Гундалину торопливо вскочил на ноги и поспешил за ней к ожидавшим их аэросаням, понимая, что, хоть бандиты и пощадили его, он все-таки умер, ибо именно с этого мгновения его собственный мир перестал для него существовать.

Глава 27

Мун, опершись на подлокотник, смотрела мимо тяжело обвисшей в кресле Элсевиер на экран, стремясь получше разглядеть появившуюся там

Тиамат, похожую на восходящую луну, но только бесконечно прекраснее. Домой! Она летела домой, и было трудно не поверить, что время все-таки повернуло вспять, что она найдет свой мир таким же, каким он был когда-то, или даже таким, каким он должен был бы стать, когда эта облачная голубизна под ней исчезнет и перед глазами вновь откроется безбрежное море. Но даже если это и не так, если прежний мир утрачен навек, она была уверена, что непременно отыщет способ вернуть прошлое.

— Экраны свободны?

— Да.

Она слушала тихие вопросы Элсевиер и монотонные ответы Силки, убаюкивающие своей ритмичностью и, как прежде, повторяющиеся без конца. Вхождение в атмосферу Тиамат оказалось не тяжелее выхода из нее; и вообще, путешествие на чужую планету словно бы совершила не она, а кто-то другой. Мун слушала вполуха, мыслями уносясь то в прошлое, то в будущее и как бы избегая опасного настоящего. Теперь все пойдет как надо, ошибки больше не будет ни в чем. Она ведь прошла через Черные Ворота именно потому, что ей предначертано было выполнить эту задачу.

Элсевиер связалась по радио с потрясенным

их возвращением Нгенетом, еще когда они были на орбите, однако узнала лишь, что встретить их в заливе Шотовер он не сможет, ибо его судно на воздушной подушке конфисковано полицией еще пять лет назад, после той их неудачной посадки. На этот раз им придется совершить куда более рискованную посадку недалеко от поместья Нгенета, к югу от Карбункула; более на Тиамат не было ни одного человека, которому Элси доверила бы тайну их последней посадки.

За время перелета Элсевиер словно увяла — только этим словом Мун могла выразить происходящие с ней перемены, особенно после прохождения ими Черных Ворот. Она попыталась хоть что-нибудь выяснить, но Элси отвечать отказывалась и, по-прежнему нежная и кроткая, делала свое дело, сразу после Перехода избавив Мун от всяких забот.

Мун была уязвлена и озадачена, однако вскоре на экранах вовсю засияли солнца-Близнецы, и она смогла наконец увидеть то, к чему так стремилась. Для Мун начиналась новая жизнь — а для Элси кончалась старая. Элси прощалась и с кораблем, на котором прошло более половины ее жизни, который хранил воспоминания обо всех сладостных и горьких днях; прощалась с девуш-

кой, которая могла бы стать ей дочерью, которая могла бы придать ее жизни новый смысл, однако лишь усугубила и без того мучительное ощущение утраты.

Последние пенные облака скрывали теперь настоящий океан — корабль спускался все ниже, стрелой пронизывая сапфировые небеса Тиамат. Скоро… скоро они кончатся, эти облака, и она увидит свою конечную цель — длинную линию западного побережья континента, где находилась плантация Нгенета, и севернее — сам Карбункул.

— …Соотношение — один к… Силки! Нас поймали прожектором! Назад! Это свето…

Впереди вдруг вспыхнул ослепительный бело-голубой свет, больно ударив Мун по глазам; металлический корпус корабля содрогнулся так, что у нее застучали зубы. Нет, нет, этого не может быть!

— О боги! — воскликнула Элсевиер скорее с гневом, чем с отчаянием. — Они выследили нас, когда мы были на орбите. Мы попались! Мы никогда не…

Еще одна вспышка… и гробовая тишина. Потом в тишине само собой включилось радио: «Сдавайтесь немедленно или будете уничтожены. Мы вас поймали лучом. Вам не уйти».

— Мы проиграли… — Третья вспышка унесла слово, обозначавшее, что именно было проиграно, как и вскрик Мун, спросившей это. После четвертой вспышки времени на размышления не осталось совсем; из панели управления вдруг посыпались искры, что-то взвизгнуло, болезненно отдаваясь в и без того перегруженных нервах…

— Отключи двигатель! — услышала Мун срывающийся голос Элси; слова с трудом пробивались сквозь звон в ушах. — …Только надежда… Подумает, что мы уже мертвы… — В салоне корабля стало вдруг на удивление тесно, точно все свободное пространство заполнила смертельная опасность, но Мун успела заметить солнечный свет за иллюминаторами, увидеть голубой, белый, золотистый простор фантастической красоты райских полей, которые исчезали по мере того, как корабль входил в зону облачности. Она вцепилась в подлокотники, считая удары собственного сердца, как бы подтверждавшие, что она еще жива, что новой вспышки еще не было — той самой, последней, которую они, теперь совершенно беззащитные, даже и не заметили бы.

Они вынырнули из облаков так же внезапно, как и погрузились в них. Она, наконец, увидела море, катившее под ними свои свинцовые валы.

Дождь, похожий на яростные слезы, со всей силы хлестал по стеклам иллюминаторов, мешая видеть море и небо. Их корабль падал по широкой дуге, словно камешек, пущенный из пращи над поверхностью пруда. Элси и Силки, храня молчание, не отрывались от пульта управления. Мун тоже молчала из солидарности, в горле у нее от страха застрял комок.

— Силки, включай аварийную систему…

Дымчатый прозрачный конус, висевший над сиденьем Мун, вдруг упал прямо на нее; она перестала слышать голос Элсевиер и видеть приближающуюся к ним поверхность моря, темно-серую с льдисто-белыми барашками волн. Пневматический аварийный колпак придавил ее к креслу, и она не способна была сопротивляться и ничего не понимала до тех пор, пока соприкосновение раскаленного металлического корпуса корабля с ледяной поверхностью моря не отдалось в ней слабой дрожью — как если бы удар о море испытали вовсе не они и для нее самой это было лишь чисто душевное потрясение.

Еще через несколько секунд, которые показались ей вечностью, завеса перед глазами исчезла — дымчатый купол сам собой поднялся. Она отстегнула привязные ремни и бросилась к креслам

пилотов. Экран над креслом Силки стал серым, а сам он тряс головой, очень по-людски изображая, что совершенно ошалел. Прямо перед ними было море; оно яростно билось в иллюминаторы корабля, оставаясь равнодушным к проблемам его пассажиров; капли воды просачивались сквозь намерзшую на иллюминаторы ледяную корку. Казалось, что корабль стонет под ударами волн, сердито ревевших вокруг.

Над сиденьем Элси аварийный колпак висел так высоко, как если бы его вообще… Мун вдруг быстро посмотрела Элси в лицо, боясь увидеть то, чего ожидала.

Красная дорожка пересекала верхнюю губу Элси, но взгляд ее ответил Мун спокойствием.

— Это ничего, дорогая… просто кровь из носу пошла… мне нужно было связаться с Нгенетом. Он скоро будет здесь. — Элсевиер закрыла глаза, дыша неглубоко и так часто, словно никак не могла надышаться, словно тяжелая десница гравитации все еще давила на ее грудную клетку… Она не шевелилась и не делала ни малейшей попытки встать или хотя бы пальцем пошевелить — сидела совершенно спокойно, как человек, у которого вся жизнь впереди.

Мун сглотнула, поперхнувшись встревожен-

ной улыбкой, и, перепуганная, нежно коснулась плеча Элси.

— Мы сели, Элси. Ты спасла нас. Теперь все будет в порядке! Все страшное позади.

— Да? — Странное изумление наполнило фиалково-синие глаза, словно Элсевиер видела нечто, недоступное им с Силки. — Мне так холодно… — Судорога исказила черты ее лица.

И вдруг глаза ее стали совершенно пустыми.

— Элси? Элси! — Мун крепче сжала ее плечо, потрясла… позвала ее, но ответа не было. — Силки… — спросила она через плечо, не желая отворачиваться от Элси, — она не… Элси!

Силки оттеснил ее в сторону, встав в узком проходе между креслами, и своими холодными, похожими на змей серо-зелеными щупальцами прошелся по теплому лицу Элси, ее горлу… но та даже не пошевелилась, а продолжала смотреть на что-то такое, что было невидимо им. Потом глаза ее подернулись серой пеленой.

— С-с-скончалас-с-сь.

Корабль швыряло из стороны в сторону, трудно было сохранить равновесие; Мун растерянно смотрела в пол и молчала. Вода уже лизала ноги, столько ее просочилось внутрь.

— Умерла? — Мун изумленно покачала голо-

вой. — Нет, Силки, нет! Она не умерла. Элси, Элси, мы тонем! Очнись! — Она еще раз потрясла Элси за плечо. Щупальца Силки обвили ее руки, и без излишних церемоний он оттащил ее в сторону.

— С-с-скончалас-с-сь! — Глаза у Силки были удивительно ясными и глубокими. Он в определенной последовательности нажал несколько кнопок на панели и коротко пояснил:

— Аварийный люк открыт. Мы тонем. Вылезай наружу, с-с-скорей… — и подтолкнул ее к шлюзу; она отшатнулась; напор воды стал так силен, что ей было уже по колено.

— Нет! Она не умерла. Она не могла! — яростно выкрикнула Мун. — Мы не можем ее здесь оставить. — Она вцепилась в спинку кресла.

— С-с-ступай! — Силки подтолкнул ее сильнее. Она споткнулась и упала, на мгновение уйдя под воду; вода была соленой и огнем обожгла воспаленные глаза. Она с трудом добралась до двери в шлюз, еще раз оглянулась назад и увидела, что Силки склонился над Элси в крутящемся потоке воды и на секунду прижался головой к ее плечу, прощаясь и отдавая последнюю дань покойной.

Потом он снова распрямился, перебрался через поток, заливавший кабину и мгновенно очутился рядом с Мун.

— С-с-смелей! — Щупальца плотно обхватили ее руку, и он поволок ее в шлюз.

Она разжала пальцы, которыми цеплялась за дверь, не в силах сопротивляться. Нырнув за ним следом, она увидела открытую ей навстречу, словно разинутый рот утопающего, крышку люка…

— Мой шлем! Я же утону… — Она хотела вернуться в кабину, но вода, теперь доходившая до пояса, плотно обнимала ее, не давала сделать ни шагу, сбивала с ног. От леденящего холода кружилась голова; Мун попыталась удержаться на ногах, задыхаясь от намерзавшей на лицо и воротник ледяной корки. Корабль покачивался на волнах, и Мун качалась вместе с заливавшейся через люк водой, больно стукаясь о его металлический край головой, пока наполнившийся водой корабль не выплюнул их обоих в открытое море.

Крик Мун потух, словно сбитое ветром пламя свечи, когда волны сомкнулись над ее головой. Потом она вынырнула наверх и глотнула воздуха, но несомый ветром дождь со снегом тут же заставил ее опустить голову к самой поверхности воды. Ей то становилось жарко, то озноб своими ледяными пальцами пробегал по заключенному в космический комбинезон телу…

— Силки!

Она выкрикнула его имя, и крик ее, похожий на печальный зов мера, тут же подхватил и унес ветер.

Рядом с ней появился Силки, который изо всех сил поддерживал ее, хотя наполнившийся водой космический комбинезон тянул вниз. Сам Силки уже давно все с себя сбросил, плавая в родной стихии налегке. Мун чувствовала, как он дергает пряжки у нее на груди, пытаясь стащить комбинезон и с нее тоже.

— Нет! — Она попробовала схватить его за щупальца, но они ускользали от нее, как угри. — Не надо, я замерзну! — Пытаясь высвободиться, она снова ушла под воду и снова вынырнула, кашляя и отплевываясь. — Я не могу жить в море… — Однако она понимала, что жить так или иначе не придется — комбинезон быстро наполнялся водой и упорно тянул ее вниз. Она наконец поняла — людям лишь раз в жизни дано понять, сколь ужасна ирония выбора, предоставленного человеку, оказавшемуся один на один с морем: утонуть или замерзнуть.

Силки оставил свои попытки снять с нее комбинезон, теперь сосредоточившись лишь на том, чтобы помочь ей удержаться на поверхности. Первая оглушительная атака холода принесла

Мун нескончаемую, до мозга костей достающую боль, которая высасывала теперь из нее последние силы и рассудок. Вдали, между вздымающимися, словно тающими горами воды, она на мгновение разглядела тонущий космический корабль — потом он исчез, и там, где он только что был, виднелось лишь море и небо. Элсевиер! Они принесли жертву Морю… Мун почувствовала, как горькие слезы смешиваются у нее на лице с соленой морской водой и дождем, падающим с небес.

Через какое-то время стало ясно, что шторм проходит: небо перестало лить слезы, вздувшиеся от гнева морские валы улеглись, а ее собственные слезы иссякли, побежденные чудовищной усталостью. Сквозь намерзшие на ресницах иголочки инея она видела вверху подмигивающее ей солнце, которое проглядывало меж редкими облаками. Силки по-прежнему изо всех сил помогал ей. Тело ее сотрясала неудержимая дрожь. Порой ей казалось, что в недосягаемой дали она видит берег, но не была уверена, что это не полоса тумана и не галлюцинация. Сил говорить уже не осталось; Силки без слов давал ей понять, что он рядом. Она острее, чем когда-либо, чувствовала его чужеродность, но в данный момент это не

имело абсолютно никакого значения…

Она должна сказать ему, чтобы он перестал поддерживать ее и сберег собственные силы; нет ни малейшей надежды, что Нгенет успеет отыскать их. Так что все это ни к чему — конец все равно один. Но она никак не могла заставить себя выговорить эти слова и понимала, что в глубине души противится смерти. Умереть в одиночестве… умереть… уснуть… утонуть в этих глубинах… Она промерзла до мозга костей. Она так устала, так измучилась!.. Пусть же придет благодатный сон, пусть море укачивает ее в своей колыбели… вечной… вечной… Хозяйка всегда одно создает, а другое разрушает, так что, с неясным отчаянием думала Мун, жизнь одного-единственного человека ничего не значит на ее пути, как и жизни тех существ, что обитают в глубинах ее Моря…

Что-то вынырнуло на поверхность прямо перед ними, послав фонтан холодных, брызг прямо Мун в лицо. Она застонала, когда щупальца Силки теснее сдавили ей грудь, заморгала заиндевелыми ресницами и увидела улыбающуюся полосатую морду и два блестящих глаза. Потом рядом появились еще две таких морды, потом еще и еще — у нее за спиной, рядом с нею, точно поплавки на светлеющей воде. Узнавание медленно под-

нималось из глубин ее сознания, словно пузырек воздуха со дна моря к поверхности воды. Меры!

Меры плотным кольцом окружили ее, настойчиво, нетерпеливо подталкивая вверх своими ластами. Она не могла четко уразуметь, что же они от нее хотят, но верила, как безотчетно верят только в детстве, что меры, любимцы Хозяйки, явились сюда для того, чтобы спасти ее. Если смогут.

— С-с-силки… — она с трудом, точно жуя, проталкивала слова сквозь стучащие зубы, — отпусти… меня…

Он отпустил ее, и она тут же камнем ушла под воду. Но прежде чем она успела что-то почувствовать, гладкие, гибкие, сильные тела, собравшись под ней, вытолкнули ее на поверхность. Ласты меров поддерживали ее, точно в чашечке цветка, давая ей возможность дышать… Потом ее перевернули на живот и уложили на мягкую широкую грудь одного из меров, спокойно качавшегося на воде с нею рядом. Она лежала, ощущая его тепло, отплевываясь и удивляясь, у самой поверхности моря, а ноги ее по-прежнему висели в ужасной ледяной пучине. Но мер — самка, Мун определила это по золотистой полоске шерсти на шее, похожей на ожерелье, — обнял ее своими

ластами, прижав к груди и питая теплом своего тела, словно собственного детеныша. Потом ее приемная мать запела — глубоким монотонным голосом, в такт покачивающимся волнам. Слишком измученная, чтобы удивляться, Мун прижалась головой к шелковистой груди, грея руки и, чувствуя, как монотонное пение мера обволакивает ее сотрясаемое ознобом тело. Силки и еще два мера по-прежнему качались на волнах рядом с ними: но Мун сейчас о них не думала, она не думала ни о чем — ни о прошлом, ни о будущем; вся жизнь сконцентрировалась в настоящем.

Сколько времени она качалась так в объятиях мера — она не знала да и не хотела знать. Солнца-Близнецы пересекли небесный свод и скатились к западу, чтобы там встретиться с морем, когда движение чего-то нового вновь потревожило поверхность вод. Длинная тень корабля выдвинулась им навстречу, приглушенный стук двигателя нарушил царившую вокруг тишину, становясь все более и более настойчивым.

— Мун, Мун, Мун… — Силки без конца повторял ее имя, массируя ей шею ослабевшими щупальцами, пытаясь разбудить ее, заставить слушать.

Но Мун была не здесь… Здесь было только

Море… а Море предъявляет сивиллам свои требования…

— Мун… ты меня слышишь?

— Нет… — То был скорее протест против вторжения в ее бездумный покой, чем ответ на заданный вопрос. Мир представлялся ей акварелью, которая расплывается бесформенными пятнами под нечаянно пролитой водой…

Что-то обожгло ей губы; кто-то раздвинул ее щелкающие от озноба зубы, и горячая, обжигающая жидкость влилась в рот, протекла в горло, словно раскаленное масло. Она забилась, пытаясь вырваться и одновременно испытывая удовольствие. Расплывшийся акварельный мир начал сосредоточиваться вокруг нее, обретать форму, не находя, впрочем, ни малейшего отклика в ее затуманенной памяти — разве только лицо в центре… прямо над ней… лицо это наклонялось все ближе, сводя прошлое и настоящее воедино…

— М-м-миро?

— Да! — Слово вырвалось с несказанным облегчением. — Она возвращается к нам, Силки! Она узнает меня. — За спиной Миро Мун увидела Силки, терпеливо и внимательно наблюдавшего за ней, и еще — немигающий, распахнутый глаз: какую-то дверцу.

— Г-г-где м-мы? — Она глотнула еще сладко-жгучей жидкости, и тело ее свела судорога; Нгенет снова прижал к ее губам чашечку. Она поняла, что ее дрожащее истерзанное тело вынуто из залитого ледяной водой космического комбинезона и закутано в подогретые одеяла.

— На моем катере. Вот, выловили тебя из моря и доставили на борт. Теперь ты у нас в полной безопасности, слава богам. Мы плывем домой. — Он сменил горячий компресс у нее на переносице и на щеках.

— Д-д-домой?.. — Прошлое и настоящее окончательно слились и потекли в одном русле.

— Ну да, ко мне в усадьбу, в тихую гавань. Ты достаточно времени провела на звездных дорогах и в объятиях Моря и меров… почти целую жизнь… — Он своей загрубелой рукой ласково отвел у нее со лба промокшую прядь волос. — Теперь радуйся, что возвращаешься на твердую землю.

— Эл-лси… — Слово обожгло ей горло, как желчь.

— Я знаю. — Нгенет выпрямился и присел на краешек ее постели. — Знаю. Теперь ты уже ничем не можешь помочь ей, так что отдыхай и выздоравливай. — Его голос и сама каюта вдруг

расплылись в недосягаемой дали.

Мун поглубже зарылась в гнездо из одеял, чувствуя, как в ее омертвевшую, заледеневшую плоть проникают раскаленные иглы, заставляя забитые льдом вены вновь пропускать кровь, развязывая смерзшиеся узлы мускулов, освобождая ее…

Глава 28

Джеруша покинула свое постылое городское жилище, бросила недоеденным ужин — хлеб и фрукты — вышла из дому и двинулась вниз по улочкам Лабиринта. Сумерки за прозрачными стенами города означали конец еще одного непереносимого дня, который ей все-таки удалось пережить, и обещание нового, который родится утром, и еще одного, и еще… Работа всегда составляла для нее смысл жизни, и теперь жизнь ее поистине стала адом. Оставалось единственное убежище — сон, но сон лишь ускорял наступление нового мучительного утра. А потому она шла и шла без цели, никем не узнанная, сквозь густую толпу, мимо магазинов — половина из них теперь была пуста, половина все еще как-то цеплялась за жизнь и за прибыль, стараясь дотя-

нуть до горького своего конца.

Горький конец?.. Почему? Ей-то зачем беспокоиться? Какой в этом смысл?.. Джеруша поглубже натянула на голову капюшон своего жакета грубой вязки, скрывая лицо, и свернула на Цитрусовую аллею. Примерно на середине ее пути к сумеркам, сгущавшимся за прозрачной стеной, находилась аптека травника, которую она частенько посещала. Там продавались лекарственные растения, различные настойки и самые различные волшебные зелья — все с ее родной планеты, с Ньюхевена. Джеруша даже купила себе амулет, самый могущественный из имеющихся, и носила его на шее — это она-то, всю жизнь презрительно фыркавшая, стоило старшим дома зря, с ее точки зрения, потратить деньги на какие-нибудь религиозные штучки! Вот до чего довела ее эта работа. Однако амулет облегчения не принес, как, впрочем, и все остальное. Чего она только не перепробовала за эти годы! Не помогало ничто, как ничто более не имело смысла.

И вот теперь исчез тот единственный человек, который всегда поддерживал ее, не давал ей признать свое полное и абсолютное поражение. БиЗед… Черт бы тебя побрал, БиЗед! Как ты мог

так поступить со мной? Как ты мог… умереть! И зачем только она явилась сюда?..

Но, подойдя к аптеке, она вдруг заметила знакомое лицо и яростный всплеск огненно-рыжих волос: к ней приближался Спаркс, Покоритель Зари, одетый как местный секс-символ. Джеруша очень редко видела его в последнее время, являясь с официальными визитами во дворец. И сейчас, снова встретившись с ним, она удивилась: он не стал выглядеть старше ни на один день, остался точно таким же, как пять лет назад, когда она отбила его у работорговцев. Но ведь это значит — и это удивило ее больше всего, — что Ариенрод не только держит Спаркса при себе, но и сохраняет ему молодость?..

Интересно, как все же пересеклись их жизни… Сперва, мучаясь от угрызений совести, она попыталась сделать вид, что чрезвычайно поглощена ближайшей витриной, но потом решила, что Спаркс все равно увидит ее и все равно ее узнает, хоть она и не в форме, и прочитает все по ее беспокойным глазам… Она замедлила шаг, стараясь сделать так, чтобы он и не догадался, куда она идет, и не прошел мимо. Боги, что же это я крадусь, как преступница!..

— Здравствуй, Покоритель Зари! — Она поздо-

ровалась с ним первой; заметила по его реакции, что он ее узнал, но вряд ли подошел бы сам или стал бы оглядываться.

Да и выражение лица у него было совсем не тем, какого она ожидала; она вряд ли вообще заслужила такую улыбку — его безупречно красивое юное лицо словно превратилось в зеркало, желавшее сообщить ей, как ужасно она постарела, когда каждый день для нее стал подобен году. Из его глаз на нее словно смотрела сама Снежная королева: слишком знающие, слишком циничные для столь юного лица это были глаза. Потом его взгляд переметнулся на выставленные в витрине травника фигурки богов и разнообразные зелья, скользнул по амулету, висевшему у нее на шее… Спаркс неприязненно передернулся; от него прямо-таки веяло злорадством.

— Поберегите свои денежки, комиссар ПалаТион, Здесь вашим богам до вас не достать. Даже все боги Гегемонии вместе не сумели бы положить конец тому, что с вами происходит. Хотя, по-моему, это им в общем-то безразлично. — Сказал так, будто желчь выплюнул.

Джеруша отшатнулась: его слова набросились на нее, словно гадюки, полные яда, усугубленного ее собственными ядовитыми страхами. Неужели

он тоже хочет меня уничтожить? Даже он? Но почему?

— Почему, Спаркс? Почему ты-то? — прошептала она.

Ненависть в его глазах вспыхнула с новой силой.

— Я любил ее; а теперь ее больше нет. — Он потупился, словно испугавшись пытливых глаз Джеруши, и ушел, не оборачиваясь.

Джеруша еще долго стояла посреди улицы, прежде чем до нее дошло, что он, собственно, назвал истинную причину ее несчастий. И, поднимаясь в лавку травника, она была необычайно задумчива.

Остановившись в узком проходе между пыльными палками, она поискала взглядом то, зачем пришла, совершенно не воспринимая на этот раз горьковатых и одновременно сладостных ароматов, будивших в ней ностальгические воспоминания о Ньюхевене. Хозяин лавки упорно не желал подчиняться новомодным традициям Карбункула, и здесь всегда все оставалось по-прежнему, однако сейчас Джеруша не обращала внимания ни на связки «драконьих когтей», ни на пучки и гирлянды различных сухих цветов и трав, ни на дикое смешение запахов, ласково

атакующих ее обоняние; была глуха к…

— Вы мне что-то сказали? — Она неохотно вернулась к реальной действительности, осознав, что рядом с ней кто-то стоит.

— Да. По-моему, порошок луж стоит не на месте. Вы не видели, куда они… — Перед Джерушей стояла темноволосая светлокожая женщина средних лет, скорее всего местная. Слепая… Джеруша поняла это по светочувствительному обручу, который та носила на лбу.

Окидывая взглядом полки, она заметила, что хозяин аптеки оживленно сплетничает с каким-то уроженцем Ньюхевена; потом снова обернулась к слепой.

— По-моему, его надо искать на тех полках, у дальней стены. — Она чуть отступила, давая слепой женщине пройти.

Но та упрямо продолжала стоять в проходе, чуть наклонив голову и словно прислушиваясь.

— Инспектор… ПалаТион, не правда ли?

— Комиссар ПалаТион. — Джеруша ответила со столь же явным удовлетворением, с каким слепая вспомнила ее имя.

— Да, конечно. Извините. Я не хотела…

Как же, не хотела! Ладно, бог с тобой. Джеруша отвернулась.

— В последний раз, когда я слышала ваш голос, вы были еще инспектором. Я никогда не забываю ничьих голосов; но порой забываю о том, как следует себя вести. — Женщина улыбнулась с добродушно-извиняющимся видом; она прямо-таки излучала доброжелательность, и Джеруша вдруг почувствовала, что перестает привычно хмуриться. — Ведь прошло уже почти пять лет… Моя лавка здесь рядом… Я однажды приходила к вам в полицию вместе со Спарксом…

— А, вы делаете маски! — Наконец-то Джеруша вспомнила, кто она такая. — Да-да, вспоминаю. — Я все отлично помню. То, что я спасла этого юного ублюдка, было второй величайшей ошибкой в моей жизни.

— Я видела, как вы разговаривали с ним у дверей. — (Видела? Джеруша вздрогнула и попыталась скрыть замешательство.) — Он по-прежнему иногда заходит ко мне; когда ему становится особенно тоскливо. По-моему, ему там и поговорить-то не с кем. Я рада, что он побеседовал с вами.

Джеруша промолчала.

— Скажите мне, комиссар, а вы тоже заметили в нем эти неприятные перемены? — Она словно мостик перекинула через пропасть молчания

Джеруши, как бы не замечая его.

Джеруше не хотелось прямо отвечать на ее вопрос. Она коснулась своей впалой щеки ледяными пальцами.

— Насколько я могла заметить, он вовсе не изменился. Он не выглядит ни на один день старше. — И, может быть, так оно и есть, черт бы его побрал!

— Но ведь он же… — Слепая явно что-то пыталась дать ей понять. — Он постарел на целых сто лет с тех пор, как оказался в Карбункуле!

— А мы разве не постарели? — Джеруша протянула руку и взяла маленький пластиковый пузырек вириольного масла, потом поколебалась и взяла второй. Она вдруг вспомнила о матери.

— Снотворные капли, да?

Джеруша жестом собственницы сжала пузырек в кулаке, почему-то рассердившись.

— Да.

— Я по запаху догадалась, — кивнула слепая. И поморщилась. — Я ими пользовалась когда-то; у меня была ужасная бессонница, пока мне не сделали этот обруч. Я все перепробовала. Без возможности видеть свет я утратила и всякую ориентацию во времени… а я не слишком хорошо приспособлена к биоритмам Тиамат. По-моему,

никто из нас по-настоящему к ним приспособиться не может. В конце концов, все мы здесь чужие. А может, с этого и начинать надо…

Джеруша подняла на нее глаза.

— Вероятно. Я никогда об этом не думала… Возможно, в том-то и дело: я всюду чужая. — Она вдруг поняла, что сказала это вслух. Но только головой покачала, потому что жалеть о сказанном было уже поздно. — Чем больше мне хочется спать, тем меньше я сплю. Сон — мое единственное удовольствие. Мне кажется, я могла бы спать вечно. — Она повернулась и уже хотела проститься и подойти к хозяину аптеки, по-прежнему стоявшему в дверях…

— Таким способом вашу проблему не решить, комиссар ПалаТион. — Слепая мастерица преградила ей путь — вроде бы неумышленно.

Джеруша изумленно уставилась на нее, чувствуя, что ноги у нее вдруг стали как ватные.

— Что вы сказали?

— Это я о снотворном. Оно только усугубляет проблему. Отнимает у вас сны… Все мы должны видеть сны, хотя бы иногда, иначе приходится горько расплачиваться. — Ее рука тянулась к тем пузырькам, которые взяла, Джеруша, словно пытаясь отнять их. — Найдите решение получше,

комиссар. Оно непременно должно существовать. Это все пройдет. Все проходит — со временем.

— Для того чтобы это прошло, потребуется вечность. — Но рука слепой по-прежнему настойчиво тянулась к лекарству… посягая на ее волю… Она чувствовала, что подчиняется, ставит пузырьки обратно на полку…

— Мудрое решение. — Слепая улыбнулась, глядя как бы сквозь нее, внутрь нее.

Джеруша промолчала, не зная даже, что ей ответить.

Слепая отступила на шаг, словно наконец выпуская ее на волю — так же незаметно, как взяла ее в плен, — и двинулась к полкам у дальней стены: Джеруша пошла в двери и сразу оказалась на улице, так ничего и не купив и даже словом не перемолвившись с хозяином.

* * *

Почему я ее послушалась? Джеруша отдыхала, раскинувшись на низкой изогнутой кушетке и подперев щеку рукой. Рука уже начинала затекать — по ней бегали мурашки, мешая Джеруше погрузиться в сон. Каждый раз, стоило ей войти в свою квартиру, ее точно охватывал паралич, не дающий ей не только действовать иди хотя бы

реагировать активно, но и думать. Она смотрела, как часы в прозрачном корпусе отсчитывают секунды, — часы стояли на одной из полок, сложной сетью оплетавших всю противоположную стену. Боги, до чего ей ненавистна эта комната, каждый сантиметр ее безжизненного пространства! Здесь все осталось таким же, как до отъезда ЛиуСкеда, — то же самое показное благополучие, скрывающее реальную жизнь обитателей этого дома от злорадных глаз города.

ЛиуСкед и его жена были верными апологетами стиля Харему, стараясь следовать ему даже в ущерб себе; то была бездушная фальшивая имитация той чужеземной изысканности, которая ей самой была ненавистна всегда. Патина легкомыслия, которую Джеруша постаралась нанести на здешнюю обстановку, не смогла скрыть ее сути. Джеруша дала волю своей фантазии, и в доме появилась целая куча фресок в стиле рококо, картин в пышных рамах, развращающе теплых пестрых ковров… И она старалась закрывать глаза на все остальное, надеясь, что безжалостная действительность не просочится сквозь веки, а краски на коврах и картинах не полиняют и не расплывутся.

Это жилище, полное отвратительных воспо-

минаний, было навязано ей практически силой — и стало частью непосильного бремени ее наказания. Она могла бы бороться, по крайней мере, постараться очистить этот мавзолей от его мрачных реликвий и заменить их более живыми и свежими вещами… Она могла бы даже совсем отказаться от этого дома и снова вернуться в свою старую, уродливую, но удобную и уютную квартирку в Лабиринте, Но каждый раз, закончив дневные дела, она возвращалась сюда и ничего не предпринимала. И так — день за днем. Ибо не могла понять, есть ли смысл бороться. Все стало бессмысленным, безнадежным… она сама стала совершенно беспомощной… Джеруша в отчаянии зажала рот рукой: за тобой же следят, сейчас же прекрати это!..

Она села, опустив руки и так низко склонив голову, что капюшон вязаного жакета совсем закрыл ей лицо. Шпионы королевы — глаза королевы! — были повсюду, и уже тем более в этом доме. Она чувствовала их, точно прикосновения чужих грязных рук, повсюду, куда бы ни пошла, что бы ни делала. В своей старой квартирке она была свободна, там она могла быть человеком, быть самой собой и предаваться своим собственным воспоминаниям и мыслям… могла сбросить

тесную строгую форму и ходить хоть голой, если хотелось, как ходила когда-то на родной планете, где и до сих пор нагота отнюдь не считается чем-то неприличным. В Карбункуле же она была вечно «выведена на экран» компьютера шпионами Снежной королевы, стремившимися доставить удовольствие своей повелительнице. Здесь она боялась хотя бы невольно обнажить свое тело или душу — знала, что за ней вечно следят приспешники этой белокурой суки.

Она подобрала с пола диктофон, невидящим взглядом скользнула по кнопкам — вот уже неделю, а может, и больше, она собиралась залезть ему внутрь… Джеруша никогда особенно не любила романы и вообще художественную литературу: она и так каждый день слышала слишком много лжи, и у нее не хватало терпения на тех, кто превратил создание заведомой лжи в средство существования. Она предпочитала верить фактам. Она все еще не сдавалась и не намерена была спасаться в мире фантазий… как это делал, например, БиЗед — и с такой легкостью, так невинно… С другой стороны, любой технократ Харему так или иначе жил в мире собственных фантазий, в выдуманном им мире, где каждому отведено строго определенное ме-

сто и каждый непременно должен стремиться достичь самой вершины… где жизнь протекает с точностью отлаженного механизма… вот только на этот раз отлаженный механизм сломался и хаос, ждавший своего часа за дверьми, ворвался внутрь, неся смерть…

Она представила себе, как из патрульной машины улетают ввысь две свободные души — улетают с этой планеты, но куда?.. В вечность? В лимб? В бесконечный цикл реинкарнаций? Разве можно следовать какой-то определенной религии, когда их так много и каждая утверждает, что только одной ей ведома Истина, но каждая из этих «истин» отлична от других? Существовал только один путь, который она когда-нибудь, возможно, способна будет открыть для себя… И душа ее уже носилась над этой темной водой, проникнув в эти края без спроса, без входного билета, и уплывала с Проклятым Лодочником… к тому же теперь там оказался и ее друг, единственный на этой планете, полной одних только врагов… Почему, черт побери, я ее послушалась? Зачем оставила снотворное в аптеке? Джеруша вскочила, снова нечаянно уронив диктофон, и рванулась к двери; потом остановилась; ее била дрожь, душу терзали сомнения. Так чего же ты хочешь, Джеруша!

И в отчаянии призналась: я хотела оставить снотворное там! Иначе ей никогда бы не удалось убедить меня. Ей сразу стало легче, напряженные мышцы расслабились, и она опустилась прямо на пол; тело казалось ватным от усталости. Но я же не смогу здесь уснуть! И нигде не найти мне спасения, убежища, друга…

Ее мечущийся взгляд упал на алую раковину, что лежала, словно искупительная жертва, на ритуальном столике — копии, разумеется, — что стоял у двери. Нгенет… О боги, неужели ты все еще мой друг? Нерушимый покой сельского дома — та самая точка в самом сердце бури, наполнившей смятением ее душу… В последний раз она была в этом доме больше года назад; и, отчасти сознательно, начала избегать тех свободных и довольно поверхностных отношений, что установились между ними и поддерживались их нечастыми встречами, ибо депрессия ее все углублялась, мир все сжимал и сжимал вокруг нее свое враждебное кольцо. Она давно уже решила про себя, что не станет демонстрировать Нгенету, в какую желчную каргу превратилась… и в то же время, как это ни странно, она уже почти возненавидела его за то, что они так редко встречаются, что он не видит, не понимает, на-

сколько ей сейчас необходима помощь, спасение, убежище…

А теперь? Да, именно теперь! Что за нелепый мазохизм заставляет ее замуровывать себя в этой гробнице? Она быстро подошла к телефону и набрала нужный код, выуживая из памяти полузабытые цифры. Потом смотрела на секундную стрелку, нетерпеливо постукивая ногтем по светлой поверхности стены, пока наконец на ее безмолвный призыв не откликнулся голос невидимого собеседника, искаженный помехами. Черт бы его побрал, как далеко все-таки он живет! Опять шторм! Вечно на этой планете бушуют штормы.

— Алло? Алло? — Несмотря на помехи, она поняла, что это не тот единственный голос, который ей так нужно было услышать.

— Алло! — Она почти прижала трубку к губам; громкий голос ее эхом разносился по пустой квартире. — Это комиссар ПалаТион из Карбункула. Можно мне поговорить с Нгенетом?

— Что?.. Нет, его нет дома, комиссар… он… ушел в море на своем катере…

— Когда он вернется?

— Не знаю. Он ничего не сказал… Что-нибудь ему передать?

— Нет, спасибо, ничего.

Она стукнула по рычагу кулаком и резко отвернулась от телефона, дрожа от ярости.

Потом снова подошла к столику, взяла в руки розовую, цвета рассветного неба раковину и прижала ее к себе, водя дрожащим пальцем по шелковисто-нежным извивам. Потом потрогала тот край, где был отломан один из хрупких шипов. Стиснула пальцами следующий шип и сломала его. Потом еще один, и еще… Кусочки раковины беззвучно падали на ковер. Джеруша тихо плакала, глядя, как они падают, — словно отламывала собственные пальцы.

Глава 29

— Все, что мы делаем, оказывает какое-то воздействие на то, что нас окружает.

— Я знаю… — Мун шла рядом с Нгенетом по склону холма, покрытого охряной и серебристой травой, звеневшей под ветром, словно струны арфы. Усадьба будто растворялась в этом серебристом блеске, среди окружавших ее холмов; прочные стены дома, сделанные из грубого камня и просоленного, промоченного насквозь дерева были в такой же степени частью этой земли, как

и сам Нгенет. Мун задумчиво поглядывала на него сбоку, припоминая, каким странным показался он ей тогда, пять лет назад… Она безусловно замечала перемены, происшедшие с ним за эти пять лет; он явно постарел, а вот ее собственное лицо казалось ей точно таким же, как и тогда.

И, тем не менее, она тоже изменилась, повзрослела — в тот миг, когда увидела, как свет жизни гаснет в глазах Элсевиер. Смерть пока что уступила ей дорогу… но отрицать существование смерти было нельзя. Печаль, баламутившая ее душу, была похожа на шторм, загнанный в бутылку. Если бы она сама, по собственной воле, не бросила смерти вызов, гибель Элси не была бы на ее совести.

— Если бы Элси не полетела со мной на Тиамат, она была бы жива. Если бы я осталась на Харему с ней, она была бы… счастлива. — Мун вдруг увидела перед собой не Элси, а… Спаркса. Ничьи мечты никогда не были для меня важнее, чем мои собственные, У Мун подогнулись колени.

— Но ты-то не была бы счастлива! — Нгенет посмотрел на нее сверху вниз и взял ее руку в свою большую теплую ладонь, помогая идти, потому что склон стал круче. — И понимая, что ты несчастна, Элси была бы несчастлива вдвое.

Мы не можем всю свою жизнь лгать — ни себе, ни кому-то другому; из этого никогда ничего не получается. Человек вынужден быть честным перед самим собой. Элси это понимала, иначе тебя бы сейчас здесь не было. Твой прилет был неизбежен. И смерть неизбежна — сколько бы мы ее ни отрицали. — Мун остро глянула на него: он был огорчен, потому что печальна была она. — После смерти ТиДжея Элси никогда уже не была прежней. Мой отец всегда говорил, что она из однолюбов. На счастье себе или на беду. — Он сунул руки в карманы парки, глядя на север, в затянутую белой дымкой даль, туда, где лежал Карбункул. — Каждый наш поступок, Мун, сказывается на том, что нас окружает. Я бы никогда ничему не научился, если бы не усвоил этой простой истины. Никогда не принимай похвалу полностью на свой счет… как и вину. Тебе не в чем винить себя.

— Нет, есть! — Она безутешно покачала головой.

— Тогда начинай думать о том, какими своими поступками могла бы искупить вину! — Нгенет подождал, пока глаза Мун не загорелись любопытством. — Не позволяй горю разрушать твою душу. И не будь такой, черт побери, эгоистичной!

Ты же сама говорила, что предсказатель велел тебе вернуться на Тиамат. И что внутренний голос подсказывал тебе то же самое.

— Да — чтобы помочь Спарксу… — Она тоже посмотрела на север, вдоль берега. Женщина-однолюб…

— Спаркс — лишь одно из звеньев сложного механизма. Предсказатели не посылают телепатических сигналов через всю галактику, чтобы успокоить чье-то разбитое сердце. В данном случае гораздо большее связано именно с твоей судьбой. И дело тут не только в Спарксе. — Нгенет резко остановился и посмотрел ей в глаза.

— Я… я понимаю. — Она переступала с ноги на ногу в спутанной траве, словно вдруг испугавшись, что ее тень может омрачить ясное лицо земли. — Я теперь это хорошо понимаю. — На самом деле она по-настоящему так и не поняла этого, так и не поверила до конца. — Но я не знаю, зачем тогда, если не для того, чтобы помочь Спарксу? Какой-то внутренний голос действительно убеждал меня в том, что я должна вернуться… но причину не назвал…

— Может быть, все же назвал? Что, например, ты узнала на Харему такого, чего не сумела бы узнать здесь?

Она изумленно вскинула глаза.

— Я узнала… что значит быть предсказательницей! Я узнала, что на Харему есть многое, на что и мы имеем полное право, но только все это от нас прячут. — Она слышала, как холодно звучит ее голос — точно зимний ветер. — Я знаю теперь, во что верила Элсевиер и почему… Все это стало частью меня самой. Никто не сможет заставить меня забыть это. И я хочу многое переменить. — Губы ее дрогнули, руки в карманах сжались в кулаки. — Но только пока не знаю, как… — Спаркс. Может быть, Спаркс знает…

— Узнаешь, когда попадешь в Карбункул.

Она улыбнулась.

— В последний раз, когда мы говорили об этом, ты совсем не хотел, чтобы я уезжала.

— Я и сейчас не хочу, — мрачно подтвердил он. — Но сейчас я говорю с совсем иной женщиной. Кто я такой, чтобы спорить с Судьбой? Мой отец учил меня верить в закон кармы — учил, что то, чем мы стали в настоящей жизни, является лишь вознаграждением или наказанием за наше поведение в жизни предшествующей. Если бы я хотел сыграть перед тобой философа, я бы сказал: когда Элсевиер умерла, душа ее возродилась в тебе, — там, в море произошла некая подмена…

— Мне хотелось бы верить, что это так… — Мун зажмурилась; потом все-таки улыбнулась и снова решительно открыла глаза. — Миро, а тебе когда-нибудь хотелось узнать, кем ты был в предыдущей жизни? И не было бы иначе, если б мы рождались, зная, что именно должны предпринять, а не ползать, подобно слепым щенкам, и не страдать в темноте?

Он засмеялся.

— Этот вопрос должен был бы задать тебе я, сивилла!

Сивилла. Я снова одна из них. Я снова обрела целостность. Нет, даже больше, стала почти святой.

Холодный воздух обжигал легкие. Мун рукой придерживала парку на груди — там, где был спрятан трилистник. Она заметила, что снова невольно смотрит на север, мечтая увидеть невидимое. Приближалось время фестиваля и последнего визита на Тиамат премьер-министра Гегемонии. Она успела вернуться на Тиамат до начала Фестиваля, однако только через две недели торговое судно сможет отвезти ее в Карбункул. Тогда уже останется не больше недели… Сердце вдруг тяжело забилось в груди, но Мун не знала, какое чувство в ней сильнее — ожидание

или страх.

Они миновали стоявшие в стороне от главного дома лаборатории и мастерские и начали спуск в залитую водой долину, что простиралась вдоль берега к северу и к югу до самых границ владений Нгенета. В мастерских Нгенет частенько возился с различными устаревшими и поломанными механизмами, самостоятельно изготавливая для них несложные запчасти, — еще несколько месяцев назад все это показалось бы ей чудом, но теперь она считала его усилия совершенно бессмысленными: зачем он столько возится со всяким старьем, если у него есть множество новых машин и приспособлений, привезенных из города и умеющих делать все, что угодно? Он только улыбался в ответ на ее недоуменные вопросы и просил никому больше об этом не говорить.

Местные работники бродили на ходулях по неглубокой воде, собирая «морские волосы» — основной продукт питания для людей и животных в суровых северных широтах. Они уважительно поздоровались с Мун к Нгенетом. При виде Мун здешние мужчины и женщины часто улыбались — быстрой, летучей улыбкой. Нгенет сказал всем, что она из семьи рыбаков и что ее, тонущую,

спасли меры. Хотя здесь и была территория Зимы, простой люд, кормившийся морем, в общем-то верил в Хозяйку, об этом Мун слышала и раньше. Здешние жители были с ней очень ласковы и заботливы, воспринимая ее появление в усадьбе как маленькое чудо. Они научили ее ходить на ходулях, и однажды, солнечным полуднем, осторожно балансируя руками, она сделала первые неуклюжие, неуверенные шаги по мелкой воде и с сочувствием поняла, зачем работники надевают непромокаемые костюмы, занимаясь сбором водорослей.

Следом за Нгенетом она шла по каменистой высокой насыпи — такая была сделана на каждой меже, отделяющей одно поле от другого, — мыслями уносясь в прошлое, домой в Нейт, к бабушке, к матери, к Спарксу по коридору времени; вид и запахи моря и водорослей делали это ощущение более стойким. Она словно вновь вернулась в те времена, когда будущее казалось ей столь же определенным, как и прошлое, и она была уверена, что ей никогда не придется столкнуться с будущим в одиночку. Но теперь голос нового будущего вел ее от звезды к звезде, к тому городу, что лежал на севере Тиамат, к Карбункулу…

Их башмаки загрохотали по доскам пирса,

устроенного в тихой, глубоко вдающейся в берег бухточке, которая служила гаванью для всех здешних жителей. Воды гавани, защищенные от ветров тесными объятиями берега, были серебристо-голубыми; в них отражались небеса. Мун вполне уже могла смотреть на море, не испытывая того ужаса, какой испытала во время кошмарной пытки ледяной водой, которой ее подвергла Хозяйка. Сперва это ее немного удивляло, но гораздо больше удивляло то, что Море все-таки ее пощадило. Она выжила. Море давало и брало взамен, не раздумывая, с поистине вселенским безразличием. Дважды уже она соприкоснулась с этим вплотную — и дважды осталась в живых. Безымянная вера в предначертанную свыше судьбу жила в ее душе, и с этой верой ей нечего было бояться.

Голубая гладь вдруг взорвалась белыми брызгами — это парочка меров вылетела на поверхность по идеально правильной дуге. Мун смотрела, как меры, играя, то выныривают из воды, то снова исчезают в таинственных глубинах. Потом, они пропали совсем, но на поверхности воды был заметен еще чей-то след — кто-то быстро плыл прямо к ней. Силки! Он большую часть времени проводил в заливе с тех пор, как они оказались

здесь.

— А что собирается делать Силки, Миро? У него ведь никого на Тиамат нет, и на его родной планете тоже… — Она вспомнила рассказ Элсевиер о том, как ТиДжей нашел Силки.

— Его здесь любят, ему здесь всегда рады, и он об этом знает. — Нгенет помахал Силки рукой и улыбнулся, глядя на озабоченное лицо Мун.

Она улыбнулась в ответ и тоже посмотрела на Силки. Особенно удивительной казалась дружба Силки с мерами: местные жители ненавидели всех диллипов — прежде всего, потому, что именно они служили Гончими Снежной королеве, именно они убивали меров. Теперь Мун уже знала, что не только сам Нгенет ненавидит Гончих и Королевскую Охоту, предоставляя убежище мерам, живущим на его территории, но и окружил себя такими единомышленниками. Нгенет в течение многих лет знал Силки как друга Элсевиер и полностью доверял ему; но остальные мало что знали о нем.

Однако меры, которым, вроде бы, полагалось проявить в отношении Силки большую настороженность, приняли его очень хорошо, и он проводил почти все дни в их обществе. Мун лишь изредка видела его теперь на суше. Он стал еще

более неразговорчивым и замкнутым, и только благодаря нечастым воспоминаниям о последних часах, проведенных ими на космическом корабле, она могла догадаться, что он тоскует по Элси.

Силки выбрался из воды и присоединился к ним на дощатом вздыхающем причале; с него лило ручьями. Его блестящее бесполое тело, точно драгоценными каменьями украшенное быстро испаряющимися каплями воды, имело подчеркнуто мало общего с миром воздуха и суши. (Мун всегда казалось странным, что Элсевиер и другие воспринимали Силки как мужскую особь, в то время как его гладкое тело представлялось ей самой скорее именно женским.) Его перламутровые глаза отражали явления внешнего мира, не позволяя ничему проникнуть в его внутренний мир.

Он кивнул им и оперся спиной о перила, распустив щупальца по причалу.

Но Мун смотрела не на него, а на залив, где еще трое меров присоединились к первой парочке в скользящем водяном танце, словно демонстрируя свою поразительную внутреннюю красоту. Каждый день, когда она приходила сюда, меры, быстрые как ртуть, танцевали на поверхности залива, как бы снова и снова празднуя ее воз-

вращение к жизни. Изящество их движений внезапно пробудило в Мун страстное желание стать такой же, как они, как Силки, — настоящей Дочерью Моря, а не вечным его приемышем…

— Силки, ты только посмотри на них! Ах, если бы я могла влезть в твою кожу хотя бы на час!..

— Ты что же, хочешь снова нырнуть в море? И это после того, как я выудил тебя из ледяной каши полумертвую? Ведь и двух недель не прошло! — Нгенет смотрел на нее с недоверием, даже, пожалуй, сердито. — По-моему, у тебя все-таки голова еще не в порядке!

Она улыбнулась.

— Нет… только не это! Такого мне больше не надо! — Она поежилась и обхватила себя руками. Судороги, явившиеся следствием переохлаждения, вызвали многочисленные разрывы мышц, и в итоге Мун какое-то время была совершенно лишена возможности двигаться. Теперь, снова обретя способность управлять своим телом и мыслями, она с каждым днем совершала все более длительные прогулки в обществе терпеливого Нгенета, распрямляя и тренируя мышцы, словно завязанные в узлы, и пытаясь вспомнить, каково это — двигаться, не испытывая боли во всем теле. — Мой народ всегда принадлежал

Морю. Но чтобы по-настоящему принадлежать Морю — вот как меры, — хотя бы недолго… впрочем, хватило бы времени, чтобы понять… — Она вдруг умолкла.

Меры закончили свой танец и снова скрылись в пучине; потом вдруг три изящные головки, покрытые мокрой шерстью, появились совсем рядом с нею, в ее тени на воде. Гибкие шеи покачивались в такт волнам, словно водоросли; глаза цвета черного гагата внимательно смотрели на нее. Полоски похожей на перышки щетины у них над глазами приподнялись кверху, что придавало мордам меров удивленное выражение. В середине была та самка, что согревала и баюкала Мун тогда, в открытом море.

Мун перевесилась через перила, протягивая к ней руку.

— Спасибо тебе. Спасибо. — Голос ее дрожал от волнения. Один за другим меры приподнимались в воде и коротко тыкались мордами в ее протянутую ладонь, а потом снова ныряли. — Они ведь меня понимают! — Холод начинал покусывать ее мокрую руку. Пришлось снова надеть рукавицу и сунуть руку в карман.

— Может, и понимают. — Миро улыбнулся ей. — Может быть, они понимают даже, что спас-

ли сивиллу, а не просто свалившегося за борт моряка. Я никогда раньше не видел, чтобы они вот так танцевали для кого-то из людей. Да, меры замечательно разумные существа! — Он будто отвечал на застывший в ее глазах вопрос.

— Разумные? — Она сознавала, сколь многое значит в его устах это слово. С момента своего спасения она успела достаточно узнать о Нгенете, о его отношениях с мерами, об уважении, которое он испытывал к ним, о том, что он предпринимал, чтобы обеспечить их безопасность. Они, пожалуй, даже могли как-то разговаривать с помощью определенного набора знаков и звуков, именно поэтому Нгенет и сумел тогда послать меров на поиски упавшего космического корабля да и сам успел к месту аварии вовремя. Но она и не подозревала… — Ты хочешь сказать — они как люди? — Она вспыхнула, помотала головой и поправилась:

— То есть, что они разумные, как Силки? — Она смотрела то на Силки, то на Нгенета, и снова на меров в воде…

— Неужели тебе так трудно в это поверить? — Этот полувопрос-полувызов звучал со странной настойчивостью.

— Нет. Но я никогда не думала… никогда не

думала… — Никогда не думала, что так близко познакомлюсь с инопланетянином, человеком из другого мира; никогда не думала, что такие, как Силки, могут быть похожи на людей; никогда не думала, что сивилле могут задать подобный вопрос… — Ты… ты задаешь мне вопрос?.. Ты хочешь, чтобы я ответила?.. — Голос ее звенел от напряжения, она чувствовала, что действительность ускользает от нее, что она падает…

— Мун?

Летит, падает куда-то… Ввод информации…

Глава 30

— Что же я говорила? — спросила она его после.

— Ты рассказывала мне о мерах. — И Нгенет улыбнулся.

Мун повторяла эти слова, бредя по сине-зеленому подводному миру среди гибких водорослей. Вода сопротивлялась ее продвижению вперед, колыхалась, упруго толкая и обтекая вытянутые руки. То был дар Нгенета — за ответ на его невысказанный вопрос, за подтверждение справедливости его верований. Она узнала наконец, что это такое — принадлежать Морю всем своим

существом, слиться с ним, а не балансировать вечно на узкой тропке между небом и простором вод, на тонкой бечевке, натянутой между мирами — над пропастью.

Она слушала ритмичный бодрящий шелест вслед за каждым своим вздохом; теплый, чуть спертый воздух питал ее легкие через специальный клапан. Бездонные глубины, простиравшиеся перед ней, были скрыты полупрозрачными занавесями из взвешенных песчинок. А здесь, бродя по мелководью, она могла видеть все достаточно далеко и отчетливо — видеть, как прекрасны в своем движении ее друзья меры и Силки, как красиво обтекает вода их гибкие тела, словно обнимая невидимыми руками.

— Так вот почему вы поете! — Голос Мун долетел до меров в облачке смеха через микрофон, сунутый в рот; голос был почти не искажен, хотя для них он так или иначе значил не больше, чем просто пузырьки воздуха. Потому что вы не можете удержать в себе свою радость. Между вдохами и выдохами она постоянно слышала пение меров — песни сирен, известные ей прежде только по сказкам: многоголосие пересвистов, стонов, звонов, похожих на колокольчики, вздохов и рыданий, печальных и словно свидетельствующих

об одиночестве. Их пение порой продолжалось часами — то были самые настоящие песни, совершенно определенные по форме, которые могли исполняться без конца своими не имеющими возраста создателями и оставались неизменными в веках.

Мун не слишком хорошо умела отличить одну песню от другой из-за их чрезмерной сложности и не знала точно, имеют ли песни меров такое же значение, что и человеческие… Она просто решила считать, что это так.

Вынырнув тогда из Транса, она обнаружила, что Нгенет крепко держит ее за руки и чрезвычайно взволнован. Увидев, что она снова пришла в себя, он поднес ее руки к губам и поцеловал их.

— Я верил… Я всегда верил, надеялся, молился… — голос у него дрожал. — Но я никогда бы не осмелился задать тебе такой вопрос. Это правда, Мун. И теперь я не знаю, смеяться мне или плакать!

— Что… что такое? — Она стряхивала с себя путы Транса.

— Меры, Мун, меры…

…Разумные млекопитающие, использующие для дыхания кислород и обитающие в водной среде. Искусственно созданная форма орга-

низма-носителя для вирусоидного фактора долгожительства… спецкласс IV… Биологические спецификации Старой Империи были бесконечны, но для Мун практически бессмысленны. Однако Нгенет своим вопросом заставил ее выслушать и запомнить все мельчайшие детали, которые теперь были словно выжжены в его памяти; словно каждое произнесенное Мун слово имело острые режущие края…

Разумные млекопитающие… разумные…

Мун почувствовала, что Силки, обвив ее руки щупальцами, тащит ее куда-то вверх над кувыркающимися, танцующими мерами, застигнув ее, размечтавшуюся, врасплох. Она видела над головой просвеченную солнцем поверхность моря, а внизу — испещренное тенями песчаное дно, по которому ползали морские раки. Вокруг кипела жизнь — отдельные существа или целые их стаи и колонии, знакомые ей и неизвестные, охотники и жертвы… Она свободно странствовала меж ними, всегда сопровождаемая мерами, — это была их законная, доставшаяся им от предков территория, здесь они мало кому были угрозой и сами никого не боялись… Никого и ничего — кроме Охоты.

Потрясенная, она без конца спрашивала Ми-

ро, как инопланетяне могут оправдать добычу «живой воды», зная, что меры — не просто животные.

— Они ведь непременно должны знать об этом, раз об этом знают предсказатели!

— Люди слишком часто обращаются друг с другом, как скоты. Ну а если они и в зеркале не могут разглядеть разумное существо, нет ничего удивительного в том, что с негуманоидами они обращаются хуже, чем с людьми. — Нгенет посмотрел на Силки и задумчиво оперся на перила причала, глядя, как набегают и отступают волны. — И даже если бы меры были всего лишь животными, какое право имеют люди убивать их только ради собственного тщеславия? Меры синтезированы генетически. Они, должно быть, предназначались для исключительно сложных специальных экспериментов; однако Старая Империя потерпела крах, не успев, видимо, обобщить и систематизировать данные о возможности «доброкачественного инфицирования», полученные в результате работы с мерами, и создать безупречный способ практически бесконечного удлинения человеческой жизни до практически вечной. Убийство меров ради «живой воды» было порождено тем хаосом, который

воцарился вместе с концом Империи, и тех, кто сумел завладеть средством для получения бессмертия, совершенно не заботило, сколькими жизнями это средство оплачено. Правда о мерах скорее всего была похоронена вполне сознательно тысячелетия тому назад, когда Тиамат была открыта как бы вновь и присоединена к Гегемонии. Так что теперь нашим правителям приходится беспокоиться лишь о том, сколько заплатить за конкретную порцию живой воды…

— Но… зачем Старая Империя вообще сделала меров разумными?

— Не знаю. И ты не знаешь. — Нгенет сокрушенно покачал головой. — Причина несомненно была, но какая? Я знаю только, что разум дан мерам не для того, чтобы их убивали во время Королевской Охоты! — И он рассказал Мун, почему стал пользоваться услугами контрабандистов и помогать им, и как до него точно так же поступал его отец, и отец его отца, и как это стало их семейной традицией, которую установил еще их дальний предок, родившийся не на Тиамат, но возлюбивший меров так сально, как любят только родных детей, и сделавший свои здешние владения убежищем для них. Его потомки, не удовлетворившись пассивной ролью спасателей,

начали активную тайную борьбу против охоты на меров, используя и устные предупреждения, и диверсии, и саботаж — пока… — В тот день, когда легавые напали на вас с Элсевиер, в нашей организации была пробита серьезная брешь. — Нгенет хмуро уставился на север.

Но теперь, истерзав за очередные полтораста лет Тиамат, инопланетяне должны были вот-вот покинуть планету; заканчивалась очередная эра несправедливости, с которой Нгенет и его сподвижники не уставали бороться. Почти заканчивалась… и почти уже вернулось время упадка и невежества, очередная пробуксовка колеса бесконечных тщетных усилий. Но, по крайней мере, островитяне могли обеспечить мерам относительно безопасную жизнь на какой-то период времени, достаточный для увеличения их численности, ибо меры размножались чрезвычайно медленно, словно с трудом исправляли то тайное зло, которое совершили с ними их же собственные создатели.

Однако само по себе время ничего для меров не значило, словно не укладываясь ни в одну концепцию, которую можно было бы применить к их системе мировосприятия. В условиях безопасности меры жили сотни, возможно даже

тысячи лет. В их разум была заложена совсем иная система ценностей: жить мгновением, восхищаться каждым сверкающим эфемерным пузырьком воздуха, бесконечно созидать ради бесконечной жизни… У них не было ни нужды, ни причин создавать нетленные артефакты; такими памятниками служили им песня, танец, любое краткое деяние. Так живут цветы, созданные более прекрасными, чем остальная живая природа, именно в силу своей недолговечности. Вещность, осязаемость для меров не имели значения; казалось, сама материя для них значила столь же мало, как и время. По человеческим меркам жизни их были поистине бесконечны, и они относились к жизни гедонистически, отдаваясь чувственным наслаждениям — скольжению в глубинах вод, в теплых и холодных струях, подхваченные водоворотом или едва шевелясь в стоячей воде; ошеломляющему воздействию воздушной среды, столь не похожей на водную; текучему жару желания и ласковой тяжести уснувшего на груди малыша…

Мун мало что могла сказать им или спросить у них с помощью слов, если бы даже нашелся переводчик, способный преодолеть барьер этого непонимания. И все же, каждый день погружаясь

в море в своем герметичном и теплом костюме для подводного плавания, она постепенно начинала ощущать, как растворяется корка, сковывавшая ее человеческий разум, ее систему ценностей и целей. Она могла теперь порой совершенно забыть о прошлом и ненадежном будущем, позволяя мгновению стать вечностью, а будущему раствориться в пене морской. Она часто видела ту самку, которая некогда стала для нее приемной матерью и теперь всегда радостно плыла ей навстречу; знала их всех — как своих друзей, как своих родных, как свою семью, любимых людей, — и чувствовала, что сама стала частью их не имеющего временных границ мира… Аккуратно, осторожно начала она вплетать и свой голос в гармонию их песен…

Силки сзади обвил ее щупальцами, пытаясь перекрыть подачу кислорода из баллона…

— Силки, несносный! — Сердитого протеста не получилось — она не могла разжать зубы, иначе Силки вытащил бы загубник у нее изо рта. Мун подняла руки, не давая ему добраться до клапана подачи кислорода, и уже подняла неловко ногу, готовясь как следует его пнуть и отогнать прочь, и тут вдруг поняла, что с нею рядом дерутся два одинаковых с виду диллипа. Один из них ножом

обрубает щупальца настоящего Силки, впиваясь в него зубами, словно морской змей. Мун пинками попыталась отогнать его, но он уже успел вонзить нож в тело Силки, и целое облако крови поднялось над его плечом.

Она подхватила Силки на руки, пытаясь отплыть с ним подальше от убийцы, но спокойные прежде воды вдруг закипели от множества тел — это меры из ближней колонии все разом бросились в море, охваченные паникой. Они толпились вокруг Мун, теснили ее, шлепали ластами, ударяли головами, качались и невольно ранили друг друга. Она в ужасе прижала к себе бессильные вздрагивающие щупальца Силки, пытаясь вынырнуть на поверхность. Но светлеющая вода над ней вдруг потемнела от упавшей откуда-то сверху тяжелой сети, а потом стал отчетливо виден и силуэт судна-катамарана. Множество существ, которые были очень похожи на Силки и в то же время удивительным образом отличались от него, направляли сеть прямо на Мун, и сеть потащила ее вниз, в глубину… Королевская Охота! Нет, это невозможно, только не здесь!..

Однако бессмысленно было отрицать это; невозможное уже схватило ее за горло, и меры вокруг нее сходили с ума от боли и потери ори-

ентации, вызванной стрельбой из чужеземного акустического оружия. Все они безусловно погибнут…

Она отпустила Силки, стараясь держаться к нему поближе, и увидела, как он кивнул и просунул свои щупальца сквозь ячейки сети. Тогда она вытащила нож из ножен и начала изо всех сил яростно рвать, кромсать проклятую сеть, и вскоре прорубила в ней дыру, вполне достаточную, чтобы меры могли ускользнуть от охотников.

Она выбралась из сети, таща Силки за собой, в то самое мгновение, когда сеть снова пошла вниз. Мун цеплялась за край дыры, старательно расширяя ее ножом, и кричала:

«Сюда! Сюда! Выходите, выходите, уплывайте!», надеясь перекричать дикую какофонию звуков, издаваемых охваченными паникой мерами, и сама почти рыдая от бессильной ярости. Но паника эта оказалась неподвластной ясному мышлению, и те немногие из меров, кто неуверенно выбрался наружу, были всего лишь вытолкнуты остальными, копошившимися в сетях. Мун поискала среди них свою приемную мать, но не нашла, и начала снова рубить сеть, расширяя дыру, громко ругаясь и задыхаясь. Но меры тонули, беспомощные, не желающие сопротивляться своим убийцам, и

она, Мун, не могла спасти их…

Силки висел, неуклюже уцепившись за сеть с нею рядом, измученный акустическими ударами, израненный. Она вдруг заметила, что к нему устремились двое охотников-диллипов, что они уже опутали его своими щупальцами и пытаются оторвать от сети…

Чьи-то щупальца обхватили и ей залепили глаза, вырвали нож из рук, когда она попыталась повернуться к нападающему лицом. Как извивающиеся змеи, щупальца скользнули по ее маске, отыскали загубник и вырвали его изо рта. Ледяная вода хлынула в отверстие, но ужас, только придал Мун сил. Она яростно сопротивлялась, однако Гончие были сильнее…

И лишь когда ее голова показалась над водой, а разрывающиеся легкие глотнули наконец воздуха — она никак не могла надышаться! — она догадалась, что Гончие вовсе не собирались топить ее, что ее они «отложили на потом»…

Она споткнулась, запутавшись ластами в водорослях, и, смахнув с глаз яростные слезы, увидела, как море бьется о берег, который оказался совсем близко. Две Гончие схватили ее и выволокли из воды, швырнув прямо на камни. Здесь прежде было лежбище меров. Теперь оно было совер-

шенно пустынно. Она лежала ничком, кашляя и задыхаясь. Потом услышала, как рядом с ней шлепнулось еще чье-то тело; это был полумертвый Силки. Она на локтях подползла к нему, пытаясь рассмотреть его рану, но понять ничего не смогла, лишь слабо пожала ближайшее щупальце.

Собравшись с силами, Мун села; воздух все еще с трудом проходил в измученное удушьем горло. Она стащила свою грязную маску, и в лицо ей ударил резкий ледяной ветер. Через несколько минут рядом с ними из воды вынырнуло сразу несколько Гончих, они тащили тела мертвых меров. Мун в бессильной ярости ударила кулаком по камням, тихо плача, но не о себе — о мерах.

Неподалеку она заметила вдруг какого-то человека в черном плаще и маске с рогами, похожего на некое тотемное существо. Он наблюдал за работой Гончих, потом махнул рукой, и до нее долетел его безжизненный тихий голос, заглушаемый ветром, — голос был человеческий. Первых меров уже заволокли на прибрежные скалы; блеснули ножи, и кровь залила мягкий, пушистый мех, стекая в подставленную посудину. А потом, когда изящество, радость, красота меров и сама их жизнь были уничтожены, Гончие бросили

тела на берегу, словно приглашая стервятников собираться на пир.

Слезы заливали Мун глаза, не хотелось смотреть да этот ужас. Тошнота поднималась к горлу, в сердце кипела жгучая ненависть. Мун стиснула тяжелый камень, потом поднялась на колени. Рядом с ней Силки тоже рывком приподнялся и встал на ноги, опираясь на ее плечо. Мун слышала, как он что-то сказал, но не разобрала слов, хотя и без слов почувствовала ту смертельно глубокую рану, которую ему нанесли прямо в сердце, убив его лучших друзей. Силки, спотыкаясь, сделал несколько шагов вперед, по направлению к человеку в черном и собравшимся вокруг него Гончим.

— Силки… — Мун с огромным трудом тоже встала на ноги, по-прежнему сжимая в руке камень, и двинулась за ним следом.

Человек в черном даже не взглянул в их сторону.

— Остановите их. — Он равнодушно махнул рукой, и трое Гончих оторвались от стаи, чтобы преградить Силки путь. Последовал взрыв непонятных шипящих звуков, потом Мун увидела, что они дерутся. Щупальца свистели, нанося удары по головам, по перламутровым глазам, потом

снова блеснул нож…

— Нет! Силки! — Она бросилась к нему. Один из охотников бросился на нее сбоку — как раз в тот момент, когда зазубренный нож вонзился в тело Силки. Она вскрикнула так, словно ножом ударили ее. Силки упал точно подкошенный. Человек в черном обернулся, услышав ее крик, и тут она изо всех сил ударила камнем напавшего на нее убийцу и сбила его с ног. На нее тут же набросились остальные; несмотря на ее отчаянное сопротивление, они повязали ее своими щупальцами по рукам и ногам, а тот, кого она ударила, поднялся, обливаясь кровью, и сорвал с нее капюшон костюма, обнажая горло. Волосы рассыпались у Мун по плечам; в них тут же запутались щупальца, оттягивающие ее голову назад.

— Остановитесь! — Кто это? Но понять она не успела — перед глазами замелькали, как в калейдоскопе, белые облака и синее небо над головой, и нож, совсем близко от ее горла…

Внезапно кто-то мощным рывком высвободил ее из смертельных объятий Гончих и рывком швырнул на землю.

— Убирайтесь! Оставьте ее! Вы что, с ума посходили, черт бы вас побрал! — Тяжелые башмаки человека в черном и его широко расставленные

ноги как бы отгородили ее от Гончих; она спряталась за ним, словно за деревом, защищающим ее от ураганного ветра. Потом подняла глаза выше и увидела лишь незнакомый черный силуэт на фоне пустынного каменистого берега. — …Это ведь сивилла! Вы что, хотите, чтоб меня проклятли? Оставьте ее в покое и уберите этот нож к чертовой матери! — Он повелительным жестом отогнал их, они повиновались, а он присел возле Мун на корточки.

Она с трудом приподнялась, чувствуя бесконечную усталость; кровь теплым ручейком стекала в ложбинку у горла, где изображен был трилистник, впитывалась в воротник рубашки, текла между грудями.

Человек в черном… мужчина, спрятавший свое лицо под маской… Она видела только, как в прорезях поблескивают его глаза; глаза были серо-зеленые. Он неуверенно потянулся рукой в перчатке к ее горлу. Она испуганно шарахнулась, но он всего лишь стер кровь, открывая взору трилистник, и вздрогнул. Потом как-то лихорадочно начал вытирать перчатку о гальку.

— Боги! Неужели я схожу с ума? — Он озирался, словно в поисках подтверждения собственной догадки. — Нет, ты не настоящая… Ты не можешь

быть настоящей! Кто ты такая? — Он взял ее за подбородок и повернул лицом к себе; потом отпустил, мазнув перчаткой по щеке, по волосам — словно коротко погладил. — Не она… Кто же ты? — Это звучало почти как мольба.

Она поднесла руку к горлу, где боль уже обозначила глубокий порез от уха до уха и от подбородка до грудины, пытаясь скрыть от него свою рану, свой трилистник…

— Я Мун, — прошептала она, не совсем понимая, зачем называет свое имя, но благодарная за то, что у нее хватило сил это имя выговорить. — Сивилла… — Ее голос окреп. — Да, я сивилла! И я утверждаю, что ты совершил убийство. Ты не имел права охотиться здесь. Это убийство: погибли мыслящие, разумные существа! Никто не имеет на это права! — Она старалась не смотреть на залитый кровью берег. — Это убийство, убийство!

Его глаза постепенно стали зелеными и холодными, как изумруды.

— Заткнись, черт бы тебя побрал!.. — Но почему-то он никак не мог оторвать глаз от ее лица; в глазах был мучительный вопрос. — Будь ты проклята! Что ты здесь делаешь? Как ты могла попасть сюда! Да еще во время… Ведь ты меня

бросила… Я мог бы убить тебя за это! — Он покачал головой, стараясь не смотреть на нее, точно выплевывая невнятные горькие слова.

— Да! Да! Убей и меня тоже, убийца меров, убийца сивилл, трус, и будь ты проклят! — Она резким движением подставила ему свое горло. — Пролей и мою кровь — пусть она падет на тебя проклятием сивилл! — Мун своими окровавленными пальцами пыталась дотянуться до него, испачкать его своей кровью…

Но рука ее вдруг ослабела и бессильно упала вниз: она разглядела медаль, поблескивавшую поверх его черного костюма, — знак Гегемонии, ту самую медаль которую она привыкла видеть с детства… Ее рука снова поднялась и коснулась медали; человек в черном не препятствовал ей. Медленно, очень медленно она подняла глаза, понимая, что через мгновение узнает…

— Нет! — Его кулак ударил без предупреждения, и Мун снова провалилась во тьму.

Глава 31

— Здравствуйте, Миро. — Джеруша выбралась из патрульной машины, одетая в полицейскую форму и с самой лучшей своей дежурной улыб-

кой на устах. Ветер похлопывал ее по плечам ледяными ладонями, пытался сорвать расстегнутую куртку, распахнуть ее для своих грубоватых ласк. Черт бы побрал эту погоду! Она с трудом сохранила на лице улыбку.

— Джеруша! — Нгенет бегом спускался к ней по склону холма — со стороны мастерских; его позвали работники, увидевшие, как она причалила к берегу. Он улыбался все шире, от всей души радуясь ее приезду, и ее улыбка тоже начала понемногу теплеть. Однако она успела заметить в его глазах некое замешательство, когда предстала перед ним в форме. — Давненько мы с вами не виделись!

— Да уж. — Она кивнула, оттягивая время, чтобы понять: неужели только то, что они так долго не виделись, послужило причиной его странного взгляда? — Как… как вы живете, Миро?

— Да в общем, как и прежде. — Он сунул руки в карманы парки, пожал плечами. — Обычная жизнь. Это что же, деловой визит или дружеский? — Он пристально смотрел на патрульное судно.

— И то, и другое, наверно. — Джеруша попробовала говорить шутливым тоном. И тут же заметила, как он поджал губы — только усы

шевельнулись. — У нас есть сведения, что где-то здесь приземлился космический корабль, занимающийся ввозом запрещенной техники… — Если честно, это произошло по крайней мере недели две или три назад! — И поскольку необходимо было проверить этот район…

— Комиссар полиции самолично занимается ловлей контрабандистов? С каких это пор? — Он явно забавлялся.

— Видите ли, в данный момент одна я оказалась свободной. — Она печально улыбнулась; улыбка вышла напряженной, натянутой — она совсем отвыкла улыбаться. Он засмеялся.

— Черт побери, Джеруша, вы же знаете, что вам совсем не обязательно искать официальный повод, чтобы приехать сюда! Вам здесь всегда рады… как другу.

— Спасибо. — Она поняла, почему он так назвал ее, и была благодарна за это. — Так приятно, когда тебя выделяют из остальных, когда становишься для кого-то не только комиссаром полиции… — Она плотнее запахнула форменный плащ. Мой щит, мое оружие. Что я буду делать, когда его у меня отнимут? — Я… я пыталась дозвониться до вас недели две назад. Но вы куда-то уехали. — Ей вдруг захотелось спросить, почему он не перезво-

нил ей. Боги, как можно упрекать его, если я сама ни разу ему не перезвонила?

— Извините, я никак не мог позвонить вам… — Он, похоже, думал о том же и тоже не нашел нужных слов. — Вы были — заняты, наверно?

— Занята! Тысяча чертей! Это… это же сущий ад! — Она с силой захлопнула распахнутую дверцу патрульной машины. — БиЗед пропал, Миро. Погиб. Убит бандитами где-то в глуши, в тундре… Я просто не могу… не могу больше! — Ее голова вздрагивала, точно кланялась невидимому господину. — Я не знаю, как заставить себя вернуться в Карбункул. Ведь всем им так хочется, чтобы я не вернулась никогда! Лучше бы действительно убили меня, а не Гундалину.

— Ах, Джеруша… Почему же вы мне раньше не рассказали?

Она отвернулась, не заметив его протянутой руки, натянув на голову капюшон и с отчаянием глядя в море.

— Я приехала сюда не для того… не могу же я, черт побери, использовать вас, как корзинку для мусора!

— Ну конечно можете! Должны. Иначе для чего же существуют друзья? — В его голосе слышалась улыбка.

— Не только для этого!

— Ну хорошо. Но разве нельзя было рассказать мне? Почему же просто не поделиться своими переживаниями? — Он потянул ее за локоть.

— Не трогайте меня, Миро. Пожалуйста. Отпустите меня. — Он отпустил ее локоть — так она вздрогнула при его прикосновении. — Я вполне могу с этим справиться сама. Со мной все будет в порядке; я постараюсь… — Она еле сдерживала себя, чтобы не разрыдаться.

— И вам кажется, что смерть — это наилучший выход?

— Нет! — Она ударила по холодному металлу кулаком. — Нет. Именно поэтому я и сбежала оттуда… Мне необходимо было попытаться отыскать иной способ. — Она медленно, с закрытыми глазами повернулась к нему.

Некоторое время он молчал.

— Джеруша… я представляю, как они мучили вас все-это время… Вы не сможете долго противиться такому давлению, не сможете — в одиночку. — Он вдруг рассердился. — Почему вы перестали звонить мне? Почему вы перестали… отвечать на мои звонки? Неужели вы мне не доверяете?

— Слишком доверяю. — Она стиснула зубы,

чтобы не засмеяться от глупой радости. — О боги, я слишком доверяю вам! Вы посмотрите: я здесь какие-то пять минут и уже вывернулась перед вами наизнанку. Да одно ваше присутствие совсем меня воли лишает. — Она покачала годовой, по-прежнему не открывая глаз. — Видите? Я не могу опереться на вас: я тогда сразу начинаю чувствовать себя калекой.

— Все мы искалечены, Джеруша. Мы калеками родились.

Она медленно открыла глаза.

— Вот как?

Нгенет стоял, скрестив руки на груди и глядя в морскую даль. Крепкий ветер трепал его черные как вороново крыло волосы. Она поежилась и еще туже запахнула свой теплый плащ.

— Вы же знаете ответ, иначе не приехали бы сюда. Давайте лучше пройдем в дом. — Он вопросительно посмотрел на нее; она кивнула и пошла следом за ним на вершину холма, неуверенно и немногословно отвечая на его вопросы и сама спрашивая об урожае, о погоде — позволяя огромной силы отрицательному заряду в ней уходить в землю, утекать в море.

Они миновали скрипучую ветряную мельницу, точно дозорный высившуюся за мастерскими.

Нгенет использовал ее для того, чтобы качать воду из колодца. Джеруша в который раз удивилась столь абсурдному анахронизму среди новейших импортных приспособлений, которыми была начинена вся его усадьба и плантация.

— Миро, мне всегда хотелось узнать… Объясните мне, пожалуйста, зачем вы пользуетесь этой мельницей?

Он обернулся к ней и добродушно пояснил:

— Ну, вы же вот, например, отняли у меня мое судно на воздушной подушке? А вдруг у меня и генераторы отнимут?

Она ожидала вовсе не такого ответа, но лишь молча покачала головой. Они подошли к дому, открыли прочную, способную устоять перед натиском любой бури дверь и оказались в той самой комнате, которую она отлично запомнила с самого первого раза и всегда вспоминала, как и ту горстку украденных у городской жизни вечеров, когда могла несколько часов подряд просидеть с поджатыми ногами у огня, окутанная теплом и золотистым светом, увлеченная мирной игрой или рассказывая Миро о своей родной планете.

Она стащила шлем и тряхнула темными-кудрями. Позволила себе неторопливо оглядеть уютную комнату, обставленную вещами, словно

купленными в лавке старьевщика; здесь реликвии, сохранившиеся от инопланетных предков Нгенета и передававшиеся из поколения в поколение как фамильные драгоценности, забавно соседствовали с грубоватой, местного производства мебелью. Подойдя к огромному камину и отогревая спину у огня, Джеруша внимательно посмотрела на Нгенета.

— Вы знаете, несмотря на столь долгий перерыв, мне кажется, будто я никогда никуда отсюда не уезжала… Забавно, не правда ли? И очень напоминает мой родной дом…

Он посмотрел на нее, стоя на другом конце комнаты, но ничего не ответил, только улыбнулся. Они помолчали.

— Почему бы вам не отнести свои вещи наверх? А я пока приготовлю что-нибудь перекусить, — предложил он.

Она подхватила свою дорожную сумку — полупустую, там была только смена белья, — и поднялась по старенькой лестнице на второй этаж. Дом был большой… полный отголосков детских шумных игр и смеха… полный воспоминаний. Перила были отполированы до блеска касанием множества рук; но теперь гостиные и спальни были пусты и тихи. Сейчас в доме жил

только Миро, последний в своем роду и одинокий. Одинокий — даже среди тех уроженцев Зимы, что работали здесь и считали себя его союзниками и друзьями. Джеруша чувствовала те узы доверия и уважения, что связывали их, владельца поместья и его работников, инопланетянина и местных жителей. Но Нгенет всегда был окружен некоей неуловимой аурой тайны, умолчания, которая как бы замыкала его в себе, отделяя от остальных. Порой, при резком соприкосновении этой ауры с ее собственной защитной оболочкой словно искры сыпались…

Она вошла в ту комнату, где останавливалась всегда, и швырнула сумку и шлем на мягкую постель — роскошное ложе, хотя и с простой деревянной рамой, довольно жесткое, но никогда не заставлявшее ее по полночи лежать в темноте и умолять сон смежить ей веки…

Она расстегнула и сняла плащ, направилась с ним к массивному гардеробу и замерла, заметив валявшийся в углу яркий космический комбинезон. Джеруша машинально повесила плащ, подняла комбинезон и прижала к себе. Потом снова отвела руку с ним подальше, внимательно его изучая. Потом медленно взяла в руки свой плащ, а космический комбинезон повесила на

его место.

Потом вернулась к постели, снова посмотрела на смятые покрывала; подобрала щетку для волос, лежавшую на табуретке у изголовья, коснулась пальцем длинных светлых волосков, застрявших в ней. Потом положила щетку на место. Постояла молча, вдруг представив себе одинокую светловолосую кудрявую девочку в поношенных штанишках и сандалиях, что присела на корточки, глядя, как серебристые воги выскальзывают у нее из рук в обмелевшую речку… Солнечный свет просвечивал сквозь волосы девочки, как сквозь медовые соты; вокруг стояла тишина, и устланное голышами дно речки, напоминавшее моренную гряду, тянулось куда-то вдаль… в бесконечность…

Джеруша взяла в руки шлем и сумку и быстро пошла вниз по лестнице.

— Джеруша, в чем дело? — Миро выпрямился; он уже накрыл для них низенький столик у камина, и сейчас на лице его было написано полнейшее недоумение. — Я думал, что вы…

— Вы не сказали мне, что у вас… другая гостья. — Слово невольно прозвучало двусмысленно, хотя она этого и не хотела. — Я не могу остаться.

Выражение его лица переменилось, как у че-

ловека, совершившего ужасную оплошность. Ее же собственное лицо, казалось, сковал смертный хлад.

— Разве у вас никогда не бывает выходных? — тихо спросил он.

— Разумеется, ваши понятия о морали не… совершенно меня не касаются, даже если я на службе.

— Что? — Теперь его лицо стало совсем другим. — Вы хотите сказать… Так вон вы о чем подумали! — Он рассмеялся, явно испытывая облегчение. — А я-то решил, что вы контрабандистов ищете!

Она даже рот приоткрыла от изумления.

— Джеруша, — он, обходя мебель, пробрался к ней через всю комнату. — Боги, у меня ничего такого я в мыслях не было! Это вовсе не то, о чем вы подумали; это просто моя приятельница. Не возлюбленная. Она такая молоденькая, что ей впору быть моей дочкой. Она сейчас в море ушла, на лодке.

Джеруша на него не смотрела, уставилась в пол.

— Я не хотела… мешать…

Он закашлялся.

— Я, разумеется, не пластиковый идол… — Он

смущенно подобрал с пола мягкую цветастую подушку, потом снова бросил ее.

— Я этого и не говорила. — Оле, каким отвратительным тоном она это сказала!

— Я… Вы как-то подметили, что я человек неглупый. Но даже за столь долгое время, несмотря на то, что вы несколько раз бывали здесь, я никогда не догадывался… — его рука потянулась к ней и коснулась ее так, как никогда не касалась прежде, — …что вам нужно от меня нечто большее…

— Я не хотела, чтобы вы это поняли. — Не хотела допускать такой мысли — даже для себя самой. Она попыталась отстраниться, отойти подальше, отодвинуться… Но не смогла — дрожала, как пойманная дикая пташка.

Он убрал руку.

— Есть кто-то другой? Там, в столице? Или на вашей родной планете? Кто же это?..

— Нет, — лицо ее пылало. — Никого. И никогда не было.

— Никогда? — Он затаил дыхание. — Никогда?.. Никто никогда не касался вас — вот так?.. — он провел рукой по ямке у нее на шее, по подбородку, — …или вот так?.. — он едва касался ее одежды, скользя рукой по груди, — и не делал вот так?.. — он неторопливо обнял ее, прижал к себе,

и она почувствовала его всем своим телом, и его губы прильнули к ее губам в сладостном, точно мед, поцелуе… Она прошептала:

— Нет… только сейчас… — И этот поцелуй словно освободил ее. Она сама нашла его губы и требовательно прильнула к ним…

— Извините, хозяин!

Джеруша охнула и вырвалась из его объятий. В дверях стояла старая кухарка, уже успевшая отвернуться от них.

— В чем дело? — голос Миро звучал довольно резко.

— Обед, сэр. Обед готов… Но обед ведь может и подождать! — Джеруша услышала в голосе кухарки понимающую улыбку. Когда та удалилась на кухню, Миро тяжело вздохнул и попытался улыбнуться, но только нахмурился и погрустнел. Потом взял Джерушу за руку, но она тут же выдернула свою ладонь. Он удивленно посмотрел на нее.

— Вы своими вопросами попали в точку, Миро. — Она улыбалась, но губы ее дрожали, точно от скопившегося в ней статического электричества. — Однако вам следовало выбрать для них другое время. — Он хотел было возразить, но она покачала головой и прижала палец к губам. —

Сейчас мне слишком трудно сразу воспринять все это… или недостаточно легко…

— Я понимаю. — Он кивнул, вдруг помрачнев; словно то, что только что произошло, и чего она так давно ждала, не значило для него ровным счетом ничего.

Разочарование и стыд теснили ей грудь. Неужели это совсем ничего для тебя не значит?

— Я, пожалуй, все-таки вернусь в город прямо сейчас. — А ты можешь рассказать своей юной возлюбленной, как тебе почти удалось пообедать с комиссаром полиции!

— Вам вовсе не обязательно уезжать. Мы можем… сделать вид, что ничего не произошло.

— Вы, наверное, можете… Но я больше не могу делать вид. Не могу притворяться. Слишком уж удручающа действительность. — Джеруша натянула плащ и неровной походкой направилась в двери.

— Джеруша, с вами все нормально? Все в порядке? — Ее тронула тревога, явственно звучавшая в его голосе.

Она остановилась, обернулась, но держала себя в руках.

— Да. Даже один день вне Карбункула — словно вливание свежей крови. Может быть… мы еще

увидимся — во время Фестиваля, перед нашим окончательным отъездом… Вы ведь приедете? — Она ненавидела себя, ибо спросила о том, о чем сам он никогда не спросил бы.

— Вряд ли. Не думаю. Мне кажется, именно этот Фестиваль лучше пропустить. К тому же я никуда с Тиамат не улетаю; здесь моя дом.

— Да, конечно. — Она чувствовала, что на губах ее вновь возникает проклятая искусственная улыбка, больше похожая на гримасу. — Ну что ж, в таком случае я, может быть, еще… позвоню вам до отлета. — Да провались ты ко всем чертям, провались ты…

— Я провожу вас.

— Не беспокойтесь. — Она покачала головой, надела шлем, пропустила ремешок под подбородком и застегнула. — Не нужно меня провожать. — И, отворив темную, обитую железом дверь, вышла на улицу, постаравшись побыстрее захлопнуть дверь за собой.

Она уже наполовину спустилась с холма, когда услышала, как Нгенет зовет ее по имени, и увидела, что он бегом догоняет ее. Она остановилась, руки непроизвольно сжались в кулаки внутри рукавиц.

— В чем дело? Что-то случилось?

— Идет шторм.

— Вы ошибаетесь. Я проверяла сводку погоды, прежде чем уехала из Карбункула.

— Да черт с ней, со сводкой; если бы эти ублюдки хоть на миг забыли о своих моделирующих устройствах и просто просмотрели на небо… — Нгенет широким жестом обвел небо от горизонта до зенита. — Шторм будет здесь еще до рассвета.

Она посмотрела в небо, но ничего особенного не увидела — обычные рваные облака, бледное свечение вокруг солнц-Близнецов, словно пляшущее туманное кольцо…

— Не беспокойтесь. Я еще до наступления темноты буду дома.

— Я не о вас беспокоюсь. — Он неотрывно смотрел куда-то на север.

— Ах вот как! — Она почувствовала, что лицо ее окаменело.

— Та девочка, что живет здесь, уплыла на север в маленькой лодчонке. Она должна была вернуться не раньше завтрашнего вечера. — Он мрачно посмотрел, на Джерушу. — Я уже однажды вылавливал ее из моря полузамерзшую… Во второй раз ей может и не повезти… Я туда ни за что не успею добраться, если только…

Она кивнула:

— Хорошо, Миро. Давайте отыщем ее.

Он колебался.

— Я… не знаю, удобно ли просить вас о такой услуге; я просто не имею права просить вас. Но…

— Все нормально. Это моя обязанность — помогать.

— Нет. Я как раз хотел бы… чтобы вы забыли о службе, если станете помогать мне. Забыли… что когда-то встречали одного человека… — Он как-то криво усмехнулся. — Понимаете? Я слишком многое должен вам доверить… — Он принялся растирать замерзшие руки, и до нее дошло, что он прибежал за ней следом раздетым.

И тут она, вспомнив его замешательство в момент их встречи, наконец догадалась, в чем дело.

— Она, я надеюсь, не участвовала в массовом убийстве или в чем-либо подобном?

Он рассмеялся.

— Совсем даже напротив.

— В таком случае, можете рассчитывать на мою ужасную память. Только давайте отправимся поскорее, пока вы совсем не замерзли. Можете давать мне соответствующие указания относительно дальнейшей конспирации по дороге.

Они быстро спустились с холма — навстречу крепнущему ветру. Джеруша повела патрульное

судно на север, вдоль изрезанной кромки берега.

— Ну хорошо. По-моему, теперь уже пора свести все концы воедино. Вы действительно знакомы с теми контрабандистами, которые приземлились здесь недели две назад. И ваша гостья — из их числа. — Джеруша с некоторым облегчением окунулась в знакомый мир их прежних сложных отношений, не замутненных какими-то иными чувствами.

— Верно, но лишь наполовину.

— Наполовину? — Она остро глянула на него. — Объясните.

— Вы помните… обстоятельства нашей первой встречи?

— Да. — Ей вдруг представилось лицо Гундалину, полное справедливого негодования. — Гундалину тогда действительно прижал вас к ногтю.

— Ваш сержант? — Она чувствовала, что Нгенет улыбается. — Мне очень жаль… что так получилось. Из-за вас — жаль.

— По крайней мере, он умер мгновенно. — И это все твое сочувствие? — А эта девушка?.. — Джеруша чувствовала, что ее предчувствия оправдываются.

— Она та самая девочка с Летних островов, что сломала вам руку; та самая, что улетела тогда с

контрабандистами.

— Так она вернулась? Каким образом?

— Ее привезли обратно.

Джеруша включила автопилот.

— Но это же значит, что она нарушила закон! — А может быть, и еще хуже. — Где же она была все это время?

— На Харему.

— Так я и знала, — проворчала Джеруша. — Скажите, Миро… а вы уверены, что эти инопланетяне случайно увезли ее отсюда?

Он сурово нахмурился.

— На сто процентов уверен. Что вы, собственно, имеете в виду?

— А вам никогда не приходило в голову, что эта Мун, дочь Лета, поразительно похожа на Снежную королеву?

— Нет. — На лице его было написано полнейшее, недоумение. — Я очень давно не видел Ариенрод.

— А как вы отнесетесь к сообщению о том, что Снежной королеве было прекрасно известно, кто такая Мун, и она была в ярости, узнав, что Мун исчезла? Я, например, уверена, что все мои беды начались именно потому, что я ее тогда упустила. Как вы воспримете мое утверждение,

что Мун, Покорительница Зари — клон Снежной королевы?

Нгенет уставился на нее.

— У вас есть доказательства?

— Нет, доказательств у меня нет. Я просто уверена — в том, что у Ариенрод были относительно этой девочки особые планы… например, сделать ее, свое второе «я», королевой Лета… И если Ариенрод обнаружит, что Мун вернулась…

— Но она и Мун — не одно и то же. Они и не могут быть… — Миро нахмурился, глядя в морскую даль. — Вы кое-что забыли в отношении Мун, Джеруша.

— Что именно?

— Она сивилла.

Джеруша вскочила, вспомнив и ужаснувшись значению этого факта.

— Так значит… она… Но ведь это вовсе не означает, что я не права. Или того, что она не представляет опасности для Гегемонии.

— Ну и как вы собираетесь в данном случае поступить? — Миро поерзал на сиденье и все-таки посмотрел ей прямо в глаза.

Она только головой покачала.

— Не знаю. Пока не встречусь с ней.

— Эй, да обрежьте вы эти одежки покороче!

Скорей… белый идет… в темноте не видно…

Лаяли собаки. Мун слышала, как наплывали и растворялись в небытие слова, похожие на ледяные волны прилива, что лизал ее ноги, колени, бедра… Она открыла глаза, спасаясь от воспоминаний, которые совершенно измучили ее. Но увидела лишь небо, по которому плыли безмятежные флотилии облаков. Она боялась пошевелиться.

— Этот мертв.

— …Повезло, хвала Хозяйке! …Никогда не удавалось раздобыть так много одежды…

— Хвалить — так уж Снежную королеву! — Послышался смех.

— Ну уж нет! — Из облаков над ней вынырнуло чье-то лицо, закутанное в белое; Человек опустился на колени и попытался посадить Мун.

— В черном… — Мун слышала свое собственное невнятное бормотание. — В черном… Где он… где? — Она ухватилась пальцами за чье-то толстое белое плечо в поисках поддержки и заметила лежавшее рядом с ней тело… — Силки!

Человек в черном снова загородил от нее весь мир.

— Похоже, это одна из любительниц меров, жалельщиц этих. Вот, Гончую убила, а те ее чуть

не прикончили. — Голос был молодой.

— Силки… Силки… — Мун попыталась коснуться его безжизненных щупалец.

— Хватит! — Теперь голос был грубый, старческий. Мун с трудом перевернулась на бок, когда тот, что был помоложе, присел возле нее с камнем в руках. Она дернула за молнию и резким движением распахнула свой костюм для подводного плавания почти до живота как раз в то мгновение, когда камень взлетел у нее над головой.

— Сивилла! — Слово прикрыло ее, точно щит. Парнишка уронил камень и натянул на голову капюшон. Она видела, что лицо его мгновенно обрело человеческое выражение, видела, как он смущенно смотрит на запекшийся кровяной след, тянущийся вниз от ее раненого горла.

— Да, я сивилла. — Она указала на свою, татуировку, моля богов, чтобы этого оказалось достаточно.

— Ма! — Парнишка сел на пятки и крикнул снова:

— Ма, посмотри-ка!

Вокруг Мун тут же возникли еще чьи-то белые фигуры — словно суд призраков, двоящихся и сияющих перед ее воспаленными глазами.

— Сивилла, ма! — Полудетская фигурка при-

плясывала возле нее от нетерпения. — Мы не можем убить ее.

— Я не боюсь крови сивиллы! — Мун узнала старческий голос. Отвратительная карга пнула ее в грудь. — Я сама святая. Во всяком случае, я намерена жить вечно.

— Ой, как бы не так! — Парнишка вдруг превратился в девочку, которая наклонилась и стала внимательно рассматривать рану Мун. Потом она захихикала с облегчением:

— Говорить-то можешь?

— Да. — Мун села, коснулась рукой горла, потом — распухшего лица, с трудом сдерживая желание сглотнуть. Она посмотрела на распростертое тело Силки и увидела чуть подальше людей в белом с охотничьими ножами: они разделывали тела мертвых меров… Мун ткнулась лицом себе в колени. Я его мертвым не видела. Не видела! Это был кто-то другой! Она застонала — точно оплакивала не самих меров, а их недопетую песню.

— Тогда я тебя заберу к себе. — Девочка обернулась к старухе. — Она мне нужна для зоопарка. Она может на любой вопрос ответить!

— Нет! — рявкнула старуха и покачала головой. — Сивиллы, они заразные. Инопланетяне говорят, что они бешенством заразить могут. К

тому же они насквозь лживые. Хватит собирать всяких тварей, Бладуэд! Ими и так уже все провоняло. От этих, во всяком случае, я намерена избавиться…

— Вот только попробуй! — Бладуэд зло пнула ее. Старуха взвыла от боли и отшатнулась. — Только попробуй! Хочешь жить вечно, старая дура, тогда лучше оставь моих питомцев в покое!

— Хорошо, хорошо… — заныла карга. — Не смей так разговаривать с матерью, неблагодарная девчонка! Разве ж я тебе когда что запрещала?

— Вот так-то оно лучше. — Бладуэд — руки в боки — победоносно смотрела на впавшую было в тоску Мун и улыбалась. — Я думаю, ты мне очень даже кстати будешь.

* * *

— Боги! О, мои боги! — Это звучало скорее как проклятие, чем как мольба.

Джеруша молча стояла рядом с Миро на безжизненном берегу, слушая пронзительные вопли распуганных стервятников. Глаза ее беспокойно блуждали по залитым смертной кровью камням, не в силах остановиться ни на чем, запомнить какую-либо деталь и не в состоянии снова посмотреть на Миро, с пепельным лицом стоявшего

с нею рядом — Она не в силах была произнести ни слова, даже просто дотронуться до него, стыдясь вторгаться в мир его безграничного горя. Да, то была Королевская Охота — здесь, на пахнущем смертью берегу, приносили в жертву меров. Джеруша всегда ненавидела Королевскую Охоту, хотя ни разу не видела ее. А Нгенет и видел, и прекрасно понимал ее сущность, и от этого ненавидел Охоту еще сильнее.

Миро прошел чуть дальше по тропе, проложенной среди обезображенных трупов, обследуя каждое, уже покрытое пеной прилива окровавленное тело с какой-то мазохистской тщательностью. Джеруша следовала за ним, держась на расстоянии; она чувствовала, как стиснуты ее челюсти, и не была уверена, что сможет когда-нибудь снова открыть рот. Потом она увидела, что Миро остановился и опустился возле одного из тел на колени. Подойдя поближе, она увидела, что это не мер. И не человек. Диллип.

— Это… Гончая?

— Это мой друг. — Нгенет поднял безжизненное тело и прижал к груди, словно уснувшего ребенка; она заметила темное пятно, оставшееся на камнях. Ничего не понимая, она смотрела, как Нгенет понес диллипа к морю, без малейшего

колебания вошел в воду и заходил все дальше и дальше, пока ледяные волны не коснулись его груди. Только тогда он бережно вернул невинного изгнанника в его родную стихию.

Когда он вышел из воды, Джеруша сняла свой плащ и набросила ему на плечи. Он рассеянно кивнул в знак благодарности; ей показалось, что холода он и не почувствовал. Она вдруг вспомнила, что в компании тех контрабандистов — пять лет назад — был такой же диллип.

— Она, должно быть, тоже мертва. — Голос Нгенета был твердым и холодным как сталь. Джеруша вдруг поняла, что они так и не обнаружили никаких следов Мун, Покорительницы Зари. — Это работа Звездного Быка и его Гончих. — Он отчаянно махнул рукой; слова эти звучали как проклятие. — Их последняя Охота. На моей земле! — Руки его сами собой сжались в кулаки. — Бросили их вот так, изрезанных, изуродованных, напоказ… Зачем?

— Так приказала Ариенрод. — Простая уверенность в этом пронизала Джерушу словно лучом света, едва до нее дошла истинная причина того, зачем Ариенрод понадобилось так наказать совершенно незнакомого ей человека и к тому же инопланетянина. Неужели это из-за меня? Нет,

нет… только не это!

Миро отвернулся, точно она действительно была виновата в случившемся.

— Это преступление, направленное против гражданина Гегемонии и совершенное на его законной территории! — Уже сам тон его обвинял, так что слова были практически не нужны. — Вы видели все собственными глазами и располагаете законными основаниями для обвинения Звездного Быка в убийстве. Вы можете это сделать, комиссар?

Она застыла.

— Не знаю. Я больше ничего не знаю, Миро… — Она потрогала знаки различия у себя на воротнике. Потом глубоко вздохнула… — Но клянусь вам, и боги мне свидетели, я сделаю все, что в моей власти, в моих силах, чтобы обвинение это было предъявлено! — Она смотрела на истерзанные тела. — Снежная королева разрушает все, к чему ни прикоснется!.. И жизнь БиЗеда из-за нее сгорела в одной-единственной вспышке пламени. Я заставлю ее заплатить, даже если мне придется ради этого пожертвовать собственной жизнью! Так просто это ей с рук не сойдет… Уничтожен ЛиуСкед… Она думает, что недосягаема, думает, что будет королевой вечно, но я этого не

допущу… — И ее, Джеруши, жизнь тоже пошла прахом. — …Даже если мне придется утопить ее собственными руками!

— Я верю вам, Джеруша, — сказал Миро без улыбки; в его голосе больше не звучало то холодное обвинение, которое так потрясло ее. — Но времени осталось мало.

— Я знаю. — Она отвернулась, сознательно прокручивая перед своим внутренним взором страшную гибель существ, чьей единственной виной была их собственная жизнь. — Я никогда раньше не видела меров так… близко… — Она вдруг умолкла.

— Здесь вы их тоже не увидели. — Голос у него дрожал. — Эти груды мертвой плоти не имеют с ними ничего общего. Считайте, что так и не видели меров — пока не увидите, как они танцуют на поверхности моря, или не услышите их пения… Вы не сумеете понять подлинную глубину совершенного преступления, пока не узнаете правду о том, кто они такие. Они ведь не просто животные, Джеруша.

— Что? — Она обернулась. — Что вы такое говорите? — Нет, не говорите мне этого; я не хочу этого знать!

— Они разумные существа. На этом берегу

сегодня было совершено не два убийства, а по крайней мере полсотни. А за последнее тысячелетие…

Она покачнулась под порывом ветра.

— Нет… Миро, они не… Они не могут быть разумными!

— Они были синтезированы генетически, но это безусловно разновидность мыслящих существ; Старая Империя подарила им разум вместе с бессмертием. Мун рассказала мне о них всю правду.

— Но почему? Зачем им быть разумными? И как могло случиться, что Межгалактический Кордон ничего не знает об этом?.. — Голос ее звучал еле слышно.

— Я не знаю, зачем им дан разум, но уверен, что Гегемонии уже, по крайней мере тысячу лет, известна правда. Я тогда сказал Мун, что не знаю, смеяться мне или плакать… — На щеках Миро заходили желваки. — Теперь знаю. — И он повернулся к Джеруше спиной.

Она молчала, ожидая, что хрупкая чаша небес разломится и рухнет на этот несправедливый, неправедный мир, сокрушит его лживые покровы, раздавит его — и ее с ним вместе… Но ничего не менялось ни в море, ни в небесах, неиз-

менными были очертания утесов и удушающая реальность смерти, утраты, тоски…

— Миро… пойдемте назад, к машине. Вы… вы до смерти простудитесь.

Он кивнул.

— Да. Те, кто выжил, со временем вернутся. А пока придется предоставить их… судьбе. Я не могу им помочь. Я и самому себе больше помочь не в состоянии. — Он посмотрел на маленький утлегарь, покачивающийся у самого берега; парус его был опущен — точно в знак траура. — Она подарила мне самый дорогой подарок из всех возможных, Джеруша: подарила мне истину… Она сказала, что ей предначертано было вернуться сюда — такое случается у сивилл. Я не понимаю, не могу поверить, что все так и должно было кончиться! Почему же? Что все это значит?

— Я не знаю. Я ничего не знаю, Миро. — Джеруша покачала головой. — Может быть, все, что мы делаем, вообще лишено смысла? Но мы ведь должны пытаться отыскать этот смысл, разве не так? Мы должны продолжать бороться во имя торжества справедливости… и быть готовыми к отмщению. — Она обхватила себя руками и пошла к машине. Проходя мимо брошенного утлегаря, она вдруг подумала: Гончие Ариенрод

убили ее ребенка, ее клон… и Ариенрод никогда не узнает об этом.

Глава 32

— Я беспокоилась о тебе, когда сказали, что начнется шторм.

— Ерунда. Мы его обставили. — Тон был равнодушный. Она тихо засмеялась.

— Сколькие из моих Звездных Быков могли бы сказать такое и не соврать при этом?

Спаркс не ответил; он неподвижно лежал на постели, глядя на собственное отражение в зеркалах и видя, что Ариенрод исподтишка посматривает, не следит ли он за нею. И так до бесконечности… Округлые изгибы тела Ариенрод напоминали ему континент, подымающийся из вод морских, чьи горы укутаны снежной шапкой волос. Тончайшие серебряные цепочки стекали с ее талии подобно лучикам света. Она втирала ему в кожу благовонное масло медленными осторожными движениями, однако тело его никак не откликалось на прикосновение ее пальцев. Не желало оно отвечать и на самые интимные ее ласки, на самые заветные ее предложения. Труп… Боги, помогите, я похоронен здесь заживо!

Рука Ариенрод соскользнула с его бедра — он не пошевелился, лежал как мертвый. Мускулы затвердели. Ну вот, у меня уже трупное окоченение. Она перевернулась на живот, положила голову ему на грудь и озабоченно посмотрела в лицо своими агатовыми глазами. Лживые глаза… Он видел глубокие тени под ними, бездонные глубины мудрости — мудрости без пощады, без милосердия… глаза оборотня, сделавшего его своим узником, заключившего его в темницу собственных мыслей… Спаркс закрыл глаза. Но я делал все это только для тебя, Ариенрод.

— Что ж, ты так сильно устал после Охоты? — Она приподняла медаль у него на груди, лениво крутя ее на пальце; он почувствовал холодную струю отвращения, тщательно скрываемого под ласковой озабоченностью. — Или я так тебе надоела? Может, мне пригласить кого-то еще, устроить что-то для троих?..

— Нет. — Он обнял ее и притянул к себе, скользя ладонями по шелковистым волосам, целуя прелестные губы, глаза, ямку под горлом… и ничего не чувствуя. Ничего. Та девушка-призрак, что явилась к нему из глубин морских, всегда будет стоять меж ними, когда бы и где бы они ни были вместе, наедине; и он всегда будет видеть ее глаза

— те самые, единственные, настоящие. И в них будет обвинение ему и кровавые слезы — вечно, вечно… — Ариенрод!.. — вырвалось у него с отчаянием. — Черт побери, ты же знаешь, что я люблю тебя! Что ты для меня все, чем когда-то была для меня она, а теперь и гораздо больше… — Но слова эти звучали как стон. Он перестал обнимать ее, руки его бессильно упали.

Ариенрод так и застыла у него на груди.

— Она?.. О чем ты говоришь, любовь моя? Наша Мун? — Голос ее был тих и невнятен. — Неужели ее образ все еще преследует тебя, ведь прошло столько времени? Ее больше нет. Мы давно потеряли ее. Ты должен забыть о ней. — Она помассировала ему виски медленными круговыми движениями.

— О всемогущие боги, я думал, что уже забыл! — Он метался на подушках, словно пытаясь избавиться от глядящего на него его собственного отражения в зеркалах, однако этот взгляд из зеркал неотступно преследовал его.

— В таком случае, почему? Зачем думать о ней сейчас? Неужели ты боишься Смены Времен Года? Я же обещала тебе, что она никогда не наступит.

— Это мне безразлично. — Да? И уничтожение твоего народа? Впрочем, все равно… Он бережно

снял со своей груди ее голову, перевернулся на живот и стиснул руками виски. Ариенрод села рядом; пояс из серебряных цепочек слабо прошелестел, касаясь ее кожи.

— Тогда в чем дело? — Она не скрывала раздражения. Руки ее обхватили его плечи. — Ты мой, Звездный Бык! Ты — единственный, кого я люблю в этом мире. Я не стану делить тебя с каким-то призраком. Я не уступлю тебя… даже если это мое собственное зеркальное отражение!

— Она не призрак! И не твое отражение! Она была живой, настоящей — там… — Он вцепился зубами в собственный кулак.

Ногти Ариенрод впились в его плечи.

— Кто? — спросила она, хотя прекрасно понимала, о ком он говорит.

— Мун. — Что-то похожее на рыдание содрогнулось у него внутри. — Мун, Мун, Мун! Она была там — во время Охоты… Она вышла из моря вместе с мерами!

— Тебе привиделось! — Ариенрод нахмурилась.

— Нет, не привиделось! — Спаркс резко перевернулся на спину, чувствуя на плечах ссадины от ее ногтей. — Я дотрагивался до нее, я видел знак у нее на горле… и ее кровь… Я испачкался в ее

крови… и она прокляла меня. — Смерть тому, кто убьет сивиллу… Смерть тому, кто ее полюбит…

— Ты просто дурак! — Его безрассудство рассердило Ариенрод. — Почему же ты мне сразу не рассказал обо всем?

Он только покачал головой.

— Я не мог. Я…

Она что было силы ударила его по лицу; он, не веря случившемуся, упал на подушки.

— Где она? Что с ней случилось потом?

Он потер рукой разбитые губы.

— Гончие… непременно убили бы ее. Я их остановил. Я… я оставил ее там, на берегу…

— Почему? — В одном этом слове был заключен целый мир утрат.

— Потому что она непременно узнала бы меня. — Он буквально выдирал из себя эти слова — с кровью выдирал. — Она непременно бы узнала… непременно бы увидела, кто я такой! — Его отражение в зеркалах вдруг закрутилось, завертелось, понеслось куда-то…

— Так значит, тебе стыдно быть моим возлюбленным и самым могущественным человеком в этом мире? — Она гордо вскинула голову.

— Да. — Ему было стыдно даже посмотреть на нее, когда он произнес это. — Когда я был там с

нею, мне было стыдно.

— Но ты же бросил ее, хотя уже начинался шторм, и тебе не было стыдно? — Ариенрод обхватила себя руками, дрожа так, словно это ее он оставил там одну.

— Черт побери, я же не знал о том, что будет шторм — в сводке об этом ничего не говорилось! — Тебе достаточно было посмотреть на небо, чтобы понять это… Но он тогда сразу запер-ся в каюте, чтобы скрыть от Гончих волнение и растерянность, и снова вышел на палубу только тогда, когда шторм уже завывал вокруг, когда было слишком поздно думать о чем-то еще, кроме своего собственного спасения. А потом — потом уже для всего на свете было поздно. Он гневно посмотрел на Ариенрод. — Я тебя не понимаю! Почему она столь многое значит для тебя? Даже если она твоя родственница, ты никогда не была ей близка. Во всяком случае, не была близка так, как я…

— Никто в этом мире не может быть ей ближе, чем я. — Ариенрод склонилась к нему. — Разве ты этого еще не понял? Неужели ты до сих пор не заметил, что я — это Мун?..

— Нет! — Он отшатнулся, но она поймала его за цепочку, на которой висела медаль, и держала,

словно на короткой сворке.

— Мун — это мой клон! Просто я специально сделала так, чтобы ее воспитали как дочь Лета. Я хотела, чтобы со временем она заняла мое место на королевском, троне. Мы совершенно одинаковы во всех отношениях — ВО ВСЕХ. — Она взяла руки Спаркса в свои и провела ими по своему телу. — И мы обе любим тебя, и обе — больше всего на свете.

— Это невозможно… — Он коснулся ее лица, понимая, что да, возможно! Они были словно ночь и день, железо и воздух, желчь и мед… Тогда почему я люблю вас обеих? Он опустил голову. Потому что я не могу не любить вас обеих, да помогут мне боги!

— Все возможно. Даже то, что она снова вернулась ко мне. — Ариенрод смотрела как бы сквозь него, сквозь толщу времен. — Но разве теперь она так уж нужна мне?.. Разве я все еще хочу, чтобы она была со мной? — Взгляд ее стал пронзительно острым. — И разве этого хочешь ты, любовь моя?

Он рухнул к ее ногам и почувствовал, как она обнимает и гладит его — любовно, с чувством законного обладателя.

— Нет, я этого не хочу. — Больше уже нет — не так, как когда-то хотел ее, только ее. — Только ты

мне нужна, Ариенрод. Ты сделала меня всем. Ты — и больше никто мне не нужен! — И ты — это все, чего я заслуживаю.

Глава 33

— Ну, сивилла, сейчас познакомишься с моими питомцами! — Бладуэд резкими повелительными криками погоняла Мун, заставляя ее скорее пробираться сквозь толпу зевак, собравшихся у входа в пещеру. Вся банда вышла наружу, чтобы посмотреть на сивиллу. Они показывали на Мун пальцами, что-то бормотали, выкрикивали всякие гнусные вопросы, но она старалась не обращать на это внимания, собрав последние силы, еще остававшиеся в ее истерзанном теле — пойманная рыба, бьющаяся на пирсе. Но никто из бандитов не осмелился даже подойти поближе, они расступались перед еле бредущей девушкой, как травы расступаются под натиском ветра. Даже сама Бладуэд старалась не касаться ее и не расставалась со станнером.

И даже если бы Мун осмелилась вырваться из лап бандитов, ей все равно было бы некуда идти. Два дня они ехали куда-то в глубь страны на аэросанях, взбирались на скованные льдами

холмы, пока наконец не очутились в этом уединенном логове… У Мун совсем не осталось сил; она ни за что в одиночку не смогла бы преодолеть бескрайние пустынные равнины… Она с трудом пересекла пространство огромной пещеры, служившей разбойникам убежищем. Собаки, привязанные между разноцветными синтетическими палатками и более примитивными, самодельными, из зеленовато-бурого брезента, лаяли и рычали, когда она проходила мимо. Пятна палаток выглядели на фоне каменных стен словно чудовищные скопления древесных грибов. Десятки разнообразных обогревателей и фонарей наполняли темноватую пещеру теплом и светом, а голоса и шарканье ног создавали постоянный шум, то усиливающийся, то затихающий. Мун на минутку остановилась, протянув замерзшие руки к одному из обогревателей. Однако нетерпение Бладуэд тут же обожгло ее, словно кипятком: «Живее! Поторапливайся!» — и она пошла дальше, слишком отупев от холода и усталости, чтобы протестовать.

Бладуэд вела ее низким, уходящим куда-то под землю коридором; впереди Мун видела неясный свет. Волна странных запахов вдруг нахлынула на нее; защипало в носу, словно от дыма; потом

перед ней оказались деревянные ворота; доски в них были скреплены проволокой. Бладуэд протиснулась мимо нее и нажала пальцем на тяжелый замок; дверь открылась, и юная разбойница велела Мун проходить вперед, и сама пошла за ней следом.

Мун, оказавшись внутри, некоторое время стояла без движения, рассматривая свою новую тюрьму. Этот отсек гигантской пещеры был примерно футов двадцать — тридцать в длину и столько же в ширину и в высоту. В центре, словно солнце, светилась лампа, подвешенная к потолку. По периметру, запертые в клетки, привязанные на веревку или на цепь, сидели неведомые Мун существа — примерно с десяток самых разных, покрытых шерстью, перьями, чешуей или совершенно голых, с морщинистой кожей. Мун заткнула нос рукой, ибо здесь вонь казалась просто непереносимой. Она видела, как некоторые обитатели зверинца съежились от страха, другие, наоборот, грозно рычали, некоторые же остались лежать в полной апатии. Потом она разглядела какого-то человека на голом тюфяке у самой дальней стены.

— Черт бы ее побрал! Ну я ей покажу! — вдруг сердито вскричала Бладуэд. Мун вздрогнула и ста-

ла озираться; обитатели «зоопарка» зашипели, завыли, застучали когтями, а Бладуэд развернулась и помчалась обратно по коридору, только ворота хлопнули. Мун повернулась в ту сторону, где лежал человек. Он даже головы не повернул, когда они вошли. Она медленно приблизилась к нему, чуть прихрамывая, потому что окоченевшие ноги в тепле вновь начали обретать чувствительность и горели огнем. Перепуганные животные трусливо шарахались от нее.

Незнакомец продолжал спать; она увидела, что это мужчина, инопланетянин… полицейский! Теплый форменный плащ его был весь заляпан темными пятнами; на нем были явно чужие грязные белые рейтузы и тяжелые грубые башмаки — обычная одежда кочевников. Лицо тонкое, смуглое — лицо аристократа с Харему; она много видела там таких лиц среди знатных технократов. Однако сейчас это лицо было прозрачным от голода или болезни, кожа на хрупких костях черепа болезненно натянута. Он упорно не просыпался и дышал тяжело, неровно, Мун неуверенно коснулась его лица и резко отдернула руку: лихорадочно горячий лоб словно обжег ее.

И тут же дрожавшие от усталости ноги подломились, и она рухнула прямо на холодный пол

рядом с его подстилкой. Животные вокруг притихли, но она чувствовала, что они по-прежнему не сводят с нее перепуганных глаз. Сердце у нее разрывалось от жалости, терпеть все это больше не было сил, и она, уронив голову на край тюфяка, заплакала почти без слез, мучительно содрогаясь всем телом. Помоги мне, Хозяйка, помоги мне!.. Я разрушаю все, к чему ни прикоснусь!

— В чем… дело? — Горячая от лихорадки рука коснулась ее волос; она вздрогнула и вскочила на ноги, проглотив слезы. — Не обо мне ли… ты плачешь? — Он говорил на сандхи… Потом попытался приподнять голову; глаза у него были красными, веки покрыты коркой. Мун подумала, что вряд ли он видит ее как следует.

— Да… — Пожалуй, и она говорила не громче.

— Не нужно… — Приступ кашля заставил его умолкнуть; он задыхался.

— Нет, ты только посмотри! Ты что, вони не чувствовала? — Мун выпрямилась и замерла, в ужасе глядя на Бладуэд, которая ворвалась в пещеру, волоча за собой куда более крупную, чем она сама, девицу. — Я же велела тебе присматривать за ними как следует, пока меня нет!

— Я и присматривала… — Девица заплакала, когда Бладуэд с силой дернула ее за косу.

— Надо бы вывозить тебя мордой в этом дерьме, Фосса. Ну да уж ладно, только смотри у меня, если не уберешь здесь все немедленно…

— Хорошо, хорошо! — Девица попятилась к воротам, вытирая слезы и бормоча:

— Соплячка противная!

— Эй, что это с ним, а? — Бладуэд уставилась на инопланетянина.

— Болен, наверное. Он тут бежать пытался, когда его помочиться вывели, да прямо в снежную бурю попал. Ну она его закружила, так он все ходил возле лагеря, пока мы его не отыскали. Совсем рядом. — Девица покрутила пальцем у виска и скрылась за воротами.

Бладуэд решительно подошла к больному и опустилась на корточки рядом с Мун.

— Хм, — она быстро схватила его за подбородок, когда он хотел было отвернуться. — Ты зачем это сделал?

Но глаз он не открывал.

— По-моему, он тебя не слышит. — Мун сжала пальцы больного, потом выпустила его руку. — Ему лекарь нужен.

— Он что же, помирать собрался? — Бладуэд удивленно посмотрела на нее; ее резкий тон неожиданно смягчился. — Здесь у нас лекаря нет.

Обычно Ма этим занималась, да теперь у нее что-то в голове повредилось. А больше она никого не учила. Может, ты чего в этом понимаешь, а?

Мун вскинула на нее глаза.

— Может, и понимаю… — Она быстро заплела свои длинные волосы в косы. — У вас здесь какие-нибудь инопланетные лекарства есть? Хоть что-нибудь? — Бладуэд отрицательно покачала головой. — Ну а травы?

— Я могу у матери кое-что стянуть… Да только травы все старые… — Бладуэд выжидательно замерла.

— Неси что есть. — Мун была даже несколько смущена ее готовностью помочь. Снова взяв инопланетянина за руку, она попыталась нащупать пульс. Внимательно дослушала, как он дышит, и заметила, что все запястье покрыто свежими пересекающимися шрамами. Она смотрела на них в молчаливом изумлении, потом бережно уложила его руку на постель, не выпуская из своей ладони, и стала ждать возвращения Бладуэд, заранее подготавливаясь к ее вопросам и освобождая голову от посторонних мыслей.

— Ну вот они, эти травы. — Бладуэд протянула ей узелок из шкуры, перевязанный веревкой и украшенный косточками и кусочками металла.

Мун быстро развернула узел и расстелила шкуру на полу. — Ма еще всякие волшебные слова говорила… А ты тоже волшебные слова знаешь, сивилла? — В голосе Бладуэд не было и намека на издевку.

— Наверное. — Мун перебирала сухие листья и травинки, нюхая семена и цветочные головки, разложенные в прозрачные пластиковые мешочки. Надежда ее угасала. — Я ни одной из этих трав не знаю!

— Ну, вот эта, например…

Она покачала головой.

— Я хочу сказать, что не умею ими пользоваться. — КейАр Аспундх рассказывал ей когда-то о специальных службах Старой Империи, которые заботились о том, чтобы, прежде чем заселять новые миры колонистами, посадить там в достатке лекарственные растения, годные в любых экосистемах. — На островах у нас много полезных трав знали… — И считали их даром Хозяйки. — Я должна буду спросить… то есть это ты, должна будешь спросить меня… хорошо? — Бладуэд с воодушевлением кивнула. — Спроси меня о том, как их использовать. — Мун показала на травы. — Точно запомни все, что я скажу, — иначе ничего хорошего не получится. Сумеешь?

— Конечно! — Бладуэд самоуверенно усмехнулась. — Я знаю наизусть все части Охотничьей песни. Больше никто не знает — теперь уже никто… Я вообще могу любую песню спеть, стоит мне ее разок услышать.

Мун даже слегка улыбнулась, несмотря на опухшее горло и ссадину на щеке.

— Вот и прекрасно. Докажи свое уменье. А теперь — задавай мне вопрос, и я отвечу. Ввод информации…

Бладуэд прокашлялась и села прямо.

— Скажи мне, о сивилла… хм, как пользоваться этими волшебными травами?

Мун взяла в руки пучок травы, чувствуя, что начинает проваливаться в колодец пустоты…

…Клавалли. Снова вынырнув на свет, она увидела знакомое лицо, вспыхнувшее от смущения, встрепанные волосы Клавалли, ее обнаженные плечи… и совсем близко от нее Данакиля Лю… Мун заметила, что Клавалли быстро набросила на себя покрывало, чтобы, прикрыть наготу. Как-то совсем не к месту мелькнула мысль: прости меня, Данакиль Лю, и ты прости меня, Клавалли… это всего лишь я, Мун… Но она не могла сказать им этого: их жизни сейчас не пересекались, хоть она и вторглась неожиданно в их мир.

Однако неуверенная улыбка вдруг появилась в уголках губ Клавалли, как будто она прочла это послание Мун в широко распахнутых глазах впавшего в Транс Данакиля Лю. Она нежно коснулась его щеки, снова легла и стала ждать…

Конец анализа!.. Совершенно опустошенная, Мун качнулась вперед и почувствовала, как ее подхватили быстрые руки Бладуэд.

— Тебе отлично все удалось! Ты настоящая!.. — Бладуэд прислонила ее к тюфяку инопланетянина и неожиданно хитрым тоном спросила:

— Эй, ты не спишь? Очнись! Куда это ты улетала?

Мун подтянула к себе колени и оперлась о них лбом.

— Я… была в гостях у старых друзей. — Она обхватила колени руками, пытаясь удержать в памяти тепло воспоминаний о прежних счастливых днях.

— Ну, сивилла, теперь я все травы знаю! — В голосе Бладуэд звучала гордость. — Вот я тебе сейчас покажу. Ты его лечить-то будешь?

— Нет. — Мун неохотно подняла голову и открыла глаза. — Лечить его будет настоящий лекарь, который умеет пользоваться этими травами. А ты должна мне помочь: ты будешь подавать мне

то, что потребуется. — Юная разбойница только кивнула. Мун приготовилась, зная, что если сумеет войти в Транс, то дальше усилий от нее уже не потребуется. Тело противилось перегрузке, но она понимала, что если поддастся усталости сейчас, то для этого инопланетянина может быть слишком поздно. Он вряд ли дождется того часа, когда она будет в состоянии начать все снова. А еще чьей-то смерти она не желала. Все свое внимание Мун сконцентрировала на его лице.

— Ну ладно, теперь спрашивай меня, как его лечить. Ввод информации…

…Она очутилась прямо в антигравитационной камере с белыми стенами, среди большой группы людей в прозрачных одеждах пастельных тонов, паривших в невесомости возле хирургического стола и споривших о какой-то непонятной медицинской процедуре. Дальше, за огромным, с толстыми стеклами окном Мун разглядела длинные сосульки, свисавшие с крыши, и свет прожекторов, освещавших заваленное снегами поле…

— …анализа! — Она пришла в себя, едва расслышав сухой щелчок, свидетельствующий о конце связи. Теперь она чувствовала пряный аромат по крайней мере десятка странных трав,

которые лежали у нее на ладони. Туман застилал мысли, сквозь него поблескивали внимательно глядевшие на нее глаза Бладуэд. Потом она увидела неподвижное тело инопланетянина, заботливо укрытое одеялом, окончательно вернулась в реальную действительность, поняла, что руки и ноги на месте, и поползла к обогревателю, стоявшему посреди пещеры. Когда облако тепла вокруг нее стало достаточно плотным и она наконец немного согрелась, сил бороться не осталось совсем и она провалилась в сон.

Мун проснулась и в ужасе уставилась на неожиданно обступившие ее каменные стены пещеры… Ей снились бескрайние пустынные небеса над безжизненным каменистым берегом и палач в черном, у которого на груди была та медаль, знакомая ей с детства, как и лицо единственного любимого человека… Она пыталась спастись от этого кошмара, зажмурившись и ощупывая пальцами распухшее, покрытое ссадинами лицо. Нет, это неправда!..

Легкая дрожь во всем теле будила ее, и она снова оказывалась в странной комнате с каменными стенами… Потом отняла руки от лица и увидела напротив ряды клеток, поняв, что река времени несет ее в настоящее. Кто-то успел перетащить ее

на груду одеял. Вонь в пещере рассеялась, видимо, кто-то вычистил клетки; воздух был пропитан ароматом лекарственных трав. Из-за запертых ворот не доносилось ни единого звука — Мун догадалась, что сейчас, должно быть, глубокая ночь. Животные возились и шуршали, занимаясь своими делами и лишь изредка посматривая на нее. «Вы ведь понимаете, что я всего лишь одна из питомцев зверинца…» Она неуверенно поднялась на ноги, покачнулась — перед глазами замигали звезды, — но все-таки сумела пройти через помещение к противоположной стене.

Инопланетянин лежал под натянутым в виде палатки одеялом, завернутый, как младенец, еще в несколько одеял. У его изголовья исходил паром пахучий отвар из трав. Мун опустилась на колени, коснулась рукой его щеки. Пожалуй, прохладнее. Но полностью уверенной она не была. «Эй, вернись!.. Твое возвращение к жизни докажет, что я имею право быть сивиллой». Она склонила голову и прижалась лбом к жесткой раме лежанки.

— Значит, ты… вернулась ради меня?

Она подняла голову и увидела, что инопланетянин пытается заглянуть ей в глаза.

— Я… я никогда от тебя и не уходила. — Он

нахмурился, помотал головой, словно ничего не понимая. — Я никогда не уходила. — Она повторила это на сандхи.

— Ах, как хорошо! — Он наблюдал за ней из-под полуприкрытых век. — Теперь я ничего не боюсь. Когда… когда мы едем?

— Когда? Скоро. — Она погладила его по жестким курчавым волосам. Он улыбнулся. Не понимая, о чем он спрашивает ее, она сказала:

— Когда ты немного поправишься. — Она, не задумываясь, сказала то, что обычно говорят больным.

— Я не думал, что ты окажешься такой прекрасной. Останься со мной… Не уйдешь?

— Нет. Я буду с тобой. — Она заметила кувшин с лекарственным отваром, к которому он и не притронулся, налила отвар в чашку и поднесла ему. — Ты должен это выпить. — Она поддержала его за плечи. Он вел себя послушно, однако чашку сам держать не мог. Она снова обратила внимание на глубокие шрамы у него на внутренней стороне запястья, и сама, бережно держа чашку, помогла ему выпить все до дна.

У него сразу же начался приступ кашля; кашель грохотал у него в груди, словно камни. Пластиковая чашка выскользнула у нее из рук и

покатилась под лежанку. Она крепко обнимала его за плечи обеими руками, словно вливая в него свои силы, пока приступ не прошел, — Ты кажешься такой… настоящей! — Он вздохнул и положил голову ей на плечо. — Такой доброй…

Мун снова опустила его на лежанку, и он сразу же уснул. Она довольно долго еще сидела возле него, прислушиваясь, пока тоже не притулилась рядом, пристроив руку на раму, а голову на руку, и снова закрыла глаза.

— Ты настоящая.

Эти слова звучали как приветствие старого друга; Мун окончательно проснулась и медленно оторвала голову от совершенно занемевшей руки. Потом села, выпрямилась, ничего не соображая и пытаясь как-то сориентироваться.

Инопланетянин сидел, подоткнув под спину груду одеял.

— Неужели мне это снилось, или… или ты все-таки говорила со мной на сандхи?

— Говорила. — Она ответила ему тоже на сандхи, упрямо сжимая и разжимая пальцы, пока не почувствовала, что их закололо, словно иголками. — Я… просто не могу поверить! Ты был так болен… — Она чувствовала, что радость наполняет ее сияющим теплом. — Но сила к тебе пришла

через меня; это я исцелила тебя!

— А мне показалось, что ты привидение — из тех, что детей воруют! Это в детстве няня мне рассказывала, что такие духи, бледные, как первые лучи солнца… — Он тяжело вздохнул. — Но ты никакое не привидение. Так ведь?.. — Словно он все еще сомневался в том, что видит собственными глазами.

— Нет, я не привидение. — Она, постанывая, массировала онемевшие мышцы шеи. — Иначе мне не было бы так больно!

— Значит, ты тоже пленница? — Он чуть наклонился вперед; глаза у него все еще были сильно воспалены. Она кивнула. — У тебя все лицо… Они не… приставали к тебе?

Она покачала головой.

— Нет. Никакого зла они мне не причинили. Они… меня боятся. Пока что.

— Боятся? Тебя? — Он посмотрел в сторону ворот. Отдаленный утренний шум в стойбище слышался здесь, точно эхо другой вселенной.

Она тоже повернулась в ту сторону, и заметила, как он поморщился, увидев рану у нее на горле. Потом разглядел трилистник, и лицо его стало совсем растерянным.

— Ты сивилла?

Она молча кивнула.

— Господи, снова начинается!.. — Он лег набок, пережидая очередной приступ кашля.

Что-то новое в обстановке зверинца вдруг привлекло внимание Мун. Она нагнулась и обнаружила аккуратную стопку одежды, кувшин и миску с вяленым мясом.

— Нам тут поесть принесли! — Руки ее уже нетерпеливо тянулись к еде. Она даже не помнила, когда ела в последний раз.

— Это Бладуэд. Уже довольно давно. Правда, я притворился, что сплю.

Мун сделала большой глоток из кувшина; густая бело-голубая жидкость скользнула в ее истерзанное горло и ссохшийся от голода желудок, как амброзия.

— Ох! — Вдруг устыдившись, она опустила кувшин на колени. — А тебе-то! — Она налила полный пластиковый стакан и подала ему.

— Нет. — Он даже глаза рукой прикрыл. — Я не хочу.

— Ты должен. Чтобы выздороветь, нужны силы.

— Нет, я не… — Он вновь поднял голову и посмотрел на нее. — Да… наверное, ты права. — Он взял стакан; она снова заметила шрамы. Он уви-

дел, куда она смотрит, и молча поднес питье к губам.

Мун набила рот вяленым мясом и жадно проглотила, а, потом спросила его:

— Кто ты? Как попал сюда?

— Кто я?.. — Он посмотрел на свой форменный плащ, то гладил его рукой; на лице его отразилось болезненное изумление, словно у человека, только что вернувшегося с того света. — Я Гундалину, сивилла. Полицейский инспектор БиЗед Гундалину… — Он поморщился. — Уроженец Харему. Они сбили мою машину и взяли меня в плен.

— И давно ты здесь?

— Вечность. — Он снова посмотрел на нее. — А ты? Не из Звездного ли порта тебя умыкнули? Ты сама-то откуда… с Большой Голубой или с Саматхе?

— Нет, я с Тиамат.

— Здешняя? Но ведь ты же сивилла! — Он поставил стакан. — Уроженцы Зимы не…

— Я дочь Лета. Мун, Покорительница Зари, дочь Лета.

— Где же ты выучила сандхи? — За этим вопросом стояло больше, чем просто любопытство.

Мун слегка нахмурилась.

— На Харему.

— Но это значит, что ты нарушила закон!.. Как ты попала сюда? — Голос Гундалину сорвался; у него не хватало сил выдерживать официальный тон.

— Точно так же, как и улетела отсюда: с контрабандистами. — Она сказала это легко, даже не задумываясь о последствиях, возмущенная его реакцией. — Ну и что ты теперь будешь делать, легавый? Арестуешь меня? Депортируешь?

— Я бы сделал и то и другое… если бы имел такую возможность. — Он послушно переходил за ней следом с одного языка на другой. Однако чувство собственной правоты было в нем каким-то непрочным; у него словно не хватало сил поддерживать это чувство. Он хрипло засмеялся, сдерживая злость. — Но тебе беспокоиться не о чем. Лежа в зверинце, в конуре, на брюхе… что я могу? — Он допил та, что оставалось в стакане.

Мун взяла у него стакан, снова наполнила его и подала ему.

— Сивилла-контрабандистка! — Он деликатно отпил немного, поглядывая на нее. — Я считал, что предсказатели должны служить человечеству, а не самим себе. А может, тебе эту татуировку сделали… исключительно из соображений… вашего бизнеса?

Мун вспыхнула от гнева.

— Это запрещено!

— Как и контрабанда. Но ею ведь занимаются. — Он громко чихнул и нечаянно разлил свое питье, забрызгав и Мун.

— Никакая я не контрабандистка. — Она смахнула капельки со своей парки, — Но вовсе не потому, что считаю это занятие недостойным. Это вы ведете себя недостойно, неправильно — вы, полицейские… Вы позволяете инопланетянам прилетать на Тиамат, брать здесь все, что им захочется, и ничего не давать взамен…

Он жестко усмехнулся.

— Так, значит, ты уже проглотила наживку вместе с крючком и теперь защищаешь эту Примитивную теорию? Знаешь, чтобы увидеть настоящую мерзость и действительно чудовищную эксплуатацию, нужно побывать на такой планете, где нашей полиции нет, и никому нет дела ни до порядка, ни до тех… кто, подобно тебе, возвращается домой, чтобы творить беспорядки.

Мун молчала. Гундалину тоже умолк; в тишине было слышно его хриплое дыхание.

— Это мой мир, и я имею полное право находиться здесь, — сказала она. — Я сивилла, Гундалину, и я буду служить Тиамат так, как

умею. — Что-то суровое, не просто гордость, слышалось в ее голосе. — И я в любой момент могу доказать, что все мои требования справедливы. Если хочешь, задай мне вопрос, и я на него отвечу.

— В этом пока нет необходимости, сивилла. — Он почти прошептал это неожиданно извиняющимся тоном. — Ты уже доказала. Мне следовало бы тебя ненавидеть за то, что ты вылечила меня… — Он перевернулся на живот, глядя на Мун, по-прежнему сидевшую на полу; она удивленно захлопала глазами: выражение лица у Гундалину было настолько странным, что она стиснула руки, не зная, куда их деть. — Но я выжил… и я здесь теперь не один… А увидев твое лицо… услышав, как ты говоришь на сандхи… Боги! Я уж и не думал, что снова услышу его! Спасибо тебе… — Голос у него сорвался. — Как долго… как долго ты пробыла на Харему?

— Почти месяц. — Мун сунула в рот еще кусочек вяленого мяса, сперва несколько раз проглотив слюну, потому что горло совершенно пересохло от волнения; — Но… я могла задержаться там «дольше, может быть, на всю жизнь… Если бы все сложилось иначе.

— Значит, тебе там понравилось? — В голосе

его слышалась только безумная тоска. — Где же ты побывала? Что видела?

— Воровской Рынок, главным образом. И еще космопорт. — Она уселась поудобнее, скрестив ноги, и дала себе волю — вспоминала только то, что было ей действительно приятно: Элсевиер и Силки — живых, веселых; путешествие на Харему; КейАра Аспундха и его орнаментальные сады… — …И мы пили лит и ели засахаренные фрукты… Ах да, еще мы случайно видели, как Сингалу стал технократом…

— Что? — Гундалину, задыхаясь, сел и оперся о стену. Он улыбался во весь рот, и Мун заметила, что один зуб у него выбит. — О боги, не верю! Старый Сингалу! Ты ведь, наверное, выдумываешь, да? — Смех всегда был самым лучшим лекарством.

Она покачала головой.

— Нет, правда! Это вышло случайно. Но даже КейАр был доволен. — Она припомнила радостные слезы Элсевиер и свои собственные тоже. Слезы вдруг снова навернулись ей на глаза — слезы печали.

— Побывала у Аспундха, надо же! — Гундалину покрутил головой и тоже вытер глаза, все еще улыбаясь, — Даже мой отец не мог просто так

заехать к Аспундху! Что ж, рассказывай дальше. Что же ты у него делала?

Мун сглотнула.

— Мы… мы много разговаривали. Он попросил, чтобы я осталась у него на несколько дней. Он ведь тоже предсказатель, ты, наверно, знаешь… — Она вдруг умолкла.

— И еще я знаю, что ты… умалчиваешь о чем-то важном, — тихо проговорил Гундалину. И покачал головой. — Нет. Я не хочу этого знать. Я даже не хочу знать, какого черта КейАр Аспундх приглашал к себе в гости контрабандистов. Но ведь на Харему ты могла иметь все, что душе угодно, — интересную жизнь, все, все, что имела здесь… Почему же?.. Почему ты ото всего этого отказалась, почему рискнула всем на свете, чтобы вернуться сюда? Я по твоим глазам вижу, что ты жалеешь об этом.

— Я считала, что должна это сделать. — Она чувствовала, как ее сломанные ногти впились в ладонь. — Начнем с того, что я никогда не хотела улетать отсюда ни на какую другую планету. Я только хотела попасть в Карбункул, чтобы найти своего двоюродного брата… Но когда я добралась до залива Шотовер, то случайно встретилась с Элсевиер, а потом легавые попытались нас аре-

стовать…

— Залив Шотовер? — Странно печальное выражение появилось на его лице. — Сколь все-таки тесен этот мир. Ничего удивительного, что мне все время казалось… будто я где-то уже видел твое лицо.

Она с улыбкой наклонилась к нему и тоже внимательно всмотрелась в его лицо.

— Нет… наверное, я тогда была слишком поглощена бегством…

Он криво усмехнулся.

— Никогда не считал свое лицо таким уж запоминающимся. Значит, ты тогда направлялась в Карбункул? Но ведь теперь, спустя пять лет, тебе больше незачем стремиться туда? Что бы там ни случилось тогда с твоим братом — теперь это уж быльем поросло.

— Нет. — Она помотала головой. — Дело не в этом. Когда я была на Харему, то задала вопрос предсказателю и получила ответ: я должна была вернуться, ибо какое-то важное дело еще не доведено до конца… — Холодное молчание бездонной пустоты снова вспомнилось ей, мешая свободно дышать. — Но с тех пор, как я вернулась, все, кто был мне дорог, гибнут или страдают из-за меня… — Она нахохлилась и умолкла.

— Из-за тебя? Я не… понимаю…

— Из-за того, что я вернулась! — Она наконец выговорила это, давая Гундалину возможность увидеть, каково теперь ее истинное лицо, понять те действия и поступки, что безжалостно влекли ее назад, на Тиамат… — Вина за их гибель лежит на мне! Я заставила их привезти меня сюда! Я проклята! Если бы не я, они остались бы живы!

— Ты бы никогда этого просто не узнала, вот и все. Никто не может управлять чужой судьбой — мы и над своей собственной судьбой не властны. — Ока почувствовала, что Гундалину неуверенно коснулся ее плеча. — Но мы должны бороться. Мы с тобой не имеем права оставаться пленниками этого зверинца! Впрочем, я не сумел бы выжить, если бы не ты… если бы мы не встретились здесь… И ты зря обвиняешь себя!

Она подняла голову.

— А меры? Боги, ведь меры… были в полной безопасности в поместье Нгенета, пока туда не явилась я!

— Раз уж на охоту вышли Звездный Бык и его Гончие, твоей вины здесь быть не может, а они действовали по приказу Снежной королевы. Надо сказать, тебе еще здорово повезло; ты как раз трижды благословенна, а вовсе не проклята, раз

после Королевской Охоты осталась… всего лишь с царапиной на шее. Да после встречи со Звездным Быком… — Гундалину снова закашлялся, схватившись за горло.

— Со Звездным Быком? — Она медленно встала, собралась с духом и спросила:

— А это был он… такой человек в черном? И кто же он такой? — Ей очень хотелось спросить, как его имя, но этого она не спросила.

Гундалину изумленно поднял брови:

— Неужели ты никогда не слышала о Звездном Быке? Это некоронованный супруг Снежной королевы, ее главный Охотник, ее слуга, ее советник в тех случаях, когда она имеет дело с инопланетянами… ее любовник, наконец…

— Он спас мне жизнь. — Мун потрогала корочку на заживающей ране и все-таки спросила:

— А как его имя, Гундалину?

— Этого не знает никто. Его личность держится в строгой тайне.

Он любил тебя когда-то, но теперь он любит ее. В ушах Мун вновь зазвучали эти слова.

— Теперь я понимаю. Я все поняла… Да, значит, это правда… — Она отвернулась, зажмурилась, но изумрудные глаза под маской палача неотступно стояли перед ней, преследовали ее…

— Что — правда?

— Мой двоюродный брат Спаркс и есть Звездный Бык, — прошептала она.

Гундалину остался спокоен.

— Это невозможно. Звездный Бык обязательно должен быть инопланетянином.

— Спаркс — тоже инопланетянин. Вернее, его отец был инопланетянином, а Спаркс всегда хотел быть похожим на отца, на жителей Зимы… И он стал похож на них… — Чудовище. Как он мог так со мной поступить?

— Ты делаешь слишком поспешные выводы, и только потому, что Звездный Бык побоялся… убить сивиллу…

— Он знал, что я сивилла, еще до того, как увидел мой трилистник! — Она боролась со все возрастающей непереносимой уверенностью. — Он узнал меня! Я уверена в этом. И на нем была та его медаль… — И он убивал меров. Она прижала стиснутый кулак к губам, прикусила его. — Как он мог? Как он мог измениться так сильно!

Гундалину снова лег и молчал, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

— Карбункул подчас такое с людьми делает… — проговорил он наконец. — Но если это правда, то в нем, по крайней мере, осталось достаточно

человеческого, чтобы пощадить тебя. А теперь постарайся забыть о нем; забыть… ну хотя бы об одной своей проблеме! — Он вздохнул, уставившись куда-то в темный угол.

— Нет. — Мун вскочила и, прихрамывая, закружила возле его лежанки. — Сейчас я больше, чем прежде, мечтаю поскорее попасть в Карбункул. Для всех его поступков непременно есть весьма серьезная причина; если он успел так быстро перемениться, то найдется способ заставить его перемениться в обратную сторону… — Я должна снова завоевать его. Я не проиграю… нет, только не теперь, после такого долгого пути! — Я люблю его, Гундалину. Не имеет значения, что он сделал, насколько он изменился — я просто не могу перестать любить его. — И не могу перестать нуждаться в нем, не могу перестать желать вернуть его… Он мой, он всегда был моим! Я его никому не отдам — в чем бы Снежная королева ни заставила его участвовать!.. Она была потрясена открывшейся ей истиной и собственным бессилием. — Мы поклялись друг другу в вечной преданности; и даже если он скажет, что это ему больше не нужно, я все равно не поверю! — Она стиснула руки.

— Понятно. — Гундалину неуверенно улыбнул-

ся, — А я-то всегда считал, что у вас, аборигенов, жизнь скучная, примитивная… — Он был искренне удивлен, восхищен услышанным и теперь явно гораздо больше расположен к Мун. — У нас на Харему любовь, по крайней мере, всегда знает свое место и не разрывает людям сердца.

— Но это значит, что у вас никто по-настоящему не влюбляется! — с неприязнью сказала Мун. Она нагнулась над стопкой разноцветной одежды, оставленной Бладуэд, и рассеянно вытащила что-то. Это оказалась длинная теплая туника из синей шерсти, отделанная красноватыми косами.

— Если ты имеешь в виду всепоглощающую, притупляющую разум, подобную удару молнии страсть — то ты права. Хотя я когда-то читал о такой любви… — Голос Гундалину смягчился. — Но самому никогда видеть не приходилось. Я не думаю, что она действительно существует.

— Просто жителям Харему этого знать не дано. — Мун сняла парку, расстегнула молнию на своем костюме для подводного плавания и вылезла из него, потирая ушибы на плечах и локтях и распрямляя спину. Ей было все равно, что он видит ее полуобнаженной, хотя и старается отвернуться; она даже испытывала злорадное удовольствие от того, что смущает его. Она надела

мягкую теплую тунику прямо поверх тонкого белья, которое было под костюмом; потом натянула шерстяные рейтузы и надела меховые сапоги. На бедрах застегнула широкий ярко расписанный кожаный ремень. Потрогала вязаную из шерсти косу, что украшала ее тунику спереди от горла до подола, — в ней переливались все краски заката, и на темно-синем фоне это выглядело очень красиво. — Как здорово… — Она и сама удивилась своей заинтересованности этим нарядом, которая помогла ей победить мрачные мысли, и вдруг поняла, что и вязаная коса, и сама туника очень старые.

— Да, очень красиво. — Выражение лица у Гундалину было странным. Она, впрочем, заметила тщательно скрываемое им замешательство и почувствовала легкий укол стыда из-за того, что поставила его в неловкое положение.

— Гундалину…

— Зови меня лучше БиЗед. — Он неуверенно пожал плечами, словно расставаясь с собственной самоуверенностью. — Здесь мы должны звать друг друга по имени. — Он показал на клетки. Она кивнула.

— Хорошо, БиЗед. Нам нужно найти… — Она примолкла, услышав в коридоре чьи-то шаги.

Загремел засов, ворота распахнулись, и вошла Бладуэд, за которой тащился розовощекий малыш. Она несла какую-то большую коробку, держа ее обеими руками, так что ворота прикрыла ногой. Звери напряженно, настороженно шуршали, глядя на нее из своих клеток. Малыш вдруг уселся прямо на пол перед одной из них. Бладуэд не обратила на него ни малейшего внимания и двинулась дальше, к противоположному концу пещеры.

Мун посмотрела на Гундалину: глаза его стали совершенно безжизненными, а на лице было написано откровенное отвращение. Зато сама Бладуэд прямо-таки просияла, бухнув ящик прямо перед ним и глядя на Гундалину с видом инквизитора.

— Ой, прямо не верится! Да ведь он совсем здоров! Посмотрите-ка… — Она дернула его за рукав. — Я ведь настоящую сивиллу раздобыла, чтобы тебя от смерти спасти, легавенький! — Гундалину вырвал руку и сел. — Теперь ты сможешь дочитать мне свою книжку до конца.

— Оставь меня в покое. — Он перекинул нога через край лежанки, заложил руки за голову и тут же сердито закашлялся.

Бладуэд пожала плечами, оглянулась на Мун,

почесала свой ястребиный нос.

— С тобой тоже все в порядке, сивилла? Сегодня утром вы оба были вроде как мертвые. — В ее голосе слышалось едва заметное беспокойство.

Мун кивнула, стараясь не выдать своих чувств, и, тщательно подбирая слова, сказала:

— У меня все нормально… Спасибо за одежду! — Она коснулась своей туники. — Очень красиво! — Она не сумела скрыть восхищения.

На мгновение небесно-голубые глаза Бладуэд вспыхнули гордостью, и она потупилась.

— Это же просто старое тряпье! От моей прабабки осталось. Такого уже никто и не носит; никто здесь даже и шить такого не умеет. — Она пренебрежительно дернула себя за полу грязной белой парки. Потом порылась в коробке и выудила оттуда довольно большой пластиковый куб. Невнятный шум, похожий на шум дождя, тут же заполнил все вокруг. Бладуэд начала крутить ручку настройки, и Мун поняла, что это какой-то приемник и разбойница пытается справиться с помехами. — Принимает в этой дыре действительно гнусно. Вот у нашего легавенького ничего не вышло, хоть он и пытался эту штуковину разобрать и переделать. — Бладуэд показала Гундалину язык. — На, ешь! — Она брякнула

жестяную банку прямо ему на кушетку. Внезапно у них за спиной раздался пронзительный визг, и Мун, вздрогнув, обернулась. Малыш стоял перед клеткой и ревел, размахивая ручонкой. — Эй ты, нечего клешни туда совать, черт побери! А это тебе, сивилла.

Мун поймала брошенную ей банку, села и приподняла крышку. Было похоже на рагу. Она смотрела, как Гундалину исследует еду: со вздохом облегчения.

— А это… твой братишка? — спросила она у Бладуэд.

— Нет. — Бладуэд пошла к клеткам, неся в руках куски мяса и коробку с нарисованными на ней животными. Она по очереди подходила к своим пленникам, оделяя каждого порцией пищи. Мун смотрела, как они отползают или отбегают пугаясь резких движений Бладуэд, а потом сразу возвращаются и хватают еду.

Бладуэд, что-то ворча, вернулась к ним с Гундалину, присела на краешек кушетки и взяла в руки такую же жестянку. Возле нее немедленно появился малыш и начал тянуть ее за куртку, тихо хныча.

— Успеешь! — рявкнула она и сунула ему в рот полную ложку рагу. — Ты что-нибудь в животных

понимаешь? — обратилась она к Мун и мотнула головой в сторону клеток.

— Не в этих. — Мун с трудом оторвала взгляд от мальчика, чья мордашка была того бело-розового оттенка, како бывает у фарфоровых статуэток.

— В таком случае, нам придется повторить вчерашнее — только на этот раз ты расскажешь мне, как обращаться животными. — Бладуэд смотрела на Мун настойчиво, словно ожидая отказа. — По-моему, некоторые из них тоже больны. Я… я совершенно не представляю, что мне с ними делать! — Она смутилась и отвела глаза. — Я хочу знать, как их лечить.

Мун кивнула, проглотив последнюю ложку рагу, и медленно встала.

— Где ты их взяла?

— Украла. В Звездном порту. Или у торговцев. А некоторые в наши ловушки попались… Вон тот карликовый лисенок, например, или те серые птички. И еще эти вот кролики. Но я даже не знаю, как остальные и называются-то!

Мун чувствовала, что Гундалину следит за ней с мрачным осуждением, но решила не обращать на это внимания, а подошла к ближайшему из животных, самому неприглядному на вид — дрожащему, морщинистому кожаному мешку,

казавшемуся пустым. «Мешок» лежал в гнезде из сухой травы и отвратительно бормотал, показывая свой жадный, как у пиявки, рот. Мун отворила дверцу клетки, прикусив губу от отвращения, присела тихонько на корточки и протянула зверьку на ладони несколько крошек.

Постепенно возбужденное бормотание стихло, прошло еще несколько секунд, и существо чуточку продвинулось к ней, подползая все ближе сантиметр за сантиметром, пока осторожно не коснулось ее ладони своим страшноватым ртом. Мун невольно вздрогнула; существо тут же ретировалось, однако вскоре снова приблизилось и очень аккуратно стало собирать крошки с ее ладони. Мун даже решилась погладить его второй рукой. Вблизи оно было похоже на головной мозг; кожа его была гладкой и прохладной на ощупь, точно смятая шелковая наволочка. Существо с удовольствием принимало ласку, издавая тихие булькающие звуки.

Мун осторожно оставила его и перешла к парочке похожих на кошек хищников с гибкой изящной походкой. Они сразу прижали уши и показали ей свои очень белые на фоне черной блестящей шерсти клыки. Мун легонько посвистела им — она и раньше умела подозвать так

любую кошку, и те сразу, мурлыча, усаживались у нее на коленях. Длинные, с кисточками на концах уши хищников вздрагивали, поворачивались, настраивались, как радары… однако они все же, хотя и не очень охотно, подошли к ней. Она дала им возможность обнюхать ее пальцы и испытала истинное наслаждение, когда угольно-черная пушистая головка потерлась о ее руку в знак расположения. Потом обе «кошки» вытянулись перед ней, гортанными криками требуя ласки. Она их погладила.

Потом продолжила свой обход гораздо более уверенно и следующей осмотрела какую-то рептилию с кожистыми крыльями и похожей на мотыгу головой. Потом — каких-то покрытых мягкими перьями то ли зверей, то ли птиц, у которых, похоже, головы вообще не было; потом подошла к птице с изумрудным хохолком и рубиново-красной грудкой, что лежала без движения на дне клетки. Мун не думала больше ни о чем, кроме необходимости нащупать хоть какой-то контакт с каждым из этих несчастных пленников и завоевать хотя бы малую толику их доверия — пока, наконец, не обошла всех их по кругу и не вернулась на прежнее место. Оказалось, что малыш уснул на коленях у Бладуэд, а сама Бладу-

эд во все глаза с молчаливой завистью смотрит на Мун.

Мун лишь в это мгновение поняла, чем ей это может грозить.

— Я… я готова. Когда ты хочешь начать?

— Как это тебе удалось? — Вопрос просвистел, словно удар хлыста. — Почему это они к тебе подходят, а ко мне нет? Это мои звери! И должны любить МЕНЯ! — Мальчик проснулся, разбуженный ее сердитым криком, и заплакал.

— Но ведь это же очень просто! — пробормотал с горечью Гундалину. — Мун обращается с животными, как с людьми, а ты — с людьми, как с животными.

Разъяренная Бладуэд вскочила, и Гундалину тут же умолк и насупился. Однако она ничего так и не сказала и даже ни разу не замахнулась на него кулаком.

— Бладуэд, они тебя боятся, потому что… — Мун пыталась подобрать необидные, утешительные слова. — Потому что ты сама их боишься.

— Я их не боюсь! Это ты их боялась!

Мун покачала головой.

— Не так, как ты. Я хочу сказать… Я не боюсь показать им, что они мне небезразличны. — Она смутилась и принялась теребить кончик косы.

Рот у Бладуэд слегка приоткрылся; было заметно, что гнев ее уже прошел.

— Что ж, я кормлю их, я все для них делаю!.. Что еще я должна для них сделать?

— Научиться быть… доброй с ними, научиться понимать, что… доброта вовсе не… проявление слабости.

Мальчик, обнимая колени Бладуэд, все еще плакал. Юная разбойница посмотрела на него и нерешительно погладила по голове. Потом пошла следом за Мун к клеткам.

Мун снова начала обход с того, похожего на живой мозг существа; теперь неведомый зверек сам сразу подошел к ней, и она решила сосредоточиться именно на нем.

— Задавай свой вопрос. Ввод информации… — Она еще слышала, как Бладуэд задает вопрос, и тут же полетела в пропасть…

— …анализа! — Мун сидела на полу совершенно обессиленная, а карликовый лисенок с курносым носом, подобравшись поближе, сосал кончик ее косы. Она погладила лисенка по густой белой шерстке, осторожно вынула у него из пасти свои мокрые волосы, отцепила его остренькие коготки от туники, взяла его на руки и передала Бладуэд.

— Вот, — сказала она слабым голосом, — возь-

ми-ка его.

Бладуэд медленно, неуверенно протянула к нему руки, но лисенок вырываться не стал и не протестовал, когда Мун положила его в теплые ладошки Бладуэд. Разбойница застенчиво прижала его к животу и захихикала, когда зверек, не долго думая, забрался ей под парку и удобно устроился, уцепившись за свитер. Мальчик, по-прежнему сидевший у ее ног, одной ручонкой потянулся к лисенку, а большой палец другой руки сунул в рот.

— Достаточно ли… я тебе рассказала? — Мун смотрела не на Бладуэд, а на клетки с животными; кое-где на них еще сохранились обрывки пестрой упаковки — зеленой, золотой, — видно, были завернуты в зоомагазине где-то на другой, очень далекой планете… Далекой… все мы так далеко от дома…

— Это лиссоп, это старлы, это крылатая мышь… — Бладуэд быстро перечисляла названия зверей. — По-моему, я даже поняла, в чем дело вон у тех. Я им еду неправильную давала. — Она понурилась было, но потом опять воодушевилась. — Но ты здорово это делаешь! — Она прижала к себе лисенка. — Разве нет, легавый?

Гундалину улыбнулся, проворчал что-то и шут-

ливо поклонился Мун.

— О, благородная… — он вдруг умолк.

Три пары глаз одновременно посмотрели в сторону ворот; послышались чьи-то шаги, ворота распахнулись, и бородатый, с тяжелой челюстью человек появился на пороге. Звери тут же попрятались.

— Что тебе надо, Тарид Рох? — Голос Бладуэд вновь звучал нахально.

— Великая Мать желает, чтобы это починили. — Он протянул Бладуэд какой-то хрупкий на вид прибор, названия которого Мун не знала. — Скажи своему легавому, что пора начинать отрабатывать жратву.

— Он еще слишком болен! — Бладуэд угрожающе выдвинула вперед подбородок.

— Ничего, вполне здоров. — Тарид Рох ухмыльнулся и мазнул по Мун взглядом. — Небось эта хорошенькая куколка, которую ты для него притащила, и в мертвого жизнь вдохнет. Не желаешь ли посетить мою палатку, крошка сивилла? — Грубая лапища коснулась щеки Мун, задела незажившую ссадину.

Мун отшатнулась, отвращение было написано на ее лице. Тарид Рох засмеялся и прошел дальше.

— Эй, ты! — вмешалась Бладуэд. — Ты смотри, держись от нее подальше! Она действительно могущественная…

Он только презрительно фыркнул.

— Тогда что же она тут делает? Ты-то небось не веришь в эти дурацкие слухи, а, легавый? — Тарид Рох поставил сломанный прибор на пол возле Гундалину и положил рядом набор запчастей. — Ты особо-то не ленись, малый! Если к завтрему эта штука работать не будет, я тебя ее съесть заставлю. — Он щелкнул по темному пятну на воротнике Гундалину — там, где раньше были знаки различия, — и Мун увидела, как посерело лицо инопланетянина, стало каким-то пустым, безразличным…

Тарид Рох отвернулся от него и решительно направился прочь, словно хищная рыба, проникшая в садок.

Бладуэд сделала ему вслед неприличный жест.

— Боги, как я его ненавижу, ублюдка этого! — Она поморщилась, потому что лисенок у нее под паркой проснулся, заверещал и начал царапаться. — Он себя тут премьер-министром считает, не меньше, а все потому, что у моей мамаши в любимчиках ходит. Он раньше в Карбункуле жил и тоже малость не в себе — из-за этого-то он так

ей и нравится.

Мун видела, как Гундалину осторожно, словно старик-калека, лег на свой тюфяк и отвернулся к стене. Она тоже промолчала.

Бладуэд вытащила верещавшего лисенка из-под парки и почти сердито сунула его назад в клетку. Мун видела, что юная разбойница что-то ищет глазами и это что-то, видимо, только что исчезло. Сама Мун глаз не сводила с Гундалину. Бладуэд вдруг рывком поставила канючащего малыша на ноги и решительно потащила его за собой к воротам, оставив их с Гундалину размышлять о случившемся.

Мун с трудом доползла до лежанки Гундалину и опустилась возле нее на колени.

— БиЗед? — Она понимала, что он не хочет разговаривать, но настойчиво продолжала его тормошить и даже тряхнула за плечо. Гундалину била дрожь, несмотря на теплые одеяла, накинутые поверх плаща. — БиЗед…

— Оставь меня в покое.

— Не оставлю.

— Ради всех богов! Я ведь не один из здешних зверьков!

— Я тоже. Не прогоняй меня! — Пальцы Мун сжали его плечо, как бы заставляя признать, что

она существует.

Он перевернулся на спину и лежал, уставившись в потолок тусклыми глазами.

— Не уверен, что может быть что-то хуже…

Мун потупилась, кивнула.

— Но, может быть, потом будет лучше?

— Не надо! — Он только головой помотал. — Не надо говорить о каком-то «потом». Я в лучшем случае способен думать о завтрашнем дне, не дальше.

Она заметила сломанный прибор, оставленный Таридом Рохом.

— Ты что, не можешь это починить?

— Хоть с закрытыми глазами! — Он криво усмехнулся. И показал ей свою больную руку. — Если б у меня были две руки…

— У тебя их три. — Мун умоляюще посмотрела на Гундалину и сжала его пальцы.

— Спасибо. — Он глубоко вздохнул и сел. — Тарид Рох… — он судорожно вздохнул, — Тарид Рох как-то застал меня за ремонтом приемника для Бладуэд… После его «обработки» я два дня на ногах не стоял. И, боги, ему так это понравилось! — Он нервно провел рукой по волосам; Мун заметила, что рука его снова дрожит. — Не знаю, чем уж он занимался в столице, но вот к пыткам

у него прямо талант.

Мун содрогнулась, вспомнив, как Тарид Рох коснулся ее щеки.

— Так это… потому? — Она посмотрела на его исполосованные шрамами запястья.

— Все, все это — потому — Гундалину покачал головой. — Я ведь высокорожденный, я технократ, я уроженец Харему! И со мной эти дикари обращаются, как с рабом — хуже, чем с рабом! Ни один человек, обладающий хоть какой-то гордостью, не станет так жить: без чести, без надежды… Так что я попытался совершить хоть один достойный уважения поступок. — Он говорил абсолютно ровным голосом. — Но Бладуэд успела меня найти, прежде чем… все было кончено.

— Она спасла тебя?

— Еще бы! — Мун услышала в его голосе ненависть. — Разве есть смысл в унижении трупа? — Он посмотрел на свою бесполезную руку. — Калека, хотя и… Я перестал есть; но тогда она сказала, что позволит этому мерзавцу кормить меня насильно… Через четверть часа он бы заставил меня есть дерьмо. — Гундалину попытался встать, но закашлялся так, что из глаз у него потекли слезы, и рухнул на лежанку. — А

потом началась та буря… — Он беспомощно развел руками, словно она должна была понять, как сильно он старался сделать то, что нужно.

И она, кажется, действительно хорошо поняла это и спросила:

— А теперь?

— А теперь все переменилось… Я должен думать о ком-то еще… Теперь со мной рядом есть кто-то еще… снова… — Она не поняла, рад ли он этому.

— Хорошо, что тебе тогда не удалось. — Она на него не смотрела. — Мы выберемся отсюда, БиЗед, я знаю: выберемся непременно. — До конца еще далеко. Она вдруг снова обрела уверенность в будущем.

Он только головой покачал.

— Теперь мне уже все равно. Слишком поздно — я слишком долго пробыл тут. — Он приподнял лицо Мун за подбородок. — Но ради тебя — я буду надеяться.

— Еще не поздно!

— Ты не понимаешь… — Он дернул себя за полу плаща. — Я же провел здесь несколько месяцев! Теперь все кончено! Фестиваль, Смена Времен Года, прощание с Тиамат… теперь все уже улетели, только меня оставили здесь. Навсегда. — Его

исхудавшее лицо дрогнуло. — Во снах я слышу, как родина зовет меня, и не могу ответить…

— Но они еще никуда не улетели! Смена Времен Года еще не наступила!

Он задохнулся, словно она его ударила. Втащил ее на тюфяк, поближе к себе, схватил за плечи…

— Правда? Но когда же?.. О боги, скажите, неужели это правда?

— Это правда. — Мун выговорила это с трудом, почти неслышно. — Но я не знаю, когда точно… то есть я не уверена, сколько… неделя или две…

— Неделя? — Он отпустил ее и тяжело оперся о стену. — Мун… Черт бы тебя побрал, не знаю, из рая или из ада ты явилась: неделя! — Он вытер рот ладонью. — Но все-таки, наверно, из рая. — Он вдруг обнял ее — коротко, торопливо, отвернув лицо.

Она вскинула руки, когда он хотел было отстраниться, и прильнула к нему с неожиданно горячей благодарностью.

— Нет, не отстраняйся от меня, БиЗед. Еще чуть-чуть, пожалуйста! Мне так нужно твое тепло… Подержи меня так еще немножко… Пусть в этих объятиях утонет все безобразное… пусть я поверю в то, что надежда еще есть… пусть его руки снова обнимают меня…

Гундалину замер, потрясенный, странно неуверенный в себе после ее слов. Но все же обнял ее, как-то механически притянул к себе, пряча у себя на груди, отвечая ей…

Так давно… Она помнила теплые руки Спаркса, словно это происходило вчера… а это было так давно… Она положила руки Гундалину на плечи и позволила себе бездумно раствориться в его тепле; пусть на время исчезнут страшные виденья, пусть его объятия отдалят миг познания горькой истины… Вскоре она почувствовала, что объятия Гундалину окрепли, дыхание участилось, и ее собственное сердце тоже забилось сильнее, неожиданно отвечая его порыву…

— А не можешь ли ты… немножко поговорить со мной на сандхи? — неуверенно попросил он.

— Да, конечно. — Она улыбнулась, прижимаясь лицом к его плечу. — Хотя я… не слишком хорошо это делаю…

— Ничего. Хотя акцент у тебя ужасный! — Он тихо засмеялся.

— Как и у тебя!

Он положил голову ей на плечо, и она стала растирать ему спину медленными спокойными движениями; потом услышала, как он вздохнул. Постепенно его руки ослабели, он разжал

объятия, дыхание его стало ритмичным. Мун посмотрела ему в лицо: он уснул с улыбкой на устах. Она бережно уложила его голову поудобнее, подняла с пола его ноги, укутала его одеялами. Потом нежно поцеловала в губы и пошла к своему тюфяку, валявшемуся на полу.

— Починил, а? Ну, повезло тебе, легавенький! — Бладуэд подняла с полу дистанциометр, который Гундалину и Мун чинили всю ночь. Она не скрывала облегчения, однако Гундалину почему-то послышалась в ее словах угроза, и он сразу нахмурился. — Эй, сивилла, ты зачем это сделала?

Белые с серым птицы вольно вспорхнули с плеч Мун; парочка старлов нырнула под лежанку при звуках пронзительного голоса Бладуэд.

— Хотелось дать им немножко свободы. — Мун сказала это слишком торжественно.

— Так они ж удерут! Я ведь потому их в клетках и держу… Они б давно уже разбежались, глупые твари, если б я клетки не запирала.

— Никуда они не денутся. — Мун протянула ладонь с насыпанными на нее крошками. Птицы тут же уселись прямо ей на руку, толкаясь из-за тесноты. Она погладила их по волнистым перышкам. — Посмотри. Вот и все, что им на самом

деле нужно. А в клетке они никогда ручными не станут; ни за что не станут, раз ты боишься даже дверцу открыть.

Бладуэд подошла к ней поближе; птицы сразу же снова взлетели. Мун пересыпала крошки на ладонь разбойнице, но рука той вдруг сжалась в кулак, и она швырнула крошки на пол.

— В задницу все это! Мне такого не надо. Расскажи-ка лучше какую-нибудь историю, легавый. — Она направилась к Гундалину и уселась рядом с ним на лежанку. — О Старой Империи, например. Ну, давай, рассказывай!

Гундалину демонстративно отодвинулся от нее.

— Я больше никаких историй не знаю. Ты их и так уже все наизусть выучила.

— Все равно расскажи! — Она потрясла его за плечо. — Почитай тогда снова эту книжку. Почитай для нее — она ведь тоже сивилла…

Мун оторвала взгляд от птичек, которые собирали крошки у ее ног, и посмотрела на Гундалину и Бладуэд.

— Садись-ка, сивилла, — повелительным тоном велела ей Бладуэд. — Тебе должно понравиться. Там говорится о самой первой сивилле на свете и еще — про конец Старой Империи. И еще про

космических пиратов, про искусственные планеты, про разных невиданных зверей и про ужасно мощное оружие… — ну всякое такое! — Она сложила пальцы пистолетиком и прицелилась в Мун. Потом засмеялась.

— Правда? — Мун села, вопросительно глядя на Гундалину. — Они что же, действительно знали про первую сивиллу?

Он только плечами пожал.

— Он говорил, что все это правда! — Бладуэд была чрезвычайно возбуждена и говорила очень громко. — Ну, давай, легавый. Прочитай тот кусок, где она спасает своего возлюбленного от пиратов.

— Но это же он ее спас! — Гундалину даже закашлялся от отвращения.

— Слушай, ты бы лучше читал, а? — Бладуэд низко наклонилась и заглянула под кушетку; оттуда, лязгая зубами, выскочили рассерженные потревоженные старлы. Она отыскала там растрепанную книжку и сунула ее Гундалину. — И еще в конце — там, где она думает, что он умирает, а он — что это она умерла… это так грустно! — Она как-то кровожадно ухмыльнулась.

— Бладуэд, хочешь я расскажу тебе одну историю? — вдруг спросила Мун, испытывая

какую-то смутную надежду, и села на свой тюфяк, скрестив ноги. Старлы тут же подошли к ней, распугав птиц, и улеглись, положив свои пятнистые мордочки ей на колени. — Обо мне… и моем возлюбленном, о технократах и контрабандистах. И о Карбункуле. — И ты выслушаешь меня и все поймешь. Она чувствовала, что ее охватывает какое-то волшебное вдохновение, и принялась рассказывать о своей жизни взахлеб, забыв обо всем, все время видя перед собой лишь лицо Спаркса, смеющегося, освещенного солнцем… Она слышала его музыку, плывущую над морем, ощущала его жгучие поцелуи… и боль расставания… Порой она словно из сердца куски выдирала, но не утаила ничего…

(Ты хочешь сказать, что не представляла даже, что тебе потребуется пять лет, чтобы слетать на Харему и обратно? Ну и глупая же ты была!) (Я учусь.)… ни о тех людях, которые пытались помочь ей; ни о той цене, которую они за это заплатили.

— И тогда на груди человека в черном я заметила ту медаль… и он убивал меров… Медаль была Спаркса… И этот человек был Спаркс, я наконец нашла его… — Она потупилась, прижав ладони к заалевшимся щекам, — сейчас она помнила

только его поцелуи, его ласки…

— Ты хочешь сказать… он — Звездный Бык? — прошептала Бладуэд в ужасе. — Господи, ну и дерьмо! Твой возлюбленный убивал меров… и ты… неужели ты все еще любишь его?

Мун молча кивнула; губы ее дрожали. Черт бы побрал все, что я делаю! Она затаила дыхание, стараясь совладать с собой, пытаясь понять, что же происходит с ней в действительности и какова реакция на ее рассказ со стороны Бладуэд.

Бладуэд украдкой вытерла слезы и почесала в затылке; ее коротко остриженные волосы стояли дыбом, как солома.

— Ох нет… это нечестно! Теперь он непременно умрет и даже никогда ничего не узнает!

— О чем ты?

— О Смене Времен Года, — пояснил за нее Гундалину. — Последний Фестиваль, конец Зимы… конец правления Снежной королевы… и Звездного Быка. Они утонут вместе. — Он посмотрел на Мун с невыразимым сочувствием. — Это конец их мира.

Мун резко выпрямилась, не вставая с колен, столкнула старлов, разом нарушив все чары, с помощью которых держала в таком напряжении и Бладуэд, и Гундалину.

— О, Хозяйка! Ведь и времени-то совсем не осталось! Бладуэд, ты должна, должна отпустить нас! Мне необходимо его найти, мне необходимо попасть в Карбункул до начала Фестиваля!

Бладуэд встала. Лицо ее тут же окаменело.

— Я ничего никому не должна! Ты все это просто выдумала, надеялась, что я тебя отпущу. Нет уж, никуда я тебя не отпущу!

— Я ничего не выдумала! Спаркс действительно стал Звездным Быком, и, он действительно умрет… Неужели я зря проделала весь этот путь! — Мун тщетно пыталась взять себя в руки и говорить более спокойно. — Если бы мы успели добраться до Карбункула, БиЗед, как полицейский, смог бы помочь мне вовремя отыскать Спаркса. К тому же, если он сам вовремя не попадет туда, то не сможет улететь вместе с остальными инопланетянами и останется здесь. Какая-то неделя, и…

— Значит, через неделю все и будет кончено, так что ни к чему беспокоиться — ни тебе, ни ему. А потом вы будете спокойно жить здесь, со мной. — Бладуэд скрестила руки на груди, глаза ее горели яростным огнем: сейчас она ненавидела их, предателей.

— Через неделю моя жизнь утратит всякий

смысл… — Мун встала, чувствуя, как смыкаются вокруг нее каменные стены. — Пожалуйста, ну пожалуйста, Бладуэд! Помоги нам!

— Нет — даже если все это и правда. Я же для тебя никто — так с какой стати мне беспокоиться о тебе? — Она так сильно дернула Мун за рукав, что чуть не оторвала его совсем, ибо материя была довольно ветхая. Потом она решительным шагом направилась прочь, захлопнув за собой двери.

— Этого я не понимаю, — прошептал БиЗед не то с насмешкой, не то с отчаянием. — Ведь истории, которые я ей читал, всегда имели счастливый конец…

Поздно ночью, лежа без сна, Мун вдруг услышала, как лежавшие рядом старлы насторожились, прислушалась вместе с ними и услышала чьи-то шаги в коридоре. Она села и уставилась на обогреватель, светившийся в темноте. БиЗед тоже приподнялся на своей лежанке; Мун поняла, что и он, должно быть, не спал, переживая за нее. О, Хозяйка, неужели Бладуэд переменила свое решение?..

Но тут ворота отворились, и в тусклом свете появился… Нет, это была не Бладуэд! Мун услышала, как Гундалину затаил дыхание. Сама она была совершенно парализована страхом.

— А ну-ка, малютка, просыпайся, мне кой-что от тебя понадобилось… и кой-чему новенькому хочу тебя научить. — Тарид Рох двинулся к ней, на ходу расстегивая парку.

Мун попыталась встать на ноги, отчего-то двигаясь очень медленно. Он не верит… Хозяйка, ну пожалуйста, разбуди меня! Пусть этот сон кончится! Она сделала несколько шагов назад, поскольку страшное видение не исчезало, а ее мольбы не помогали совершенно, и вдруг почувствовала, как Гундалину обхватил ее руками за плечи и прижал к себе.

— А ну оставь ее, сукин сын, пока у тебя хоть что-то еще в мозгах осталось!

Тарид Рох гнусно ухмыльнулся.

— Ты ведь тоже в ее могущество не веришь, правда, легавый? Во всяком случае, не больше, чем я! Так что держись от нее подальше, иначе я тебе покажу, какой настоящая боль бывает.

Руки БиЗеда у Мун на плечах стали как мертвые. Потом упали, и он отшатнулся к стене. Мун стиснула зубы, чтобы не закричать. Но едва Тарид Рох рванулся к ней, как Гундалину нанес ему точный профессиональный удар прямо в горло.

Сил у него, впрочем, почти не было, так что Тарид Рох даже не охнул и тут же перехватил

его руку, выкрутил ее и отшвырнул Гундалину к клеткам. Гундалину снова оттолкнулся от стены, но не успел он встать в боевую стойку, как тяжелый кулак бандита заставил его упасть на колени, а получив удар ногой, он ничком растянулся на полу. И тут Тарид Рох наконец добрался до Мун, обхватил ее своими ручищами и припал к ее губам. Мун яростно сопротивлялась, пыталась увернуться, а потом в отчаянии вонзила зубы в его губу, тут же почувствовав во рту вкус его крови.

Взвыв от боли, он отшвырнул ее и сбил с ног. Она снова с трудом поднялась, стараясь держаться от него подальше.

— Теперь ты проклят, Тарид Рох! Я заразила тебя безумием сивилл, несчастный, и у тебя не осталось никакой надежды на спасение! — Ее пронзительный голос был похож на крики белых птиц, что метались, хлопая крыльями, у нее над головой. Но Тарид Рох все-таки снова схватил ее; лицо его было измазано кровью, в глазах светилась безумная злоба. Мун прижалась к проволочной оплетке ворот, громко крича:

— Бладуэд! Бладуэд! — Но руки бандита стиснули ее шею так сильно, что она задохнулась и умолкла; резкая боль пронзила ее, парализовав

разом все тело, и он швырнул ее на пол.

И вскрикнул: один из старлов напал на него, вонзив свои крепкие клыки ему в голень и терзая не только его штаны, но и плоть. Таская за собой рассвирепевшего зверька, Тарид Рох добрался наконец до клетки и швырнул старла туда, где возбужденно крутился второй хищник. Потом он снова набросился на Мун, но едва его руки вновь сомкнулись у нее на горле, как он вдруг пошатнулся, потом согнулся пополам, как-то разом утратив всю силу и свирепость.

— Ты, сука! — в голосе его отчетливо слышался страх. Пошатываясь, он прижал ладони к вискам и вдруг рухнул на пол.

Мун стояла над ним, с трудом выталкивая слова из охрипшего горла:

— Я научу тебя верить в могущество сивилл! — Она медленно переступила через его безжизненное тело и бросилась к Гундалину, который неловко пытался встать на ноги. Она хотела поддержать его, обняла за плечи непослушными руками и тут заметила свежую рану, набухающую у него на лбу. — Что с тобой, БиЗед?

Он с изумлением посмотрел на нее:

— Со мной? Со мной все в порядке. — Он закрыл лицо руками, некоторое время постоял так, а

потом руки его сами собой обвились вокруг ее талии, и он прижал Мун к себе. Она прильнула щекой к его щеке. — Благодарю вас, боги!.. Благодарю, что мы оба уцелели.

— Так, чем это вы занимаетесь? — Бладуэд влетела в распахнутые ворота и резко затормозила, увидев на полу тело бандита. Старлы, угрожающе ворча, все еще кружили возле него, словно стервятники возле павшей жертвы. Бладуэд посмотрела на Мун и Гундалину, прильнувших друг к другу, и в глазах ее Мун прочитала вопрос, который юная разбойница не решалась задать вслух:

— Да, это сделала я. — Мун утвердительно кивнула, удивляясь спокойствию собственного тона. — Я заразила его безумием сивилл.

Бладуэд невольно разинула рот.

— Он что же, умер?

— Нет. Но с утра уже… начнет понемногу сходить с ума… даже хуже… — Мун вдруг умолкла.

Бладуэд посмотрела в бессмысленное лицо лежащего на полу негодяя, потом снова подняла глаза; в них быстро сменяли друг друга самые разнообразные чувства, среди которых постепенно начинал доминировать гнев. Она сунула руку за пазуху и вытащила свой станнер; потом набрала на диске нужную комбинацию цифр, наклони-

лась и приставила дуло прямо к виску лежащего.

— Нет, этого не будет. Я не допущу. — Она выстрелила. Мун вздрогнула; Гундалину застыл как вкопанный. Никакой жалости или угрызений совести Мун не чувствовала.

— Черт побери! — Бладуэд убрала оружие. — Я же предупреждала его, что он очень пожалеет, если попытается что-нибудь сделать с тобой. — Вскинув голову, она посмотрела на Мун и Гундалину с каким-то более глубоким чувством, чем простой инстинкт собственницы, и более сильным, чем тоска. — Ладно, черт с вами! Теперь вы своего добились! Как только Ма узнает, что Тарид Рох сдох из-за вас, она потребует, чтоб с вас живьем кожу содрали, а здесь всегда делают так, как она хочет, и я пока что ничего изменить не могу: здесь все ее святой считают. А на самом деле она просто сумасшедшая! — Бладуэд вытерла нос рукой. — Да ладно! Только не смотри ты на меня так! Я же сказала, что отпущу вас.

Мун пошатнулась, постепенно осознавая происходящее, и медленно сползла на пол.

* * *

Хищный предрассветный холод кусал даже сквозь теплую одежду и шерстяную, бурого цвета

маску, прикрывавшую лицо. Казалось, звезды на черном куполе небосвода потрескивают от мороза. Перед разинутой черной пастью пещеры снег лежал серебряным покрывалом при свете почти полной луны.

— Никогда не видела более, прекрасной ночи!

— Я тоже. Ни на одной из планет. — Гундалину слабо шевельнулся под одеялами с термоподогревом; он лежал среди груды припасов в передней части аэросаней. — И никогда не увижу, даже если доживу до Новой эры. — Он глубоко вздохнул и мучительно закашлялся — ледяной ветер раздражал его слабые еще легкие.

— Заткнись уж, а? — Бладуэд снова возникла рядом с ними. — Ты что, хочешь всех перебудить? На вот. — Она сунула что-то ему на колени. Мун увидела три маленькие переносные клетки. — Отвезете их в Звездный порт. Они больны, а я здесь не сумею их вылечить. — Голос ее был напряжен, как стиснутый кулак. Гундалину тут же завозился, пристраивая клетки рядом с собой под одеялом.

Бладуэд отошла к другим клеткам, которые успела подтащить к выходу из пещеры, и, выбрав первую попавшуюся, отперла ее.

— А сейчас я выпущу всех остальных дикарей —

все равно они никого, даже тебя, не любят! — Она старалась говорить равнодушным тоном. Серокрылые птицы с шумом выбрались из клетки на снег, поудивлялись и, быстро разобравшись, в чем дело, улетели прочь, криками приветствуя неожиданную свободу. Бладуэд рывком отворила дверцу следующей клетки. Белые кролики гурьбой высыпали оттуда навстречу лунному свету и, неслышно ступая мягкими, точно обутыми в снегоступы лапками, тут же исчезли.

Обитателя последней клетки Бладуэд пришлось вытряхивать силой; карликовый лисенок, негодующе ворча, выкатился оттуда клубочком. Бладуэд пнула его так, что он отлетел в сугроб.

— Ну, давай же, черт тебя побери!

Лисенок сел, по-прежнему ворча от неудовольствия; его серебристая шерстка стояла дыбом; потом он, весь дрожа, попробовал осторожненько снова залезть в клетку, где было тепло и безопасно, но путь ему преградил сапог Бладуэд, и он, скуля, полез вверх по меховому отвороту сапога.

Бладуэд выругалась и взяла его на руки.

— Ну ладно, раз уж… — Голос у нее вдруг сорвался. — Остальных я оставлю! — Она вызывающе посмотрела на Мун. — Теперь я уже гораздо лучше умею за ними ухаживать, верно? Они сами

захотели остаться со мной…

Мун молча кивнула: она боялась расплакаться.

— По-моему, теперь у вас есть все, что нужно. — Бладуэд, сама того не замечая, погладила лисенка по голове. — Даже дистанциометр. Надеюсь, ты его хорошо починил, легавый?

— Что же ты теперь будешь делать? — спросил Гундалину. — Теперь ведь некому будет чинить твои механические игрушки — и негде будет добыть новые. А ваши люди совсем позабыли, как живут настоящие кочевники и охотники — как вообще все нормальные люди живут!

— Я не забыла! — Бладуэд гордо вскинула голову. — Я все старые законы знаю. Ма ведь не будет жить вечно, что бы она там на этот счет ни думала. Я отлично могу позаботиться и о себе, и обо всех, за кого отвечаю. И ты, чужеземец, мне вовсе не нужен! — Она смахнула с глаз слезинки. — И ты тоже! — Она вдруг бросилась Мун на шею. — Так что вы лучше поскорее убирайтесь отсюда, пока я не передумала. И непременно найдите его, пока еще не поздно!

Мун обнимала ее, забыв все свои злоключения и все простив, и слышала, как у их ног скулит лисенок.

— Мы непременно его найдем!

Вдвоем они вытолкнули аэросани на открытую площадку, и Мун уселась за руль. Она включила двигатель, следуя ворчливым указаниям смирившегося со своей ролью пассажира Гундалину.

— Эй, Бладуэд, — Гундалину глянул на нее через плечо. — На вот, держи. — Он протянул ей потрепанную книжку. — Не думаю, чтобы мне когда-нибудь снова захотелось читать ее. — Он смотрел на Бладуэд без улыбки.

— Но я же не смогу это прочитать, это ведь на твоем языке написано!

— Ничего, незнание моего языка тебя прежде никогда не останавливало.

— Убирайся отсюда немедленно, пока цел! — Бладуэд замахнулась на него книгой, как камнем, но было видно, что она улыбается.

Мун включила фары, и они начали свое последнее путешествие на север.

Глава 34

Ариенрод сидела на троне в том самом зале, где вскоре должна будет принимать премьер-министра Гегемонии во время его официального визита на Тиамат по случаю Смены Времен Года. Она лениво размышляла, способен ли премьер-

министр по-человечески пожалеть ее. Сегодня у нее испросила аудиенции комиссар полиции ПалаТион, и не требовалось слишком большого воображения, чтобы догадаться о настоящей причине ее визита. Что ж, это наглядное доказательство того, насколько хорошо Звездный Бык справился со своим заданием.

Эта ПалаТион снова оставила сопровождавших ее полицейских на противоположном конце зала, в толпе придворных — по всей вероятности для того, чтобы им не пришлось преклонять колена перед Снежной королевой. Сама она больше этого не делала, ибо стала комиссаром полиции — крошечная победа и одна-единственная! Ариенрод улыбнулась про себя, когда ПалаТион, сняв шлем, церемонно поклонилась ей.

— Ваше величество…

— Комиссар ПалаТион… Но вы ужасно выглядите, комиссар! Должно быть, слишком много работаете? Отъезд представителей Гегемонии с Тиамат — еще не конец света, знаете ли. Вам следует позаботиться о себе, иначе вы состаритесь раньше времени.

ПалаТион посмотрела на нее с плохо скрываемой ненавистью и каким-то невнятным отчаянием.

— Существуют и более ужасные вещи, чем старость, ваше величество.

— Ну такого я не могу себе вообразить. — Ариенрод откинулась на спинку трона. — Чем я обязана вашему визиту, комиссар?

— …Две вещи, по-моему, куда хуже старости, ваше величество: убийство людей и охота на меров. — Судя по ее тону, она была абсолютно уверена, что это одно и то же. — У меня имеется ордер на арест вашего Звездного Быка; он обвиняется в убийстве инопланетянина и зверском уничтожении целой колонии меров на территории, принадлежащей гражданину Гегемонии Нгенету. В его заказнике охота на меров, как известно, давно запрещена. — Ее обвиняющие глаза жгли огнем.

Ариенрод удивленно подняла брови.

— Убийство? Должно быть, это ошибка. Для несчастного случая можно найти и более правдоподобное объяснение…

— Одного покойника я видела собственными глазами! И еще — множество меров… — Лицо ПалаТион дрогнуло; она закусила губу. — Никакой ошибки здесь нет, и никакого иного объяснения случившемуся быть не может. А теперь, ваше величество, мне нужен Звездный Бык — и немед-

ленно!

— Разумеется, комиссар. Я и сама хотела бы расспросить его по поводу предъявленного вами обвинения. — Ариенрод пока не успела узнать ничего нового о внезапном появлении и исчезновении Мун за те несколько дней, что прошли со времени последней Охоты. Но теперь…

— Спаркс! — Окликнув его, она посмотрела на противоположный конец зала, где он стоял среди придворных, наряженных в новые костюмы, предназначенные для грядущего праздника. С изобретательностью богатеев они уже успели заказать самые красивые и изысканные образцы масок, подобрав к ним соответствующие наряды, и теперь напоминали группу забавных, но каких-то выродившихся, мутировавших животных, отчасти напоминавших древние тотемные божества или неведомо откуда взявшиеся фантастические существа.

Спаркс быстро подошел к Ариенрод. Она с удовольствием отметила безупречную красоту его движений. Он был очень хорош в голубой безрукавке и плотно облегающих ноги штанах. На лице его, впрочем, как бы тоже застыла маска; бесконечное дурное настроение сделало его лицо таким же чужим здесь, как и эти, обычные для

Фестиваля, но совершенно чуждые миру людей, маски. Он опустился перед королевой на колени, в молчаливой готовности служить ей, не обращая на ПалаТион ни малейшего внимания. Ариенрод не совсем поняла, чем вызвана подобная грубость: то ли определенным расчетом, то ли неким чувством вины; она знала, что Спаркс чувствует себя в чем-то виноватым перед этой женщиной, но никак не могла понять, в чем именно.

— Да, ваше величество? — Он поднял на Ариенрод глаза. Она жестом велела ему встать.

— Где Звездный Бык, Спаркс?

Он ошалело глянул на нее, но тут же взял себя в руки.

— Я… хм, я не знаю, ваше величество. Он куда-то уехал. Но не сказал, когда вернется. — Она заметила и его ядовитую улыбку, и затаенное любопытство. — Он ведь со мной не очень-то разговаривает.

— Комиссар ПалаТион намерена арестовать его за убийство.

— За убийство? — Спаркс повернулся к ПалаТион. Глаза ее пылали гневом, когда она смотрела на него; потом она опустила голову, однако огонь в ее глазах не потух.

— Как замечательно ваш Звездный Бык все

рассчитал, ваше величество!

— Да успокойтесь же, комиссар, — в голосе Снежной королевы звучало раздражение. — Вы что же, думаете, я умею читать чужие мысли? И я отнюдь не поощряю убийц. — По выражению лица ПалаТион можно было легко догадаться, что она не верит ни единому слову Ариенрод. — Я бы хотела побольше узнать об этом происшествии, комиссар. Вы сказали, что собственными глазами видели тела убитых? Чьи это были тела?

— Я видела только одно тело — если не считать множества мертвых меров. — ПалаТион судорожно сглотнула, словно для нее эти неприятные воспоминания были чрезвычайно мучительны. Спаркс играл украшенным агатами кожаным пояском, постукивая им о свое бедро, словно хлыстом, и при каждом ударе гримасничая. — Это был диллип.

— Гончая! — Королева с облегчением вздохнула, не сумев скрыть пренебрежения.

— Нет, ваше величество, — холодно поправила ее ПалаТион. — Другой диллип. Свободный гражданин Гегемонии, гость гражданина Нгенета. На него напали убийцы. По словам Нгенета, пропала еще одна его гостья, и мы полагаем, что она тоже была убита. Это гражданка Тиамат, жительница

Летних островов по имени Мун, Покорительница Зари. Тела убитых меров были к тому же зверски изрублены на куски… — ПалаТион явно старалась произвести как можно более сильное впечатление на королеву.

— Изрублены? — переспросил Спаркс. Слишком громко переспросил.

Ариенрод заметила, что ПалаТион не сводит с нее глаз, особенно после того, как произнесла имя Мун: она что-то знает! Однако Ариенрод была готова к разговору и вполне владела собой. Тон ее, вежливо-ледяной, совершенно не изменился.

— Это имя мне смутно знакомо… Она не родственница тебе, Спаркс?

— Да, ваше величество. — Пальцы одной его руки так стиснули запястье другой, что побелели косточки; ногти впились в кожу. — Если угодно, она была моей… двоюродной сестрой.

— Прими мои соболезнования. — Сочувствия в ее голосе не было.

ПалаТион наблюдала за ней не то с удивлением, не то с разочарованием.

— Эта девочка нарушила закон. Она вернулась на Тиамат, побывав на другой планете. — Что-то скрипнуло.

— Мне кажется, я припоминаю этот случай… —

И я думала, что все уже кончено, но до конца еще далеко.

— Что вы имели в виду, утверждая, что эти меры… были зверски изрублены на куски? — снова спросил Спаркс. — Как это — зверски?

— В полицейском участке имеется видеозапись; если вам нравится смотреть такого рода фильмы…

— Черт побери, я вовсе не это хотел сказать! Я хочу знать, что случилось с Мун!

— Ну-ну, Спаркс! — Ариенрод, совершенно спокойная, наклонилась к нему. — В конце концов, комиссар, это его двоюродная сестра. И, конечно же, ему не безразлично, что там произошло. — Черт бы его побрал! Всем заметно, что ему это не безразлично!

— С них… содрали шкуры, ваше величество. — ПалаТион по-прежнему сурово хмурилась.

— Шкуры? — Она с легким недоверием в глазах снова повернулась к Спарксу и увидела на его лице полное недоумение. — Звездный Бык никогда бы не сделал ничего подобного. Зачем ему это?

— Вам, разумеется, лучше могут быть известны его намерения; это ведь ваш приближенный. — ПалаТион поправила кобуру на поясе — чтобы скрыть готовый прорваться гнев. — Но у кого еще

имелись столь широкие возможности утопить целую колонию меров сразу?

Мне все это очень не нравится, Я недостаточно хорошо ориентируюсь в данной ситуации. Ариенрод задумчиво провела пальцем по тонкой резьбе.

— Что ж, честно говоря, комиссар, даже если Звездный Бык действительно это сделал, я не понимаю, почему, собственно, вы-то так этим удручены? Он ведь все равно умрет, как только наступит Смена Времен Года. — Она с фаталистической покорностью и призрачной улыбкой на устах пожала плечами.

— Закон не может принимать это во внимание, ваше величество. — ПалаТион выразительно посмотрела на нее. — И, кроме того, это слишком легкое наказание для вашего Звездного Быка.

Спаркс резко повернулся к ней, но взял себя в руки и лишь пригладил волосы.

Но Ариенрод рассердилась так, что в ушах у нее зашумела кровь.

— Заботьтесь лучше о себе, инопланетянка! Особенно после Смены Времен Года. А нам предоставьте нашу собственную судьбу.

— К сожалению, наши судьбы связаны, ваше величество, поскольку Тиамат входит в состав

Гегемонии. — Ариенрод показалось, что эти слова — «входит в состав» — ПалаТион выделила особо. Она явно не верила Ариенрод; перестала верить еще тогда, когда та начала блефовать. ПалаТион знала — да, знала! — что у Зимы свои планы насчет Смены Времен Года; но настолько же хорошо знала она и то, что не в силах предотвратить их воплощение в жизнь. Ариенрод поспешно отошла на прежние позиции.

— Так или иначе, ваше величество, мне необходимо арестовать Звездного Быка и допросить его. Я надеюсь на вашу помощь. — Разумеется, она никакой помощи от Ариенрод не ожидала.

— Я сделаю все, что в моих силах. Действительно, необходимо как-то распутать это неприятное дело. — Ариенрод перебирала нитки хрустальных бус, водопадом падавшие с ее высокого ожерелья-воротника на блузу серебристого цвета. — Но Звездный Бык живет так, как ему вздумается; приходит и уходит, когда захочет. Я не знаю, когда в следующий раз увижу его.

ПалаТион криво усмехнулась.

— Мои люди тоже займутся его поисками. Но, разумеется, вы, ваше величество, очень помогли бы нам, если бы назвали его имя.

Ариерод жестом поманила к себе Спаркса,

потрепала его по руке; он вздрогнул, словно прикосновение Снежной королевы обожгло его холодом.

— Простите, комиссар. Я никому не могу назвать его настоящее имя; сделав это, я нарушила бы его доверие и саму концепцию его восприятия на Тиамат. Но я непременно буду настороже… — Она коснулась застежки, которой были собраны на затылке густые рыжие волосы Спаркса, намотала на палец его локон. Он молча смотрел на нее, исполненный благодарности и доверия. Она улыбнулась ему, и он неуверенно улыбнулся в ответ.

— Хорошо. Я постараюсь выяснить это сама. Но тогда уж я заполучу его непременно! — ПалаТион поклонилась и, гордо подняв голову, быстро пошла прочь.

Спаркс с облегчением засмеялся, словно сбросив тяжкое бремя.

— Прямо у нее под носом!

Ариенрод позволила себе посмеяться с ним вместе, не испытывая при этом настоящего удовольствия и вспоминая те времена, когда смех был самой простой и естественной вещью и порождался радостью, а не болью…

— Жаль, она так и не сумеет узнать, кого только

что упустила. — Но мне необходимо быть в этом уверенной!

Что ж, Звездному Быку придется какое-то время поносить маску обычного человека.

Спаркс кивнул, внезапно посерьезнев.

— Да, конечно, — но почему-то в словах этих прозвучала внезапная горечь.

— Что же все-таки там произошло — на том берегу, во время Охоты? — Она наклонилась к нему ближе, заставляя его смотреть ей прямо в глаза.

— Я же рассказал тебе все, что видел сам! Мы убивали меров как обычно, а потом бросили их там — чтобы этот Нгенет нашел… И больше ничего. — Он скрестил руки на груди. — Я не знаю, что там произошло. Клянусь Хозяйкой, мне бы и самому хотелось это узнать… — в голосе его слышалась затаенная мольба.

Ариенрод отвернулась, чувствуя, как лицо ее каменеет. Неужели хотел бы? Ну что ж, тогда, клянусь всеми богами, ты этого не узнаешь никогда!

Глава 35

Аэросани плавно остановились.

Гундалину молча посмотрел на Мун, услышав вырвавшееся у нее приглушенное проклятие.

Очередная каменная гряда преграждала им путь на вершину холма. Он никогда не бывал и думал, что никогда уже не побывает в столь удаленных от Звездного порта районах, заваленных многометровой толщей снега. Но Тиамат снова входила в перигей своей орбиты, близилось настоящее лето, Смена Времен Года, и сами солнца-Близнецы находились сейчас ближе всего к Черным Воротам. Гравитационное влияние Ворот увеличивало солнечную активность, постепенно превращая экваториальные районы Тиамат в настоящее пекло.

В течение последних нескольких дней, пока они выбирались из серебристо-черной дикой тундры, где находилось логово разбойников, погода улыбалась им. Безбрежное сияющее синевой небо простиралось в молчании над далекими горными вершинами и чистым ковром снегов. И с каждым днем, несмотря на то, что ехали они на север, становилось теплее, температура уже приближалась к нулю, а в полдень, когда Близнецы бывали в зените, поднималась даже выше нуля. Их первоначальная благодарность весенним денькам постепенно сменилась отчаянными проклятиями, поскольку все больше обнажалась каменистая поверхность тундры и попадающи-

еся все чаще моренные гряды ужасно мешали аэросаням двигаться.

Гундалину выполз из-под груды шкур и одеял и нырнул под передок саней, пытаясь высвободить застрявшие полозья. Мун всем телом навалилась на корму, а потом они вдвоем потащили сани по длинному склону холма. Их гигантские тени, точно дразнясь, медленно плелись рядом; Гундалину старался не обращать внимания на боль в груди, которую жгло, словно раскаленным железом. Мун и без того, видя его слабость, старалась сделать всю тяжелую работу сама и ни разу не пожаловалась.

Они достигли вершины холма, и Гундалину наконец вздохнул полной грудью — он старался не делать этого, пока они тащили сани вверх, — и тут же зашелся от кашля, который больше уже не мог сдерживать. Мун бросилась к нему, отвела к саням и уложила.

— Сколько нам еще осталось, БиЗед? — Она хмурилась, кутая его в теплые меховые одеяла, словно заботливая нянюшка. У нее с собой не было никаких лекарственных трав, и он знал: она отлично понимает, что ему снова стало хуже.

Гундалину ободряюще улыбнулся девушке:

— Ничего, уже скоро. Может быть, еще денек

— и будем там. — Звездный порт. Врачи. Выздоровление. Рай. Он не желал и думать о том, что не знает точно, сколько же дней они провели в пути — пять или шесть? — не допускал мысли, что его расчеты могли оказаться неверны…

— По-моему, нам следует вон там, внизу, устроить привал. — Гундалину заметил, как вздрогнула Мун, когда ледяной ветер ударил по вершине холма. — Близнецы уже совсем низко. — Она смотрела вдаль, за бесконечную гряду холмов, в сторону далекого моря. — Становится слишком холодно, чтобы ты мог продолжать путь. — Он вдруг услышал, как она испуганно затаила дыхание. — БиЗед! Что это?

Он проследил за движением ее руки, сам не зная, что может увидеть, но увидел совсем не то, чего ожидал.

Прямо из темно-синего зенита падали звезды. Но не те, обычные, что в этом мире зимы были похожи на осколки стекла, — нет, то были звезды великой мечты, великой славы, ради которых можно отдать жизнь… Невозможное стало реальной действительностью…

— Что… что это такое? — Он слышал в голосе Мун ужас и восторг бесчисленных представителей тех семи миров, что в течение тысячелетий

были свидетелями воплощенного величия, явившегося ей сейчас.

Пять гигантских космических кораблей вдруг возникли на фоне темнеющего неба, увеличиваясь с каждым ударом сердца, гармоничные и прекрасные в своем сиянии и полете — словно свет, играющий в призме с текущей водой. Он смотрел, как пять кораблей медленно перестроились и полетели крестом; видел молнии, играющие у их сопл; потом ракеты расположились звездой — гигантским знаком Гегемонии. Яркие вспышки, словно в такт неведомой мелодии, которую он почти мог слышать, наполняли небосвод дивными сполохами, теми незабываемо прекрасными закатными красками, какие играли в небесах его родины…

— Премьер-министр? Это премьер-министр прилетел? — голос Мун долетал до Гундалину сквозь ее шерстяную маску и поднятые к щекам руки в рукавицах.

Он все пытался проглотить застрявший в горле комок и никак не мог ответить ей.

— Но ведь это же космические корабли! — Она словно отвечала на собственный вопрос. — А разве обыкновенные космические корабли могут быть… так прекрасны?

— Они с Харему! — Гундалину с тем же успехом мог бы сказать «из Старой Империи» или «из Рая». Он не стал объяснять ей, что это самые обыкновенные корабли, только окутанные плащами голографической защиты, призванной поражать воображение невежественных аборигенов, населяющих планеты, подобные Тиамат. Он буквально ослеп от гордости, и ему необычайно приятна была ее восхищенная улыбка.

— Правда? — Мун ласково коснулась его щеки и снова подняла лицо к небесам. Вскоре звездный рисунок распался, и языки пламени из сопл кораблей погасли за холмами… однако совсем недалеко от них… — Смотри! — Мун изумленно посмотрела на него и тряхнула его за плечи. — Смотри, БиЗед, там ведь, наверное, Звездный порт! Мы почти пришли! Мы уже сегодня к вечеру могли бы туда добраться! — Мороз облачками инея опушил ее щеки. — Мы успели!

— Да. — Он глубоко вздохнул. — У нас еще много времени. Благодарение богам. — Он смотрел вслед последнему кораблю, упавшему в заснеженные холмы. Сегодня вечером… — Нет никакой необходимости спешить, чтобы поспеть туда именно сегодня. Один день уже не имеет значения. Завтра — тоже достаточно хорошо.

Она изумленно глянула на него.

— Это ведь всего каких-то два часа… Не тяжелее, чем мне сейчас лагерь разбивать…

Он пожал плечами, по-прежнему глядя вдаль.

— Может, ты и права… — И закашлялся, прикрываясь рукой.

Она приложила руку ему ко лбу, пытаясь определить, нет ли у него жара.

— Чем скорее ты попадешь к вашему лекарю… к врачу… тем лучше! — твердо сказала она.

— Да, нянюшка.

Она шутливо пихнула его в бок. Он ухмыльнулся; нетерпение вновь охватило его, стоило ей включить двигатель. Аэросани, мягко перевалив через вершину холма, стали спускаться в долину, откуда уже не было видно даже сияния, остававшегося в небе после посадки космических кораблей. Через несколько часов… всего лишь через несколько часов он снова будет среди своих, жизнь для него начнется снова, а он-то думал, что потерял ее навсегда — ту единственную, которую прожить стоит. Боги, он ужасно хотел сегодня же добраться до Звездного порта!

Тогда почему же он сам предложил ей отложить последний бросок до завтра? Завтра — тоже достаточно хорошо. Гундалину пошевелил под

одеялом руками, придвинул поближе клетки — их теперь осталось только две. Зеленая птичка умерла три или четыре ночи назад. Утром они вырыли для нее маленькую могилку в хрустящем снегу. Туда уходишь ты, а я… Он громко прочитал над нею эти стихи, опустившись на колени, в полной тишине.

Эти же слова повторял он в ночи, с нетерпением ожидая рассвета и чувствуя себя наконец-то свободным. Рядом с ним лежала она — достаточно близко, чтобы можно было ее коснуться, ибо палатка была крошечная; но он так ее и не коснулся. С тех пор, с той единственной ночи… Он был часовым при ней, спящей, беззащитной, и ревниво следил за теми снами, что тенями пробегали по ее лицу… светлое лицо, снежные растрепанные волосы, слишком белая кожа… теперь, правда, ставшая не только куда более привычной, но и казавшаяся ему удивительно прекрасной, естественной… В мыслях он часто обнимал ее, целовал, будил навстречу новому дню… и в этом диком краю он был свободен, как никогда в жизни, ни в прошлом своем, ни в будущем не будет свободен от тех законов, что вечно определяют его существование. Здесь он как бы плавал в некоей благодатной среде,

бесформенный, как эмбрион, и не испытывал стыда, страстно желая эту девушку-варварку с глазами, похожими одновременно на туман и на моховой агат.

И утром он видел, как она просыпалась, приходила в себя после тревожных снов, сонно улыбалась навстречу его вымышленным поцелуям… Порой он замечал и легкую настороженность в ее глазах, чувствовал нерешительное ответное желание… Но они не сказали об этом ни слова; лишь его глаза спросили — а ее глаза ответили. И больше уже никогда не будет у них такого утра…

* * *

Они взобрались на вершину последнего холма, насквозь промерзшие и совершенно измученные; Звездный порт внизу молчаливо сиял, словно взошедшее среди ночи солнце. Невысокий купол огромного подземного комплекса широко раскинулся на прибрежной равнине. Это был почти целый город, пронизанный неземным светом и заключенный в прозрачную округлую оболочку. После посадки тех космических кораблей не осталось и следа — в идеально гладкой сплошной поверхности купола не было видно ни одного люка или прохода. Вдали за морем, почти на го-

ризонте Гундалину увидел мигающую огоньками раковину недремлющего Карбункула.

Он вздохнул, чувствуя болезненное стеснение в груди. Мун сидела молча; неужели, подумал он, она так потрясена впервые открывшимся ей зрелищем космодрома? Но потом вспомнил, что это не первый космодром, который она видит в своей жизни. Она вдруг сжала его плечо так, будто просила о поддержке. Он накрыл ее пальцы своей ладонью, но пальцы тут же выскользнули, и он убрал руку.

— Не волнуйся, — сказал он совершенно неподходящим, каким-то деревянным голосом. — Пожалуй, нам лучше свернуть налево и подъехать прямо к главному входу. Там охрана, разумеется, занята исключительно последними событиями и не должна обратить на нас особого внимания — мне вовсе не хочется становиться предметом сплетен.

Мун подчинилась, по-прежнему молча. Поймав себя на том, что совершенно не в силах как-то растормошить ее, успокоить — да он и самого себя успокоить был не в состоянии! — Гундалину стал смотреть, как перед ним постепенно вырастает купол космопорта.

Они были, по крайней мере, в сотне метров от

главного входа, когда пространство вокруг них вдруг залил яркий свет и чей-то механический голос приказал им остановиться. Четверо в голубых полицейских формах, вид которых почти уже стерся из его памяти, осторожно приблизились к ним; он знал, что значительно большее число полицейских наблюдают за их аэросанями из-за ворот. Лицевые щитки на шлемах были опущены, и узнать кого-нибудь было совершенно невозможно. Однако понимание того, что это свои, не успокаивало, а, напротив, вызывало тревогу. Он как-то странно застыл, увидев их, словно сам был преступником, а не жертвой.

— Вы вторглись на запретную территорию. — По погонам он узнал сержанта, но голос был незнакомый. — А ну выходите, ублюдки, и если там у вас есть еще кто из вашей воровской шайки, так и его тоже с собой прихватите, пока мы ваши сани в качестве мишени не использовали!

Гундалину возмутился:

— Кто, черт побери, учил вас так вести себя, сержант?

Сержант отшатнулся в насмешливом испуге.

— А кто, черт побери, это знать желает? — Он повелительно махнул рукой, и двое его спутников подошли к Мун, а третий вытащил из саней

Гундалину. Его совершенно не держали ноги, и он неловко шлепнулся прямо в снег.

— Оставьте его в покое! — возмутилась Мун.

— Эй, руки прочь от нее! — Двое полицейских, когда она кинулась к нему, грубо преградили ей путь. Возмущенный Гундалину откинул на спину капюшон, стянул с лица колючую шерстяную маску и намеренно заговорил на клостане, основном языке Ньюхевена. — А вы, сержант, обязаны отвечать старшему по званию. Я инспектор полиции Гундалину.

Сержант стащил с головы шлем и в ужасе уставился на него.

— О боги…

— Гундалину мертв! — Третий патрульный презрительно глянул на Гундалину. — С тех пор уж тыща лет прошла… Боги, да это ж и правда он!

Мун подбежала к Гундалину и помогла ему встать. Он отряхнул снег и с медлительным достоинством выпрямился.

— Сообщения о моей смерти были несколько преждевременны, сержант. — Он обнял Мун за плечи — точнее, тяжело повис на ней.

— Инспектор! — Сержант весь подобрался, готовый внимать. Гундалину вспомнил его имя: ТессраБарде. — Мы-то думали, что вас сбили бан-

диты, сэр. Эй, да помогите же ему…

— Ничего, со мной все в порядке. Теперь. — Гундалину посмотрел на Мун и покачал головой: Мун воинственно сжала кулаки, явно намереваясь защищать его. Он вдруг сразу почувствовал в себе силы, забыв о холоде и усталости.

— Ну так добро пожаловать, инспектор! Вы как раз вовремя успели. — Один из полицейских радостно пожал ему руку и с любопытством уставился на Мун. Гундалину чувствовал его недоумение. — А это кто? Ваша подружка?

— Хорошо все-таки вернуться! Вы даже не представляете себе, как хорошо. — Гундалину глянул на Мун: она сняла маску, и на лице ее были написаны испуг и неуверенность. Он понял, что прежде всего она боится именно за него, и попытался подбодрить ее улыбкой. Пальцы ее, сжимавшие его руку, немного ослабили свою хватку. — Это мой друг. Она была вместе со мной в плену. Но все рассказы потом… — Он оттягивал тот миг, когда неизбежно придется соврать, — Сперва я хотел бы поесть чего-нибудь горячего и немного отдохнуть. — Он мучительно закашлялся.

— Инспектор… вы ведь знаете… — в голосе ТессраБарде слышалась неуверенность, — эти, хм…

местные не имеют права заходить в комплекс.

— О боги, сержант! — Гундалину не выдержал. — Если бы те бандиты не могли проникнуть в ваш чертов комплекс, я не стоял бы перед вами еле живой! А если бы не эта девушка, меня бы сейчас вообще на свете не было. — Он шагнул по направлению к главному входу. Мун по-прежнему поддерживала его. — И пожалуйста, захватите наши сани.

Больше возражений не последовало.

* * *

Джеруша поморгала усталыми глазами и подавила зевок, прикрывая рот рукой. Разговоры по крайней мере полусотни гостей создавали вокруг невнятный шум, который поднимался к потолку, отражался от него и падал с оглушительным взрывом смеха. Она не спала уже сутки, и перед этим ночь тоже была практически бессонной. Даже почетное место за главным столом среди этих полубогов — членов Ассамблеи — ничуть не радовало ее, обед превратился в очередное мученье. Гости жили еще как бы по космическому времени, и для них сейчас была примерно середина дня, хотя на Тиамат давно уже наступила ночь, и приглашенные старательно напускали

на себя бодрый вид.

Сегодня Джеруша была официально представлена премьер-министру Ашвини, для чего пришлось надеть парадный мундир комиссара полиции, тяжелый от немыслимого количества позолоченных галунов и шнуров и сияющий как солнце. Но когда она увидела изысканные одежды самого премьера, расшитые самоцветами и подчеркивающие красоту его по-юношески крепкого тела… Сколько же ему лет? Четыреста? Пятьсот? Даже Ариенрод, наверное, испытывает зависть при виде Ашвини. (Втайне Джеруше было приятно, что Ариенрод на этот банкет не пригласили.) Нынешний премьер-министр унаследовал свой пост от отца и служил живым примером вечной мечты представителей Харему доминировать среди братских миров Гегемонии и править ими вне зависимости от законов времени и пространства. Он приветствовал Джерушу с изысканной галантностью, за которой она ощущала удивление тем, что комиссар полиции планеты Тиамат оказался женщиной. Рядом с премьер-министром за столом оказался Верховный судья Хованнес, однако Джеруше было безразлично, что он там ему нашептывает.

Робот-слуга замедлил возле нее свой бег, реши-

тельно убрал уже шестую или седьмую полную еды тарелку, к которой она практически не притронулась, и поставил новую. Джеруша с удовольствием отхлебнула горячего чаю и уставилась на очередное угощение, на поверхности которого кругами расплывалось масло. Робот стоял возле нее до тех пор, пока она не сунула в еду ложку, вяло ее помешивая и надеясь, что это занятие поможет ей не заснуть.

— Вы, наверное, предпочли бы сейчас сладко спать, а не сидеть здесь с нами, да, комиссар?

Джеруша с виноватым видом повернулась к своему соседу справа, Первому секретарю Теммону Ашвини Сайрусу, родному сыну премьер-министра. Это был весьма привлекательный мужчина средних лет, слишком светлокожий и крупный для уроженца Харему. Его нормальный возраст удивлял Джерушу больше всего, ибо отец Сайруса выглядел значительно моложе. Но еще удивительнее было обнаружить среди членов Ассамблеи — в этой обители высокомерия — полукровку. Совершенно очевидно, что Сайрус заслужил определенное уважение у себя на родине в качестве государственного деятеля, и лишь это заставило премьер-министра нарушить традицию и «ввести» его в состав членов

Ассамблеи. Джеруша заговорила с ним о чем-то банальном, и они довольно долго беседовали, потому что к ним присоединился и второй ее сосед, спикер парламента, надушенный так сильно, что она в итоге начала чихать. В конце концов беседа их все же иссякла, и Джеруша была рада, когда внимание спикера привлекло что-то другое. Однако Сайрус по-прежнему смотрел на нее.

— Вы ведь едва притронулись к еде! Я понимаю, все эти торжества затеяны исключительно по случаю нашего приезда, но все же должен признаться, что канавба просто восхитительна! — Он легко объяснялся на ее родном клостане — явно был полиглотом, как и большинство технократов Харему. А что еще ему остается делать в подобной ситуации? Только наслаждаться канавбой… Джеруша едва заметно усмехнулась. О боги, как бы мне отсюда выбраться!..

— Я не привыкла есть так много и в течение нескольких часов подряд. А этот обед из двенадцати блюд… — Родной язык сейчас казался ей более чужим, чем язык Тиамат, — слишком долго она пробыла здесь. — По-моему, мне с таким противником не справиться. — И вообще — ни с кем!

— Попробуйте дыню, комиссар. — Сайрус ободряюще кивнул, когда она послушно взяла в руки

ложечку с зубчатым краем. — Надо радоваться вкусной еде — это единственный способ пережить тоскливые торжественные обеды и приемы. Да и выпить чего-нибудь вкусного порой тоже неплохо.

Значит, вот что развязало тебе язык! Джеруша съела еще ложечку дыни, поняв вдруг, что невольно наслаждается ею. Какого черта! Поживи хоть час в выдуманном мире — потом легче будет прожить остаток жизни. Представь, что все стало именно так, как ты хотела; что все это не кончится после Смены Времен Года. Джеруша смотрела сквозь стеклянную стену космического комплекса на внушающее трепет, сияющее красно-золотистыми огнями гигантское посадочное поле, где отдыхали корабли прилетевших гостей — именно отдыхали, светясь, точно еще не потухшие угли; а рядом с ними громоздились тысячи других летательных аппаратов. Заграждение вокруг поля и прилегающих к нему территорий было залито светом и напоминало застывающий лавовый поток. На мгновение Джеруша почувствовала гордость при виде этого замечательного творения человеческих рук здесь, на планете, которая еще только начинала становиться на путь прогресса. И она сама тоже помогала проклады-

вать этот путь, ведущий в далекое прекрасное будущее… Под влиянием подобных, заманчивых, точно пение сирены, перспектив она когда-то и оставила свой дом и родную планету… И ради чего в итоге?.. Она снова оглядела зал, поставленные «елочкой» столы, лица гостей, качающиеся и шелестящие, словно листья на ветру, и вдруг с болью вспомнила:

БиЗед… ты так ждал этого мгновения — ты, но не я…

— Скажите, комиссар, как случилось, что вы…

— Прошу прощения, комиссар. — Сержант охраны с виноватым видом всунулся меж ними. — Извините, сэр. — Он отдал Первому секретарю честь.

— В чем дело, ТессраБарде? — Джеруша никак не могла понять, отчего тон сержанта так странно настойчив.

* * *

— Мне очень жаль отрывать вас от обеда, мэм, но я решил, что вы непременно захотите узнать… В космопорт только что прибыл инспектор Гундалину.

Ложечка со звоном выпала у нее из пальцев, чуть не разбив тарелку, выполненную в форме

цветка.

— Он жив?

— Да, мэм. Я собственными глазами видел его и разговаривал с ним. Его доставила сюда на аэросанях какая-то аборигенка. Сейчас мы его в госпиталь отправили…

— Где он? — бросила на ходу Джеруша, влетев в смотровой кабинет госпитального крыла. Она предоставила ТессраБарде объяснять все Первому секретарю Сайрусу, надеясь — но не слишком заботясь об этом, — что ее извинений было вполне достаточно. — Инспектор Гундалину…

— Он там, комиссар, — женщина-врач указала ей подбородком, куда нужно идти, поскольку руки ее были заняты какими-то инструментами.

Джеруша, не останавливаясь, миновала несколько дверей, все еще не веря, что сейчас увидит его. Но она его увидела.

— Гундалину!

Они были не одни, однако Джеруша не сумела скрыть своих чувств.

Гундалину рванулся к ней, перегнувшись через бортик смотрового стола. Он был обнажен до пояса, а одетый в голубое врач медленно водил по его груди каким-то прибором. Гундалину был так худ, что ничего не стоило пересчитать у него все

ребра; небритое измученное лицо тоже говорило о многом: давно болен, истощен чрезвычайно, зубов не хватает — явно выбиты — Она заметила, что он смущенно потянулся за рубашкой, которой под рукой не оказалось, а потом скрестил руки на груди, явно стесняясь своей наготы, словно маленький мальчик.

— Комиссар!..

Да, хвала всем богам, это ты, БиЗед… Она едва удержалась, чтобы не обнять его.

— Неужели глаза не обманывают меня, и это ты, Гундалину?

Она улыбнулась, готовая расплакаться.

— Боги! Извините, комиссар, что я в таком виде… Я надеялся… что буду выглядеть уже более презентабельно при встрече с вами…

— БиЗед, мне, черт побери, совершенно безразлично, как ты выглядишь, если ты живой и настоящий! Ради этого я готова что угодно, даже еще один такой же чертов обед вытерпеть!

Лицо Гундалину просветлело.

— И визит премьер-министра тоже? — Он вдруг согнулся пополам и быстро поднес руку ко рту, пытаясь остановить приступ ужасного кашля:

— Что с тобой? Что с ним, доктор? — Джеруша повернулась к врачу, словно впервые заметив его

присутствие. Врач пожал плечами.

— Общее истощение. Тлеющая запущенная пневмония…

— Ничего особенно страшного — два курса антибиотиков, и все пройдет, — быстро вмешался Гундалину. — И еще горячий обед для одного моего друга и для меня. — Он кивнул в сторону четвертого присутствующего, который тихо сидел в уголке, и с вызовом посмотрел на врача.

— Хорошо, я попробую что-нибудь устроить, инспектор. — Врач вышел из кабинета с непроницаемым выражением лица. Джеруша даже подумала: интересно, что он пытается скрыть — раздражение или смех.

— Если бы я знала, то принесла бы тебе все, что мне сегодня подавали, БиЗед. Там одним только первым блюдом можно было накормить досыта всех голодающих этой планеты. — Она украдкой продолжала посматривать на молчаливого приятеля Гундалину, сидевшего между полками с медицинскими инструментами, пока не поняла, что это девушка — светлокожая, в грязной бедой парке, со старым желтеющим синяком на щеке… Неужели аборигенка? Джеруша нахмурилась. Девушка тоже посмотрела на нее, но не с обычной для аборигенов коровьей застенчивостью,

а, пожалуй, оценивающе. И было еще что-то знакомое…

Гундалину проследил за взглядом Джеруши и торопливо пояснил:

— Комиссар, это Мун, дочь Лета. Она спасла мне жизнь и привезла меня сюда. Только благодаря ей я успел до окончательного отлета. Мун, познакомься с комиссаром ПалаТион. Если на Тиамат и есть кто-нибудь, способный помочь тебе отыскать брата, так это она. — Он внимательно посмотрел на Джерушу. — Меня захватила в плен банда разбойников, как и ее, мэм, но она…

Джеруша не мешала ему рассказывать; она почти не слышала его слов. Мун… дочь Лета!.. Та самая похищенная контрабандистами… убитая злодеями… гостья Нгенета… клон Снежной королевы… Да, теперь она узнала это лицо! Холодная дрожь прошла по телу: что она здесь делает, эта Мун? Разве можно ей находиться здесь? Как могла она оказаться именно тем человеком, который спас Гундалину? Только не она… Девушка подошла и встала рядом с Гундалину, который покровительственно обнял ее за плечи. Неужели он не знает, что ей запрещено здесь находиться? Неужели он ее не помнит?

— Комиссар ПалаТион? — Мун улыбнулась с

едва заметным волнением.

— Что вы здесь…

— Комиссар, это я виноват в том, что она здесь очутилась… — вмешался Гундалину, но тут в соседней комнате послышались громкие голоса, и Джеруша заметила, как лицо Гундалину сперва вспыхнуло, а потом побледнело от страха: он расслышал наконец, на каком языке говорят вошедшие. — Святые боги!.. Комиссар… Мун… — Он сдернул с девушки парку. — Мне необходимо одеться!

Мун помогла ему всунуть руки в рукава, словно сразу поняла причину его замешательства. Он слез со стола на пол и стоял, запахивая полы куртки, когда в кабинет вошли Первый секретарь и спикер, а за ними — человек десять гостей. Джеруша отдала вошедшим честь, и Гундалину тоже — с какой-то особой гордостью.

— Комиссар, — Сайрус вежливо поклонился ей, — когда мы узнали, что пропавший офицер полиции — наш земляк, то решили прийти сюда и поздравить его лично с благополучным возвращением. — Он смотрел то на Гундалину, то на Мун, то снова на Гундалину, словно никак не мог поверить, что уроженец Харему способен выглядеть таким больным.

— Инспектор БиЗед Гундалину, садху. — Гундалину снова отдал ему честь. Джеруша даже обрадовалась тому, что в течение последнего месяца все бессонные ночи проводила за изучением разговорного сандхи. Она по-прежнему, правда, слабо улавливала особые тонкости, связанные с расовыми и социальными различиями жителей Харему, однако здорово продвинулась в понимании их речи на слух. — Я технократ второго класса, садхану бхаи. И я… я очень благодарен вам за внимание. Для меня ваше посещение — большая честь! Я так счастлив!..

— Гундалину-эшкрад, — лицо Сайруса смягчилось, — вы высоко несете честь своего класса и семьи! Вы еще столь юны, а уже инспектор полиции!

— Благодарю вас, садху. — Веснушки на лице Гундалину покраснели от волнения. Он попытался сдержать тяжкий приступ кашля, но не сумел; гости ждали с вежливым сочувствием.

— Он всегда был моим лучшим офицером. Мне его ужасно не хватало. — Джеруше было приятно удивление, написанное на лице Гундалину, ибо она сказала это на его родном сандхи. Мун молча стояла среди них с какой-то затаенной улыбкой на лице. Джеруша в первый раз обратила внима-

ние на ее тунику. Синяя туника красиво оттеняла ее белую кожу и светлые серебристые волосы. То был традиционный наряд кочевников Зимы; Джеруша однажды видела такой — в витрине антикварного магазина в Лабиринте, выставленный там как весьма редкий экземпляр. Кто же ты, девочка?

И тут она увидела, что Сайрус здоровается с Гундалину и Мун, подняв ладонь вверх, что по традиции Харему было равносильно рукопожатию. Мун, услышав его имя, как-то странно напряглась. Гундалину сделал шаг вперед и тоже поднял ладонь. Секундное замешательство, и руки их соприкоснулись. Джеруша заметила, что ладонь Гундалину раскрывается не полностью: пальцы были скрючены и торчали, как когти. Она заметила и, бело-розовые шрамы у него на запястье… О боги, БиЗед?..

Сайрус представил им своих спутников. Лицо Гундалину словно окаменело, когда надушенный спикер отказался коснуться его руки. Неужели боится заразиться? Джеруша нахмурилась. Она прекрасно понимала, откуда эти шрамы, и знала, что уроженцы Харему поймут это еще быстрее.

— Вам… должно быть, пришлось немало страдать в этом диком краю, в плену у дикарей,

инспектор Гундалину? — Слова Сайруса служили как бы трамплином для ожидаемых от Гундалину разъяснений.

— Да… секретарь Сайрус, — деревянным голосом ответил Гундалину. — Я действительно попал в плен, и эти бандиты… обращались со мной очень плохо… — Он потупился, страдая от устремленных на него упорных взглядов посетителей, и стиснул руки. — Если бы не эта девушка, я бы никогда не вернулся назад. Она спасла мне жизнь. — Он взял Мун за локоть и подтолкнул вперед. — Это Мун, Покорительница Зари, дочь Лета. — Взглядом он словно пытался объяснить Мун, какая это честь для нее — быть представленной столь высоким гостям. Мун улыбнулась ему и снова уставилась на Сайруса.

— Аборигенка? — слишком громко сказал полупьяный спикер. — Невежественная юная варварка спасает инспектора полиции, молодого технократа с Харему? Это вовсе не так забавно, Гундалину-эшкрад!

— Я и не пытался никого развеселить, — Гундалину поднял голову, тихий голос его звучал холодно. Джеруша попыталась предостеречь его взглядом, но он в ее сторону не смотрел. — Мун — вовсе не невежественная варварка. Она

самая мудрая, самая благородная из всех здесь присутствующих! Она — сивилла! — Гундалину осторожно отогнул воротник ее туники, и она гордо вскинула голову: стала видна, полузажившая рана, видимо, нанесенная ножом, и татуировка в форме трилистника. Джеруша поморщилась. Боги, вот ты сам ее и выдал!

Застигнутые врасплох, высокопоставленные гости не сумели скрыть своего замешательства. Впрочем, спикер был настолько пьян, что оказался не способен не только уважительно, но и просто вежливо вести себя.

— Да разве это имеет значение на такой отсталой планете!.. Нарядите ее в красивое платье, назовите госпожой — все равно технократку вы из нее не сделаете! Сивилла — на этой планете!.. — спикер поперхнулся: кто-то сзади заставил его замолчать, шепнув ему прямо в ухо явно что-то не слишком приятное.

Джеруша не сводила с девушки глаз; она видела, как порозовели ее щеки — видимо, она понимала каждое слово. Она вдруг отодвинулась от Гундалину и, запинаясь, проговорила на сандхи:

— Я всего лишь сосуд, содержащий знания. Для знаний не важно, сколь бедна содержащая их

чаша. Ведь мудрой меня делает мудрость тех, кто пьет из моей чаши. Глупцам же предсказатели кажутся глупцами и безумцами везде, где бы эти глупцы с ними ни встретились! — Джеруша вздрогнула: в голосе Мун слышалась откровенная насмешка.

Инопланетяне оживились; они были искренне поражены.

— Мы вовсе не хотели вас обидеть, — быстро сказал Сайрус, пытаясь восстановить мир. — На вашей планете вы считаетесь святой, а потому заслуживаете того же уважения и от нас. — Легкая виноватая улыбка промелькнула у него на губах. — Но где она выучила сандхи, комиссар?

— Это я ее научил, — сказал Гундалину, прежде чем Джеруша сумела подыскать нужный ответ, и обнял Мун за плечи, снова притянув ее к себе и словно пытаясь заслонить собой. — И при всем моем уважении к высокочтимому спикеру я вынужден заявить, что если бы Мун согласилась стать Гундалину-эшкрад, если бы она согласилась стать мне женою, то оказала бы честь всей моей семье!

На сей раз удивлению гостей не было конца; оно, пожалуй, даже граничило с ужасом. Джеруша не сводила с Гундалину глаз.

— …Отвратительно! — послышался чей-то женский голос.

— Гундалину-эшкрад, — Сайрус неловко попытался сменить тему, — я понимаю, вы подверглись тяжким испытаниям, так что…

Гундалину вздрогнул, чувствуя всеобщую недоброжелательность. Плечи его поникли, однако руки по-прежнему лежали на плечах Мун.

— Да, садху, вы правы, — сказал он извиняющимся тоном. — Но я не желаю слушать, как ее здесь оскорбляют. Она спасла мне жизнь.

— Разумеется. — Сайрус снова улыбнулся. — Но вы ведь не собираетесь жениться на ней?..

— Она любит другого. — Ответ Гундалину звучал так печально, что Мун вывернулась из-под его руки и заглянула ему в глаза.

— Значит, вы бы на ней женились? — снова пошел в атаку спикер. — Что ж, у вас и гордости совсем не осталось? Неужели вы настолько опустились, что не стыдясь говорите подобные вещи! Вы, самоубийца-неудачник! — Это слово в системе понятий Харему означало только одно: «трус».

Гундалину глубоко, со свистом вздохнул и закашлялся.

— Я хотел сохранить свою честь. Не моя вина,

что я потерпел неудачу! — Он протянул вперед изрезанные руки.

— Вина всегда лежит на высокорожденном! — Это сказал кто-то из незнакомых Джеруше гостей. — Самоубийца-неудачник не заслуживает права жить дальше.

Достоинство Гундалину было смято, как щит, не выдержавший натиска противника. Он отшатнулся от сказавшего это и уцепился за край стола, словно каждое следующее слово могло сбить его с ног.

— Простите меня, садхану бхаи, за то… что я опозорил свой класс и свою семью. — Он не мог поднять глаз. — Я не заслуживаю ни вашего уважения, ни вашего присутствия здесь. Я заслужил лишь всеобщее порицание. Вы правы: после случившегося я ничуть не лучше раба, бессловесной скотины… — Руки у него дрожали; Джеруша быстро подошла к нему и успела вовремя подхватить, когда он потерял сознание.

— Что с вами, граждане? — бросила она презрительно, через плечо. — Что вам от него нужно? Неужели вы хотите, чтобы он снова вскрыл себе вены? Чтобы оставшаяся у него «честь» на глазах у вас утекла с кровью в эту раковину? — Она только рукой махнула. — Он же ваш соотечественник!

Храбрый, порядочный офицер! Он прошел через все круги ада и оказался достаточно силен, чтобы выжить. А вы способны лишь сказать ему на это: «Лучше бы ты умер!»

— Вы родились не на Харему, комиссар, — тихо проговорил Сайрус. — Гундалину… он понимает… но вы, видимо, никогда не сумеете понять!

— Да уж, хвала богам! — Джеруша помогла Гундалину лечь, решив больше не обращать внимания на негодующих высоких гостей, гуськом направившихся к выходу. Она услышала лишь, как спикер громче остальных сказал что-то гнусное в адрес Гундалину, но поняла только последнее слово, обозначавшее самую низшую касту Харему. Гундалину скривился и судорожно сглотнул.

— Секретарь Сайрус! — воскликнула вдруг Мун. Джеруша не выдержала и все-таки отвернулась от Гундалину, чтобы, во-первых, посмотреть на девчонку, а во-вторых, дать Гундалину возможность взять себя в руки. Она видела, как Сайрус, замешкавшись на пороге, оглянулся, и как девушка с белым от сдерживаемого гнева лицом смотрит на него. Потом на лице ее отразились иные чувства.

— Я… я должна поговорить с вами.

Сайрус поднял брови, покосился на Гундалину.

— По-моему, и так уже сказано слишком много слов.

Мун решительно и упрямо помотала головой; ее вьющиеся светлые волосы рассыпались по спине.

— Это о… совсем другом человеке!

— Вы просите меня как сивилла?

Она снова помотала головой.

— Я прошу вас как ваша племянница! — Сайрус застыл на месте. Высокие гости и их охрана уже удалялись по коридору, смеясь и ворча по поводу происшедшего. Джеруша зажмурилась, почувствовав, как напрягся Гундалину. — Я хочу поговорить с вами о вашем сыне. Который родился на Тиамат после прошлого Фестиваля.

Глаза Сайруса подернулись странной дымкой, он коротко кивнул и жестом пригласил Мун в соседнюю комнату. Она последовала за ним, быстро оглянувшись на Гундалину, который не сводил с нее глаз. На лице его была написана полнейшая безнадежность.

— БиЗед… инспектор Гундалину! — Джеруша окликнула его нарочито резким тоном.

— Да, мэм? — Он тут же послушно повернулся к ней, однако внимание его было приковано к той

двери, за которой исчезла Мун.

Джеруша колебалась.

— БиЗед… неужели ты… действительно влюблен в эту девушку?

Он судорожно сглотнул.

— А что если это так, комиссар? — сказал он чересчур спокойно. — Может быть, это вызовет скандал, но это не преступление!

— БиЗед, разве ты не понимаешь, кто она?

Он с виноватым видом вскинул голову, но не ответил.

— Ведь она — та самая девушка, которую мы с тобой потеряли из виду, когда пять лет назад пытались взять группу контрабандистов с Харему, — Джеруша поняла, что ему это известно, но все же надеялась, что сумеет убедить его. — Ей законом запрещено сюда возвращаться. Ее нужно немедленно депортировать.

— Комиссар, я не могу…

— Если ты действительно любишь ее, БиЗед, то это не такая уж сложная проблема. — Она ободряюще улыбнулась ему. — Женись на ней. Увези ее отсюда как свою жену.

— Не могу. — Он взял с подноса тонкий, как игла, зонд и попробовал его острие на ладони. Она торопливо продолжала:

— Ты же не допустишь, чтобы эти лицемерные снобы…

— Дело вовсе не в этом. — Лицо его окаменело. — И нам не стоит говорить так о вождях Гегемонии. У этих людей были все основания порицать меня.

Джеруша открыла было рот, потом снова закрыла.

— Мун никогда не выйдет за меня замуж. — Он положил зонд на место. — Она… хм, связана клятвой верности. — Он сказал это так, словно в глубине души все еще надеялся, что эта клятва недостаточно прочна. — Со своим двоюродным братом… который оказался сыном секретаря Сайруса… — Он снова недоверчиво посмотрел в сторону двери. — Она его любит. Все эти годы она пыталась попасть в Карбункул и отыскать его. — Он словно донесение читал. — Его имя Спаркс, Покоритель Зари.

— Спаркс?

— Вы его знаете?

— Да. И ты тоже. Мы его однажды спасли от работорговцев — помнишь, в тот самый день, когда ты в последний раз был во дворце? А потом его прибрала к рукам Ариенрод; и он стал одним из ее любимцев. И это его совершенно испортило.

Гундалину нахмурился:

— Тогда вполне возможно…

— Что?

— Мун считает, что Спаркс стал Звездным Быком.

— Звездным Быком? — Джеруша прикрыла глаза ладонью. — Да… да, действительно подходит. Благодарю вас, боги! И тебе тоже спасибо, БиЗед! — Она мрачно посмотрела на него. — Я все время пыталась выяснить, кто такой этот Звездный Бык, — он обвиняется в убийстве инопланетянина и участии в массовом истреблении меров.

— В убийстве? — Гундалину вскочил на ноги.

Она кивнула.

— Он убил диллипа — или позволил своим Гончим убить его. Я-то думала, что и Мун он тоже убил… впрочем, и диллипа достаточно! Что ж, теперь я знаю, где у Снежной королевы ахиллесова пята! — Значит, ты куда хуже, чем я думала, Спаркс, Покоритель Зари! Перед ней снова возник растерявшийся мальчишка со сломанной флейтой, потом — убийца в черном на фоне заваленного трупами пустынного берега… Никогда, даже в самых моих страшных снах, я и представить себе не могла, что ты падешь так

низко… оказавшись так высоко.

— Я… обещал Мун, что мы непременно найдем его… поможем ему… Если сумеем. Смена Времен Года будет означать для него смерть.

— Ты так уверен? Значит, Мун все еще мечтает вернуть его — даже после того, что видела на том берегу? — Джеруша была потрясена: Спаркс был любовником обеих — и Ариенрод, и Мун… а Мун — это клон Ариенрод!..

— Откуда вы об этом знаете?

— Не имеет значения. — Джеруша бездумно потрогала какой-то медицинский прибор, присоединенный к сенсорным датчикам.

— Она говорит, что любит его по-прежнему. Ведь нельзя просто так взять и перестать любить — даже если прошло столько лет… Она, правда, не уверена, что он сохранил к ней прежние чувства. — Надежда вновь лучиком блеснула на его лице.

Неужели это все, что она хочет узнать?

— Я не могу позволить ей просто так затеряться в столице, БиЗед. — Джеруша покачала головой, коснулась бронзового галуна на своем воротнике. — Прости. Но я не могу этим рисковать.

— Я не понимаю… Она ведь не собирается никого заражать безумием. И я буду все время с ней,

пока мы не отыщем Спаркса…

— А потом что?

Он поднял было руку, словно желая помешать ей задать этот вопрос, но рука бессильно упала.

— Не знаю… Смена Времен Года почти наступила, и, когда она произойдет, будет уже неважно, была ли Мун на другой планете. Детям Лета ненавистна даже сама мысль о подобных перемещениях. И потом, она ведь всего несколько недель провела на Харему. Разве это так страшно? Какой вред она может причинить?

— И ты еще спрашиваешь меня, какой вред может причинить сивилла такой планете, как Тиамат, если знает природу своих возможностей? — почти сердито спросила Джеруша. — Если нам удастся поймать Звездного Быка, она может разделить с ним только тюремную камеру. Поверь мне, лучше для всех, если она никогда больше с ним не встретится, никогда больше его не увидит.

— Я не могу поверить собственным ушам. Неужели это вы говорите, комиссар? — Слова падали точно камни — тяжелые от заключенного в них обвинения.

— А я не могу поверить в то, что утверждаешь ты; в то, что Мун якобы никакой угрозы не пред-

ставляет! Что, черт поберите тобой случилось, БиЗед? — Не дави на меня, БиЗед. Будь хорошим полицейским и прими это как должное. Не вынуждай меня делать тебе больно!

— Ее судьба мне не безразлична. Кажется, этого уже достаточно… — Он закашлялся, схватившись за грудь.

— Это сильнее твоего долга перед законом?

— Она всего лишь невинная девочка с Летних островов! Почему, черт побери, мы не можем оставить ее в покое? — В голосе Гундалину звучала мука. Джеруша поняла, что он сам для себя неподкупный и непрощающий судья.

— Мун — не просто одна из дочерей Лета, БиЗед, — сказала она, помолчав. — Неужели ты никогда не замечал, как сильно она похожа на Ариенрод?

На лице Гундалину явственно написано было, что комиссар полиции ПалаТион сошла с ума.

— Я говорю совершенно серьезно, Гундалину! У меня есть все основания считать, что Снежная королева каким-то образом сумела вырастить свои клоны. И единственной причиной для этого могло быть только ее нежелание уступать власть. — Она рассказала ему все, что ей удалось узнать. — Ну вот, теперь ты понимаешь?.. Мун

— сивилла. Я не могу позволить Ариенрод заполучить в свое распоряжение… такое… оружие! Снежная королева сделает все, чтобы на планете продолжала править Зима. — И сама будет продолжать уничтожать все, к чему ни прикоснется! — Однако я тоже постараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы просто так ей это с рук не сошло. И я сделаю знания, заключенные в мозгу Мун, недостижимыми для Снежной королевы.

— Нет, я не могу этому поверить! — Гундалину замотал головой, и Джеруша поняла, что это действительно так. — Мун… Мун не похожа ни на кого из тех, кого я когда-либо встречал. В ней нет абсолютно ничего от Ариенрод! Она так искренне заботится обо всех, обо всем — и все в ней чувствуют только доброту. Если в человеке — мужчине или женщине — есть хоть искра порядочности, Мун разжигает из нее пламя. Ее все начинают любить… даже помимо собственной воли… — Он несколько растерянно улыбнулся.

Джеруша поморщилась:

— Ох, ради всех богов, БиЗед! Таких людей просто не бывает.

— Но она именно такая!

— Тогда мне лучше даже не смотреть на нее, не то еще поверю тебе, чего доброго. Верно говорят:

«Любовь слепа». — Она сказала это мягко, с улыбкой, но тут же заметила, как он сердито поджал губы. — Давай пока не будем больше говорить на эту тему, БиЗед, ладно? Сейчас тебе нужен горячий обед и как следует выспаться, а потом — некоторое время, чтобы снова понять, что ты вернулся в тот мир, которому принадлежишь.

— Нечего заговаривать мне зубы! — Он стукнул кулаком прямо по подносу с инструментами; инструменты рассыпались с лязгом и звоном. Джеруша только присвистнула. — Я отлично понимаю, куда попал, и вовсе не чувствую, что это мой мир! Я, видимо, вообще не подхожу для роли полицейского инспектора, как и для роли представителя высшей человеческой расы на отсталой планете. Все, чего я сейчас хочу, это выполнить то единственное обещание, которое я все еще в состоянии сдержать, ибо оно дано тому единственному человеку; которому не безразлично, каков я. А вы пытаетесь доказать мне, что Мун — чудовище, что я обязан непременно помешать ей встретиться с тем, кто значит для нее все на свете, и именно тогда, когда она уже почти нашла его!

— Я всего лишь утверждаю, что твой долг офицера полиции — защищать Гегемонию. И это

для тебя должно быть на первом месте. Ты не можешь изменять закон, согласно лишь своим собственным нуждам и вкусам. Этого быть не должно! — Мне следовало бы знать раньше.

— В таком случае я подаю в отставку!

— А я твоей отставки не принимаю. Ты не имеешь права предлагать мне это — ты слишком для меня важен. Мне нужны все мои люди, пока отсюда не улетит последний корабль. — Она понимала, что он снова поставил на карту значительно больше: не только свою карьеру, но и самоуважение, и, может быть, даже собственную жизнь. — БиЗед, послушай меня, пожалуйста. Ты ведь понимаешь, я не стала бы все это говорить тебе, если бы сама не была в этом уверена. Ариенрод очень опасна! — Она чудовище, страшная болезнь на теле здешнего мира! — Она представляет собой ужасную угрозу для Гегемонии, а это делает опасной и Мун. — Кто бы она ни была. — А Звездный Бык — просто убийца, даже если когда-то он был Спарксом, Покорителем Зари. И он убил по крайней мере тысячу меров! Подумай, Гундалину, подумай об этом! Ты отличный офицер, ты никогда не изменял своему долгу. И ты не оказываешь Мун доброй услуги, противопоставляя ее другим детям Лета. — Глаза

Гундалину медленно прояснились. В них была отчетливо видна темная решимость. Останься на моей стороне, БиЗед!

В дверях вновь возникла Мун; она несколько раз оглянулась через плечо. Лицо ее пылало, в глазах светилось отчаяние. За ее спиной Сайрус удалялся в сторону вестибюля. Черт побери, только не сейчас, когда я уже почти одержала победу! Джеруша резко повернулась к Гундалину и с облегчением заметила, что выражение его лица ничуть не изменилось.

— БиЗед, — прошептала она, — тебе вовсе не обязательно делать это самому. Я прикажу кому-нибудь другому арестовать ее. Останься здесь, пусть тебя подлечат. Тебе нужно отдохнуть и…

— Я все сделаю сам. — Он говорил так, будто Джеруши вообще не существовало. Собирался с силами, чтобы выполнить свой долг. — Меня уже подлечили, комиссар. Я отлично себя чувствую. — На нее он не смотрел. — Я должен сам сделать это. И немедленно, иначе я могу передумать. — Веснушки светились, как звезды, почти белые на его смуглой коже.

Мун только посмотрела на него и застыла как вкопанная.

— БиЗед, что с тобой?

— Ты арестована, Мун, — тихо ответил ей Гундалину.

Глава 36

Мун скрючилась на самом краешке сиденья, уткнувшись носом в лобовое стекло. Авточелнок бесшумно выехал с территории космопорта. В салоне помимо них была еще горстка людей, в основном техников, едущих после работы в город, чтобы присоединиться к праздничным толпам. Карбункул! Вот она и достигла конца своего путешествия, которое было таким долгим и так дорого ей стоило. Она смотрела вперед, в непроглядную черноту за пульсирующими золотистыми кольцами сигнальных огней, которые каждый раз мигали, когда авточелнок иглой пересекал невидимую нить ограждения… Предана, всеми предана…

Мун в бессильной ярости ломала пальцы, чувствуя, как холодные наручники врезаются в запястья. Гундалину сидел рядом, но был теперь отделен от нее непреодолимой пропастью предательства и долга. Что эта женщина такое сказала ему? Или же он всегда собирался поступить именно так? Мун искоса глянула на него и

резко отвернулась, заметив, что он потихоньку наблюдает за ней. Взгляд у него был совершенно несчастный, нежный, молящий — это был вовсе не тот железный инспектор Гундалину, с которым она с удовольствием сразилась бы, горя благородным гневом. Она не могла смотреть в его глаза, боясь, что утонет в собственной жалости, в воспоминаниях о том, как хорошо он понимал ее, о том, как глаза его ласкали ее лицо в предрассветных сумерках, как они горели желанием, но никогда ничего от нее не требовали… как она почти ответила на их призыв… почти…

Пусть страдает!.. Черт бы тебя побрал, обманщик, ублюдок! А я-то тебе доверяла! Как ты мог так со мной поступить! Ее голова ритмично стукалась о ветровое стекло, сердце стыло в отчаянии. Он вез ее в тюрьму; еще несколько дней, и ее навсегда увезут с Тиамат, навсегда сошлют на какую-нибудь забытую всеми богами планету. Ведь он тогда даже зачем-то солгал ПалаТион, сказав, что его уже вылечили и он может справиться сам. Она собственными ушами слышала, что он добровольно — добровольно! — вызвался доставить ее в тюрьму; а потом он, наверное, займется ловлей Спаркса, и после сурового приговора они и ее любимого сошлют — на такую планету, где

сущий ад, где живут одни преступники… если, конечно, успеют вовремя его отыскать… А если не успеют?..

Она тогда все рассказала этому Сайрусу, стараясь не пробуждать в собственной душе ненависть к нему; она видела, как при воспоминаниях о тех давних временах посветлело его лицо, особенно когда она вспомнила о медали, на которой написано его имя… «Он никогда с ней не расставался; всегда хотел быть таким, как вы, хотел познать все тайны Вселенной…» Сайрус с тайным удовлетворением рассмеялся и пожелал узнать, где его сын пребывает сейчас и нельзя ли с ним встретиться. Она, поколебавшись, сказала, что он сможет легко отыскать Спаркса во дворце Снежной королевы. Сайрус, как и Спаркс, родился после визита членов Ассамблеи на планету Саматхе; позже, во время своего следующего визита туда, премьер-министр Ашвини встретился с сыном, к тому времени уже ставшим взрослым, и взял его с собой. Мун понимала, что Сайрус не может не думать об этом применительно к теперешней ситуации, и, горя надеждой и страхом, рассказала ему о Спарксе и обо всем остальном:

— …И Звездный Бык будет принесен в жертву вместе со Снежной королевой в самом конце

Фестиваля — если кто-нибудь не спасет его! — Она понимала, что он потрясен, и изо всех сил старалась еще углубить произведенное впечатление. — Вы можете его спасти! Он внук премьер-министра и ваш сын; никто не осмелится казнить его, если вы прикажете!

Но Сайрус с горькой улыбкой лишь отступил от нее на несколько шагов.

— Мне очень жаль, Мун… племянница… Правда, жаль. Но я не могу помочь тебе. Как бы сильно я этого ни хотел… — Его пальцы дрожали. — Я ничего не могу здесь поделать. Мы всего лишь номинальные вожди Гегемонии, Мун! Игрушечные идолы, забава, порожденная архаическими представлениями. Мы не столько правим Гегемонией, сколько служим ее украшением. Для спасения Спаркса пришлось бы изменить сам принцип Смены Времен Года и связанный с этим древний ритуал, а он имеет слишком большое значение для Тиамат, чтобы я по своему желанию волен был уничтожить его. — Сайрус виновато опустил глаза.

— Но…

— Мне очень жаль. — Он вздохнул и пожал плечами. — Если я чем-то могу помочь в пределах своих личных возможностей, я непременно

помогу, только свяжись со мной и вовремя дай знать. Но устроить чудо я не в силах… я бы даже и не знал, с какого конца за это приниматься. Лучше бы ты мне совсем ничего не рассказывала! — Он повернулся и пошел прочь, оставив ее в одиночестве.

В одиночестве… За всю свою жизнь Мун не испытывала подобного одиночества. Авточелнок замедлил ход, выехав после тоннеля на освещенную площадку и притормозив у остановки. Снаружи была видна огромная, построенная человеческими руками пещера и перед ней — широченная, ярко освещенная платформа. Стены пещеры были разрисованы светящимися красками — жестокое, бессмысленное напоминание о Фестивале и конце Зимы. Платформа была абсолютно пуста, если не считать трех отлично вооруженных охранников; лишние люди в космопорту были ни к чему. Итак, отсюда начинается Карбункул… Но Мун по-прежнему не имела ни малейшего представления о том, что же он такое.

Техники вылезли из машины, смеясь и подталкивая друг друга локтями; двое или трое быстро оглянулись на нее, прежде чем исчезнуть в глубине пещеры. Гундалину встал, тяжело

закашлялся и жестом велел ей тоже встать и выйти на платформу. Мун двинулась следом за техниками, опустив голову и совершенно запутавшись в невероятном количестве вопросов, роившихся у нее в голове и оставшихся без ответа. На противоположном конце платформы были расположены лифты различных габаритов. Техники уже исчезли за дверями одного из них. Гундалину по-прежнему был в своем старом, покрытом пятнами крови плаще и чьем-то чужом шлеме, так что охранники изучали его полицейское удостоверение более тщательно, чем лицо преступницы, которую он сопровождал. То есть Мун.

Лифт летел все выше и выше, пока Мун не почувствовала, что пустые кишки начинают бунтовать против этого бесконечного подъема. Они не остановились ни разу. Шахта лифта проходила внутри одной из тех гигантских опор, на которых покоился Карбункул, и заканчивалась прямо в центре одного из нижних уровней города, среди разнообразных складских помещений, содержавших некогда товары со всех планет Гегемонии. Впрочем, теперь склады были практически пусты.

Наконец лифт остановился, дверцы открылись,

и в кабину ворвались шум, пестрота толпы, пьянящее веселье карнавала, сперва даже оглушив их. Мужчины и женщины, танцуя, точно толпа развеселившихся дикарей, двигались по улице; звучала громкая веселая музыка; даже полупустые складские помещения были заполнены шумом, движением, многоцветьем одежд и лиц местных жителей и инопланетян. Мун отпрянула назад и заметила, что Гундалину тоже ошарашен. Какофония звуков оглушила их, придя на смену хрупкой тишине снегов.

Гундалину выругался на сандхи, первым нарушив молчание.

Потом за руку вытащил Мун из лифта, и дверцы сразу же снова закрылись. Они двинулись по самому краю беснующейся толпы мимо бесконечных складов туда, где начиналась запруженная народом Главная улица Карбункула. Наконец Гундалину остановился, обнаружив более или менее тихий уголок между двумя соседними зданиями. И решительно прижал Мун к стене.

— Послушай…

Она отвернулась. Она не желала видеть его лицо и пряталась за иные воспоминания и образы… Только не говори мне, что тебе жаль… только не говори!

— Мне очень жаль. Я вынужден был так поступить. — Он взял ее руку в свои. Большим пальцем нажал на плоский замок ее наручников, и они со щелчком раскрылись. Гундалину снял их с нее и отшвырнул прочь.

Мун, все еще не веря, долго смотрела на свои запястья, потом потрясла ими, чтобы разогнать кровь, подняла голову и посмотрела ему в лицо.

— Я думала… что…

— Это был единственно возможный способ добраться сюда, минуя службу безопасности, — тем более что комиссар ПалаТион тебя узнала. — Он покачал головой и вытер лоб тыльной стороной ладони.

— Святая Матерь, БиЗед!.. — Она глубоко вздохнула и всплеснула руками:

— Ты слишком хорошо лжешь!

Он криво усмехнулся.

— Ну, вот и конец карьеры полицейского инспектора по имени Гундалину. — Он стянул с головы чужой шлем, погладил его почти с нежностью. — Никому, кроме меня, не понять, что я больше не имею права носить его. — Голос Гундалину звучал хрипло. Он наклонился и положил шлем на тротуар.

— БиЗед, не обязательно ведь, чтобы кто-то об

этом узнал. — Она, проникнувшись сочувствием, потянула его за рукав. — Неужели ты не можешь сказать, что я удрала от тебя в толпе?

Он выпрямился, рот — словно прорезь ножом, глаза — как угли; и она поняла, чего все это ему стоило.

— Комиссар ПалаТион сказала, что знает о Спарксе и что мы вряд ли сумели бы отыскать его во дворце, но он иногда посещает одну женщину по имени Фейт, Хрустальный Глаз, которая живет в Цитрусовой аллее. Это для начала уже очень неплохо. — Гундалину как бы отгородился сейчас от нее, от самого себя, отступив на нейтральную территорию. — По-моему, теперь нам можно идти, ничего не опасаясь: в такой толпе никто на нас и внимания не обратит. — Посмотрев на Мун, он вдруг нахмурился:

— Заплети косы. Так слишком похоже… в глаза бросается…

Она подчинилась, ничего не понимая.

— Держись за меня, постарайся ни в коем случае не отставать. Нам еще полгорода пройти нужно в этой толпе и все время вверх. — Он протянул ей свою здоровую руку, и она крепко ухватилась за нее.

Они пошли вверх по Главной улице, шалея от

вызывающего, безудержного веселья, что царило в эти дни в Карбункуле. Жители Зимы праздновали наступление лета с каким-то веселым отчаянием; жители Лета приветствовали Смену Времен Года и начало своего правления на планете. Вид грубых башмаков, блестящих плащей из шкур морских животных, обветренных загорелых лиц — в столицу на Фестиваль съехалось множество островитян — вызывал в душе Мун тоску и одновременно страстное желание вновь стать такой, как они. Она заметила, что все время высматривает в толпе любимое, единственное лицо, и, наконец, ей попался на глаза высокий рыжеволосый парень в грубом плаще. Он шел спиной к ней и уже почти скрылся в толпе, когда она попыталась вырвать свою руку из руки Гундалину и броситься за ним вслед. Но Гундалину держал крепко и, молча покачав головой, потащил ее дальше, — вверх по улице, пока она не успокоилась и не поняла, что среди этого моря людей даже в непосредственной близости от них по крайней мере полсотни рыжеволосых сыновей Лета.

Продавцы громко расхваливали товар; люди, взявшись за руки и образовав огромные цепи, танцевали на самой улице и среди домов; улич-

ные артисты и музыканты, взобравшись на ящики и лесенки, старались завоевать внимание прохожих. Была середина ночи, но, похоже, никто об этом даже не задумывался и не способен был отличить ночь от полудня. После прибытия, премьер-министра и по мере приближения Ночи Масок празднование должно было развиваться по нарастающей, приобретая поистине дикий разгул.

Лавочники-инопланетяне распродавали последние товары практически за бесценок, а то и просто раздавали их — сложенное в стопки белье и одежду, продукты, разные диковинки и экзотические вещицы — прямо в дверях лавок. ТОЛЬКО ЗАБЕРИТЕ ЭТО. Жители Зимы в причудливых маскарадных костюмах, на которые ушли километры тканей, похожие на своих древних тотемных покровителей, торжественно прогуливались по самой середине Главной улицы в холодном искусственном свете. Мун охнула, когда совсем рядом с ними взорвалась шутиха, а, придя в себя, написала в воздухе свое имя бенгальским огнем, невесть откуда взявшимся у нее в руке. Повсюду шли спортивные соревнования — прежде всего, в разных видах борьбы; а в боковых аллеях, где было потише и потемнее, спортивные бои

порой заканчивались взрывами насилия. Мун пришлось даже отбиваться одной рукой — она так и не выпустила руку Гундалину — когда они попали в одну из подобных стычек, а инстинкт полицейского тут же повлек его в самую гущу драки. Однако патруль оказался неподалеку, так что Гундалину резко свернул за угол, хотя в этом не было ни малейшей необходимости.

Они поднимались все выше, и Мун чувствовала, как дух праздника, царящий на улицах, постепенно и ее заражает своим легкомысленным оптимизмом, внушая абсолютную уверенность в том, что она наконец достигла цели — это столица ее мира, это Карбункул, это место радости и невообразимых наслаждений. Она попала сюда вовремя, она успела до Смены Времен Года, теперь все сомнения позади, теперь возможно все… Она явилась сюда, чтобы найти Спаркса и изменить древний ритуал, и она непременно сделает это!

Но все чаще и чаще они останавливались, и ей приходилось практически тащить Гундалину за собой сквозь толпу; он, в отличие от нее, совсем обессилел и упал духом. Она тревожно посматривала на его покрытое испариной лицо, и сердце у нее сжималось каждый раз, когда он заходился

в мучительном кашле: она вспоминала, что он отказался от отдыха и лечения, только чтобы помочь ей. Однако, стоило ей замедлить шаг, как он первым заставлял ее идти быстрее, приговаривая: «Ничего, мы почти уже пришли».

Наконец они добрались до Цитрусовой аллеи. Мун заглянула в какой-то магазинчик, все еще открытый, несмотря на поздний час, и стала с жадным любопытством расспрашивать хозяина о Фейт. Тот сперва удивленно уставился на нее, и она поспешила прикрыть татуировку на горле высоким воротником туники.

— Мастерская Фейт рядом, соседняя дверь, да только, маленькая госпожа, ее самой нет дома — она за своими масками присматривает, а их по всему городу растащили. Завтра приходите, может, вам больше повезет.

Она должна быть дома! Как это — ее нет?.. Мун кивала, от разочарования не в силах вымолвить ни слова.

Гундалину прислонился к стене дома.

— У вас нет чего-нибудь от кашля?

Хозяин магазина пожал плечами.

— Теперь уже мало что осталось. Разве что амулет для сохранения здоровья. Возьмете?

Гундалину с отвращением что-то прорычал и

решительно оттолкнулся от стены.

— Пойдем поспрашиваем у соседей…

— Нет. — Мун покачала головой и взяла его за руку. — Мы… Сперва давай найдем где переночевать. А сюда придем завтра.

Гундалину колебался.

— Ты уверена, что так будет лучше?

Она кивнула. Обманывая его, она понимала, что так или иначе пропадет в этом городе одна, если он окончательно лишится сил.

Они обрели пристанище у бывшей квартирной хозяйки Гундалину, пышнотелой, по-матерински заботливой, сразу согласившейся пустить их переночевать, стоило ей убедиться, что Гундалину — не привидение. Она проводила их в комнату, где прежде жил ее теперь взрослый сын, простодушно заявив:

— Я же знаю, что вы ничего не украдете, инспектор Гундалину!

Гундалину сухо улыбнулся ей, дверь за толстухой захлопнулась, и они, наконец, остались одни. — Ей, похоже, все равно, даже если я тебя только что на улице подцепил.

Мун не поняла:

— А что это значит?

Его улыбка стала еще суше.

— В общем-то ничего. Тем более в этом городе. Боги, как мне нужно сейчас много горячей воды! Так хочется снова почувствовать себя чистым! — Он прямо-таки бегом бросился в ванную, и через секунду Мун услышала шум льющейся воды.

Она съела свою порцию пирога с рыбой, который они купили на улице и прихватили с собой. Сидя у окна, спиной к безликой комнатке, как две капли воды похожей на множество других таких же комнат в Карбункуле, она чувствовала себя как бы повисшей между небом и морем. Их комната находилась на втором этаже, и Мун сверху смотрела на ликующую толпу, точно кровь текущую по жилам столицы. Так много… так много людей!

В одиночестве она чувствовала себя совершенно беззащитной, быстро теряя веру, что когда-либо сумеет отыскать заветное лицо среди многих тысяч чужих лиц. По приказу чудесной и могущественной машины она, сивилла, попала в этот город, но чего эта машина хочет от нее теперь? КейАр Аспундх оказался не в состоянии объяснить ей, как же, собственно, эта машина работает; он лишь намекнул, что это одно из самых больших чудес на свете, разгадать которое не под силу даже предсказателям. Раньше Мун

во всем полагалась на волю машины, но теперь, попав в Карбункул, вдруг поняла, что в ней не осталось желания по-прежнему слепо повиноваться. Неужели машина перестала руководить ею, оставила ее одну — считать песчинки на бескрайнем морском берегу? Как же она отыщет Спаркса без ее помощи?

И что если она действительно его найдет? Кем он стал… хладнокровным убийцей, палачом Снежной королевы, делящим с ней ложе? Что она скажет ему, когда найдет? Что он может сказать ей? Он уже дважды оттолкнул ее — в Нейте и тогда, на залитом кровью берегу… Он ведь действительно часто говорил ей, что больше ее не любит… Может быть, и у нее в душе после стольких испытаний все перегорело, и она без особого волнения услышит, как он снова скажет ей это прямо в лицо? Она невольно коснулась своей щеки. Почему я не могу смириться? Почему не могу допустить, что он действительно любит другую?

Занавеска на двери в ванную отодвинулась, и оттуда вышел Гундалину — чистый, свежевыбритый, однако снова натянувший те же отвратительные лохмотья. Он со вздохом облегчения вытянулся на диване, словно мытье отняло у него последние силы. Мун тут же за-

перлась в крошечной ванной, чтобы скрыть от него мучительные сомнения, о которых не могла ни говорить, ни молчать. Она включила душ, и теплая вода успокоила ее, сняла истерзавшее душу напряжение, но не могла смыть чувство глубокой вины перед Гундалину.

Она снова вошла в комнату, накинув только тунику и на ходу вытирая лицо и волосы. Она надеялась, что Гундалину уже уснул, но он стоял у окна в той же позе, что и она недавно.

Мун тоже подошла к окну. Они стояли рядом, не касаясь друг друга, и молчали, гладя сквозь стекло на улицу внизу, слушая, как шум Фестиваля разбивается о закрытые окна.

— Зачем я сюда явилась? Почему? Похоже, в этом нет ни малейшего смысла…

Гундалину, наморщив лоб, изумленно посмотрел на нее.

— Что я буду делать, даже если найду его? Я ведь его уже потеряла. Я ему больше не нужна. У него есть Снежная королева… — Она прижала пальцы к губам. — И он готов умереть ради нее.

— Может быть, Ариенрод нужна ему только потому, что тебя нет с ним радом? — Гундалину снова внимательно всмотрелся в ее лицо, словно искал там что-то, ей самой неведомое.

— Ну что ты! Она ведь королева…

— Но она никогда не станет тобой. — Нерешительно он коснулся ее руки. — И может быть, именно поэтому он больше не хочет жить.

Мун поймала его руку, прижала к своей щеке, поцеловала.

— О, ты… заставляешь меня почувствовать… что я тоже, что-то значу — особенно когда меня мучают сомнения… когда у меня земля из-под ног уходит… — Лицо у нее горело.

Гундалину высвободил руку.

— Не говори на сандхи! Я больше не хочу его слышать. — Он неловко поправил свою грубую рубаху на груди. — Я не могу теперь его слышать. Перекати-поле… вот что я такое! Пена морская, пыль на ветру, грязь под ногами моего народа…

— Прекрати! — сердито крикнула она, страдая той же болью, какая терзала и его — с ним вместе. — Прекрати, прекрати! Я не дам тебе поверить в это! Это ложь! Ты самый лучший, самый нежный, самый добрый человек изо всех, кого я когда-либо знала. Я не позволю тебе… поверить… — она все еще что-то говорила, когда он повернулся к ней, жадно гладя ей в лицо своими темными глазами, и страстно обнял ее…

Потом медленно наклонился к ней, почти не

веря тому, что она целует его первой, а Мун закрыла глаза и целовала его с неутолимой жаждой, чувствуя, как его удивленные руки начинают ласкать ее. Своим поцелуем она как бы ответила на его так и не заданный вопрос…

— Как я попал сюда?.. — шептал он. — Неужели это не сон? Как ты можешь?..

— Не знаю. Я ничего не знаю, не спрашивай меня. — Потому что ответа нет. Потому что я не имею права любить тебя, я никогда не собиралась любить тебя… — БиЗед… может быть, это все, что нам с тобой отведено в жизни, и завтра все кончится… — Потому что это ты даешь мне силы продолжать поиски.

— Я знаю. — Его поцелуи стали смелее. — Это неважно. Я не прошу тебя стать моей навсегда… только позволь мне любить тебя сейчас.

Глава 37

— Эй, Звездный Бык! — Ариенрод снова окликнула его; в первый раз он даже головы не поднял от своего рабочего стола.

Спаркс медленно выпрямился и посмотрел на нее с каким-то непонятным выражением на лице, словно с трудом ее узнавая. Потом отложил в сто-

рону инструменты и добытые с помощью контрабандистов запчасти, а также полуразобранный прибор, с которым все это время возился. Кабинет Спаркса был битком набит остатками технологического шторма — техникой, выброшенной волнами экспортной экспансии на прибрежный песок Тиамат. Во многих приборах он, по его собственным словам, уже вполне разобрался. Его врожденные способности к техническим наукам всегда доставляли Ариенрод удовольствие. Однако после той последней Охоты он буквально растворился в своих приборах и инструментах, словно прячась — от нее и от себя.

— Что тебе нужно? — Вопрос, впрочем, звучал не враждебно, хотя и без любопытства. Спарксу было совершенно безразлично ее присутствие.

Она постаралась сдержать раздражение, понимая, что лишь терпение и время смогут вывести его из унылых размышлений. Но уже слишком давно он не смотрел на нее, как мужчина, уже много недель, и это действительно бесило ее, не позволяя более терпеть приступы его дурного настроения.

— Я хочу знать, когда ты наконец выполнишь возложенные на тебя обязанности?

— Обязанности? — Он повернулся к ней, поводя

глазами, точно олень, пытающийся укрыться в дебрях электронного «леса». — Я все свои обязанности выполнил. — Слова звучали горько.

— Мы до сих пор не внесли обещанную плату. Сурс ждет. Мне ведь не нужно лишний раз напоминать тебе, что, если он не получит «живой воды», Зиме придет конец — как и вашим жизням.

— А если он ее получит, то половина жителей Тиамат умрет… и с Летом будет покончено навсегда. — Его зеленые глаза тоскливо смотрели прямо на нее.

— Да, я надеюсь, что так и будет. — Ее взгляд проникал в самые сокровенные уголки его души. — Ты ведь не станешь утверждать, что слышишь об этом впервые, правда?

— Нет. — Он покачал головой; его рыжая грива цеплялась за серебряную цепь, надетую поверх свободной рубашки. — Я каждый день думаю об этом, мне это снится…

— Приятные сны, ничего не скажешь! — язвительно заметила она.

— Нет! — Она вспомнила те его кошмары, о которых он даже говорить с ней отказывался. — Найди кого-нибудь другого, пусть кто-нибудь еще передаст Сурсу то, что требуется. Я свой долг

выполнил. Я задыхаюсь от грязи, в которой перепачкался во имя Зимы. Я не желаю больше иметь дело с этим негодяем и его подручными, которые теперь получат «вечную молодость» благодаря гибели моего народа.

— Ты же не островитянин! А заплатить нужно только за наши с тобой собственные жизни. — Ариенрод наклонилась к нему. — Ты уже не сможешь снова заползти в свою раковину на Летних островах: ты давно перерос свое убежище. Ты убивал священных меров, ты бросил свою возлюбленную среди мертвых тел на пустынном берету, ты много лет назад оставил и свой народ, и свою Богиню — но ради лучшего! Помни об этом! Теперь ты инопланетянин. И мой любовник. И, нравится тебе это или нет, им ты и останешься до самой смерти!

Звездный Бык вскочил, разом смахнув на пол все свои блестящие механические игрушки. Ариенрод чуть отступила, поняв, что на этот раз он лишь с огромным трудом удержался, чтобы не ударить ее.

— Тогда лучше мне умереть прямо сейчас. — Он вцепился руками в край стола, наклонившись вперед и опустив голову. — И покончить со всем этим.

— Спаркс! — Имя это казалось заклинанием, донесшимся из глубин ее души, которые все-таки затронула жгучая боль его страданий. Но он не откликнулся. Она больше не могла до него добраться; он выдворил ее из своего сердца. — Звездный Бык! — Теперь уже страдала она, а его боль лишь пробудила в ней гнев. На этот раз он даже головы не повернул, лицо его оставалось суровым, замкнутым. Во взгляде больше не было ничего от прежнего Спаркса — она видела только его призрак и призрак утраченной Мун, ее второго «я», чья смерть была теперь на его совести. Мун унесла их любовь с собой в могилу… Ариенрод чувствовала, что призрак Мун сконцентрировал вокруг себя сейчас всю жизнь Спаркса, стал фокусом его вселенной — вместе со словом «неудачник». Это слово в его устах жгло, оно пахло дымом. — Ты вручишь «живую воду» Сурсу в самое ближайшее время, таков мой приказ. Я, твоя королева, приказываю тебе это!

Спаркс сурово поджал губы. Впервые она приказывала ему; впервые — и он сам заставил ее это сделать.

— А если я откажусь?

— Тогда я сама передам тебя в руки инопланетян. — Не давая ему возможности возразить, она

ухватилась за ускользающие рычаги самообладания. — И ты проведешь оставшуюся жизнь в исправительной колонии, жалея о том, что не умер во время Смены Времен Года.

Рот Звездного Быка так и остался открытым. Его глаза шарили по ее лицу, точно руки слепца, пока он наконец не понял, что Ариенрод действительно сделает это. Сдаваясь, он опустил голову, беспомощный перед лицом самой страшной ненависти — ненависти к себе.

Она знала теперь, что сумеет заставить его сделать все, что угодно… и, празднуя эту победу, понимала, что потеряла его навсегда.

Глава 38

Мун внезапно вздохнула и проснулась в чьих-то теплых объятиях. Спарки, мне снился такой странный сон… Она открыла глаза и вздрогнула от неожиданности, увидев незнакомую комнату. И сразу все вспомнила, увидев на постели рядом с собой смуглую теплую руку с розоватыми веснушками. На какое-то мгновение сердце больно сжалось, но потом она улыбнулась, не чувствуя ни вины, ни сожалений, и просунула свои пальцы Гундалину в ладонь. Потом осторожно подвину-

лась на узкой кушетке, чтобы рассмотреть его лицо, вспоминая при этом, как он охранял ее сон тихими рассветами в палатке, какие стихи читал он ей; вспоминая его заветные, самые нежные на свете слова, которые он говорил ей в минуту близости: моя звезда, моя белая птичка, мой дикий цветущий сад… и как сама она выкрикнула слова, которые не имела права говорить больше никому и которые рвались у нее из сердца: я люблю тебя, люблю!

Мун погладила его по щеке, но он даже не пошевелился; тогда она сама прилегла, положив голову ему на плечо. Здесь, в этой комнате, в этом замкнутом пространстве, далеко от их прожитых порознь жизней, разделили они любовь и подарили друг другу еще что-то столь же драгоценное… каждый словно подтверждал ценность другого.

Звуки Фестиваля уже доносились до нее, приглушенные, но неизменные; не изменился и свет за окнами. (Я никогда не делал этого при свете, — прошептал он ей. — Но мы так прекрасны… Дурак, чего я стыдился?) Она совершенно не представляла, ночь ли то, день ли, и сколько времени они проспали. Тело было вялым, и, видимо, отдых был все же недолог. Но больше отдыхать было нельзя. БиЗед спал мертвым сном, и Мун

тихонько выскользнула из его объятий, более не пытаясь разбудить его; она была уверена, что сумеет найти дорогу до мастерской Фейт, ведь это совсем недалеко отсюда. Она быстро оделась и выскользнула за дверь.

Толпа на улице по-прежнему казалась бесконечной, словно одна порция веселящихся людей плавно сменилась другой, следуя постоянному вращению колеса. Мун старалась держаться как можно ближе к стенам домов, пробираясь мимо магазинов и кафе. Она стащила с одного из столов кусок сдобренного специями мяса и, давясь, быстро съела его на ходу; вокруг было тесно от волн исходящей отовсюду чужой биоэнергии.

В конце концов Мун удалось пробраться сквозь толпу, и она очутилась на Цитрусовой аллее, где течение толпы как бы ослабевало. Она прошла мимо лавки травника и еще одного магазина и оказалась прямо перед мастерской Фейт. Желто-зеленая дверь была крепко заперта; Мун постучала, потом забарабанила кулаком, вкладывая в эти удары все свое отчаяние.

— Откройте! Откройте!

Верхняя половина двери вдруг открылась, и Мун, умолкнув на полуслове, даже рассмеялась, торжествуя. Женщина средних лет с заплетенны-

ми в тяжелую косу темными волосами выглянула наружу, смотря как бы сквозь Мун красными со сна глазами… глазами, которые не видели…

— Да? Кто здесь? — устало и чуть нетерпеливо спросила женщина.

— Это вы… Фейт, Хрустальный Глаз? Вы делаете маски? — Интересно, чего эта женщина ждет? Хорошо бы она оказалась не Фейт, думала Мун.

— Да, я. — Женщина потерла лицо, сгоняя сон. — Но все мои маски уже проданы. Вам придется пойти куда-нибудь еще. Впрочем, в городе полно сейчас складов и магазинов, буквально забитых масками.

— Нет, маска мне не нужна. Я хочу спросить вас о… Спарксе. Спарксе, Покорителе Зари.

— О Спарксе? — Искра заинтересованности — той самой, которой Мун так ждала, о которой втайне молилась, — появилась на лице женщины. Она отперла нижнюю половинку двери. — В таком случае входите! Входите же!

Мун вошла в мастерскую, пытаясь сориентироваться в темноватой комнате. Когда глаза немного привыкли, она увидела множество ящиков и корзин, расставленных в точно рассчитанном беспорядке по всей комнате, и в них — лоскуты ткани, слепки лиц, перья, браслеты,

бусы… Она поскользнулась на бусинке, бережно подняла ее и сжала в руке. Сейчас стены комнаты были пусты, но на них повсюду поблескивали крюки, где, должно быть, раньше, еще каких-то два-три дня назад, висели, точно редкостные цветы, сотни масок. Последний простенок был занят. Там в полном одиночестве красовалась последняя маска, и Мун, любуясь ею, застыла, точно загипнотизированная исходившим от маски ощущением летнего дня — здесь были радуги, вспыхивающие в тумане и отражающиеся в лужицах воды, скопившейся в следах от босых ног; изумрудно-зеленый мох; золотисто-зеленый шелк молодой травы, прорастающей на склонах холмов; поляны, полные диких цветов, источающих дивный аромат; ягоды и перья птиц… И посреди всего этого — лицо, исполненное светлой сияющей невинности, готовности удивляться, увенчанное лучами солнц-Близнецов.

— Это… королева Лета? — прошептала Мун в благоговейном ужасе и восхищении.

Женщина инстинктивно повернулась к маске лицом.

— Да, это ее маска. Кто же станет королевой — загадка под силу разве что богам.

— Хозяйке, — сказала, не задумываясь, Мун.

— Да, конечно. — Мастерица улыбнулась чуть печально. Мун догадалась, что эта маска означает для Фейт и всех остальных жителей Зимы. Ее же самое волновали совсем иные чувства.

— Вы сделали ее такой прекрасной, а ведь королева Лета явится, чтобы отнять у вас прежнюю счастливую жизнь…

— Спасибо. — Фейт снова улыбнулась, но теперь с нескрываемой гордостью. — Художник всегда платит дорогую цену, отдавая частицу своей души и жизни за то, что способно пережить его самого. И, может быть, если я сделала ее такой прекрасной и доброй, королева Лета действительно окажется таковой, в том числе и для нас, жителей Зимы.

— Да, конечно, — прошептала Мун. Но она не поймет вас… а потому вряд ли ей удастся…

— А теперь рассказывай, девочка с Летних островов… — Мун огляделась, страшно удивленная, — зачем ты пришла сюда и зачем ищешь Спаркса?

— Я его двоюродная сестра Мун.

— Мун! — Мастерица встрепенулась и неизвестно почему нахмурилась. — Погоди, погоди-ка минутку… — Она уверенно прошла в соседнюю комнату и тут же вернулась, неся в руках какую-

то странную головную повязку. — Он так много рассказывал о тебе, о вас обоих… Подойди-ка сюда, к двери, где я сумею получше тебя разглядеть с помощью своего «третьего глаза».

Мун подчинилась. Фейт повернула ее лицом к свету, вздрогнула и замерла.

— Спаркс говорил мне, что ты похожа на нее… очень… — Она вздрогнула.

— На кого? — Мун наконец заставила свои вдруг онемевшие губы спросить это.

— На Ариенрод. На Снежную королеву. Но я уже видела тебя где-то прежде… в другое время… в другом месте… — Фейт подняла руку и ощупала лицо Мун легкими касаниями пальцев, словно пытаясь помешать ей задавать лишние вопросы. Потом отвела ее назад, в глубь комнаты, к единственному покрытому пятнами засохшего клея круглому столу, который вместе со стульями, собственно, и составлял всю обстановку мастерской. — Но где я все-таки видела тебя, Мун? — На столе вдруг как бы ниоткуда появился огромный серый кот; он вопросительно посмотрел на Мун и обнюхал ее руки. Мун рассеянно почесала ему за ушком.

— Я… я не думаю, что вы когда-нибудь видели меня. — Мун села, разжала стиснутую ладошку и

положила красную бусину на стол.

Фейт вдруг тихо ахнула.

— Вспомнила. Ты ведь сивилла?

Руки Мун взметнулись к горлу.

— Нет…

— Не беспокойся: это Спаркс сказал мне. — Фейт покивала, словно подтверждая свои слова. — Твоей тайны никто не узнает. Но это значит, что теперь я могу доверить тебе и свою тайну. — Она оттянула высокий воротник ночной сорочки, обнажая горло.

У Мун перехватило дыхание.

— Вы тоже сивилла? Здесь? Но как… Как вы осмелились? — Она вспомнила Данакиля Лю и его шрамы — страшное предостережение остальным предсказателям Зимы.

— У меня… очень избранная клиентура. — Фейт отвернулась. — Может быть, я веду себя эгоистично, может быть, делаю не все, что могла бы, но… я чувствую, что существует некая НЕОБХОДИМОСТЬ моего присутствия здесь — хотя бы… в качестве отдушины, а может, и для какой-то иной цели… — Она нащупала на столе страусовое перо, взяла его и стала рассеянно играть с ним, пропуская меж пальцев. Кот наблюдал за ней, подрагивая ушами. — Видишь

ли, у меня довольно странное представление о предсказателях… может быть, даже нелепое, но… — Она пожала плечами.

Мун наклонилась к ней через стол.

— Может быть, вам кажется, что они есть и в других мирах? Не только в этом?

Перо задрожало в руках Фейт, и кот тут же прыгнул на него.

— Да! О боги, неужели ты тоже чувствовала нечто подобное? — Фейт протянула к ней руку, словно ища поддержки.

— Я их там видела. — Мун коснулась ее руки. — Я встречала предсказателей на другой планете. Предсказатели есть везде, они часть той великой системы знаний, которую оставила нам Старая Империя. Оставила нам в помощь. Гегемония лжет…

— Я ведь так и… Я знала, что за этим кроется нечто большее! Да, в такой системе действительно намного больше смысла. — Ее улыбка напоминала свет свечи, зажженной во мраке. — Так значит, где-то там я и видела тебя? В ином мире? Когда ты спрашивала о нем…

— Я действительно спрашивала о нем! Именно поэтому я и вернулась. Так значит, это были вы? Это вы сказали мне… — О том, что он любит

другую. — О том, что до конца еще далеко, что я нужна ему? — Она говорила очень громко, чтобы утопить в звуках собственного голоса терзавшие душу сомнения. — Но откуда вы все это знаете? Разве можем мы помнить, что говорим и видим во время Транса? Меня, правда, пока никто еще не вызывал…

— Да, такое случается! И помнишь отчетливо. — Фейт улыбнулась, вспоминая, как хорошо она видела тогда, своими незрячими глазами. — Это случается со мной довольно часто, именно поэтому я и чувствую, что нужна здесь. Возможно, я единственный источник ответов на вопросы, связанные с Карбункулом. Именно поэтому я и начала подозревать, что с нами, предсказателями, связано нечто большее, чем кое-кто старается доказать. Как, например, Межгалактическому Кордону могло быть неизвестно, что мы существуем повсюду и чем мы занимаемся?

— Они еще о многом лгут. И о мерах тоже… Не в этом ли настоящая причина того, что они не желают допускать предсказателей в Карбункул? Чтобы никто не мог доказать, что Гегемония всегда лгала нам — хотя бы про меров. — А сколько еще было лжи? — Но мы можем изменить все — теперь, когда знаем правду. Когда иноплане-

тяне улетят…

— Наступит власть Лета, а островитяне слушать нас не станут.

— Но ведь я-то слушала! — Мун почувствовала, что не может отвести глаз от маски, висящей на стене. Будут ли они слушать сивиллу? Королеву-сивиллу? От волнения мурашки пробежали у нее по всему телу. — Фейт, вы тогда сказали… сказали, что я могу стать королевой. Что это означало?

— Это было несколько лет тому назад… — Фейт прикрыла ладонью свой «третий глаз». — Наверное, я сказала так, потому что ты очень похожа на Ариенрод… — Она отвела руку и посмотрела на маску, висевшую на стене. — А… может быть, совсем и не потому… Я позвала тебя назад; видимо, это было главное. Если ты победишь в соревновании с остальными претендентками в день выборов королевы — кто знает? — ты можешь быть избрана королевой Лета.

— Далеко еще до этого дня?

— За днем выборов королевы непосредственно следует Ночь Масок… Послезавтра.

Мун сплела вздрагивающие от волнения пальцы, словно замкнув круг кровообращения и ощущая, как мощная волна уверенности стремительно захватывает все ее существо. Вот в чем

причина. Вот почему я вернулась. Чтобы Смена Времен Года произошла по-настоящему…

— Да, я смогу. Я знаю, что смогу! Мне это предначертано судьбой! — Реальная возможность новой жизни вспыхнула перед ней подобно взрыву.

Но это не спасет Спаркса. Огонь ликования угас в холодных водах истины. Не будет возрождения без смерти; она не властна изменить что-то, пока не умрет Снежная королева…

— Но ведь я для этого вернулась! — Она сердито потрясла головой; лицо Фейт стало совсем загадочным: она пыталась понять Мун. — Фейт, я ведь вернулась, чтобы найти Спаркса! Я хочу помочь ему, если смогу. Если по-прежнему нужна ему, конечно. Если он по-прежнему любит меня… — Она заколебалась.

— Ты знаешь… кем он стал?

— Да. Знаю. Я все знаю. — Она дернула себя за косу так, что стало больно. — Он — Звездный Бык.

Фейт кивнула и опустила голову. Потом взяла кота к себе на колени.

— Он больше уже не тот мальчик, которого ты знала раньше. Но и ты не та наивная девочка, которую он оставил когда-то на Летних островах. И ты действительно нужна ему, Мун, нужна

отчаянно; ты всегда была ему нужна, иначе он ни за что не остался бы с Ариенрод. Найди его и спаси, если сможешь. Для меня, для нас это очень важно!

— И для меня! — Мун стукнула по столу кулаком. — Но я не знаю, как отыскать его. Именно поэтому я и пришла к тебе. Можешь ли ты помочь мне? А может быть, ты просто приведешь его сюда? Времени-то почти не осталось. — Еще три дня — и он умрет; всего три дня на то, чтобы обыскать целый город.

— Я понимаю… — Фейт покачала головой, глядя в пол. — Но ведь он приходит сюда только тогда, когда захочет сам. И я не знаю… Погоди. — Она поискала по столу, нащупала красную бусину, взяла ее в руки. — Есть ведь и еще кое-кто. И она видит его куда чаще, чем я. Ее зовут Тор. Она владелица казино под названием «Ад Персефоны». Она и себя называет Персефоной — помни об этом, когда будешь искать ее. Ты здесь одна?

— Нет. — Мун улыбнулась. — С другом. — Только теперь до нее дошло, что она потратила куда больше времени, чем собиралась. — Мне, наверно, пора. — Она встала. — Спасибо за помощь, Фейт, и спасибо за то, что вы поддержали Спаркса, когда меня с ним рядом не было. — Она с тоской

думала, что ей очень не хватает знаний о том, что произошло меж ними за эти долгие — а может, слишком короткие? — пять лет. — Пусть вам улыбнется Хозяйка, — застенчиво прибавила она.

— Пусть она улыбнется всем нам. Но сейчас — прежде всего тебе самой!

Мун в последний раз взглянула на маску королевы Лета и вышла за дверь.

Добежав до того домишки, где оставила БиЗеда, она взлетела на второй этаж, задохнувшись от возбуждения и облегчения.

— Мун! — БиЗед с несчастным видом стоял посреди комнаты; рубашка наполовину заправлена в штаны, волосы встрепаны. Рядом стояла квартирная хозяйка, заслоняя его своими могучими телесами, и смотрела на Мун весьма неодобрительно. БиЗед рванулся к ней мимо толстухи, обнял, прижал к себе. — Боги! Где, черт побери, ты была? Я уж думал…

— Я ходила в мастерскую, где делают маски. — Она смущенно засмеялась, и он опустил ее на пол. — Перестань, ты не должен…

— В мастерскую? Одна? Но почему? — Он неодобрительно нахмурился, но она видела по его лицу, что он просто тревожится о ней.

— Я помнила дорогу. А тебе нужно было отдохнуть. — Она улыбалась, глядя на него до тех пор, пока и он не улыбнулся в ответ. — Я нашла ее. И знаешь, БиЗед, ты не поверишь… — Она умолкла, вспомнив, что квартирная хозяйка все еще внимательно слушает, стоя у них за спиной. БиЗед глянул через плечо и выразительно откашлялся.

— Хорошо, хорошо, инспектор. — Женщина шутливо подняла руки, как бы сдаваясь. — Я намеки понимаю. — Она протиснулась мимо них к двери, ведущей на ее половину. — Ты заставила его поволноваться, детка. — Она подмигнула Мун. — Не оставляй его в покое, и он обязательно возьмет тебя с собой на другую планету!

Когда дверь за нею наконец захлопнулась, Гундалину потащил растерявшуюся от неожиданности Мун поближе к окну.

— Теперь рассказывай. Значит, ты нашла ее?

— Да! И знаешь, БиЗед, когда КейАр Аспундх входил в Транс, отвечая на мой вопрос, именно Фейт была тем предсказателем, который велел мне вернуться на Тиамат.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы осознать сказанное ею.

— Так она сивилла? Здесь?

Мун кивнула, не обращая внимания на его

недоверчивый тон.

— Да, и единственная.

— Что именно ты ей рассказала? — Он вдруг рассердился. На этот раз она поняла: его мучила старая обида и новое разочарование. Глаза Мун потемнели. Она чуть отступила назад. Подальше от него.

— Я сказала ей, что хочу найти Спаркса. — И это все, что ты имеешь право знать.

— Я вовсе не это имел в виду. — Он подавил приступ кашля, стараясь взять себя в руки. — Я… испугался, что ты меня бросила, — стыдясь договорил он. — Даже не простилась…

Он явно понимал, что она сказала не все. Но Мун сделала вид, что ее вполне удовлетворили его объяснения.

— БиЗед, разве я могла?.. Только не по отношению к тебе. Нет, с тобой я никогда бы так не поступила! — Она взяла его руки в свои и поцеловала его с грустной нежностью и невысказанным обещанием чего-то большего в глазах.

Он вдруг обнаружил, что едва одет, и неохотно выпустил ее из своих объятий.

— Так что же ты выяснила? Она его видела?

— Фейт не знает, как его отыскать. — Мун заметила, как настороженно он вздернул под-

бородок. — Но она назвала мне одну женщину, которая может помочь; ее зовут… Персефона, она владелица казино.

Она думала, что разочарует его, однако он утвердительно кивнул.

— Есть такая. И место это я знаю. В нижнем городе. Одно из самых крупных казино. Что ж, попробуем сходить туда. — Он посмотрел на дверь, потом обвел взглядом ту жалкую комнату, что в эту ночь принадлежала им одним. — Только дай мне… надеть куртку.

Глава 39

— Эй, привет!.. Привет, милашка! Добро пожаловать в «Ад Персефоны», господин Великий Мот!..

Тор лениво прислонилась к колонне, приветствуя входящих в казино посетителей, которые казались ей удивительно похожими друг на друга. Она с трудом подавляла зевоту; рот уже сводило от зевков; она старалась не тереть глаза, чтобы не испортить макияж. Казино только что вновь открылось после нескольких часов перерыва, и теперь уж не закроется до самой Ночи Масок, когда объявлено будет, что Смена Времен

Года наконец наступила. Тор до такой степени наглоталась возбуждающих таблеток, что они уже не действовали; ее расписанные цветами веки, казалось, готовы были провалиться внутрь черепа. Словно человек, готовящийся завтра ступить на путь мучительной аскезы, толпа празднующих людей была абсолютно ненасытна, а Сурс желал, чтобы посетителей казино высосали до последней капли.

Ну, а чего желал Сурс, она непременно исполняла. Стоило ему лишь одним пальцем коснуться бюрократической горы различных разрешений и уведомлений, и гора тут же растаяла. Он благословил ее брак с Ойярзабалом, ее отлет с Тиамат, ее спасение из этого мира, из этого гроба — прежде чем инопланетяне захлопнут его свинцовую крышку. Еще несколько нескончаемых часов, и это казино закроется навсегда — по крайней мере, для нее самой. Ей вдруг пришло в голову, что она наверняка будет скучать по этой работе, хотя подобная сентиментальность несколько удивляла ее. В казино всегда было полно людей, которые жили наотмашь и не боялись рисковать; людей, принадлежавших к столь различным мирам, что Тор с трудом порой могла оценить их достоинства. Но именно эти миры она сейчас

стремилась завоевать — и завоюет, благодаря Ойярзабалу и Сурсу!

В душе у нее вдруг возникли мимолетные сомнения: стоит ли все же выходить замуж за этого Ойярзабала? Брак с инопланетянином представлялся ей таким же тяжелым и отвратительным, как кандалы на длинной цепи. Быть навсегда прикованной такой цепью к Ойярзабалу… который к тому же пылает страстью именно к Персефоне, а не к ней, Тор… Неужели она должна будет вечно носить этот чертов парик, эту разрисованную идиотскую скорлупу, пока та не прирастет к ее коже окончательно? Ах, да черт с ним! Если Ойярзабал ей вконец опротивеет, она достаточно быстро сумеет от него избавиться: цепи куются для того, чтобы их разбивали…

— …Ты и с виду настоящий победитель, я сразу поняла! …Эй, привет!.. — Она замолкла на полуслове; губы так и остались полуоткрытыми:

— Ваше величество?

Светлокосая девушка в синей тунике, какие носят кочевники, смотрела на нее со странным смущением, и этого взгляда Тор было достаточно, чтобы понять, что она ошиблась. Но девица продолжала стоять как вкопанная прямо перед ней и, похоже, была совершенно равнодушна к

беснующейся вокруг толпе.

— Это вы — Персефона?

Тор широко ухмыльнулась.

— Всего лишь ее дешевая имитация, детка. Зато ты — просто отличная копия нашей королевы, клянусь богами!

— Я… хм… — Девушка, похоже, не была слишком польщена этим сравнением. — Меня послала Фейт.

— Ты хочешь сказать, Фейт, Хрустальный Глаз?

Девушка кивнула:

— Меня зовут Мун, Покорительница Зари. Фейт сказала, что вы знакомы с моим двоюродным братом Спарксом.

— Да, разумеется, я его знаю! — Она почувствовала облегчение, смешанное с досадой. Тысяча чертей, что-то я сегодня слишком завелась! — Пойдем-ка, выберемся из этой, толпы. — Тут она вдруг заметила, что девушка не одна; какое-то пугало — из этих, с Харему, — стояло у нее за спиной, словно тень, да еще и было одето в форму полицейского инспектора. Сердце с перебоями заколотилось у Тор где-то в горле, прежде чем она успела разглядеть, что в целом вид спутника Мун далеко не соответствует облику настоящего полицейского. Она заметила и пятна засохшей крови

у него на плаще… Ей ужасно хотелось узнать, что произошло с этим легавым, однако она подавила искушение немедленно все выяснить. Только не спрашивай ни о чем, не спрашивай! Она махнула им рукой и повела в глубь казино. Мун шла неловко — настоящая деревенщина! — пугаясь вспышек огней и изысканно пестро одетых посетителей, действительно ведущих себя почти шокирующе. Она выглядела ошеломленной и одновременно слишком сосредоточенной в этом веселом аду, словно попавшая в настоящий ад девственно чистая душа. Тор слышала, как девушка приглушенно вскрикнула, когда они проходили сквозь гигантскую воронку Черных Ворот — искусную голограмму, разумеется: «Посмотри-ка, БиЗед, я никогда не видела ничего подобного! Даже на Харему!» Тор изумленно оглянулась на нее и услышала, как потрепанный легавый прочувствованно отвечает ей: «И никогда не увидишь!» Тор только головой покачала и пошла дальше.

Она вела их по коридору, через зал, завешанный тонкими, как паутина, портьерами — эта была наиболее тихая часть казино, здесь проститутки принимали своих клиентов. После бесплодных попыток отыскать свободную комнату Тор за-

метила, что Герне еще у себя, и постучала в его дверь ладошкой:

— Эй, красавчик, твои любимцы прямо-таки жаждут тебя видеть! Пора!

Дверь отворилась, и появилась физиономия Герне — лицо падшего ангела! — который изрыгал в адрес Тор проклятия.

— Почему бы тебе не… — Взгляд его остановился на Мун; выражение лица мгновенно переменилось и продолжало меняться с каждой секундой.

— О боги! — Теперь на лице его была написана самая настоящая ярость, прямо-таки бешенство. — А тебе-то что здесь понадобилось, проклятая предательница, сука! Я подозревал, что ты когда-нибудь заявишься, не упустишь возможности полюбоваться тем, что ты со мной сотворила…

— Герне! — Тор преградила ему путь. — Что с тобой, черт побери? Ты что, наркотиков объелся? Эта девушка здесь впервые! И тебе она совершенно не знакома!

— Ты так думаешь? Думаешь, Ариенрод не знакома мне? Думаешь, я могу ее не узнать? Нет, я слишком хорошо знаю нашу Снежную королеву — я ведь столько лет спал с ней! Разве я не правду говорю, шлюха ты белокурая?

— Я не Снежная королева, — слабо возразила Мун.

— Она никакая не королева, Герне! — Тор удалось заткнуть ему рот, пока он не начал снова. — Помолчи да посмотри как следует — ишь, глаза кровью налил, урод! Она всего лишь островитянка, приехала сюда в поисках своего братца, и ты никогда раньше ее не видел. И я голову дам на отсечение — ты и королеву-то никогда в жизни не видел, не говоря уж о том, чтобы с ней спать! У нее вкус небось получше.

— Ты-то что об этом знаешь? — огрызнулся Герне. — Ты вообще не знаешь ни черта — ни о ней, ни обо мне! — Он выпрямился, прислонившись спиной к дверному косяку, и расправил на груди смятую грязную рубашку, пытаясь держаться с достоинством. — Я был Звездным Быком — пока она не предала меня ради этого жалкого цыпленка, этого Покорителя Зари!..

— Покорителя Зари? — изумилась Тор. — Я этому не верю! Спаркс — просто гнусный вымогатель. — Неужели он высасывал из нее информацию для того, чтобы снискать расположение Снежной королевы? Неужели это возможно? Неужели возможно, что и Герне говорит о себе правду? Неужели Спаркс использовал ее только

для того, чтобы подобраться к Герне? Она потерла лицо ладонями, забыв о косметике и смазав тщательно наложенный грим — цветы, стебли, «усики», нарисованные у нее на щеке и на веках.

— Спаркс, Покоритель Зари — мой двоюродный брат, — спокойно сказала Мун, не обращая ни малейшего внимания на яростные и жестокие слова Герне. — Я знаю, что он стал Звездным Быком. Мне нужно отыскать его, пока еще не поздно.

— Твой двоюродный брат? — Герне нахмурился. Остального он будто не расслышал. — Да-да, что-то такое было… Ты вроде бы потерялась… — Герне почесал башку так, словно хотел вычесать из-под кожи нечто давно им забытое. Наркотики, которыми он пользовался и просто от скуки, и чтобы убить боль, совсем размягчили его мозги, страшно ослабили память. — А ты очень на нее похожа… — Глаза его сверкнули, как у голодного демона. — Очень!

— Не трать время на какого-то сбрендившего от наркотиков кретина, — нетерпеливо сказал фальшивый легавый. — Деклассированный не мог стать Звездным Быком.

Герне, похоже, впервые заметил полицейского и уставился на него с отвратительной ухмылкой.

— Я помню тот день, когда учил тебя прекло-

нять перед королевой колена, легавый! — Тот вздрогнул. — Тогда ты был слишком благороден и для нее, и для меня, верно, Гундалину-мекру? А посмотри на себя теперь! Ты, должно быть, на брюхе в грязи ползал, мекрито! Да мне и говорить-то с тобой противно!

Спутник Мун явно хотел сдержаться, но не сумел.

— Я и сейчас куда выше тебя, ублюдок вонючий!

— Да уж! Теперь ты очень высокая куча дерьма! Слава богам! — Герне сплюнул.

— Эй, поаккуратней! — Из соседней двери проститутка вывела своего изрядно нагрузившегося клиента, опасливо поглядывая на Герне.

— Ну хватит! Ты работать собираешься или нет? — Тор уперлась руками в бедра, чувствуя, как ладони скользят по шелковой ткани, и буквально испепеляя Герне злым взглядом.

— Нет. Хочу побольше узнать об этой истории, — он мотнул башкой в сторону Мун. — С какой стати двойник Ариенрод разыскивает здесь ее же любовника? — Он неуклюже попятился назад, как бы приглашая остальных последовать за ним. Тор вошла последней.

Она давно уже не заходила к нему, и сейчас

ей казалось, что она попала куда-то не туда. В комнате, разумеется, как и во всех остальных, была кровать и шкаф, но больше — ничего. В углу брошена грязная одежда; на стенах ни одной жалкой картинки, ни книг, ни пластинок, ни радиоприемника, ни телевизора — ничего! Это была ночлежка, нет, хуже: тюремная камера. Герне рухнул на кровать, вытянув свои закованные в металлический каркас ноги. Никто и не подумал сесть с ним рядом; Мун и Гундалину старались на его ноги не смотреть.

— Так что же нужно от Спаркса его очаровательной кузине? Ведь прошло столько лет!

— Мы дали друг другу клятву верности. — Мун смело смотрела ему в глаза. — Я люблю его. Я не хочу, чтобы он умирал.

Герне рассмеялся.

— О да, Ариенрод тоже все вспоминала про эту клятву; она для нее стала истинным препятствием! Тебе есть чем гордиться! Но в конце концов Ариенрод всегда получает то, что хочет. А ты?

Мун так и застыла, вцепившись в свой расписной ремень, надетый поверх туники.

— Я всегда иду своим путем до конца. Хотя сперва мне требуется отыскать этот путь. Фейт сказала, что вы, может, быть, знаете, где… — Она

повернулась к Тор. Та с виноватым видом пожала плечами.

— Ты совсем чуть-чуть разошлась с ним. Он приходил к Сурсу. А я еще думала: зачем? А кстати, действительно, зачем бы это Звездному Быку приходить сюда? И зачем понадобилось королеве?..

— Опять планы строит! — Герне странно усмехнулся. И он тоже знал, что Спаркс стал Звездным Быком…

Тор нахмурилась. Что еще ему известно такого, о чем он мне никогда не говорил?

— Вы говорите, что я со Спарксом разминулась? Но зачем?.. — Лицо Мун было полно отчаяния.

— Он примерно час назад приходил сюда, чтобы передать Сурсу какое-то послание Снежной королевы.

— И удалился — с парочкой легавых на хвосте! — сообщил довольный Герне.

— Что? — Тор подняла свои припорошенные серебряным порошком брови.

— Это комиссар! — воскликнул Гундалину. — Это она, должно быть, велела вести за ним наблюдение, поскольку теперь знает — наверное, уже узнала! — кто он такой.

— Что же с ним теперь будет? — Руки Мун

терзали расписной ремень. — Неужели они его схватили?

Герне удовлетворенно проворчал:

— Ха! Этим сосункам и насморка не схватить! Он ловко затерялся в толпе и теперь, если он мальчик умный, будет держаться поближе ко дворцу, где Ариенрод сможет его защитить — ведь Смена Времен Года еще не наступила.

— Нет! Зачем она ему?.. Проклятая!

Тор увидела, что задрипанный легавый пытается успокоить Мун, обняв ее за плечи. Он так смотрел на нее, что и Герне это заметил и улыбнулся. Тор презрительно сказала:

— Слушай, детка, если он так уж нужен тебе, где ж ты пропадала целых пять лет?

— Это были не годы, а месяцы! — Мун даже зажмурилась от отчаяния. — Ну почему, почему все так складывается? Почему становится все трудней и трудней?

— Потому что ты все ближе к Ариенрод! — пробормотал Герне.

— Пять лет назад ее увезли с собой контрабандисты, — сердито пояснил Гундалину. — Она только что вернулась. И чуть не погибла, пытаясь добраться до Карбункула, чтобы отыскать Спаркса. Разве этого для вас не достаточно?

Тор криво усмехнулась, невольно смягчаясь.

— Для тебя-то, во всяком случае, этого достаточно вполне, верно, инопланетянин? — Бедный ты мой, истекающий кровью любви гемофилик! — Ну и для Фейт тоже. Что ж, придется ей идти во дворец, раз она так хочет его отыскать.

— Она не может идти туда, — сказал Гундалину.

— Почему не могу? — Мун удивленно посмотрела на него. — Я могу незаметно проскользнуть во дворец, а там уж я его непременно отыщу. Если так нужно, я дойду куда угодно. — Глаза ее затуманились, словно стали незрячими. Потом вновь прояснились, и в них заблестела решимость. — Да, я иду во дворец! Я должна это сделать! Я не боюсь Ариенрод.

— А с какой стати тебе ее бояться? — Герне уставился на Мун с самым гнусным выражением лица, словно видя перед собой кого-то другого.

— Заткнись! Я сам тебе отвечу! — Гундалину схватил Мун за руку. — Потому что Ариенрод… потому что она… потому что она… опасна! — глупо закончил он. Тор ничего не поняла, а Мун немного нахмурилась. — У нее стража на каждом углу. А если она поймет, что Мун пытается увести у нее Звездного Быка… Уж она-то ни перед чем не

остановится, будь она проклята! И как ты, черт побери, собираешься искать его там? — сердито набросился он на Мун. — Ты же не можешь спрашивать у встречных, где твой Спаркс!

— Почему же нет? — Герне снова гнусно ухмыльнулся. — У нее есть прекрасная маска — каждому хотелось бы иметь такую! У нее лицо Ариенрод, так что она может делать во дворце все что угодно, и никто даже пикнуть не посмеет.

— А как же настоящая королева? — спросила Тор.

— Она будет развлекать высокопоставленных гостей. Кроме того, у меня есть еще кое-что, благодаря чему ты, детка, будешь чувствовать себя во дворце как дома.

— Что же это? — Мун, горя надеждой, шагнула к нему. Гундалину не препятствовал ей, но глаза его метали молнии.

Герне неотрывно смотрел на нее; он плотоядно скользил глазами по ее телу, потом снова начинал разглядывать лицо. Тор чувствовала, что в нем будто накапливается электрический заряд огромной силы.

— Проведи часок со мной наедине, Ариенрод, и я подарю эту игрушку тебе.

Мун так побледнела, что стала похожа на але-

бастровую статую. Веснушки Гундалину стали алыми от гнева.

— Ты что это задумал, а? — подозрительно глядя на него, рявкнула Тор. — Хочешь поучить ее играть в карты? — Голова Герне дернулась. Когда Тор увидела его лицо, ей, пожалуй, даже стало его жаль. — Ради всех богов, Герне, не валяй дурака! Хоть раз в жизни сделай что-нибудь стоящее, докажи, что ты настоящий человек, а не дрянь.

Герне содрогнулся всем телом — слишком сальным было его волнение; однако вскоре глаза его угасли; он снова посмотрел на Мун.

— Вон там. — Он показал на шкаф. — Открой.

Мун подошла к шкафу, открыла дверцу, и Тор увидела немного одежды, пачки наркотиков, полупустые бутылки… На одной из полок, совершенно пустой, лежал маленький черный предмет.

— Да, вот это. Принеси сюда.

Мун принесла, стараясь держаться на расстоянии. Герне подержал черный предмет на ладони, потом коснулся одной из цветных кнопок, потом второй, третьей… В тишине прозвучали три различных звука, плавно переливаясь один в другой.

— Чем эта штука управляет? — спросил Гун-

далину.

— Ветром. — Герне поднял голову и посмотрел на них с пренебрежением и гордостью. — Во дворце есть зал Ветров… Такая штуковина имеется только у Ариенрод. — Он повернулся к Мун. — Так что с помощью этой игрушки ты сможешь пройти повсюду и никто тебя пальцем не тронет, никто ничего не заподозрит. — Он снова внимательно посмотрел на Мун. — Я научу тебя пользоваться этим и подскажу, где искать Звездного Быка…

— И что попросишь взамен? — Мун стиснула руки; ей безумно хотелось коснуться той черной коробочки, но на лице ее уже было написано «нет».

Герне усмехнулся.

— Ничего. Это твое — по праву… Да я все равно никогда не мог хоть в чем-то отказать тебе, ты ведь знаешь… А помнишь, как я всегда старался достать то, чего у тебя еще не было — не жалея сил…

Боги, он ведь действительно думает, что это Снежная королева. Тор только головой покачала.

Но слабое сочувствие вспыхнуло в глазах Мун, и она тихонько проговорила:

— Если когда-нибудь тебе понадобится… что-то, что я могу дать тебе…

Герне посмотрел на свои безжизненные ноги.

— Ни один человек не может дать мне этого.

— Ну хорошо, но если ты действительно собираешься идти во дворец, то нужно переодеться, иначе тебя примут за нищенку, — твердо сказала Тор. — Пойдем-ка со мной, я подберу тебе кое-какие подходящие тряпки, хоть что-то более пристойное.

— Мун, ты не можешь идти во дворец! Я запрещаю тебе это! — Гундалину преградил ей путь, и она вдруг стала какой-то очень вежливой.

— Извини, БиЗед, но я должна. Обязана. — Голос ее звучал твердо.

— Ты только потеряешь время; но рискуешь потерять там и свою душу! Он ведь уже совершенно испорчен, оставь его, забудь о нем! — Гундалину протягивал к ней руки. — Ну хотя бы один раз послушайся меня! Ты одержима несбыточной мечтой! Это просто дурной сон — проснись, Мун, ради всех богов, проснись! Поверь, я не такой уж эгоист, просто ты — единственное, что мне небезразлично в этой жизни. Ты и твоя безопасность…

Она, не глядя на него, покачала головой.

— Не пытайся остановить меня, БиЗед. Ты все равно не сможешь. — Она прошла мимо него, и он не сделал ни шагу, чтобы ее остановить.

Вместе с Тор она исчезла за дверью.

Гундалину стоял, глядя ей вслед, кутаясь в плащ из-за внезапно охватившего его озноба и чувствуя, что Герне буквально сверлит его глазами, но был не в силах обернуться к нему.

— Ты ведь знаешь правду о ней, не так ли? — Голос Герне все-таки вывел его из оцепенения. — Ты ведь знаешь, что это — один и тот же человек, Ариенрод и она?

— Не один и тот же! — Гундалину с трудом повернулся к нему, словно его заставила сделать это собственная, отягощенная знанием совесть.

Герне улыбнулся: он уже прочел утвердительный ответ в глазах Гундалину.

— Так я и думал. Разумеется, она — клон королевы; это единственное, чем можно объяснить подобное сходство.

— Ты уверен? — Гундалину спросил неохотно, словно по принуждению.

Герне пожал плечами.

— Уверена в этом может быть только Ариенрод. Но и я, пожалуй, уверен тоже. Это не ее дочь — во-первых, она постоянно пользуется «живой водой», а во-вторых, она никогда не позволила бы мужчине взять такую власть над собой.

— Так «живая вода»… делает человека стериль-

ным? — Гундалину был потрясен.

— Пока ею пользуешься… а может, и после… Да тут ведь целых сто пятьдесят лет! Кто его знает?.. Вот ведь смешно: и хворают при «живой воде» дольше! И даже умирают… — Герне захихикал, чем-то довольный. — А некоторые вроде как с ума сходят — «распад личности» или как там у них называется… Так что они всегда недовольны теми, кто «живой воды» не употребляет. Нет, я считаю, это власть людей портит, а не «живая вода». И вот ведь еще что: те, кто получил к ней доступ, все пытаются это скрыть и заявляют, что вовсе не употребляют ее! А каково эти — совсем не употреблять «живой воды», Гундалину-эшкрад?

Гундалину не обратил на его ядовитый вопрос внимания: перед глазами его вдруг возник Спаркс, Покоритель Зари в шлеме, украшенном перекрещенными лучами, похожими на рога. Он решительно шагнул к Герне.

— Отдай мне прибор, Герне. Неужели ты пошлешь Мун в этот колодец со змеями?

Герне чуть шевельнулся, и вдруг в руке его оказался станнер.

— Попробуй, легавый, отними его у меня! Может, все-таки подальше отойдешь? Не то и впрямь получишь то, что просишь!

Гундалину отступил; его собственный станнер свинцовой тяжестью оттягивал ему бедро под плащом. Он прислонился к стене и закашлялся с мучительной беспомощностью. У него кружилась голова.

— Ты не против… если я сяду? — Он соскользнул по стене на пол, не дождавшись ответа.

— Тебе бы надо врачу показаться, — сочувственно проговорил Герне. — Когда технократ валяется на полу, то он все равно что мертвый.

— Не могу. — Гундалину снова распахнул плащ, ему вдруг стало страшно жарко. — По крайней мере, пока все это не кончится.

— Ты хочешь сказать, что за тобой тоже охотятся? — Это было скорее утверждение, а не вопрос. — Что, твои же легавые? Ты, значит, в бегах, да еще с этой девкой, которой вообще запрещено на Тиамат находиться! Значит, у тебя во всем мире ни единого друга, ты забросил свою работу, плюнул на карьеру и влачишь — ты, высокорожденный! — жалкое существование на каких-то помойках… И все — ради любви?

Гундалину поднял голову, лицо его пылало; он уже открыл рот, чтобы ответить, но Герне помешал ему:

— Я способен сложить два и два, — ядовито

ухмыльнулся он. — Я ведь родился на Харему. — Он покачал головой. — Она что, действительно вынудила тебя на это, парень? Что она тебе обещала? Свое тело?

— Ничего, мекру!

— Ничего? — Герне хитро и злобно посмотрел на него. — Значит, ты куда больший болван, чем я думал!

— Во всем, что со мной произошло, я виноват сам. — Гундалину сел прямее, пытаясь подавить и гнев, и мучительный голос истины, этот гнев вызвавшей. — Таково было мое собственное решение. И я готов к любым последствиям.

Герне рассмеялся.

— Ну конечно, это она может — заставить любого поверить ей! Такова уж ее сила. Она может заставить тебя поверить, что и в вакууме дышать можно! Ох и много теперь в нем смысла, в твоем рациональном мышлении! Да ведь нужна-то тебе только она одна — все остальное и значения не имеет! Хотя ты эту беглянку во как мог бы держать! А ты вместо этого помогаешь ей отыскать прежнего любовника. Боги, это ведь Ариенрод во плоти, Ариенрод до мозга костей! И надо же, обеим нужен один и тот же мужчина. К тому же для Ариенрод он оказался единственным, кого

она желает достаточно сильно, чтобы из ревности возненавидеть даже свое второе «я»… Нет, это просто инцест какой-то. Если уж этого недостаточно… они ведь единое целое… они обе… Черт побери! — Герне наклонился вперед, растирая свои беспомощные ноги и низко опустив голову.

Гундалину чувствовал, как в душе его растет отвращение.

— Именно этого я и ожидал от тебя: ты, разумеется, все затащил в ту же канаву, где валяешься сам, и все измазал в дерьме. Впрочем, ни на что иное ты и не способен. Ты даже понять не в состоянии, что именно разрушаешь и мажешь грязью.

— Откуда тебе знать? — Герне неохотно поднял голову. Гундалину нахмурился.

— Да ведь до тебя никак не доходит, почему я хочу помочь Мун, а не себе самому! Ты не в состоянии почувствовать, что в ней заключено, в этой девочке… — Гундалину закрыл глаза, будто вспоминая. — Да, она заставила меня полюбить ее. Но не нарочно. Она все делает от чистого сердца… в этом-то вся и разница.

Герне с вызовом поднял черную коробочку.

— А как ты думаешь, зачем я собираюсь отдать ей это?

— Из мести.

Герне снова опустил голову и промолчал.

— Ни один клон никогда не был абсолютно точным повторением оригинала. Даже однояйцевые близнецы не бывают совершенно одинаковыми, а ведь они созданы без посредника. Контроль при клонировании далеко не так точен, и самое большее, что можно получить, это не совсем идеальное воссоздание образца.

— Этакую подпорченную копию? — хрипло сказал Герне.

— Да. — Гундалину поджал губы. — Но, может быть, эта «порча» как раз и даст лучший результат — что-то, например, будет утрачено или, наоборот, неожиданно приобретено.

Герне, похоже, обдумывал подобную возможность.

— Может быть, ты и прав… — Он поскреб обросший подбородок. — Если ты так уверен, что Мун — не точная копия Ариенрод, то почему не скажешь ей правду?

Гундалину покачал головой.

— Я пробовал. — Он рассматривал свои запястья, водя по шрамам онемевшими пальцами. — Как я могу сказать ей подобную вещь?

— Неудавшееся самоубийство?.. — вдруг про-

шептал Герне. Гундалину замер, напрягся и рывком встал на колени. Но потом догадался, что у Герне и в мыслях не было оскорблять его.

— Неужели это она довела тебя до такого? — спросил Герне с самым искренним любопытством и сочувствием, без «всякой издевки. Потом пощелкал подтяжками, словно перебирая струны арфы.

— Нет. — Гундалину покачал головой и снова прислонился к стене. — Она как раз заставила меня поверить, что вполне еще стоит жить. — Он вдруг подумал: как странно, что он рассказывает такие вещи о себе какому-то деклассированному, да еще сидя на полу в борделе. — Я никогда не думал, что в таких условиях можно выжить — безоружному, с поруганной честью… И все же — я выжил, вот он я!.. — У него вырвалось что-то вроде горького смешка. — Обнаженным стою перед лицом Вселенной! И больно это, так больно… но, может быть, только потому, что теперь все мои чувства как бы обострились. — И я все еще не знаю, нравится ли мне это…

— Ничего, еще привыкнешь, — горько сказал Герне. — Знаешь, я раньше никак не мог понять, ну, не доходило до меня — как это, например, вы, технократы, сразу за яд хватаетесь, стоит вам пер-

вый пинок в задницу от жизни получить. Тебе бы, например, сто раз уже умереть надо было, если б такая жизнь, как мне, досталась! Тысячу раз!

— Ты прав. — Гундалину охватил смертный холод при мысли о том, что пережил Герне и что он переживает сейчас. — Боги, это ведь куда хуже смерти!

Герне глянул на него с каким-то равнодушным отвращением, с неизбывной ненавистью, свойственной, по крайней мере, половине населения родной планеты Гундалину, но вдруг почувствовал, что у него не хватает душевных сил поддерживать в себе эту ненависть.

— Да, «смерть прежде бесчестья» — привилегия богатых. Как и «живая вода»... — Но никто по-настоящему не властен ни над жизнью, ни над смертью.

— Раньше я думал, что нет ничего важнее моей собственной жизни, и ничто никогда не заставило бы меня понять таких слабаков, как ты, способных от своей жизни добровольно отказаться. Выжить любым способом — вот все, что было для меня важно...

— Было? — Гундалину оперся головой о стену. Языком он рассеянно ощупывал то место во рту, где был выбит зуб. Потом перевел взгляд на

спрятанные в металлические клетки ноги Герне, думая о том, сколь горьким символом утраты является этот аппарат, заменяя собой все, что делало Герне в своих и чужих глазах настоящим мужчиной. — Ты ведь знаешь, что тебе вовсе не обязательно оставаться здесь. На Харему твои ноги могут вылечить.

— Через пять лет? — Голос Герне звучал неестественно громко, казалось, он вложил в этот вопрос все «за» и «против», что так долго мучили его. — Ни у кого из моих родных и денег таких не найдется. Я-то уж точно столько не наскребу… У меня не хватает даже на то, чтобы просто убраться с этой проклятой вонючей планеты!

— Обратись к властям. Они так или иначе не намерены оставлять здесь ни одного инопланетянина — кроме тех, кто сам хочет остаться.

— Да, разумеется. — Герне вытащил откуда-то из-под кровати бутылку и стал пить прямо из горлышка, даже не предложив Гундалину. — Ты не представляешь себе, легавый, сколько на мне чудовищных обвинений! Как же я теперь вернусь на Харему? Если же ты думаешь, что я до конца дней своих готов исходить кровавым потом в какой-нибудь исправительной колонии, то поищи другого дурака. — Он снова отхлебнул

из бутылки.

— По-моему, у тебя не так уж много препятствий; ты просто преувеличиваешь. — Хотя, возможно, ты и не заслуживаешь сострадания. Гундалину вдруг от всей души стало жаль Герне. Святые предки, а что если бы я родился в его теле, а он в моем? — Я… мне очень жаль!

— Да неужели? — Гундалину вытер губы.

— А сам-то ты что, неужели собираешься вернуться? Чтобы тебя разжаловали, лишили всех чинов, бросили в тюрьму? Вряд ли. Ты, черт побери, небось притворишься помешанным: так сказать, преступление, совершенное в порыве неуправляемой страсти. Ты ведь ради любви на это пошел… Эх, любовь… любовь — это болезнь! — Рука Герне, сжимавшая горлышко бутылки, дрожала.

Смерть тому, кто полюбит сивиллу… смерть тому, кто ее не полюбит… Гундалину наконец как следует откашлялся, пытаясь выиграть время для ответа. Что же я собираюсь делать? Не знаю. Будущее представлялось ему безбрежным холодным морем.

— Спроси меня об этом завтра… — Он посмотрел в сторону двери: вошла Персефона и с ней Мун в плаще с накинутым на голову капюшоном.

Персефона подвинулась, давая Мун пройти, и осторожно сияла с ее головы капюшон.

— Мун? — Гундалину встал на колени, держась за стену и уставившись на девушку. Лицо Мун совершенно переменилось благодаря ухищрениям косметики — однако не было раскрашено с той безвкусной грубостью, что была свойственна самой Персефоне; это лицо было великолепным, совершенным! Новая прекрасная женщина совершенно затмевала память о юной островитянке с открытым лицом. Высоко поднятые волосы Мун были забраны сеткой из серебряных и золотых бус. Тор сняла с нее плащ, открыв взорам мужчин золотисто-медового цвета платье, которое переливалось подобно зрелым травам под ветром и льнуло к ее телу, не подчеркивая форм, но свободно ниспадая от талии, от кружевного, цвета слоновой кости лифа, замечательно гармонировавшего с ее белой кожей. Широкое ожерелье из опалов скрывало знак сивиллы у нее на горле.

БиЗед совершенно утратил дар речи, очарованный сиянием этой красоты, а Мун словно расцветала под лучами его восхищения.

— БиЗед, я чувствую себя полной дурой… — Она помотала головой, но тут же просияла.

— Госпожа моя… — В знак высшего восхищения он взял ее руку, наклонился над ней и легко коснулся ею своего лба. И каждый сантиметр ее тела говорит о том, что она настоящая королева! — Я с радостью преклоню пред вами колена. — Мун улыбнулась, и это была ее собственная улыбка, не улыбка Ариенрод.

— Ну как, Герне? — Персефона тоже довольно улыбалась, держа под мышкой тунику Мун. — Не узнают ее при дворе?

— Это ты с ней такое сотворила? — спросил Герне.

— Ну… мне Поллукс помогал. У этого робота хороший вкус.

— Ариенрод этот цвет не любит. — Герне поставил бутылку на пол. — Но ее не узнают… Боги, да никто и не отличит их одну от другой! Ах, ваше величество, подойдите ко мне! — Он потянулся к Мун.

Гундалину нахмурился и взял Мун за руку, почувствовав, что и она сильнее сжала его пальцы. Оба смотрели на Герне.

— Не называй ее так! — Это звучало как предостережение.

— А ей надо привыкать. Я же ничего тебе не сделаю, черт побери! Я к тебе даже не прикос-

нусь! — Герне опустил руки. — Только дай мне немного на тебя посмотреть.

Мун выпустила руку Гундалину и подошла к нему. Медленно повернулась, неловкая в длинном, платье, но уже не испытывающая неуверенности под его взглядом. А он буквально пожирал ее глазами, когда она стояла перед ним с терпеливым достоинством. И во взгляде ее не было осуждения; она позволяла любоваться собой даже, пожалуй, с удовольствием. Гундалину переводил взгляд с Мун на Герне, и сам бы не смог, наверное, в этот миг определить собственные чувства. Он весь напрягся, когда Герне вдруг резко поднялся, покачнулся… и неуклюже упал перед Мун на колени.

— Ариенрод… — Он прошептал еще что-то, неслышное никому, кроме Мун. Гундалину быстро взглянул на Персефону; расписанные цветами глаза ее расширились, она, потрясенная, тоже посмотрела на него и покрутила пальцем у виска, качая головой.

— Я знаю, Звездный Бык… — Мун кивнула; на лице у нее была написана жалость. Она помогла Герне снова улечься на постель — совершенно не по-королевски.

Герне отвернулся, вдруг снова вспомнив, что

они в комнате не одни; лицо его стало жестким.

— Твоя ошибка, Покоритель Зари… Когда я упал в Колодец, тебе нужно было меня прикончить. Ариенрод ненавидит проигравших! — Он выговорил это с каким-то мазохистским наслаждением. — Ну а теперь выслушайте меня.

— Ты все еще намерен помочь ей? — почти равнодушным тоном спросил Гундалину. Герне загадочно улыбнулся.

— Жертве лучше всего молиться у дверей охотника. Тебе-то уж следовало бы об этом знать, легавый.

Мун растерянно смотрела на них.

Или же это только потому, что ты не смеешь отказать ей? Гундалину вздохнул; боль в груди усиливалась.

— Ну тогда у этих дверей привратником стану я.

Мун улыбнулась, и эта улыбка заслонила для Гундалину все остальное.

Глава 40

— Ох, спина моя! — Тор с хрустом потянулась. В кладовых казино ей эхом ответили голые стены и полки; помещение практически опустело;

припасы кончались, новых автоматов больше не поступало. — Давай, Поллукс, тащи-ка вон тот ящик с тлалоком сюда поближе, пусть эти психи хоть обожрутся им, пусть у них языки черными станут… — Она зевнула так, что щелкнули челюстные суставы.

— Как скажешь, Тор. — Поллукс неспешно принялся за дело, выполняя приказания хозяйки, как верный пес.

Тор хмыкнула; голова у нее кружилась от усталости.

— Клянусь богами, ты что, нарочно меня злишь своим послушанием?

— Как скажешь, Тор. — Поллукс прицепил себе на спину упаковочную клеть.

Губы Тор безвольно обмякли, энтузиазм совсем погас.

— Черт побери, Полли… как же я без тебя-то буду? Я ведь привыкла к тебе все-таки, старая ты грязная куча металлолома! — Она поправила парик. — Есть только две вещи, которые Ойярзабал сделать может, а ты нет; а на другой планете так и вовсе небось одна останется… так это можно и от любого другого мужика запросто получить. Вот и неудивительно, что он меня к тебе ревнует. — Она мрачно захохотала. Ойярзабал уже велел ей

до свадьбы непременно избавиться от Поллукса. Она тогда согласилась, но сразу почувствовала, что еще одно звено готово для тех брачных оков, с помощью которых этот инопланетянин готовился превратить ее в свою рабыню. Он хочет получить меня такой, какая я есть… Так зачем же он меня ломает? Она так злобно хлопнула по ненавистному парику, что тот съехал на одно ухо. Пришлось снова поправлять. — А кто меня теперь в порядок приводить будет? Полли у нас умеет не только упаковочные клети таскать, он и рыбачку в королеву запросто превратить может, верно? А ты о себе самом-то хоть иногда думаешь, а, Полли? Неужели ты никогда даже и не спросишь себя — зачем да почему тебе то или другое сделать велели? — Тор смотрела, как он идет к ней через всю кладовую. — А вот интересно, хочется тебе узнать, спасет ли эта девчонка своего дружка из лап Ариенрод или нет? Впрочем, она, наверно, дура или сумасшедшая, если ей такой ублюдок, как этот Спаркс, нужен!

Полли склонил набок голову, изображая чрезвычайную заинтересованность, однако ничего не сказал.

— Э-эх… — Тор погрозила ему пальцем. — Из ума я верно выжила — тебе ведь все равно даже,

здесь я или нет, так чего ж это я беспокоюсь? — Она пинком отшвырнула пустую картонную коробку, расчищая себе путь. — Когда закончишь с этим, ступай назад и захвати тот последний бочонок с ферментами для Герне: пристроишь его где-нибудь здесь. — Да, теперь я обоих Звездных Быков знаю, старого и нового. И двойняшку королевы, тоже. Слава богам, скоро меня в этом Карбункуле не будет! И вряд ли я когда вернусь сюда…

Она подошла к дверям кладовой, услышав громкие голоса, доносившиеся из той самой комнаты на противоположной стороне коридора, вход в которую всегда был столь же тщательно охраняем, как и вход в Центральный банк Карбункула. Раньше она никогда не видела, чтобы эта дверь оставалась открытой. А сейчас она была не только открыта, но и оставлена совершенно без присмотра, и Тор в одном из голосов, доносившихся оттуда, узнала голос Ойярзабала. Поллукс, не оборачиваясь, прогрохотал по коридору в сторону казино, а Тор подошла к заветной двери и, повинуясь внезапному порыву, резко отворила ее.

Полдюжины голов разом повернулись к ней; дюжина глаз уставилась на нее. Все мужчины,

инопланетяне. Троих она узнала сразу — то были ближайшие помощники Сурса. Ойярзабал быстро подошел к ней; в каждом его движении ощущалось злобное раздражение.

— Я же велел тебе обеспечить охрану! — ледяным и спокойным голосом убийцы проговорил один из незнакомцев.

— Да все нормально! Это хозяйка казино, она тут все знает, — откликнулся Ойярзабал. — Какого черта тебе тут понадобилось? — прошипел он Тор.

Она крепко обняла его и смачно поцеловала в губы.

— По мужику своему соскучилась, вот и все! — И уж чего я терпеть не могу, так это запертых дверей.

— Черт побери, Персефона!.. — Ойярзабал отшатнулся от нее. — Нашла время! У нас тут большое дело затевается… для Сурса. Давай я попозже к тебе…

— Что, Снежная королева опять что-нибудь придумала?

Он так и вцепился в ее обнаженные плечи.

— Тебе-то откуда это известно?

Просто на ум пришло.

— Так ты, милок, только что сам сказал, что

я тут все знаю. — Ей ужасно хотелось показать ему язык. — Впрочем, врать не буду — видела я, как сегодня к Сурсу Звездный Бык приходил, вот и решила, что его, должно быть, Ариенрод прислала. — Она легко выиграла еще одно очко.

— Так ты и Звездного Быка в лицо знаешь?

— Конечно. Я ведь тут родилась. И я, между прочим, тоже на Сурса работаю! — Она храбро посмотрела ему прямо в глаза. — Ну, так в чем там дело, а? Что там Ариенрод для своего последнего бала готовит? Кого порадовать хочет? Да ты не бойся, я ведь тебе почти что жена теперь. — Сейчас она была значительно выше Ойярзабала в своих туфлях на платформе, так что за его плечом ей хорошо был виден тесный кружок оживленно жестикулирующих мужчин, собравшихся вокруг лабораторного стола. Оглядевшись, Тор поняла, что эта комната и есть отлично оборудованная лаборатория. Ей всегда было интересно, откуда у Сурса буквально неиссякаемый запас всяких запретных «штучек» даже в те времена, когда их регулярные поставки, осуществляемые контрабандистами, становились невозможны. Снова взглянув в сторону стола, она заметила на его безупречно белой поверхности маленький металлический контейнер. На крышке его и

на боковых стенках ярко было написано «Осторожно…» и еще что-то, буковками помельче, и изображен колючий трилистник сивиллы. По коже у нее вдруг поползли мурашки.

— Ну да. Снежная королева действительно кое-что готовит этим островитянам в подарок — этакий небольшой сюрпризик! — Ойярзабал гаденько ухмыльнулся. — Впрочем, тебе не стоит забивать свою хорошенькую головку всякой ерундой. Тебе-то беспокоиться не о чем. С тобой все будет в порядке — ты ведь все равно со мной улетишь, верно?

Тор вдруг стало страшно в его слишком тесных объятиях, и она сердито вырвалась.

— Ты что этим хочешь сказать, а? И с какой стати на той коробке знак сивиллы? Это ведь значит… сильный яд! — До нее будто только что дошел смысл сказанного. — Что там такое — микробы? Зараза какая-нибудь? — Она повысила голос.

— Лучше заткнись, а? Говори потише, пожалуйста… — Он сильно тряхнул ее за плечи.

— Вы что это тут делать собрались? — Тор вырвалась, вне себя от ужаса. — Людей убивать? Мой народ?..

— И всего-то несколько тысяч каких-то остро-

витян… Черт бы тебя побрал совсем. Перси! Все жители Зимы в полной безопасности, говорю же тебе. Это Снежная королева так хочет…

— Врешь ты все! Этим кого хочешь убить можно, а королева никогда не позволила бы вам своих подданных убивать! С ума ты сошел, Ойярзабал, вот что! Да отпусти ты меня! Эй, Поллукс, помоги-ка… Поллукс, где ты?.. — Остальные мужчины, вскочив из-за стола, угрожающе двинулись к ней, а Ойярзабал по-прежнему крепко держал ее за плечи. Тор в отчаянии сильно ударила ему коленом в пах, он с воем согнулся пополам, и она сумела наконец вырваться.

Выстрел из станнера пришелся прямо ей в спину; ее отшвырнуло и ударило о створку распахнувшейся двери. Тор беспомощно сползла на пол и потеряла сознание.

Глава 41

— Ты лучше подожди меня здесь, БиЗед. — Мун остановилась посреди площади; именно отсюда, от королевского дворца и начиналась Главная улица Карбункула. За крепкими прозрачными его стенами снова была ночь, но даже здесь, на дворцовой площади было больше чем достаточно

веселящихся людей — горожане и гости танцевали, смеялись, громко играла музыка… Здесь, на самых верхних уровнях Карбункула, люди отличались особенно яркой и вычурной одеждой, экзотическими украшениями, золотой пудрой, драгоценными камнями и прочими заморскими побрякушками. Мун с любопытством оглядывалась вокруг. Ее собственный, казавшийся ей таким богатым и красивым наряд здесь выглядел довольно жалким и скромным, и она все время старалась спрятать под плащом свое лицо и платье. Непристойно грязная одежда Гундалину все больше бросалась в глаза, однако он с совершенно бессмысленным упорством не желал снимать свою полицейскую форму.

— Я не позволю тебе одной отправляться туда. Я пойду с тобой. — Он качал головой и не желал слушать никаких ее доводов, с трудом переводя дыхание после длительного подъема по спирали Главной улицы. — Эта королева…

— Королевой буду я! — Мун храбро и насмешливо посмотрела на него. — Вы забываетесь, инспектор… Клянусь Хозяйкой! Да и что, собственно, она может сделать мне, БиЗед? Голову отрубить? — Мун усмехнулась, рассчитывая развеселить его, однако он даже не улыбнулся. — Ну,

БиЗед, милый, как я там, внутри, смогу объяснить твое присутствие? — Она быстро глянула на стражу у дверей; сердце у нее сжалось.

— У меня ведь есть… — Он вытащил свое удостоверение инспектора полиции и показал ей станнер, — Это уже кое-что! Надеюсь, это заставит их отнестись ко мне с должным почтением. — Он аккуратно застегнул расстегнутый воротник куртки.

— Нет. — Мун почувствовала, как стеснение в груди перерастает в боль. — Я ведь иду туда, чтобы найти Спаркса, БиЗед. — Она смотрела прямо в его темные, опушенные густыми ресницами глаза, не давая ему отвести взгляд в сторону. — Что бы там ни было, а это я сделать должна. Я МОГУ это сделать… — На глазах у твоего нового любовника? Губы ее дрогнули.

— Я понимаю. — Он все-таки сумел отвернуться. — И я… я понимаю, что не имею права видеть, как это произойдет, Мун, но я хочу тебе только добра, поверь мне; я хочу, чтобы ты в любом случае была счастлива! Но, черт меня побери, от этого мне не легче!

— Тяжелее. — Она сочувственно кивнула. — Когда понимаешь — всегда только тяжелее становится…

— Но тогда позволь мне проводить тебя хотя бы до дверей! Охрана будет удивлена, если у тебя совсем не будет сопровождающих. А потом я останусь здесь и буду ждать у начала Главной улицы, пока ты не выйдешь… Иначе я сам непременно попробую узнать, почему ты не выходишь…

Она снова молча кивнула. Оба смотрели на водоворот танца вокруг них, и Мун чувствовала, как этот водоворот всасывает в себя ее надежды и сожаления… Ты королева, так и будь королевой, оставь свои страхи! Она боялась вздохнуть, когда стражники у массивных дверей вдруг уставились на них. Стражники были вооружены такими же акустическими станнерами, как и Гундалину. О, Хозяйка, слышишь ли ты меня? Она вдруг вспомнила, что вовсе не Богиня будет отныне направлять ее — всего лишь машина, та самая, что сказала ей о необходимости вернуться…

Она была практически уверена, что стражники остановят ее, и, отбросив на спину капюшон, гордо подняла голову, убеждая себя не бояться и доказать им всем…

— Ваше величество! Как вы… — Стражник слева опомнился, прижал руку к груди и низко склонил перед ней голову. Стражник справа, оказавшийся женщиной, последовал его примеру;

иноземные шлемы стражников ослепительно сверкали на солнце. Громадные, потемневшие от времени створки дверей начали открываться.

Мун, пользуясь замешательством стражи, быстро обернулась к посуровевшему Гундалину, на лице которого читалось такое отчаяние, которого она — единственная, впрочем, из всех окружающих, — не заметить не могла.

— Благодарю вас… за службу, инспектор Гундалину.

Он кивнул, точно деревянный.

— Для меня большая честь… ваше величество. Если я вам снова понадоблюсь, только позовите… — Он старался, чтобы она поняла, что стоит за этой расхожей формулой. Руки его, как-то неестественно стиснутые, выглядели по меньшей мере странно у офицера полиции, и он поспешил отдать ей честь, повернулся и тут же исчез в толпе.

БиЗед! Она чуть не бросилась за ним и с трудом удержалась, чтобы не окликнуть его. Потом снова посмотрела на открывшиеся перед ней двери, за которыми был виден темноватый, сияющий огнями вестибюль, словно приглашающий ее завершить, наконец, это затянувшееся путешествие. Стражники подозрительно уставились в спину обшарпанного полицейского, который

сопровождал их королеву. Мун поплотнее запахнула плащ и вошла во дворец.

Легкая, точно призрак, скользила она по пустому вестибюлю, бесшумно ступавшие мягкие башмачки как бы подчеркивали ее бесплотность. Она словно окутала все свои чувства плотными покрывалами, боясь остановиться, отвлечься и потеряться среди гипнотически прекрасных и диких пурпурно-черных горных вершин и покрытых толщей снегов равнин в том царстве Зимы, что смотрело на нее со стен бесконечного коридора, по которому она теперь шла. А впереди ее напряженный слух уже ловил шепот, доносившийся из зала Ветров. Ледяной и влажной от волнения рукой она сжала ту черную коробочку, которую дал ей Герне.

Герне весь взмок, и руки у него тряслись, когда он рассказывал Мун о том, что откроется ей в зале Ветров — плененный ветер, ревущий ураган и среди этого безумия ненадежный узкий мостик над пропастью. Над тем Колодцем, который Герне некогда надеялся превратить в могилу для Спаркса и который вместо Спаркса уничтожил его самого. Из-за Ариенрод. Ариенрод тогда нарушила ею же установленные законы, вмешалась в ход поединка и спасла Спаркса. А Герне оставила

в плену у его изувеченного бессильного тела — страдать от безжалостных укусов любви и ненависти к ней, Снежной королеве…

Мун добралась до конца коридора и вошла в огромный, полный таинственных стонов зал, где в вышине плыли над ней бледные, похожие на облака гигантские занавеси, пухнущие и содрогающиеся, словно под ласками неземного чудовища-любовника. Она показалась себе вдруг очень маленькой и легкой — это ледяное воздушное эхо внешнего мира коснулось ее, это Зима, обнаружив, что она вторглась сюда в одиночестве, жадно протянула к ней свои руки, раздувая морозным дыханьем ее плащ. За прозрачными стенами дворца светились миллионы звезд, раскаленных добела в ярко-красном горниле ночи; но жара не чувствовалось — здесь не было ни света, ни тепла, лишь однообразно яркое зеленое свечение исходило из пасти гигантского Колодца у нее под ногами…

Из Колодца веяло беспощадностью.

Она сделала один шаг вперед, потом второй, двигаясь к абсолютно черному изгибу моста над этой бездонной пропастью. Он не говорил мне, что будет так темно! От страха она все время спотыкалась, и пальцы ее дрожали, когда

она нажимала в особом порядке кнопки того устройства, которое, как клялся Герне, даст ей возможность спокойно миновать мост. Неужели он мне солгал? Но не Мун была предметом болезненной мучительной страсти Герне; она могла служить ему лишь орудием, призванным осуществить тонко задуманную месть.

Она сделала еще один шаг, и еще, пока, наконец, вся дрожа, не приблизилась к самому краю Колодца. Оттуда вдруг сильно дохнуло влагой; ветер, застигнув ее врасплох, заставил прижаться спиной к стене. Ее окутали запахи моря, водорослей, рыбы, чего-то кислого и соленого — запахи складских помещений — и плесени. Мун от изумления вскрикнула негромко «Хозяйка!»… Дыхание моря снова обняло ее, зашуршало в непривычно длинных юбках… Мун инстинктивно расставила нога, стараясь удержать равновесие, словно моряк на раскачивающейся палубе… На королеву она сейчас совсем не была похожа.

Она подняла голову и снова увидела дрожащие призрачные занавеси — теперь уже они казались ей не облаками, а скорее хлопающими на ветру парусами, плохо натянутыми, изысканными и капризными. И тут она вспомнила, что в руке, в сжатой ладошке держит то, что позволит ей

проложить путь над этим уходящим в морские глубины Колодцем. Сквозняки снова ударили снизу, словно посылая последнее предупреждение…

Я обязательно пройду. Она коснулась первой кнопки, услышала первый звук нужной секвенции, почувствовала, как стихает ветер вокруг, и с решимостью сотен своих предшественников, тех людей, которым прежде покорялись моря и звезды, шагнула на лишенный перил мостик и двинулась вперед. Через каждые три шага она извлекала из черной коробочки новый звук, стараясь, чтобы шаги не были ни слишком маленькими, ни слишком большими, полностью сконцентрировавшись на нужной секвенции, на пути перед ней, на ритме шагов…

Когда Мун достигла середины моста, зеленоватое свечение вдруг усилилось, и она ощутила чье-то неясное присутствие, чей-то беззвучный голос — словно эхо, донесшееся из далеких мест и времен… услышала ту самую прекрасную музыку, которую слышала когда-то в пещере на Островах Избранных. Она пошла медленнее, потом вынуждена была совсем остановиться, завороженная красотой этих звуков, став их пленницей… Пальцы ее почти уже выпустили черную

коробочку; пронзительный тревожный звук стал тише, совсем затих… Внезапный порыв ветра вдруг сбил Мун с ног, заставил встать на колени; ее вопль ужаса мгновенно разрушил магическое оцепенение, пленницей которого она стала, и освободил ее. Она снова с трудом поднялась на ноги, нащупала нужную кнопку лихорадочно дрожащими пальцами и поспешила дальше. Внезапный испуг даже прибавил ей мужества; она чувствовала, что та музыка все еще звучит в ее душе, хотя и стала немного тише.

Мун сошла с моста на противоположном краю Колодца и немного постояла, со всхлипами хватая ртом воздух, ошеломленная, не в силах понять происшедшее. Это же не Острова Избранных! Как же Хозяйка могла позвать ее — здесь?

Она смутно вспоминала, что именно в Карбункуле Данакиль Лю тоже слышал зов Хозяйки — или той машины, что управляла ими всеми. Неужели это здесь, в Колодце?.. Она стряхнула с плеч плащ, тихонько отодвигаясь от края и не желая больше видеть перед собой эту ужасную пропасть…

Она безошибочно выбрала нужный коридор, следуя тому плану дворцовых переходов, который, благодаря Герне, отчетливо запечатлелся в

ее памяти. Снова послышалась музыка — но не райская, а вполне земная: изящная пьеса какого-то композитора с планеты Харему, исполняемая струнным квинтетом. Перед мысленным взором Мун проплывали сады Аспундха, мерцающий восторг зорь Харему — дивное сияние на бархатном небосводе… Она достигла широкой покрытой ковром лестницы, ведущей в огромный зал, расположенный как бы в бельэтаже. Навстречу ей плыли волны соблазнительной музыки; двое слуг — в полнейшем изумлении — склонили перед ней головы и поспешили ретироваться.

Она тоже постаралась как можно быстрее миновать открытое пространство; в этом зале сегодня вечером Снежная королева давала большой бал в честь премьер-министра и членов Ассамблеи. Мун взбежала по лестнице на третий этаж, где, как сказал ей Герне, находились апартаменты Звездного Быка. Она понимала, что Спаркс, скорее всего, находится в зале, среди гостей, но ни за что не осмелилась бы войти туда, ибо там сейчас царила и властвовала Ариенрод собственной персоной.

Но, свернув в коридор на третьем этаже, она неожиданно услышала, что музыка стала слышна громче, и обнаружила полускрытый занавесями

балкон, выходящий прямо в зал. Балкон был словно специально сделан для тайного наблюдателя или засады, однако в данный момент там никого не оказалось. Мун на цыпочках подошла к перилам и сквозь щели в занавесях посмотрела вниз; по коже забегали мурашки — она была уверена, что ее тут же заметят.

Но увидев зал, полный гостей, она забыла и о себе самой, и об опасности, и казалась себе не более чем крошечным насекомым высоко на стене. Бледнолицые нотабли Зимы и темнокожие инопланетяне свободно общались друг с другом, одетые в ослепительно пестрые, яркие костюмы, которые, пожалуй, сглаживали даже разительный контраст их расовой принадлежности. Буйное веселье царило у изысканно накрытых столов, где можно было, кажется, отведать любое блюдо местной и иноземной кухни. Мун судорожно сглотнула слюну — в последний раз она ела ужасно давно, в казино у Персефоны, причем что-то весьма экзотическое и малопитательное. Зеркальные шары, похожие на фасеточные глаза насекомых, были подвешены примерно на уровне ее глаз и медленно вращались, посылая «метель» светлых пятнышек вниз, на толпу гостей.

Мун, немного успокоившись, внимательно осмотрела зал, заметив стоявших цепью вдоль стен полицейских. Интересно, подумала она, а комиссар полиции ПалаТион тоже здесь? Будь она проклята! Она чуть не погубила Гундалину из-за своего дурацкого чувства долга; чуть не погубила и ее, а вместе с нею — и Спаркса. Один раз Мун показалось, что она заметила Первого секретаря Сайруса, но потом снова потеряла его из виду.

Но нигде пока не было видно самой Снежной королевы — той женщины, которая должна была быть как две капли воды похожа на нее, Мун… И нигде не было видно того мужчины в черном плаще и маске с рогами, похожей на маску палача… Или того рыжеволосого юноши, чье лицо она узнала бы где угодно, спустя сколько угодно времени… Значит, их там нет? Неужели он уже покинул бал? Но тогда, может быть, она сумеет найти его здесь, в его апартаментах?

Она отошла от перил; сердце билось, как птица в клетке. Я непременно найду тебя. Я непременно…

— Ах, вот ты где! Неужели не можешь удержаться? Обязательно тебе нужно шпионить, даже сегодня! — Мужской голос раздался прямо у нее за спиной. Голос был негромкий и полный

насмешливой враждебности.

Мун так и застыла, чувствуя, как от предательского стыда становятся алыми ее щеки.

Она поджала губы, что было сил стиснула зубы, и, надеясь, что он примет ее смущение за гнев, обернулась, подхватив юбки и высоко вскинув голову.

— Как ты смеешь говорить таким тоном… — Юбка выскользнула из обессилевших вдруг пальцев. — Это ты, Спаркс? — Она еле устояла на ногах и покачнулась.

— Кто же еще? — Он пожал плечами и пьяно икнул. — Твоя верная тень! — Он с притворным почтением поклонился.

— Спаркс… — Она сцепила пальцы, чтобы унять дрожь, чтобы не броситься ему на шею. — Это же я!

Он нахмурился, словно она крайне неудачно пошутила.

— Да уж, черт побери, я вполне узнал тебя, Ариенрод; вряд ли я настолько пьян, чтобы спастись от этого вечного кошмара… — Он тупо смотрел на нее.

— Я не Ариенрод. — Она с трудом вытолкнула эти слова из своего вдруг пересохшего рта. — Я Мун. Мун, Спарки… — Она все-таки не выдержала

и дотронулась до его руки, вздрогнув, точно от удара током.

Он тоже отдернул руку, словно ее прикосновение обожгло его.

— Черт бы тебя побрал, Ариенрод! Оставь ты свои шутки! Это совсем не смешно. — Он резко повернулся, чтобы уйти.

— Спаркс! — Она бросилась за ним и остановилась в полосе яркого света, пытаясь расстегнуть замок ожерелья. — Посмотри на меня! — В конце концов нитка лопнула, и она едва успела подхватить рассыпающееся ожерелье. — Посмотри!

Он быстро повернулся к ней; она поднесла руку к горлу и подняла голову выше. Потом увидела, как вся кровь разом отхлынула от его лица.

— Нет! Боги, нет… она же мертва! — Ты ведь мертва. И это я убил тебя.

— Нет, Спаркс. Я живая. — Мун сжала его руку обеими своими руками, притянула его к себе, несмотря на сопротивление, провела его рукой по своему плечу… — Я живая! Коснись меня, поверь мне… Ты никогда не причинял мне зла… — А если даже и причинял, то теперь я уже не могу припомнить этого.

Он словно весь обмяк от прикосновения Мун. Рука его медленно обняла ее за плечи, скользнула

по рукаву к запястью. Голова устало поникла.

— О, тысяча богов!.. Зачем ты пришла сюда, Мун? Зачем? — Он говорил с яростью и отчаянием.

— Чтобы найти тебя. Потому что была нужна тебе. Потому что ты был нужен мне… потому что я люблю тебя. Ах, я так люблю тебя!.. — Она, наконец, решилась обнять его и спрятала голову у него на груди.

— Не прикасайся ко мне! — Он схватил ее за руки и грубо оттолкнул. — Не прикасайся!

Мун отшатнулась, качая головой.

— Спаркс, я… — Она потерла руками лицо, почувствовала, как слабо шевельнулась на щеке боль от того его давнишнего удара… — Ты боишься меня, потому что я теперь сивилла? Но это же не имеет никакого значения! Спаркс, я ведь с тех пор побывала на Харему и узнала правду о сивиллах. Я ничем не заражу тебя. Ты не должен меня бояться. Мы можем всегда быть вместе — как когда-то…

Он не сводил с нее глаз.

— Всегда быть вместе? — Тон был почти издевательский. Он по-прежнему не верил ей. — Как двое простых островитян, провонявших рыбой? И весь век прожить возле сушащихся на солнце

сетей? — Она нерешительно кивнула, чувствуя, что не выдерживает навалившейся на нее неимоверной тяжести. — И я не должен бояться твоего безумия? — Он, казалось, был потрясен до глубины души. — А ты не боишься, что я могу тебя заразить? — Он ударил себя в грудь ладонью, словно заставляя ее обратить на него внимание, увидеть его таким, каким он виделся себе самому: шелковая рубашка цвета гаснущего костра с разрезами на широких рукавах, сквозь которые проглядывала его белая кожа; тяжелые цепи и браслеты, похожие на золотые оковы, у него на груди и на запястьях; туго обтягивающие ляжки штаны…

— Ты… ты еще более прекрасен, чем мне помнилось. — Эти слова вырвались у нее прямо из сердца; она вдруг почувствовала острый приступ желания и испугалась.

Он прикрыл рукою глаза.

— Разве ты не поняла? Почему, ну почему, черт побери, ты не понимаешь! Ведь это меня ты видела на том берегу, это я убивал меров! Я — Звездный Бык королевы. Разве ты не знаешь, что это такое? И каким я теперь стал?

— Я знаю… — она говорила с трудом, прерывающимся голосом. Убийца… лжец… чужак… — Я

знаю, что это значит, Спаркс, но мне все равно. — Я слишком дорого заплатила за этот миг, чтобы очутиться среди дымящихся развалин. — Разве ты этого сам не видишь? Мне безразлично, что ты сделал. И кем ты был. Теперь, когда я нашла тебя, мне все это стало безразлично. — И нет для нас ни времени, ни смерти, ни прошлого; и я не позволю никому и ничему встать между нами…

— Тебе безразлично? Тебе все равно, даже если я целых пять лет был любовником другой женщины? Тебе все равно, скольких священных меров я убил только для того, чтобы вместе с нею оставаться вечно молодым? Неужели тебе будет все равно и когда я расскажу о том, куда ходил сегодня с добычей последней Королевской Охоты, и о том, что станется с нашими провонявшими рыбой островитянами всего через несколько часов? — Он больно сжал ее запястье, выкручивая руку. — Неужели тебе и теперь безразлично, кем я стал?

Она вырвалась, отшатнулась, на смятенном лице мелькнули отвращение и гнев; она не в силах была ответить ему или как-то сопротивляться, когда он грубо схватил ее и поволок по коридору к какой-то двери. Потом прижал ладонь к замку и пинком ноги отворил дверь, таща Мун за собой.

Вспыхнул яркий слепящий свет, и дверь снова захлопнулась у нее за спиной. Спаркс запер ее касанием пальцев. Мун вдруг поняла, что отовсюду на нее смотрит ее собственное отражение. Она подняла глаза к потолку и увидела там свое лицо; посмотрела под ноги — слишком поспешно — и, пошатнувшись, упала прямо в жадные руки Спаркса. Он улыбнулся ей, но то была не прежняя его улыбка, хорошо ей знакомая, нет: у нее внутри все похолодело от этой его усмешки.

— Спаркс… что это за место?

— А ты как думаешь, «сестрица»? — Он сжал ее в объятиях, и тут она заметила посреди комнаты широченную кровать и попыталась вырваться, но он держал крепко. Рука его нашарила ее грудь.

— Ты ведь давненько не развлекалась, милашка? Я сразу понял — уж больно выразительно ты на меня глядела. Значит, ты прошла весь этот путь только для того, чтобы стать любовницей Звездного Быка? Что ж, если ты так хочешь, моя прелесть… — Он рывком расстегнул рубаху, и она увидела у него на ребрах тонкие белые шрамы, похожие на червей. — Я могу доставить тебе такое удовольствие.

— О, Хозяйка, нет, нет!.. — Она прикрыла ладо-

нью его шрамы, она не желала смотреть…

— Нет? В таком случае мы все сделаем быстро и просто, без затей, как к тому привыкли девчонки с Летних островов. — Он подволок ее к постели и швырнул поперек, прижав собственным телом. Она лежала, стиснув зубы, не в силах сопротивляться напору его грубых ласк и поцелуев, закусив губу, и едва не закричала, когда он особенно больно охватил ее за грудь… — Это времени много не займет. — Он боролся со штанами, не сводя глаз с ее лица.

— Спаркс, не делай этого! — Она, высвободив одну руку, с безнадежной нежностью погладила его по лицу. — Ты же не хочешь, чтобы это произошло, и я не…

— Тогда почему же ты не сопротивляешься, черт побери? — Он встряхнул ее так, будто совсем утратил разум. — Зарази меня, сивилла! Докажи, что стала такой, каким я никогда не смогу стать. Ударь меня, укуси, пусть у меня пойдет кровь — сведи меня с ума…

— Я не хочу делать тебе больно. — Она смотрела вверх, на свое отражение в зеркальном потолке, на яростно-рыжие волосы Спаркса, на его тело, словно обтекавшее ее собственное, и почему-то видела лицо Тарида Роха, плоское и тупое, а по-

том вдруг точно таким стало и лицо Спаркса… И сделать мне это даже слишком, легко, слишком просто! Она с шумом вдохнула воздух. — Я могу! Я могу, поверь мне, сделать тебя безумным… Но я не хочу! — Она зажмурилась, отвернула лицо в сторону, чувствуя, как тяжесть его тела выдавливает воздух из ее легких. — Ариенрод уже достаточно боли причинила тебе — из-за меня…

Глаза Спаркса стали непроницаемыми.

— Не жалей меня понапрасну, сивилла, ведь ответной жалости ты не дождешься. — Он схватил Мун за подбородок и грубо повернул к себе. — Ты сейчас в постели Звездного Быка — ты сама этого хотела, хотя нет в этом мире более низкого человека. — Но на этот раз он отвел глаза первым; и Мун вдруг поняла, что, даже если б он и решился довести задуманное до конца, тело его все равно отказалось бы повиноваться…

— Я хотела получить Спаркса! И я его нашла. На тебе сейчас нет твоей рогатой короны, нет черного капюшона, руки твои не обагрены кровью… Сейчас ты не Звездный Бык! Отбрось эту маску, Спаркс, — она тебе больше не нужна!

— Я не Спаркс! А ты даже и не Мун… — Он потряс головой, и она почувствовала, как дрожат они оба. — Мы призраки, эхо, заблудшие души;

мы стали вечными пленниками лимба, проклятые даже в аду, — Он отпустил ее.

— Спаркс… Я люблю тебя. Люблю. И всегда любила. — Голос ее вздрагивал, она почти беззвучно шептала эти слова, словно заклятье, навевающее волшебный сои. — Я знаю, что ты сделал, но ведь я же здесь. Потому что ЗНАЮ тебя. Я ЗНАЮ, что это было предопределено свыше. Я никогда бы не пришла к тебе, если бы не верила в то, что мы сумеем справиться с разлукой и с тем злом, которое нас разлучило. Если ты не веришь, лучше отошли меня прочь… Но сперва посмотри на себя, посмотри в зеркало, Спаркс! Там — только ты, и рядом с тобой — только я. Это пробуждение, Спарки, а не дурной сон!

Он медленно сполз с нее и, лежа на боку, внимательно посмотрел ей в глаза.

— Что… что это у тебя на щеке? Это я тебя ударил?

Она коснулась старого, давно пожелтевшего синяка, и молча кивнула.

Спаркс вскочил. Он был необычайно бледен и сосредоточен, когда пошел навстречу собственному отражению, равнодушно поджидавшему его в зеркальной стене. Их руки соприкоснулись; он прижался лбом к стеклу; Мун видела, что тело

его напряжено, как пружина.

— Спаркс!..

Руки его сами собой сжались в кулаки, и он со всей силы ударил ими прямо по собственному отражению; звонкие ледяные осколки посыпались на пол. Он чуть отступил, обернулся… Мун увидела, как кровь красными молниями струится по его руке.

Она вскочила и бросилась к нему, зажала его рану ладонью, пытаясь остановить кровотечение.

— Нет, не надо! Пусть течет! — крикнул он почти с радостью. Лицо его побледнело, но он только покачал головой в ответ на ее немой вопрос. — Разве ты не видишь? Я живой! Живой, Мун! — Он издал какой-то странный звук — вряд ли это был смех, — и она увидела, как глаза его стали совершенно изумрудными и слезы брызнули и повисли на кончиках ресниц. Он поднял окровавленную руку к залитому слезами лицу. — Мун. Моя Мун. — Он снова обнял ее, но теперь уже нежно, и мучительную боль причиняло ей теперь лишь возрождение и освобождение их душ. — Живой. Снова живой…

Ее вдруг ожег огонь желания. Она теснее прижалась к Спарксу, пальцы ее скользнули ему под рубашку. Она, чувствовала тепло его тела,

его гладкую кожу, покорные ее ласке мускулы… Его руки скользнули вдоль ее бедер, снова поднялись, скользя по спине. Он начал тихонько подталкивать ее к постели, целуя с бесконечной нежностью.

— Нет, дай я сам…

Он расстегнул и снял с нее платье, оно упало на пол. Ладони его пели, скользя по ее обнаженной коже. Потом он сам почти машинально выбрался из одежды. Она старалась не смотреть на его шрамы.

Они легли, и теперь, глядя вверх, она не видела ничего, кроме того, что там отражалось — бесконечной любви и всепожирающей страсти. Они вновь начали не спеша открывать для себя счастье близости, знакомое им почти с детства. Время спиралью уходило в бесконечность, и тело Мун стало как бы исходной точной Вселенной… Каждым прикосновением он старался доставить ей радость и удовольствие и довел ее до высшей точки наслаждения с таким мастерством, какого у него никогда не было прежде… Они ныряли, кружа в воздухе, взмывали ввысь пламенем победоносного костра, сгорали в нем и вновь возрождались, подобно фениксу… Она отвечала ему, как умела, но с не меньшей страстностью,

беззвучно шепча слова любви, которых, конечно же, было недостаточно, чтобы поведать ему о той радости, что заполнила сейчас все ее существо. И, в конце концов, они рухнули с высот вместе и сгорели на костре своей страсти, словно завершившись друг в друге.

Глава 42

— Мун, Мун, проснись!

Мун вздохнула; она все еще спала на теплой золе любовного костра.

— Еще не пора… — Она не открывала глаз, немного боялась открыть их.

— Пора. Да проснись же! — Спаркс уговаривал ее нежно, но требовательно. — Нам больше нельзя оставаться здесь. Бал скоро закончится. Мы должны успеть до того, как Ариенрод явится сюда. — Страх звучал в каждом его слове. — Впрочем, меня и полиция тоже ищет…

— Я знаю. — Мун открыла глаза. — Но мы найдем такое место, где ты сможешь переждать, пока не наступит Смена Времен Года.

— Смена Времен Года! — Спаркс окаменел. — Боги! — Кулаки у него сжались сами собой.

— В чем дело? — Мун села, вдруг совершенно

проснувшись. Ей стало страшно.

Он посмотрел на нее, бледный от отчаяния.

— Не будет никакой Смены Времен Года, если Ариенрод успеет осуществить свой план. Она намерена устроить что-то вроде эпидемии, в которой погибнет большая часть островитян, находящихся в Карбункуле…

Мун не верила собственным ушам.

— Как? Зачем?

— Она нашла одного мерзавца, инопланетянина, по кличке Сурс. Он многие ее гнусные поручения выполнял, например, прежнего комиссара полиции отравил наркотиками… Сегодня я отнес ему плату: «живую воду»… — Спаркс кусал губы. — Ариенрод хочет остаться королевой и навсегда сохранить власть Зимы на Тиамат!

Мун зажмурилась; она старалась не думать о той роли, которую сыграл Спаркс в ужасной затее Снежной королевы, и тщетно пыталась найти какой-нибудь выход.

— Мы должны остановить ее!

— Да, конечно, — он отбросил покрывала прочь. — Знаешь, Мун, ты иди прямо к легавым и все расскажи им. Они еще могут успеть… — Он скомкал простыню. — Клянусь глазами Хозяйки! Как я мог?!

Мун почувствовала, как ужас сдавил ей горло — стало трудно дышать: она вспомнила, почему и сама тоже не может пойти в полицию.

— Спаркс, я побывала на другой планете… И в полиции это известно…

Он резко вскинул голову.

— Они же тебя депортируют!

Она кивнула и откинула волосы с лица.

— Но их как-то нужно предупредить…

— Тогда мы пойдем вместе. Может быть… они хотя бы позволят нам не разлучаться. — Рука его бессильно скользнула вдоль ее спины. По телу Мун пробежали мурашки.

— Хорошо. — Она быстро соскочила с постели, понимая, что если дрогнет сейчас, то никогда уже не сможет отделить себя от него. — А теперь, пожалуй, нам действительно пора. — Она вдруг вспомнила, что БиЗед ждет ее, и на мгновение зажмурилась, отбрасывая все раздумья и сомнения прочь.

Они молча оделись и вышли из комнаты с зеркальными стенами и потолком; уже на пороге Мун еще раз глянула через плечо: отраженный зеркалами свет подмигнул ей. Они быстро и по-прежнему молча пошли по пустому коридору; вокруг стояла тишина — бал давно закончился,

огни в зале были погашены. Мун видела, как лицо Спаркса становится все более мрачным и замкнутым.

— Спаркс… помни, что это наш мир!

Она накинула на голову капюшон, прикрывая остатки своей роскошной прически, и постаралась идти ровным шагом.

Он быстро посмотрел на нее и кивнул, но в глазах его была тревога. Они спустились по лестнице, незаметно проскользнув мимо зала Приемов, где кружили усталые слуги, убирая со столов. Вскоре они добрались до зала Ветров; он был полон неясных теней и стонов — точно такой, каким она его запомнила, с трепещущими в вышине полотнищами — парусами призрачных кораблей, пребывающих в вечном плавании…

— Как тебе удалось пройти над Колодцем? — Он прошептал это еле слышно, и она тоже прошептала в ответ:

— С помощью вот этого. — И показала ему черную коробочку с кнопками. Он вдруг остановился.

— Только Ариенрод…

— Это Герне. Герне научил меня управлять ветром…

— Герне? — Он явно не верил. — Каким обра-

зом? Где ты с ним познакомилась?

Она покачала головой.

— Я потом все расскажу тебе — все потом. — Воспоминание о том зове, который тогда донесся до нее из Колодца, вновь ожило в ней. — Ты только помоги мне сейчас… через него перебраться… не позволяй мне останавливаться — что бы ни случилось! — Она глубоко вздохнула.

— Хорошо. — На его лице отразилось сильнейшее беспокойство и полное непонимание причин ее теперешнего страха.

Они подошли к самому краю Колодца, и Мун своим пылающим лицом почувствовала дыхание моря, холодное и влажное. Она нажала первую кнопку, и прозвучала первая нота успокаивающей ветры секвенции. Но Спаркс вдруг оглянулся, словно прощаясь с тем, что оставлял позади, во тьме, и Мун тоже потянулась к нему, пытаясь отогнать обуревавшие его душу сомнения, и вдруг… дрожащая от ветра, звенящая полутьма сменилась ярким светом! Зал совершенно преобразился. Они прижались друг к другу, испуганно моргая и прикрывая глаза руками.

— Ариенрод! — Голос Спаркса сорвался.

Мун увидела женщину, стоявшую там, где только что стояли они сами, у входа в зал. И во-

круг нее — толпу богато одетых придворных. И дворцовую стражу. И еще она заметила какие-то человеческие фигуры по другую сторону моста…

Снежная королева. Та женщина, которую Спаркс называл именем Ариенрод. Она медленно подошла к ним, медленно вплыла в их поле зрения. Мун увидела волосы — белые, как молоко, в точности как и ее собственные, уложенные в причудливую высокую прическу, увенчанную диадемой… увидела лицо Ариенрод — свое собственное лицо; словно навстречу ей двигалось ее зеркальное отражение…

— Это правда…

Спаркс не ответил; на Снежную королеву он не смотрел — озирался по сторонам в поисках спасения, пути к бегству.

Ариенрод остановилась прямо перед ними, и Мун перестала видеть что-либо еще, кроме ее восхитительно прекрасного лица и глаз цвета мохового агата. Однако во взгляде Снежной королевы не было ни искры удивления, и Мун поняла, что ловушка была устроена заранее.

— Значит, ты все-таки добралась сюда, Мун! Мне следовало бы знать, что уж ты-то выживешь непременно и не позволишь помешать тебе достигнуть поставленной цели. — Снежная

королева улыбнулась, и в улыбке ее сквозила гордость, однако странным образом замешанная на ревности.

Мун выдержала ее взгляд спокойно, словно не понимая намека. Но где-то в глубине души знала, что Ариенрод просто сбивает ее с толку… Она ждала меня… Откуда она могла знать, что я должна прийти?

— Да, ваше величество. Я пришла за Спарксом! — Она сказала это так, будто бросала вызов, инстинктивно понимая, что только такой тон будет оценен этой женщиной по достоинству.

Королева засмеялась высоким резким смехом — так под ветром звенят обледенелые листья на деревьях, но все же и тембр голоса, и смех удивительно напоминали Мун ее собственные.

— Ты пришла, чтобы забрать у меня моего Звездного Быка? — Спаркс вскинул на нее глаза, потом посмотрел в сторону придворных — ведь Ариенрод только что выдала его тайну, — но те стояли слишком далеко и вряд ли могли сквозь вздохи, доносившиеся из Колодца, расслышать ее слова. — Что ж, ты единственная, кто может это сделать. — И снова Мун послышалась боль затаенной ревности. — Но долго ты его возле себя не удержишь. Ты заметила, как он коле-

бался? Ты ведь не можешь быть по-настоящему уверена, что Спаркс будет счастлив с тобой на Летних островах — после стольких-то лет жизни в столице, верно? И вряд ли он удовлетворится тобой после того, как принадлежал мне. — Это прозвучало почти печально. — Нет, дитя моего разума… ты пока всего лишь дитя… ты еще не настоящая женщина, а уж любовница — и вовсе несостоятельная!..

— Ариенрод! — Голос Спаркса от отчаяния звучал хрипло. — Не надо…

— Надо, любовь моя. Я весьма тронута: ты был с ней так нежен, с нашей маленькой Мун. — Она улыбнулась. Мун почувствовала, как от ярости и унижения вспыхнули щеки, словно содержавшийся в словах Ариенрод яд попал ей в кровь. — Вот видишь, я действительно знаю все, что происходит в моем городе. Но я разочарована тобой, Звездный Бык. Хотя и не слишком удивлена. Впрочем, пожалуй, я тебя прощаю… — Она сказала это почти нежно, без тени сарказма, и протянула к нему руку. — Ты поймешь со временем, что совершил довольно глупую ошибку. — Она вдруг подняла руку, и стража моментально расположилась полукругом вокруг них, прижав Спаркса и Мун к краю Колодца. — Проводите

Звездного Быка в его апартаменты… и проследите, чтобы он пока оставался там.

Спаркс буквально остолбенел.

— Но ведь все кончено, Ариенрод! И ты это прекрасно понимаешь. Я свободен и мне все равно, как ты будешь пытаться удержать меня. Я никогда уже не стану прежним, и ты больше никогда не посмеешь прикоснуться ко мне… — он глубоко, судорожно вздохнул, — если немедленно не отпустишь Мун. Отпусти ее, и я сделаю все, что ты хочешь…

Мун шагнула вперед и уже открыла рот, чтобы возразить, но Спаркс остановил ее взглядом. И она подчинилась, прочитав в его глазах приказ: ступай через мост, предупреди их…

— Хорошо, я отпущу ее, но сперва мы с ней немного побеседуем с глазу на глаз. И если после этого она по-прежнему будет выражать желание уйти, то обещаю тебе: я ее задерживать не стану. — Ариенрод протянула к ним руки ладонями вверх, как бы показывая, что никакого подвоха нет.

— Что бы она тебе ни сказала, не слушай ее, Мун. Обещай мне это! Обещай, что не поверишь ни одному ее слову! — Кольцо стражников сомкнулось вокруг Спаркса. Мун почувствовала,

что руки ее сами тянутся к нему. Но Ариенрод стояла рядом. И смотрела на них — как смотрела, наверное, и тогда, сквозь зеркальные стены… Спаркс тоже протянул было руки к Мун, но, видимо, подумал о том же, и руки его бессильно упали. Стражники увели его.

Мун осталась перед Снежной королевой одна. За спиной вздыхала пропасть. Ветер обнимал ее холодными руками, усиливая боль утраты, заставляя дрожать всем телом; она старалась скрыть дрожь, кутаясь в плащ.

— Мне нечего сказать тебе. — Слова падали как камни. Она повернулась к королеве спиной и сделала шаг к мосту. Не думай, не думай об этом. У тебя нет выбора.

— Мун… дитя мое, подожди! — Голос королевы впился в нее словно острый рыболовный крючок. — Да, я все видела, но тебе нечего стыдиться — это ведь все равно, что увидеть свое собственное отражение в зеркале.

Мун в гневе обернулась к ней.

— Я не твое отражение! Мы совершенно разные!

— Ты ошибаешься. К тому же женщинам не так уж часто представляется возможность увидеть себя со стороны, да еще во время любовных

утех… — Ариенрод снова протянула к ней руки — этот жест был исполнен тоски. — Разве он не сказал тебе, Мун? Неужели не смог? — Мун непонимающе уставилась на нее, заметив на ее устах призрак улыбки. — Что ж, даже лучше, если я сама объясню тебе… Ты принадлежишь мне, Мун. Ты рождена от меня. Я знала о тебе со дня твоего зачатия, следила за тобой всю твою жизнь. Когда-то, несколько лет тому назад, я хотела, чтобы ты приехала в Карбункул, ко мне, и послала тебе письмо… от Спаркса… Но по дороге ты вдруг исчезла, и я подумала, что потеряла тебя навсегда. Но в конце концов ты все-таки ко мне вернулась!

Мун даже чуть отступила назад — так настойчиво звучал голос Ариенрод — и тут же почувствовала, что ветер предупреждает ее… О, Хозяйка, неужели она безумна?

— Откуда ты столько знаешь обо мне? Да и какое тебе, собственно, дело до меня? Я для тебя никто!

— Никто для меня — островитянка по имени Мун. — Ариенрод говорила вкрадчиво, спокойно. — А ты сама — почти хозяйка Тиамат. Ты знаешь, что такое клон?

Пытаясь вспомнить, Мун покачала головой.

— Это… это почти близнец?.. — Она чувствовала какое-то странное покалывание по всему телу. Но ведь тебе давно известно, что ты могла бы стать королевой!

— Это больше, чем близнец; ближе, чем близнец. Клон — это частица моей плоти, набор моих хромосом, моя яйцеклетка, стимулированная на воспроизведение точно такого же человека, как я…

— Частица твоей плоти?.. — прошептала Мун, касаясь своего тела, оглядывая себя, словно чужую. — Нет! — Она резко вскинула голову. — У меня есть родная мать… и моя бабушка сама видела, как я родилась на свет! Я — дочь Лета!

— Разумеется, — сказала Ариенрод. — Ты дочь Лета… согласно моему желанию ты выросла среди островитян. Ты была имплантирована в чрево твоей матери во время прошлого фестиваля; тогда же другим женщинам были имплантированы остальные мои клоны. Но ты единственная, кто остался в живых, потому что с рождения была практически безукоризненна… Отойди, пожалуйста, от края… — Ариенрод взяла Мун за руку и отвела подальше от края Колодца.

Мун попыталась вырваться, но не сумела: ведь ее тело принадлежало Снежной королеве… и

подчинялось Снежной королеве, а не ей самой. Ее тело теперь стало неуправляемым и словно размякло; и сама она не родилась, а была создана благодаря высочайшей технологии и волшебству… Мы так похожи… Все видят это, этого невозможно не видеть…

— Но зачем… зачем тебе понадобилось столько… собственных копий? И почему ты выбрала детей Лета, а не Зимы? — Мун не хотелось думать, что и сама она из их числа.

— Мне нужна была только одна. Когда-то я мечтала заменить себя тобой — во время Смены Времен Года. Заменить себя как бы самой собой, только выросшей среди островитян, отлично понимающей их души и умеющей манипулировать ими. Я бы непременно сумела все объяснить тебе… несколько лет назад, и у тебя хватило бы, времени приспособиться к новой роли и законному наследию. Но потом я сочла, что потеряла тебя навсегда… К тому же вместо тебя я обрела Спаркса… — Мун окаменела, но Ариенрод была слишком поглощена воспоминаниями и ничего не замечала. — И я решила, что мне вовсе не обязательно умирать, что я могу еще жить — сама! — предоставляя Зиме возможность править Тиамат. И у меня возник иной план; и ты больше

не была нужна мне. Но повидать тебя все-таки хотелось — мне всегда хотелось, чтобы ты была рядом со мной, ведь ты мое единственное и прекрасное дитя! — Она приподняла лицо Мун за подбородок.

Мое единственное дитя… Мун чувствовала, что не может отвести глаз от Ариенрод, душа ее то взлетала ввысь, то падала в пропасть, и голос Снежной королевы, что говорила с ней, словно мать, ее юное лицо, ее глаза, манившие куда-то в прошлое… Кто я? Кто я такая?

— Я дочь Лета! А ты задумала уничтожить мой народ!

Ариенрод вздрогнула, время словно раскололось…

— Он рассказал тебе?.. Дурак! Он не способен понять даже, что ни он, ни ты не имеете к островитянам никакого отношения! Ты, как и я сама, душой принадлежишь Зиме! А Спаркс, мой Звездный Бык, — инопланетянин! — Она указала на небеса. — Ты побывала на иной планете, ты знаешь, как эксплуатирует нас Гегемония — ты видела собственными глазами, какие замечательные вещи они таят от нас. Разве ты не понимаешь этого? — Она требовала ответа.

Мун подняла голову.

— Да, я знаю. И это отвратительно. — И снова среди сияющих звезд ей предстала иная картина: множество мертвых меров, груды истерзанных тел… — Смена Времен Года должна происходить иначе!

— Значит, ты понимаешь, как абсурдны суеверия детей Лета, ненавидящих технику, заставляющих нас оставаться в оковах невежества и после ухода инопланетян! И мы никогда не освободимся от этих оков, пока не начнем создание собственной технологической и научной базы, пока не попытаемся сохранить и приумножить хотя бы ту малость, которую оставят нам инопланетяне после отлета с Тиамат. Вот потому изменить ритуал Смены Времен Года совершенно необходимо…

— Но не путем уничтожения своего народа! — Моего народа! Это мой народ! И лицо Ариенрод вдруг заслонило перед ее мысленным взором лица матери и бабушки, воспоминания о детстве, о родных островах…

— Но тогда — как? — В голосе Ариенрод отчетливо звучало нетерпение. — Как иначе? Неужели ты надеешься убедить их или обратить в свою веру? — Можно было подумать, что она действительно ждет от Мун гениального решения.

— Я сивилла. — Сердце Мун ушло в пятки: не шутка — признаться в этом королеве Зимы! Но она понимала, что Ариенрод уже, наверное, знает об этом. — И, когда я расскажу своему народу правду о предсказателях и о том, чем они владеют, меня станут слушать.

Ариенрод нахмурилась, стараясь скрыть разочарование.

— Я думала, что ты отказалась от своих дурацких фантазий насчет могущества сивилл, побывав в иных мирах… Нет никакой Хозяйки, способной наполнить твой рот священной слюной, дающей знания, как нет в других — всех этих бесчисленных богов Гегемонии; есть лишь соломенные болваны для битья, созданные инопланетянами специально… — Ледяной вздох донесся из Колодца; пахнуло морем и водорослями; Мун невольно задрожала от холода, несмотря на плотно запахнутый плащ. Однако Ариенрод, одетая в полупрозрачные, похожие на туман, тонкие одежды, лишь рассмеялась, заметив на лице своего двойника выражение ужаса.

— Сивиллы вовсе не… — Мун заставила себя умолкнуть, Она не знает правды. Не может знать… Ей вдруг стало ясно, что у нее есть тайное оружие против Ариенрод, которое она только что

чуть добровольно не отдала ей в руки. Она чувствовала, что к ней возвращается уверенность, и изо всех сил старалась ничем не выдать себя, не показать Снежной королеве, что именно ей известно, и опасаясь, что та сумеет как-то прочесть все в ее глазах.

Однако на сей раз Ариенрод попалась в собственную ловушку.

— Я знаю, почему ты так хотела стать сивиллой! Только потому, что не могла стать королевой! Но теперь-то ты можешь ею стать, теперь… — В прозрачных зеленоватых глазах вспыхнул какой-то свет. — Забудь свои Летние острова! Ты можешь разделить со мною весь мир и всю власть Зимы — навсегда. Забудь свой трилистник, надень королевскую корону. Пусть порвутся те нити, что связывают тебя с этими узколобыми недоумками, освободи свой разум и свои мечты! — Снежная королева почти незаметно шевельнула рукой, и Мун почувствовала, как ветер из Колодца точно острием меча ударил ее в спину. — Они никогда не примут тебя как свою, не поверят в то, кем ты стала. Слишком поздно спасать их! Колесо уже крутится… Судьбу ты остановить не сможешь… Прими же свою судьбу и правь со мною вместе, как правила бы после моей смерти. Мы вместе

построим новый мир — мир нашей мечты! Вместе мы сумеем построить его, сумеем разделить власть… — Она простирала к Мун руки и вся светилась в страстном порыве. Мун тоже простерла к ней руки, зачарованная ее близостью, ее неопровержимой реальностью, ее удивительным сходством с нею самой…

— О, Ариенрод! — сказала Ариенрод.

И Мун отшатнулась, испытывая жгучую боль: она поняла, что Снежная королева видят в ней только себя и совсем не понимает, почему ее слова, благодаря которым она рассчитывала одержать победу над Мун, ранят так больно. Ариенрод в своем эгоцентризме вздела только то, что желала увидеть… Только себя… Но ты ошиблась, Снежная королева! Глубокая и неколебимая уверенность проснулась в душе Мун, словно она, сама того не ведая, с честью прошла некое суровое испытание и доказала, что чего-то стоит.

— А как же Спаркс? — Мун услышала свой собственный ледяной голос, вполне, видимо, соответствующий ожиданиям Ариенрод. — Мы и его тоже разделим?

Что-то мелькнуло в бесстрастных глазах Снежной королевы, но она спокойно кивнула.

— А почему бы и нет? Разве я могу по-настоя-

щему ревновать к… самой себе? Разве я в чем-то могу самой себе отказать? Он любит нас обеих — и ничего ему с этим уже не поделать! Почему, собственно, он должен от нас отказываться? — Ариенрод говорила так, словно убеждала себя самое.

— Нет.

Голова Ариенрод как-то странно дернулась.

— Нет? Что — нет?

— Этого не будет. — Мун вскинула голову, чувствуя в себе безграничные силы, точно освобожденные этим словом. — И я не Ариенрод!

— Ну конечно же, ты тоже Ариенрод! — спокойно возразила Снежная королева, будто уговаривая упрямого ребенка. — У нас один и тот же набор хромосом, одно и то же тело… один и тот же мужчина, одна и та же мечта. Я понимаю: тебе, должно быть, трудно принять все это сразу, ведь ты даже не подозревала… я бы никогда не допустила такого, разумеется… Но раз уж это случилось, нельзя же отрицать истину?

Мун лишь небрежно махнула рукой; уверенность ее почему-то только окрепла.

— Но я уверена в твоих дурных намерениях, Ариенрод. В том, что все нужно делать не так!

— Почему же? Ведь у меня есть власть и воз-

можность изменить мой мир к лучшему. Я могу переменить здесь все, все создать заново — однако, ты же знаешь, что рождение нового всегда связано со смертью старого. Таковы законы природы и такова природа власти… В этом проявляется ее безжалостность, аморальность, равнодушие…

— Настоящая власть, — Мун коснулась своего трилистника — это прежде всего умение властвовать собой, понимание того, зачем именно тебе даны безграничные возможности… Но нельзя пользоваться этим даром без особой на то нужды… Тысячи меров умерли из-за твоего стремления к власти, и теперь тысячи людей должны погибнуть только для того, чтобы ты могла продолжать властвовать, когда инопланетяне покинут Тиамат! Я, Мун, не стою тысячи чужих жизней, не стою и сотни, десятка, двух… И я к тому же вовсе не ты! — Мун покачала головой, видя перед собой, собственное лицо, видя перед собой Ариенрод. — Если я поверю в то, что, будучи твоим двойником, я должна уничтожить Спаркса и тех людей, которые дали мне все, то лучше бы мне вовсе не рождаться. Но я в это не верю, я не чувствую, что это необходимо. Я совсем не такая, как ты, не такая, какой ты меня считаешь,

не такая, какой ты хочешь сделать меня! Мне не нужна твоя власть… У меня есть своя. — Мун снова коснулась трилистника на горле.

Ариенрод нахмурилась; ее гнев был подобен тяжелой снеговой туче.

— Значит, все-таки неполноценными были вы все!.. Даже ты… Я всегда была уверена, что смогу восполнить некоторые твои недостатки… но я ошибалась; этого тебе никто дать не сможет. Ты всего лишь безмозглый утенок — слава богам, мои планы более никак не зависят от тебя…

Мун, опустив голову, молча разглядывала свои руки. Потом проговорила тихо:

— В таком случае, нам больше нечего сказать друг другу. Теперь я могу уйти? — Она сделала шаг в сторону моста; сердце ее рвалось вперед.

— Погоди, Мун! — снова окликнула ее Ариенрод. — Неужели ты можешь просто взять и уйти от меня? Так скоро, так легко? Неужели у нас действительно нет ничего общего, кроме упрямства и гордости? Ведь именно тебе дано было достучаться до моего сердца, взять у меня то, что я никогда не могла дать другим. — Ее голос звучал тихо, почти нежно. — Погоди, может быть, со временем и я научусь понимать то, что для меня сейчас непостижимо в тебе?

Сердце Мун дрогнуло; голос Ариенрод был точно у ребенка, оплакивающего свое вечное одиночество… Но тут ей вспомнился Спаркс, и шрамы, покрывавшие его тело — и душу; и его молчаливый призыв перед расставанием…

— Нет. Нет, это невозможно. — Мун потупилась. — Времени у нас уже не осталось.

Ариенрод вспыхнула; нежность мгновенно исчезла из ее глаз и голоса — теперь там звенел беспощадный металл. Рука Снежной королевы взметнулась, словно она хотела ударить Мун по лицу, однако она лишь сорвала с ее шеи ожерелье, скрывавшее трилистник.

— Ты рассчитываешь остановить меня? Тогда уходи — если сможешь! Мои придворные знают, что ты сивилла. — Ариенрод указала ей на группу ярко одетых людей, по-прежнему терпеливо ждавших чего-то в стороне от моста. — Им известно также, что ты обманом проникла во дворец, намереваясь совершить преступление против своей королевы. Если ты сумеешь убедить их, что это не так, то уйдешь свободно — и по-прежнему будешь частью меня. — Она резко обернулась и, сделав знак придворным, в полном одиночестве удалилась в свои покои.

Придворные расступились, кланяясь ей вслед,

а затем окружили Мун, стоявшую у самого моста. Она смотрела на уходящую Ариенрод, пока все перед ней не заслонили лица, на которых была написана одна лишь ненависть.

Глава 43

— Ну, комиссар, я надеюсь, вам доставил удовольствие королевский банкет? — Старший инспектор Мантаньес специально прервал свой разговор с дежурным сержантом, в глубине души явно надеясь, что королевский банкет никакого удовольствия ей не доставил.

После грохочущих шумом улиц полицейское управление показалось вошедшей туда Джеруше удивительно тихим. Там почти никого не было — многие охраняли премьер-министра и его свиту, несколько нарядов патрулировали город. Мантаньес и дежурный небрежно отдали ей честь; она, не глядя на них, ответила. Мантаньес завистливо пожирал глазами ее парадную форму: явно извелся за этот вечер — ведь его на банкет не пригласили и не он красовался в мундире комиссара полиции перед своими земляками с Харему, хотя этот мундир по праву должен был принадлежать ему.

— Я не люблю тратить время зря, когда кругом полно работы, Мантаньес. — Она посмотрела на обоих в упор; потом скинула свой алый плащ и расстегнула воротник мундира. — Вы свободны от исполнения временно занимаемой вами должности, старший инспектор.

— Слушаюсь, мэм. — Мантаньес снова отдал ей честь, но по глазам его легко можно было прочесть все, что он по этому поводу думает. Да, сукин ты сын. Придет и твоя очередь! Верховный судья к тому же наверняка даст такой отзыв о комиссаре ПалаТион и о ее отношениях с подчиненными, что вся работа их команды здесь пойдет псу под хвост. На этом, собственно, ее карьера и закончится. Все ее успехи будут заметены под ковер официальной цензурой… У нее никогда больше не будет возможности занять командную должность; скорее всего, ее сошлют на какую-нибудь богом забытую планетку, в этакое космическое захолустье (она отлично сознавала, что есть места и похуже Карбункула), где она и останется до скончания дней своих.

О боги, меня просто тошнит от самоуверенности этих типов с Харему! Она взяла шлем в руки и направилась в свой кабинет. Только бы не видеть больше никого из этих чертовых надутых

технократов… Она вдруг вспомнила Гундалину и остановилась. Он ведь тоже из них… Однако, чтобы увидеть его снова, она отдала бы сейчас все что угодно. Гундалину так и не появился здесь, исчез вместе с арестованной. Следовало бы, конечно, догадаться, но как, черт побери, могло ей прийти в голову, что именно Гундалину сбежит, да еще с этой Мун? Но это же было ясно! Она написала в рапорте, что инспектор БиЗед Гундалину тяжело болен и вряд ли способен отвечать за свои действия… А ведь на самом-то деле все было вовсе не так!..

Зато сегодня вечером она снова видела Спаркса, совершенно открыто явившегося на банкет и напившегося до бесчувствия. И Ариенрод, юная и прекрасная как всегда, кажущаяся по-детски беззаботной, царила среди своих подданных и своих предполагаемых хозяев — которые как раз выглядели странно озабоченными… Черт бы ее побрал! Что она такое задумала?

— А это еще что такое? — Джеруша остановилась, глядя не на Мантаньеса, а на робота-полицейского, который стоял столбом прямо перед ее дверью. Поскольку все молчали, она обратилась непосредственно к роботу:

— Почему ты не на посту? — Робот не отвечал,

и она решила, что у него сели батареи.

— Он не в порядке, — раздраженно сказал Мантаньес. — Явился сюда с какой-то дурацкой историей о своей хозяйке, которую якобы обманули слуги Снежной королевы. Прямо псих! Бормочет про нападение, насилие… Явно необходима компьютерная чистка. Ну естественно, нельзя же позволять этим невеждам как попало пользоваться такими сложными механизмами!

— Но и «невежды» тоже не станут из-за каждой ерунды таскать роботов в полицию. — Джеруша посветила фонариком на грудь робота и увидела, как внутри его стального организма начинают ярче светиться светочувствительные элементы. На табличке, заменявшей ему удостоверение личности, было написано: «Робот Поллукс». — Значит, Поллукс? Ну, и кто же твой арендатор? — спросила она.

— Благодарю вас, комиссар.

Она отшатнулась, пораженная.

— Пожалуйста, выслушайте меня, комиссар. Это очень важно. Я не могу…

— Да-да, хорошо… Но ты будешь отвечать только на те вопросы, которые я тебе задам. — Нет, она решительно не способна была привыкнуть к их монотонным скрипучим голосам.

— Мой арендатор — Тор, Звездная Наездница, гражданка Зимы, уроженка Тиамат, владелица казино «Ад Персефоны». — Робот прямо-таки мигал лампочками от нетерпения.

— Ты сказал, что на твою хозяйку совершено нападение? Если это королевская стража, то мы здесь ни при чем.

— Нет, комиссар. На нее напали инопланетяне. Ее жених.

— Любовная, ссора?

— Некто Ойярзабал, работник казино, и его приятели. Тор позвала меня на помощь, потому что они выстрелили в нее из акустического станнера. Я не успел — дверь была заперта. Я обратился за помощью в полицию…

— Ты знаешь, почему они стреляли в нее? — В ней пробуждалось любопытство.

— Не совсем ясно представляю это себе, комиссар. Возможно, она как-то нарушила закон…

— Кто настоящий хозяин этого казино?

— Тханин Джаакола, уроженец Большой Голубой…

— Иначе говоря, Сурс? — перебила она его. Она заметила, что Мантаньес с интересом прислушивается к их разговору.

— Да, комиссар.

— Повтори все, что слышал из их разговора.

— Ойярзабал сказал: «И всего-то несколько тысяч каких-то островитян, черт бы тебя побрал. Перси! Все жители Зимы будут в безопасности, говорю же тебе. Королева так хочет». А Тор ответила: «Врешь ты все! Этим кого хочешь убить можно, а королева никогда не позволила бы вам убивать своих подданных. С ума ты сошел, Ойяр! Да отпусти ты меня! Эй, Поллукс, помоги-ка! Поллукс, где ты?»

Джеруша почувствовала, что вся покрывается гусиной кожей — настолько гнусавым голосом говорил робот, и вдруг до нее окончательно дошел смысл сказанного им. Снежная королева! Ее планы!

— Святые боги! Я поняла! Поняла! Сержант! — Она с криком обернулась и обнаружила, что тот уже стоит у нее за спиной. — Немедленно отыщите человек десять из числа завсегдатаев этого казино. И чтобы оттуда муха не улетела! Мантаньес…

— А в чем, собственно, дело, комиссар?

Джеруша даже не сразу поняла, чем вызвана эта наглость — презрением к ней или страхом.

— Дело в том, что эта планета может завтра погибнуть, инспектор Мантаньес. — Она подобрала

с пола свой плащ, проверила оружие. — Дело в том; что Ариенрод покупает себе жизнь и власть ценой гибели по крайней мере половины жителей Тиамат — или я не комиссар полиции! — У Мантаньеса отвисла челюсть. — Итак, Поллукс… наши с тобой мольбы, кажется, были услышаны богами… — Она хлопнула его по металлическому плечу. — Боги, только бы не опоздать!

— Пожалуйста, помогите Тор, комиссар. Я так… привязался к ней!

Она медленно кивнула, глядя на него и не веря собственным ушам. Потом обернулась к Мантаньесу.

— Вы вечно требуете настоящего дела — так вот оно, перед вами!

— Неужели вы сами намерены отправиться туда, комиссар? — В голосе Мантаньеса звучало скорее удивление, чем неприязнь.

Ей уже было море по колено.

— Да я ни за что на свете такой возможности бы не упустила!

Глава 44

— Ну, сивилла, говори, что задумала? Зачем во дворец явилась? — спросил, наконец, один из

придворных; Мун чувствовала, что все они глаз не сводят с ее татуировки. — Тебе ведь запрещено появляться в Карбункуле! Впрочем, теперь нам дарована милость самим позаботиться о том, чтобы ты никогда больше не осмелилась на такое!

Мун чуть отступила и замерла, стоя спиной к Колодцу и тщетно пытаясь избавиться от мыслей о том, что сделали в этом городе с Данакилем Лю.

— Я намерена немедленно покинуть этот дворец; но если вы тронете меня хоть пальцем, пеняйте на себя. Не пытайтесь же препятствовать мне!.. — Голос ее сорвался.

— Нам вообще незачем прикасаться к тебе, сивилла, — презрительно сказал тот же придворный. — Ступай себе через мост — и мы посмотрим. Ну же, давай! — Он ухмыльнулся, и его тонкое, неестественно молодое лицо стало похожим на лик смерти. Вдруг все они заулыбались — бессмысленными улыбками наркоманов, празднующих конец своего мира и отлично понимающих, кто в этом виноват. Говоривший с Мун вытащил что-то из потайного кармашка, скрытого в недрах пышного костюма, и торжественно поднял вверх; предмет был небольшой, темный, похожий на палец. — Иди же, сивилла!

Колодец ждет тебя.

Мун не сводила глаз с «черного пальца» в руках у придворного; она не понимала, что это может быть, но совершенно определенно чувствовала исходящую от предмета угрозу. Нет, она ДОЛЖНА пройти по этому мосту! Иного пути нет. Дрожащими руками она расстегнула расшитый золотом бархатный плащ, свернула его втрое, ибо «три» — священное число Хозяйки, и шагнула к краю наполненной ветром пропасти. Шляпа и плащ все равно только помешали бы ей; зато такой подарок не стыдно преподнести и самой Матери Моря — если это она лежит там, внизу, голодная, жаждущая… Пусть получит свою жертву!

Веди меня, о Хозяйка! Первым полетел в Колодец плащ — и Мун услышала за спиной смех придворных. Плащ, подхваченный сквозняками и встречным потоком воздуха, расправился сам собой и стал, медленно кружась, опускаться в зеленоватый полумрак, словно крылатый морской охотник.

Мун нажала первую кнопку и ступила на мост. Придворные что-то бормотали, глядя на нее, но ничего не предпринимали. Мун нажала вторую кнопку и пошла дальше, стараясь не дышать. На дальнем конце моста тоже стояли придворные

— ей не хотелось всматриваться в их лица… и не хотелось смотреть вниз, слыша демонические подвывания ветра и шепот затаившегося в глубине души страха.

Но примерно на середине моста чарующая призывная песнь — Зов Сивиллы — вновь зазвучала у нее в ушах, заставляя замедлить шаг, убаюкивая все страхи, притупляя инстинктивное стремление выжить. НЕТ! Мун замерла на мгновение, позволяя страху захватить душу целиком, чтобы для этих звуков там не осталось места, и тут увидела, что все придворные одновременно подняли точно такие же, как тот первый, «пальцы» и поднесли их к губам. Так это специальные свистки, способные держать в повиновении ветер!.. Теперь она наконец поняла: они натравливали на нее ветры; так вот как она должна умереть — чтобы человеческая рука не пролила ее крови…

Мун плашмя упала на мост в тот самый миг, когда хор свистков слился воедино и прорвал созданный ею защитный круг затишья. Ветры сразу завыли и набросились на нее. Но где-то в самой их гуще по-прежнему слышалась Песнь Сивиллы — где-то там была точка покоя, что есть в самом центре любой бури. Ясное осознание какого-то странного безумия наполнило ее душу. Она была

словно загипнотизирована, парализована, она погрузилась в эти звуки целиком, обрела убежище где-то в ином измерении…

Почему? Почему я слышу этот зов здесь? «Каков же ответ на этот вопрос?» — Она услышала собственный голос, громко выкрикивающий: «Каков ответ?..» Ты можешь ответить на любой вопрос, за исключением одного, так ей когда-то сказала Элсевиер. Нельзя также ответить на вопросы: «Что такое жизнь?» или «Есть ли Бог?»… Но тем единственным вопросом, на который ей отвечать было запрещено, был вопрос: «Где находится твой главный источник знаний?» И сейчас, пребывая как бы на грани безумия и гибели, Мун вдруг поняла, что получила ответ на этот запретный вопрос, вновь оказавшись избранной среди избранных; и избрана она была той могучей силой, что повелевала ее разумом. Источник, ключ, колодец… здесь, здесь, здесь! В этой шахте, что выходит в море, под этим, похожим на спиралью закрученную раковину городом, тайно воздвигнутым на карте времен, брошенным сюда, словно камень на дно морское и вечно, хранимым его стражами… Здесь была спрятана та великая сила, что давала знания предсказателям. Но об этом должна знать только она одна.

Мун позволила своим мыслям потесниться под натиском этой последней атаки информации и упала в бездонный колодец постижения истины; и вскрикнула, почувствовав, что тело ее, утратив контроль над собой, тоже стремительно падает вниз…

Она очнулась, словно после глубокого сна, лежа посреди моста и жадно хватая ртом спокойный прохладный, воздух. Спокойный воздух… Она зажала рот рукой, чтобы не крикнуть, медленно приподнялась и встала на колени. Ветра не было совсем; лишь мирно и тихо вздыхало море внизу. На дальнем конце моста придворные стояли с какими-то перевернутыми лицами. Их свистки так и застыли в бессильных пальцах, поднесенных ко рту. Мун осторожно посмотрела вдаль, за те занавеси-паруса, что плыли, спокойные сейчас, над морем ветров, скрывая прозрачные стены дворца, не допускавшие сюда холода и бурь внешнего мира; ветры могли проникнуть во дворец только через Колодец, что пронизывал Карбункул насквозь, и жаждали они одного: убить ее, уничтожить. Мун снова прижалась лбом к поверхности моста — то была поза благоговейной молчаливой благодарности.

Потом она неуверенно встала и пошла над про-

пастью дальше. Она шла медленно — не только для того, чтобы все видели, что она не спешит, но и ради своих дрожавших и неуверенно ступавших ног. Теперь на лицах придворных она читала одновременно восторг и ужас, и сама изобразила на лице мрачное нетерпение, желая, чтобы они поскорее расступились и дали ей пройти.

И некоторые действительно отступили с почтением, но были и такие, в ком злоба взяла верх при виде юной островитянки, как две капли воды похожей на их королеву и обладающей могуществом Богини. Она увидела у них какой-то железный шест, увенчанный ошейником с шипами, — это был тот самый «ведьмин воротник», что так страшно изранил горло Данакилю Лю… Шест с ошейником преградил ей путь, не давая сойти с моста.

— На колени, сивилла, не то придется тебе прыгать в Колодец! — Женщина в расшитом самоцветами тюрбане направила «воротник» прямо на Мун; Мун опустила руки и сделала шаг назад.

— Немедленно разойдитесь! Дайте мне пройти, иначе я… — Она вдруг, одновременно с придворными, услышала все нарастающий грохот множества ног в коридоре, ведущем в зал Ветров.

Мгновенно пустой полукруг пространства за спинами придворных стал заполняться людьми, одетыми не в пышные костюмы, а в домотканые рубахи и грубые плащи из шкур: островитяне! Их лица были столь же искажены ненавистью, как и лица придворных; в руках они держали ножи и гарпуны, а их горевшие яростным гневом глаза были обращены к ней, одиноко застывшей на узком мосту над пропастью.

— Вот она. Снежная королева!

Мун вдруг увидела одно-единственное лицо, не имевшее ничего общего с остальными, и этот человек яростно, с отчаянной решимостью проталкивался сквозь толпу.

— БиЗед! — Она изо всех сил выкрикнула это имя, перекрывая все усиливавшийся шум, поймала наконец его взгляд и сразу почувствовала исходившие от него тепло и нежность.

Гундалину локтями расчистил себе путь к мосту, на ходу вытаскивая станнер и предоставляя толпе возможность как следует разглядеть его.

— Ну-ка! — Он толкнул ту тонкогубую женщину в пышном тюрбане, что держала колючий ошейник, и, вырвав железный шест у нее из рук, швырнул его прямо в Колодец. — Хватит, повеселились. А ну, расступитесь — все, вам говорят!

— Какое ты имеешь право вмешиваться в наши внутренние дела, чужеземец? Здесь правит Зима, и по ее законам…

— Ах, по законам!.. — пробормотал БиЗед и хладнокровно принялся расчищать в толпе проход для Мун. — Ну так вот, по закону Гегемонии эта женщина арестована и находится под моей охраной. — Мун успела заметить, как в глазах его что-то блеснуло, и невольно улыбнулась.

— Но это же Снежная королева, инспектор Гундалину! — сказал сердито один из островитян. — И она принадлежит нам согласно нашим законам. И уж она от нас не уйдет до самой Смены Времен Года! — От его слов пахло смертью.

— Это не Ариенрод! Это Мун, дочь Лета, сивилла! Посмотрите внимательно. — БиЗед указал им на горло Мун. — А если вам нужна Ариенрод, то придется сперва пройти по этому мосту… — Он впервые окинул взором тихий сейчас зал Ветров, и смуглое лицо его побледнело. — И что, собственно…

— Что вам нужно от нашей королевы, рыбьи пастыри? — Женщина в расшитом самоцветами тюрбане, лишившись было символа своей временной власти, теперь пыталась вновь обрести ее. — Вас сюда никто не звал! Здесь пока что

царит Зима!

— Это вашей королеве все что-то нужно от нас! — выкрикнул один из островитян. — Это она хочет всех нас смерти предать, вот мы и не намерены дожидаться. А пришли мы сюда, чтобы она сама никуда не сбежала, а прямо к Хозяйке в гости отправилась!

Мун, потрясенная, слушала его, и этот голос с характерным островным акцентом причинял ей одновременно и радость, и боль.

— Я Мун, Покорительница Зари, дочь Лета… — Голос ее чуть дрожал. — Королева там, во дворце. Но спешите пройти по мосту, ибо, лишь пока я стою на нем, вы будете в безопасности! — Она молча ждала, чувствуя на себе взгляд ошеломленного Гундалину.

Толпа явно уже разглядела трилистник у нее на горле и зашумела одобрительно. Сердце у нее екнуло, когда первый из островитян ступил на мост, однако воздух оставался неподвижным, и островитянин лишь коротко усмехнулся и почтительно склонил перед ней голову. За ним следом прошли и остальные — гуськом, кое-кто с опаской, однако все они движимы были страстным желанием непременно достичь своей цели. Мун дождалась, когда последний островитянин

благополучно миновал мост, и сделала наконец те несколько шагов, что отделяли ее от края Колодца. Толпа придворных ахнула и отступила, все смотрели на нее и Гундалину. Едва приблизившись к нему, она обернулась и сразу услышала чудовищный стон у себя за спиной. И увидела, как свирепый ветер, ожив снова, взмыл на своих могучих крыльях, дохнул на нее ледяной влагой и разметал белые занавеси-паруса. Колодец стонал и содрогался, окутывая всех ароматами моря.

— Боги! О, мои великие предки! — прошептал Гундалину. — Так это ты удерживала ветер? Как… как тебе это удалось? — Он не решался подойти к ней.

— Мне нельзя говорить об этом. Я никогда никому не смогу сказать, что ЭТО в Карбункуле! Я и сама толком не знаю. Нельзя, чтобы кто-то узнал!

Она вдруг представила себе Колодец — весь целиком, до самого его дна, что было глубже дна морского и находилось где-то в гранитной оболочке ядра планеты; там, в своем тайном убежище, покоилась и Великая Машина — хранительница знаний и мудрости человечества.

— Уведи меня отсюда, БиЗед! Предсказателям здесь не место — в этом отношении жители Зи-

мы правы… Нам здесь слишком опасно… — Она чувствовала враждебные, недоверчивые взгляды придворных, теперь уже униженно пресмыкавшихся перед нею.

БиЗед с уверенным видом собственника быстро повел ее прочь из зала Ветров — снова по тому же коридору, мимо картин, живописующих власть Зимы на планете Тиамат… Никто не сделал им вслед ни шага. БиЗед по-прежнему держался от нее на расстоянии. Постепенно приводя душу и мысли в порядок, Мун переворошила в памяти калейдоскопически быстро сменявшие друг друга события последних нескольких часов и вновь уперлась в ту страшную тайну, что открылась ей и правила теперь всем остальным в ее жизни.

— А каким образом оказались здесь эти островитяне? Неужели это они сказали тебе, что Ариенрод… — Она ведь чуть меня не убила!

У Мун вдруг все поплыло перед глазами.

Он покачал головой, не поднимая глаз и продолжая размеренно шагать по коридору.

— Я так ничего толком и не понял; они все ужасно спешили. Не думаю, что они и сами достаточно хорошо все понимали. Такой толпе хватает порой любого вздорного слушка…

— Это не слухи. Это правда, БиЗед. И они не смо-

гут остановить Ариенрод, даже если возьмут ее в плен. Ее наемные убийцы-инопланетяне намерены устроить в городе эпидемию… чуму… — Мун говорила почти спокойно.

— Что? — Гундалину остановился как вкопанный; она тоже остановилась. — Откуда ты знаешь?.. — Он, видно, совсем забыл о своей роли полицейского.

— Мне сказал Спаркс.

— Спаркс? — Он сразу потупился, покивал, словно отвечая собственным мыслям. — Значит, ты все-таки нашла его… И вы по-прежнему…

— Да. — Она стиснула руки.

— Понятно. Что ж. — Он, как-то вдруг обессилев, оперся плечом о стену и довольно долго стоял так, отвернувшись от нее, словно подавляя очередной приступ кашля. И она наконец поняла, почему он не хотел приближаться к ней в зале Ветров… — Значит, он с тобой не пошел…

— Пошел. Но нас настигла Ариенрод. И увела его назад. — Мун вдруг оглянулась; ей показалось, что сейчас душа ее разорвется пополам. Потом вновь в ушах зазвучал непривычный еще голос предвидения: оставь его, оставь. Сейчас пока — оставь его здесь… — Я надеюсь, что с ним все обойдется — ведь островитяне будут

стеречь только Снежную королеву, а его они не знают, — она надеялась теперь лишь на ту силу, что оберегала ее и должна была спасти для нее Спаркса. — А мне необходимо помешать планам Ариенрод… Я знаю, кто руководит всем этим, мне Спаркс рассказал. Нужно срочно оповестить всех, сообщить в полицию…

— Значит, это не он выдал тебя придворным? Ах, как они жаждали крови сивиллы!.. — БиЗед говорил так, словно ему трудно было отказаться от мысли, что Спаркс не предатель. Потом он вытер рукавом испарину на лбу, рывком расстегнул воротник рубахи.

— Нет. Это сделала Ариенрод.

— Ариенрод? Но я думал, она… — Гундалину недоговорил, но этого и не требовалось. Мун и без слов поняла, как горячо он сочувствует ей.

Она неторопливо накрутила на палец прядь светлых волос.

— Нас было девять, БиЗед… и ни один из нас ее не удовлетворил. Мы оказались не такими, какими было нужно ей. Так что она… она отказалась от нас, попросту нас отшвырнула — как ненужный хлам… — Мун невольно подняла руку, словно прощаясь с собственной утраченной душой. Но вдруг в ее затуманившихся глазах словно

блеснул луч солнца. — Ты знал! Ты тоже знал обо мне. Почему же ты тогда поверил мне?

— Я всегда знал, что ей не под силу превратить тебя в своего двойника. Неужели ты думаешь, что я мог провести… с тобой столько времени и не почувствовать разницы между вами? — Он покачал головой; теперь он улыбался, и все более уверенно. — Подожди, скоро она начнет проклинать собственную поспешность и пожалеет, что отреклась от тебя. А теперь давай — быстро выкладывай, что тебе известно об этом заговоре?

Мун снова пошла с ним рядом, ощущая целительное тепло его доверия своей израненной, истерзанной душой. Она рассказала ему все, что знала, заставляя себя, однако, постоянно быть настороже и стараться не раскрыть того, что должно было остаться за пределами любых откровений. Великолепные парадные двери открылись перед ними, впустив внутрь этого ледяного дворца частицу живительной энергии города, который тут же подхватил их и понес в мощном потоке веселья. Королевской стражи сейчас у входа не было, зато сидели на корточках возбужденные островитяне, которые с интересом уставились на них. Мун все время старалась спрятаться за Гундалину, но потом поняла, что эти люди имеют

крайне смутное представление о том, как выглядит Снежная королева. Она и сама когда-то понятия об этом не имела… Однако двое или трое обратили внимание на ее татуировку.

— БиЗед, а откуда тебе стало известно, что мне нужна твоя помощь? Откуда ты узнал, что я в опасности?

— А я и не знал. Просто когда показалась эта толпа островитян, я решил, что хватит мне ждать. Ну и, размахивая своим удостоверением, сделал вид, что непременно обязан сопровождать их в качестве офицера полиции. — Он, здороваясь с кем-то, кивал то направо, то налево, а островитяне расступались, пропуская их. — Пожалуй, первое время мне без удостоверения тяжело будет… — Он уже не в силах был сохранять прежний бодрый тон; голос его сорвался, он снова закашлялся; глубоко в груди у него ужасно хрипело и булькало, но остановился он только тогда, когда они добрались как бы до нейтральной территории, подальше от дворца и от шумной толпы островитян. — А теперь… послушай, Мун… — Он вытер слезившиеся глаза, с трудом перевел дыхание. — Мне, видимо, будут предъявлены соответствующие обвинения… раньше или позже — неважно. Я, так или иначе, должен вернуться

в управление, может быть, даже прямо сейчас. Первому же патрульному я расскажу все, что ты только что сообщила мне, так что нет никакой необходимости тебе самой рисковать. Здесь полно островитян — расскажи им о себе и о Спарксе, пока они еще не знают, что Звездный Бык это он. Они смогут помочь тебе в том, в чем не могу помочь я. — Губы его от напряжения сжались в тонкую линию, словно он опасался сказать ей больше, чем нужно.

— БиЗед… — Она в страшном волнении прикрыла рот ладошкой, — я не могу…

— Я знаю. И не пытайся. — Он покачал головой. — Ты просто отпусти меня, Мун… — Он уже повернулся, чтобы уйти, но тут колени его вдруг подогнулись, и он медленно сполз на белые камни мостовой и остался лежать без движения.

Глава 45

Тор сидела в углу, неловко привалившись к стене, словно тряпичная кукла. Слепящий белый свет пиками колол ей и без того слезившиеся глаза. За стеной этой лаборатории, буквально у нее за спиной, шумел город, полный людей, даже не подозревавших ни о ее безумном поступке,

ни о страшном приговоре, который вынесли ей — и им самим. Ни единого звука фестиваля не проникало в эту стерильно-белую комнату — ни смеха, ни музыки, ни громких возгласов. Здесь была отличная звукоизоляция, так что и ее криков никто никогда не услышал бы, даже если б у нее и хватило сил поднять шум. Она молча боролась со страшными невидимыми путами поразившего ее паралича. Пройдет еще не меньше часа, пока она сможет заставить себя пошевелить хотя бы одним пальцем; а она была совершенно уверена, что жить ей осталось гораздо меньше. О боги, если б только я могла заорать! — Этот несотворенный вопль эхом отзывался у нее в мозгу, пока ей не показалось, что от напряжения у нее вот-вот лопнут глаза… Зато, наконец, она смогла проныть что-то тоненьким, жалким голоском — то был самый прекрасный из всех звуков, какие ей когда-либо доводилось слышать.

Ойярзабал, видимо, тоже услышал его и глянул на нее из-за стола, щедро залитого ярким светом хирургической лампы. На широком лице Ойярзабала, украшенном львиными бакенбардами, было написано почти такое же беспокойство, как и на ее собственном. Потом он снова поспешно отвернулся. За столом шел оживленный и ка-

кой-то совершенно нереальный спор о том, как наиболее эффективно начать запланированную эпидемию в этом жужжащем и веселящемся человеческом улье. Один из незнакомцев наконец отправился докладывать Сурсу. Ойярзабал, ленивый ублюдок, сделай же что-нибудь, сделай!

Ойярзабал предлагал пустить заразу в водопровод. Но это было отвергнуто как недостаточно эффективный способ.

Хануд, тот самый тип, что отправился беседовать с Сурсом полвечности назад, наконец снова вошел в комнату и с преувеличенной тщательностью запер за собой дверь.

Жужжание голосов за столом смолкло. Тор видела, что все головы разом повернулись к вошедшему, точно ожидая от него окончательного приговора. Но сама она Хануда не видела — не в состоянии была даже скосить глаза.

— Ну? — не выдержал один из сидевших за столом; голос был ей незнаком.

— Он, естественно, велел избавиться от нее, и немедленно. — Хануд мотнул головой в сторону Тор. — Можно просто утопить ее в море; никто даже и не поймет — в такой-то сумятице, — где и когда она исчезла. — Он махнул рукой куда-то в сторону недосягаемого для нее города. — Говорят,

«Море ничего не забывает…», зато Карбункул забудет быстро.

Тор застонала, но звук остался у нее внутри, точно пойманный в ловушку.

— Нет, черт побери, я этому не верю! — Ойярзабал вскочил, готовый спорить. — Я ведь собирался на ней жениться и увезти ее отсюда. Сурс это прекрасно знает, он не стал бы так говорить!

— Ты что же, ставишь под вопрос мои приказания, Ойяр? — Хриплый, какой-то бесплотный голос раздался с потолка, из воздуха… Все тут же непроизвольно задрали головы вверх.

Ойярзабал, наоборот, втянул голову в плечи и сгорбился, словно под тяжестью этих слов, однако стоял на своем.

— Нет ведь никакой необходимости убивать ее. И я не могу просто так смотреть, как вы будете это делать! — Его глаза неуверенно метались по стенам, по углам под потолком, по потолку… — Должен же быть какой-нибудь иной выход!..

— Я могу, разумеется, приказать и тебя прикончить вместе с нею. В конце концов, всему виной твоя бездарность и безалаберность. Разве я не прав?

Рука Ойярзабала сама собой потянулась к прикрытому полой куртки станнеру. Однако

противников было пятеро, а к самоубийству он не стремился.

— Нет, хозяин! Нет… Но… но она ведь должна была стать моей женой! Отпустите ее, я уж позабочусь, чтоб она даже не пикнула.

— Неужели ты думаешь, что, узнав обо всем, Персефона все еще хочет выйти за тебя замуж? — Голос Сурса звучал холодно. — Пусть она совершенно лишенное морали животное, но какие-то понятия о добре и зле у нее еще остались, и она, безусловно, возненавидит тебя теперь. Ты никогда не сможешь полностью доверять ей.

О боги, о Сурс, ну дайте же мне сказать! Да я готова пообещать все что угодно! Струйка холодного пота, сводя ее с ума, потекла по ребрам.

— Ну и, разумеется, я никогда не смогу доверять тебе, Ойярзабал. Если ты не докажешь, что по-прежнему предан мне. — Сурс замолк. Похоже было, что он улыбается. Тор внутренне содрогнулась. — Но я в какой-то степени все же сочувствую тебе. Ты можешь выбирать: либо Персефона сейчас умрет, либо она останется жива… Но если она останется в живых, тебе придется сделать так, чтобы она никогда не смогла свидетельствовать против нас.

Вспыхнувшая было надежда тут же погасла.

— Что вы хотите этим сказать? — Ойярзабал осмелился даже взглянуть на Тор, но тут же отвел глаза.

— А вот что: мне нужно, чтобы она была НЕ В СОСТОЯНИИ сказать хоть слово о том, что ей известно, — кому бы то ни было и вне зависимости от обстоятельств. Я думаю, что хорошая доза зитайдиела будет достаточно эффективной.

— Черт побери! Так вы хотите превратить ее в зомби? — Ойярзабал грязно выругался. — У нее же мозгов после этого не останется!

Один из мужчин за столом рассмеялся.

— А что в этом плохого? Безмозглая, зато полностью твоя. С каких это пор женщинам потребовались мозги?

Ох, Хозяйка, помоги! Помоги, помоги мне! Тор взывала к той, в кого верили ее предки, покинутая сейчас тысячами равнодушных инопланетных богов-предателей. Лучше бы мне умереть. Лучше бы умереть.

— Ты же сам видишь, какие неприятности сулит поведение женщины, если предоставить ей слишком большую свободу, Ойярзабал. И понимаешь, что в эту неприятную историю попал исключительно благодаря глупому любопытству своей невесты. А еще подумай, какую беду Снеж-

ная королева хочет навлечь на свой собственный народ. — Голос Сурса скрипел, как старое ржавое железо. — Так сделай же наконец свой выбор: умереть ей или лишиться разума. Но выбирай для нее такую участь, какую выбрал бы для себя.

Кулаки Ойярзабала, бессильно повисшие, то сжимались, то разжимались; глаза метались по стенам комнаты, по пяти лицам вокруг стола, но он уже знал, что ответит.

— Ладно! Я не хочу, чтобы ее убивали. Не хочу смотреть, как ее будут убивать. Пусть она останется в живых.

Тор снова издала тоненький писк и почувствовала, как струйка слюны вытекла у нее из уголка рта. Дрожь наконец пробежала по ее ногам от самых кончиков пальцев — двигайся, двигайся же! — но сами ноги по-прежнему остались недвижимы.

— В таком случае о даме позабочусь я. — Тор наконец узнала этого человека и вспомнила его имя — Це-Зунх. Биохимик. Специалист по наркотикам. Он встал из-за стола и подошел к одному из запертых шкафчиков, находившихся вне ее поля зрения. Она слышала, как он перебирает там пузырьки и инструменты, прислушиваясь к странному шипению в собственной голове,

поглощавшему все прочие звуки.

Ойярзабал неуверенно покачался с ноги на ногу и низко опустил голову, словно не ожидал, что все это произойдет так быстро. Тор готова была испепелить его взглядом.

— Мне приступать, хозяин? — Биохимик снова появился в поле зрения Тор со шприцем в руке.

— Да, будь любезен, Це-Зунх, — Сурс сказал это почти ласково. — Вот видишь, Персефона, выигрывать ты все-таки не научилась. Все у тебя кончается одним и тем же.

Тор смотрела, как Це-Зунх не спеша подходит к ней, как все вокруг заливает золотистый свет; электрические разряды в голове стали оглушительными. Ойярзабал не сводил с Це-Зунха глаз; потом быстро глянул на нее; глаза его странно блестели…

В запертую дверь вдруг тяжело забарабанили. Це-Зунх замер, не дойдя до Тор буквально полшага, а из-за двери глухо донеслось:

— Откройте! Полиция!

Сидевшие за столом тут же вскочили, растерянно глядя друг на друга и куда-то вверх.

— Легавые!

— Хозяин, легавые в казино! Что будем делать?

Но ответа сверху не последовало; какой-то

звук, невыносимо резкий и пронзительный для человеческого уха ввинтился Тор прямо в мозг. Мужчины заткнули пальцами уши.

— Они пытаются разрушить замок! Сделайте же что-нибудь, ради всех богов! Скорей, прикончи ее, Це-Зунх!

Биохимик снова встрепенулся и обернулся к Тор; лицо его было искажено от боли, но шприц был по-прежнему у него в руке. И вдруг Ойярзабал рванулся к нему и схватил его за руку. Остальные тут же навалились на Ойярзабала, Це-Зунх склонился над Тор…

— Нет! — Тор наконец выдохнула это слово прямо ему в лицо.

Дверь с грохотом отворилась, перед Тор поплыла какая-то синяя пелена, и комната сразу наполнилась полицейскими в форме.

— Стоять! Не двигаться!

Замелькали станнеры, два или три сразу оказались нацелены Це-Зунху в спину и в лицо. Он медленно, осторожно разогнулся.

— Брось!

Огромный легавый смотрел на него сверху вниз. Це-Зунх выронил шприц, и Тор внутренне сжалась: игла воткнулась в пол буквально в сантиметре от ее обнаженной ноги.

— Да ведь это доктор Це-Зунх, клянусь жизнью! — Тор увидела комиссара полиции ПалаТион, которая материализовалась вдруг из аморфной массы голубых фигур. — Вы числитесь у нас в списках с незапамятных времен — истинное удовольствие наконец-то встретиться с вами лицом к лицу! — Она даже улыбнулась от удовольствия и защелкнула на Це-Зунхе наручники. На Ойярзабала и остальных тоже надели наручники. ПалаТион наклонилась над Тор и внимательно вгляделась ей в лицо, сразу заметив валявшийся на полу шприц. Потом снова улыбнулась. — Ну что ж, Тор, Звездная Наездница. Выглядите вы так, словно вам не терпится кое-что нам рассказать. А мне не терпится вас послушать. Эй, Волдантуз! Сделайте этой даме хороший укольчик. Разумеется, не такой, какой ей хотели сделать. — Она удовлетворенно кивнула, когда один из полицейских подошел к Тор и опустился возле нее на колени.

Тор почувствовала слабое жжение после инъекции стимулирующего средства, и тут комиссара ПалаТион вдруг заслонило от нее чье-то знакомое лицо.

— Поллукс! — Она смогла выговорить это еще недостаточно внятно, однако уже начинала

чувствовать свое тело, в котором, благодаря лекарству, все более активно пробуждались жизненные силы.

— Тор. С тобой все в порядке?

— Что… что… ты… сказал? — Она задохнулась от удивления.

— Тор. С тобой все в порядке? — повторил он так же монотонно. Потом наклонился и подставил ей свою согнутую руку, заметив, что она пытается привстать. Она с благодарностью ухватилась за него и подтянулась.

— Фу! — Голова у нее кружилась от облегчения; она тяжело привалилась к Поллуксу. Потом дотронулась до мягких кудрей своего изысканного парика и рассеянно сдвинула его набок… снова слыша последние слова Сурса… Она судорожно сжала пальцы, сдернула парик и швырнула его на пол. — Так, Полли, с каких это пор ты у нас такие слова употребляешь, жестянка ты болтливая? — Она откинула голову, заглянула прямо в невозмутимое «лицо» Поллукса и вдруг торжествующе улыбнулась. — Чтоб мне в аду гореть! Я ведь права была насчет тебя, старый мошенник! Почему же ты раньше со мной ни разу так не поговорил, черт тебя побери?

— Это просто маленькая шутка. — Вид у Пол-

лукса был самый невозмутимый.

— Ха! Ничего себе шуточки — как раз в твоем стиле, дубина железная. И давно ты умеешь так разговаривать?

— С тех пор, как меня запрограммировали в полицейской академии Харему.

— Где-где?

— Прекратить разговорчики, Поллукс. — Комиссар ПалаТион с хмурым видом снова вынырнула из-за его плеча. — Тебе, я вижу, действительно необходимо поработать… Можете поблагодарить Поллукса за своевременную помощь и собственное спасение, Тор. А мне, видимо, надо благодарить его еще больше — особенно если вы подтвердите, что я права относительно своих предположений… — Она большим пальцем показала куда-то себе за спину, в сторону лабораторного стола и пленных.

— Спасибо, Поллукс. — Тор нежно погладила робота по груди. — Они собирались устроить какую-то эпидемию… — колени у нее снова стали ватными, — и уничтожить всех островитян в городе…

ПалаТион кивнула, как если бы Тор сказала именно то, чего она ожидала.

— Кто велел им сделать это?

Тор опустила глаза.

— Снежная королева?

Тор, потрясенная, только кивнула, испытывая невыразимый стыд из-за того, что в таком приходится признаваться перед инопланетянкой.

— Да, так они говорили.

— Так я и думала. — ПалаТион холодно улыбнулась, она больше не видела перед собой Тор. — В конце концов, я победила ее! Если только… — Она покачала головой и повернулась к двери: в комнату вошел еще один полицейский, на этот раз инспектор. — Ну что, Мантаньес? — с жадным любопытством спросила ПалаТион, но он лишь мрачно покачал головой.

— Джааколу мы упустили, комиссар!

— Как? Как, черт побери, вы умудрились?..

— Не знаю! — Он бесстрашно посмотрел ей в глаза, явно злясь не меньше ее самой. — Когда мы вломились к нему в кабинет, его и след простыл. Мы везде искали — там и муха не пролетела бы… Они все еще ищут… Но он явно ушел через потайную дверь, а мы до сих пор ее не обнаружили…

— Ничего, с планеты-то он никуда не денется! — ПалаТион щелкнула пряжкой своего ремня с эмблемой Гегемонии. — В крайнем случае, мы его на орбите возьмем.

— Только не заключайте на этот счет пари, комиссар! — Мантаньес с отвращением рассматривал собственные башмаки.

— Тогда пусть попробует спрятаться, а заодно и подыскать оправдания, поскольку он обвиняется в попытке геноцида. — Она махнула рукой. — Волдантуз, давайте засунем всех этих замечательных людей туда, куда они так стремились. По крайней мере на этот счет у нас на руках все доказательства. И один вполне живой свидетель. Тор, мне будут нужны ваши показания.

— Можете на меня рассчитывать, комиссар. — Тор кивнула, чувствуя, как разгорается, в ней жажда мести: мимо нее как раз проводили Це-Зунха. Потом проследовали еще двое, и, наконец, она увидела Ойярзабала.

— Персефона… — Он дернул за руку сопровождавшего его полицейского, прося остановиться. — Наверно, все-таки я не возьму тебя с собой… По крайней мере, пока — даже если очень захочу.

— Ты же хотел превратить меня в растение, ублюдок! И всегда ты этого хотел! — Она оттолкнула ПалаТион и оказалась прямо перед Ойярзабалом. — Надеюсь, ты там и подохнешь, чтобы ни одна дурочка больше тебе в лапы не попалась… — Она вдруг вспомнила, что он все-та-

ки пытался сперва освободить ее, а те несколько секунд, которые ему удалось выиграть в самом конце, в общем-то спасли ей жизнь.

— Я только не хотел, чтобы они убили тебя, вот и все! Даже если б ты… ну это все же лучше, чем мертвой… — Он наклонился было к ней, но полицейский заставил его выпрямиться.

— Это кому как! — Она скрестила руки на груди. — Ты-то ведь только о себе думаешь.

Он посмотрел на ПалаТион.

— Если захотите кое-что узнать, так только спросите, комиссар. Я вам все расскажу. — ПалаТион кивнула, а один из незнакомых Тор подручных Сурса негромко выругался. Тор отлично понимала, что после этих слов жизнь Ойярзабала не стоит ни гроша, куда бы его ни сослали.

И никуда сама она уже с Тиамат не улетит. Боги, ну почему я все всегда делаю не так как надо! Она обхватила себя руками — больше некому было в эту минуту обнять и поддержать ее. Она заметила, что ПалаТион смотрит на нее с неожиданным сочувствием, покачивая головой. Потом она перевела взгляд на Ойярзабала.

Тор шагнула вперед, по-прежнему обнимая себя руками и как бы защищая — ото всех! — и быстро поцеловала Ойярзабала в губы. Потом

снова отступила, и полицейский удержал его, не дав ему последовать за ней. — Прощай, Ойяр.

Он ей не ответил. И его быстро увели. Тор отошла подальше от двери и встала рядом с Поллуксом. Почему так? Почему? Почему всегда «имеем — не жалеем, потеряем — плачем»?

Глава 46

Джеруша перегнулась через стол и, вытянув шею, смотрела, как доктора Це-Зунха и остальных мерзавцев уводят по коридору в сторону камер предварительного заключения. О, сладость мести! В улыбке ее, впрочем, не было ничего сладостного. Она разрушила заговор Ариенрод — но… лишь в самый последний момент, а до нее, до Снежной королевы, пока так и не добралась. Ладно, хоть островитян на нее натравила, и то хорошо. Они отлично постерегут Ариенрод и уж точно не выпустят до часа расплаты. Может быть, все-таки справедливость существует?

Она окликнула Тор, и та глянула на нее сквозь изрядно уже поредевшую толпу ликующих полицейских в голубой форме. Тор сидела на скамье у стены и непрерывно пила крепкий чай под наблюдением бдительного Поллукса. Услышав

свое имя, она встала и быстро подошла к столу. Джеруша смотрела на нее немного смущенно и с любопытством. Обтягивающее фигуру платье оставляло большую часть весьма упитанного тела Тор неприкрытой; походка у нее была «моряцкая», враскачку; она осталась совершенно равнодушной к игривым взглядам полицейских. Простое деловитое лицо проглядывало теперь из-под смазавшегося грима. Ее довольно-таки жиденькие, мышиного цвета волосы были небрежно пострижены скобкой. Боги, там ведь и настоящий человечек, оказывается, есть! Джеруша вдруг вспомнила, что один из тех, кого только что увели, был, кажется, даже влюблен в эту женщину. Черт бы все это побрал! Почему вещи нельзя разделить на правильные и неправильные?.. Почему нельзя хотя бы раз в жизни точно сказать: это черное, а это белое? Меня уже просто тошнит от серого цвета!

— Ну, как вы себя чувствуете?

Тор пожала плечами. С плеча тут же соскользнула бретелька. Она поправила ее.

— Да все в порядке, вроде бы. То есть если учесть… — Она оглянулась на дверь.

— Вы сейчас в состоянии давать показания?

— Конечно. — Тор вздохнула. — Надеюсь, мне

не нужно будет в суде появляться? — Она гордо подбоченилась.

А суд теперь состоится на другой планете… Джеруша улыбнулась: ситуация была довольно дурацкая.

— Считайте, что вам повезло. У доктора Це-Зунха слишком много друзей, и все они находятся на других планетах. — Джеруша ткнула пальцем куда-то в потолок. Тор состроила гримасу. — Как только мы покинем Тиамат, вы будете в полной безопасности. Ваши показания, впрочем, будут очень важны, а я уж, черт побери, позабочусь, чтобы эти документы были в полном порядке, можете мне поверить! Я еще надеюсь прищучить и этого Сурса. Если только… — Она умолкла, поскольку в комнату вдруг вошла целая группа совершенно незнакомых ей людей. Впрочем нет, не все были ей незнакомы… Она встала, увидев, что все полицейские обернулись и смотрят в одном и том же направлении.

— Что за черт?..

— Неужели это Ариенрод?

— Мун! — Джеруша сама удивилась и собственному голосу, выкрикнувшему это имя, и голосу Тор, эхом вторившему ей. И тут же заметила за спиной девушки двух коренастых островитян, ко-

торые несли Гундалину. — Ах ты черт побери!..

Мун остановилась было, увидев, как Джеруша выскочила из-за стола, но потом решительно повернулась к ней. Вокруг них тут же собралась группка полицейских.

— Кто это?

— Гундалину!

— А я думал, что он…

— Неужели он умер? — Джеруша в полном отчаянии схватила Мун за плечо.

— Нет! — Лицо Мун вспыхнуло возмущением и гневом, и Джеруша, к собственному удивлению, тут же отпустила ее. — Он вовсе не умер! Но он очень устал, и ему необходим врач. — Мун потянулась было к Гундалину, но коснуться его так и не решилась.

— А ведь два дня назад его здоровье не очень-то тревожило тебя, верно? — Джеруша смотрела не на Мун, а на безвольно мотавшуюся из стороны в сторону голову Гундалину, на его лицо с закрытыми глазами, страшно осунувшееся, покрытое крупными каплями пота. Она знаком велела двоим полицейским уложить его на носилки. — Скорей отправьте его в медицинский центр, да поосторожнее, черт вас побери! Он мне дороже всего на свете.

Полицейские бережно переложили Гундалину на носилки и понесли прочь. Двое островитян вежливо попрощались с Мун, словно извиняясь за беспокойство, и тоже удалились. Мун не пыталась последовать ни за ними, ни за Гундалину — только проводила глазами. Она где-то раздобыла длинное золотистое платье; даже теперь, когда волосы спутанными прядями падали ей на плечи и облаком вились вокруг лица, она была удивительно похожа на Ариенрод.

— Ты арестована, Мун, Покорительница Зари — напоминаю на тот случай, если ты об этом забыла. — О боги, это уж слишком для одного дня! Джеруша жестом подозвала к себе одного из полицейских.

Мун только поморщилась.

— Я ничего не забыла, комиссар. БиЗед… Инспектор Гундалину… я от него убежала. Но он снова нашел меня и как раз вел сюда, но неожиданно потерял сознание. — Все это она выпалила, не моргнув глазом.

— Ну конечно, вел сюда! — Джеруша отстегнула запасные наручники и почти нежно сообщила:

— Это самая большая чушь, какую я когда-либо слышала. К счастью для тебя, я предпочитаю поверить твоей глупой выдумке — ради Гун-

далину. — Она заметила у девушки на горле трилистник и внезапно вспомнила, что та сивилла. Потом снова пристегнула наручники к ремню и проворчала себе под нос:

— Надеюсь, что наручники мне не потребуются, сивилла? Но ты ведь не эти сказки рассказывать пришла ко мне? Так зачем же, черт побери, ты явилась?

Мун коротко усмехнулась; эта улыбка казалась совершенно чужой на ее лице. Потом улыбка исчезла.

— Я пришла потому, что Снежная королева намерена наслать на островитян какую-то страшную болезнь и убить всех тех, кто находится в городе. Кроме того, я знаю человека, который должен осуществить этот план…

— Ты опоздала! — Джеруша ухмыльнулась с самодовольным и торжествующим видом и вдруг увидела, как побледнела Мун. — Нет… я хочу сказать, что мы успели все это остановить. Виновные пойманы и отдыхают у нас в камере предварительного заключения. — Она махнула рукой в сторону тюремного крыла, снова испытав райское наслаждение от одержанной победы.

— Уже? Так все кончено… Они не… — Мун, потрясенная до глубины души, оглянулась че-

рез плечо на дверь, потом снова посмотрела на Джерушу, вдруг осознав, что пожертвовала своей свободой совершенно напрасно.

— Они не успели. Дети Лета теперь в безопасности. Ариенрод проиграла, а сейчас она, так сказать, под домашним арестом. Она не уйдет от твоей Хозяйки. — Проходящий мимо патрульный на ходу поздравил ее с успехом; она кивнула в ответ.

Лицо Мун вдруг исказилось, как если бы она полностью утратила контроль над собой. Она словно никак не могла добраться до главного, скрытого в ее мозгу под бесчисленными слоями знаний…

— Как… как вы узнали об этом? — устало спросила она.

— Случайно; благодаря непреднамеренному сотрудничеству… — Она повернулась к Тор, которая внимательно прислушивалась к их разговору, стоя у нее за спиной.

— Привет, детка! — Тор махнула Мун рукой, и та удивленно захлопала глазами. — Эй, Поллукс, поди-ка сюда!

— Персефона, это ты? — Мун даже немного нахмурилась, вглядываясь в лишенное косметики, ставшее незнакомым лицо Тор. Потом посмотре-

ла на робота, который поспешил на зов.

— За что это вы ее арестовали? — Тор нарочито равнодушно ткнула большим пальцем в сторону Мун, слишком увлекаясь, пожалуй, своей ролью основного свидетеля. — Это ведь не преступление — быть похожей на королеву, верно?

— Все зависит от степени похожести, — сказала Джеруша, переступив с ноги на ногу. — А вы, оказывается, знакомы?

— Сегодня познакомились. А кажется — давным-давно. — Тор покачала головой и улыбнулась. — Посмотри, Полли, во что она превратила ту роскошную прическу, которую ты ей сделал! Что все-таки с тобой случилось, сестренка? Нашла ты его? И удалось ли тебе увести его из дворца? А королеву ты видела? А она тебя?

— Ты была во дворце? — тут же вмешалась Джеруша. Тон ее снова стал исключительно холодным, официальным. — Значит, ты ходила туда, чтобы встретиться с королевой!..

Мун почувствовала перемену ее тона и вся вспыхнула от возмущения.

— Я ходила туда, чтобы отыскать своего двоюродного брата! — Она быстро посмотрела на Тор и кивнула ей, как бы отвечая на все ее вопросы разом и покраснев. — Вы знаете, что… кто я такая,

верно, комиссар?

Джеруша кивнула, по-прежнему держась отчужденно:

— Я давно это знаю.

Тор, ничего не понимая, стояла рядом с ней.

— Все знали, кроме меня, — горько прошептала Мун. — Я, разумеется, узнала последней…

— Вот уж нет! Я, например, вообще ничего не понимаю, — сказала Тор.

— Это Гундалину объяснил тебе?

— Нет, Ариенрод. — Мун накручивала на палец прядь волос.

— Значит, ты все-таки ее видела? — вскочила Джеруша.

— Да, — очень тихо ответила Мун. — Она хотела, чтобы я разделила с ней… все. Даже Спаркса, — прибавила она заносчиво и холодно. И тут же снова вспыхнула — от гнева, не от стыда. — Она хотела, чтобы я забыла о нашей с ним клятве верности; о том, что я дочь Лета; о том, что я сивилла… А когда я отказалась, она решила убить меня. — Горькие слова падали как камни. Джеруша хмурилась, удивляясь все больше и больше. Мун умолкла, смахнув невольные слезы, и покачнулась. Джеруша вдруг подумала о том, сколько пришлось пережить этой девочке — в

том числе и из-за Гундалину…

— Садись. Поллукс, принеси-ка нам чаю. — Джеруша отпустила заждавшегося полицейского и потянула Мун за локоть к длинной скамье у стены. Мун удивленно посмотрела на нее; Джеруша и сама себе удивлялась. Поллукс немедленно занялся порученным делом. Тор сочла, что чайку можно выпить и ей.

— Налей-ка и мне, Полли.

— Ты говоришь, что Ариенрод пыталась убить тебя? — Джеруша села.

Мун тоже села на скамью, но не рядом с ней, а чуточку поодаль. Тор развалилась в углу, прислонившись к стене.

— Она выдала меня своим придворным, сказав, что я сивилла; они хотели сбросить меня в Колодец.

Тор вздрогнула, выпрямилась, да так и застыла, не в силах вымолвить ни слова.

— Это ведь все равно, что убить себя, наверное… — Джеруша чувствовала, как тает ее недоверие. — Да, так могла поступить только та Ариенрод, которую я знаю. Другой такой нет.

— Я не Ариенрод! — Голос Мун дрожал от гнева. — У меня лишь ее лицо. — Она так стиснула пальцы, словно хотела переломать их. — И она

это понимает.

Поллукс с молчаливым достоинством бывалого дворецкого подал чай. Джеруша сделала глоток, ощущая внутри благодатное тепло. А что, если это лишь очередная игра! Но она никак не могла представить себе, какова могла бы быть, в таком случае, цель Мун, по собственной воле явившейся сюда.

— Значит, они хотели сбросить тебя в Колодец? — гнула свое Тор, уставившись на трилистник Мун. — И что же потом?

— Колодец не был до такой степени голоден… — Мун быстро отпила из чашки; на лице ее было какое-то странное выражение. Тор ничего не понимала и выглядела оскорбленной в лучших чувствах. — БиЗед… инспектор Гундалину вовремя успел туда… Он пришел вместе с островитянами и заставил придворных отпустить меня.

— Ты хочешь сказать, что тот задрипанный мужичонка при тебе был самый настоящий легавый? — спросила. Тор.

— Когда-то был, — устало ответила ей Джеруша и прислонилась головой в тяжелом шлеме к стене. — И, надеюсь, будет снова.

— Он всегда хотел быть полицейским, боялся

расстаться с этой профессией, — тихо проговорила Мун. — Не позволяйте ему сдаваться, портить себе жизнь, обвинять лишь себя во всем дурном на свете!.. — Она залпом допила чай.

— Я не могу помешать ему. — Джеруша покачала головой. — Но я постараюсь сделать так, чтобы никто другой не посмел ни в чем его винить. — Я могу спасти его карьеру; но не могу спасти его ни от него самого, ни… от тебя… — Скажи мне, ради всех богов, — она вдруг рассердилась, и голос ее звучал обвиняюще, — и что ты нашла в этом Спарксе? Он ведь Звездный Бык, и этот проклятый геноцид затеян…

— Спаркс — больше не Звездный Бык… больше уже нет. — Мун со стуком поставила пустую чашку на скамью. — И он ничего не знал о мерах. А вы — знали!

Благодаря тебе. Джеруша поспешила отвернуться.

— Да, мне рассказал о них твой друг Нгенет… — Мой друг Нгенет… который верил тебе и мне настолько, что позволил мне узнать о тебе…

— Нгенет? — Мун покачала головой и потерла лицо ладонями. — Нет, вы должны были знать раньше… Ведь эта истина ведома всем предсказателям, вы же не станете отрицать?.. — Теперь она

обвиняла всю Гегемонию. — Вы хотите наказать Спаркса? За то, что он убивал меров на территории, принадлежащей инопланетянину? За то, что он случайно забрызгал кровью и вас — когда вы стояли и смотрели, как меры умирают, и ждали, когда и вам достанется немного «живой воды»! Вы и меня хотите наказать за то лишь, что я знаю правду — точно так же, как наказываете мой мир за то, в чем виноваты вы сами!

Тор слушала с разинутым ртом, но Джеруша не сделала ни малейшей попытки удалить ее. Она даже не возражала Мун и сидела, точно каменная, теребя холодными пальцами пряжку форменного ремня со знаком Гегемонии. Мун, умолкнув, довольно долго смотрела на нее в упор. Джеруша нахмурилась.

— Я законов не сочиняю. Я только исполняю их и слежу, чтобы другие поступали так же. — И тут же пожалела об этих словах.

В глазах Мун мелькнуло разочарование, но спорить она не стала.

— Спаркс — не Звездный Бык! Когда он жил на Летних островах, то был самым обыкновенным человеком; и вообще, когда Зиме придет конец, никаких Звездных Быков больше не будет! Это Ариенрод с ним такое сотворила, а он всего лишь

позволил ей сделать так, потому что… потому что она была слишком похожа на меня! — Мун отвела глаза, пытаясь скрыть смущение и гнев. Острое сочувствие к ней вдруг пронзило Джерушу. Она посмотрела на ее трилистник. — Именно Спаркс и рассказал мне о планах Снежной королевы. Он ведь к вам шел, когда Ариенрод настигла нас. И ему было безразлично, как вы накажете его или меня, — лишь бы вы успели спасти наш народ… — Она посмотрела Джеруше прямо в глаза.

— Этого недостаточно, чтобы расплатиться за грехи, совершенные им за последние пять лет. Ему придется платить за них всю оставшуюся жизнь. — Джеруша чувствовала, как горек яд, содержащийся в ее словах.

— Неужели вы так ненавидите его? — Мун нахмурилась. — За что? Что он вам-то такого сделал?

— Послушай, Мун, — вмешалась Тор. — Наверное, у каждого в Карбункуле найдется за что ненавидеть либо Спаркса, Покорителя Зари, либо Звездного Быка Снежной королевы. У меня, во всяком случае, причин для этого хватает.

— Значит, вы сами дали ему повод ненавидеть вас!

Джеруша отвернулась.

— И он отплатил нам сторицей!

Мун наклонилась к ней.

— Но вы ведь не откажете ему в возможности доказать всем, что теперь он больше не Звездный Бык и не принадлежит Снежной королеве? Ему хорошо известно о планах Сурса — разве он не может выступить на суде в качестве свидетеля? Он и многое другое о Сурсе знает… Это может быть очень полезно для вас…

— Например? — не выдержала Джеруша.

— Разве вы не хотите знать, что на самом деле произошло с бывшим комиссаром полиции? Он ведь был отравлен наркотиками, верно?

У Джеруши непроизвольно отвисла челюсть.

— И это дело рук Сурса?

— Да. Он сделал это по приказу Снежной королевы, — кивнула Мун.

— Боги… о, боги! Надо бы сразу записать все это! — А потом каждую ночь слушать эту запись в свое удовольствие, засыпая под нее, как под колыбельную…

— Разве вам не достаточно этих признаний, чтобы перестать преследовать Спаркса?

Джеруша снова сосредоточилась, посмотрела внимательно на Мун и увидела, что в ее странных, туманно-зеленых глазах светится решимость; и

вдруг поняла, что с ней как бы играют в жмурки — эта девушка все еще пытается спасти от смерти своего возлюбленного и себя… Да, ты отлично усвоила правила нашей цивилизации, девочка. В ее душе поднялась волна отвращения, но она не дала ей выплеснуться наружу и снова уставилась на татуировку Мун. Боги, ну разве нельзя перестать, наконец, ненавидеть это лицо — ведь нет ни малейших доказательств, что девочка заслужила подобное наказание от рождения!

— Вы ведь позволите мне привести Спаркса сюда? — Мун даже привстала, не желая сдаваться, готовая сразу броситься во дворец.

— Это, наверное, будет не так просто…

Мун снова села, напряженная до крайности.

— Почему?

— Я ведь рассказывала многим — там, на Главной улице, — что Спаркс и есть Звездный Бык. Так что большая часть островитян уже знает об этом… — А я была бы последней ханжой, если бы стала отрицать сейчас, что сделала это намеренно! — Теперь они ни за что не выпустят его из дворца.

— С ним все было в порядке, когда я ушла! Я только поэтому и решилась оставить его там! — Мун выкрикивала это ей в лицо, словно только

что осознав, что совершила предательство. Полицейский на другом конце комнаты обернулся на ее крик. Глаза Мун вдруг засверкали, словно стекла в окне под яркими лучами солнца. Джеруша на всякий случай отодвинулась от нее подальше. — Нет, нет! — Мун сжала кулаки. — Вы не можете так поступить — сперва использовать его, а потом дать ему умереть! Я все сделала, как он хотел, — вы ведь знаете, я только потому и пришла сюда. Не из-за вас, не из-за Смены Времен Года… Мне наплевать на ваши великие дела, если они приведут к его смерти! — В ее голосе звучала прямая угроза. — Спаркс не должен умереть завтра…

— Но кто-то же должен? — неуверенно проговорила Джеруша, пытаясь вернуть Мун в реальный мир. — Я понимаю, ты любишь его, сивилла, но Смена Времен Года — это нечто большее, чем чувства и желания отдельных людей. И ритуал, связанный со Сменой, для твоего народа священен; если Мать Моря не получит своей жертвы, островитянам, собравшимся поглазеть на казнь, придется жестоко расплачиваться… Звездный Бык должен умереть!

— Звездный Бык должен умереть, — эхом отозвалась Мун, медленно вставая. — Да-да, пони-

маю. Понимаю, что должен… — Она приложила руку ко лбу, в глазах ее была непереносимая боль. — Но не Спаркс! Комиссар, — она повернулась к Джеруше, лицо ее было очень бледным от волнения, — вы ведь поможете мне отыскать Первого секретаря Сайруса? Он обещал мне! — Она вдруг горько усмехнулась. — Обещал помочь, если это будет в пределах его личных возможностей… Помочь своему сыну. Я надеюсь, что он выполнит свое обещание…

— Я могу с ним связаться, — кивнула Джеруша. — Но я хочу знать причину…

— Сначала мне нужно кое с кем повидаться… — теперь Мун уже не казалась такой уверенной в себе. — А потом я все расскажу вам, а вы — ему. Персефона, где сейчас Герне?

Тор изумленно подняла брови.

— В казино, наверное. Клянусь всеми богами, — сказала она вдруг, — по-моему, я что-то наконец начинаю понимать… — Она по-свойски улыбнулась Джеруше. — А ты, видно, не очень понимаешь, легавая!

Глава 47

Джеруша лежала, вытянувшись, на низкой кушетке в своем городском логове; одна ее нога касалась пола, и она мерно постукивала ею в такт своим мыслям — иначе я просто всплыву к потолку! Она улыбнулась, перелистывая в памяти события минувшего дня и вполуха воспринимая шум празднества, доносившийся с улицы. Ужасно хотелось гордиться собой. Черт побери, ну хоть половину-то похвал я действительно заслужила! Она расстегнула высокий воротник мундира. Впервые она не сняла форму сразу, едва оказавшись дома… Сегодня ей было необычайно приятно чувствовать себя комиссаром полиции.

Она слышала, как Мун постанывает и вздыхает во сне — все двери в доме были открыты. Несмотря на чудовищную усталость, эта девочка и здесь не знала покоя. Сама Джеруша вообще заснуть не смогла, хотя новый день уже начинал брезжить где-то там, на востоке, за стенами города, дающими ощущение безвременья. Но теперь это было не так уж важно: через несколько дней она навсегда покинет эту планету. И все равно ей хотелось снова и снова вспоминать в

подробностях весь вчерашний день и не вступать в день завтрашний: придя домой, она обнаружила в автоответчике послание с просьбой — не с приказом, а именно с просьбой! — встретиться завтра с Верховным судьей и членами Ассамблеи. Разрушив заговор Ариенрод, поймав Це-Зунха и сделав Сурса слишком нежеланным гостем на любой планете, она сумела выйти на новый виток в развитии своей карьеры.

Но зачем, в таком случае, она пригласила к себе эту юную особу, что спит в соседней комнате? Ведь она преступница! Джеруша вздохнула. Клянусь Проклятым Лодочником, эта девушка — не большая преступница, чем я сама! И вовсе она не похожа на Ариенрод! И не все ли равно ей, Джеруше, какие у Мун опасные мысли бродят в голове относительно Гегемонии? Гундалину прав: как сможет Мун осуществить свои идеи, когда инопланетяне покинут Тиамат? А еще — Джеруше не хотелось признаваться в этом даже самой себе — воспоминания о мертвых мерах и о том, что эта девочка-сивилла сказала тогда о преступлении и наказании, все еще бередили ей душу. Она знала: никогда больше она не сможет отрицать открывшейся ей истины и не поверит, что те, кому она служит, сумели в одно-

часье перестать быть ханжами и предателями. Ладно, черт побери, разве какое-нибудь правительство было абсолютно безупречным? Можно, конечно, считать, что предотвращение геноцида, затеянного Ариенрод, и спасение Мун — это ее, Джеруши, вклад в будущее Тиамат. Она могла бы даже и Спаркса спасти, если бы он прошел задуманное ею испытание… И если она спасет его, ее совесть может быть абсолютно спокойна… Но Джеруша понимала, что никогда не сделает этого. Она видела слишком много такого, чего лучше бы ей никогда не видеть; и встречала слишком много людей, которых пыталась как-то классифицировать, но они почему-то вечно выскальзывали из ее психологических оков, не вписывались в задуманную ею схему. Некоторые из моих лучших друзей, оказывается, — уголовные преступники…

Она горько усмехнулась, почувствовав укол внезапных сожалений. Миро… Она ни разу не говорила с ним с того ужасного дня, когда они стояли рядом на залитом кровью берегу… Неужели это и было их прощанием? Нет, только не тот проклятый день!.. Она села, уставившись в темный угол. Нет, я могу, например, позвонить и сказать ему, что нашла Мун, что с ней все в

порядке, что Ариенрод непременно за все заплатит… Да, верно. Нужно прямо сейчас и позвонить, пока еще не поздно, не то они обрежут все линии связи… Позвони ему, Джеруша, и скажи… Ну хотя бы попрощайся!

Она встала и спотыкаясь побрела через всю комнату к телефону, чувствуя холодок под ложечкой. Медленно набрала номер, проклиная себя за дурацкое волнение, за то, что дыхание перехватывало и не было сил снять трубку…

— Алло? Усадьба господина Нгенета? — Слышно было очень хорошо — впервые за все это время; ей ответила женщина, и Джеруша ничего не смогла с собой поделать: тут же заговорила холодным официальным тоном:

— Это комиссар ПалаТион из Карбункула. Будьте любезны, позовите, пожалуйста, Нгенета.

— Извините, комиссар, но он уехал…

— Уехал?.. Куда? — Черт, неужели же он и сейчас занимается контрабандой?

— Он не сказал, комиссар. — Женщина казалась скорее растерянной. — Он последнее время все сам делает, в одиночку. Мы ведь тут тоже к Смене Времен Года готовимся. А несколько дней назад он взял катер и куда-то уехал… И никому ничего не сказал…

— Понятно, — медленно выдохнула Джеруша.

— Что-нибудь передать ему?

— Да. Три вещи. Первое: Мун в безопасности. Второе: Ариенрод за все заплатит. И еще — скажите ему, что я… я звонила, чтобы попрощаться.

Женщина старательно повторила все слово в слово.

— Я ему непременно все передам. Доброго вам пути, комиссар!

Джеруша опустила глаза: она была рада, что собеседница не видит сейчас ее лица.

— Спасибо. Желаю и вам всем счастья и удачи. — Она положила трубку и отошла от телефона. У двери виднелся ритуальный столик с алой раковиной на нем — кривобокой, с отломанными шипами… — печальная память о том, чему уже больше не бывать никогда. Что ж, так даже лучше… Хорошо, что она его не застала… Но глаза почему-то ужасно щипало; она старалась не моргать, пока закипевшие уже слезы не отступили — и ни одна не упала с ее ресниц.

Джеруша снова повернулась к телефону, усилием воли заставив себя думать о другом. Гундалину… Может быть, попробовать еще разок справиться о нем? Она уже дважды звонила в медицинский центр, и оба раза ей ответили одно

и то же: он в бреду, разговаривать с ним пока нельзя. Врачи вообще не могли понять, как ему удавалось держаться на ногах; однако смертельного исхода все же не ожидали. Успокаивают! Джеруша поморщилась, прислонилась к стене. Что ж, может быть, к тому времени, как она вернется от Верховного судьи… Да, тогда она сможет рассказать ему все. А пока что лучше принять душ и снова отправиться в полицейское управление, прежде чем нужно будет идти к Хованнесу.

Она выудила из кармана пакетик йесты и прошла в ванную. Мун продолжала метаться в беспокойном сне. Усталость взяла свое — сейчас девушка уже была не в состоянии тревожиться, сумеет ли Сайрус извлечь ее братца из дворца. Джеруша до сих пор не могла как следует уразуметь, что Первый секретарь вообще согласился предпринять подобную попытку, даже если Спаркс — его родной сын… Тем более что он никогда не видел его и вряд ли абсолютно уверен, что это действительно его сын… Однако на свидание с Мун пришел весьма охотно и прямо-таки горел желанием помочь…

Еще более необъяснимым оказалось то, что Мун удалось уговорить калеку-бармена из казино «Ад Персефоны», уроженца Харему, занять место

Спаркса. Боги, ведь эта девочка и двух дней в городе не провела! Если бы Джеруша способна была поверить, что Мун достаточно личного обаяния, чтобы заставить любого мужчину принять ради нее смерть, она немедленно посадила бы девчонку под замок… Однако она сама присутствовала при разговоре Мун с Сайрусом и Герне и сама видела, что Герне, например, думал только о том, чтобы поскорее попасть во дворец; на Мун он практически и не смотрел… К тому же одного взгляда на его ноги было достаточно, чтобы понять: Мун ему не нужна… Самой-то Джеруше казалось, что без Герне Гегемония прекрасно обойдется, но, тем не менее, никаких вопросов она не задавала — из боязни получить ответ, на который придется как-то реагировать…

Она вдруг услышала странный шорох, выглянула за дверь и увидела, что Мун, спотыкаясь и не открывая глаз, бредет в гостиную.

— Ты бы лучше еще поспала, сивилла. Да и время быстрее проходит, когда на часы не смотришь. Не знаю уж, лучше это или хуже. Сайруса все равно еще некоторое время на месте не будет.

— Я знаю. — Мун потерла заспанные глаза, потрясла головой. — Но я должна быть готова, если вообще собираюсь участвовать в соревно-

ваниях… — Она заставила себя поднять голову; в глазах не осталось и следа былой сонливости.

Джеруша захлопала глазами:

— В соревновании? Так ты хочешь попробовать стать королевой Лета?

Мун кивнула; на лице ее был написан вызов.

— Я должна! Я вернулась, чтобы победить.

У Джеруши зазвенело в ушах — точно из далекого прошлого долетело эхо знакомых слов.

— А я думала, ты вернулась ради Спаркса…

— Я тоже так думала. — Мун потупилась. — Но меня обманули. Машине было все равно, спасу ли я Спаркса; она лишь использовала его, чтобы заставить меня участвовать в ее игре. Но заставить меня отказаться от попыток спасти его она все равно бы не смогла! Ну, а я ничего не могу сделать с ней: она заставляет меня стремиться к трону королевы Лета.

Сколько уже прошло тысячелетий… Джеруша промолчала, вздохнув с облегчением и почувствовав, как в ней шевельнулась жалость к Мун. Боги, а ведь это правда — все предсказатели немного не в себе… Ничего удивительного, что Мун в конце концов так Ариенрод и не понадобилась…

— Ценю твою откровенность… — Она натянула

свежую рубашку на еще влажную кожу и начала застегивать ее. — Я не стану мешать тебе, если ты захочешь попробовать. — Но если ты выиграешь, лучше не говори мне об этом; я не хочу об этом знать.

Глава 48

Мун никогда бы не поверила, что такое возможно, что ей удастся расчистить для себя достаточно места в движущейся, точно зыбучие пески, праздничной толпе. Однако каким-то образом хаос был все-таки преобразован в порядок; где-то внутри кажущейся совершенно бесформенной массы людей, в самой ее глубине существовала некая твердая структура. Главная улица была совершенно расчищена до самого верхнего уровня, то есть до дворцовой площади, на расстояние, примерно равное миле, и жадные до впечатлений люди уже выстроились на тротуаре, образуя живые стены. Большая часть горожан повисла в окнах и на балконах своих жилищ, не покидая этих наблюдательных постов часами, так что у полицейских, наводивших порядок на Главной улице и в боковых аллеях, не было с ними никаких проблем. Люди собрались смотреть на начало

Конца, на первую из древних церемоний, связанных со Сменой Времен Года: начинался забег претенденток на звание королевы Лета, который должен был значительно уменьшить их число.

Мун вышла на улицу тогда, когда основное ядро соревнующихся уже сформировалось вокруг старшей представительницы рода Удачи, в свое время давшего немало королев Лета. На этот раз женщинам из этой семьи было запрещено участвовать в соревнованиях, зато на них была возложена почетная обязанность присматривать за строгим соблюдением всех необходимых ритуалов. Мун подошла к одной из специально приготовленных огромных корзин и вытащила из нее цветную ленту, которую повязала вокруг головы — эта лента, в зависимости от своего цвета, давала ей право занять место в первых, последних или центральных рядах бегуний. Лента, которую вытащила Мун, оказалась зеленой, точнее, цвета морской волны: этот цвет ставил ее впереди коричневого, цвета земли, и голубого, цвета неба. Мун казалась слишком бледной и бесстрастной на фоне кипевших вокруг восторгов и разочарований. Ну разумеется, лента и должна была оказаться зеленой… — подумала она, — а как же иначе?.. Однако возбуждение,

порожденное странной уверенностью в победе, уже начало охватывать ее; она принялась расталкивать участниц забега, пробираясь в первые ряды, чтобы хоть немного сбить напряжение.

Достигнув цели, она огляделась, изо всех сил стараясь сохранить равновесие в колышущейся массе цветных лент и возбужденных лиц. Большая часть островитянок явилась на праздник в традиционных нарядах: разноцветных рубахах из мягкой шерсти и узких штанах, покрашенных главным образом в зеленый цвет — цвет моря, цвет лета — на радость Хозяйке. Все костюмы были искусно украшены вышивкой и различными орнаментами из ракушек, бус, ленточек, к которым привязаны были крошечные фигурки фамильных богов-покровителей. А Мун была в синей тунике, какие носят кочевники Зимы. Это была ее единственная подходящая одежда здесь. Свои прелестные волосы она нарочно прикрыла шарфом, чтобы немного уменьшить сходство со Снежной королевой. Некоторые из женщин явно не желали, чтобы она бежала с ними вместе — ведь у нее на тунике не было ни одной фигурки-тотема, как не было и никаких доказательств, что она родом с Летних островов. Однако она вовремя нашлась и показала им свою татуиров-

ку. Они сразу же отступились. Мун понимала, что в такой праздник нельзя было появляться в костюме уроженки Зимы, тем более что она ею и не была, однако смутно чувствовала, что и в этом есть свой скрытый смысл.

Она так и не обнаружила ни одного знакомого лица ни среди бегуний, ни в толпе зрителей. Она прекрасно понимала, что вряд ли можно рассчитывать найти здесь кого-нибудь из Нейта или с соседних островов, но все же искала и была разочарована, никого не найдя. Сейчас ее со всех сторон окружали звуки и запахи родины, вот только бабушка была уже слишком стара для подобных путешествий, а мать… «Фестивали — это для молодых, — сказала однажды мать с гордостью и тоской, — для тех, кому пока не надо ни лодку смолить, ни детишек кормить. У меня-то свой Фестиваль был; и я в самом сердце храню драгоценную память о нем, каждый день о нем вспоминаю». И она ласково обняла свою юную дочь — лодку в тот день сильно качало…

Мун всхлипнула, поняв вдруг ту ужасную тоску, что скрыта была за нарочито спокойными словами матери. Девушка рядом с ней поспешно извинилась и, нервно глянув на нее, стала пробираться от нее подальше. Мун с изумлени-

ем обнаружила, что вокруг снова образовалось некое свободное пространство, порожденное отчуждением и страхом перед ней, сивиллой, и вдруг поняла, что даже рада отсутствию матери и тому, что она не сможет увидеть этот забег, каков бы ни был его результат. Ее мать и бабушка теперь, должно быть, решили, что она умерла, да и Спаркс тоже; может, так оно и лучше. Их время печалиться уже миновало. Так не лучше ли им вообще никогда не знать правды? Иначе придется вечно бояться, что когда-нибудь, узнав хотя бы малую ее часть, они постепенно узнают и все остальное, всю страшную правду о своих детях… Мун с трудом проглотила вставший в горле ком и снова постаралась переключиться на происходившее вокруг.

Значит, она не была настоящей дочерью своей матери… как не была и дочерью Ариенрод… Тогда что же я здесь делаю? Она вдруг исполнилась сомнений. Здесь она была единственной сивиллой, других она в Карбункуле не видела ни разу — кроме Фейт. Неужели она единственная сивилла даже среди островитян, пожелавших принять участие в состязаниях? Неужели действительно лишь врожденная жажда власти заставляет ее стремиться стать королевой? Нет,

об этом я не просила! После Смены Времен Года должна наступить какая-то перемена и во мне — я ведь всего лишь сосуд… Сжав кулаки, она повторила клятву сивилл. Что ж, если больше ни одна сивилла не участвует в этих состязаниях, то, возможно, лишь потому, что никто из них не знает о себе правды…

Ни одна из них не знает! Она могла прочитать на лицах окружавших ее женщин любые мотивы и желания, приведшие их сюда: одни жаждали власти (хотя власть королевы Лета всегда была скорее ритуальной, чем реальной), другие — почестей, а третьи — легкой жизни всеми почитаемой жрицы самой Хозяйки; кое-кто явился сюда просто из любви к шумным состязаниям и ради самого празднества, ничуть не заботясь о том, выиграют они или проиграют. И ни одна из них не знает, почему это действительно так важно, — кроме меня.

Она по-прежнему не разжимала кулаков; словно какая-то сила толкала ее, и она пробиралась вперед до тех пор, пока у нее перед носом не оказалась ленточка с грузиками на концах, отмечавшая место старта. Старшая из рода Удачи кричала что-то — призывала к тишине и перечисляла правила состязания. Оказалось, Мун вовсе

не обязательно приходить первой — достаточно было оказаться в числе первых тридцати трех бегуний. Сама дистанция тоже была не такой уж длинной; она специально была рассчитана так, чтобы и у других, а не только у самой сильной, оставались какие-то шансы на успех. Но за спиной у Мун было сто, нет, двести, триста женщин… Она даже не видела, где кончаются ряды претенденток…

Голос руководительницы состязаний призвал всех на старт, и Мун почувствовала, что как бы растворяется среди своих соперниц, в едином порыве устремившихся вперед. Между бесчисленными головами и плечами ей был виден небольшой флажок, который сдерживал пока поток женщин; потом флажок резко опустился, давая сигнал к началу забега, и женщины бросились вперед, мгновенно вытолкнув Мун из своих рядов куда-то на обочину.

Сперва все свое внимание и силы она тратила на то, чтобы просто удержаться на ногах среди грозившей раздавить ее лавины, потом поток стал понемногу редеть, и Мун начала протискиваться в каждую щель, чтобы выйти вперед. Ее ребрам здорово доставалось при этом, и она никак не могла определить, сколько же человек

бежит впереди. Она могла лишь стараться оставить позади как можно большее число участниц забега.

Миля — это ничто; пробежать милю ей было раз плюнуть, она ничуточки не уставала, даже когда они со Спарксом часами бегали наперегонки по бесконечным сверкающим пляжам Нейта… Но эта миля, все время в гору, по камням мостовой, а не по гладкому плотному песку… Она не пробежала и половины, а дыхание уже обжигало ей горло и все тело противилось каждому, такому мучительному, рывку вперед. Она попыталась вспомнить, а сколько же на самом деде прошло времени с тех пор, как она бегала по сверкающим пляжам своего острова, но не смогла вспомнить даже, когда в последний раз ела как следует или спала — а того, что она съела за последние дни, хватило б разве что птичке. Проклятый Карбункул! Перед ней теперь бежало не больше дюжины женщин, но она постепенно отставала от них. Ее начали догонять и обгонять новые бегуньи. Она с каким-то ужасом увидела у одной из них коричневую ленту — это означало, что вторая группа уже нагоняет первую. И споткнулась, совсем забыв об усталости и о том, что нужно смотреть под ноги.

Две трети, три четверти пути осталось позади, и все больше и больше женщин обгоняло ее, наверное, тридцать из них уже были теперь впереди нее, а в боку кололо так, что трудно было дышать. Они обгоняют меня… и они не знают, они даже не знают, к чему стремятся! И она из последних сил рванулась вперед, увидев финишную прямую перед дворцом и не обращая внимания более ни на что, пока белые каменные плиты дворцовой площади не замелькали у нее под ногами, пока гирлянда, отделявшая последнюю из победительниц от проигравших, не упала за спиной той, что бежала следом за ней…

Ее тут же окружили возбужденные зрители, она смеялась, пытаясь перевести дыхание, ее радостно приветствовали, хлопали по плечу, целовали, плача от радости… Она пробралась сквозь толпу и заняла свое место в кружке победительниц, в самом центре площади. Вскоре она услышала, а потом и увидела, что к ним приближаются музыканты, одетые в белое и увенчанные гирляндами цветов, такими же, какую повесили на шею и ей самой; музыканты были в черных котелках, словно трубочисты, и с крестами — древним знаком Зимы. За ними следовала небольшая группа островитян — в основном из рода Удачи, — несших

балдахин, увешанный рыбацкими сетями с вплетенными в них раковинами, прядями водорослей и зелеными ветками; сети были растянуты на старинных резных веслах, с изящными изображениями морских чудовищ.

Под балдахином на возвышении покоилась маска королевы Лета. Мун слышала вокруг восхищенные вздохи и восклицания — точно шелест ветра; и сама вновь восхитилась этой удивительной красотой… О, великая и могущественная королева Лета, лик твой воплощает Смену Времен Года… Вдруг она разглядела женщину, что несла маску, и вздрогнула: это была Фейт, Хрустальный Глаз. Фейт вошла в центр круга и остановилась; сопровождавшие ее встали поодаль; громкая музыка растворилась в гомоне толпы.

Руководительница состязаний поклонилась Фейт или, точнее, великолепному произведению ее мастерства.

— Зима коронует Лето, наступает Смена Времен Года. Да поможет тебе Хозяйка, да направит она твой разум, чтобы ты выбрала мудро, уроженка Зимы, и пусть это принесет счастье и удачу как тебе самой, так и всем нам. — Было видно, что эта достойная женщина исполнена ясной веры в справедливость Хозяйки.

— И мои молитвы о том же! — с поклоном откликнулась Фейт.

Ее белого платья было почти не видно за широко раскинувшимися солнечными лучами, которыми была украшена маска, покоившаяся у нее на руках.

Выбирать будет Хозяйка… Иначе зачем именно Фейт стала Ее представительницей и должна выбрать ту единственную, кому ведома великая тайна о планете Тиамат? Но она ведь слепая! И наверняка не способна даже отличить одно лицо от другого… Как же она узнает?..

Старшая из рода Удачи начала, покачиваясь так, что позвякивала и шуршала ее кружевная, расшитая бисером накидка, петь старинную хвалебную песнь, и кольцо претенденток стало понемногу сжиматься и двигаться, делая крошечные шажки и увлекая Мун за собой. Слова этой молитвы и той, которую нужно было спеть в ответ, вспомнились Мун сразу и так ясно, как бывает только во сне — видно, глубоки были корни этих знаний в ее памяти, связанные с глубинными, самыми первыми обрядами островитян. Молитва казалась лишенной какого бы то ни было ритма, как и большая часть священных песнопений, ибо язык, на котором они

когда-то были созданы, давно уже умер, утратил собственную форму. Мун пела вместе со всеми, но какая-то часть ее разума и души оставалась свободной, не зависевшей от остальных, и словно наблюдала со стороны за древним обрядом, тогда как все остальное ее существо непосредственно участвовало в нем. И трезвый внутренний голос продолжал сомневаться, выберет ли Фейт именно ее — слепая, лишенная какой-либо подсказки… Неужели машина способна управлять и тем, что происходит здесь? Она толкает меня туда, куда нужно ей, но как она заставит слепую — увидеть? Неужели она настолько всевластна, неужели все мы — лишь марионетки в ее руках?..

…Она питает нас, детей своих,

У Нее на груди обретаем мы вечный покой…

О, Хозяйка, Ты даешь нам все для жизни,

А мы лишь пытаемся вернуть Тебе долг свой.

Мун видела, как Фейт медленно поплыла внутри круга ей навстречу с маской на руках, сосредоточенная, загадочная… Она ни за что не отличит меня от других!

Она наполняет наши сети и наши заводи рыбой,

И наши животы пищей,

А наши души — печалью!

О, Хозяйка, Ты даешь нам все для жизни

И просишь нашу жизнь взамен.

Мун закусила губу, чтобы побороть ужас, чтобы не слышать этих слов, чтобы не закричать: вот я, я здесь! Ей хотелось верить, что так и было предопределено судьбой, но она больше не была уверена в этом и в том, что в жизни вообще что-то можно предопределить заранее. Она не могла отдать свою судьбу на волю случая — нет, слишком долгим был путь, слишком много пришлось пережить… Она должна выбрать меня! Но как подать ей знак?..

Ты благословляешь небеса — и они роняют слезы,

Ты темнеешь от гнева — и море сливается с тучей…

О, Хозяйка, Ты даешь нам все для жизни,

Вкладывая в нас душу и разум…

Мун уже произнесла про себя следующее двустишие, и тут два как бы существовавших отдельно друг от друга уровня ее сознания соединились, и в мозгу взорвалось: ввод информации!

Как узнать, кто будет призван Ею,
Что за путь Она пред ним проложит?..

Слова растаяли в воздухе… Войдя в Транс, Мун словно вдруг вернулась назад, и с такой быстротой, которая буквально оглушила ее. Она едва устояла на ногах, попыталась открыть глаза и тут же поняла, что глаза ее открыты, но все вокруг как бы залито лунным светом, и в этой серебристой дымке края предметов расплываются, кажутся нечеткими… Остальные чувства ее странно обострились… И она догадалась, что слепа! Ужас на мгновение сковал ее душу, и тут же она почувствовала, что перестала быть Мун, и превратилась в Фейт, и смутно видит перед собой движущиеся по кругу женские фигуры, среди которых ей непременно нужно было отыскать только одну… ту, которая находилась как бы на противоположном полюсе бытия…

Она смотрела на кружащихся вокруг нее женщин, не в силах сообразить, что именно должна увидеть. И тут заметила одну женщину, которая,

спотыкаясь, брела в череде других, которые как бы поддерживали ее. Это была она сама! Это себя она видела сейчас незрячими глазами Фейт. И Фейт вздрогнула, ибо, глядя глазами Мун, тоже видела сейчас перед собой свое собственное лицо… И Мун поняла, что она, пребывая в теле Фейт, легко и свободно движется навстречу самой себе, держа перед собой на вытянутых руках маску королевы Лета. Подойдя к Мун вплотную, Фейт ее глазами посмотрела на себя, на маску и снова на себя — с любопытством и безмолвным восхищением. Потом Мун, находясь в теле Фейт, подняла маску дрожащими руками и уверенно водрузила ее на свою собственную голову…

И, едва успев совершить это, почувствовала, как ее снова швырнуло в пропасть Транса. Чуть позже она поняла, что вновь стала самой собой, и услышала свой собственный изумленный возглас… Теперь она смотрела на мир сквозь прорези в маске, и видела рядом ошеломленную Фейт, и чувствовала, что соседки по-прежнему бережно поддерживают ее, и слышала рев ликующей толпы… Но больше всего ее потрясло то, как Фейт трогает свое лицо, приговаривая: «Мое лицо… я видела свое собственное лицо! И маску — у меня на руках!»

Люди толпились вокруг них, разрушив хрупкий круг, образованный сомкнутыми руками соседок Мун, разнося их в стороны друг от друга. Поддерживавших Мун женщин тоже куда-то отнесло, едва она обрела способность держаться на ногах. Она быстро схватила Фейт за руки, повернула к себе и держала крепко, не выпуская.

— Фейт… Все получилось! Мне удалось! Теперь я королева Лета!

— Да. Да, я знаю. — Фейт покачала головой, светлые слезы блеснули в ее слепых глазах. — Так и должно было случиться. Да-да, должно! И, мне кажется, впервые двум предсказательницам удалось вот так поменяться местами и одновременно увидеть себя как бы со стороны… — Она растерянно поправила свой пышный воротник из белых перьев. — Что ж, ты будешь очень красивой королевой Лета — столь же красивой, как та маска, что я сделала для тебя!

Сердце Мун вдруг сжалось.

— Но я не смогу править одна. Мне понадобятся помощники. Такие люди, которым можно доверять… Которым можно доверить судьбу моего народа… Ты поможешь мне? Это ведь и твой народ тоже…

Фейт кивнула.

— Мне так или иначе нужно новое занятие… Я с радостью помогу тебе, чем смогу, Мун… ваше величество…

Балдахин из сетей вдруг возник прямо над их головами, и старшая из рода Удачи, грозно веселая, разъединила их со словами:

— Послушай меня, о Хозяйка! Сегодня у тебя всего три дела: первое — сообщить людям, что впереди Ночь Масок; второе — забыть обо всем на свете, отложить все свои заботы; и третье — самой веселиться до упаду. А на завтра приготовлены еще три дела: когда займется за стенами рассвет, спуститься к морю, предать пучине королеву Зимы и начать свое правление, как того желает наша Матерь!

Предать пучине королеву Зимы… Мун посмотрела в сторону дворца.

— Я… я поняла…

— В таком случае, пойдем с нами, и пусть люди видят тебя. До завтрашнего утра все мы существуем между двумя мирами — миром Зимы и миром Лета, между прошлым и будущим. А ты сейчас — предвестница этого будущего! — Она указала Мун место под балдахином.

— Фейт, ты пойдешь со мной?

— О да, непременно. — Фейт улыбнулась. —

Ведь я, возможно, в последний раз смогу увидеть Зиму во всем ее величии, и мне хотелось бы этим от души насладиться. — Она любовно и печально тронула свой искусственный глаз. — Скоро мои маски — труд всей моей жизни — отцветут и станут ненужным хламом на исходе этой последней ночи… и мне придется расстаться со своим «третьим глазом», ибо и его унесет за собой уходящая Зима…

— Нет! — Мун решительно покачала головой. — Клянусь тебе, Фейт… на этот раз Смена Времен Года произойдет иначе, по-настоящему! — Толпа начала относить от нее Фейт.

— Мун… а как же Спаркс? — крикнула ей Фейт как бы с другого берега все расширяющегося людского потока.

Мун беспомощно простирала к ней руки, влекомая толпой.

— Не знаю! Не знаю!..

Кто-то легко поднял ее и усадил на украшенные гирляндами цветов носилки, и носилки под балдахином поплыли вниз по Главной улице, точно попавший в быстрый ручей листок.

Повсюду она видела все больше различных масок — люди прятали под ними свои лица, словно не желая ни знать, ни признаваться дру-

гим, кто они такие на самом деле, превращаясь в некие фантастические существа, подобные ей самой, королеве Лета. Сегодня ночью на Тиамат не будет ни Зимы, ни Лета, ни инопланетян, ни аборигенов, ни правых, ни неправых… Повсюду расцветали карнавальные костюмы и яркие маски; все громче играла музыка, смеялись и пели люди, выкрикивая приветствия королеве Лета. Люди без конца подходили к ее носилкам, предлагая ей угощения, напитки, подарки, пытаясь хотя бы коснуться ее — на счастье. Сегодня она обязательно должна была быть веселой, приветливой, беззаботной, точно майская мушка — символ мимолетной радости жизни; потому что уже завтра она станет настоящей королевой Тиамат и приступит к своим реальным обязанностям…

И она была благодарна Фейт за эту маску, которая так много значила для жителей ее планеты и позволяла ей скрыть ту правду, что была написана на ее лице; она постоянно ощущала бег времени и знала, что завтрашний день отнимет у нее и это веселье, и этот смех. Потому что если ее план не удался, если Сайрус подвел ее, завтра она скажет необходимые слова и подаст нужный знак… И морская пучина поглотит Спаркса…

Глава 49

Значит, она действительно верит, что станет королевой Лета? И слышит голоса, говорящие ей, что она непременно победит? Джеруша медленно мерила шагами гулкое пространство приемной. Она слишком нервничала, чтобы сидеть спокойно на одном из роскошных пустующих кресел. И это при вероятности не более одного процента? Нет, Джеруша, Вселенной абсолютно безразлично, во что там верит эта девочка… или ты сама, или кто-то еще… Для нее это просто не имеет значения.

Здесь, в гулкой тишине приемной Хованнеса, ничто не отвлекало ее внимания — и она перебирала в памяти, точно полузабытые фотографии, печальные воспоминания о тех событиях, что вскоре станут для нее невозвратным прошлым, и в реальной жизни их место займут новые вещи и люди, ибо скоро Смена Времен Года. Всему на свете свойственно меняться, но каков будет реальный результат этих перемен? И сказываются ли решения каждого из нас, какими бы важными они ни казались, хотя бы в малейшей степени на общем порядке взаимоотношений людей и

вещей?..

Проходя мимо окна, Джеруша увидела собственное отражение на фоне мерцающих огней праздничного города и молча уставилась туда.

— Комиссар ПалаТион, как хорошо, что вы пришли! Я знаю, насколько вы сейчас заняты. — Верховный судья Хованнес, внезапно появившись в дверном проеме, изысканным жестом приглашал ее войти в кабинет, и она постаралась не думать о том, что он все-таки заставил ее ждать достаточно долго — значительно дольше, чем допускали приличия, тем более что время визита было обозначено точно.

Она молча отдала ему честь.

— Я не могу быть слишком занята, если речь идет о благополучии Гегемонии, ваша честь. — Или о моем собственном благополучии. А еще мне всегда любопытно, как это человек может врать, совершенно не стесняясь… Она вежливо коснулась его руки и впереди него прошла в глубь кабинета. Центральное место здесь занимал длинный стол с мониторами общего компьютера. За столом восседала знакомая компания местных чиновников; она давно уже знала их всех и всех недолюбливала. Кроме местных бюрократов за столом сидели и несколько членов Ассамблеи, в

основном люди ей незнакомые. Видимо, догадалась она, каждый пришел со своим последним отчетом. Даже на такой малонаселенной и слаборазвитой планете процесс окончательной эвакуации носил черты некоей вселенской катастрофы. На лицах уроженцев Харему, как всегда выделявшихся среди остальных, была написана откровенная скука. Благодарение богам, я всего лишь комиссар полиции, а не государственный чиновник. Джеруша подумала, что с тех пор, как заняла этот пост, она и занимается как раз в основном чиновничьей работой. Зато вчера я снова стала настоящим полицейским!

Они приветствовали ее аплодисментами, которые заменяло постукивание ладонями по столешнице; она уже почти привыкла к подобной реакции, хотя еще до вчерашнего дня подобные знаки внимания с их стороны казались ей немыслимыми. Большинство собравшихся здесь чиновников, как и большая часть полицейских в ее отряде, были родом с Ньюхевена; Гегемония, видимо, полагала, что культурная однородность способствует более эффективному исполнению ими своих функций. И сегодня ей было особенно приятно, что она тоже с Ньюхевена и именно ей адресованы эти аплодисменты, в том числе и

уроженцев Харему; пожалуй, сегодня это было даже важнее того, что она всего лишь женщина. Джеруша с достоинством поклонилась, благодаря за оказанное уважение, и уселась на в высшей степени неудобный стул, стоявший к ней ближе всего.

— Я уверен, все вы уже слышали, — Верховный судья Хованнес призвал всех к молчанию, — что комиссару ПалаТион удалось раскрыть заговор и в самый последний момент блестяще предотвратить попытку Снежной королевы удержать свою власть на планете Тиамат…

Джеруша жадно вслушивалась в его слова, впитывая каждый лестный для себя эпитет, словно аромат редких благовоний. Боги, так ведь можно и привыкнуть к похвалам! Несмотря на то, что сам Хованнес был родом с Харему, он не скупился на похвалы ей, прекрасно сознавая, что, будучи Верховным судьей как бы разделяет с ней ее славу, и мазал бутерброд лестью весьма щедро. Впрочем, он довольно часто отхлебывал из стакана какую-то прозрачную жидкость; интересно, подумала Джеруша, простая ли это вода, или что-то более крепкое, способное смягчить мучительную необходимость хвалить ее и делать ей комплименты?

— …Хотя, как вам известно, имелись определенные разногласия относительно… хм, назначения женщины на пост комиссара полиции, я полагаю, что ПалаТион вполне достойно ответила своим оппонентам. И я отнюдь не уверен, что первоначально предложенный на этот пост старший инспектор Мантаньес сумел бы в данной ситуации достигнуть лучших результатов.

Да уж это точно, черт побери! Джеруша с притворной скромностью потупилась, пряча невольную улыбку.

— Я всего лишь честно выполняла свой долг, ваша честь; как и всегда. — А ты тут совершенно ни при чем, надо сказать! Она прикусила язык, чтобы не сказать это вслух.

— И тем не менее, комиссар, — соблаговолил обратиться к ней один из членов Ассамблеи, — вы закончите свою службу на Тиамат, получив благодарность в приказе! Вы оказали великую услугу и этой планете, и женскому полу вообще. — При этих словах один или двое представителей Ньюхевена закашлялись. — Именно благодаря подобным примерам и можно доказать, что монополией на интеллект не может обладать ни какая-то одна планета, ни какой-то один из полов, ни какая-то одна раса. Каждый

может и должен делать свой вклад в дальнейшее развитие Гегемонии, даже если вклад этот и не у всех одинаков, соответствуя индивидуальным возможностям каждого…

— Интересно, кто вложил ему в башку подобную чушь, — кисло пробурчал Директор департамента здравоохранения.

— Не знаю, — ответила Джеруша, прикрывая рот рукой, — однако на его примере легко убедиться, что, даже если твоя жизнь продолжается несколько столетий, она ничему порой научить не способна. — Она заметила, как дрогнули губы директора и округлились глаза; он с трудом сдержал улыбку и дружески подмигнул ей.

— А вы, комиссар, не хотите сказать нам несколько слов?

Джеруша вздрогнула, но быстро поняла, что член Ассамблей даже и не заметил, что кто-то бесцеремонно переговаривается у него под носом. Боги, только бы голос не дрогнул! Она прокашлялась.

— Благодарю вас, сэр. На самом деле, направляясь сюда, я не имела намерения выступать с речью, и, честно говоря, у меня крайне мало времени… — Ну минутку-то послушайте все-таки! — Но раз уж мне предоставлено слово на столь

высоком собрании, то, возможно, имеет смысл очень кратко обсудить одну весьма важную проблему. — Она встала, опершись пальцами о стол. — Несколько недель тому назад я получила очень тревожную информацию относительно меров — это существа, обитающие в морях Тиамат и используемые нами для получения так называемой «живой воды», — пояснила она специально для тех членов Ассамблеи, которые действительно не представляли себе, кто такие меры. — Мне сообщили, что меры созданы Старой Империей как разумные существа с высоким уровнем развития интеллекта! Человек, сообщивший мне об этом, получил данную информацию непосредственно от предсказательницы, погруженной им в Транс.

Она видела, как смысл ее слов медленно доходит до них, точно круги на воде от брошенного камня; и пыталась догадаться, искренне ли они удивлены или все-таки все это им давно известно, а сама она — единственный человек в этой комнате, который слепо не замечал очевидного… Но если кто-то из них и притворялся, изображая изумление, то делал это довольно успешно. Вокруг тут же поднялся возмущенный гул.

— Неужели вы хотите сказать, комиссар, — воз-

мущенно спросил Хованнес, — что мы умышленно занимались уничтожением целой расы мыслящих существ?

Она кивнула, по-прежнему глядя в стол и от волнения слегка постукивая ногой об пол.

— То есть, разумеется, не умышленно. — Перед ее мысленным взором вновь предстал тот залитый кровью берег: но вы ведь убивали их, чтобы продлить собственную жизнь! — Я уверена, что ни один из присутствующих, ни один из уважаемых членов Ассамблеи не допустил бы ничего подобного. — Она пристально посмотрела на того, кто носил особый знак Старейшего; это был мужчина лет шестидесяти на вид, которому на самом деле было во много раз больше. — Но когда-то же кто-то безусловно знал о том, кто такие меры, потому что ведь очень давно известно, откуда берется «живая вода». — Если даже Старейший и знал что-то, по лицу его совершенно невозможно было это прочесть; она вдруг удивилась, что вообще хочет заметить на его лице проявление каких-либо чувств.

— Итак, вы предполагаете, — громко спросил ее один из уроженцев Харему, — что наши предки сознательно скрывали правду о мерах — так сказать, из эгоистических побуждений? — Она

физически ощутила мрачную значимость слова «предки» в его устах, и поняла, что совершила неверный шаг. Любая критика предков для жителей Харему воспринималась как оскорбление столь же тяжкое, как обвинение кого-то из уроженцев Ньюхевена в инцесте.

Однако она упрямо кивнула.

— Да, сэр, кто-то из них непременно должен был знать об этом.

Хованнес отхлебнул из своего стакана и тяжело обронил:

— Это слишком тяжкое обвинение, тем более в такой момент, комиссар ПалаТион.

Она снова кивнула.

— Я понимаю, ваша честь. Однако не могу представить себе более подходящей аудитории для того, чтобы понять суть проблемы. Если эта информация соответствует действительности…

— Кто предъявляет подобное обвинение? Каковы его доказательства?

— Инопланетянин по имени Нгенет; у него на Тиамат родовое поместье… плантация…

— Нгенет? — Директор департамента коммуникаций насмешливо почесал мочку уха. — Этот ренегат? Да он готов обвинить Гегемонию в любой гнусности! Это всем известно. А вы, комиссар,

чем слушать его, лучше приготовили бы ему место в тюрьме!

Джеруша усмехнулась.

— Когда-то я действительно подумывала об этом. Однако Нгенет клянется, что получил эту информацию от сивиллы — здешней предсказательницы; достаточно легко проверить, не лжет ли он: ведь мы можем задать тот же вопрос любому другому предсказателю.

— Я оскорбил бы честь своих предков, начав столь унизительную проверку! — пробормотал один из членов Ассамблеи.

— Мне кажется, — Джеруша снова смотрела в стол, — что будущее обитателей целой планеты — как гуманоидов, так и негуманоидов — имеет куда большее значение, чем репутация нескольких уроженцев Харему, тысячелетия назад обратившихся в прах. Если мы сейчас закроем глаза на имевшее место массовое убийство разумных существ, то окажемся ничуть не лучше здешней Снежной королевы. Нет, значительно хуже! На нас будет кровь невинных меров, умерщвленных руками тех рабов и лакеев Ариенрод, которые всего лишь вынуждены подчиняться ей; в то время как мы сами виноваты, удерживая их в состоянии варварства! — Потрясенная тем, что

осмелилась предъявить им подобные обвинения, она вдруг на мгновение вспомнила того, кто подсказал ей эту идею.

За столом воцарилась мертвая тишина, и Джеруша, почувствовав себя крайне неуютно, села. И сидела неподвижно, отчетливо слыша каждый свой вдох и выдох, чувствуя, как с каждым мгновением иссякает их показная доброжелательность, улетучивается вместе со сквозняком из этой огромной комнаты.

— Прошу прощения, господа. Я… я знаю, что это неожиданно. И я понимаю, нелегко согласиться с подобными обвинениями; именно поэтому я потратила немало времени и усилий, чтобы определить, для себя самой, прежде всего, как мне быть с этой информацией дальше, составлять ли докладную…

— Докладную составлять не нужно, — быстро сказал Хованнес.

Она вопросительно посмотрела на него, слушая нарастающий гневный шумок за столом, исходивший прежде всего от уроженцев Харему и ее соотечественников с Ньюхевена. Черт бы тебя побрал, дуру этакую! С чего это ты решила, что им захочется смотреть правде в глаза, да еще такой правде? Тебе-то самой хотелось бы?.. — Ассамблея

обсудит этот вопрос после нашей эвакуации с Тиамат. Если соответствующее решение будет принято, Гегемонический координационный центр на Харему сможет в определенных пределах изменить политику Гегемонии.

— Но я надеюсь, что вы, по крайней мере, обратитесь к помощи предсказателей? — Джеруша незаметно терзала под столом ремешок от наручных часов, страстно мечтая о горсточке йесты.

— Предсказатель есть на борту нашего корабля, — сообщил Хованнес, в сущности так и не ответив на ее вопрос.

Жаль мне вашего предсказателя, бедняжку — в таком-то окружении… Она далеко не была уверена, что они вообще зададут ему тот единственный вопрос, который задать стоило.

— Так или иначе, — Хованнес нахмурился, поскольку Джеруша упорно молчала, — решение Ассамблеи вас касаться не будет; вы отныне будете жить и работать вдали от Тиамат. Как и все мы, впрочем. Мы высоко ценим вашу заботу об этой планете и вашу честность в отношении Гегемонии. Но с настоящего времени вопросы жизни Тиамат будут носить для нас чисто академический характер.

— Полагаю, вы правы, ваша честь. — Можно

считать, что и дождь не идет, если на вас конкретно не упало ни капли. Она встала и механически, точно робот, отдала честь. — Благодарю всех за предоставленную мне возможность выступить. Но мне необходимо вернуться к исполнению своих обязанностей, пока и они не приобрели чисто академического характера. — Она повернулась, не ожидая формального разрешения, и быстро вышла из комнаты.

Уже по крайней мере на середине приемной она услышала голос Хованнеса. Она замедлила свой бег, обернулась, то краснея, то бледнея, и увидела, что он один. Понять выражение его лица она так и не сумела.

— Вы даже не дали членам Ассамблеи возможности сообщить о вашем новом назначении, комиссар. — Он смотрел укоризненно: она явно вела себя бестактно перед высокими гостями, однако более он не прибавил ни слова.

— Ох, прошу прощения! — Джеруша машинально протянула руку и онемевшими пальцами взяла у него текст предписания; пальцы у нее совершенно онемели. О боги, какова же будет моя дальнейшая судьба?

— Вы разве не хотите взглянуть? — Это было не простое любопытство и не проявление

доброжелательного понимания, и Джеруша почувствовала, как вслед за пальцами у нее немеет все тело.

Она чуть было не сказала «нет», но какая-то упрямая часть ее души не могла не принять вызов Хованнеса.

— Разумеется, хочу. — Она быстро просматривала страницу за страницей, роняя прочитанные листки на пол. Все подразделение, работавшее на Тиамат, распускалось; полицейских отправляли на разные планеты, как она, собственно, и ожидала… Мантаньес получал очередное назначение в чине старшего инспектора… А она… Наконец она обнаружила собственную фамилию и прочитала…

— Это ошибка. — Джеруша была совершенно спокойна: она просто не поверила собственным глазам. Потом снова уткнулась в текст: так, командующий полицейским подразделением, то есть пост примерно тот же, что и сейчас… Но только — на станции Рай, в Силлагонге, на Большой Голубой. — Там же ничего нет! Там только пустыня, засыпанная радиоактивным пеплом…

— Там есть крупная исправительная колония. И ведется интенсивная добыча минеральных веществ. Все это очень важно для Гегемонии,

комиссар. Существуют планы по расширению колонии, а потому охрану там решено усилить.

— Черт побери! Я офицер полиции и не желаю служить надзирателем в лагере для уголовников. — Она скомкала листок. — Почему именно мне дается такое поручение? Только потому, что я сказала правду? Не моя вина, если…

— Такое назначение было предусмотрено для вас с самого начала, комиссар. Однако за проделанную вами работу вы были повышены в звании. — Хованнес тщательно подбирал слова и выговаривал их с тягучей медлительностью облеченного властью человека, привыкшего пользоваться как собственной властью, так и получаемой из первоисточников информацией. — Реабилитация преступников, в конце концов, не менее важна, чем их привлечение к ответственности. Кто-то же должен это делать, а вы доказали, что отлично можете справиться с… любым труднейшим заданием.

— Но вы ведь загоняете меня в тупик! — Спорить было унизительно, однако она ничего не могла поделать с собственным темпераментом. — Я сейчас являюсь комиссаром полиции целой планеты. Мне только что была объявлена благодарность в приказе. Я не могу молча смот-

реть, как рушится моя карьера!

— Разумеется, не можете, — отеческим тоном поддержал он ее. — А почему бы вам не обсудить это снова с членами Ассамблеи? Хотя вряд ли вам удастся расположить их к себе — особенно после столь тяжких и оскорбительных обвинений в их адрес. — Темные глаза Хованнеса стали непроницаемо черными. — Давайте поговорим начистоту, комиссар. Оба мы понимаем, что назначением на столь высокий пост вы обязаны исключительно вмешательству Снежной королевы. Вас и инспектором полиции-то сделали, просто чтобы умаслить ее. А уж назначения на пост комиссара вы и подавно не заслуживали. Вы понимаете не хуже меня, что мужчины, находившиеся у вас в подчинении, никогда не могли смириться с этим. — Но ведь все это — происки Ариенрод! А теперь все будет иначе, ведь наступает Смена Времен Года… — Моральное состояние в вашем подразделении было поистине ужасным, как о том не раз докладывал мне старший инспектор Мантаньес. Полиция в вас не только не нуждается — она не желает принимать вас. Примете ли вы новое назначение или откажетесь, решать вам. Нам это совершенно безразлично. — Заложив руки за спину, Хованнес возвышался

над ней, неколебимый как стена. Она вспомнила те банальные похвалы, которые он расточал ей всего несколько минут назад.

Ты специально подводил меня к этому, ублюдок. Я предчувствовала такой конец. Знала, что это случится скоро, но после вчерашних событий решила… подумала…

— Я буду протестовать, Хованнес. — Голос ее дрожал от ярости — причем больше всего она сердилась на себя, потому что сама допустила все это. — Снежной королеве не удалось меня уничтожить, не удастся и вам. — Но ей-то как раз это удалось, Джеруша, ей-то удалось… Она резко повернулась и пошла прочь, и на этот раз Хованнес ее не окликнул.

Выйдя из здания Суда, Джеруша направилась вниз по Голубой аллее к полицейскому управлению. Даже во время Фестиваля чересчур веселые компании избегали этой части города. Сперва она хотела одного: отправиться прямиком к своим ребятам из управления, рассказать им, в чем дело, и выяснить, может ли она рассчитывать на их поддержку. Она видела, что их отношение к ней после вчерашних событий менялось прямо на глазах; это можно было прочесть буквально на каждом лице. Но как сильно оно уже успело

измениться? Ах, если бы она располагала временем для того, чтобы доказать, что способна и впредь пользоваться не меньшим уважением, чем любой мужчина! Но времени-то у нее и не было. Его вряд ли хватит даже для того, чтобы попытаться прибегнуть к их помощи… Да и стоит ли стараться?

Она обнаружила, что стоит в полном одиночестве перед зданием полицейского управления — старинным огромным домом, прямо-таки каким-то архитектурным ископаемым, ставшим ей таким привычным. Ни одно другое здание, ни один пост не будут столь ненавистны ей… или — она вдруг отчетливо осознала это — столь важны для нее. Но всегда, на любой планете, если она будет продолжать носить форму полицейского, она всегда будет чувствовать себя аутсайдером, всегда должна будет бороться не только за результаты собственной работы, но и за право ее выполнять. И всегда найдется другой Хованнес, другой Мантаньес, которые непременно постараются изгнать ее из своего круга. Боги, неужели она действительно хочет всю оставшуюся жизнь провести в подобной борьбе? Нет… нет, если сумеет найти для себя другое занятие, которое значило бы для нее не меньше, чем те-

перешняя работа. Без подобного дела она своей жизни не мыслила, не видела в ней цели, смысла, будущего… ничего. Она прошла дальше, мимо полицейского участка до конца аллеи, и нырнула в праздничный поток.

Глава 50

Спаркс бродил по своим полутемным апартаментам, ощущая себя совершенно чужим здесь; он был измучен бессонницей и настроен исключительно мрачно. Он больше не принадлежал к числу приближенных Снежной королевы — но и не чувствовал в себе сил окончательно с ними расстаться. Теперь все, в том числе и тайные, входы в его апартаменты охранялись — но не гвардейцами Ариенрод, а жителями Летних островов, разъяренными попыткой королевы предотвратить Смену Времен Года. Сама Ариенрод тоже находилась под стражей — им каким-то образом удалось вовремя раскрыть ее заговор. Но когда Спаркс попытался расспросить островитян о Мун и о том, не она ли рассказала им о заговоре, они либо недоуменно пожимали плечами, либо не желали говорить с ним. А когда он попытался удрать, а потом стал объяснять, что он такой же

сын Лета, как и они, они только посмеялись и загнали его назад, размахивая своими гарпунами и ножами: им прекрасно было известно, кто он такой — благодаря Ариенрод. Было ясно, что они так и продержат его взаперти до дня жертвоприношения.

Ариенрод никогда не отпустила бы его от себя. А теперь, когда рухнули все ее планы, она хочет, чтобы вместе с ней погиб и он. Она привязала его к себе столь же крепко, как связывают Снежную королеву и ее Звездного Быка перед тем, как бросить их в море. Она была воплощением Хозяйки, а Звездный Бык — ее верным Слугой, так что они непременно должны были возродиться с началом нового прилива… но только в ином обличье, с чистыми, незапятнанными душами — душами детей Лета. Так было всегда, с незапамятных времен, и, несмотря на то, что инопланетяне несколько сократили число старинных обрядов, этот ритуал остался жив, как и вера в Хозяйку. Разве ему по силам изменить древний обряд? Мун пыталась спасти его от смерти, но судьба оказалась сильнее их обоих. Он старался не думать о том, что произошло между Ариенрод и Мун, когда его увели из зала Ветров. Мун наконец-то должна была узнать правду о том, кто она такая…

Но даже если Мун и удалось спастись от Ариенрод, то вернуться к нему сейчас она все равно не сможет. Ему оставалось благодарить судьбу за то, что последние часы он провел с любимой женщиной — все-таки утешение для мужчины перед смертью…

Он порылся в позолоченном шкафу, отыскал там стопку одежды, в которой впервые явился во дворец, и бережно разложил вещи на мягком ковре; там были даже те бусы, которые он купил себе на следующий день после прибытия в Карбункул. Там была и его флейта… Он отложил флейту в сторону, снял свой роскошный наряд и надел широкие грубые штаны и яркую пеструю рубаху, которая отлично сочеталась с дешевыми бусами. Он одевался тщательно, словно уже готовился к совершению ритуала. Потом взял с полки медаль, некогда принадлежавшую его отцу, и надел ее на шею. Потом осторожно подобрал с ковра флейту и, усевшись на краешек роскошной кушетки, поднес флейту к губам и снова опустил, почувствовав вдруг, что во рту от волнения пересохло так, что играть было совершенно невозможно. Он сглотнул; постепенно стук в висках стих. Тогда он снова взял флейту, закрыл пальцами нужные отверстия и подул. Дрожащий прон-

зительный звук затрепетал в воздухе — словно некий дух не в силах был сдержать своего изумления, обнаружив вдруг, что вырвался из оков молчания, которые считал вечными. В горле все еще стоял комок, дышать было трудно, и Спаркс снова сглотнул; в голове его роились мелодии, рвавшиеся на простор. Он заиграл — неуверенно, неловко перебирая пальцами, стараясь слушаться памяти, но порой фальшивые звуки все-таки резали ему слух. Постепенно пальцы потеплели, стали ловчее; волшебная влага мелодии, сладкая и прозрачная, вновь полилась из того источника, который он хранил в сердце, увлекая его в тот мир, который, как ему казалось, он потерял навсегда. Ариенрод пыталась отравить радость от его последней встречи с Мун, отнять у него даже это, как уже отняла у него способность восхищаться прекрасным, тем, что не имело отношения к ней самой. Но у нее ничего не вышло. Страсть и вера Мун были столь же чисты, сколь чиста была эта музыка, и воспоминания о ней смывали с души позор, излечивали любые раны, исправляли все совершенные ошибки…

Спаркс поднял глаза — музыка и очарование исчезли, едва в двери загремел замок. Дверь распахнулась, и прямо перед ним возникли две

фигуры в плащах с низко надвинутыми на лица капюшонами. Один человек двигался как-то неестественно медленно. Вошедшие быстро закрыли за собой дверь.

— Здравствуй, Спаркс, Покоритель Зари, сын Лета…

Спаркс напряженно вглядывался в них, пытаясь зажечь дополнительный настенный светильник.

— Что вам угодно? Мое время еще не пришло…

— Пришло… после двадцати-то лет. — Первый человек, тот, что двигался легко, вышел вперед, в круг света от лампы, и сбросил с головы капюшон.

— Кто вы? — Спаркс увидел перед собой мужчину лет тридцати пяти, инопланетянина. Сперва ему показалось, что это уроженец Харему, но почему-то с более светлой кожей и более округлым лицом, к тому же весьма крупного. Лицо его… кого-то оно напоминало ему…

— Нам давно уже пора встретиться с тобой, Спаркс, ведь больше двадцати лет прошло. Вот только хотелось бы, чтобы обстановка для этого была более приятной и радостной.

— Кто вы такой? — Спаркс поднялся с кушетки.

— Я твой самый ближайший предок. — Слова эти прозвучали, как бы отмечая его конкретную позицию на генеалогическом древе, не больше. Он улыбнулся и покачал головой. — Я твой отец, Спаркс. — Он словно чего-то недоговаривал, словно не способен был выразить этими словами слишком сложные чувства, обуревавшие его.

Спаркс снова сел; голова у него кружилась; он страшно побледнел, казалось, вся кровь разом отлила от его лица.

Незнакомец — его отец! — расстегнул плащ и небрежно бросил его на кресло; под плащом оказался простой серый космический комбинезон, поверх которого был надет богато расшитый воротник; на груди висела, медаль, указывавшая на его принадлежность к членам Ассамблеи. Он отвесил Спарксу легкомысленный поклон, словно тоже совершенно не представлял, с чего же начать разговор.

— Теммон Ашвини Сайрус, Первый секретарь. — Его спутник — а может, просто слуга? — повернулся и без лишних слов поспешил прочь, исчезнув в соседней комнате и оставив их наедине друг с другом.

Спаркс усмехнулся, чтобы не разрыдаться.

— Что это? Тоже какая-нибудь шутка Ариен-

род? — Он прикрыл свою медаль рукой и стиснул ее в кулаке так, что побелели пальцы… вспоминая, как она издевалась над ним, насмешничала, говоря, что знает, кому принадлежит эта медаль, знает имя его отца; и лгала ему.

— Нет. Я просто объяснил островитянам, что хотел бы повидаться со своим сыном, и они показали мне, где тебя найти.

Спаркс резким движением сорвал с себя медаль и швырнул ее прямо к ногам Сайруса; голос его от мучительного недоверия звучал хрипло.

— Раз так, то это должно принадлежать тебе, герой! И уж, черт побери, никак не Звездному Быку! Тебе, должно быть, потребовалось немалое умение, чтобы пробраться сюда и воткнуть в меня нож… вот же твоя награда. Возьми и убирайся. — Он закрыл глаза, стараясь не замечать, не видеть лица, столь похожего на его собственное. Он услышал, как Сайрус наклонился и поднял медаль.

— Нашему благородному сыну Теммону… — Решительный голос его вдруг ослабел и стал как бы прозрачным. — А как поживает твоя мать? Я подарил это ей в Ночь Масок… это твое по праву.

— Она умерла, чужеземец. — Спаркс специально открыл глаза, чтобы посмотреть, какое у

Сайруса будет лицо. — Я убил ее! — Он выждал паузу. — Она умерла в тот день, когда я родился.

Первоначальное потрясение сменилось на лице Сайруса горьким неверием.

— Значит, она умерла при родах? — Он уточнял, словно ему действительно было важно, так ли это.

Спаркс кивнул.

— На Летних островах не так уж много современного медицинского оборудования и больниц. Да и здесь после Смены Времен Года островитяне тоже их иметь не будут… — Он провел рукой по грубой ткани своих штанов. — Но мне это будет уже все равно. Как и вам.

— Сын. Мой сын… — Сайрус все вертел в пальцах медаль. — Что еще я могу сказать тебе? Премьер-министр — мой родной отец и, стало быть, тебе он дед. Когда он вернулся за мной, все было куда проще. Уже одно то, что в жилах моих струилась его кровь, делала меня в глазах представителей нашего класса чуть ли не королем — во всяком случае, лидером; давало мне право быть наверху, приносило мне только успех и счастье.

Когда мой отец прилетел за мной на Саматхе, то прежде всего вручил мне эту медаль, ввел меня в

свой круг и сделал членом Ассамблеи. — Медаль скользнула у него между пальцами и повисла, качаясь на цепочке и пуская вокруг солнечные зайчики. — Я отдал ее твоей матери потому, что она была очень похожа на мою мать — со своими синими, точно лесные озера, глазами и волосами цвета солнечных лучей… На одну ночь, благодаря ей, я вновь очутился в мире моего детства — я в ту пору был ужасно одинок и очень скучал по своей далекой родине. — Он поднял глаза и на раскрытой ладони протянул Спарксу медаль. — Она принадлежала ей, потом тебе и всегда будет твоей.

Спаркс чувствовал, что более не способен владеть собой, что плоть его превращается в кисель, в дым…

— Ты, мерзавец!.. Зачем ты явился сюда теперь? Где ты был тогда, много лет назад, когда я так в тебе нуждался? Я ждал тебя, надеялся, что ты вернешься, я старался быть таким, каким, по моим представлениям, ты хотел бы видеть меня, каким ты и сам виделся мне… — Спаркс обвел рукой комнату, полную различных приборов и инструментов, с помощью которых он мучительно решал свои бесконечные технические загадки. — Но теперь, когда все в прошлом, когда я сам

разрушил свою жизнь… ты и явился — зачем?

— Спаркс, жизнь твоя еще не кончена. Я пришел… чтобы внести в нее некоторые поправки. — Он колебался; Спаркс медленно повернулся и посмотрел ему в глаза. — Твоя двоюродная сестра Мун все рассказала мне о тебе. И это она прислала меня сюда.

— Мун? — У Спаркса перехватило дыхание.

— Да, сын. — В улыбке Сайруса чувствовалось желание помочь, подбодрить. — Это ее находчивости мы обязаны нашей встречей, а сердце ее, по-моему, ждет встречи еще кое с кем… Поговорив с ней, я понял, что тебя воспитала очень хорошая семья. — Спаркс молча отвел глаза. — А столкнувшись с удивительной верой Мун в тебя, — в голосе Сайруса послышалась какая-то затаенная грусть, — я окончательно понял, что мне нечего стыдиться такого сына. — Сайрус посмотрел на инструменты и приборы — молчаливые свидетельства того, что в жилах у них течет одна кровь, что они унаследовали одну и ту же страсть.

Спаркс встал, и Сайрус, подойдя к нему, снова повесил медаль ему на грудь и пристально посмотрел в глаза.

— Ты больше похож на мать… но я вполне

успел убедиться, что в тебе живет неистребимая потребность любого технократа непременно ответить на все «почему». Мне и самому очень хочется, чтобы существовал ответ на любой вопрос… — Он как-то нерешительно положил руку Спарксу на плечо.

Но Спаркс смотрел отцу прямо в глаза, словно запечатлевая в своей памяти и этот миг, и это прикосновение, — он чувствовал, что открылась дверь той холодной темницы, где долгие годы томилась в заточении некая часть его души, и навстречу ей хлынули тепло и свет.

— Ты все-таки прилетел! Ты пришел сюда ради меня… Отец… — Он с трудом выговорил это слово, хотя был уверен, что ему никогда в жизни не доведется произнести его. И обеими руками прижал к себе руку Сайруса, держась за нее, словно ребенок. — Отец!

— Очень трогательно. — Спутник Сайруса резко нарушил эту идиллию. — А теперь, если вы не возражаете, ваша честь, я бы хотел со всем этим покончить.

Спаркс выпустил руку отца, неохотно обернулся и увидел, как тот второй человек расстегивает и снимает свой плащ.

— Герне! Откуда ты?..

Герне мрачно ухмыльнулся.

— Меня послала Похитительница Детей. Я твой подменыш, Покоритель Зари. — Его парализованные ноги были засунуты в какое-то неуклюжее подобие протезов.

— О чем это он говорит? — Спаркс снова оглянулся на отца. — Что он вообще здесь делает?

— Его привела ко мне Мун. Она сказала, что он хочет занять твое место во время обряда жертвоприношения.

— Занять мое место? — Спаркс был потрясен. — Он? Ты?.. Но почему, Герне? Почему ты хочешь сделать это для меня? — Он даже не позволял себе надеяться…

Герне коротко рассмеялся.

— Не для тебя, Покоритель Зари. Для нее. Ты даже не представляешь себе, насколько они похожи! Не можешь представить… А Мун поняла меня. Она поняла, что именно мне необходимо, чего я добиваюсь, желая вернуть Ариенрод и самоуважение… и с этим завершить свою жизнь, в последний разок посмеяться смерти в лицо. И она дала мне эту возможность. Боги, поскорее бы увидеть лицо Ариенрод, когда ей откроется, что она обманута по всем статьям! И тут уж она станет моей целиком — и навсегда! И мы вме-

сте пройдем все круги ада и рая. — Он словно вернулся к ним издалека. — А тебе, Покоритель Зари, придется довольствоваться подпорченной копией — надеюсь, тебе и этого будет вполне достаточно. Ведь ты так никогда и не дотянул до того, чтобы обладать оригиналом. — Он протянул Спарксу свой плащ.

Спаркс взял его и набросил на плечи.

Сайрус вытащил из кармана склянку с какой-то коричневой мазью.

— Намажь-ка этим лицо и руки — у тебя слишком белая кожа, стража может заметить.

— Да, а то еще заметят, что ты не из числа Избранных, — не удержался и съязвил Герне.

Спаркс подошел к зеркалу и послушно натерся коричневой мазью. Позади себя он видел отражения Сайруса, который ждал, глядя на него, и Герне, озиравшегося с жадным вниманием бывшего обитателя этих комнат. Да, настоящий Звездный Бык вновь оказался в своем логове, а он, Спаркс… он просто встретился здесь с отцом… Они были очень разные, хотя и играли одну и ту же роль, любили одну и ту же женщину — в которой, как оказалось, заключены были две совершенно различные женщины, и теперь они любили ее именно за это… А сейчас один

из них готов был вернуться к жизни, второй же — умереть…

Спаркс накинул капюшон на голову и подошел к Сайрусу.

— Я готов. — Он наконец-то сумел ответить улыбкой на улыбку отца.

— Сын Первого секретаря, внук премьер-министра… что ж, ты отлично подходишь для этой роли. — Сайрус удовлетворенно кивнул. — Может быть, хочешь взять что-нибудь на память?

Спаркс вспомнил, что флейта его так и осталась лежать на кушетке, и взял ее.

— Больше ничего. — Он только глянул на беспорядочно перепутанные провода на своем рабочем столе и тут же отвернулся.

— Герне… — Сайрус что-то тихо проговорил на своем языке и повторил сказанное для Спаркса:

— Спасибо тебе за то, что ты отдал мне моего сына.

Спаркс глубоко вздохнул.

— Спасибо, Герне.

Герне скрестил руки на груди с довольным видом, явно наслаждаясь чем-то, чего Спаркс понять до конца не мог.

— Да в любое время, садху, пожалуйста. Только уж постарайтесь не забыть, что своим счастьем

вы обязаны мне! А теперь прочь отсюда! Мне хочется побыть одному в своих роскошных апартаментах, ведь времени у меня осталось немного.

Сайрус постучал в дверь, и она открылась. Спаркс быстро оглянулся на Герне, удобно расположившегося в глубине комнаты. Прощай, Ариенрод… И, прихрамывая, Спаркс двинулся следом за Сайрусом, изображая его слугу.

Глава 51

Мун плыла на волнах шумной праздничной толпы вниз по Главной Улице, прямо в скрипучие доки подбрюшья Карбункула — в ту, самую нижнюю, часть города, что открывалась прямо в море. Здесь людская река замедлила, наконец, свой бег, принося дары Матери Моря, и Мун удалось выбраться из толпы, — ей казалось, что прошла уже целая вечность, хотя с момента ее избрания миновало всего несколько часов. Теперь она могла провести остаток Ночи Масок так, как того хотелось ей самой. Пока не наступит рассвет.

Она вновь стала пробираться вверх по Главной улице к дому Джеруши ПалаТион, отбиваясь по дороге от развеселых поклонников, скрытых

под масками и карнавальными костюмами, и ощущая бешеный, все убыстряющийся пульс этой последней ночи Фестиваля — ночи страсти и обещаний. Однако вспышки всеобщей любви лишь обостряли ее собственное чувство одиночества, и ей начинало казаться, что она останется на всю жизнь одинокой, если так и не сумеет что-либо предпринять за оставшиеся до рассвета несколько часов.

Чернота ночи за толстыми стенами города стала почти непроницаемой, когда она добралась наконец до дома ПалаТион и забарабанила в дверь. Джеруша сама открыла ей; вместо полицейской формы на ней было какое-то бесформенное одеяние вроде балахона. Она изумленно воззрилась на стоявшую перед ней королеву Лета.

Мун приподняла маску, осторожно сняла ее, да так и осталась стоять с ней в руках, не говоря ни слова.

— О боги… — ПалаТион даже головой потрясла, словно мысли у нее совсем спутались, и провела Мун в спасительную тишину дома, за порогом которого шумела и бесновалась праздничная толпа.

Мун прошла прямо в гостиную; сердце у нее стучало так, что было трудно дышать, глазами

она искала…

— Нет. Пока нет. — ПалаТион шла за ней следом. — Он еще не вернулся.

— О, Хозяйка, — только и смогла выдохнуть Мун.

— Ничего, время еще есть.

Мун только молча кивнула и положила маску королевы Лета на краешек кушетки.

— Что, она уже слишком тяжела для тебя? — Голос ПалаТион звучал не слишком ласково.

Мун посмотрела ей прямо в глаза, которые от бесконечной усталости и разочарований казались подернутыми пеплом.

— Нет… Но завтра на рассвете, если Спаркса не… не… — и она снова опустила глаза.

— А ты честным путем выиграла эту маску? — прямо спросила ее ПалаТион, явно рассчитывая на такой же прямой ответ.

Мун покраснела, теребя ленты на маске. Честно ли?

— Я должна была выиграть ее.

ПалаТион нахмурилась.

— Ты хочешь сказать, что по-настоящему веришь в предопределенность своей судьбы… сивилла?

— Да. Судьба моя была предопределена. Я непре-

менно должна была победить — если смогу. И я смогла. И причина для этого куда важнее судьбы каждого из нас в отдельности, комиссар. Мне кажется, вы понимаете, что я имею в виду… Вы все еще хотите остановить меня? — Она открыто бросала ей вызов; на лице ПалаТион была написана странная, совершенно несвойственная ей нерешительность. Она обхватила себя руками — словно в легком балахоне с широкими рукавами ей было холодно.

— Это зависит от того, что ты ответишь на мой следующий вопрос… Я хочу задать тебе только один вопрос, сивилла.

Изумленная Мун только кивнула.

— Спрашивай, и я отвечу… — Ввод информации…

— Скажи мне правду, сивилла, всю правду о мерах!

Изумление так и не покинуло Мун, когда она начала проваливаться в черную пустоту, когда память компьютера как бы заменила ее собственный разум… Она готова была рассказать этой инопланетянке всю правду…

Но за пределами этой правды таилась еще одна, более глубокая, и пока Мун плыла в безбрежном море тьмы, видения сменяли друг друга и чей-

то голос рассказывал — ей одной… Она видела меров, но не такими привычно игривыми и невинными, точно дети и любимцы Моря, — но такими, какими они были созданы изначально: уступчивыми и мягкими разумными существами, несущими в себе зародыш бессмертия. То был первый шаг к бессмертию для всего человечества… Более того, бессмертие было дано мерам для вполне определенной цели, как и разум. И цель эту знала лишь она одна: машина, управлявшая всей сетью предсказателей, тайное хранилище знаний человечества, спрятанное здесь, на Тиамат, под раковиной Карбункула, на дне морском. Мун видела, как мирно парят в этом подводном мире хранители памяти человечества — меры. Ученые Старой Империи, в чьи планы это входило, надеялись, что создание системы предсказателей поможет им ускорить работу по созданию бессмертной человеческой расы; или, по крайней мере, приостановит тот процесс распада, что уничтожал Империю изнутри.

Но разложение ее началось гораздо раньше, с появлением первых мелких королевств, высвободившихся из-под ее власти; их недальновидные борцы за свободу жаждали пусть даже и не совсем настоящего, но все же бессмертия — только

для себя и немедленно, раз бессмертие для всей человеческой расы было пока недостижимо. Миры, подчиненные Старой Империи, начали безжалостное истребление меров, что постепенно разрушило способность последних исполнять возложенные на них функции; повреждена была и сеть предсказателей, не успев оформиться окончательно. Империя пала под весом собственной тяжести… однако страшная тайна «живой воды» так и осталась нераскрытой до конца; попытки раскрыть ее возобновились с установлением власти Гегемонии, и резня меров началась с новой силой. К этому времени меры уже полностью утратили понимание смысла собственного существования на Тиамат и заметно регрессировали, снова став довольно примитивными существами, безмятежно живущими в полнейшем симбиозе с морем. Эмигранты-гуманоиды, ставшие колонистами на Тиамат и стремившиеся обрести здесь новый дом, не больше самих меров знали о том, что хранится на дне моря; однако в их среде сохранилось некое первобытное уважение к Матери Моря, которой они постоянно платили дань, называя меров, ее бессмертных детей, священными.

Сеть предсказателей продолжала функциони-

ровать, внедряя свои знания в изуродованные историческими катаклизмами культуры, поднимая их из руин рухнувшей Старой Империи. Однако ответы отдельных предсказателей со временем становились все более неясными и страдали известными преувеличениями из-за утраты потенциала всей сети в целом. И Мун понимала теперь, что утрачен и еще один, значительно более важный аспект могущества предсказателей. Те, казалось бы, неумелые манипуляции, с помощью которых машина старалась заставить ее, сивиллу, выполнить свою волю, отнюдь не случайны и никогда не планировались как редкий феномен. Предсказатели созданы были не просто как рупор чьей-то вторичной мудрости, но как подлинные проводники и зачинщики различных социальных перемен, способные вернуть стабильность и гуманность тем культурам, внутри которых были рождены. И эта их исключительно важная функция была почти полностью утрачена вместе с той изначально четкой информацией, которую они получали прежде от основного компьютера.

Но она, Мун, все-таки стала королевой Лета — как того «желал» мозг машины! И теперь, достигнув цели, она непременно начнет работу по

воссозданию некогда разрушенного. На нее была возложена последняя надежда великой машины; ради ее успеха машина активизировала все свои невостребованные и иссякающие ресурсы. Только в том случае, если Мун удастся повернуть вспять процесс неизбежной дезинтеграции системы предсказателей, машина вновь начнет функционировать в полную силу — и только тогда она действительно сможет помочь королеве Лета покончить с инопланетной эксплуатацией Тиамат. Конечно же, компьютерный «мозг» станет руководить ею до определенного предела, но сама она, взвалив на себя эту ношу, непременно постарается воплотить свои замыслы в жизнь…

…Конец анализа! Мун пошатнулась, когда черное Ничто выпустило ее на волю. ПалаТион, бережно поддерживая ее, помогла ей прилечь на кушетку.

— С тобой все в порядке? — ПалаТион пытливо всматривалась в лицо Мун.

Мун уронила голову на грудь, буквально раздавленная последним откровением машины.

— О, Хозяйка!.. — Стон вырвался из ее уст, когда она наконец осознала, кому, собственно, возносила свои молитвы. — Как? Как смогу я исправить то зло, что творилось тысячелетиями? Я ведь

совсем одна, я всего лишь — Мун…

— Ты королева Лета, — сказала ПалаТион. — И ты сивилла. У тебя есть все, что нужно. Это лишь вопрос времени… Ну а времени-то у тебя будет достаточно, прежде чем Гегемония вновь попытается властвовать здесь.

Мун медленно подняла голову.

— Не беспокойся, — ПалаТион отвернулась, — я не стану препятствовать тебе. Разве я смогу жить… разве душа моя выдержит знание о стольких смертях? Столько смертей — и ради чего?.. — Она стиснула руки.

Мун потребовалось еще некоторое время, чтобы убедиться, что и ПалаТион слышала лишь то же, что и Нгенет тогда, а вовсе не то, что было нашептано в таинственной темноте ей самой. То, в чем ПалаТион видела сейчас вызов общественному порядку, было лишь частью тех глобальных изменений, которые должны будут затронуть всю галактику от края до края, однако она прекрасно понимала, что этот вызов все-таки будет брошен и исход поединка придется измерять чьими-то страданиями и смертями; и этого ей было достаточно. Мун кивнула.

— Это значительно важнее для огромного количества людей, чем я могу рассказать вам…

ПалаТион сдержанно улыбнулась.

— Что ж, какое-никакое, а утешение! — Она подошла к столику у дверей, на котором важно «восседала» огромная морская раковина. ПалаТион взяла ее и некоторое время стояла неподвижно, спиною к Мун.

Мун вытянулась на кушетке; тело было словно налито свинцом, мозг отупел от перегрузки. Интересно, думала она, как я переживу завтрашний рассвет, с которого начнутся долгие годы моего правления?

— Мне необходимо вернуться… — начала было она, но тут ПалаТион резко вскинула голову: в дверь постучали. Мун быстро села, обеими руками вцепившись в концы своего пояса и жестоко закручивая их в ожидании ПалаТион, исчезнувшей за дверями гостиной.

Она слышала, как в прихожую вошли какие-то мужчины…

— Вы! — Голос одного из них сорвался, как если бы этот человек был потрясен чьим-то предательством. Очень знакомый голос…

Мун вскочила и бросилась к двери. В прихожей, освещенные ярким светом, стояли трое; волосы одного из них отливали рыжим пламенем…

— Погоди, Спаркс, не спеши. — ПалаТион пой-

мала его за руку и держала крепко, потому что он уже хотел снова выскочить за дверь. — Если бы тебе была устроена ловушка, ты попал бы прямо в тюрьму, а не ко мне домой.

— Я… я не понимаю… — На лице Спаркса проступило замешательство.

— Не уверена, что и сама я все это понимаю достаточно хорошо… — ПалаТион выпустила его руку. Сайрус стоял рядом, ободряюще улыбаясь сыну.

— Спаркс… — Мун протянула к нему руки.

Он вскинул голову:

— Мун! — И бросился к ней. Больше для этих двоих ничего не существовало.

— Ах, Мун! Моя Мун… — Спаркс чуть слышно шептал ей в ухо эти слова, не давая сказать ни слова в ответ, закрывая рот поцелуями.

— Спарки… — Она чувствовала на своих губах его слезы.

— А теперь, Спаркс, — оба одновременно подняли головы, услышав голос Сайруса, — я должен с тобой расстаться. Впрочем, ты в надежных руках… — Он улыбался, скрывая печаль.

Спаркс кивнул, медленно высвободился из объятий Мун и подошел к отцу. Мун смотрела, как они — может быть, в последний раз — обнимают

друг друга, и сердце у нее разрывалось, а потом Сайрус вышел, снаружи донесся шум города, и дверь снова захлопнулась. ПалаТион быстро заперла ее и с непроницаемым видом посмотрела на Спаркса.

Он глаз не отвел.

— Я расскажу вам все, что знаю о Сурсе. Вам ведь это нужно узнать… чтобы отпустить меня?.. Вы ведь этого хотите? — он говорил так, словно сам по-настоящему в это не верил.

Она молча кивнула.

— Послушайте, комиссар… — Он зажмурился. — Я не знаю, почему вы так поступаете… одно мне понятно: вы делаете это не ради меня. Но мне хочется, чтоб вы знали: мне очень жаль… — Он торопливо закончил:

— Я знаю, это уже не имеет значения, это ничего не меняет и никому уже не принесет добра. Но мне… действительно очень жаль! — Он беспомощно развел руками.

— Ну, кое-что это все-таки значит, Покоритель Зари. — Вид у ПалаТион был такой, словно она сама только что и с большим изумлением узнала, что это действительно кое-что значит.

— Так или иначе, но, по крайней мере, одно я могу для вас сделать немедленно! — выкрик-

нул он, подбежал к противоположной стене и буквально выломал из нее довольно-таки безобразные плоские настенные часы. Мун смотрела, не веря собственным глазам: Спаркс не только с размаху грохнул часы об пол, но и раздавил обломки ногами. Потом улыбнулся и удовлетворенно потер руки. — Если вы по непонятной вам причине ненавидели эту квартиру — то вот она, причина: в эти часы был вмонтирован инфразвуковой передатчик. — Он снова вернулся к Мун и встал с нею рядом, держа ее за руку с таким видом, словно боялся, что она может вдруг исчезнуть. — Здесь могут быть и другие подобные устройства, о которых я просто не знаю.

Понимание того, что она несколько лет прожила под гнетом беспочвенного и бессмысленного страха, постоянно спрашивая себя, в своем ли она уме… и того, что теперь этот страх кончился, отчетливо отразилось на лице ПалаТион.

— Мне всегда хотелось превратить этот дурацкий музей в нормальную квартиру… Но отчего-то я никак не могла начать… — Чудовищное разочарование вновь навалилось на нее, словно и не оставляло ни на секунду. — Ну что ж, Мун, теперь ты получила все, к чему стремилась. И я рада, что хоть кто-то смог добиться чего-то хорошего.

После того как Спаркс даст необходимые показания, оба вы как бы перестанете существовать в прежнем качестве… Во всяком случае, после Смены Времен Года, насколько мне это известно. И будет положен конец тем бесконечным проблемам, которые вы заставили меня решать… И я надеюсь, что свои собственные проблемы вы разрешите без посторонней помощи. — Сказав это, она быстро прошла мимо них куда-то в глубь огромного дома.

— Что она хотела этим сказать? — спросил Спаркс, поворачиваясь к Мун.

Мун покачала головой и отвела глаза.

— Наверное, она имела в виду то, что случилось за последние пять лет. — Пять лет! — И то, что произойдет сразу после Смены Времен Года. — Она посмотрела туда, где лежала маска королевы Лета.

— Что это такое? — спросил он, проследив за ее взглядом.

— Маска королевы Лета. — Она почувствовала, как он весь напрягся и невольно отстранился от нее.

— Это твоя? Ты ее выиграла? — Голос его звучал хрипло. — Нет! Ты не могла… Ты не способна была выиграть… без обмана!

Мун видела в его глазах и себя, и Ариенрод.

— Я выиграла, потому так мне было предначертано судьбой! Я должна была выиграть! И отнюдь не ради себя самой!

— Ах, конечно, ты сделала исключительно в интересах Тиамат! Да-да, она тоже вечно это повторяла. — Теперь он совсем отошел от нее.

— Я сивилла, Спаркс, и именно поэтому я сумела выиграть! И ты прав, мне не безразлична судьба Тиамат — как, впрочем, и судьба Ариенрод. Она-то видела куда глубже и шире многих в этом мире и знала, чем когда-то была Тиамат и во что она превратилась. И превратится снова, если все будет по-прежнему. Понимала лучше, чем кто-либо другой… И ты тоже был ей небезразличен; этого ты отрицать не можешь.

Спаркс вдруг потупился; Мун казалось, что сердце у нее вот-вот разорвется.

Снова появилась ПалаТион, одетая в свою обычную полицейскую форму, и, не сказав ни слова, прошла мимо них прямо к двери на улицу. Дверь захлопнулась за нею, снова отрезав их от шума Фестиваля, доносившегося извне. Мун коснулась лент, украшавших маску королевы Лета. Ее маску…

— Спаркс, пожалуйста, поверь, это действитель-

но правда. И то, что я стала королевой, — всего лишь часть куда более сложного и важного плана, чем устройство моей или твоей судьбы. Я не могу сейчас объяснить тебе все… — Она с состраданием подумала, что ему никогда и не будет дано понять это; что он всегда будет относиться враждебно к той непонятной силе, что руководит ею. — Но мы непременно должны прекратить эксплуатацию Тиамат. На Харему я встретилась с одним предсказателем и узнала, что предсказатели есть повсюду, на всех планетах, входивших в состав Старой Империи, и основная их цель — помочь населению этих планет восстановить утраченное культурное наследие и обрести путь к возрождению. Я действительно могу ответить на любой вопрос… — Она увидела, что глаза его расширились и выражение их переменилось. — И пока я была на Харему, я начала понимать то, что всегда понимал ты — преимущества технического прогресса и тому подобное… волшебство, творимое теми, кому все это вовсе не кажется волшебством… Инопланетяне знают значительно больше нас… им нет нужды бояться болезней, переломов, тяжелых родов. Твоя мать никогда бы не умерла там… Мы тоже имеем право жить так, как живут они, иначе на нашей планете

предсказателей не было бы!

Она заметила, каким голодным огнем вспыхнули его глаза, когда она рассказывала о том, что видела и чего сам он никогда не увидит. Однако он сказал лишь:

— Наш народ счастлив и доволен тем, что имеет. Если островитяне начнут стремиться к могуществу, к тому, чего не имеют, то для них это закончится тем же, чем закончилось для жителей Зимы. И для нас.

— А что плохого произошло с нами? — Она покачала головой. — Мы жаждем знаний, мы просим лишь того, что судьбой положено нам от рождения. И ничего больше. Инопланетяне хотят заставить нас думать, что дурно быть неудовлетворенными собой и своей жизнью. Но такая неудовлетворенность ничуть не хуже тупого и эгоистичного довольства тем, что имеешь. Перемены — это вовсе не зло; перемены — это сама жизнь. Ничто не может быть ни абсолютно хорошим, ни абсолютно плохим. Даже Карбункул. Ведь и у моря есть приливы и отливы, волны обрушиваются на берег и вновь кротко отступают… Не имеет значения, как ты распорядишься собственной жизнью, пока не обретешь права сам выбирать, как ею распорядиться. Сейчас

у нас выбора нет. А у меров нет даже права на жизнь. — А они должны жить… они-то и есть ключ ко всему…

Спаркс поморщился.

— Что ж, главную свою задачу ты, в конце концов, выполнила! Пусть кто-то другой попытается теперь изменить существующий порядок вещей. Да и почему именно мы должны?.. — Он стиснул висевшую у него на груди медаль. — Знаешь… мой отец… сказал, что мог бы увезти нас с Тиамат. Он мог бы устроить так, чтобы мы улетели отсюда на Харему. Это довольно просто…

— На Харему мы никому не нужны. Мы нужны здесь. — Ей вспомнились пейзажи Харему, Воровской Рынок, ночное небо над планетой… Это довольно просто. Даже если мы и посеем здесь семена, то все равно никогда не увидим урожая, никогда не узнаем, проиграли мы или выиграли… — К тому же мы кое-чем обязаны обеим этим планетам и отдать свой долг сможем только здесь. — Голос ее звучал сурово.

— Некоторые долги навсегда остаются неоплатными. — Спаркс подошел к окну; Мун заметила, как кто-то махнул ему рукой, проходя мимо. — Если я буду обязан вечно оставаться здесь, в Карбункуле, в королевском дворце… — Он вдруг

умолк. — Не знаю, смогу ли я вынести это, Мун. Я не могу начать все сначала там, где я…

— Посмотри, что творится на улицах: сегодня Ночь Масок — ночь перехода. Завтра все мы будем иными, чем были вчера… мы не застывшее нечто, наши возможности бесконечны, Спаркс! А когда все маски будут сброшены, вместе с ними отвалится и корка покрывающих нас грехов, и мы станем свободны, сможем забыть все и начать сначала. — И я смогу доказать Великой Машине, что ты сын Лета, каким тебя вижу я, а не носитель маски смерти и зла. — Она подошла и встала с ним рядом. — После сегодняшней ночи все будет совершенно иначе. Даже Карбункул полностью переменится. Сюда переселяются дети Лета, здесь пытается пробиться на свет наше будущее. Это будет новый мир, не мир Ариенрод! — Но и ее тоже; он всегда, хотя бы отчасти, будет принадлежать ей. Понимая это, Мун, однако, не сказала этого вслух. — И я обещаю тебе, что больше нога моя не ступит в этот дворец. — Но я никогда никому не скажу — почему.

Он обернулся, с изумлением посмотрел на нее и по ее лицу увидел, что она говорит правду. Лицо его немного посветлело. Однако он печально вздохнул и по-прежнему держался отчужденно.

— Этого недостаточно. Мне нужно время — чтобы забыть; чтобы, снова научиться верить в себя… верить в нас обоих. Одной ночи мне мало. Может быть, не хватит и целой жизни… — Он снова отвернулся к окну.

Мун тоже посмотрела в окно — на него смотреть она была не в силах. Слезы туманили ей взор, и толпа на улице превращалась в разноцветные пятна, похожие на нефтяные разводы на поверхности воды. Здесь, в Карбункуле, никогда не идет дождь. Непременно нужно, чтобы шел дождь!.. Иначе не будет радуг.

— Я подожду, — с трудом выговорила она сквозь стиснутые зубы; эти слова душили ее. — Но слишком много времени тебе не потребуется. — Она нашла его руку и сжала ее. — Сегодня мне вменили в обязанность быть счастливой… — Губы ее дрогнули в горькой, ироничной усмешке. — Этот Фестиваль должен был стать для нас праздником, мы должны были запомнить его на всю жизнь… Это наш последний Фестиваль; и мы его запомним. Не лучше ли нам выйти на улицу, вон из этого дома? Давай завершим наши прошлые жизни так, как нам предначертано! Может быть, постаравшись, мы сумеем и сегодняшнюю ночь сделать такой, чтобы действительно запомнить

ее на всю жизнь.

Он кивнул; на лице его появилась неуверенная улыбка.

— Хорошо, мы попробуем…

Она еще раз оглянулась на маску королевы Лета, и вдруг ее заслонили лица тех, кто не жалел собственной жизни, чтобы эта маска досталась ей. И одно лицо…

— Но сперва… мне необходимо кое с кем попрощаться. — Чтобы заглушить душевную боль, она что было сил прикусила губу.

— С кем? — Спаркс следил за ее взглядом.

— С одним… с одним инопланетянином. Инспектором полиции. Я вместе с ним бежала от кочевников. Сейчас он в госпитале.

— Легавый? — Он сразу пожалел, что это слово вылетело у него. — Значит, это не просто легавый… Это твой друг?

— Больше чем друг, — тихо сказала она. И посмотрела ему прямо в глаза, надеясь, что он поймет остальное.

— Больше, чем… — Он вдруг нахмурился; лицо его вспыхнуло. — Как ты могла?.. — Голос у него сорвался, однако слова звучали, точно удары хлыстом. — Как ты могла… Как я мог! Мы… Нас…

Она потупилась.

— Мою лодку унесло бурей, а он стал мне надежным якорем. Мы были вместе. Знаешь, когда кто-то любит тебя больше, чем ты любишь себя, сделать ничего невозможно…

— Я понимаю. — Спаркс вздохнул так, словно выпустил из себя вспыхнувший было гнев. — А что же теперь… у вас с ним? И как же я?

Она пробежала пальцами по шерстяной косе на своей тунике.

— Он даже не просил меня остаться с ним навсегда. — Потому что знал, что не может просить об этом. — Он хорошо понимал, что никто и никогда не сможет занять в моей жизни то место, которое занимаешь ты, и что никто не будет для меня дороже тебя, и что никто и никогда не сможет нас с тобой разлучить. — Хотя он-то непременно попробовал бы это сделать; он же хотел попробовать — и попробовал! — Мун чувствовала, что и сейчас лицо Гундалину все время маячит между лицом Спаркса и ее собственным. Она старательно гнала от себя воспоминания о нем. — Он… помог мне отыскать тебя. — Он ведь ото всего отказался ради меня, он так много дал мне! А что дала ему я? Ничего. — И мы расстались, и он ни о чем меня не попросил. Я должна знать, я должна быть уверенной, что он… что с ним все будет в

порядке, когда он покинет Тиамат.

Спаркс как-то хрипло рассмеялся.

— Ну а мы-то как? С нами-то все будет в порядке, когда они улетят? Когда мы окажемся среди тех, кто слишком привык к ним, когда мы вынуждены будем жить, постоянно вспоминая о них, а они словно постоянно будут заглядывать нам через плечо и напоминать о том, что мы нарушили свою клятву… Ведь нарушили, верно?

— Нет. И мы снова пообещаем им то же самое. Завтра — ради наших возрожденных душ. — Когда окончится эта ночь. Она подняла с дивана маску королевы Лета. Когда наступит рассвет. — Но я считаю, что мы никогда не нарушали прежней своей клятвы — по крайней мере, в сердцах наших.

Он успел один раз поцеловать ее, прежде чем она снова надела маску.

— А ты сам маску наденешь?

— Нет. — Он покачал головой. — Мне маска не нужна. Я и так слишком долго ее носил.

Глава 52

— М-да, черт меня побери! Совсем не так намеревалась я провести Ночь Масок. — Тор замолкла

только для того, чтобы сунуть в рот еще одно сахарное, допьяна пропитанное ромом печеньице из пакета, который держала в руке. Она старалась любым способом оглушить себя, забыть о приближающемся конце света. Снова надвинув на лицо маску, она повисла на могучем плече Поллукса, казавшегося ей единственно надежным в редеющей толпе праздных гуляк. — И уж, во всяком случае, не в обществе какой-то жестяной кастрюли с перспективой всю оставшуюся жизнь заниматься чисткой рыбы. Черт, да я только в ванну залезу, как у меня морская болезнь начинается! И рыбу эту я ненавижу, пропади она пропадом! — Она уже кричала во все горло.

— Ну, здесь, сестра, ты не одинока! — Человек в маске сочувственно махнул ей рукой и скрылся вслед за своей избранницей за дверями дома терпимости. Тор посмотрела им вслед с завистью. Поллукс с непроницаемым видом смотрел куда-то вдаль. Почти все, кто хотел, к этому времени уже разделились на парочки.

— Мне очень жаль, что у тебя все так нескладно получилось, Тор, — совершенно неожиданно проговорил Поллукс. — Если ты хочешь провести время с кем-то из людей, я не возражаю.

Тор воззрилась на него с изумлением и какой-то

безумной уверенностью, что, хоть он и промолчит, ему это будет очень и очень неприятно.

— Не-а. Этим я когда хочешь могу заняться… а сегодня — наша с тобой последняя ночь, Полли.

Он не ответил.

Они уже совершили весьма сентиментальную прогулку вниз, до самых доков и портовых складов нижнего города, потому что Тор сочла, что лучше всего провести последнюю ночь Фестиваля в родных местах, там, где прошло ее детство, вспоминая юные годы, воскрешая в памяти те времена, когда она и думать не осмеливалась о том, чем стала теперь. Она надеялась, что воспоминания о тех светлых днях помогут ей пережить расставание с теперешней жизнью.

Интересно, подумала она, кто сегодня за казино присматривает? А разве там кто-то еще остался? Даже Герне куда-то исчез, эта блаженная Мун совсем его околдовала. Ну и провались он!.. Ей и так пришлось черт знает куда тащиться, чтобы отнести свои немногочисленные сувениры о тех днях, когда она была Персефоной, к своему сводному брату. Она, надо сказать, давненько его не видела, да и сегодня ей его застать не удалось — он уже ушел куда-то. Впрочем, они никогда и не были с ним близки.

— А ведь ты, пожалуй, мой самый большой друг, особенно нынче ночью, Полли. — Она вздохнула. — А может, и всегда. — Она села на какой-то пустой ящик возле заброшенного дома, чувствуя себя чрезвычайно уютно в старой рабочей одежде и давно знакомых кварталах. — Ты никогда не сволочился, сколько бы работы я на тебя ни наваливала и как бы мало монет тебе ни платила… Конечно же, я понимаю, что жаловаться ты не можешь, но разве это о чем-то говорит? — Она съела еще одно печеньице. Поллукс терпеливо сидел рядом и молча глядел на нее. Она вдруг заметила, как в его грудной клетке мигает красный огонек; в голове у нее словно что-то щелкнуло, однако она не стала на этом сосредоточиваться. — Неужели ты вообще никогда не переживаешь? А в глубине души у тебя ничего такого не бывает, кошки никогда не скребут, а? А я ведь, наверно, иногда и оскорбляла тебя, и обижала… Да нет же, вряд ли, слава богам! Надеюсь, что ежели и обижала, так не очень. Сам-то ты всегда был ко мне добр… — Она пьяно всхлипнула.

— Ты никогда не смогла бы обидеть меня, Тор.

Она уставилась в «лицо» робота, пытаясь расшифровать тайный смысл этих слов, произнесенных скрипучим бесцветным голосом.

— Ты так правда думаешь? Я хочу сказать, для тебя это на самом деле так? А может, я тебе просто нравлюсь?

— Да, ты мне действительно нравишься, Тор. Да, это правда. — Робот смотрел прямо на нее.

— Ну, откуда тебе знать?.. — Она улыбнулась. — А я-то считала, что ты и не должен! Что ты не можешь… ну… чувствовать что-нибудь… Я всегда думала, что ты… ну, тупой, что ли. Ты только не обижайся! — быстро прибавила она.

— В меня встроен достаточно сложный компьютер, Тор. Я запрограммирован так, чтобы не судить ни о чем, кроме вопросов законности. Но не судить ни о чем при столь высоком уровне технической оснащенности довольно сложно. Для этого меня надо было бы постоянно регулировать.

— Ах, вот в чем дело! — кивнула она. — А я-то вбила себе в голову, что ты простое разгрузочное устройство. С другой стороны, откуда бы, к примеру, роботу-грузчику знать, какая прическа мне больше к лицу, а? Или… — Она даже побледнела, припоминая. — Или о том, стоит ли доносить легавым о каждом подозрительном слове, услышанном на улице? — Она пожала плечами. — А разве не ты спас мне жизнь, Полли?.. — Она по-

гладила его по груди. — Ах, черт побери, славные мы с тобой знавали времена, правда ведь? Помнишь, как тебя сдали мне в аренду? Боги, я тогда так собой гордилась! Я ведь думала, что с твоей помощью запросто чего хочешь достигну. Кто бы мог подумать… А ведь в какой-то степени я тогда права была. Тогда у меня, по крайней мере, ни малейших сомнений не возникало. Ох, не знаю я!.. — Она провела рукой по своим жидким прямым волосам. — По-моему, я еще немало времени в себя приходить буду, чтобы эту Персефону из головы выбросить. — Она посмотрела на свои руки, давно забывшие о мозолях. — Что это за лампочка все время у тебя мигает? Может, я что-то забыла для тебя сделать? — Она встала, пошатываясь.

— Нет, Тор. Это значит всего лишь, что срок моего контракта истекает.

Тор помрачнела.

— Я знаю… сегодня ночью… Но я… — А я-то надеялась, что в суматохе никто этого не заметит! — Она проглотила последнее ромовое печеньице, скомкала пакетик и швырнула в кучу мусора. Вся Главная улица была буквально завалена мусором и отбросами. — Ты хочешь отправиться прямо сейчас?

— Нет, Тор. Я не хочу. — Поллукс смотрел на нее без всякого выражения. — Но если я в ближайшее время не явлюсь в полицейский участок, то кончится действие моих батарей и я буду парализован.

— Боги, этого я не знала! Так, может, нам уже пора? — Она взяла его за толстенную угловатую руку, и они двинулись по улице вверх. Она несколько раз оглянулась, пока у нее не закружилась голова и не пришлось смотреть только вперед. — Что с тобой теперь будет, Полли? Куда ты теперь отправишься?

— Я не знаю, куда меня пошлют, Тор. Но сперва я буду полностью перепрограммирован. В меня будет заложена абсолютно новая информация. Я забуду все, что произошло со мной здесь.

— Что? — Она дернула его за руку, заставляя остановиться. Покачалась на каблуках. Помолчала. — Значит, ты забудешь все, что с нами было в Карбункуле? И обо мне забудешь?

— Да, Тор. Все, кроме той или иной конкретной программы. Все. Все. — Он повернулся к ней. — А я тебе нравлюсь, Тор?

Она захлопала глазами.

— Ну… разумеется. Как бы я вообще обходилась без тебя все эти годы? — Но ему этого было явно

недостаточно, и она каким-то образом догадалась, что нужно сказать что-то еще. — Знаешь… ты мне действительно очень нравишься! Ты мой настоящий друг. И я люблю тебя — как настоящего человека. Честно говоря, если бы ты не был роботом, то я бы, может, даже и… — Она несколько развязно засмеялась, скорее от смущения. — Ну, сам понимаешь!

— Спасибо, Тор. — Он сделал движение, удивительно похожее на нормальный кивок, и они пошли дальше.

Уже почти добравшись до Голубой аллеи, они повстречались с небольшой группой людей в масках, веселых, шумных, сопровождаемых музыкой.

— Смотри-ка, Полли, вон королева Лета! Вот и наше будущее мимо проходит. — Среди масок она заметила лицо, оставшееся открытым, странно знакомое лицо под копной волос яростного рыжего цвета… Спаркс, Покоритель Зари? Она попыталась получше рассмотреть юношу, но он уже скрылся в толпе. Нет… Она покачала головой, не в силах поверить. Этого просто не может быть. Не может!

Поллукс замедлил шаг, и они повернули на Голубую аллею.

Глава 53

Джеруша вздохнула, откинувшись на спинку кресла; в эту ночь, последнюю ночь Фестиваля, здание полиции было почти пустым. То было их прощальное и самое напряженное за время пребывания на Тиамат дежурство. Поскольку ей самой праздновать было нечего, не хотелось и смотреть на то, как веселятся все остальные; потому-то она и осталась дежурить в управлении. Теперь уже мало казалось важным, она была поражена тем, как мучительно долго тянется эта пустая ночь. Пустая… да, вот точное слово. Она снова вздохнула и включила радио чуть громче, чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей о будущем. Боги, неужели было бы лучше не знать совсем ничего, чем знать наверняка?..

Тор вздрогнула и проснулась. Она сидела в полном одиночестве, прислонившись к стене, на той же скамье, где заснула часа два назад. Наверное, теперь все уже кончено. Джеруша на противоположном конце огромного помещения отчетливо ощущала запах сивухи. Да, Тор была хороша, когда привела робота Поллукса в полицейское управление… или, точнее, это он привел

ее, пьяную в стельку и полную сопливых сожалений. Робот неподвижно застыл у края скамьи с таким видом, словно охранял спящую. Джеруша никак не могла поверить, что роботу могут быть свойственны подобные нежности. Такое и спьяну-то в голову не придет. Впрочем, кто знает? Эта женщина потеряла значительно больше, чем просто робота. Если ей хочется провести часы, оставшиеся до Смены Времен Года, держась за его металлическую руку или напившись до бесчувствия, — это ее личное дело.

Джеруша вытащила пакетик с йестой — к более сильным средствам она за эти пять лет не прибегала. Она только что написала письмо семье ЛиуСкеда на Ньюхевен и рассказала о том, что ей, в конце концов, удалось узнать… Пусть хоть им это принесет больше пользы, чем мне.

— Что за… — Тор рванулась и вдруг села прямо, зевая во весь рот. — О боги! — Она схватилась одновременно и за голову, и за живот. — Так ведь я и до рассвета не доживу.

Джеруша холодно улыбнулась.

— Если тошнит, то лучше воспользоваться туалетом; только, пожалуйста, не делайте этого здесь.

— Ну разумеется. — Тор уронила голову на ру-

ки. — А который теперь час?

Джеруша глянула на часы.

— Уже почти утро. Мне пора отправляться вниз, к причалам. — Она набрала номер вызова специальной охраны, в обязанности которой входило наблюдение за почти опустевшим зданием и сопровождение комиссара полиции на последнее задание.

— Вы хотите сказать, что пора… на церемонию? — Тор посмотрела на нее. Джеруша кивнула. — Хм. Знаете, я хотела сказать… спасибо вам, спасибо, что позволили мне побыть с Полли до конца… Вы ведь понимаете, вы слышали…

— Не напоминайте мне об этом! — Джеруша резко вскочила. Рохля ты, ПалаТион! И почему-то ей было не только не стыдно, но даже приятно признаться себе в этом.

— Ну все-таки! Полли и я… — Тор умолкла, обернувшись к Поллуксу и увидев, что в комнату входит какой-то высокий мужчина, явно инопланетянин.

Джеруша схватилась за край стола, чтобы не упасть.

— Миро!

Инопланетянин застыл посреди комнаты, прямо напротив Тор.

— Джеруша! — Он, казалось, был потрясен не меньше. — Я никак не думал, что найду вас здесь… впрочем, я и понятия не имел, где вас искать… — Он выглядел совершенно растерянным и явно не знал что сказать. Одет он был в точности как любой здешний моряк. И очень давно не брит.

— Да, я пока еще здесь работаю. Миро. До начала «новой эры». — В голосе ее звучала горечь и покорность судьбе.

— Я боялся, что не успею добраться вовремя; там, южнее, погода ужасная. — До нее наконец дошло, что он просто чудовищно устал. — Еще на один денек задержался бы, и опоздал бы безнадежно; вы все уже улетели бы.

Она покачала головой, стараясь говорить ровным тоном и вообще сохранять спокойствие.

— Нет. С завтрашнего дня Гегемония перестает присутствовать здесь только, так сказать, с технической точки зрения, однако понадобится еще некоторое время, чтобы убедиться в отсутствии каких-либо роковых последствий. И все-таки, как вы здесь оказались, Миро? У вас дома… мне ответили, что неизвестно даже, куда вы исчезли.

— Знаете, я как-то внезапно решил. — Он огляделся. — Я совсем не собирался в Карбункул. Боги

тому свидетели. У меня просто не было на это времени — я еще так мало успел… Мне еще столько всего нужно объяснить моим людям… — Джеруше вдруг показалось, что он сказал ей гораздо больше, чем она могла или хотела знать.

— Улетаете небось? — спросила с неожиданным любопытством Тор. Нгенет посмотрел на нее так, словно до сих пор вообще не замечал. — Жена не требуется, красавчик?

На лице Нгенета отразилась легкая неприязнь.

— Возможно. Да только не та, что улететь хочет. Потому что сам я с Тиамат никуда не улетаю. — Он пристально посмотрел на Джерушу и подошел к ней поближе.

— Ах вот как! — В голосе Тор звучало недоверие. — Что ж, спасибо, что предупредили. Да и кто замуж за сумасшедшего пойдет, верно, Поллукс? — Она игриво подтолкнула робота.

— Как скажешь, Тор.

Она ответила ему громким смехом.

— Значит, вы действительно остаетесь здесь… навсегда? — Джеруша не могла скрыть своего разочарования, хотя ни в коем случае не должна была проявлять его. — И приехали сюда вовсе не для того, чтобы улететь вместе со всеми…

— Нет. Здесь мой дом, Джеруша. И я никогда

не перестану любить свой дом. Однако я вовсе не жду перемены ранее принятого решения от вас. Вы ведь улетаете, не так ли? — Он, казалось, давно уже все тщательно продумал и взвесил.

— Да. — Она уловила странную неуверенность в собственном голосе. Он, однако, неуверенности в ее тоне явно не заметил. Только кивнул и чуть отступил назад: не стал развивать эту тему, а просто принял ее решение без лишних вопросов — точно так же, как делал это и прежде, как и во время их последней встречи. Как если бы это уже не имело для него никакого значения. — Но зачем же вы все-таки приехали? — Она чувствовала, что голос ее звучит слишком напряженно. — Вы ведь говорили, что на этот Фестиваль приезжать не стоит.

— Я и не собирался. — Он говорил теперь так же резко и напряженно, как и она. — Я приехал, чтобы попрощаться с вами. И это единственная причина.

Единственная причина? Она почувствовала, как вспыхнуло от изумления и неожиданности ее лицо. Черт побери, Нгенет! Я что-то совсем не понимаю… Но спрашивать она не стала, опасаясь, что он не ответит.

— Я… э-э… я очень рада, что вы приехали! Это

большая честь для меня… вы специально ехали так далеко, чтобы только попрощаться со мной… — Она чувствовала, что между ней и Нгенетом вновь разверзлась пропасть, и попыталась как-то сдвинуть ее края. — Зато теперь я могу рассказать вам лично обо всех новостях. Ваша юная приятельница жива.

— Мун? — Он покачал головой, в волнении отбросил со лба волосы. — Но каким образом?.. Просто поверить невозможно… — Он даже засмеялся, и Джеруша увидела, что в нем снова оживает что-то знакомое, что, как ей казалось, было навсегда уничтожено в его душе в тот страшный день на пустынном морском берегу.

— Ее подобрали кочевники; а потом ей удалось бежать от них вместе с одним из моих людей, который тоже попал к ним в плен.

— Так, значит, она здесь, в Карбункуле? — Он словно пытался увидеть что-то сквозь стены. — Где же она?

— Не беспокойтесь, Миро, она не в тюремной камере. — Джеруша выпрямилась и оторвалась наконец от своего стола. — Насколько мне известно, в настоящий момент она празднует Смену Времен Года вместе со своим двоюродным братом Спарксом. Она ведь стала королевой Лета!

Нгенет явно был потрясен до глубины души, как и стоявшая у него за спиной Тор. Однако изумление у него на лице вскоре сменилось неким вдохновением.

— Вряд ли возможно было выбрать лучшую королеву!.. Спасибо вам, Джеруша. — Он благодарно склонил голову.

— Мне-то за что? Я не имею к этому ни малейшего отношения.

— Вы имеете к этому самое непосредственное отношение — ведь именно вы могли остановить ее.

Она едва сдержала улыбку.

— Нет. Не думаю, чтобы кто-то мог остановить ее!

— Возможно, вы правы. — Он все-таки не выдержал и улыбнулся. — И она, значит, все-таки отыскала своего Спаркса? Через столько лет?

— Да, и вытащила его прямо из будуара Снежной королевы. Он был Звездным Быком.

— О боги… — Взгляд его стал безжизненным. — Звездным Быком! — Эти слова в его устах звучали как самое отвратительное ругательство, и она полностью разделяла его чувства. — А… Мун? Неужели она?..

Джеруша кивнула, поджав губы.

— Я понимаю. Странные любовники: священная сивилла и чудовище. Но я знала этого мальчика еще до того, как он попался в когти Ариенрод. И Мун его тоже знала. Она и сейчас видит в нем того прежнего Спаркса, хотя знает о нем все. Может быть, она права. А может быть, и нет. Кто знает? Мне не дано судить об этом.

— Значит, вы его отпустили? Ведь он так или иначе совершил преступление! То, каким он был раньше, ничего не меняет! — В голосе его слышалась жажда мести.

Значит, даже для тебя месть выше справедливости, особенно если рана была глубока. Даже для тебя. А я-то считала тебя святым! Черт возьми, неужели я так заблуждалась? Она не была разочарована, нет, ей, пожалуй, даже стало легче, когда она, наконец, поняла, что и ему ничто человеческое не чуждо, что и он способен совершать обычные человеческие ошибки и заблуждаться.

— Да, конечно, Миро… И они тоже это поймут. Ибо в самый счастливый день их жизни прошлое разделит их, подобно разверстой могиле, и счастье в миг развеется, точно дым погребального костра. — Перед глазами у нее стоял Спаркс, пронесший в душе и любовь к Мун, и свою вину за гибель меров.

Нгенет потупился, потом как-то судорожно дернул головой — кивнул, соглашаясь с ее доводами.

— И еще, Миро: мне все-таки удалось поймать главного виновника этой трагедии… Да, это Ариенрод. Именно она заставляла Спаркса убивать меров, она пыталась повернуть время вспять и сохранить власть Зимы, начав в Карбункуле эпидемию страшной болезни, которая должна была уничтожить почти всех островитян, съехавшихся на Фестиваль. Однако у нее ничего не вышло; и сегодня на рассвете ее неестественно затянувшемуся правлению будет положен конец.

Нгенет снова поднял голову.

— Она пошла на такое? Наша Снежная королева?

— Я же рассказывала вам, какова она на самом деле. И обещала, что непременно позабочусь о том, чтобы виновные были наказаны. Так что теперь я свои обещания выполнила. Кроме тех, которые дала себе самой.

— Раз так, я благодарю вас за то, что справедливость — истинная, не слепая! — все-таки восторжествовала. — Он открыто улыбнулся ей. — Еще когда мы впервые встретились, да, впрочем, и во время нашей последней встречи… А кстати,

Джеруша, каково ваше новое назначение?

Она резко оттолкнулась от стола и закружила по комнате.

— Меня посылают на Большую Голубую.

Брови Нгенета удивленно поползли вверх, ибо она никак это не пояснила.

— И куда же там? Надеюсь, не в эту кошмарную колонию среди засыпанной пеплом пустыни? — он еще пытался говорить шутливым тоном.

— Именно туда. — Она резко повернулась к нему. — Именно туда-то меня и направляют. И хотят сделать тамошним начальником.

— Что? — Он как-то неловко усмехнулся, будто не в силах поверить, что это не шутка.

— Я не шучу, — сказала она спокойно.

Больше он не смеялся.

— Вы… в таком месте?.. — Он уставился на ее компьютер так, словно рассчитывал, что тот немедленно даст ему соответствующие разъяснения. — Неужели они так мало ценят Тиамат, что служба в исправительной колонии представляется им ступенькой вверх?

— Нет, Миро. — Они так мало ценят меня. Джеруша коснулась своих комиссарских значков на воротнике. — Можете считать это проявлением слепой справедливости.

— А вам нужна такая работа? — Он разгладил усы.

— Нет. — Джеруша нахмурилась. — Для меня это тупик, это, наконец, оскорбительно!.. — Она задохнулась.

— Тогда почему же вы не жаловались? Не протестовали? В конце концов, вы ведь комиссар полиции… — он все еще пытался разобраться.

Теперь рассмеялась она, и тоже некстати.

— Да я и сама вроде шута здесь! — Она помрачнела и покачала головой. — Я либо отправлюсь по месту назначения, либо уйду в отставку.

— Тогда уходите в отставку!

— О, черт побери! Я всегда только и слышу от каждого мужчины: сдайся… перестань… тебе с этим не справиться! Так нет же, справиться я могу! А от вас, Нгенет, я ожидала большего, но мне следовало бы знать…

— Джеруша, — он даже головой замотал, — ради всех богов! Не делайте из меня черт знает кого!

— Это вы из меня черт знает кого делаете!

— Ничего подобного! И не желаю видеть, как вы сами превращаетесь черт знает в кого! А вы и превратитесь, если станете командовать этой проклятой колонией… и обращаться с людьми так, словно они недочеловеки. Вот тут-то вы свою

человечность и утратите. Или — рассудок… Да я даже думать об этом не хочу и не могу представить вас… — он умолк и беспомощно взмахнул своими огромными ручищами.

— А что же вы можете предложить мне взамен? Я всегда хотела использовать свою жизнь по-настоящему, потратить ее на что-нибудь стоящее, важное. И мне казалось, что, став офицером полиции, я такую возможность обрела. Может, не совсем то, о чем я мечтала, — но разве наши мечты способны полностью воплотиться в жизнь?

— Так вы считаете свое новое назначение заслуживающим внимания? — голос Нгенета, полный сарказма, звучал почти грубо. Он сунул руки в карманы.

— Я уже ответила на ваш вопрос. — Джеруша отвернулась. — Со временем, возможно, я сумею получить другую специальность. Да и что мне остается?

— Вы могли бы остаться здесь. — Это звучало как неуверенное приглашение.

Она покачала головой, не глядя на него.

— И что бы я тут делала? Я не из того теста, Миро, чтобы быть просто женой рыбака. — Ну скажи же, что есть и другой выход!

Но если даже он и хотел это сказать, ему по-

мешали: вошли двое офицеров спецохраны, которых она вызывала. Вид у них был виноватый, волосы усыпаны конфетти, однако честь они ей отдали, как полагается.

Она тоже поздоровалась с ними, одернула форму и постаралась взять себя в руки.

— Попрошу вас переодеться в парадную форму; вы будете сопровождать меня на церемонию Смены Времен Года; здесь меня заменит Мантаньес.

Полицейские явно повеселели, предвкушая столь любопытное зрелище, как человеческое жертвоприношение; украдкой поглядывая на Тор, они бросились к двери. Джеруша с запоздалой досадой поняла, что Тор слышала весь их разговор с Нгенетом, однако тут же заметила, что та снова крепко спит.

Миро, погруженный в мрачные раздумья, стоял рядом с нею и смотрел в пол.

— Вы собираетесь присутствовать… на жертвоприношении? — Ему, казалось, трудно было вытолкнуть из себя это слово. — На казни Снежной королевы?

Она кивнула, чувствуя себя отчего-то неловко, несмотря на то, что долгие годы жила в ожидании этого. Казнь Снежной королевы. Человеческое жертвоприношение. О боги! И все-таки интерес-

но, почему перспектива казни преступницы так ужасает ее? Ведь быть заживо похороненной там, куда власти предлагают отправиться ей самой, куда страшнее. А если обществу достаточно казнить всего двух человек, чтобы обеспечить свою полную перестройку, то это на удивление легкий путь социальных перемен.

— Это моя последняя официальная акция в качестве представителя Гегемонии; мы как бы вручаем новой королеве ключи от царства. — И полюбуемся тем, как утопят Ариенрод! Она упорно смотрела в пол. — А вы, значит, не пойдете, Миро? Я понимаю, это не самое привлекательное зрелище… Но я прошу вас — и причина у меня достаточно серьезная.

Он переминался с ноги на ногу, словно взвешивая собственные чувства.

— Хорошо, я пойду. Вы правы: я не любитель подобных вещей. Однако теперь я смотрю на это иными глазами… Говорят, что испытываешь катарсис, очищение, когда собственными глазами видишь смерть того, что воплощало в себе старый порядок. Это, видимо, необходимо каждому — очистить собственную душу от скверны. Но я никогда не думал, что и мне… а впрочем, я ничем не лучше любого другого!

— Вот и присоединяйтесь. — Она сказала это довольно сухо. — Я сейчас вернусь. — И прошла в свой кабинет, чтобы взять плащ и шлем.

Вернувшись, она обнаружила в дежурке Мантаньеса, который с высокомерным видом стоял в стороне от остальных. Она с ледяным спокойствием ответила на его приветствие и передала ему бразды правления.

Потом подошла к Тор и разбудила ее.

Тор села, протирая опухшие глаза и размазывая по лицу остатки грима.

— Я направляюсь в нижний город на церемонию Смены Времен Года. — Голос у Джеруши звучал почти мягко. — Может быть, вы тоже хотите пойти туда? Если хотите, можете присоединиться к нам. — Хотя я бы на твоем месте предпочла бы все это проспать.

Тор потрясла головой, расправила затекшие плечи; глаза ее постепенно прояснились.

— Да… пожалуй, неплохо бы… Я же не могу вечно торчать здесь, правда? — Не совсем понятно, кому был адресован этот вопрос. Тор встала и повернулась к Поллуксу, стоявшему в той же позе, что и прежде. — Знаешь, Полли, я, пожалуй, схожу туда: все-таки это конец нашего мира. А то ведь я могу и не поверить, что конец этот уже

наступил.

— Прощай, Тор. — Голос Поллукса звучал глуше, чем прежде, но был еще противнее, чем помнилось Джеруше. — Прощай.

— Прощай, Полли. — Губы Тор дрогнули. — Я тебя никогда не забуду. Верь мне.

— Я верю тебе, Тор. — Робот поднял руку, словно в прощальном жесте.

— Вот и молодец. — Тор медленно попятилась. Джеруша видела, как она быстро смахнула слезы с глаз и следом за ними вышла на улицу.

Глава 54

Ариенрод заняла свое место среди белоснежных мехов, которыми были устланы парадные носилки. Она спокойно исполняла предназначенную ей роль, ничуть не утратив поистине королевского достоинства, ставшего для нее совершенно естественным за полторы сотни лет правления. Радостные крики и насмешки тесно окружавших ее островитян, как и слезы опечаленных жителей Зимы, казались ей столь же неизбежными, как сама смерть. Сочетание этих противоположных потоков эмоций было чем-то сродни тем ненасытным вихрям, что зарожда-

лись в ее Колодце, где ждало свои жертвы Море… Но сегодня Море ждало ее. Наконец-то оно сполна утолит свой вечный голод.

Звездный Бык на фоне серебрящихся мехов напоминал скульптуру, высеченную из обсидиана, — в своей маске и черном придворном костюме. Она была удивлена тем, что он занял свое место раньше ее. Ты всегда был слишком нетерпелив, любовь моя. Но я не думала, что ты проявишь нетерпение и в этом. Она почувствовала в душе холодную тяжесть. А я вот не спешу. Нет, не спешу.

— Доброе утро, Звездный Бык. Надеюсь, ты спал хорошо?

Он отвернулся, когда она попыталась заглянуть ему в глаза, и ничего не ответил.

— Значит, ты так и не собираешься прощать меня? Вечность — слишком долгий срок, Спаркс. А нам с тобой суждено теперь вечно быть вместе. — Она любовно обвила рукой его плечи и почувствовала, как он вздрогнул, точно желая сбросить ее руку. Плечи его под тяжелым плащом показались ей почему-то шире, чем помнилось. Он ведь всего лишь мальчик, хоть и обладает силой… и слабостью настоящего мужчины…

— Что ж, по крайней мере, мы останемся вечно

молодыми, — она вновь попыталась поверить в то, во что верила когда-то — в то, что скорее умрет, чем станет бедной, больной и старой…

Эскорт придворных окружил носилки; все были в бесформенных белых одеждах, лица совершенно неразличимы под одинаково белыми масками с изображениями тотемов различных родов. Шестеро подняли носилки и понесли вниз по Главной улице; остальные, держа в руках что-нибудь из инопланетных даров, образовали вокруг ее носилок некую живую стену, закрывая ее от любопытных взоров, от слишком громких и оскорбительных выкриков, а порой и грязи и мусора, летевших из толпы островитян. Казалось, одетые в белое придворные одновременно и исполняют почетный долг, и несут наказание за былые прегрешения.

Ариенрод закуталась в свой плащ из белых перьев, сливаясь с белизной мехов, растворяясь в ней: этот плащ она надевала по случаю всех торжественных церемоний и всех поединков очередного Звездного Быка со своим соперником. Под плащом на ней было лишь простое белое платье. Белый — цвет Зимы и смерти. Волосы Ариенрод свободно ниспадали на плечи, посверкивая искусно вплетенными туда бриллиантами

и сапфирами. Она, единственная из присутствующих, была без маски — чтобы жители Тиамат смогли убедиться, что это действительно их Снежная королева.

Да, я их Снежная королева. Она в последний раз рассматривала богато украшенные дома городской знати, представляя, какими убогими и голыми они будут, когда лишатся разных инопланетных финтифлюшек; многие из обитателей этих домов верно служили ей долгие годы. И даже сегодня прислуживают ей. Она переводила взгляд с одного лица на другое, и придворные, явно из чувства протеста и из желания как-то выразить ей свое почтение и защитить ее от воплей толпы, запели инопланетную песню. Эти люди в белых масках, охранявшие ее, прожили на свете почти столько же, сколько она сама, — хотя никто из них, разумеется, не выглядел столь же юным. Они многократно доказывали ей свою верность, и каждый раз бывали вознаграждены за это, однако наименее полезные и наименее преданные постепенно начинали все же стареть, а потом исчезали где-нибудь в провинции. Сегодня же все они были исполнены искренней печали и сожалений — в этом она была уверена; но, как и все остальные жалобно стонущие жители Зимы,

сожалели главным образом о своей собственной судьбе. Это ведь так по-человечески. Среди них не было никого, с кем ей действительно жаль было расставаться: обществом некоторых из них она порой наслаждалась, многих даже уважала, но ни один из них никогда не вызывал у нее по-настоящему теплых чувств, не способных остыть за долгие годы. Существовал только один, действительно дорогой ей человек — и с ним-то она расставаться не собиралась. Она положила руку на закрытое боевыми латами колено Звездного Быка; он тут же сердито смахнул ее руку. Но уже через мгновение, словно прося прощения, его рука скользнула ей под плащ, нежно коснулась спины, обвила талию. Ариенрод улыбнулась, и улыбка не сходила с ее лица, пока прямо перед ней на расстеленные меха не шлепнулась вонючая рыбья голова.

Значит, они уже добрались до Лабиринта… Неужели этот город так невелик? Сверху ей было видно, как в заваленных отбросами и мусором боковых аллеях толпились люди, буквально налезая друг на друга. Она мрачно, но спокойно смотрела в пустые глазницы магазинов и увеселительных заведений. Все это она видела в последний раз… И прощальное путешествие по

городу чем-то напомнило ей самый первый день ее правления, запечатлевшийся в памяти столь же отчетливо, как в детстве запоминается радостная прогулка по только что выпавшему первому снегу. Первый раз и последний — это ведь почти одно и то же, ибо они замыкают кольцо всех тех событий, что были между ними.

И действительно, эти дни были удивительно похожи: те же толпы веселящихся людей, те же полупустые, заброшенные дома... Впервые она увидела Карбункул в самом конце лета, когда приехала сюда из родового поместья, чтобы принять участие в первом за сотню лет Фестивале и увидеть возвращение инопланетян. Она была из богатой и знатной семьи, все ее предки были уроженцами Зимы, однако выросла она на Тиамат, так что в смысле цивилизованности мало чем отличалась от диковатых островитян, И все иноземные диковинки, к которым она потом так привыкла, представлялись ей, наивной девочке из провинции, чудесными и удивительными.

Однако она очень быстро научилась разбираться в том, что именно инопланетяне привозили на Тиамат, — научилась понимать и странную магию их технических знаний, и их странные обычаи. А еще она узнала, чего великие прави-

тели Гегемонии хотят получить в обмен — от Тиамат и от нее, неопытной еще королевы, — и сразу начала учиться тому, как брать, ничего не давая взамен, как давать, не подчиняясь при этом сильнейшему, как выдавливать кровь даже из камня. Именно тогда она и завела себе советника — своего первого Звездного Быка, инопланетянина, чьего лица она теперь и припомнить не могла, чье настоящее имя она давным-давно позабыла. За ним последовали еще десятки Звездных Быков, пока она не отыскала этого, единственного…

А между тем Карбункул превращался в огромный космопорт, в огромный межгалактический перевалочный пункт, и она год за годом узнавала все больше о пользе высоких технологий, о том, как хрупок и уязвим человек, о тех законах, что правят Вселенной, и о тех, что правят ею самой. Чтобы узнать все, ей не хватило бы и десяти обычных жизней; она с трудом узнала лишь небольшую часть того, что хотела, за эти сто пятьдесят лет, равные всего лишь двум человеческим жизням. Но все же успела понять, что мир вокруг — это продолжение ее самой, и он, этот мир, действительно бессмертен, тогда как просто человек бессмертным стать не может. И тогда она решила оставить этому миру наследника,

когда период ее правления подойдет к концу, — и тем самым освободить его, этот мир, дать ему вечную возможность впитывать знания, цвести и развиваться.

Но ее планы потерпели крах. Ей не удалось удержать в своих руках ключи от будущего Тиамат; не удалось и осуществить свой второй план — самой продолжать жить, направляя планету по избранному ею пути. Не сбылась и ее последняя надежда — удержать под своим контролем Мун… Так получилось, что вместе с этим дальнейшая жизнь утратила для нее всякий смысл. Некогда и она жила той жизнью, какой жили все остальные обитатели Тиамат, но это было слишком давно. Она и представить себе не могла, что вернется к той, прежней жизни. Ведь даже если бы островитянам было запрещено варварски уничтожать любую инопланетную технику, забытую в Карбункуле после отлета чужеземцев, все равно и столица, и вся планета весьма скоро не будут иметь ничего общего с тем процветающим перекрестком космических дорог, каким Тиамат была во времена правления Снежной королевы.

Некогда она верила — верила твердо, — что Мун, ее дитя, ее клон, поможет ей возродиться вновь, воплотив в себе ее лучшие черты, и тогда

она, Ариенрод, легко расстанется с собственной жизнью, доиграв до конца свою роль в традиционном спектакле; и смерть станет для нее, точнее, для ее тела лишь последним новым опытом, еще одним ощущением среди множества иных, пережитых ею, а жизнь — такая, какой знала ее она, — просто перестанет для нее существовать.

Но потеряв Мун и обретя вместо нее Спаркса, она начала строить новые планы, основанные на продолжении ее собственной жизни. И прежние идеи утратили для нее всякий интерес. Она словно забыла, что в итоге и она и ее возлюбленный неизбежно начнут стареть, и тяжело, почти невозможно будет удержать на Тиамат власть Зимы. Нет, она не забыла об этом — просто перестала об этом думать, ибо желание жить и править планетой по-своему было в ней сильнее всего остального.

Но она проиграла, подписала свою полную и безоговорочную капитуляцию. Этот рассвет станет последним в ее жизни, и она превратится в очередную, быстро преданную забвению Снежную королеву. Целая череда их прожила свою жизнь безо всякого смысла… Нет, она не желала умирать так! Она же не успела оставить грядущему никакого наследия! Да пусть они бу-

дут прокляты, ненавистные инопланетяне! Эти ублюдки разрушили все ее планы и осуществили свои собственные. Будь проклята жалкая тупость островитян, этих самодовольных вонючих скотов, которые с превеликой радостью расстанутся с тяжким для них бременем знаний!.. Глаза ее сверкали от бессильного бешенства.

— В чем дело, Ариенрод? Неужели до тебя все-таки дошло, что это конец?

Она так и застыла, не сводя глаз со Звездного Быка. «Кто ты такой?» — Эти слова она еле выдохнула, но они заглушили для нее даже рев толпы.

— Кто ты? Ты не Звездный Бык! — Она резко высвободилась из его объятий. Спаркс… О боги, что они сделали с ним?

— Ты ошиблась, Ариенрод. Я твой Звездный Бык, и не говори, что уже успела забыть меня. — Он крепко стиснул ее руку. — Всего-то пять лет прошло. — Он повернул свою голову в черном шлеме так, чтобы она смогла как следует разглядеть в прорезях маски его глаза — безжалостные глаза цвета влажной земли, с длинными темными ресницами…

— Герне! — она была потрясена. — Это невозможно… боги, как ты мог так подло со мной поступить! Ты, немощный урод, да я давно забыла

тебя! Ты не имеешь права находиться здесь, я не позволю!.. — Спаркс… черт возьми, где же ты! — Я скажу им, что ты не Звездный Бык!

— А им все равно! — Она поняла, что он улыбается, под маской. — Им безразлично, кого из инопланетян топить в море. А тебе разве нет?

— Где он? — истерически выкрикнула Ариенрод. — Где Спаркс? Что ты с ним сделал? И почему?

— Значит, ты действительно так сильно любишь его? — Герне вздрогнул. — Так сильно, что не можешь расстаться с ним, даже отправляясь на тот свет? — Он издевательски хмыкнул. — М-да! И все-таки недостаточно сильно, чтобы позволить ему остаться живым… без тебя… но с твоим двойником! Жадничаешь даже перед смертью, Ариенрод! А я вот поменялся с ним местами только потому, что он не настолько любит тебя, чтобы ради тебя умереть — в отличие от меня. — Он прижал ее руку, которую до сих пор сжимал в своей, ко лбу. — Ты моя, Ариенрод… ты такая же, как я, мы с тобой из одного теста. Этот цыпленок тебе не пара; он никогда так и не стал настоящим мужчиной, чтобы оценить тебя по достоинству.

Она отстранилась от него, закуталась в плащ.

— Если бы у меня был нож, Герне, я бы тебя

убила собственными руками! — Я бы голыми руками задушила тебя…

— Неужели ты не поняла, чего я хочу? — Он снова усмехнулся. — Кто еще, кроме меня, захотел бы провести вечность в твоем обществе? Ты уже однажды пыталась убить меня, сука. Жаль, что тебе это не удалось. Ну а теперь пришла пора и мне осуществить свои желания. И отомстить тебе. Теперь ты моя навек, и если ты вечно будешь ненавидеть меня за это, тем лучше: тем сильнее ты будешь наказана. Но, как ты и сама говорила, любовь моя, «вечность — это слишком долго».

Ариенрод еще плотнее закуталась в плащ и закрыла глаза, чтобы не видеть перед собою Герне. Однако даже сквозь пение своей свиты слышала вопли и отвратительный шум толпы; эти звуки окружали ее со всех сторон, проникали ей прямо в душу, делали ее отчаяние невыносимо тяжелым и мучительным.

— Разве тебе не интересно, как мне это удалось? Кому принадлежала сама идея? — Язвительный голос Герне сливался с гулом толпы. Она ему не ответила, понимая, что он так или иначе расскажет ей. — Это все Мун. Твой клон, Ариенрод, твое второе «я». Она все устроила… и она, в конце концов, отняла его у тебя. Да, она действительно

плоть от плоти твоей… кроме нее, на такое была бы способна только ты сама.

— Мун? — Ариенрод стиснула зубы, не раскрывая глаз. Впервые — она и припомнить не могла, за сколько лет, — она испугалась, что прилюдно потеряет власть над собой. Ничто на свете не имело для нее большего значения, ничто не могло сломить ее — только это. Значит, последний удар был нанесен, по сути дела, ею самой! Нет, черт побери, эта девчонка никогда не была мною — она совсем не такая, как я. Это моя очередная ошибка! Но они ведь обе любили одного и того же человека — Спаркса — с его летними зелеными глазами и пламенем рыжих волос…

Значит, ее собственная испорченная копия не только выказала неповиновение, но и украла, отняла у нее возлюбленного. И заменила его этим… этим! Ариенрод снова взглянула на Герне, впиваясь ногтями себе в руку. В воздухе чувствовался запах моря — они уже достигли нижних уровней. Конец последнего путешествия Снежной королевы был близок. Пожалуйста, ну пожалуйста, пусть оно кончится иначе! Она сама не знала, кого просит об этом — нет, не инопланетных богов, в которых не верила, и не Хозяйку… нет, наверное, все-таки Хозяйку, что готова была от-

нять у нее, своей жертвы, жизнь, равнодушная к ее, Ариенрод, вере.

Став королевой, Ариенрод верила только в свое собственное могущество. И только теперь, лишившись всей своей власти, она вдруг почувствовала, что задыхается от беспомощности — полной, абсолютной, как если бы уже тонула в холодных водах моря…

Процессия достигла последнего поворота в самом конце Главной улицы и по широкой лестнице начала спускаться к воде. Любителей зрелищ здесь оказалось еще больше, чем наверху, люди толпились, налезая друг на друга; вокруг Ариенрод высилась плотная стена из мерзкой живой плоти и скотских отвратительных физиономий. То радостные, то печальные крики взлетали над толпой вслед плывущим к морю носилкам Снежной королевы, и воплям этим вторило многократное эхо, отраженное стенами огромной искусственной пещеры — гавани Карбункула. Волны влажного холодного воздуха внешнего мира уже захлестывали Ариенрод. Ее била дрожь, однако на лице по-прежнему была маска несокрушимой гордости.

Дальше, впереди, она увидела трибуны, выстланные красной тканью, и на них ряды скамей,

где уже восседали наиболее знатные из инопланетян и местных старейшин. Она заметила среди них премьер-министра и членов Ассамблеи — уже без масок, видимо, считавших ниже своего достоинства участие в дурацком карнавале, однако с напряжением ждавших завершения ритуала. Все это она уже видела, по крайней мере, раз десять, но лишь один раз, самый первый, чувствовала нечто похожее, когда, став королевой, стояла у пирса и смотрела, как в свой последний путь по ледяным волнам отправляется ее предшественница, королева Лета.

Во все же остальные разы церемония жертвоприношения являла собой всего лишь костюмированные репетиции, необходимые при подготовке такого празднества, как Смена Времен Года. Во время этих репетиций тоже выбирали королеву-однодневку и все было как полагается — и Ночь Масок, и все остальное, — только по приказу Ариенрод в море топили кукол, а не живых людей.

За эти годы лишь она сама и члены Ассамблеи остались внешне такими же. Не изменился и сам ритуал, только на этот раз зрители увидят настоящую смерть Снежной королевы; будет положен конец и всем ее попыткам вырваться

из оков Гегемонии, из оков той системы, вечным символом которой являются эти люди. Она терзала тонкую мягкую ткань своего платья. Ах, если бы только можно было захватить их всех с собой! Но теперь уже поздно, слишком поздно — для всего на свете.

Наконец она увидела королеву Лета; та стояла у самого пирса, посреди небольшой площадки между затянутыми красным трибунами, и свинцовые волны плескались почти у самых ее ног. Маска ее была столь прекрасна, что в душе Ариенрод невольно шевельнулось восхищение. Но ведь маска эта тоже сделана дочерью Зимы! Впрочем, кто знает, какое простенькое личико островитянки скрывается под этой дивной маской; какое коренастое тело и тупенькая головка спрятаны под шелковистым зеленым коконом блестящей, похожей на рыбачью сеть ткани. Перспектива увидеть глуповатую рыбачку на том месте, которое только что занимала она, Ариенрод, вызвала у нее приступ тошноты.

Герне подле нее хранил молчание, молчала и она сама. Интересно, думала она, что он чувствует, глядя на своих земляков и готовое принять жертву море? Лицо его было скрыто маской. Черт бы все это побрал! Она молила, чтобы хоть сейчас

он пожалел о своем поступке, хотя бы отчасти почувствовал то отчаяние и тоску, какие испытывала она на развалинах созданного ею мира. Пусть смерть принесет мне забвение! Раз уж я должна встретить ее вместе с ним, символом всех моих неудач и просчетов, сознавая, что моя вина куда тяжелее, чем у всех этих чертовых инопланетян, вместе взятых!

Носилки пронесли почти к самому краю пирса. Сопровождавшие Снежную королеву придворные остановились чуть поодаль, давая возможность опустить носилки. Потом три раза обошли носилки кругом, сложив свои инопланетные подношения на корме ее «лодки», распевая прощальную песню во славу Зимы. Потом они остановились и стали поочередно подходить к ней и низко кланяться, и она даже смогла расслышать их последние горестные слова, несмотря на невыносимый шум вокруг. Потом они гуськом пошли прочь. Некоторые, проходя мимо, в последний раз подносили к губам краешек ее плаща. Некоторые даже осмеливались коснуться ее руки — самые старые и преданные ее слуги, бывшие с ней рядом почти весь долгий срок ее правления, — и их искренняя печаль неожиданно тронула ее до глубины души.

Печальных придворных сменили островитяне, поющие хвалу грядущему золотому веку. Она потупилась, не желая ни видеть, ни слышать их. Они тоже трижды обошли ее носилки, бросив туда свои подношения Хозяйке — жалкие грубые бусы из раковин и камешков, ярко раскрашенные рыбьи плавательные пузыри, пучки увядшей зелени и цветов.

Когда островитяне закончили свою песнь, над толпой вдруг повисла такая гнетущая тишина, что Ариенрод даже смогла расслышать, как постукивают и поскрипывают у причалов суда, и заметила, что в море, недалеко от берега собралась большая группа лодок со зрителями. Карбункул высился над ними, точно грозовая туча, готовая разразиться страшной бурей, но здесь ей была видна не только темная, простершаяся над морем тень гигантского города, но и светлое, серовато-зеленое море вдали. Открытое море… бесконечное… вечное… Разве удивительно, что мы поклоняемся морю как божеству? Вдруг, в самый последний миг, Ариенрод вспомнила, что и сама некогда верила в морскую Богиню…

Маска королевы Лета заслонила открывавшуюся перед нею морскую даль: перед Ариенрод оказалась теперь та, что готовилась занять ее

трон.

— Ваше величество, — королева Лета поклонилась ей, и Ариенрод вспомнила, что она все еще королева — что смерть еще не наступила. — Вы прибыли, наконец. — Голос звучал неуверенно и казался странно знакомым.

Ариенрод высокомерно, по-королевски кивнула, вновь обретая власть над собой — единственную власть, которая у нее еще осталась.

— Да, — проговорила она, вспоминая слова ритуального ответа, — я пришла, чтобы начать иную жизнь. Я — воплощение Моря; и подобно тому, как прилив сменяется отливом, а одно время года другим, должна изменяться и я. Зима завершилась, снег тает, растворяясь в водах морских, и возрождается в виде теплых благодатных дождей. — Голос ее звенел под сводами гигантской искусственной пещеры. Происходящее действо транслировалось множеством скрытых телекамер прямо на экраны, расположенные повсюду на улицах города.

— Лето следует за зимой подобно тому, как ночь сменяет день. Море соединяется с землею. Лишь соединившись вместе, две половинки образуют единое целое; кто способен разделить их? Кто не даст им соединиться вопреки Судьбе

в положенном месте и в урочный час? Великие стихии рождены силой, превосходящей все сущее. Их истинность непреложна и верна для всей Вселенной! — Королева Лета в широком жесте раскинула руки и повернулась к толпе.

Ариенрод чуть напряглась. Сама она ни на одной из репетиций не произносила подобных слов и никогда не слышала их. Над толпой пронесся шепот; Ариенрод охватило какое-то колючее беспокойство.

— Кто отправляется с тобой в путь, чтобы тоже стать иным?

— Мой возлюбленный, — Ариенрод старалась говорить ровным тоном, — ибо он подобен земле, слившейся с морем. И этот союз не может быть нарушен. — Холодный ветер ожег ей глаза. Герне молчал и оставался недвижим, ожидая своей участи с достойным восхищения стоицизмом.

— Да будет так. — Голос королевы Лета чуть дрогнул. Она протянула руки, и двое островитян тут же подали ей два маленьких сосуда с темной жидкостью. Королева Лета сама поднесла один сосуд Герне; он с явной охотой принял его. А второй она предложила Ариенрод. — Выпьешь ли ты это, полагаясь на милость Хозяйки?

Ариенрод почувствовала, как онемели ее гу-

бы, — она не желала повиноваться и давать ответ, но все же выговорила:

— Да.

В сосуде был сильный наркотик, призванный уменьшить ее страх и замутить сознание. Герне, приподняв маску, залпом выпил темную жидкость и поморщился. Ариенрод прежде была твердо намерена отказаться от наркотика, чтобы до, конца своей, уходящей в сиянии славы жизни сохранить ясное сознание. Но сейчас ей хотелось лишь забвения.

— Во славу Хозяйки. — Она ощутила едкий запах и вкус трав, и уже после первого глотка горло онемело. Теперь жидкость казалась совершенно безвкусной.

Выпив все до дна, она передала сосуд королеве Лета и тут же заметила островитян, которые несли веревки, чтобы привязать их с Герне к носилкам и друг к другу, не оставляя им ни малейшей надежды на спасение. Ледяной ужас сковал душу Ариенрод, от страха у нее потемнело в глазах. Убейте меня, ради всех богов! Убейте сейчас! Она пыталась определить, подействовал ли уже наркотик и начало ли неметь тело. Герне гневно оттолкнул островитян, когда те попытались связать его; она заметила, как вздулись мускулы у

него на плечах, и эта его слабость вдруг пробудила в ней силы. Она сидела абсолютно спокойно, покорно позволив островитянам связывать ее по рукам и ногам; потом они накрепко привязали ее к Герне и прикрутили их обоих к носилкам. Хотя носилки и имели форму тупоносой лодки, Ариенрод прекрасно знала, что в днище этого хрупкого суденышка, скрытом под грудой мехов и подношений, заранее пробиты отверстия, а потому лодочка пойдет ко дну почти сразу. Она ничего не смогла поделать ни со своими руками, судорожно цеплявшимися за веревки, ни со своим телом, которое упорно противилось невольной близости Герне. Он даже удивленно повернул к ней свое скрытое маской лицо, но она на него смотреть не пожелала.

Королева Лета вновь стояла теперь рядом с ними, однако смотрела не на них, а, повернувшись лицом к морю, произносила последнюю торжественную молитву. Полная тишина, воцарившаяся над толпой, продолжалась еще несколько минут после того, как она умолкла, и в этой затянувшейся тишине чувствовались нетерпение и неприязнь. Толпа ждала лишь последнего знака. Ариенрод чувствовала, как тело ее и члены словно погружаются в сладкий благо-

датный сон, как слабеет ее позвоночник. Однако разум оставался ясным, даже слишком ясным. Неужели наркотик действует только так? Что ж, пусть хоть тело ее не сможет предать свою хозяйку — оно стало слишком тяжелым и безвольным; значит, ей будет даровано достоинство и в смерти — вне зависимости от ее собственного желания.

Однако вместо того, чтобы дать знак и отойти в сторону, королева Лета снова повернулась к Ариенрод.

— Ваше величество, не желаете ли… — Ариенрод насторожилась, услышав в ее голосе настойчивость, — взглянуть перед смертью на лицо той, что сменит вас?

Ариенрод непонимающе уставилась на нее, чувствуя, что и Герне тоже крайне удивлен. Согласно традиции, новая королева не должна была снимать маски, пока лодка не уплывет в море и толпе не будет дан соответствующий знак. Но эта женщина, уже один раз нарушившая ритуал… Неужели она так глупа?

— Я желала бы видеть твое лицо, да, желала бы. — Онемевшие губы повиновались с трудом.

Королева Лета придвинулась к носилкам совсем близко, так, чтобы ее не могли разглядеть в толпе, и медленно сняла маску.

Водопад серебристых волос рассыпался по ее плечам. При виде ее лица у Ариенрод перехватило дыхание. Те островитяне, что стояли кольцом вокруг носилок, тоже ахнули. Ариенрод слышала, как они испуганно бормочут что-то, ибо наяву всем им явилось чудо: у девушки было лицо Снежной королевы.

— Мун… — даже не прошептала — прошелестела Ариенрод, не сдержавшись. Однако не дрогнула, не вскрикнула — точно не находила в этом ничего сверхъестественного, невероятного, невозможного… И все-таки не зря! Все-таки я старалась не напрасно!

— Боги, — прохрипел Герне. — Как тебе это удалось, Ариенрод?

Она только улыбнулась.

Мун тряхнула волосами, сейчас ей была безразлична толпа; на лице ее было написано прощение и сострадание.

— Смена Времен Года наступила… благодаря вам… вопреки вам, ваше величество! — И она вновь надела маску, скрывая свое лицо.

Островитяне, окружавшие носилки, отступили, испуганно переглядываясь. «Это же королева! Еще одна Снежная королева! Это великий знак!..» Они хорошо рассмотрели трилистник предсказа-

тельницы на шее у Мун и теперь показывали на татуировку пальцами и перешептывались.

Герне с трудом заставил себя засмеяться.

— Тайна раскрыта… наконец-то тайна раскрыта! Она побывала в других мирах и теперь знает, кто она такая.

— Что? Что это ты говоришь, Герне? — Ариенрод тщетно пыталась повернуться к нему.

— Предсказатели есть на всех планетах! Ты ведь никогда об этом не знала, верно? Ты даже не подозревала об этом. А твои напыщенные болваны… — он глянул в сторону инопланетян, занимавших лучшие места на трибунах, — ровным счетом ничего не понимают! — Смех у него вышел сдавленный.

Предсказатели есть повсюду?.. Неужели это правда? Нет, это несправедливо! Мне еще так много хотелось бы узнать! Она закрыла глаза, не в силах сосредоточиться ни на чем. Но все-таки это было не напрасно…

Хор стонов и проклятий вновь зазвучал громче, неумолимый, как Смена Времен Года. Зрители нетерпеливо требовали казни. Все чувства этой толпы — и горе, и вина, и ненависть, и враждебность, и страх — изливались сейчас в хрупкое суденышко, переполняя его, грозя затопить его

беспомощных пленников еще до того, как они исчезнут в пучине вод. Ариенрод больше не противилась прикосновению тела Герне, благодарная ему за то, что он согласился разделить с ней это тяжкое испытание, последние мучительные мгновения перед смертью… вместе с ней совершить переход в иное измерение. За свою долгую жизнь она видела слишком много изображений рая и ада и теперь имела возможность выбирать… Надеюсь, мы создадим свой собственный… рай или ад?

В последний раз осмотревшись, она увидела, как Мун отступила в сторону, открывая путь к воде. Она готова была взорваться от напряжения — взорваться проклятиями, которые невозможно будет снять никогда, даже ей самой… Но почему так страдает Мун? Я бы радовалась… Она была не в состоянии даже сообразить, почему ей так кажется, да и радовалась бы она на самом деле или все-таки нет… Она в последний раз заставила себя собраться с мыслями, чтобы сказать свое последнее слово, прежде чем Мун отдаст роковой приказ.

— О мой народ… — ее почти не было слышно из-за криков и шума толпы. — Зима кончилась! Служите своей новой королеве… как служили

старой. Ибо теперь вами правит Лето. — Она опустила голову, успев быстро посмотреть на Мун и спросить:

— Где… он?

Мун слегка повела головой, в глазах ее плеснулась глубоко упрятанная ревность, однако она выполнила последнюю просьбу Снежной королевы. Проследив за ее взглядом, Ариенрод увидела Спаркса, который стоял среди наиболее почетных гостей из числа островитян возле роскошного пустого кресла, предназначенного для королевы Лета. Но глаза его были закрыты. Он то ли не желал видеть ее последние мгновения, то ли просто боялся, что его королева случайно поднимет голову и на прощание увидит его… Ему жаль… ему действительно меня жаль. Ариенрод снова посмотрела на Мун. И ей тоже. Им обоим жаль меня, И только теперь она вдруг удивилась, сколь равнодушна жизнь к чужим чувствам, сколь она несправедлива и неразумна…

Горящие глаза Герне, казалось, с нетерпением ждали, когда она наконец повернется к нему — он, конечно, понимал, кому принадлежат ее мысли в эти последние минуты.

— Это навсегда… Герне.

Он покачал головой.

— Нет, жизнь не вечна. Вечна только смерть. А жизнь… длится очень недолго.

— И все-таки мы живы, пока кто-то помнит нас. А они теперь никогда меня не забудут! — Теперь ей казалось, что лицо Мун, ее второго «я», заслонило от нее все, и не было больше ни сил, ни желания смотреть на Мун или на Спаркса. Никогда не оглядывайся назад…

Мун воздела руки, протянув их навстречу волнам, и высоким голосом, словно чайка среди бури, перекрывая ропот потерявшей терпение толпы, провозгласила:

— О, Хозяйка, Матерь наша, прими этот бесценный дар и верни его девятикратно! Да утонут в твоих водах грехи наши, да обновятся наши души, и пусть новая жизнь придет на нашу землю! Но не воскрешай Зиму, пока не придет ей пора… возродиться! — Мун почти незаметно покачнулась при этих словах. — И пусть на Тиамат правит Лето!

Ариенрод почувствовала, как качнулись носилки, и увидела прямо перед собой тяжелые, свинцовые волны. Прилив был высок, и вода билась у пирса так, что ледяные брызги ее напоминали осколки стекла. Пусть все свершится! Жизнь моя прошла не напрасно. Гул толпы звучал

теперь точно гимн будущему, гимн во славу ее, Снежной королевы. Носилки коснулись воды и поплыли; Ариенрод склонилась над водой и смотрела на свое отражение до тех пор, пока оно не приблизилось к самому ее лицу и не исчезло…

Глава 55

Мун видела, как носилки, рассекая воду, проплыли немного, почти затонули и снова всплыли… Все это словно происходило с нею самой, тело ее ныло и дрожало от холода. Рев толпы нарастал, становясь оглушительным. Хрупкое суденышко, все дальше относимое от причала, колыхалось на волнах, постепенно разворачиваясь так, что Мун снова смогла разглядеть и склоненное лицо Звездного Быка, и лицо Снежной королевы, лицо Ариенрод… свое собственное лицо… Оно казалось совершенно спокойным, видимо благодаря воздействию наркотика. Тела Ариенрод и Герне, привязанные друг к другу, сплелись словно в предсмертных страстных объятиях. Потом лодочка начала вращаться — все быстрее и быстрее, наполняясь водой. Мун хотела зажмуриться, однако глаза не закрывались — не желали закрываться, столь сильным оказалось

почти гипнотическое воздействие этого танца смерти на поверхности воды. Мун вспомнила выпавшее на ее долю испытание морем и весь тот долгий путь, что привел ее в итоге на эту пристань, и всех погибших на этом пути… Но не могла отвести глаз…

Лодочка вдруг еще раз повернулась так, что лица приговоренных стали видны толпе, и тут же скрылась под водой. Мун терла глаза, всматриваясь в морские волны, однако лодочка больше не появилась. Поверхность моря более не тревожило ничто, только посверкивали гребешки волн, словно море кивало, благодаря за принесенную ему жертву. Рев толпы теперь походил на рев бури, даже своды гигантской пещеры содрогались. Мун смотрела на лениво бегущие волны, неумолимые и бесстрастные, как и их Хозяйка.

Кто-то, видно, решился, наконец, подойти к ней и коснуться ее руки. Мун сильно вздрогнула и выдохнула: «Хозяйка?» Островитянин склонился перед ней в почтительном поклоне, лишенном, однако, подобострастия. Жители Летних островов уважали свою королеву как воплощение Матери Моря, но никогда не пользовались иноземными формулами почтительного обращения к королевской особе.

— Утро. Пора снимать маски…

— Я знаю. — Она кивнула ему, но все-таки снова оглянулась на море. Счастливого вам пути! Спокойной вам жизни — в раю! Она сделала несколько шагов по причалу и вновь оказалась перед многотысячной толпой зрителей. О, Хозяйка… Теперь я королева…

— Королева… королева… Снежная королева мертва! Да здравствует королева Лета! — Крики островитян оглушали, казались насмешкой.

Она коснулась своей маски влажными от водяной пыли руками, совершенно заледеневшими на ветру.

— О, мой народ… — Было ужасно трудно вновь открыть передо всеми свое лицо. Мун вдруг отчетливо почувствовала опасность, вспомнив ужас и изумление, мелькнувшие в глазах тех островитян, что были с нею рядом на краю причала и провожали Снежную королеву в последнее плавание. Теперь ее сходство с Ариенрод станет очевидным каждому — и прежде всего инопланетянам. Даже если они и подозревают правду… Она тряхнула головой, словно высвобождая те слова, которые должна была сказать ждущей их толпе. — Зима окончилась, наконец наступило Лето! Хозяйка приняла наш дар и вернет

его девятикратно. Той жизни, что была прежде, тоже пришел конец — так пусть время унесет прочь память о ней, подобно тому, как волны уносят брошенную в них маску или опустевшую раковину. Веселитесь же и готовьтесь к началу новой жизни! — Она решительно приподняла маску и сняла ее.

Толпа — жители Зимы, Лета, инопланетяне — на какое-то мгновение превратилась в единое существо. Восторженный гул и шелест срываемых масок все усиливались — возникали открытые лица, свободные в эти мгновения от былых печалей, грехов и страхов. Волна радостных кличей и приветствий подхватила Мун, проникая ей в душу. Я непременно сделаю этот мир свободным!

Она продолжала стоять, держа маску высоко над головой, и тон толпы понемногу изменился; теперь стены пещеры-гавани дрожали от изумленных восклицаний; люди не верили собственным глазам… «Ариенрод… это Ариенрод!» Мун чувствовала, как пробуждаются и крепнут те суеверия, что всегда заставляли островитян цепенеть от страха, как по толпе, подобно невиданной паранойе, распространяется неверие; потом представила себе, что будет, когда неверие

распространится по всему городу, когда начнется паника… Понимая это, она решила во что бы то ни стало немедленно остановить растущую панику — остановить прежде, чем потеряет все то, чего, собственно, еще и приобрести не успела. Как… Как же мне остановить их? И молитвенно прижав руку к трилистнику сивиллы, вытатуированному у нее на горле, она воскликнула:

— Жители Тиамат, Дети Моря! — Она одним движением разорвала ворот платья, открыв всем взорам магический знак. — Смотрите все! Да, я сивилла! Видите мой трилистник — я верно и преданно служу Хозяйке, а имя мое — Мун, Покорительница Зари, дочь Лета, хотя теперь я и стала вашей королевой. Спрашивайте, и я отвечу, и никогда не скажу вам ни одного лживого слова!

Постепенно крики стали смолкать, стихали все звуки; глаза каждого в Карбункуле были прикованы к трилистнику на горле королеве Лета, которая видна была и на многочисленных телеэкранах. Жители Зимы онемели от сковавшего их души ужаса и неуверенности, жители Лета — от переполнявшего их души восхищения той, что являла собой воплощение их Богини, возродившейся в этой юной сивилле. И краешком глаза Мун успела заметить странные, растерянные

взгляды, которыми обменивались сидящие на трибунах инопланетяне, видя трилистник на горле женщины, как две капли воды похожей на Снежную королеву…

Продолжая молча наблюдать, хотя сердце билось так, что больно было дышать, она увидела, что постепенно во взглядах людей ослепляющее потрясение сменяется более привычным набором эмоций: от ужаса, смешанного с восхищением, до благоговения и отвращения в чистом виде… Многим казалось, что перед ними был ловко разыгран некий спектакль; на лицах были написаны смущение и неуверенность. Но ни на одном из этих лиц не могла она отыскать и следа вины, стыда, почтительного уважения, истинного понимания только что происшедшей трагедии. В другой раз… в другой раз та, что будет на моем месте, непременно прочтет на лицах своих подданных и все эти чувства.

Пробежав взглядом по рядам, Мун осмотрелась спокойней. Она стояла в окружении самых старых представителей различных родов островитян. Спаркс по-прежнему ожидал ее возле пустого кресла; его пылающие огнем волосы словно факел указывали ей путь… Он был весь напряжен, как натянутая тетива лука. Мун спо-

койно подошла к нему и молча встала с ним рядом, снова глядя туда, где среди волн все еще кружились украшавшие носилки цветы и зеленые ветки. Толпа по-прежнему чего-то ждала, неуверенно перешептываясь.

— Они ждут твоего слова, Хозяйка. — К Мун наклонилась та женщина из рода Удачи, что руководила ею во время состязаний.

Она согласно кивнула, снова удивившись себе, как поражалась без конца в течение всей этой оглушительной и праздничной Ночи Масок, не зная, однако, какие слова смогли бы заставить этих людей выслушать ее и понять… поверить…

Слова отыскались внезапно — но отнюдь не благодаря той, что определяла все ее действия до сих пор, нет, слова эти были порождены силой ее собственных чувств, ее собственным сердцем!

— Люди Тиамат, Хозяйка уже благословила меня однажды, подарив мне человека, с которым я могла разделить свою жизнь. — Она посмотрела на Спаркса, стоявшего с нею рядом, и коснулась его руки, холодной, безжизненной, плетью висевшей вдоль тела. — Потом она благословила меня во второй раз, сделав сивиллой, и в третий — сделав королевой. Я много думала о своей счастливой судьбе и о судьбе этого мира, которую

суждено разделить каждому из нас. Я молила Хозяйку указать мне путь, следуя которому я могла бы выполнить Ее волю, стать Ее воплощением. И Она ответила мне! — Да так, как мне и в голову не приходило! Мун помолчала, глядя в море и думая о тайне, что крылась под этими темными волнами. — Я уверена, что обязательно есть причина того, что Она явила вам себя в моем лице, в лице сивиллы. Я пока что не очень хорошо вижу тот путь, что откроется перед нами в ближайшем будущем, но знаю: для того, чтобы пройти по этому пути до конца, чтобы осуществить задуманное Ею, мне нужна будет помощь — помощь всех вас и особенно предсказателей. В Карбункул пришло Лето! Отныне этот город не является запретным для предсказателей — более того, я прошу их считать его своим родным домом! Островитяне! Вернувшись домой, передайте мои слова своим сивиллам и предсказателям, скажите, что я прошу их приехать сюда, если это для них возможно, — не навсегда, а просто в гости — и я расскажу им о той великой роли, которую они должны сыграть в строительстве нашего общего будущего.

Она помолчала, слыша, как перешептываются в толпе, и пытаясь угадать, поняли ли ее люди.

Потом посмотрела украдкой на стоявших вокруг нее старейшин и с облегчением заметила на их лицах выражение доброжелательного и благоговейного изумления. Жители Зимы, разумеется, будут сопротивляться — она инстинктивно чувствовала это, — ибо впитали в плоть и кровь страх и ненависть по отношению к предсказателям. Она должна дать им тоже какую-то надежду, предоставить и им возможность участвовать в созидании будущего. Мун видела, как застыли в ожидании чего-то инопланетяне, и чувствовала, сколь велик риск, который она взяла на себя, пригласив в Карбункул предсказателей, и сколь хрупко то равновесие, которое ей всеми силами придется поддерживать, пока инопланетяне не покинут Тиамат…

— Если я… если вам покажется, что я отступаю от древних традиций и следую неведомым путем, без дорог, прошу вас: верьте мне! Постарайтесь понять, что именно меня избрала Хозяйка для исполнения своей воли… — Она говорила уверенно и спокойно. — Она мой капитан, Она прокладывает путь моего корабля под неведомыми мне звездами… — Куда более неведомыми, чем те, что светятся над нашими головами. Мун снова посмотрела в сторону инопланетян. — Итак, мой

первый королевский указ таков: полученное жителями Зимы от инопланетян не должно быть выброшено в море! — Предвкушение подлинной власти, ощущение собственной силы и несокрушимой энергии пело в ее душе. — Вы меня слышите? — И прежде, чем гул толпы заглушил ее голос, выкрикнула:

— Вещи, сделанные руками иноземцев, оскорбляют наши воды. Море задыхается от них. Так что каждому из жителей Зимы требуется принести Хозяйке не более трех даров — не более! И пусть каждый выберет свой подарок сам. Время… Об остальном позаботится время! — Она скрестила руки на груди и стояла, готовая встретить волну гнева.

Однако по толпе прошла лишь легкая рябь испуга и растерянности; то здесь, то там среди изумленных и обрадованных жителей Зимы сверкали всплески смеха или аплодисментов. Мун глубоко вздохнула, с трудом осмеливаясь поверить… Они доверяют мне! Они меня слушают; они сделают все, что я велю… Она, наконец, поняла то, что давно уже знала Ариенрод: как легко могут сгореть в пламени столь могущественной власти и сдерживающие ее самое оковы, и то, что эта власть призвана была охранять…

— Благодарю тебя, о мой народ! — И она склонила голову.

Островитяне смотрели на нее с покорной почтительностью, и только в глазах Спаркса светилась какая-то кошачья настороженность, словно он почуял, что она ощутила, наконец, всю полноту своей власти, и опасался этого.

Она быстро посмотрела на него и отвернулась, стараясь во что бы то ни стало сохранить спокойствие на лице, и тут увидела, что с трибуны напротив к ней спускается сам премьер-министр, намереваясь лично поздравить ее и официально объявить ее главой одного из государств Гегемонии. Потом она заметила среди членов Ассамблеи и Первого секретаря Сайруса, испытав какое-то весьма неприятное предчувствие. Она слегка подтолкнула Спаркса локтем, глазами указав ему на отца; он изо всех сил постарался ответить на приветливую улыбку Сайруса и тут же снова уставился на своего деда премьер-министра, который начал произносить приветственную речь в адрес новой королевы.

К счастью, речи премьер-министра, Верховного судьи и еще десятка других высокопоставленных лиц, о функциях которых она никогда даже не слышала, были краткими и доброжелательными.

Мун терпеливо выслушала их, словно щитом защищенная от излишней самоуверенности ораторов своим тайным знанием, однако замечала в лице каждого из них подозрительность и недоверие, вызванные ее неожиданным обращением к народу Тиамат. Верховный судья, например, смотрел на нее слишком долго и слишком внимательно; однако и он, как остальные, промямлил обычные поздравления, восхваляя совершаемое согласно традиции очередное соскальзывание Тиамат в пропасть невежества. Он настоятельно просил королеву Лета не слишком отклоняться от традиционного пути развития — и быть готовой к самым неожиданным последствиям любых ее нововведений. Она ласково улыбнулась ему.

Последней из официальных лиц, желавших принести ей свои поздравления, оказалась комиссар полиции ПалаТион. Когда ПалаТион проходила мимо Верховного судьи, Мун заметила, что они обменялись взглядами, и в глазах ПалаТион вспыхнуло яростное упрямство, не погасшее и тогда, когда она уже стояла перед новой королевой.

— Ваше величество, — ПалаТион склонилась в церемонном поклоне, — приношу вам свои поздравления! — Было совершенно очевидно,

что она считает все это действо полнейшей нелепостью.

Мун позволила себе улыбнуться более открыто.

— Благодарю вас, комиссар. Знаете, я не менее вашего удивлена собственным присутствием здесь. — Она вдруг почувствовала себя страшно неуклюжей, губы совершенно не слушались.

— Я очень сомневаюсь в этом, ваше величество. Но кто знает?.. — ПалаТион загадочно пожала плечами и сказала громче:

— Признание вас королевой Лета кладет конец моим функциям комиссара полиции и моей ответственности за то, что происходит на Тиамат. Как и официальной власти Гегемонии на этой планете — до тех пор, пока мы не вернемся сюда снова через сто лет. Теперь вся ответственность за поддержание здесь порядка ложится на вас.

Мун кивнула.

— Я знаю, комиссар. Благодарю вас за службу моему народу… и особенно детям Лета, ибо вы спасли нас от… этой чумы! Я перед вами в неоплатном долгу… — Дважды в долгу… Мун склонила перед ней голову.

ПалаТион потупилась было, потом посмотрела королеве прямо в глаза.

— Я всего лишь выполняла свой долг, ваше величество. — Но на лице ее Мун, к удивлению своему, вдруг прочитала благодарность.

— Тиамат очень жаль расставаться с истинными своими друзьями, с вами например. И мне тоже очень жаль. У нас не так уж много настоящих друзей — И все они очень нужны нам.

ПалаТион еле заметно улыбнулась.

— Друзей порой можно обнаружить в самых неожиданных местах, ваше величество… Случается, правда, что понимаешь это, когда уже слишком поздно. То же самое и с врагами. — Она понизила голос. — Будь осторожна, Мун, пока последний корабль не покинет Звездный порт. Не пытайся опередить события. Гораздо больше людей, чем тебе кажется, хотели бы узнать, кто ты такая на самом деле. Ты бы уже сидела в тюрьме, если бы Верховный судья не понимал, что это вызовет всенародное восстание… Тебе так легко сходят с рук всякие новшества только потому, что традиционный обряд практически утратил свой смысл, слишком многим стал безразличен.

Мун широко раскрыла глаза, руки ее на фоне красного кресла казались белыми, как алебастр.

— Что вы хотите этим сказать?

— У Гегемонии свои способы расправляться с

теми, кто тайно хранит и накапливает технические знания. Этого нельзя недооценивать — ни на секунду не забывай о сотрудниках Межгалактического Кордона. Сейчас это лучший совет, какой только может дать тебе настоящий друг.

— Благодарю вас, комиссар. — Мун выпрямилась и расправила плечи, старательно скрывая тревогу. — Но и эта опасность не остановит меня. — Потому что настоящий ключ к будущему — у меров.

ПалаТион уже повернулась, чтобы уйти, но тут взгляд ее упал на инопланетян, расположившихся на трибунах.

— Ваше величество, — она снова подошла ближе к Мун и говорила теперь очень тихо, почти неслышно, — я верю в благородную цель ваших грядущих свершений! Я верю в справедливость ваших намерений. И я не хочу, чтобы кто-нибудь помешал вашим планам. — Мун показалось, что ПалаТион коснулась ее рукой, однако та даже не пошевелилась. — Мало того, я хочу помочь вам, — она заторопилась. — Я… я предлагаю вам свои услуги, свои знания, свой опыт, всю свою оставшуюся жизнь — если, конечно, вы сами захотите воспользоваться ими. И если позволите мне использовать их во имя благородной цели.

Мун понимала, что за этими словами кроется нечто значительно более важное и более глубокое.

— Неужели вы… хотите остаться? На Тиамат? — Это прозвучало так глупо и так не по-королевски, что даже Спаркс с изумлением покосился на нее.

Но ПалаТион, казалось, даже не заметила этой оплошности Мун.

— Не на той Тиамат, что существовала до сих пор. Но на той, что будет создана. — В ее темных, чуть раскосых глазах одновременно читался и вопрос, и требование, и обещание.

— Вы ведь комиссар полиции… слуга Гегемонии… почему же? — Мун тряхнула головой, не сомневаясь, что ПалаТион говорила совершенно искренне, однако все же с трудом осознавая это.

— Все на свете меняется, — просто сказала ПалаТион.

— Это не ответ! — вмешался Спаркс. — Мне не улыбается провести остаток жизни под присмотром комиссара полиции.

ПалаТион провела рукой по лицу.

— Тебе все еще мало? А от тебя я много доказательств требовала, Покоритель Зари?

Он потупился и ничего не ответил.

— Чтобы рассказать, что послужило причиной

столь значительных перемен во мне, потребуется целая жизнь. Но поверьте, причины эти достаточно серьезны.

— Но ведь если вы не улетите вместе со всеми, то можете потом горько пожалеть об этом — если передумаете, — проговорила Мун. — Вы уверены, что так хотите остаться?

— Не уверена. — ПалаТион снова посмотрела на инопланетян, таких невыразимо далеких от того мира, к которому она сейчас протягивала руки… — А впрочем, что я, черт побери, теряю? Да, я уверена. — И она, наконец, открыто улыбнулась Мун.

— В таком случае, оставайтесь! — Мун тоже улыбнулась. Если Тиамат сумела так изменить тебя, значит, сможет и сама перемениться… мы поможем ей… я смогу! — Все, чем вы захотите помочь нам, я приму с благодарностью, комиссар…

— Джеруша.

— Хорошо, Джеруша. — Мун коснулась ее руки в традиционном приветствии.

— Я должна носить это, — Джеруша показала на свою форму, — пока последний корабль не покинет Тиамат. После чего мой долг по отношению к Гегемонии будет выполнен, и я всей душой готова буду принадлежать будущему.

Мун кивнула.

— А теперь разрешите мне удалиться, ваше величество: я спешу исправить свои старые ошибки. Мне необходимо сообщить одну очень важную вещь человеку, который не умеет выражать вслух собственные чувства.

Мун с абсолютно непроницаемым видом смотрела вслед комиссару ПалаТион, направлявшейся к трибунам инопланетян. Потом снова встала и объявила конец Фестиваля и Зимы. Но то было лишь начало Смены Времен Года.

Холодный рассвет долетел на крыльях ветра и в эту подземную гавань; в свете наступающего дня Мун шла рядом со Спарксом по Главной улице Карбункула, окруженная толпой наиболее явных своих приверженцев, слыша позади поскрипывание и вздохи судов и крики усталых моряков. Немыслимое количество кораблей, буквально скрывавших под собой воды гавани, уже начинало уменьшаться; суда начали свой исход из столицы.

Скоро сюда прибудут дети Лета. Праздник Смены Времен года служил для них началом очередной миграции к северу. Летом южные широты Тиамат становились практически непригодными для жизни — казалось, само море восстает против

островитян, вынуждая их переселяться в северные широты и само продвигаясь с ними вместе.

Жители Зимы теперь должны были разделить с островитянами ту обширную территорию, что до сей поры принадлежала им одним, а также — приспособиться к новому, более тесному сосуществованию и сотрудничеству с детьми Лета без какой бы то ни было поддержки инопланетян. Знать Карбункула, как всегда, переселится в свои поместья, вновь обретая навыки обычных земледельцев и стремясь сохранить свое благополучие.

И среди всех этих передвижек и хаоса Мун должна будет начать строительство новой жизни на Тиамат.

— Зря, видно, я думала, что, как только доберусь до Карбункула, все мои проблемы останутся позади! Они только начинаются… — жалобно проговорила она, и дыхание ее тут же превратилось в облачко морозного тумана. Даже сейчас, рядом со Спарксом, слушая успокаивающий шум моря, она чувствовала страшный гнет неведомого грядущего, а Карбункул высился над ней, словно его зловещий символ. Она на мгновение остановилась и оперлась о покрытый ржавчиной и мхом парапет, глядя на неспокойные черно-

зеленые волны. Спаркс тоже остановился — он весь день был рядом с нею, пытаясь изо всех сил утвердить ее в мысли о том, что перемены совершаются к лучшему и неизбежно смешивают всех — друзей и врагов, любимцев и жертвы.

— Сейчас у тебя есть на кого опереться. И появятся новые сторонники. Тебе не придется нести эту ношу одной. У тебя всегда будут помощники. — В голосе Спаркса невольно послышалась горечь, и он слегка отодвинулся от Мун. Она понимала, что все те, на кого она должна будет опираться впредь, знают, кем Спаркс был прежде; и даже если они не испытывают ненависти к нему, то всегда будут напоминать ему о той ужасной роли, которую он сыграл в прошлом, будя в нем ненависть к самому себе. — Никто никогда не правит в одиночку… даже Ариенрод.

— Я не Ариенрод! — Она тут же умолкла, догадавшись, что он вкладывал в свои слова совсем иной смысл, однако сдержаться не успела. — Я думала, что ты…

— Я вовсе не это имел в виду.

— Я знаю. — Но знала также и то, что он всегда будет вспоминать Ариенрод, глядя на нее, — потому что Ариенрод всегда будет жива и в его памяти, и в лице Мун, так что порой им трудно

будет посмотреть друг другу в глаза. Она стерла с лица осевший на него утренний туман. За мрачной громадой города на западе еще виднелась тоненькая, яркая, точно радуга, полоска непогасшей зари. — Когда же мы теперь снова увидим хоть одну радугу?

Что-то мягко плеснуло в воде прямо под ними. Посмотрев вниз, Мун увидела плоскую голову на гибкой шее, изящно приподнятую над водой. Темные глаза пытались заглянуть ей в лицо. У нее перехватило дыхание, и она услышала, как Спаркс невольно выдохнул: «Нет!»

— Спаркс! — Она успела схватить его за руку как раз тогда, когда он уже собрался бежать прочь. — Погоди. Не беги.

— Зачем ты удерживаешь меня, Мун?

Она, не отвечая, присела на корточки, потянув его за собою; ее расшитая бисером зеленоватая вуаль зашелестела по доскам причала. Мер подплыл к ней так близко, что она могла коснуться рукой его теплой шеи.

— Что ты здесь делаешь?

Но одинокий мер молча смотрел на нее черными блестящими глазами, словно и у него не было ответа на этот вопрос. Однако он явно не собирался никуда уплывать, лишь ритмично

пошлепывал своими ластами по усыпанной праздничным мусором поверхности воды. Потом вдруг начал тихо и монотонно напевать не предназначенную для одного голоса песнь, заменяя собой отсутствующий хор. Эти песни… почему ты поешь их? Может быть, это не просто песни? Может быть, в них говорится о цели твоего существования, о твоем предназначении, о твоих обязанностях? Вот только ты не очень-то понимаешь это… Волнение охватило Мун. Нгенет! Нгенет может помочь ей научиться понимать меров. И, если она права в своих предположениях, она сможет потом научить их…

Она сегодня видела Нгенета в толпе и заметила на лице его гордость и надежду, но возможности подойти к нему ближе у нее не было. И еще она заметила, как глаза его вспыхнули огнем непрощения при виде Спаркса. Она по-прежнему крепко держала Спаркса за руку, потом попыталась заставить его коснуться головы мера, но Спаркс застонал так, словно она держала его руку над огнем. Мер загадочно глянул ему в лицо и плавно ушел в темную воду, так и не подплыв ближе.

Мун отпустила руку Спаркса, и та безжизненно повисла над водой. Спаркс медленно приблизил

руку к глазам и скрючился у перил.

Мун услышала за спиной недоверчивые возгласы вездесущих представителей рода Удачи, которые под видом сопровождения королевы Лета на самом деле весь день пытались руководить ею. Она уже вызвала их недовольство своим страстным выступлением и нарушением ритуала и теперь понимала, что из-за своего «королевского» прошлого они вполне могут стать весьма опасными для нее в будущем. Сейчас они были ей особенно неприятны — ей так хотелось, чтобы их оставили со Спарксом наедине, ничем не нарушая его горестных переживаний. Только теперь она отчетливо поняла, что, став королевой, отнюдь не стала более свободной, но напротив, лишилась и свободы, и независимости.

— Море никогда ничего не забывает, Спарки. Но Хозяйка способна простить… — Мун погладила Спаркса по голове, взяла его холодное, залитое слезами лицо в свои тоже ледяные и влажные ладони, ощущая его теперешний стыд как острый нерастаявший осколок ледяного неверия. — Просто нужно время.

— И целой жизни мне не хватит! — Он собственной рукой вонзил себе в сердце этот острый осколок. Нет, никогда он не будет чувствовать

себя своим ни здесь, ни в другом месте, пока не обретет душевного покоя…

— Ах, Спаркс… пусть море будет свидетелем: сердце мое принадлежит тебе, одному лишь тебе, безраздельно и навсегда! — Она сказала это даже с каким-то вызовом; ей так хотелось, чтобы он почувствовал, как нужен ей, как важно ей знать, что он это понимает.

— Пусть море будет свидетелем… — Он повторил слова клятвы, и голос его постепенно становился спокойнее, теплее.

— Спаркс… там, над морем, уже начался новый день, хотя здесь, в Карбункуле, день и ночь различить невозможно. Давай найдем себе место для ночлега — такое, где ты мог бы забыть, что я королева. Где я сама забыла бы об этом… — Она покосилась на тех, из рода Удачи. Но что ждет нас завтра? — А завтра все постепенно начнет становиться на свои места. Завтра сегодняшний день будет уже позади; а послезавтра… — Она откинула назад упавшие на глаза волосы и посмотрела на темные морские волны, где уже не осталось и следа той страшной жертвы, которую они принесли Хозяйке на утренней заре. Море отдыхало, величественное в своем равнодушии, непроницаемое, точно зеркало, в котором отражалось лицо

вечной истины. Мне кажется, сегодняшний день никогда не кончится в Карбункуле… неужели завтра все-таки наступит? Она уже видела будущее — то самое, которое никогда не наступит, если она потерпит поражение, если споткнется, если проявит хотя бы минутную слабость… Она вдруг прошептала Спарксу в самое ухо:

— Ах, Спарки, мне так страшно!

Он только крепко обнял ее и ничего не ответил.

Глава 56

Джеруша стояла в яростном адском сиянии, под раскинувшимся широким зонтиком космическим кораблем. То был последний корабль, на котором улетала и ее команда. В лихорадочной суете последних дней корабли с членами Ассамблеи были выведены на орбиту, где находилось также немало других кораблей, а «челноки» все сновали туда и обратно, вывозя с Тиамат последних, особенно упорных торговцев и измученных чрезмерно затянувшимся празднеством, «затерявшихся» гостей Фестиваля.

Джеруша терпеливо закончила инвентаризацию, несколько раз сверила данные различных

донесений и рапортов, подбивая итоги и стараясь, чтобы никто не был забыт на этой планете, чтобы не осталось ничего недоделанного, невывезенного, незапечатанного. Она сделала все, что было в ее силах, тщательнейшим образом проверив, чтобы никто из полицейских не оставил оружия, или боеприпасов, или радиопередатчика, или просто штепселя в розетке. И все это время она, как бы наблюдая себя со стороны, прекрасно знала, что назавтра она снова и снова будет проверять и перепроверять то, что только что проверила и сделала сегодня.

Боги, зачем мне все это? Однако она прекрасно понимала, что если закончит свою полицейскую карьеру, так много значившую для нее, предательством, то уже никогда не сможет построить новую жизнь на обломках прежней. Ничто не достается просто так. Она уже видеть не могла мелькания бесконечных упаковочных клетей, контейнеров, голубых форм полицейских, исчезавших в чреве «челнока». И этот «челнок», и космический корабль на орбите, и площадка космодрома, и весь этот поразительно сложный космический комплекс, напоминающий живой организм… Не через год, не через неделю, не через день — меньше чем через час все это будет для

нее прошлым, точнее, она станет прошлым для всего этого. Она сама отказывалась от этого ради… Карбункула. Прежде чем последний космический корабль покинет орбиту Тиамат, он пошлет сигнал высокой частоты, с помощью которого уничтожит хрупкие микропроцессоры, осуществлявшие контроль над всей еще оставшейся на планете техникой. Так что те, кто пытался тайно запастись ею, останутся у разбитого корыта, и Тиамат неизбежно вернется к нулевой отметке технического прогресса. Она вдруг вспомнила одинокую ветряную мельницу на вершине холма в усадьбе Миро Нгенета. Нет, это все-таки уже не нулевой уровень! А ведь когда-то ей и в голову не приходило, зачем ему столь примитивное устройство. Никто не может быть более слеп, чем те, кто не желает видеть. И она, совершенно неожиданно, улыбнулась.

— Комиссар?

Она с трудом вернулась к действительности, ожидая услышать еще одну просьбу или рапорт.

— Да-да… Ах, это ты, Гундалину! Он щеголевато отдал ей честь. Улыбка осветила изжелта-бледное лицо; форма висела на нем мешком.

— Какого черта ты тут делаешь? Тебе не следовало…

— Я пришел попрощаться с вами, комиссар. КерлаТинде сказал мне… что вы уходите в отставку, что вы собираетесь остаться на Тиамат, это правда? — Голос его звучал растерянно, словно ему очень хотелось услышать от нее слова опровержения.

— Да, это правда. Я остаюсь здесь.

— Почему? Неужели из-за вашего нового назначения? О нем я тоже слышал… — Голос его зазвенел от гнева. — Им все возмущены, комиссар!

Ну, по крайней мере, один или двое, напротив, обрадованы сверх меры.

— Нет, мое назначение здесь почти ни при чем. — Ей было не по себе; она нахмурилась, представив, как вся полиция пережевывает сплетни об ее отставке, словно беззубые старики на городской площади. Решив, что жаловаться бесполезно, она тогда сдержала свой гнев, однако вскоре всем стало известно о том, как ее унизили. И она решила ни за что и ни с кем не обсуждать ни свое решение, ни свое прошение об отставке — она не была уверена, чего боялась больше: то ли того, что ее попытаются заставить переменить решение, то ли того, что никто ничего подобного не сделает.

— Почему вы мне ничего не сказали?

Она перестала хмуриться.

— Ах, БиЗед! У тебя и без меня неприятностей хватало. Зачем же было взваливать на тебя еще и эти заботы.

— У меня было бы вдвое больше неприятностей, если бы вы меня тогда не прикрыли, комиссар. — Подбородок его заострился и вздернулся вверх от одерживаемых эмоций. — Я прекрасно знаю — если бы не вы, я не имел бы теперь права носить эту форму. Я знаю, как много она всегда значила для вас… гораздо больше, чем для меня самого; я понял это только сейчас; мне ведь никогда не приходилось сражаться за нее… А теперь вы от нее сами отказываетесь… — Он потупился. — Черт возьми, если б я мог хоть как-то изменить ваше новое назначение, я из кожи бы вылез! Но я… — Он изучал шрамы у себя на запястьях. — Я больше уже не сын своего отца! «Инспектор Гундалину» — это все, что мне теперь осталось. И я десять раз благодарен вам за то, что у меня осталось хотя бы это. — Он снова посмотрел на нее. — Я имею право только спросить вас: почему? Почему именно Тиамат? В конце концов, отставка — это еще не конец жизни, но почему, черт побери, вы выбрали эту планету, если вам

так хочется начать новую жизнь? С любой другой вы, по крайней мере, могли бы улететь, если она вам не понравилась!

Джеруша покачала головой и улыбнулась с решительным видом.

— Я не трусиха, БиЗед, и я всегда довожу начатое до конца. Я бы никогда не осталась, если бы у меня не было конкретной цели. И, по-моему, здесь меня ждут настоящие дела, хотя, может быть, это и звучит неправдоподобно. — Она подняла голову и посмотрела на окна космопорта, выходившие на летное поле — там, в одном из темных пустых залов Нгенет Миро незаметно наблюдал за отлетом последнего «челнока» и ждал ее, ждал того момента, когда она станет наконец неотделимой частью этого мира.

Гундалину смотрел на Джерушу озадаченно.

— Вы ведь всегда ненавидели эту планету, даже больше, чем я… Что же такое, клянусь именами десяти тысяч богов, могли вы тут отыскать?..

— Теперь я молюсь только одному богу. — Она покачала головой. — Богине. И, как мне кажется, работаю тоже во имя ее.

Он был потрясен, но, похоже, начинал догадываться.

— Вы хотите сказать, что служите… королеве

Лета? То есть — Мун? Значит… вы и Мун?..

— Именно так. — Она кивнула. — Как ты догадался, БиЗед? О том, что она победила?

— Она приходила ко мне в госпиталь и рассказала обо всем. — Голос его казался безжизненным. — Я видел ее маску… Это — как сон! — Он изобразил что-то непонятное в воздухе и закрыл глаза, погрузившись в воспоминания. — Она приводила с собой Спаркса…

— БиЗед, что же с тобой будет?

— Она тоже спрашивал меня об этом. — Он словно проснулся. — Человек, лишенный лат, практически беззащитен, комиссар. — Он улыбнулся открыто и мужественно. — Но, может быть, именно поэтому он и более свободен. Это мир… этот мир непременно сломал бы меня. Но Мун доказала мне, что даже я могу склониться, но не сломаться, если покорюсь ему. Во мне самом и в нашей Вселенной заключено куда больше возможностей, чем я предполагал. Там найдется место и всем моим мечтам, и всем моим кошмарам… Там есть место и для героев, упавших в сточную яму, и для тех, кто в каждом зеркале видит лишь свое отражение; там можно встретить святых, живущих на промерзших пустошах, и лживых глупцов, что восседают на троне мудре-

ца, и там множество голодных тянут свои руки в мольбе, которая никогда не получит ответа… Все становится возможным, если найдешь в себе мужество признать, что все на свете относительно. — Горькая, но самоуверенная усмешка скривила его губы. Джеруша слушала молча, не веря собственным ушам.

— Жизнь всегда представлялась мне в виде идеально ограненного и отшлифованного бриллианта, комиссар, — острые четкие грани, прозрачность, идеальная форма. Жалкие мыслишки, разумеется, бродили в моей душе, но там и оставались до поры до времени. Теперь же… — Он пожал плечами. — Острые грани бриллианта порой преломляют свет так, что родятся многочисленные радуги, и в их свете все становится нестойким, зыбким. Не знаю, смогу ли я снова видеть все столь же четко, как прежде. — В голосе его невольно зазвучали трагические ноты.

Но с таким видением мира тебе цены не будет! Джеруша заметила, как он без конца ищет что-то в безбрежности опустевшего космопорта, то и дело поглядывая на ближайшую дверь, словно ожидая, что новое видение мира каким-то образом позволит ему в последний раз увидеть Мун.

— Нет, БиЗед. Ее здесь нет. Для нее космопорт

— запретная территория.

Взгляд Гундалину вдруг прояснился; он остро посмотрел на нее.

— Да, мэм. Я законы знаю. — Но по тону его было ясно, что даже законы природы кажутся ему теперь несовершенными; а уж законы, созданные людьми, представляются такими же ущербными, как и те люди, что их создают; что он отлично понимает, кто такая Мун и в чем она, Джеруша, намерена ей помочь… что он готов отступить в сторону и не мешать им. — Может быть, оно и к лучшему. — Он явно не верил собственным словам.

— Я постараюсь как можно лучше заботиться о ней ради тебя, БиЗед.

Он застенчиво засмеялся — в смехе его угадывалась нежность.

— Я знаю, комиссар. Но что может быть сильнее ее самой?

— Равнодушие. — Джеруша сама удивилась собственному ответу. — Равнодушие, Гундалину, — самая великая сила во Вселенной. Оно все может сделать бессмысленным. Любовь и ненависть не способны противостоять равнодушию. Благодаря ему процветает чудовищная несправедливость. Само по себе равнодушие пассивно,

но оно открывает дорогу другим силам. Именно это и делает его столь могущественным.

Он медленно покивал в знак согласия.

— И может быть, именно поэтому Мун вызывает у людей такое доверие. Она не равнодушна, она все принимает близко к сердцу, и люди, соприкоснувшись с ней, становятся не безразличны сами себе. — Гундалину снова уставился на свои свежие еще шрамы на запястьях. — Она даже это умудрилась сделать почти невидимым…

— Ты мог бы тоже остаться здесь, БиЗед.

Он покачал головой, руки его бессильно упали.

— Был такой миг… но только не теперь. Не одна лишь моя собственная жизнь переменилась. Я больше не принадлежу этому миру. Нет, — он вздохнул, — теперь существуют две планеты, которые я, по всей вероятности, никогда больше не увижу, ну разве что через тысячу лет. Тиамат и Харему, моя родина. — Он пошатнулся и сел на один из контейнеров. — Моим соотечественникам эти шрамы всегда будут видны, даже когда они станут практически незаметны. Что ж, остается еще целых шесть планет — есть из чего выбрать! Кто знает, что я смогу обрести где-то там?.. — Но взгляд его упорно возвращался к дверям космопорта в поисках того, чего ему никогда

уже не найти.

— Отличную карьеру во всяком случае! — Джеруша включила микрофон, прицепленный к воротнику куртки.

Гундалину просидел рядом с ней до тех пор, пока во чрево корабля не была погружена последняя порция контейнеров и Джеруша не получила последний рапорт о том, что погрузка закончена. Наконец последний из ее команды от себя лично пожелал ей счастливо оставаться и отправился в сторону грузового лифта.

— А вы разве не поднимете на борт, чтобы попрощаться с остальными? — спросил ее Гундалину.

Она только молча покачала головой, чувствуя, как сердце сжимает чья-то безжалостная рука.

— Нет, это мне не по силам, БиЗед. Если я сейчас поднимусь на борт, то не уверена, что смогу вернуться обратно, сколь бы ни были сильны мои убеждения. — Она передала ему блок дистанционного управления и микрофон. — Вы и без меня все сможете объяснить им, инспектор Гундалину. И еще возьмите вот это. — Она отстегнула от воротника комиссарские значки и протянула ему. — Не потеряйте. Они вам еще пригодятся.

— Спасибо, комиссар! — От волнения его вес-

нушки порозовели, и она невольно улыбнулась. Он так сжал в здоровой руке эти значки, словно те были редкое сокровище. — Надеюсь, что буду носить их с таким же достоинством и честью, как это делали вы. — Он протянул к ней свою искалеченную руку в традиционном прощальном жесте уроженца Харему, и она коснулась его запястья своим, прощаясь с ним навсегда.

— Прощай, БиЗед. Пусть боги улыбаются тебе везде, где бы ты ни был!

— И пусть они улыбаются вам, комиссар! И пусть даже ваши прапраправнуки вспоминают о вас с благоговением.

Она взглянула на те далекие темные окна, за которыми ее ждал Нгенет, и улыбнулась. Интересно, подумала она, что эти прапраправнуки смогут сказать его, Гундалину, потомкам, когда снова встретятся здесь?

Они торжественно отдали друг другу честь.

— Не забудьте отключить электричество! — крикнула она ему вслед, когда он уже двинулся к грузовому лифту, где его ожидала последняя группа инопланетян, и резко отвернулась, чтобы не видеть, как кабина лифта зовет ее, сводя с ума… И очень быстро пошла — но не побежала! — к дверям здания космопорта.

Нгенет ждал ее в пустом вестибюле; он обнял ее за плечи, и они оба, стоя у прозрачной стены, стали смотреть на одинокий корабль, возвышавшийся над пусковой шахтой, такой же одинокий сейчас, как и они. Миро о чем-то спокойно рассказывал, делал комплименты ее умелому руководству погрузкой, задавал всякие пустые вопросы, стараясь ее успокоить, но голос его звучал приглушенно, словно он был потрясен грандиозностью и важностью момента. Она рассеянно отвечала ему, едва разбирая, какие слова произносит каждый из них.

Корабль как-то слишком долго стоял неподвижно в предстартовом положении — особенно долгим это казалось ей из-за все возрастающего нетерпения, — и она, сняв наушники, дала Нгенету тоже послушать, что происходит там, внутри; как втягивают на борт подъемные краны и прочее оборудование, как офицеры космической службы совершают последний обход контрольных пультов и грузовых отсеков.

— У вас все в порядке, гражданка ПалаТион?

Джеруша вздрогнула, когда в наушниках прозвучал голос капитана корабля, обращавшегося непосредственно к ней.

— Да. Да, все отлично. — Гражданка… Совершен-

но необъяснимое разочарование шевельнулось в душе. — Все в порядке, капитан.

— Вы уверены, что по-прежнему хотите остаться здесь?

Миро выжидающе смотрел на нее. Она глубоко вздохнула, кивнула… и сказала, словно опомнившись:

— Да, я абсолютно уверена, капитан. И все равно: спасибо, что спросили.

Жизнь и суета еще несколько секунд царили на том конце наушников, а потом наступила мертвая тишина. Довольно долго она не могла стряхнуть охватившее ее оцепенение, словно услышала шаги собственной смерти; потом наконец стянула с головы умолкнувшие наушники.

У сопл корабля замигали огни. Она не сводила с них глаз, надеясь увидеть миг взлета. От вспышек перед ее взором поплыла пелена.

— Смотри. Они взлетают!

И она увидела, как задрожал корпус корабля, как ответным эхом дрогнули решетки энергосистем космопорта, и корабль начал плавно подниматься в чуть дрожащем, плывущем мареве. Купол Звездного порта раскрылся, подобно цветку, и выпустил корабль в глубины черной, пронизанной светлячками звезд ночи. А корабль

стремился все выше, в кромешную тьму, где в невероятной вышине должен был присоединиться к целой флотилий космических кораблей, а потом могучие двигатели помчат их дальше, к Черным Воротам, и они никогда больше — за тот срок, что отведен ей, Джеруше, — не вернутся в этот мир.

Купол космопорта снова закрылся, и звезды над головой исчезли.

Джеруша посмотрела вниз, на светящиеся линии взлетного поля, потом — на собственное отражение в стекле: одинокая фигурка в темном пустом зале, похожая на брошенную игрушку, на ставший ненужным сломанный предмет… О боги… Она прикрыла лицо рукой и пошатнулась.

— Джеруша. — Миро нерешительно обнял ее. — Я обещаю тебе: ты не пожалеешь, что осталась.

Она кивнула, сильнее закусывая губу.

— Ничего, сейчас все пройдет. Вот только чуточку отдышусь. — Она отняла руку от лица, одернула куртку. — Неофитам всегда трудно. — Она неуверенно улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ.

— Твое место здесь, на Тиамат. Я знал это с самой нашей первой встречи. Но пришлось подождать, пока ты сама не разобралась во всем. Иногда мне

казалось, что ты никогда не поймешь этого…

— Почему же ты не сказал мне ни слова, почему не помог мне понять? — выкрикнула она почти с отчаянием.

— Я пытался! О боги, сколько же раз я пытался сделать это! — Он даже головой замотал. — Но я боялся, что ты скажешь мне «нет».

— А я все время боялась, что могу сказать «да». — Она снова посмотрела вдаль. — Но и этот космопорт я считала родным. Как и ты, наверное… — Она вздохнула и снова повернулась к нему. — А теперь мы оба здесь чужие, Миро… Так что давай лучше поскорее уберемся отсюда, пока нас не запечатали здесь, как в гробнице.

Он усмехнулся с явным облегчением.

— Вот это шаг в нужном направлении! А с остальным мы постепенно справимся — вместе, шаг за шагом. — Он снова стал серьезным. — Когда ты будешь готова идти дальше.

— Я всегда буду готова, я уже готова. Миро. Что бы ни случилось! — Она почувствовала, как силы и мужество возвращаются к ней. — Наверное, это будет интересно. — Щека ее вновь стала живой и теплой, когда он коснулся ее. — Ты знаешь, Миро… — она вдруг рассмеялась, — у нас на Ньюхевене пожелание «Чтобы тебе жить в пору

интересных событий» не всегда считается таким уж благим.

Он улыбнулся, потом расхохотался, и они вместе пошли из опустевшего космопорта — назад в Карбункул. Домой.

Хрустальный корабль

Хрустальный корабль, летящий по своей вечной орбите, завис над покрытым облаками миром, проплывающим глубоко под ним. Внутри его молчаливых залов находились искатели Забвения и Красоты. Здесь было около пятидесяти из них, но никто не был в состоянии вспомнить, почему они прилетели сюда, не один пытался сделать это, никто даже не задумывался над этим. Однако, они все еще прилетали сюда в течение всех этих пятисот лет, словно это был какой-то ритуал.

Из обширного шара центрального зала Искатели смотрели наружу, на грандиозную панораму своего мира или думали в глубоком трансе в полужидких подушках кресел и диванов общего зала. Темно-красный сироп читты, как свернувшаяся кровь, застыл на краях хрустальных бокалов.

Читта окрасила губы Таравасси, звезда танцевала на кончиках ее пальцев, словно она отбросила в сторону барьер бытия и ощущений, чтобы остаться наедине со вселенной, бесформенной, безвременной, бездумной… Таравасси грезила,

как грезили все они и как всегда будут грезить, и словно не было никакого инцидента с Андаром.

Краски солнечного заката на вечернем небе побледнели. Кроваво-красные лепестки растворились в пастельных тонах, их приятный аромат развеялся. Осталось только воспоминание о нем. Какой барьер окружал ее, оковы плоти, поддерживающая их опора из набора костей образовывала форму ее тела. Она вновь вернулась к действительности. Она была озабочена.

— Это правда! Это правда! — внезапный звук голосов обрушился на нее, взорвался в мозгу жарким пламенем.

Она неуверенно пошевелила рукой, неспособная решать, что ей закрыть: глаза или уши. Бледное лицо, резкие ограниченные контуры в окружающей ее полутьме нависли над ней, она была вырвана, потрясена и вышвырнута в коридор окружающим оглушительным шумом.

— Посмотрите на себя, вы… вы… вы… не понимаете, звери, испорченные, отвратительные… — слабый вскрик, после которого она полностью проснулась, чтобы совладать с болью, которая пронзила ее, однако она снова была отброшена в ячеистую мягкость кушетки.

Лицо отдалялось от нее, становилось реаль-

ностью, медленно обретая фигуру. Она узнала Андара, его светлый балахон, как ветер, развевался над зеленым лучом и он снова и снова кричал:

— Я знаю правду! Но ВЫ не можете ее увидеть! — его пальцы извивались в странных жестах, он медленно брел по помещению. Она инстинктивно приподнялась, чтобы проследовать за ним по прозрачному залу и увидела, как он, натыкаясь на другие неподвижные тела, пробивал себе дорогу, прокладывая путь к самому прекрасному — к Звездному Источнику. — Я люблю тебя, я ненавижу тебя! — невозможно было понять, смеется он или ругается. — Ваша полужизнь! Ваша живая смерть! Я единственный, единственный живой и я не могу долго жить с вами. — Он достиг края источника, встал на колени и нагнулся над холодной пульсирующей глубиной. — Я знаю вашу тайну! — Он повернулся к собственному лицу, отражавшемуся под ним, — и я готов, готов победить дракона и погрузиться в черную бездну. Возьми меня! Есть одно небо, и это смерть…

Плача, он соскользнул в глубину Источника, обняв свою собственную, такую незначительную тень. Фосфоресцирующие волны, прошедшие по тесному аквариуму, взволновали поверхность не

воды, потом тело его замерло. Пораженная Таравасси стояла неподвижно, неспособная связать происшедшее с истинностью его сути.

И он лежал там, абсолютно неподвижно и спокойно. Другие, которые видели эту сцену вместе с ней и которые были в состоянии понять ее, подошли и собрались вокруг Таравасси, а она тихо и спокойно, и плавно, с легким удивлением скользила через зал, чтобы, наконец, остановиться на краю источника.

Тело Андара лежало у его ног, неподвижное, обмякшее, странным образом повисшее над бездной. Сине-зеленая волна мягко обмыла его, пошевелила его богато украшенный балахон, заиграла его светлыми волосами, завилась вокруг его застывших пальцев. Таравасси знала, что его рука не чувствует ничего, кроме слабого холодка, и она опустила руку в бездонную глубину. Тайна сине-зеленого Источника никогда не волновала ее, она даже редко думала об этом. Но когда она взглянула в глубину, звезды показались ей очень бледными и близкими.

— Андар… Андар? — кто-то возле нее снова очнулся, схватил неподвижную руку, робко потянул за нее. Никакой реакции. Она смотрела, как Сабовин оттащил тело Андара к краю, чтобы

перевернуть его, все еще парящего над бездной.

— Что произошло?

— Что он сделал?

Шепчущие голоса задавали вопросы. Сабовин молча и беспомощно покачал головой.

— Я этого не знаю. По-моему… по-моему, он умер. — Его рука коснулась губ Андара. Они не пошевелились, на них все еще оставалась улыбка безмятежного счастья. Его глаза были открыты: он, не мигая, смотрел сквозь хрустальный купол на звезды и дальше, застывший в безграничном удивлении.

Таравасси отвернулась, неспособная вынести поток неприятных ощущений, отразившихся на его лице. Она взглянула вниз, чтобы увидеть свое собственное лицо, нечетко отражавшееся в обманчивой поверхности источника: зелено-голубые глаза, едва заметные в отражении на поверхности, черные волосы, слившиеся с их нечетким отражением.

— Он *мертв,* — сказала Мирро, ее рука легла на грудь Андара.

— Но как он мог умереть? Как он мог умереть?

— Он хотел умереть. Он всегда говорил об этом.

— Он был не в себе.

— Но как он мог…

Голоса окутывали ее сетью пурпурной невероятности. Таравасси поднялась, отвернувшись от слабого отражения.

— Источник. Звездный источник. Он исполнил его желание.

— Это Источник Исполнения Желаний? — кто-то за ее спиной усмехнулся с намеком. — Так ли это?

— Бедный Андар. Он сошел с ума. Он был полоумным, и никогда не был счастлив.

— Теперь он нашел свое счастье. — Сабовин поднялся, указывая на вытянувшееся тело… — Смотрите! Взгляните на его лицо! Оно кажется таким радостным! — Вздохнув, он откинул волосы с лица Андара и снова склонился над ним.

— Но я думаю, что никто из нас больше не использует Источник для самоубийства.

— Не знаю, — Сабовин покачал головой. — Это не имеет никакого значения. Бедный Андар, теперь он счастлив. Это больше ничего не значит.

— Но что нам делать с его телом?

— Мы отправим его обратно в город. Кто-нибудь заберет его у нас.

— Бедный Андар.

— Бедный Андар… Бедный Андар… — Их голоса

звучали, как хорал. — Но теперь он счастлив.

Таравасси все еще стояла на коленях на краю Источника, закрыв глаза, и ее голова качалась из стороны в сторону, а остальные встали и пошли прочь.

Он *на самом деле мертв.*

— Таравасси, — рука Мирро мягко легла на ее плечо. — Я снова возвращаюсь к своим снам. Ты не хочешь ткать на станке?

Таравасси поднялась, и суставы ее свело судорогой. Она и на этот раз покачала головой.

— Нет. Я не могу. Я должна вернуться в город.

— Зачем?

— Моя мать больна, — она повторяла это в тысячный раз. Никто, казалось, не вспомнил об этом, но она не была опечалена или расстроена. — Мне нужно пойти навестить ее.

— О, — Мирро отвернулась, с отсутствующим видом она шагнула на спиральный спуск. — Я найду кого-нибудь другого.

Таравасси последовала за мужчинами, несущими тело Андара к самой глубокой точке хрустального корабля. Мягкая кожа их стоптанных подошв не вызывала ни малейшего шума, скользя по прозрачному полу. Наконец, они достигли небольшого помещения, они все вместе

стали ждать появления посадочного бота. Долгое время она стояла в этом помещении и смотрела наружу через прозрачные стены, молча, не боясь ужасающей пустоты у них под ногами. Мир был пятнистой птицей, голубой, а с мягким ржавым оттенком, смешанным с белизной облаков, краски его уже наполовину растворились в темноте ночи. Таравасси могла обнять силуэт планеты своими руками и она несколько мгновений стояла неподвижно, опьяненная этим грандиозным спектаклем.

— Идем, — сказал кто-то. Она вышла из своего оцепенения и взглянула на ослепительное сияние солнца, которое отражалось от стеклянно блестевшей поверхности медленно приближающегося корабля. Она наблюдала за медленно приближающимся ботом и почувствовала легкую дрожь, когда каплеобразный бот слился с гигантским корпусом корабля, и его втиснуло в ангар.

Послышался тихий звон; как и все остальные, она повернулась, когда в противоположной стене открылся люк, в котором пульсировало зеленое сияние. Она подождала, пока тело Андара не поместят в одно из кресел в тесном чреве бота и не пристегнут ремнями. Потом, когда все это было

сделано, она тоже вошла внутрь.

— Ты хочешь сопровождать его? — спросил Сабовин.

Она бросила беглый взгляд в тесное чрево бота и опустилась в другое кресло, пристегнувшись своим собственным ремнем.

— Да. Моя мать больна. Я должна с ней повидаться.

— О! Хорошо, когда будешь внизу… ты уже знаешь… если ты кого-нибудь увидишь, скажи, чтобы о нем позаботились. Скажешь, да?

— Я буду помнить об этом, — она согласно кивнула.

Сабовин коснулся одной из вделанных в стену серебряных пластин, и воздушный шлюз закрылся. Теперь бот был отдельным космическим телом, независимым от корабля-матки. Он мягко поднялся с пола ангара и повис, как капля дождя, потом оторвался от корабля и начал свободное падение к поверхности планеты. Таравасси почувствовала, что утратила вес в пустоте космоса, но она была прижата к креслу ремнями безопасности, корабль остался далеко позади. Она посмотрела вверх, откинув голову на серую обивку кресла, наблюдая за хрустальным кораблем, который медленно превращался в ма-

ленький ограненный, излучающий драгоценный свет камень.

Она закрыла глаза, утомленная своим последним сном под воздействием читты, чувствуя, как существование хрустального корабля теряет свое значение, а мир под ним становится все больше и больше. Она старалась сконцентрироваться на своих теперешних обязанностях, но дух ее был слишком утомлен, она старалась уклониться от неуютного бремени реальности и забот. Ее мать умирала, и не было ничего, что могло бы помочь старой женщине. Но она должна была ее увидеть. Она должна была попытаться облегчить ее страдания — хотя не было такого утешения, которое она была в состоянии ей дать — а потом как можно быстрее вернуться назад, на хрустальный корабль назад в мир грез, где забываются все заботы.

Когда она открыла глаза, на нее внезапно нахлынула величественная необъятность планеты, утонувшей в голубом тумане, которая теперь заняла все небо перед ней. Внезапная тяжесть, возвращение естественного веса прижало ее к спинке кресла; все контрмеры казались ей насмешкой перед мощной вибрацией, сотрясающей тело. Она только повернула голову в сторону;

возле нее замер Андар, его глаза, которые уже больше ничего не видели, казалось, любовались величественным великолепием мира — но они теперь пронизывали взглядом все миры, на его губах все еще играла загадочная улыбка.

— Андар… — внезапно пришедшее понимание захлестнуло ее. Она тут же повернулась к нему и посмотрела. — О… — в нахлынувшем возбуждении она провела рукой по его лицу, ощупала его волосы, золотой обруч, мешающий им упасть на лицо, почувствовала, как его пальцы ложатся на ее собственную руку, свисающую и белую, как мрамор. Она знала его не особенно хорошо, она вообще никого не знала так близко, не больше, чем другие знали ее. Но все же она знала обо всех, обо всех людях города на хрустальном корабле, и все они были, как одна семья, ради нежных снов, которые она делили с ними. Однако Андар никогда не испытывал внутреннего беспокойства и часто картины его снов были пугающими, резко контрастировали с пьянящей красотой снов других.

Отсутствующий взгляд Андара, казалось, проходил сквозь нее и устремлялся в небо над ними.

— Теперь ты счастлив, — это был не вопрос, и на него не могло быть ответа. — Но почему? —

Она знала, что никогда не получит ответа на это, может быть, ответа вообще не существует, но это было бы ответом так же и на другие вопросы.

Но Звездный Источник… Она вспомнила свои собственные слова: «Вы наполняете его своим собственным желанием». Никогда прежде источник не видал никого никогда, за все эти годы, насколько она помнила это. А теперь Андар подошел к его краю, уставший от своей напрасной жизни, опустошенный своей болью. Он молил источник принять его, дать ему смерть — и он бы ему ответил, в этом она была уверена. Он умер почти без мучений и никогда больше не будет страдать, никогда больше…

Они медленно погрузились в верхний слой облаков, которые развернулись, чтобы в конце концов исчезнуть и открыть вид на строения города. Вибрация возобновилась, группа жилых домов под ними становилась все ближе и ближе и, наконец, они сели на полуосвещенной посадочной площадке. Внешний люк бота открылся. Таравасси отстегнула пояс и выскочила наружу, в отозвавшихся эхом сумерках посадочного купола. Он, как всегда, был пуст, тут не было никого, кому она могла бы сообщить о бренных останках Андара. Другие капсулы-боты стояли, чинно вы-

строившись в ряд внутри зала, их хрустальные корпуса были покрыты слоями пыли. Она не обратила никакого внимания на запущенное состояние большинства ботов, она никогда не видела, чтобы хоть один из них когда-нибудь использовался.

Мягкие порывы осеннего ветра играли великолепного цвета украшениями ее одежды, пока Таравасси шла по заброшенной улице к дому своей матери. Она шла медленно, но постепенно шаги ее ускорялись, пока она не пошла своей обычной походкой, не обращая внимания на ветер, который яростно набрасывался на нее. Она расскажет матери об Андаре… Нет, нет! Как она может? Она видела воображаемые волны, накатывающиеся на нее, отражающиеся от темной зеркальной поверхности стен домов, и исчезавшие, пылая, в неровных дорожках аллей, в сердцеобразных листьях деревьев, беспомощно гонимых ветром. Она дошла до поворота улицы, которая вела к дому ее матери, и замедлила шаг в маленьком дворике, вымощенном щебнем. Ветер дул ей в спину, пока она, наконец, не дошла до темного отверстия в стене здания и начала подниматься по ступенькам лестницы. Здесь кроме ее матери не могло быть никого, все уже уехали

из этого здания, кроме еще одного жильца… Болезнь ее матери, ее старость сделали ее упрямой: оно считала, что должна была защищать древние семейные традиции от разлагающего действия неизвестного будущего. Теперь же она была не в состоянии покинуть свою кровать. Старый грозный Цефер смотрел за ней, когда Таравасси здесь не было. Он был слишком стар, чтобы предпринять путешествие на хрустальный корабль: возле ее матери оставался один-единственный житель, оставшийся в шестиэтажном доме.

— Таравасси, это ты? — послышался слабый голос матери. Старая женщина больше не могла делать ничего, кроме как смотреть и слушать.

— Да, мама, — Таравасси, оставляя в пыли следы своих ног, подошла к двери квартиры и вошла в нее.

Воздух все время здесь был плохим и спертым даже для ее собственного острого обоняния. Ее мать часто жаловалась на это, но сама она не могла открыть окно.

— Мама, как ты себя чувствуешь? — она глубоко вдохнула воздух и задержала дыхание, словно хотела помешать этому затхлому воздуху разорвать ее грудную клетку.

— Я счастлива, счастлива, доченька, видеть

тебя, — в голосе старой женщины не было никакого упрека, но тихая печаль затмила ее глаза, пока Таравасси смотрела на нее; она понимала ту скрытую боль, которую испытывала ее дочь, слишком часто навещая ее.

Таравасси подошла по голому полу к кровати матери, опустилась возле нее на колени и, прижав горячую руку к ее губам, почувствовала морщинистую шероховатость ее кожи, ощутила улыбку матери…

— О, мама… — слезы побежали из глаз Таравасси, однако она скрыла их от глаз своей старой матери, она отвернулась от нее и поправила ей подушку. Мать вздохнула, издав тонкий, ломкий звук, когда Таравасси ласково погладила ее седые волосы.

— Я сейчас приготовлю что-нибудь поесть, — Таравасси вложила в свои слова как можно больше оптимизма, подойдя к холодильнику и достав из него пол-банки мясных консервов. Внезапно она испытала острое смущение. Она должна завтра утром не забыть зайти в раздаточную и взять побольше еды. На этот раз она должна не забыть об этом.

Она поставила миску с мясом в маленькую настольную печь; когда дверца открылась, она

увидела, как раскаляется ее нутро. Свет. Она заметила, что стало темнее, и включила шарообразный светильник, который сейчас же наполнил помещение серебристым светом, и холодная пустота маленькой комнатки внезапно показалась ей более гнетущей.

Таравасси начала кормить мать с ложки разогретым мясом, но старая женщина все еще дрожала и трясла головой.

— Нет, не надо, Тара. Я не могу есть, — она лежала неподвижно. Таравасси погладила ее лицо, слезы бежали по впалым щекам матери. Вот уже два дня она ничего не ела.

— Мама, позволь мне принести тебе немного читты, с ней ты… снова сможешь грезить, — голос ее дрогонул, она уставилась в пол. — Пожалуйста…

— Нет, — мать отвернулась, словно ей стало больно смотреть на свою дочь. Взгляд ее устремился в окно, в полутьму города. — Это сожжет меня, мне будет очень больно, я не могу больше грезить, — слезы текли из ее глаз, ее била дрожь, глаза ее в свете лампы стали сверкающими кристаллами.

— Мама… — Таравасси почувствовала, как ее слова прокладывают себе путь через барьер от-

каза, который, как она сама говорила, так важно было разрушить. — Мама, сегодня произошло нечто странное. Умер Андар. Он… он подошел к Звездному Источнику и попросил у него смерти. И он умер. Безо всякой боли. Он улыбался…

Ее мать снова повернулась к ней, изучая и как бы вопрошая: «Как это произошло?»

— Я этого не знаю. Он выглядел таким довольным, он, который никогда не находил себе радости ни в чем, — она спрятала лицо в ладонях. — Он сказал: «Есть только одно небо — это смерть».

Мать сжала руку дочери, преисполнившись новой надеждой.

— Да, Тара, я пойду с тобой на корабль. Но я слаба… так слаба…

Таравасси покинула комнату, чтобы разыскать старого Цефера, потом с его помощью она отнесла одетое в лохмотья тело матери по темным улицам назад, к посадочному куполу ботов. Она с благодарностью отметила, что за это время кто-то обнаружил тело Андара и забрал его с собой. Она положила мать на три сидения устроив ее как можно удобнее в спартанской обстановке маленького корабля. Мать ее лежала тихо, только изредка на ее лице вздрагивал какой-то мускул.

Таравасси нажала на кнопку сигнала: люк захлопнулся, бот стартовал. Дрожа от аккордов слабой вибрации, он помчался к хрустальному кораблю. Ее мать больше не разговаривала, как и Андар, она почти не воспринимала окружающее.

Она попросила Сабовина помочь ей, и тот понес ее мать по залам хрустального корабля к ждущему отверстию Звездного Источника. Таравасси следовала за ним во время этого движения, ее охватывали волны стимуляции, которые Мирро извлекала из своего станка. Прихотливая игра света и музыки обволакивала ее сознание, она все время старалась изгнать из своей памяти тени прошлых снов, которые снова и снова звали ее в этот мир снов. Таравасси бросила взгляд на лицо матери, на котором неестественными цветами появились признаки жизни. Последовала вспышка хитрых эмоций, наполнив ее глаза, когда мать Таравасси взглянула на окружающие ее предметы и людей. Таравасси краем глаза заметила, что остальные проснулись от своих грез и, заметив процессию, следовали за ней, купаясь в мерцающем свете похоронной музыки.

Таравасси стояла на краю Звездного Колодца и смотрела вниз, в эту призрачную нереальность, в темную безграничную глубину ночи. Она об-

наружила в себе страх перед своим собственным отражением. Рядом с ней опустился на колени Сабовин; безо всякого выражения на лице он опустил ее мать на край Источника.

Старая женщина в возбуждении с трудом подняла голову. Таравасси взглянула ей в глаза, опустилась возле нее на колени и внезапно заплакала.

— Мама, я не хочу, чтобы ты уходила! — тонкая рука провела по ее темным, как ночь, волосам.

— Я должна… я должна, Таравасси. Если ты меня действительно любишь, то ты должна помочь мне. Расскажи мне еще раз, что сказал Андар…

— Он сказал, что готов. Сказал: «Есть только одно небо — это смерть».

— Да… — прошептала ее маоть. — Да! Дай мне уйти, Таравасси… — ее мать замерла в ласкающих руках дочери, и жизнь покинула ее. Таравасси медленно опустила ее, и та соскользнула в блестящую звездами прозрачную воду.

Ее мать вздохнула и закрыла глаза, потом улыбнулась, словно с нее спала огромная ноша. Между ее пальцев вспыхнуло что-то зеленое и голубое. Она лежала неподвижно.

Таравасси нагнулась вперед, ее рука в последний раз взяла руку матери и слезы ее беззвучно

стали капать в источник.

Потом она вернулась назад, в мир красок и звуков, к грезам, в которых она теперь могла принимать участие. Другие люди, окружившие ее, что-то тихо бормотали в тихом удивлении, а потом снова начали расходиться, когда Таравасси заметила их присутствие. Кто-то извлек тело ее матери из источника и понес его прочь. Таравасси стояла на коленях на площадке и почти не сознавала, что плачет… скорбя о следах соприкосновения или легких поцелуях приветствия, которыми она больше никогда не сможет насладиться.

— Она была счастлива, ты выполнила ее желание, — Сабовин шел возле нее, положив руку ей на плечо. Он откуда-то принес серебряную чашу, наполненную чистой и светлой водой, и протянул ей. — Будь и ты тоже счастлива и признательна за то, что твои страдания окончились.

Таравасси с благодарностью взяла чашу, выпила рубиновый сироп, достаточно концентрированный, чтобы она почувствовала, как ее горло обожгло холодным огнем. Сабовин повел ее по спиральному спуску в комнату грез. Там он положил ее на покрытое шелковым материалом ложе и она быстро перешагнула через

тончайшую грань, которая отделяла экстаз от действительности.

* * *

Таравасси проснулась. Слезы струились по ее лицу — она не могла сказать началось ли это только что, или она плакала уже целый час. Она подняла голову. Пространство, звезды, радужная симфония и разнообразные фигуры приобретали очертания, когда она сморгнула слезы и немного пришла в себя… Здесь не было никакой красоты! Ее душа замкнулась от разочарования и исчезновения иллюзий, от запачканных грязью красок и бессмысленных звуков… Ничего приятного, никаких видений, только безобразие. Никто прежде не видел таких грез. Как она могла вынести все это?

Сабовин лежал на другой кушетке, неподалеку от нее, глядя на окружающее пустым взглядом. Протянувшись над маленьким столиком, она осторожно коснулась его, потом потрясла, но безуспешно, как она раньше трясла Андара. Андар… Не было ли это сном? Она удрученно поднялась и направилась к краю Звездного Источника, где, покачнувшись, остановилась. Она старалась найти в нем его лицо, лицо своей матери, но

увидела только свое собственное отражение, растворяющееся в ничто. Она задержала дыхание и медленно шагнула в источник. Холод охватил ее лодыжки. Голова у нее внезапно закружилась, она задрожала, как тростинка на ветру. Ничего не случилось.

Она долго стояла и ждала, пока до нее, наконец, не дошло, что ничего не происходит и вновь проснувшимся сознанием она отметила, что она только что хотела сделать. Ее охватил страх перед плотиной, неподвижной поверхностью, которая вдруг сомкнулась вокруг ее ног. При мысли, что она погрузится в глубину Звездного Источника, ее охватила паника и она отступила назад, к краю.

Она пошла назад, вверх по спиральному спуску, где ей встретилась Мирро. Она играла на своем станке-цветооргане. Таравасси вошла в помещение, проложила себе дорогу сквозь искрящийся призрак созданный Мирро цветной паутины. Чем ближе она подходила к инструменту, тем больше возбуждалась — сочетание цвета и звука, хотя и было только поверхностным, представляло из себя полную гармонию, которая проникала в каждую клеточку ее тела.

— Мирро, — прошептала Таравасси через нежнейшие цветовые оттенки в окружающие ее

звуки. — Как может Звездный Источник давать смерть? Что он такое? Зачем он здесь? Почему… почему я тоже не могу умереть?

— Ты что, хочешь умереть? — Мирро удивленно смотрела на нее, по старой привычке наморщив лоб. Ее пальцы скользили по клавишам инструмента, по сверкающим паутинкам.

Краски замерли в воздухе, разливаясь по стенам, оплетая их филигранным кружевом чистого сияния.

Таравасси закрыла глаза, чтобы защититься от гипнотического сияния и борясь с воспоминаниями померкшего сна.

— Я не могу сказать так. Но… я не хочу грезить.

Мирро снова повернулась к инструменту, ее, словно охваченные пламенем одежды сверкали при каждом движении.

— Ты опечалена. Но это скоро пройдет. Ты еще молода, ты сама скоро убедишься в этом.

— Но Звездный Источник? Ты представляешь, как действует твой инструмент, — а можешь ли ты сказать это о Звездном Источнике?

— Я ничего о нем не знаю, — Мирро пожала плечами. — Никто о нем ничего не знает. Но это нас не волнует. Это не играет для нас никакой роли. Не печалься об этом.

— Но я хочу что-нибудь узнать о нем. Как мне это сделать?

— Ты не сможешь сделать этого. Никто из нас не знает его тайны.

— А как насчет жителей города? Или аборигенов? Андар однажды был далеко за пределами города, и он знал ответ, — Таравасси играла рукавами своей одежды, непрестанно теребя их.

Мирро покачала головой, ее волосы как поток черноты и серебра упали на плечи.

— Андар был помешанным. Он не должен был ходить туда, и ты тоже не должна делать этого. Для этого нет никаких оснований.

Таравасси отвернулась, прервала барьер паутины грез и направилась вниз, к самой нижней части корабля, где ждал бот. Она взяла накидку и осветительный фонарь-шар из кучи различных вещей, сваленных на полу. Активизировав механизм выходного шлюза, она быстро огляделась, однако здесь никого не было и никто не заметил ее ухода.

Таравасси шагала по освещенным улицам города. Первый путь ее привел к площади Обмена, куда аборигены приносили пищу, одежду и напитки — а так же читту в глиняных горшках или пластиковых емкостях. Аборигены, как и мно-

гие другие дикие существа — приходили сюда и делили город с его собственным населением, которое не находило никакого применения этим протянувшимся на многие мили строениям из бетона и стекла, и не проявляло к ним никакого интереса. Люди обитали только на ограниченном пространстве вблизи космодрома и были этим вполне довольны.

Выступающая платформа, которая когда-то для чего-то служила, была покрыта приготовленными тушками мелких животных, огромным количеством сушеных фруктов и коробами, полными молотого зерна. Когда она взглянула туда, из-за кустов раздался резкий крик и испуганно вылетало какое-то крылатое существо красного цвета. Разочарованная, не найдя никого кому она могла бы задать вопрос, она направилась к углу платформы, ее тело знобило в прохладном вечернем воздухе.

Когда она увидела всю эту массу продуктов, она почувствовала голод, однако одновременно с этим она почувствовала и отвращение. Она не могла припомнить, когда ела в последний раз. Сырое мясо ей было противно есть, поэтому она удовлетворилась безвкусными сушеными фруктами. Тут так же стояли наготове сосуды с

читтой, привлекавшие множество насекомых, которые заканчивали свой полет в мучениях на липкой поверхности сиропа. Руки ее дрожали, ее тянуло к сосуду, как муху, однако она повернулась к нему спиной. Позже, позже она вернется сюда, если в этом будет необходимость. Граница города отсюда была недалеко, она могла рассмотреть меж старых башен луга, далекую равнину, поросшую серо-золотистой травой, волнующиеся под дуновением ветра зонтичные деревья, отягощенные плодами. Затянутое облаками небо прояснилось, стало розовым и желтым, над горизонтом плавала зелень, пятная сине-фиолетовый купол небосвода. Все это способствовало ее возбужденным чувствам.

Наступило утро. И она заметила первые признаки жизни здесь, на площади. Появились тени, они замирали, играли, потом снова исчезали в глубокой темноте, когда она слишком громко кричала: «Постойте!»

Она побежала на площадь, однако вокруг нее не было ничего и никого за исключением покинутых улиц, наполовину заваленных щебнем и мусором. Она услышала шум — где-то вдалеке что-то упало на мостовую и снова воцарилась тишина, свалившаяся на нее, как только замерло

эхо падения. На мгновение она затаила дыхание, замерла в углу, испуганная этим внезапным движением и разозленная всем остальным. Но кто-то был здесь, кто-то мог дать ей ответ. Как же иначе Андар мог узнать тайну Звездного Источника? Она неуверенно вышла на улицу.

Весь день она бродила по улицам города. Иногда она слышала звуки, далекие и неясные, иногда ей казалось, что кто-то наблюдает за ней — или это была только игра ее воображения? Она не могла сказать наверняка. Она кричала, но ей отвечало только эхо или шорох маленьких убегающих существ, хлопанье крыльев в кронах деревьев над головой. Решетка, сделанная из тяжелых балок и тонких досок, бросала сетчатую тень на их следы, исчезающие в переплетении растительности, оплетающей стену из обломков и земли и скрывающей древний металл. Стена из обманчивой каменной кладки с блестящими окнами внезапно преградила ей путь.

Охваченная странным отвращением, она не решилась, не отважилась вступить в это строение, пока не наступила половина дня. Наконец, с дико бьющимся сердцем, она прошла под аркой входа в темное нутро строения. Ее шар-фонарик распространял бледное сияние, она увидела стены,

покрытые мозаикой — сцены из древней жизни — и два глаза, как раскаленные угли, светились в темноте. Глухое ворчание и тонкий стон молодого животного заставили ее, охваченную жуткой паникой, выбежать наружу, на солнечный свет. Перепуганная до смерти, она не отважилась еще раз войти в здание.

Тени становились все длиннее, и ее охватила некоторая неуверенность. В последствии она не могла сказать, почему она пришла сюда и что надеялась найти здесь. Тело ее болело от непрерывного напряжения, желудок ее урчал от голода. Голод… Грызущий голод…

Она почувствовала непреодолимое желание выпить сиропа читты. Прошло довольно много времени, остатки эйфории, которые делали часы бодрствования между снами вполне сносными, были израсходованы, она испытывала эмоции, которые не пожелала бы испытать никому. Ей нужна была читта, она нуждалась в ней…

Она устремилась назад по улице быстрыми шагами, новая цель уже маячила перед ее глазами, но скоро стало ясно, что она не сможет ее отыскать. Ее охватил внезапный страх, она поняла, что ей придется влезть на что-то высокое, откуда она сможет найти известное ей место, которое

поможет ей вернуться назад.

Она выбрала винтовую лестницу, которая ввинчивалась в прозрачный воздух и вела на маленькую площадку, увитую виноградной лозой. Она бегло подумала о назначении этой лестницы, может быть, она была предназначена для человеческих ног, а может быть, она вообще не имела никакого предназначения. Но это не играло никакой роли, нужна была только читта… только читта. Ее ноги осторожно ступили на лестницу. Таравасси рукой проверила ее прочность. Подъем оказался очень крут, но мокасины помогали ей взбираться по изъеденным временем ступеням. Она поглядела вниз. Лестница сузилась, при каждом шаге ее тихий скрежет давил на мозги.

Раздался звук рвущегося металла, и она шагнула в пустоту. Она рухнула вперед, и ее громкий испуганный крик тысячекратно отразился от стен и исчез в темноте.

Таравасси открыла глаза, мигнула и вытерла со своих губ пыль и засохшую грязь. Она облизала губы, почувствовав, что это был привкус крови. Она огляделась: под ней была куча деревянных обломков, что-то острое уперлось ей в грудь. Она попыталась оттолкнуться руками и встать, но сильная боль пронзила ее запястье. Она снова

упала, затем подняла голову и снова была вынуждена заморгать, чтобы смахнуть пыль с ресниц. Наблюдатель неподвижно сидел на корточках вне пределов ее досягаемости и опасливо смотрел ей в глаза. Это был не человек. Глаза его были серыми, с длинными зрачками, которые были косо вставлены в радужную оболочку, и в этих глазах не было ни малейшего признака белков. Его лицо казалось достаточно экзотичным и подвижным и не напоминало жуткую морду. *Его* лицо? Она инстинктивно определила его пол по оценке, которая не всегда может быть правдивой. Туземец? Удивление забило все ее другие мысли — ее щекотливое положение, неуместность ее собственного присутствия здесь. Она приподнялась, тело ее свело судорогой и она погрузилась в океан боли. Туземец испуганно вскочил, и одним мягким движением отпрыгнул назад.

— Нет, подожди! — она махнула ему рукой, голос ее осекся.

Чужак нерешительно остановился, серебристый мех покрывал его кожу на плечах. Он поднял руку, дотронулся до ноги, потом почесал одну ногу о другую, его ноги были обуты в мягкие сапоги, тщательно выделанные, похожие на его собственную кожу.

Она опустила свою руку, застонав от боли. Она смотрела на туземца, ей хотелось с ним заговорить, но она не знала, что сказать. Она вспомнила, что туземцы были очень боязливыми и очень глупыми.

Чужак медленно отступал, потом опустился снова на корточки, все еще вне пределов ее досягаемости. В его глазах мелькало непонятное чувство, может быть, сострадание. Он поднял голову. Его кнутообразный хвост обвился вокруг икр. Кончик хвоста был голым и серым, как и ладони его сложенных рук, остальная часть тела была покрыта серебристым мехом. На нем было нечто вроде кожаного фартука, который был обвязан вокруг бедер, бесформенный кусок красной материи, украшенной вышивкой. На его боку болтались кожаная сумка и нож. Глаза Таравасси быстро скользнули по нему, потом ее взгляд снова переместился на его руки. Они были необычайно гибкими, и Таравасси заметила, что на одной из них было только три пальца, а не четыре.

Неожиданно он поднял руку и протянул ее к ней. Острие одного из его великолепных когтей заблестело, как слоновая кость. Он издал серию звуков, что-то среднее между щебетом и ревом, а потом снова присел на корточки, напряженно

смотря на нее. Она не ответила. Тогда он снова повторил свой звук, на этот раз показавшийся более продолжительным. Потом снова стал ждать.

Она покачала головой, неспособная понять, что он хотел от нее. Ее взгляд оторвался от него, она осмотрела поверхность стены. Солнце освещало только верхушки башен, казавшиеся позолоченными иглами, но свет падал откуда-то с другой стороны. Неужели она пролежала здесь всю ночь? Она содрогнулась. Но в этом освещенном ущелье что-то было не так… Почему ее оставили здесь? Кстати, здесь, на улице, валялись кости. Темные глаза выбитых окон глядели на нее сверху вниз, везде возвышались кучи мусора и щебня, отделяя старые стены от новых, мостики, прорезающие пыль. Это был не ее город, не тот город, который она помнила.

Вчера все было по-другому!

Она прикрыла рот ладонью, чтобы сдержать крик безумия.

— Что… — с вами? — спросил голос туземца.

Он нагнулся к ней, вытянул шею, словно попытался дотронуться до нее сквозь прутья клетки. Слова были нечеткими, с сильным акцентом, он произносил их с большим трудом — но она поняла их смысл. Его глаза были очень человечными,

когда он напряженно и сочувственно смотрел на нее.

— Вы плохо себя чувствуете?

— Плохо? — она опустила руку и неожиданно разразилась истерическим смехом. — Плохо?

Когда он увидел ее реакцию, его лицо осветилось внутренним светом.

— Плохо… здесь? — острием своего хвоста он обвел вокруг своей сидящей на корточках фигуры. — Или плохо… здесь? — его хвост похлопал по голове, изображая полное отчаяние.

Таравасси снова опустилась в пыль.

— Плохо… мне кажется, везде, — голос ее дрожал. — Как ты научился говорить? — Ей не пришло в голову спросить, как он выучил ее язык, она не думала о том, что были и другие языки.

— Не учил, — он покачал своей серебристой головой. — Знал. Всегда знал. — Серебристый мех на его морде сморщился. Казалось, что образование слов, сам акт их произношения, представлял для него огромную трудность. — Я человек. Все люди знают.

— Ты не человек! — громко воскликнула она.

Она поднялась, преодолевая оцепенение своих мускулов. Тело ее болело. Она добралась до ближайшего окна и взглянула в темную отра-

жающую поверхность. Очень долго она стояла там, стояла очень тихо и смотрела на чучелообразную фигуру, закутанную в древнее пыльное платье, на худое окровавленное лицо — отчаяние в сине-карих глазах — они единственные, еще помнившие о грезах, в которых прошла вся жизнь Таравасси. А потом с какой-то грацией она отшатнулась от темного стекла, соскользнула по стене и медленно упала в пыль.

* * *

В окружающей полутьме Таравасси снова открыла глаза. Она лежала на боку на куче тряпок. Мягкий свет солнца струился через отверстие в сырой поверхности стены и странный свет мерцал за ее спиной, такой же теплый, как и цвет солнца. Она огляделась. Туземец сидел возле маленького очага, его серебристый мех был залит золотым светом. Он ритмично тер шар-фонарик обеими руками. Его хвост внезапно поднялся вверх и схватил полено, которое туземец тут же бросил в огонь. Над пламенем, на длинной цепи, прикрепленной к крюку в потолке, над пламенем висел медный котелок. Она впервые ощутила приятный аромат. Запах пищи, возбуждающий аппетит и соблазняющий сильнее, чем все, что

она помнила.

— Я голодна! — воскликнула она.

Туземец удивленно взглянул на нее.

— Я слышу тебя! — он отложил шар в сторону и наклонился на коленях вперед, кивнул, и глаза его засверкали сильнее, чем если бы в них просто отражался свет.

Он взял чашку тончайшего фарфора, окунул ее в котелок, наполнив ее, протянул Таравасси. Она рассматривала очаровательный узор из цветов на поверхности чашки, жадно прихлебывая густой, дымящийся бульон. Она наслаждалась терпким ароматом овощей и густым мясным наваром. Долгое время еда для нее была тяжелой обязанностью, а сама пища была безвкусной, неаппетитной кашей, которую нужно было глотать, чтобы утолить голод. Она прежде не испытывала никакого голода и никогда прежде не знала, какое удовольствие может доставить еда. Грусть, недомогание и слабость исчезли, мысли ее прояснились… Она вспомнила вид своего собственного истощенного тела, отражение ужасной действительности. В том, что изображение соответствовало истине, она не сомневалась. Ее «я» и истина, которую она знала до сих пор, были ничем иным, как сном, только сном. Но

не просто фантазией. Ей вспомнилась смерть ее матери в Звездном Источнике. Был ли этот разрушенный мир и ее собственное убожество именно той картиной, которую видела ее мать, не употребляющая читту? И было ли это тем, что увидел Андар?

Туземец издал радостный вскрик. Взглянув в его сторону, она увидела шар-фонарик, который, наконец, засветился в его руке. Он посмотрел на нее и издал странный щебечущий звук.

— Хочешь еще?

— Да, — она протянула ему чашку. — Очень вкусно. — Он погрузил чашку в котелок, зачерпнул, и снова протянул ей. Потом он снова взялся за шар-фонарик и начал уважительно гладить его. Она вдруг осознала, как долго ему придется заниматься этим, пока он добьется результата. Она маленькими глотками пила бульон. — Тебе потребуется много времени, чтобы добиться успеха.

Он снова взглянул на нее и улыбнулся. Но улыбка быстро погасла на его лице.

— Это слишком сложно для меня. Но солнечный шар светит дольше и лучше, чем костер.

— Это ты принес меня сюда?

Он снова кивнул.

— Я принес. Я ждал, когда люди из города придут сюда, чтобы показать им… — Он поднялся, задумавшись, желваки мускулов двигались на его серебристом теле, словно преодолевая свой вес. Он, казалось, был сильнее, чем это можно было определить с первого взгляда. — Ты многих из нас видела… когда пришла сюда?

— Нет, — она удивилась, почему это было так важно для него. — Нет, только одного, и он убежал. Я… я пришла из города, чтобы найти кого-нибудь, с кем я могла бы поговорить, чтобы мне рассказали как можно больше о моем народе, — внезапно она осознала, что, прежде, чем вернуться на хрустальный корабль, она хочет узнать немного больше, чем просто тайну Звездного Источника. Руки ее повернулись ладонями вверх.

— Да? — туземец снова опустился на корточки, его усердие победило жажду удобства. Таравасси думала о детях, которых она знала. Его импульсивная искренность напомнила ей ребенка. — Я тоже кое-что знаю о Звездных Людях. Один из них, с желтым мехом на голове, уже был здесь. Он бросил в меня чем-то и ранил, — хвост его задрожал, когда он вспомнил о страхе и боли.

— Куда он ушел? — Андара? Он видел Андара?

— В здание, — его хвост указал куда-то в направлении двери. — Звездные Люди иногда оставляли хороший материал. Но дверь не впустила меня. — На его лице появилась искра надежды. — Ты впустишь меня?

— Да, если ты отведешь меня туда.

Он внезапно задвигался, громко щебеча. Она поняла, что он смеется.

— Моя сестра! Моя сестра!.. Я покажу тебе все, что смогу! — он выпрямил свои колени, взгляд его устремился на нее, широкие зрачки его глаз в полутьме казались почти черными. — Другие Звездные Люди никогда больше не придут сюда. Никто не придет, кроме меня.

— Почему ты называешь нас Звездными Людьми?

— Вы пришли со звезды, светящейся на небе, — казалось, он говорил о вещах, само собой разумеющихся, и, может быть, это и в самом деле было так. Она уже и сама видела хрустальный корабль в ночном небе, сверкающий драгоценный камень, сильнее которого светила только луна, он мчался по своей орбите среди неподвижного узора созвездий. Она спросила себя, как он будет выглядеть для нее теперь, когда она посмотрит на звезды?

— Настоящие люди, — хвост бил по его груди, словно его тело было отделено от мозга, являясь отдельным существом, — все они давно уже живут здесь, в Этом Мире и Настоящем Времени. Они говорят, что когда придут Звездные Люди, настоящее время закончится для всех. Я говорю, истина придет со Звездными Людьми, — его руки ласкали шар-фонарик, — но никто меня не слушает. Никто из них не хочет позволить мне *показать*, — он наклонился вперед, преисполненный горечи.

— Ты можешь показать это мне, — он выпрямился, когда она произнесла эти слова: плечи его расправились, во внезапном понимании. — Я думаю, что мы где-то потеряли нашу Истину, — ее рука пересыпала крупицы песка. — Мы нашли что-то во сне, и при этом потеряли самих себя.

Чужак странно смотрел на нее со стороны и чесал себе спину кончиком хвоста.

— Как твое имя? Как тебя зовут?

— Лунная Тень, — его открытая ладонь провела по груди и на его лице появилось выражение преувеличенной гордости. — Лунная Тень Звездного Человека.

— Звездного Человека? — ее бил озноб. — Ты имеешь в виду… но перед этим ты сказал, что

ты сам человек. Но ты… ты не похож на человека… — это прозвучало глупо, но он, казалось, не обиделся.

— Не здесь, — он указал на свое тело, — а здесь, — он коснулся своей головы. — Я — последний Звездный Человек Из Братства. Давным-давно мы объединились со Звездными Людьми, мы — часть их, часть их — в нас. Я — последний из тех, кто одновременно является и Настоящим Человеком, и Звездным Человеком.

— О… — она непринужденно улыбнулась, — а я — Таравасси.

— Человеческие имена не имеют никакого смысла. Что за… — на его лице появилось выражение сосредоточенности. — Что значит твое имя?

— Оно ничего не значит, это просто мое имя. — Она снова улыбнулась. — У него должно быть какое-то значение?

— Все Настоящие Люди имеют имя Братства. И родовые имена, которые дают им при рождении. При моем рождении Ночное Чудовище поглотило Луну. Люди очень сильно шумели, и Ночное Чудовище снова выплюнуло ее. Я родился, когда Луна была проглочена. — Они говорили — он играл своей ниткой жемчуга, пока она не разорвалась, и жемчужины не скатились по его

согнутым под острым углом коленям. — Они говорят, что я странный, Дитя Лунной Ночи. Я последний в Братстве Звездных Людей, плохой человек, родившийся со злой душой. Всегда, когда я в и ж у эти вещи, они думают, что я странный, но пророчество сбудется, — он собрал раскатившиеся жемчужины и бросил их в сумку. Таравасси заметила там странные вещички из проволоки и стекла, хрустальные флакончики и пузырьки травленого железа.

— Но почему ты странный?

— Древние духи Звездных Людей ведут меня. Но Настоящие Люди говорят, что у Звездных Людей злая душа и нет Настоящего Духа. Они говорят, что только Настоящие Люди знают истинный путь, и плохо утверждать иное. Он пытался помешать мне узнать больше о городе. Они тоже живут в городе Звездных Людей, дают пищу и Читту Звездным Людям, и потому Звездные Люди позволяют нам оставаться здесь. Они сумасшедшие, а не я.

Таравасси подумала о площади Обмена. Она уже давно знала, что пищу, которая поддерживает их жизнь, приносят туземцы… и она никогда не удивлялась этому. Зачем они делают это? Потом она подумала о чужаке, который убежал от нее.

— Почему твой народ боится нас? Разве мы тоже не «настоящие»? — Но мы даже сами для себя не настоящие.

Лунная Тень провел рукой по своему густому меху.

— Мы единственные Настоящие Люди. Звездные Люди — как призраки. На небесах есть много колдовства. Звездные Люди изменяют Настоящее время. Мои братья не знают многого — прошла уйма времени — но они знают, что надо бояться Призрачных Людей. Давать им как можно больше Читты…

— Читта?! — вскричала Таравасси. — Вы даете нам читту?! Конечно… конечно! — из его садящего горла вырвался слабый звук, означавший смех. — Когда каждый слеп — кто заметит отсутствие дневного света, кто узнает о приходе ночи?

— Я призываю тебя, Звездная Женщина, — сказал Лунная Тень, выводя ее из задумчивости, — искренне призываю.

Таравасси с отсутствующим видом кивнула.

Он улыбнулся, обнажив длинные острые зубы.

— Лунная Тень — Звездная Женщина. Мы брат и сестра. Я покажу тебе мою тайну. Это сделать сейчас?

— Да. Ты можешь показать мне, где ты видел Андара — того, с желтым мехом на голове? — она поднялась, встав на колени. Она надеялась, что это место было не слишком далеко.

Он откинулся назад, глядя вниз, когда она отклонила его предложение.

— Но все же хочу, чтобы ты мне кое-что показал… — она дрожала от волнения. — Ты можешь показать мне это место?

Его хвост испуганно опустился вниз.

— Я могу показать только то, что я знаю. Я не знаю тайны нового места. Я покажу другое, потом мы пойдем туда, ты поймешь, что эта штука хороша — как это понял я.

Таравасси вопросительно качнула головой, охваченная нетерпением и жаждой деятельности.

— О чем ты говоришь? Ты имеешь в виду… ты хочешь мне сказать, что у тебя что-то есть?

— Не сказать, — его старания разбились о стену непонимания, разделяющую их. — Показать… я *покажу* тебе. Идем… — Он нетерпеливо схватил ее за руку и потащил за собой.

Она попыталась идти за ним, но он вдруг снова повалил ее на пол и его пальцы сомкнулись на ее запястье.

— Мы не идем? Отпусти меня! — она изо всех сил рванулась назад и вырвала руку из его захвата, когда он попытался прижать ее руку к серебристому меху на своем животе. — Что ты делаешь?!

Лунная Тень воскликнул:

— Я не причиню тебе вреда! Я только покажу — только *покажу* тебе… пожалуйста, Звездная Женщина, — он медленно опустился на колени, глаза его умоляюще блестели. — Никто не разрешает мне показывать, никто не является моим братом…

— *Что* мне показывать? — ее лицо возмущенно вспыхнуло. — Почему я должна тебя касаться?

Он перестал раскачиваться.

— У тебя нет сумки. Ты не знаешь.

— Да откуда мне что-то знать. Я вообще ничего не знаю! — она уперлась руками в неровный, покрытый пылью пол. Боль в запястьях сняла с нее груз ощущений, к которым она не была готова. — Извини.

Лунная Тень кивнул.

— Все прошло… я вижу. Я попытаюсь тебе объяснить, — он вздохнул. — Настоящих Людей вынашивают в сумках их матери, пока те не станут достаточно большими и сильными для того,

чтобы жить снаружи. В сумке мать показывает малышам множество вещей. Когда малыш родится, отец показывает ему Братство. Мужчины тоже имеют сумки, — он указал на свой живот, пытаясь обнаружить на ее лице признаки понимания… — Они не могут вынашивать малышей, но они могут *показывать*, они могут показывать все своим братьям и сестрам по Братству. — Его руки беспомощно двигались, словно он хотел извлечь понимание из воздуха. — Сунь руку в сумку, и что видит брат, увидишь и ты. Этого не расскажешь — мало видеть, видеть глазами брата. Брат *покажет*… — он словно надеялся, что сможет постепенным повторением объяснить смысл своих слов. Он вытянул руки и ждал.

Таравасси отпрянула назад и начала переваривать смысл сказанного им.

— Я понимаю, это больше, чем просто рассказ. Но это так… так непривычно. Сами мы не можем читать мысли друг друга, тех, кого касаемся, по-видимому, я должна прочитать твои мысли? Я — не местная жительница. Не мог бы ты мне просто рассказать мне обо всем?

— Я не могу рассказать, Звездная Женщина, — он растерянно улыбнулся, — у нас нет достаточно слов для этого, мы не знаем другого

способа, — плечи его поднялись в беспомощном жесте. — Говорить трудно. Но я могу показать тебе. Я — Звездный Человек, вот как, — он протянул к ней свою руку.

Она приблизилась к нему, но потом снова отступила, испуганная, неуверенная.

— Не теперь. Я еще не готова. Ты отведешь меня на то место, о котором мы только что говорили? Тогда я… посмотрим…

Его руки упали, он кивнул с выражением безнадежности.

— Я отведу тебя. Я сдержу свое обещание, — он немного выделил «свое» — В любом случае, — тело его напряглось. — Я войду в этот дом. Теперь идем, да, — его хвост подхватил шар-фонарик. Он поднял его и взял в руки. Затем ногами он засыпал костер пылью, загасив его.

Таравасси поднялась, застонав, как старуха, по ее мускулам растекалось что-то вроде огня.

— Это недалеко. — Он ободряюще улыбнулся — видно, не хотел, чтобы девушка снова испугалась его. Хвост его указал в направлении освещенного входа. — Ты хорошо бегаешь?

Она прижала раненую руку к спине.

— Думаю, что да, — мне так кажется.

— Здесь, Желтоволосый скрылся здесь. — Лун-

ная Тень прижал свою покрытую мехом руку к двум пластинкам из слоновой кости, которые были вделаны в темную дверь на высоте груди девушки. Ничего не произошло. — Быстрее, Звездная Женщина. Мой народ придет в ярость, если он увидит нас здесь.

Таравасси прошла по сухим листьям под навес дома. Она на мгновение бросила взгляд наверх, на портал дома, робея из-за своего роста.

— Они были гигантами? — шепотом спросила она, дрожа от холода и страха.

— Нет, — коротко сказал Лунная Тень и провел рукой по своему серому меху. — Они выглядели точно так же, как и ты. Теперь мы войдем сюда? — он выглянул на улицу.

— Они не такие, как мы, — она посмотрела вниз. — Нет, не такие, как мы, — она медленно, словно выполняя какой-то ритуал, подняла руки и положила их на обе пластинки. Тяжелые створки двери с легким металлическим звоном распахнулись внутрь. Освещенные послеполуденным солнцем, их тела отбрасывали длинные тени на пол холла внутри помещения. Таравасси остановилась и в нерешительности заколебалась. Преодолевая оцепенение, к ней подошел Лунная Тень. Она взяла у него из рук шар-фонарик и, как

амулет, сжала в руке перед собой. Теперь, когда было два источника света, их тени поблекли и стали почти незаметными.

— Призрачные Люди, — пробормотал Лунная Тень.

— Наши тени, — Таравасси непроизвольно задержала дыхание. — Может быть… может быть, мы — гиганты, больше, чем они…

Они вместе пересекли холл и, словно приветствуя их, вокруг сразу же загорелся свет, прогнав темноту своим лучистым сиянием. Они дрожали, молча осматриваясь вокруг, взгляды их скользили по стенам, и всюду, по сводам, под которыми они находились. Где-то в скрытой таинственности этого места Андар нашел такое знание, которое заставило его потерять разум и дало ему свободу. И ее матери оно тоже дало свободу. А теперь она сама должна узнать…

— Нехорошо… — тонкий голосок Лунной Тени прозвучал, отражаясь от стен и порождая мощное эхо. — Здесь нехорошо, нет никаких настоящих вещей.

Вещей… вещей… вещей…

Таравасси зажала уши, спасаясь от оглушительных раскатов эха.

— Что ты имеешь в виду? Аандар пришел сюда,

чтобы поучиться — не так ли?

— Но все слова бесполезны здесь. Нехорошо. Не понять слов, только вещи. — Он указал на шар-фонарик: — Вещи работают. И эту вещь я теперь заставлю работать. А слова… — он махнул рукой. — Слова… Я не хочу слов… — он завершил фразу нечетким всхлипом, отвернулся и спрятал от нее свое лицо. — Мои предки всегда говорили мне, что это нехорошее место, важное место, а теперь я нахожу только слова, — он говорил о чем-то, чего она не понимала. — Ты мне не нужна, Звездная Женщина. Я иду.

— Подожди, Лунная Тень… — он остановился и, когда она всхлипнула, повернул к ней свое лицо. — Не оставляй меня одну… Мне кажется, я тоже не понимаю этого места. Ты мне нужен, ты должен объяснить мне… как это место действует.

Он заколебался, его голос снова потеплел.

— Я ищу говорящий ящик. Я заставлю его работать хорошо, — он повернулся к ней, — но никогда, за все это долгое время, не найдено было нужных слов. Слишком много, слишком много слов, — тут он взглянул вверх, осматривая этаж за этажом. — Андар что-то нашел здесь. И в его распоряжении тоже не было вечности.

— Может быть, он оставил здесь что-то, может быть — нет. Мы увидим.

Лунная Тень отошел от нее, его взгляд снова был устремлен на пол.

— Здесь! Я вижу — желтоволосый часто ходил этим путем… этим путем… чтобы увидеть ящик. Мы поднимемся наверх — он махнул ей хвостом, чтобы она следовала за ним.

Она пошла за ним и с трудом различила пластинку слоновой кости, которая была скрыта пылью, покрывавшей дверь. С Лунной Тенью вместе она вошла в лифт, наблюдая, как он касается рукой символов, одного за другим.

Лифт слабо завибрировал и поднял их на второй этаж. Лунная Тень выглянул в наружный коридор и покачал головой. Они поднялись еще на два этажа, прежде, чем он коснулся ее, и вышли на площадку, покрытую слоновой костью. Они обошли половину этажа. Таравасси выглядывала наружу, смотрела вверх, заглядывала вниз через низкие перила и пыталась представить себе, какие древние тайны скрываются в этом месте.

Она услышала громкий крик и успела заметить, как Лунная Тень исчез в боковом коридоре. Она быстро побежала за ним. Коридор расширялся по меньшей мере в два раза и в него здесь

выходили два ряда маленьких комнатушек. В этом расширении было множество столов и кресел. Столы были заставлены приборами, смысл и назначение которых она не понимала, везде валялись маленькие овальные диски, по размерам не более ногтя ее большого пальца. Двери некоторых комнатушек, открывающихся в коридор, были открыты: кто-то с нечеловеческой силой выломал их.

— Сюда приходил желтоволосый. Может быть, то, что ты ищешь, находится здесь. Здесь много слов, — его рука показала на стол.

— Как? Где? — Таравасси почувствовала слепую ярость, поднимающуюся в ней, столкнувшись с тем фактом, что невежественный, полудикий туземец больше знает о тайнах ее собственного народа, чем она сама.

— В говорящем ящике, — Лунная Тень взял один из маленьких дисков и протянул его ей. — Вставь его в говорящий ящик. — Он говорит, или показывает картины… или только издает звуки. Когда он стоит здесь, он не работает!

Таравасси раздраженно глянула на диск.

— Внутри только пыль, но оттуда исходит колдовство… Зеленое яйцо говорит, черное — только показывает картины, красное только издает

слова, — большинство из овальных дисков были красными. — Говорящий ящик не показывает, как это делают Настоящие Люди — слишком многое забыто и очень мало помнят.

Ее рука сжала красный диск.

— Какая разница между «произносить слова» и «показывать»? Это одно и то же или нет? — она снова разжала ладонь и взглянула на диск.

Лунная Тень отрицательно покачал головой.

— Говорящий ящик только показывает слова… — он немного отступил, что-то сделал с одним ящичком, стоящим на столе. Темная пластинка с тонкими зелеными значками на ней внезапно засветилась.

— Это не «слова».

Он кивнул и посмотрел на нее со смешанным чувством гордости и досады.

— Показ картин — это рассказ для глаз. Я его вижу, — его палец вытянулся, коготь был выпущен. — И это мертво. — Он остановился и почесал за ухом.

Таравасси отбросила красный диск.

— Нет! Это несправедливо! — Она ударила рукой по столу. — Я хочу услышать ответ!

Лунная Тень приблизился к ней. Она почувствовала его холодную серую лапу на своем плече,

лапа эта вынудила ее сесть в одно из кресел.

— Спокойно, Звездная Женщина. Тебе плохо. Сейчас мы пойдем. Утром следующего дня…

— Я больше не хочу ждать! Я хочу узнать ответ сейчас же! Я напрасно ждала всю свою жизнь, — она наклонилась вперед, уперлась локтями в стол и запустила руку в волосы.

— Тогда одним днем больше, одним меньше — не играет никакой роли, — осторожно, словно выполняя какой-то ритуал, Лунная Тень опустился рядом с ней на стул. — Скажи, то, что увидел желтоволосый — это так важно? Зачем ты пришла сюда? Почему?

— Он что-то узнал о Звездном Источнике — она подняла голову. — Источник этот в хрустальном корабле. Он убил его — или позволил ему умереть. И он позволил умереть моей матери. Она была грустна; больна и слаба и легко умерла. Я позволила ей умереть. Но меня он отверг. Я хочу знать, как источник может это делать — и почему мне до сих пор никто не объяснил этого.

— Ты хочешь знать, нашла ли душа твоей матери свой путь?

Она удивленно взглянула в его серые глаза.

— Да.

— После этого ты выполнила церемонию чит-

ты?

Таравасси кивнула.

— После того, как она умерла, я пила читту…

— И у тебя больше не было приятных грез.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю. Я вижу, зачем ты пришла. — Лунная Тень поерзал на неудобном стуле взад и вперед. — Это иногда происходит и с Настоящими Людьми. Один из них умирает. Члены братства проводят церемонию читты и открывают разум для души — душа их мертвого друга входит в них, входит во всех его живых друзей, становится частью их. Но иногда Брат слишком скорбит и закрывает свою душу перед его душой. Друг же не находит успокоения, друг не находит прибежища. Скорбящий должен идти и искать, искать сердце. Когда он все поймет и все признает, душа его друга овладеет им. Дух его найдет умиротворение, найдет согласие, все члены Братства объединятся и снова будут счастливы.

— Как вы поступаете в том случае, если теряете одного члена Братства, который что-то значит для вас и которого вы любите? Как может быть счастлив кто-то из вас, зная все то, что вы можете и должны делать для других, но вы этого не делаете? Я бы просто дала ему умереть. И я не могу

сказать ему… никто никогда не пытался… — голос ее смолк, и она погрузилась в пучину скорби.

— Умирает только тело, душа становится частью нас… частью нас, — глубокий голос ласкал ее, словно мягкая, поглаживающая рука. — Предки живут вечно, становясь частью членов Братства. Это ощущаешь при помощи читты, видишь красоту души брата, который входит в тебя.

Есть одно небо — это смерть.

Таравасси протерла глаза, они были мокрыми, царапины на ее лице горели. Но это было не то, что имел в виду Андар.

— Мы не верим в то, что читта показывает нам души умерших.

— Не верите? — едва слышно.

— Нет. Это только грезы, и они не имеют никакого тайного смысла.

— Может быть, смерть у Звездных Людей не такая, как у Настоящих Людей?.. — Лунная Тень изучал свое отражение на крышке стола. — Но все люди умирают. И мои предки, у них человеческие души… Но я последний Звездный Человек, никто не хочет связываться со мной, — Лунная Тень взглянул на девушку, потом снова посмотрел на крышку стола. Таравасси услышала, как он

вздохнул. — Теперь мы должны идти, Звездная Женщина. Ты отдохнула. Утором найдем ответ.

Тараавасси поднялась и приняла помощи его сильной, но осторожной руки. Она спросила себя, существовал ли вопрос, который имел бы ответ, не порождающий другие вопросы.

На обратом пути к лагерю Лунной Тени Таравасси пыталась обнаружить сверкающую точку хрустального корабля, но темные облака, как веки сомкнулись над городом. Ветер был ледяным, она поплотнее запахнула полы одежды, угнетенная и удрученная оторванностью от всего, что она знала до сих пор.

Белые кружащиеся снежинки танцевали перед входом в палатку, гонимые ветром, дующим из темноты. Снег блестел на полу. Таравасси приблизилась к костру, чтобы согреть руки, перед ней стояла миска густого дымящегося супа. Хвостом Лунная Тень подбросил в костер поленьев, и сам тоже принялся есть, его мех распушился, защищая тело от холода.

— Как… как ты научился понимать те слова и изображения, которые мы видели и слышали, Лунная Тень? Как ты смог это сделать? — она тщательно подбирала слова. — Ты представляешь себе, какой в них заключен смысл?

Сквозь треск костра она услышала довольный смешок.

— Я все это знаю, потому что я — Звездный человек.

— Ты имеешь в виду, что тебя этому никто не обучал? И нет никакого места, где бы ты сам смог выучиться этому?

Он тупо покачал головой.

— Почему ты мне этого не сказал? Как только я могла?..

— Я тебе покажу, — он взглянул на нее. Руки его погладили колено. — Если ты хочешь, я тебе покажу, Звездная Женщина.

Она кивнула, отупев от двойной порции еды и усталости.

— Да, покажи мне это, — она с отвращением протянула ему руку. Он легко взял ее, подтянул поближе к себе, накрыл ее своими ладонями.

— Это не больно?

Он отрицательно покачал головой.

— Не больно. Не больно, моя сестра.

Она с трудом удержалась, чтобы не отдернуть руку, почувствовала, как ее пальцы коснулись выцветшей красной материи фартука, серо-желтый мех на его животе был мягким, как яблоко, и скользким, как вода. Удивленно и несколько

неуверенно она закрыла глаза, когда он осторожно засунул ее руку в узкое отверстие своей сумки на том месте, где должен был находиться — она с трудом не засмеялась от такой извращенности — его пупок.

Долгое время она не чувствовала ничего, кроме теплого приятного прикосновения. А потом, когда ее пальцы коснулись влажной поверхности, в ее мозгу возник звон, который все нарастал и нарастал. Как наркотик, он прогрызал себе путь среди нервных волокон. Она попыталась отдернуть руку, однако Лунная Тень удержал ее.

— Подожди! — настойчивая просьба, глаза его закрыты, он сконцентрировался изо всех сил. — Я вижу… ты увидишь…

Мурашки, как от электрического тока, усилились, стали болезненными, достигнув ее плеч, лица. В голове ее взорвалось солнце, ее страх и отвращение затерялись в сияющем блеске, и шторме света, затопившем темноту… А потом ее глаза заболели от этого яркого сияния, изливающего связанные картины и слова в ее мозг. Она, как парализованная, лежала неподвижно, плененная бесконечным сном, который возникал не в ее собственном сознании, а был навязан чужим разумом.

Таравасси моргнула… и моргала до тех пор, пока не поняла, что ее зрение прояснилось. Маленький, освещенный костром круг, на краю которого призрачная темнота медленно теряла формы и Лунная Тень, серебристый и золотистый, который сидел рядом с ней и ждал.

— Лунная Тень? — спросила она, настолько усталая, что не могла даже поднять руки.

Посмотрев на нее блестящими глазами, он покачал головой, чтобы прояснить зрение.

— Ты… — он снова покачал головой, — ты видишь только слова. Я покажу тебе…

В ее глазах все еще мельтешили и звучали призрачные картины, заставляя плакать.

— Я не знаю, что я видела. Все было так беспорядочно — вещи, которые не дошли до моего сознания, — она прижала ладони к вискам, вытесняя из своего сознания видение, чтобы снова воспринимать реальный мир. — Это не сработало.

Он неловко и возбужденно кивнул.

— Ты борешься со мной. Я чувствую, что ты не хочешь проникнуть в меня. Это плохой признак, — он указал на свою голову. — Фальшивое чувство. Настоящие Люди никогда не могут испытывать его, никогда, — он ухмыльнулся, стиснул

зубы, и они заблестели в свете костра. — Но предки сказали, что это правильно. — Он уставился на пламя костра, зрачки его превратились в щелки.

Таравасси массировала свою руку, та казалась горячей и опухшей, ее покрывали маленькие красные точки, похожие на сыпь.

— Как это может быть правильным, если это не достигло своей цели? — внезапно она упала на кучу тряпья, во рту у нее появился привкус пыли и дыма, она поплотнее запахнула полы одежды. Она увидела, как золотистый мех поднялся в темноте, потом снова опустился, гонимый своим собственным смятением. Со слабым вздохом, в котором сквозило разочарование, Лунная Тень свернулся у костра.

Так она лежала, дрожа от холода, ее душа и тело стонали от усталости, пока она ждала сна, который казался ей похожим на смерть.

Она видела очень много снов, однако это видение сильно отличалось от тех, которые она знала до сих пор. Четко и в деталях перед ней развертывались хаотические фрагменты по ту сторону ее сознания — не тревожный сон, а потеря сознания, ведущая к глубокой внутренней удовлетворенности.

Она проснулась от внезапного шума, исполнен-

ная приятным чувством, которое она уже давно не испытывала. Оглядевшись, пытаясь найти источник этого шума, она увидела Лунную Тень, который, согнувшись, вошел в здание, его силуэт четко вырисовывался на ярком фоне, далеко позади него она увидела закрытую дверь в стене, а возле нее надпись — «ВЫХОД».

Лунная Тень направился к ней, подошел к костру, держа в руках две тушки киргатов, а хвостом — странное приспособление из ремней и трех круглых камней. Влага его дыхания конденсировалась перед его губами в белое облачко. Когда он подошел ближе, в свете костра она увидела, что с его лица исчезло выражение сосредоточенности. Он бросил маленькие тушки возле костра и сел, достав из-за пояса нож.

— Лунная Тень, — она поднялась, вдруг все вспомнив, и, охваченная незнакомым чувством, внезапно устыдилась. — Лунная Тень! Посмотри, вот слово «ВЫХОД»! Я понимаю его значение! Я знаю его, я его прочитала! — Она надеялась, что он воспримет ее слова, как оправдание. — Ты мне покажешь?

Его голова повернулась к ней, его глаза нашли ее лицо и вся досада была забыта.

— Да? Да? Это правда? Хорошо, я покажу тебе,

Звездная Женщина!

— Конечно! — она кивнула, на ее губах заиграла улыбка, восставшая из самых потайных уголков ее существа. — Все встанет на свои места, я пойму… — она почувствовала часть чужой, странной души в своих воспоминаниях, своем сознании.

— Может быть, — Лунная Тень сдерживал взрыв своих эмоций, которых она не понимала, — может быть, ты мне покажешь, как надо читать. А я покажу тебе все, что знаем мы.

— Мы вместе найдем ответы на все вопросы… А потом… — она неуверенно запнулась, — а потом…

— Скоро мы отправимся в место слов, — Лунная Тень уверенно кивнул. Он отвернулся, чтобы приготовить тушки, но она больше не смотрела на него.

Когда Таравасси впервые подошла к читающему аппарату, в нем все еще находилась кассета. Аппараты здесь стояли в беспорядке, в этой заброшенной библиотеке, где Андар открыл свою Правду. Лунная Тень посмотрел через ее плечо и провел ее рукой по плотному ряду клавиш, выполняя инструкцию, словно он наизусть заучил ее у какого-то неизвестного учителя. Она была довольна только что полученными знаниями,

ликовала, когда ей удалось согласовать символы и звуки, один за другим. В конце-концов появились слова и целые фразы, следующие одна за другой. Гордость человека, которому впервые удалось использовать акустические символы, чтобы передать сообщение на расстояние многих миль или через тысячелетия, охватила ее, наполнив уверенностью и надеждой.

Однако, небольшая часть сознания Лунной Тени сопротивлялась неуклюжей, трудно усваиваемой информации, передаваемой с помощью слов и символов. Это было неудобно, и на это расходовалось так много времени, а ведь индивидууму можно было просто *показать.* И он был ошеломлен этой чудной догадкой.

То же самое происходило и с Таравасси. Она тоже была ошеломлена этой чуждой догадкой, чье свидетельство она узнала и которая не согласовывалась с ее собственными представлениями; но это напротив, возбуждало ее упрямство, это был скрытый отказ, возникший одновременно и в ее мозгу, и в мозгу Лунной Тени, для которого слова были только скрывающей смысл вуалью. Лунная Тень, как и другие аборигены, использовал слова только в своей повседневной жизни. И у девушки теперь было такое чувство, словно все интимные

и сложные знания переносятся прямо из мозга в мозг. И личная точка зрения передающего таким же образом переносится в мозг принимающего и запечатлевается там в его мыслях.

В ее собственном разуме была запечатлена чуждая информация, которая давала возможность отличить ее точку зрения от его и наоборот, а она об этом до сих пор не имела никакого представления. Если растешь в определенном обществе, то начинаешь усваивать чуждые для тебя мысли этого общества с самого рождения. А как возможно в таком случае разделить свое сознание и мышление от влияния окружающего? От влияния родителей, родственников, соседей?

Лунная Тень смотрел на нее сверху вниз, словно он чувствовал взгляд, рассматривающий его, и улыбался вопросительно в ответ: слова были не нужны.

Медленно, сначала очень медленно, слово за словом, предложение за предложением, потом все быстрее и быстрее она начала читать.

— Кто может почитать жизнь и смерть? Признание верующего и гимн смерти? Есть только одно небо — это *смерть!*

Тараваси оторвалась от экрана читающего устройства, опершись об угол стены неловким

движением человека, у которого перед глазами все еще стоят ужасные видения. Отвратительная красота смерти все еще резала глаза, скрываясь в стройной геометрии написанных слов. Зов смерти настиг ее после полудня, и она ответила ему…

Всю вторую половину дня Лунная Тень, нервничая, спускался к выходу из здания, наблюдая, не послали ли его родичи сюда кого-нибудь, чтобы понаблюдать за ним, а теперь он, вытянувшись, лежал на полу, задремав. Он ничего не понимал и потерял всякий интерес к обучению. Таравасси не стала будить его, она все еще не знала, каким же образом объяснить ему всю эту ужасную истину: ее народ уничтожил сам себя, и как индивидуумов, и как группу людей, и как даже весь свой мир. Они уважали смерть, но не признавали конца и ратовали за него, просто уничтожив самих себя. Они умерли, умерли намеренно, чего она не могла понять, погибли от своей собственной руки в экстазе некрофилии. А их мир погиб вместе с ними. Их кости были рассеяны по поверхности земли, брошенные на волю ветра и непогоды, обглоданные зверями и временем. Горсточка людей покинула свою погибшую планету, прибыла сюда и теперь проводила свою жизнь в медленно разрушающемся

скелете города. А она была живой… живой… одна среди живых мертвецов. Но почему?

Рука погладила ее по плечу, и она замерла.

— Что с тобой, Звездная Женщина? — он повторил те же слова, с которыми когда-то в первый раз обратился к ней, однако на этот раз он мог понять выражение ее лица. Он заметил в ее глазах что-то непостижимое и мягко сказал: — Я слушаю тебя.

Она отвернулась.

— Все не так. Чем больше я ищу, тем больше нахожу ответов и тем больше мне хочется, чтобы я никогда не начинала своих поисков. И все же мне все больше хочется… знать. Почему это происходит со мной!? Я же была так счастлива!

— Что ты нашла в этих словах? Плохие вещи? Попытайся мне показать, и… он, ожидая, стоял возле нее, поглаживая одной ногой другую, словно его предложение было подарком, который он дарил ей из милости.

— Я не знаю. Не могу рассказать тебе с таких ужасных вещих… о нас.

— О Звездных Людях?

Она кивнула.

— Тебе не захочется знать об этом.

Она подыскала нужные слова.

— Тогда… ты покажи… мне. И боль смягчится…

она будет разделена. Я знаю. Мне это нужно, но никто не соединяется со мной… — он нервно поигрывал маленьким диском с записью. — Нужно… Мне нужно дружить с кем-нибудь — палец его разогнулся и маленький диск полетел по полированной крышке стола.

Таравасси с удивлением отметила внезапную вспышку воспоминаний детства — таких же далеких и непостижимых, как и берег Звездного Источника во вселенной. Руки матери, радужные переливы ее одежды, тихое бормотание ее голоса, прогоняющего прочь все тревоги: «Не плачь, не плачь! Мое сердечко, я помогу тебе, время будет легче, маленькая Тара…» и Таравасси слабо кивнула, протянув руку.

На этот раз она не боялась боли и в электрических мурашках, бегущих по нервам, не было ничего неприятного. И на этот раз ей показалось, что от его мозга к ее протянулся электрический мост, какие-то нити живого электричества, которые связали его и ее фрагментарные воспоминания. Прорываясь сквозь ментальный шум, ее память исторгла тот пагубный экстаз смерти, который она извлекла из прошлого, экстаз уничтожения ее собственного народа. Все эти путаные импульсы-мысли, несущие с собой ее

замешательство и одиночество, устремились в открытый разум Лунной Тени… были разделены… и на душе у нее стало легче.

А потом, когда эти картины открыли шлюзы в ее памяти, собственный мозг начал наполняться ответными картинами и воспоминаниями Лунной Тени. И внезапно она, совершенно неожиданно для себя, превратилась в Лунную Тень. Она видела себя чужими глазами, воспринимала саму себя, как чужую, чувствовала серебристый мех, покрывающий плечи, и была недоверчива и возбуждена… Но когда она немного привыкла к неожиданному вторжению в чужой мозг, она заметила, что это были воспоминания не только Лунной Тени, и что он потерял контроль над самим собой, она чувствовала, что ее втягивает в какой-то другой, человеческий разум. Он был впечатан в память Лунной Тени и теперь поднялся из глубины прошлого через много поколений.

Ее имя (не Таравасси — кто была эта Таравасси?) было Шемазданс. Нет, *Шемадакс.* Она еще раз повторила его, чтобы утвердить свое «я», и сердце ее забилось быстрее. Она чувствовала ремешок медицинского прибора, врезавшийся в ее плечо (душа Таравасси Покоробилась); боль была ужасающе реальной. Она только что ходила

в город, чтобы взять товар и теперь возвращалась назад в лагерь, неся на себе бесконечно тяжелый груз. Ее самые худшие опасения оправдались: саботаж транспорта. Она была вынуждена идти медленно и, наконец, достигла находящийся в тени изгиб дороги. (Таравасси дико озиралась, она была в панике от такого количества людей). Тонкий слой снега покрывал улицу, хрустя под ее подошвами. Таравасси-Шамадакс смотрела вверх на покрытое снегом переплетение виноградных лоз. Она испуганно подумала, что больше о ней наикто не побеспокоится. Листья винограда умерли в седых руках мороза…

Чья-то чужая рука схватила ее руку и ее страх в долгом крике вырвался наружу. Но грубое лицо посмотрело на нее пустыми глазами и исчезло, когда мужчина пошел дальше. Таравасси-Шамадакс, дрожа, вздохнула, ей было трудно подумать, что она изучала историю культуры и никакой перепуганный чужак…

Она с облегчением отметила, что никто не обратил внимания на внезапно охватившую ее панику. Все они теперь были чужаками — настоящими чужаками. Они проходили мимо нее, не замечая ее. Забыв обо всем, не обращая внимания на холодный день — посланники смерти, пленен-

ные туманом грез, навеянных читтой, мечтая о смерти. Отвратительный смрад ударил ей в нос, когда она пересекала узкое пространство между двумя зданиями, но она не глядела по сторонам… потому что грезы приводили к сумасшествию, а когда она просыпалась от грез… Как можно *одновременно почитать жизнь и смерть*… Они все сошли с ума! Ни одна часть ее сознания не могла отвергнуть этот факт. И это произошло так быстро… Сколько еще будет существовать этот город, эта колония, прежде, чем долгая осень сумасшествия перейдет в долгую холодную зиму, за которой больше никогда не придет весна? Что нам делать, когда весь наш мир погибнет? Мы не можем покинуть наше Братство! О, Базилион, Базилион!.. — она ускорила свои шаги, сумка с товаром больно колотила ее по ноге. Она прошла последний изгиб и посмотрела на снег там, где снег еще не был истоптан… Что с нами станет теперь, когда они уничтожили транспорт?

Там было что-то, лежащее на покрытом снегом куполе, светлый предмет, неразличимых очертаний, тюк окровавленных лохмотьев… Самоубийство? Ах, нет. *Нет!* — Шемадакс закричала, остановилась. Негромкий крик бесконечным эхом отдался в ее мозгу, словно она была крошеч-

ным свидетелем гибели мира…

— Нет… нет… нет… — Таравасси снова обрела себя, крик чужого ужаса все еще рвался из ее горла. — Лунная Тень! — она прижала болящую руку к губам, проглотив горький комок только что пережитого страха. — Что… Что произошло? Что это было? Это же были не твои воспоминания!

Лунная Тень покачал головой. Она увидела следы ужаса, которые медленно исчезали с его лица, пока он смотрел на нее.

— Ты вызвала… вызвала дух предков, вызвала Шамадакс, — он запнулся, — когда мы объединились. Воспоминания тянутся к воспоминаниям.

— Она была человеком… — она вдруг поняла, как справедливо было его утверждение о Звездных Людях… О людях, членах Братства. Она неосознанно задала вопрос — на ее вопрос был дан ответ при помощи видений из ее собственного прошлого (при воспоминании об улице, полной народа, у нее снова перехватило дыхание), которое было где-то глубоко запрятано в ее и его памяти. Как это случилось? Как долго они уже находились здесь? И что случилось с Шамадакс? Внезапно она почувствовала желание как можно больше узнать об этой новой части ее личности, этом новом мире, который раскрывал-

ся перед ней.

Только теперь она осознала, что все опасения Шамадакс сбылись — осознала, что люди этого мира умерли — умерли от читты. Таравасси осознала это совершенно ясно — как в результате душевных мук Шамадакс, так и своих собственных. И теперь она только удивлялась, как эта последняя горсточка людей ухитрилась так долго прожить этой имитацией чужой жизни — и этой имитацией смерти.

Лунная Тень коснулся ее руки и оторвал ее от глубоких раздумий.

— Скоро мы пойдем? Если мы здесь задержимся, станет темно, мой народ увидит свет и будет мучить меня… — он замолк, закрыв глаза. — Я объединился с тобой и разделил злое знание. Я твой брат по Братству?

— Да, — она кивнула, неуверенная, ослабил ли ее или наоборот, придал силы ответ, который она нашла в объединении. Но она чувствовала, что для нее было очень важно передать часть груза кому-нибудь, — она улыбнулась. Теперь, когда они нашли ответ, она поняла, что обрела ключ к настоящему пониманию и не удовлетворится, пока не утихнет жажда знаний. — Лунная Тень, — она снова протянула ему руку, забыв о его

предупреждении, — покажи мне, что произошло с твоими предками, что случилось с Шамадакс?

Он взял ее за руку. На этот раз она не почувствовала никакого удивления, когда разумы ее и Лунной Тени слились друг с другом, ее вопросы и жажда знаний объединились и медленно погрузились друг в друга, и движение это сделало их членами Братства, погрузились на глубочайший уровень его/ее сознания, в отрывочные воспоминания, дошедшие через множество лет, однако, все еще достаточные, чтобы видеть то, что видели их предки и, если это будет необходимо, вызвать в них дух этого старого города, который поведет их…

Через мгновение она снова была поглощена. Теперь у нее были серые руки, блестящий, серебристый мех, но тело было не Лунной Тени и, Таравасси взглянула вниз, на человеческое лицо, лицо мужчины, перекошенное от боли. Она присела на корточки около обгоревших развалин одного из шатров и ей понадобились все силы, чтобы отвлечься от боли, и она старалась, насколько могла, заглушить ее…

И снова… Она снова стала человеком, мужчиной… *Мужчиной,* на этот раз ее/его имя было Базилион (Шамадакс, где была Шамадакс? Где

была она, Таравасси?)

Базилион слегка повернул голову, наблюдая за процессией снегоходов, которые двигались по реке вдоль дороги к лагерю. Шамадакс… Он убедился, что она действительно стояла возле него — бесформенная фигура в тяжелой одежде и под капюшоном видно только одно покрасневшее от холода лицо. Она подняла голову, и их взгляды встретились… словно они во время этого движения были одним целым. Лицо ее разгладилось, когда она увидела его улыбку. Она подняла руку, он тоже поднял свою, они приблизились друг к другу и движение это сделало их членами Братства, их обоих, полностью, как это и должно было быть.

Нет, не полностью… Он отверг часть Братства — уязвимую часть, туземную часть. Его/ее разум защищался против этих отличий — теперь там, внизу, он был в этом уверен — была не просто группа приближающихся людей, а ревущий сброд. Он оглянулся назад, на испуганные лица своих товарищей. Высокий визг приближающихся снегоходов непрерывно давил им на уши. В покрытой снегом тундре, далеко позади их собственного лагеря, он видел заброшенные, не приспособленные для жилья палатки главного

поселения чужаков, где эта группа бедных, переживших человеческое вторжение туземцев питалась червями и лишайниками. Они влачили там свое жалкое существование. При первых же проявлениях гнева Звездных Людей туземцы бежали.

Взгляд Таравасси-Базилион механически скользил над безликим ландшафтом, свободного от опустошающей ледяной корки — голый, извилистый ландшафт, сглаженный отступившим глетчером, нежный, чистый запах, исходящий от снежного покрова. Однажды этот снег растает, обнажатся поля долин… Но здесь, на берегу замерзшего озера, ландшафт был так же пустынен, как на Луне, и люди здесь находились на грани гибели, ненавидя самих себя.

Боже, неужели прошло девять лет с тех пор, как здесь впервые совершил посадку огромный транспорт с родной планеты? Прошло только девять лет с тех пор, как он пришел сюда, чтобы доказать, что туземцы были недочеловеками, но прошло время — и верил ли он сам в то, что они находятся в тупике эволюции, что они всего лишь животные? В душе его поднимался стыд. Но у него не было никаких оснований стыдиться этого. Но теперь он стал совсем другим челове-

ком, не таким, каким был прежде…

Яркие воспоминания о его родине, о его родном мире и о том, каким он был когда-то, закружились в его голове. Весна — он пересекал старый двор перед зданием Университета. Запах только что распустившихся цветов наполнял воздух. Он шел, чтобы посетить лекционный зал, где находились студенты, слушавшие лекцию. Они все стояли. Места там были только стоячие. Мир, в котором он и его жена были постоянно угнетены взаимной близостью, и эта близость означала принадлежность к толпе, в которую они были втиснуты вместе с множеством других людей.

Теперь он ощущал близость со своей женой иначе, он ощущал глубокую духовную близость, которую они оба с радостью делили друг с другом — высшее единение в противоположность очевидному. Их больше ничто не могло разъединить, ни изгнание так называемыми Настоящими Людьми, ни ярость людей там, внизу. Если бы они могли это кому-нибудь показать, если бы обе стороны могли понять друг друга, если бы они смогли осознать, что им надо объединиться в Братство, несмотря на преследование и вытекающую отсюда жестокость, то они стали бы счастливы и захотели бы остаться здесь и смогли

бы узнать обо всех вещах… вещах, которые никогда не были известны людям.

Шамадакс нагнулась к нему, он услышал чье-то испуганное бормотание, потом хихиканье ребенка на холодном воздухе. Примерно в пятидесяти метрах от них остановились вездеходы. Он считал нападающих, которые выходили наружу: пятнадцать… восемнадцать… двадцать четыре… — Они обменялись быстрыми взглядами. Затем они направились к лагерю. Он внимательно всматривался, несмотря на бьющий в лицо ветер и постепенно различал подробности; замкнутые, мстительные лица, блики света на их оружии, куртку, подшитую мехом какого-то старого туземца и несколько курток, подшитых мехом молодых. Она заскрежетал зубами, не по своей воле вырванный из своих воспоминаний. Шамадакс тихо застонала, приподняла ногу, словно хотела бежать, как только представится возможность. Позади них выругался Памелло:

— Палачи…

— Нет! — больше для себя, чем для других. — Если мы не потеряем над собой контроль, мы сможем подготовиться к нападению. Мы знали, что они должны придти. И на этот раз у них будут все основания испугаться и рассердиться — весо-

мые основания.

Ему вспомнилось вступление в Братство три недели назад, когда Шамадакс принесла сообщение об уничтожении транспорта и дальнейшем ухудшении положения в городе.

И эти люди явились сюда, за четыреста километров, в танках-снегоходах, а не на полицейских глайдерах, на которых раньше посещали лагерь. События развивались очень быстро, подгоняемые страхом. Только теперь эти люди пришли сюда не со своей прежней полуофициальной миссией, они пришли убивать.

— Что вам здесь надо? — спросил он их.

Колонисты остановились в пяти метрах перед ним. Он теперь отчетливо видел их ужасное проекционное оружие, стволы которого были направлены на него и на его друзей.

— Оставайтесь на месте. Ты знаешь, чего мы хотим. Нам нужны твои «друзья!» — представитель прибывших был теперь сама язвительность. — Любовник Кенгуру!

Он уже видел этого человека раньше, может быть, видел и других, которые стояли перед ним, множество лиц, искаженных гримасами слепого ханжества.

— Они там, где вы не сможете их преследо-

вать, — его взгляд скользнул по этому безликому сброду.

— Мы найдем их, — махнув рукой, предводитель направил поисковую группу к лагерю с палатками туземцев, — и когда мы найдем их, вы увидите, что мы с ними сделаем — за то, что они уничтожили наш мир.

— Мы знаем, что сделали с транспортом культисты, — он говорил тихо, выговаривая каждый слог. — Мы знаем, что они прервали контакт. Никто больше не сможет прийти к нам. Но туземцы не несут за это никакой ответственности!

— Но кто же тогда, ко всем чертям, несет ответственность за все это? Это их читта, которая уничтожила весь наш народ и привела всех нас к сумасшествию. Они запланировали это, чтобы прибрать к рукам наш мир!

— У нас, так же, как и у вас, отобрали родной мир — к сожалению, в этом случае он не мог исключить останки человечества. — Вы действительно верите, что стадо «кенгуру» в состоянии мстить так ужасно? Наша собственная вина, что мы так бездумно воспользовались этим снадобьем.

Он вспомнил, как Шамадакс однажды сказала, что это было возмездие, суд иронии. Как часто

за всю историю человечества «примитивные» периферийные племена и группы уничтожались «Настоящими Людьми», пользующимися своей великолепной техникой? И на этот раз все произошло точно так же…

— Разве вы не понимаете, что все, что мы здесь делали — ошибочно? Мы должны подумать, как спасти остатки нашей группы, мы должны работать все вместе и сотрудничать с туземцами…

Он говорил непрерывно, спотыкаясь, беспомощными словами, которые были не в состоянии выразить то, что он имел в виду: он поглощен другим существом, видит его глазами и знает, что часть его все время будет в не м… Если бы только он мог показать или рассказать, как его собственный эгоизм изменился под действием других взглядов, других мыслей, как почти все жители лагеря погрузились в свое собственное «я» и снова возродились, терпимые к себе самим и всем прочим — с силой, которая всегда присутствовала в человеке.

Настоящие Люди при объединении тоже изменялись. Для своего вида они превратили стабилизацию, которая поощрила всех, хотя бы чуть-чуть одаренных, и при этом она препятствовала раздражению и изменениям. Объединенные

с людьми в Братство Звездных Людей (он испытал почти болезненную радость и гордость, когда получил имя Братства, данное ему туземцами) убедило его в том, что изменение каждого рода может быть выгодным для обеих сторон. И каждый человек может передать тайны техники прямо в голову одного из Настоящих, может мысленно передавать знания, которые они, возможно, никогда не приобретут при обычном эволюционном развитии.

И все, чему их научили, они могут быстро и безболезненно передать другим людям.

— Что может принести нам единение между расами, кроме добра? Никогда еще до сих пор не было такой дополняющей друг друга дружбы между двумя культурами. Мы же можем заключить такой пакт: вместе мы можем…

— Молчать! — проревел представитель этой своры и взмахнул оружием. — Вы так же противны, как и эти, проклятые богом читта-зомби — и даже еще хуже! Мы не должны слушать это дерьмо! Нам не нужны советы этой банды сумасшедших содомитов! Уничтожить лагерь, дотла сжечь его! Уничтожить все, главный дом тоже, не оставлять ничего! Это именно то, чего они заслуживают! Пускай они все замерзнут здесь, — он

обеими руками махнул толпе позади него.

Словно время вернулось к ней снова, Таравасси-Базилион увидела оборванцев, как вода, растекающихся вокруг них, увидела, как маленькая дочка Памолло, подняла круглый, гладкий камень, крепко сжала его в руке и бросила — увидела, как он попал в лицо одному из оборванцев, в кристально-чистом воздухе брызнула кровь, услышала отчаянный крик Шамадакс: «Нет!» но было уже поздно. Как в кошмаре, она увидела, как в них нацелилось ружье, но она не смогла двинуться и было поздно, слишком поздно бежать…

Таравасси снова пришла в себя. Она сидела на корточках, согнувшись над коленями и всхлипывала от боли. Она медленно выпрямилась, отняла прижатую к груди руку. Она долго осматривала свои руки, положив их на выцветшую одежду. На ней не было крови… не было ран… но ныла она не здесь, в этой заброшенной библиотеке.

Тихое, слабое всхлипывание донеслось до ее ушей, когда она, наконец, вытерла слезы с глаз. Лунная Тень, откинувшись, сидел на своем стуле, глаза его были закрыты, руки скрещены на груди.

— Лунная Тень, — чуть слышно прошептала она. — Что со мной произошло? Что произошло?

Мы… они… все погибли, все?

Его рука шевельнулась в отрицательном жесте.

— Они-я, они-я… Я то же самое, что они… — глубоко вздохнув, он открыл глаза.

— Но они убиты. Они погибли! — И это так подействовало на нее, было так реально, что она поверила… Она нагнулась вперед, руки ее скрестились и она уперлась в крышку стола. Густой туман иллюзий и воспоминаний медленно рассеивался и, наконец, позволили ей четко и объективно оценить события, свидетелем которых она была. И внезапно она поняла истинное значение слов туземца. — Лунная Тень, ты ненавидишь меня, да? Толпа — это, должно быть, мои предки, и эти люди, что они сделали с твоим народом?.. — Воспоминания в воспоминаниях обо всем отвратительном снова поднялись в ней, они были такими свежими и живыми, словно она только что сама пережила это… словно с тех пор не прошло пятьсот лет. Она была не в состоянии осознать этот чудовищный промежуток времени. — Я такая же, как и они? — ей вспомнилось ее собственное чувство, которое она испытывала к туземцам, и черты ее лица окаменели.

Лунная Тень покачал головой, он не смотрел

на нее.

— Ты не такая, как они, Звездная Женщина. Ты, как мои предки. Ты как… я. Базилион не стыдился, потому что был слеп, как и другие люди.

— Да, — сказала она. — И… я верю, для меня ты похож на других, я знаю, — она улыбнулась, когда до него дошло значение сказанного ею. — Но… я все еще не знаю, что же я такое?

— Ты моя подруга… — Рука Лунной Тени коснулась груди. Он тоже улыбнулся. — Моя сестра по Братству.

Чистая, невинная радость наполнила ее, когда она поняла глубокое значение этих слов.

— Это уже произошло, — тени снова танцевали перед ее глазами, — давным-давно произошло между моим и твоим народом. Ваша читта привела мой народ к закату, привела к его концу. — Твой народ — наследник. Все, что было нашим, стало вашим, все осталось вам, чтобы вы поняли, как глупо мы поступили, возомнив себя вашими судьями.

— Может быть, — Лунная Тень шевельнул плечами, и жемчужины на его ожерелье тихо зашуршали. — Или, может быть, они решили правильно, считая, что мы никогда не изменимся. Мы уже давно живем здесь, в человеческом

городе, но никто не желает связываться с магией, никто не пользуется ею. Все говорят, что самый лучший путь они знают и им не нужен никакой другой.

— Но если Настоящие Люди действительно не были так… так примитивны, как те, которых знал Базилион — разве они с тех пор изменились?

— Пустяки. Если они и изменились, то несильно. Недостаточно сильно.

Таравасси покачала головой, потерла свои руки, массируя запястья.

— Но воспоминания, которые ты носишь в себе, Лунная Тень. Разве они не доказывают, что твой народ изменился?

— Мой народ не изменился — в *отличии от меня!* — Он недоверчиво покачал головой. Потом он поднял ногу и потер лодыжку странным, только одному ему присущим движением. — Теперь пойдем, нам надо уйти, прежде, чем они придут сюда!

— Лунная Тень, подожди! — когда он поднялся, она схватила его за локоть. — Покажи мне, еще, пожалуйста. Вопросы мучают меня, — перед ее мысленным взором появился Звездный Источник. — Кто-нибудь в твоих воспоминаниях должен знать что-то о хрустальном корабле и

Звездном Источнике…

Лунная Тень неохотно снова сел в свое кресло, мучимый неприятным чувством и экстазом одновременно. Она увидела, как он закрыл глаза, когда ее рука скользнула в теплую щель его сумки, почувствовала его удовлетворение, когда их опять связал ментальный мост.

Шамадакс со скрещенными ногами лежала в кругу своих ожидающих друзей (Таравасси видела ее глазами, она недоверчиво смотрела на потемневшее лицо Базилиона, на лица дюжины других людей, среди которых были и туземцы — и все они были живы, все еще живы?) Шамадакс взглянула на двойной ряд лиц, на серые палатки за ними, которые трепал холодный шквалистый ветер. Она привела в порядок свои мысли, которые на сей раз были ее собственными: о последних днях, которые она провела в городе. Затем она заговорила, полагая, что такая большая группа нуждается в большом количестве слов и оправдывает их.

— Я сегодня принесла очень плохие новости. Снег тает, город непрерывно разрушается и не хватает людей для того, чтобы сделать то, что нужно. А тем временем, примерно шестьдесят процентов населения используют наркотики.

Я повсюду видела этих людей. Они бродят, как живые трупы, не обращая внимания на естественные потребности и не замечая ничего вокруг себя. А когда они выпьют слишком большое количество читты, то они кончают жизнь самоубийством. Это правда, я все видела собственными глазами. Другие просто зачарованы их смертью… И для них всех уже не хватает читты, — сознание, что она не одна несет груз этих тяжелых воспоминаний, что она изливает их на тех, с кем связана, дало ей некоторое облегчение.

Таравасси внезапно поняла, что все это привело к окончательной конфронтации. Шамадакс, Базилион и другие не были убиты, никто из них не умер. Они жили дальше в телах своих потомков. Все они стали Лунной Тенью. И, покуда он жив, они все время будут частью его.

Шамадакс отбросила капюшон своей куртки, несмотря на то, что сейчас было довольно холодно.

— Но это еще не самое худшее, — Таравасси-Шамадакс смотрела на лица, покрасневшие от холода, на разноцветный мех тел, которые в ряд выстроились перед ней. — Культисты саботируют использование транспорта! — вдруг вскричала она. — Но подождите! Подождите — они разобра-

ли только приемник, но не передатчик. Мы все еще можем уйти, если захотим. — Люди могут. — Она потупилась, опустив глаза.

— Но никто больше не сможет прийти к нам? Никто из нашего родного мира? — спросил Базилион.

Она кивнула.

— Окончательный демонтаж. Культисты хотели быть совершенно уверены, что никто не придет им на помощь. Они рады, рады, они идут, чтобы посмотреть… — Она представила себе фигуры, которые, как мухи, заполнили залы транспорта, закосневшие в своих бредовых представлениях, застыли они на теле того, что пришло сюда, путешествуя между звездами по лазурно-синим линиям странных сил. (Транспорт? Таравасси отчаянно пыталась ухватить обрывки этих понятий — Звездный Источник, *Звездный Источник?* — но «я» Шамадакс накатило на нее, как лавина…) — они не используют насилие против кого-то, только против самих себя… Но те, которые принимали наркотики, впадали в панику и между этими двумя группировками…

— Колония разделилась на маньяков и сброд, — кивнул Базилион. — Нет, этим двум группировкам… мы не могли предвидеть…

— Помощь придет, — сказал кто-то. — С родного мира, когда беглецы вернутся туда и все расскажут. Тогда сюда снова прилетят люди на космическом корабле.

— На это уйдет, по крайней мере, сорок лет, — возразил кто-то.

— Если сюда действительно кто-то придет, что тогда случится с нашим родным миром? Они могут прислать сюда новых колонистов.

— Что произойдет здесь? — Таравасси-Шамадакс повернула голову и посмотрела на прекрасное небо, которое спасло жизнь Базилиону, он был первым из Звездных, которые объединились с кем-либо из Настоящих Людей. — Безумцы могут однажды напасть и на нас тоже. Что нам тогда делать? Куда идти?

— Мы не должны беспокоиться об этом — тихо сказала Шамадакс. — Люди сами себя погубят. Все, что должны делать Настоящие Люди — это проявить достаточно терпения, тогда этот мир снова станет таким, каким был, снова станет нашим, — это трагедия очень опечалила ее, однако она не могла отрицать правильности этих слов.

Она представила себе транспорт, как ткань, которая так слабо связывала этот мир с реальностью, представила себе его частично разбитым,

разрушенным — и темная бездна (Андар? Что сказал Андар? «Пожалуйста — беззвучно воскликнула Таравасси, стараясь вспомнить, — «Дракона победить и в черную бездну нырнуть…» Пожалуйста, покажи мне это, покажи быстрее!»)… душа Шамадакс покорно соскользнула в озеро воспоминаний и обнаружила там следующее стихотворение:

Кто хочет пропасть, кто снова возникнуть?
Кто победит дракона и
В Черную Бездну нырнет?
Тихо беззвучно отдастся он
Океану.

Стихотворение Гаттана, поэта, который словами передал для Шамадакс мистическую субстанцию передачи, чтобы объяснить функции Транспорта…

Таравасси восприняла все, что Шамадакс знала о Звездном Источнике, Передающая станция (корабль, хрустальный корабль!) была послана сюда из другого мира и была частью связи между мирами, которые были связаны друг с другом при помощи Звездного Источника… После сорока лет полета через непредставимую бездну про-

странства корабль прибыл сюда, чтобы открыть дверь к звездам для этой планеты. Этой дверью и был Звездный Источник, находившийся в прозрачном сердце хрустального корабля, который бесконечно долго кружился по орбите вокруг этого мира, дверь, которая дала людям возможность преодолеть бездну пространства между звездами почти мгновенно, между звездами, которые даже не были видны невооруженным глазом.

Но те, кто отваживался на такое путешествие, платили огромную цену, потому что между звездами, в пустоте космоса, было царство смерти. Тело должно было остаться, пока душа — квинтэссенция? — преодолевала пустоту и тьму космоса, чтобы вновь возродиться в свете другого солнца, Шамадакс понимала механизм Звездного Источника, который отделял душу индивидуума от того, что составляло его видимость, освобождая дух от бесполезного груза плоти и излучая его в глубины вселенной, чтобы в целости и сохранности доставить его к месту назначения, но как это делалось — не объясняла.

Но кто исчезнет, как возникнет снова? Каждый человек, выбравший такой путь перемещения, должен признать факт своего самоубийства. И, как поняла Таравасси, это было основанием для

того, что ни один из известных ей людей ничего не знал об Источнике. Только Андар узнал истину. Только Андар и ее мать были действительно готовы победить дракона и погрузиться в темную бездну… — когда-нибудь все люди будут принимать свою смерть без страха, не задумываясь, как один из способов передвижения, они никогда не будут тащить за собой свои тела, будут существовать только отбытие, прибытие, возрождение…

— Но это значит, — сказал Панелло (дух Шамадакс снова вернулся в свое время, и Таравасси снова соскользнула в прошлое), — что обстоятельства нашей дальнейшей жизни станут еще более суровыми. Если колонисты покинут нас, у нас больше не будет никакого доступа к снаряжению и товарам. Вопрос в том, сможем ли мы выжить при таких обстоятельствах?

Шамадакс покачала головой.

— Вопрос заключается в том, сможем ли мы заставить себя покинуть наше Братство? Никто не принуждает нас оставаться здесь. Но никто, покинувший этот мир, не сможет больше вернуться назад. И теперь мне, по крайней мере, части меня, стало ясно, что только эта планета является моей родиной. Моя родина… наша родина, — она взглянула на Базилиона. — Здесь Братство, и оно

будет всегда. — Он улыбнулся и нежно погладил рукой ее тело.

— Никто из нас не говорит, что он хочет уйти, — слегка обиженно сказал Панелло. На его лбу появились морщины гнева. Другие люди переглянулись и покачали головами. — Только я думаю, что этот лагерь едва ли является самым лучшим местом для жизни…

Среди собравшихся послышались смешки и Таравасси-Шамадакс поняла различие иронии и забот людей и Настоящих людей, аборигенов, которые собрались здесь. Она посмотрела на них и на руки Базилиона, две изборожденные морщинами покрытые мозолями руки, знак невероятной жестокости, с которой с ним обошлась жизнь. Невероятной жестокости? Она снова грустно улыбнулась. Конечно, но только за последние девять лет. Снова взглянув, она увидела перед собой техника-охотника, который ремонтировал инфракрасный обогреватель, Базилиона, который поймал прыгающего снежного барана с помощью трех, связанных кожаными лентами, камней. И поняла. Мы все изменились. Мы сможем научиться жить в будущем, если это будет необходимо.

В углу палатки, где они так часто делили меж-

ду собой свой скудный обед, на голом жестком полу она увидела стоявших на коленях или присевших на корточки детей, которые собрались для церемонии объединения — показа. Они со временем увидят лучший мир, если смогут пережить это жестокое время — и выжив с помощью собственных духовных сил, размножившись, они доживут до времени осуществления их надежд. Со временем страх и недоверие Настоящих Людей, которых здесь называют аборигенами, исчезнет, а Звездные Люди Братства смогут, наконец, связаться со своей родной планетой. И тогда придет помощь с родной планеты, Звездные Люди обоснуют здесь новую колонию и не будут повторять ошибок прошлого.

* * *

Но все пошло иначе… — Таравасси прислушалась к мелькавшим звукам надежды и уверенности, борясь с безнадежным малодушием, которое наполнило ее при возвращении в настоящее, — Люди будут убиты, и… и Настоящие Люди, вероятно, никогда не слышали о своих предках. Что же произошло? Где теперь Братство?

— Они все здесь, — мягко сказал Лунная Тень, не глядя на нее. Потребовалось некоторое время,

чтобы она осознала, что он обращается к ней. — Я последний… последний из Звездных Людей. — Заметив ее непонимание, он нагнулся вперед и ударил пальцем по куче листков, которая, зашуршав, рассыпалась.

Таравасси протянула ему свою, покрытую красными пятнышками руку. Неприятное чувство совершенно оставило ее, оттесненное интенсивным восприятием. И когда она снова вошла в это, покрытое серебристым мехом тело, она снова почувствовала, что значит быть последним членом Братства.

* * *

Мозаика древних понятий прошедших лет распространилась в ее-Лунной Тени разуме, когда они снова пережили свое прошлое… Но время долгой жестокой зимы после уничтожения деревни лагеря, убийства людей — членов Братства, немногим более тридцати оставшихся в живых членов Братства из Звездных Людей, после уничтожения аппаратуры, отправились помогать Настоящим Людям. Они вместе с ними работали над восстановлением деревень и культуры, пытаясь приспособиться — но, несмотря на это, Настоящие Люди не хотели их помощи.

И без психической стимуляции, которую они получали во время объединения с людьми, они не в состоянии были овладеть новыми механизмами и орудиями, чтобы возместить потерянное. Где же была магия человека, которую он контролировали которой все боялись? Теперь люди лишились друзей и всякой силы, презираемые, подвергающиеся насмешкам, влачившие свое существование на задворках общества.

Со временем, когда Звездные Люди постепенно исчезли, Настоящие Люди снова вернулись в более удобную для жизни местность, чтобы, наконец, проникнуть в заброшенный город с сильно поредевшим населением. Однако в городах — да, именно в городах, — Звездные Люди откололись от них, потому что только немногие из Настоящих Людей были готовы объединиться и дружить с ними. Изнурение росло, недовольные члены Братства отказались от своих верований, которые делали их отверженными, и начали налаживать связь с окружающими или просто растворялись в толпе. И все уменьшающееся число родителей — членов Братства — вело к тому, что все новоприобретенное все больше и больше оттеснялось древними знаниями и обычаями. У них не было достаточного количества друзей,

чтобы объединиться с ними, чтобы делить с ними новоприобретенные знания. Не было достаточного притока информации, который, может быть, помог бы обрести доверие других, их собственные потомки все больше и больше смотрели на них, как на демонов, сумасшедших или злых духов, чудовищ, которых надо стереть с лица планеты.

И, наконец, родился он, Лунная Тень, единственный ребенок женщины из Братства Звездных Людей. Преследуемый голосами прошлого, постоянно находящийся под влиянием этих голосов, которые были для него настолько сильны, что со временем он не мог с ними совладать, он вынужден был вести одинокую жизнь изгнанника, постоянно находясь под влиянием неумолимой силы Братства, своих предков. Его мать умерла, и душа ее теперь жила в нем. Но он решился жить жизнью своих предков — членов Братства, покориться их влиянию. И он терпел жестокое обращение и преследование со стороны тех, кто все еще боялся Звездных Людей, как их воспоминаний, так и их объединенной силы.

После его смерти уже никто не будет проводить церемонию читты, вызывать его дух, когда умрет тело, не будет никого, кто примет его душу, которая одна только содержит воспоминания о всех

его предках.

Это была их судьба, быть одинокими и покинутыми, и носить в себе, в своей душе злые грезы, отвергающие человека. Все души Братства, которые сейчас находились в душе Лунной Тени, закончат свое существование вместе с ним. Он умрет, как не умирал еще никто в его воспоминаниях, забытый всеми, так и не ставший частью чей-то души…

Таравасси погладила его шелковистый мех, его мозолистые руки. Теперь она поняла, почему от так настаивал, чтобы у него был брат или сестра, с которыми он мог бы объединиться. Разновидность бессмертия… Она откинулась назад. Она знала, что они были бесконечно дороги друг другу, потому что они все время чувствовали в этом чужом месте себя изолированными, оторванными от родины.

— Здесь нет ничего, кроме смерти! — голос ее оборвался. Она восстановила в своей памяти представления Шамадакс о Звездном Источнике, который связывал этот безумный мир с тем, который был гораздо лучше и безопаснее этого мира… — А если моя мать все еще жива? Звездный Источник функционирует, она это признает. Может быть, она снова сказалась в родном мире

и не может сообщить мне, как сделать так, чтобы прийти к ней. — Ей вспомнились тела матери и Андара, как они погружались в Звездный Источник. — Я это знаю, но не могу прийти, потому что боюсь смерти!

— Может быть, Звездный Источник не функционирует, может быть, они умерли… Сюда давно уже никто не приходил. Может быть, все Звездные Люди ушли куда-нибудь — он не мог сказать, плохо это было или хорошо. Потом он воодушевленно сказал: — Ты остаешься…

— Этого не может быть. Она не могла умереть, — Таравасси покачала головой. Она не слышала своих собственных слов, однако хорошо знала все, что знала Шамадакс и последние из Звездных Людей. — Она знала, что уничтожение Звездного Источника может привести к коллапсу и их родного мира. — Они отказались. Они больше никого не хотят посылать в этот мир… разве только сумасшедших.

— Может быть, они вернутся сюда теперь, после того, как туда ушла твоя мать?

— Ты боишься этого? Того, что это все может начаться снова, сброд, сумасшествия, преследование…

Он кивнул, его хвост начертал сложный узор в

пыли на полу за его спиной.

— Но, Лунная Тень, этот вид нашего обоюдного показа, это нечто, чего люди делать не могут, но это может принести им огромную ценность, когда они смогут постичь это. Шамадакс, Базилион — все твои предки верили в это — этот факт охранял вас, защищая ваше существование, и для людей он, может быть, так же важен для вас самих. Вы можете быть передатчиками любых знаний… — вера Шамадакс в будущее, видения Базилиона наполнили ее. — Я могу вернуться в родной мир! Я могу! Я войду в Источник, смогу увидеть свою мать, смогу увидеть всех! Смогу увидеть настоящий мир людей! И когда я прибуду туда, то, может быть, смогу убедить их в том, как это важно — вернуться сюда и найти твой народ. Я продемонстрирую им ваши способности. Они вернутся сюда, я это знаю. И я тоже вернусь с этим кораблем — Братство Звездных Людей будет жить, оно не забыто…

— Я не умру? — Лунная Тень приподнялся, забушевавшие в нем чувства прочертили на его вице жесткие линии морщин. — Да, да, ты пойдешь — и вернешься назад! — он схватил ее за руки и поднял с кресла. — Наши народы объединятся! Мой народ выучит все, что знают Звездные Люди

и я не умру никогда! Идем! Звездная Женщина, идем на хрустальный корабль!.. — хихикая, смеясь. — Я верю!

— Но я только Таравасси! — Ее недавние тревоги, оставшиеся без ответа страхи вновь наполнили ее, отвергая все новое, чуждое ее душе. Но Лунная Тень тянул ее в направлении выхода, заполняя ее своими радостными чувствами.

Они прошли через огромный зал, под огромным порталом вышли наружу в осенние сумерки и холодный ветер.

И когда они появились из тени, то в свете фонарика-шара Таравасси увидела, что их ждут пять туземцев. Они испугались, когда увидели, как свет отразился от блестящих наконечников их копий. Лунная Тень крепко выругался.

— Аго, злодей! Ты никогда не повиновался своему народу! — огромный туземец с таким же серебристым мехом, как у Лунной Тени, обратился к ним и в его глазах блеснул едва сдерживаемый триумф. Таравасси удивилась тому, что она поняла его, хотя тот говорил на языке туземцев. — На этот раз ты раскаешься. Бросай свое копье!

Однако другие остановились, оставаясь под защитой своих копий, их глаза опасливо глядели

на Лунную Тень и девушку. Когда Лунная Тень почувствовал это, он покачал головой и положил руку на свой острый нож.

— Не надо так, брат! Я нахожусь под защитой Звездных Людей. Вы не посмеете ранить меня — или родственники будут глубоко скорбеть о вас! — он стоял, повернувшись к ним, и свирепо рассматривал одно лицо за другим, чтобы заставить их уйти. Украдкой он сжал руку Тараваси, ища поддержки. Ее пальцы на короткое мгновение схватили его руку в ответном пожатии. — Оставьте нас одних! — он коснулся острия своего собственного копья.

Двое из пяти нападающих быстро отступили назад, но брат… Лунной Тени остался стоять на месте.

— Мы не позволим тебе уйти, злодей. Быстрый Прыгун будет судить тебя и эту призрачную женщину.

Лунная Тень внезапно улыбнулся, кивнул, зубы его сверкнули.

— Ита, на этот раз он не отрекся от меня… я иду к вам в деревню.

Его брат увидел эту улыбку, и шерсть на его спине стала дыбом.

— У тебя нет другого выбора.

Окруженные копьями, они шли вниз по продуваемой ветром, погруженной в синий полумрак улице. Таравасси взглянула вверх на сине-фиолетовый купол небосвода, где сверкала одна-единственная звезда, дыхание ее сконденсировалось в облачко пара. Звезда, которая не была звездой, скрывала внутри себя дверь, с помощью которой можно было преодолеть пустоту и тьму между звездами… Она подняла руку, обещая и призывая, потом снова опустила ее, сжав в кулак. Она посмотрела вниз, на землю, под ноги, ища в полутьме тропку в горах мусора.

— Лунная Тень, — тихо пробормотала она, — что они с нами сделают? Кто они? Ты называешь одного из них братом?.. Он ответил так же тихо, используя язык людей.

— Он только наполовину мне брат, сын моего отца. Другой мой брат, сын моего отца. Другой мой брат по Братству, — голос его был тверд. — Они доставят нас к Быстрому Прыгуну. Он не причинит тебе вреда, Звездная Женщина. Они не коснутся тебя, не бойся.

— Кто такой Быстрый Прыгун?

— Шаман, он объединяет все Братства, показывает очень четко. Быстрый Прыгун очень много знает. Он объединяет всех уже очень давно. Он

говорит, что есть только одна истина, другой не существует. Он говорит, что я извлек злых духов. Но он окажет тебе почести. Если ты прикажешь ему, он не будет меня мучить. Мы покажем ему все, что знаем, покажем ему будущее! — он взглянул на нее, наполнив последней отчаянной надеждой.

Может быть, это хорошо, а не плохо, сестра. — Брат, — она неуверенно кивнула. — Я постараюсь… Последний поворот улицы вывел их на широкую площадь, подобную той, на которую туземцы приносили свои дары. На нее выходили устья шести улиц, шести мрачно окруженных ночными тенями стены зданий с непроницаемо черными зрачками окон, окруженных белизной свежевыпавшего снега.

В центре широкой площади в очаге, окруженном камнями, горел костер. Она чувствовала пульсирующие удары жизни, отражающиеся в невидимых глазах существ на этой площади. Ее чувства вибрировали от тепла, от приятного запаха горящего дерева. И костер, который стал для Настоящих Людей их сияющим финалом их вечной принадлежности к этой планете, уже пылал здесь когда-то, виденный в ее далеком прошлом. И когда тот костер погас, они, как све-

тящийся символ, создали здесь свое собственное вечное пламя.

Проходя мимо, Таравасси прикоснулась к каменной стене, зола запорошила ей пальцы. Под налетом копоти она неясно различила мягкие краски полированной поверхности. А в танцующем свете золотисто-голубого пламени она увидела какое-то странное видение. Она спросила себя, какой смысл могла иметь эта игра света, на секунду остановилась, удивившись, а затем различила второе видение, скользнувшее вперед, перед ее глазами в своей неземной красоте, которую человеческие глаза ощущали, когда видели пламя души. Она поняла, что ее собственный разум находится в плену этой красоты.

Находясь в плену между прошлым и будущим, они с Лунной Тенью и охранники шли дальше сквозь темноту к подножию одного из зданий, возвышавшихся над площадью. И здесь она увидела, что площадь ни в коем случае не была заброшенной, хотя и была освещена только пламенем ритуального костра. Два туземца уставились на них из прихожей дома — две женщины, одетые в мешкообразные одежды до колен, скрепленные цепочками из блестящего металла.

Женщины были испуганы, их взгляды пере-

бегали с нее на Лунную Тень и обратно, лица искажены в тупом отвращении. Позади них в огромном зале пылал еще один костер, маленький костер для приготовления пищи. В глубине зала они заметили еще несколько фигур и спросила себя, сколько же из этих зданий заняты уже новыми хозяевами этого мира. Между двумя женщинами внезапно появился маленький ребенок, мех его был серебристо-белым. Как луч сверкающего звездного света, он обхватил ногу своей матери и исчез, упрятанный в сумку рукой женщины. Душа Таравасси коснулась ощущения мягкой, теплой безопасности, она ощутила нежные мысли матери. Прижав руки к животу, мать с ребенком исчезла внутри здания.

Другая женщина осталась на месте, ее льдисто-серый мех шевельнулся, когда она заговорила с братом Лунной Тени.

— Быстрый Прыгун, — она указала на обширное помещение позади нее.

Кивнув, она исчезла в теплом чреве помещения. Хвост Лунной Тени беспокойно извивался, он ударил по копью, послышался металлический звук. Таравасси поплотнее запахнула одежду на своих плечах.

Прошло довольно много времени, и лицо ее

стало мерзнуть.

— Что мы будем… — она осеклась, когда в двери появилась новая тень. Далекие фигуры вышли наружу, их тела заслонило пламя костра. Один из мужчин, согбенный и тяжело дышащий, одетый в одежду без всяких украшений, появился в мягком свете шара-фонарика Таравасси. Он опирался на палку, его мех был черен, как беззвездная ночь. Волосы на шее Лунной Тени встали дыбом.

Слегка усмехаясь, Быстрый Прыгун встал перед ними.

— И что же теперь, Лунная Тень? — его надменный взгляд скользнул в сторону, он взглянул на Таравасси, зрачки его расширились, он покачал головой, словно не веря своим глазам.

— Я настоящая, — Таравасси вдруг инстинктивно поняла, что она не сможет произносить сложных звуков языка туземцев, поэтому стала говорить на своем языке. Она сделала шаг вперед, в освещенное пространство и смахнула с лица волосы, тело ее выпрямилось, когда она попыталась пробудить в старом туземце то мистическое чувство, которое Звездные Люди вызывали в Настоящих Людях. Она плавно провела рукой по меху на животе Лунной Тени, потом указала на Быстрого Прыгуна.

Волосы на шее старика стали дыбом. Гримаса отвращения исказила его лицо. Она почувствовала его сопротивление, ему хотелось все отрицать и наказать Лунную Тень. Это желание зажглось в его глазах, когда она посмотрела на него. Но Быстрый Прыгун не мог скрыть или прогнать страх, свой ужас перед полузабытыми Звездными Людьми.

— Ты окажешь почесть Звездной Женщине, — эти слова звучали, как приказ. Лунная Тень встретил взгляд Быстрого Прыгуна с упрямой гордостью. — Вызов Древних. Я покажу им все, на этот раз все. Это мое право.

Быстрый Прыгун покачал головой.

— Ты покажешь это мне, а я решу. Твои мысли злы, здесь никто не хочет сойти с ума. Я решу, должны ли они это видеть.

Таравасси глубоко вздохнула.

— Вызови их всех сюда. Они имеют право сами решать, разделить им с нами знания или нет. Я хочу, чтобы они узнали все! — она провела рукой по направлению к груди, она видела, как это делал Лунная Тень и надеялась, что ее жестикуляция достигнет его разума, пояснит смысл слов.

Фигура Быстрого Прыгуна выпрямилась в отказе, его мех встал дыбом. Она отбросила накидку,

неуверенная, в состоянии ли она защитить саму себя, не потерпит ли она неудачу.

— Быстрый Прыгун — Трус! — с громким «клак» острие копья Лунной Тени вонзился в землю, толпа в темноте позади своего повелителя, должно быть, тоже услышала эти слова. — Быстрый Прыгун боится того, что его власть не распространяется на меня, он боится не того, что я могу показать что-то злое!

Быстрый Прыгун снова покачал головой и торопливо разгладил мех.

— Мы увидим, Звездная Женщина, на чью долю выпадут самые большие почести — на мою ли, или на ваше Братство, — в его словах была насмешка, потом он неожиданно отвернулся и хотел пройти сквозь замершую толпу внутрь здания. Таравасси услышала свой собственный голос: громкий, резкий голос, который эхом раздался в огромном зале. Маленький серебряный ребенок проложил себе путь через толпу и исчез во тьме позади нее.

— Это произойдет… это произойдет? — с недоверием бормотал Лунная Тень. — Старики, молодые — все придут. Я покажу им все. Сегодня я покажу им перемену, покажу, что изменения правильны. — Его серые глаза нашли ее, он

улыбнулся. — То, что мы сделаем сегодня ночью, останется навсегда!

— Вид бессмертия, — прошептала Таравасси, взглянув в безлунную ночь и глядя на звезду, которая светилась ярче всех остальных. — Бессмертие, в котором ты можешь быть уверен.

Лунная Тень кивнул, голос его стал значительно тверже. Она увидела, что брат Лунной Тени вместе с охранниками отступил назад. Он провел их по площади к огню.

Таравасси ждала, держа в руках шар-фонарик, ее проводник прижался к ней, грея ее спину. Шли минуты, и вот, наконец, появилась группа туземцев, подозрительно наблюдавших за ними. Маленькая группа мужчин под предводительством Быстрого Прыгуна отделилась от толпы, чтобы занять место между ней и Лунной Тенью. Громко щебеча, они переговаривались между собой, мех у многих из них уже почернел — это был знак того, что они были уже в преклонном возрасте. И, как она помнила по воспоминаниям Лунной Тени, они были именно теми, кто мог при объединении воспринять все подробности друг друга и были так же в состоянии усвоить очень быстро и почти все мысли передать другим, что было очень удобно для быстрейшего распростра-

нения важнейших сообщений.

Лунная Тень не видел Таравасси, доверяясь ее присутствию, погружаясь в созерцание своего народа и совершая ритуал необходимого единения. Время от времени Таравасси чувствовала, скользящие взгляды некоторых туземцев из толпы, которые смотрели на нее и слышали, как они переговариваются между собой. Наконец, группа избранных образовала цепь, каждый из них опустил свою руку в сумку другого, а потом Быстрый Прыгун медленно, словно он делал что-то нечистоплотное, установил контакт с Лунной Тенью.

По толпе пробежал ропот. Лунная Тень закрыл глаза, дух его напрягся.

Толпа утихла. Таравасси приблизила шар-фонарик к своему телу, почувствовала слабое тепло, исходящее от него, она почувствовала спиной тепло костра и холод воздуха, обжигающий голову. Она попыталась представить себе горячие мурашки, бегущие вдоль рук мужчин. В ней самой вспыхнуло пламя, словно электризующее присутствие какого-то чужого разума в ее душе, словно вражда, стоящая между людьми, которые глубоко ненавидят друг друга. Она попыталась представить себе что сейчас творится в голове Быстрого Прыгуна и других — яркое, мучительное

понимание человеческой силы, таинственной силы Звездного Источника, который сам, как призрак, уносил души к дальним мирам, неся с собой тайну Настоящих Людей, возможность будущего, в котором узнают цену способностям туземцев, но и станут наравне с людьми, и те предоставят им все свои знания…

— Зло! — Быстрый Прыгун рванулся от Лунной Тени, слабого звена в цепи надежды. — Злой дух из злого разума проник в меня! — остальные мужчины, связанные с ним, неуверенно топтались на месте, словно их самих ударили, когда длинная палка показала на Лунную Тень. — Зло!

Лунная Тень открыл рот, однако с его губ не слетело ни единого звука, на его лице появилось выражение глубокого разочарования.

— Этот злодей показал Звездному Человеку, дал ему власть над собой! Он показывает нам ложь, скрывает истину! Я говорю вам: Очень большое зло!

Испугавшись и не понимая, Таравасси нагнулась вперед. Ее рука сжала копье, воткнутое в землю перед ней, когда Лунная Тень, спасаясь от удара палки Быстрого Прыгуна, отпрянул назад.

— Тебе не победить меня! — полупротестуя, полуотрицая, Луннная Тень потряс головой.

Быстрый Прыгун отчаянно зажестикулировал своим хвостом, потом из толпы вышли двое мужчин и крепко схватили Лунную Тень с двух сторон, их хвосты обвились вокруг его ног, намертво сковав его тело.

— Лунная Тень! — в отчаянии воскликнула Таравасси, однако он ее не услышал, зубы его обнажились в гримасе страха, шерсть на загривке стала дыбом. Взгляд его был устремлен только на Быстрого Прыгуна, который медленно приближался к нему. Один из мужчин схватил руку Лунной Тени и протянул ее Быстрому Прыгуну, который сунул ее в свою сумку. Быстрый Прыгун засунул свою руку в сумку Лунной Тени. Старики снова образовали цепь и рука ближайшего из них снова исчезла в сумке Лунной Тени.

Лунная Тень замер в мучении, которое нельзя было объяснить, которое не могла выразить никакая физическая боль. Тихий стон вырвался из его горла, по толпе пробежал ропот. Почему он допустил то, что сейчас с ним делают?

Что произойдет дальше? Будут ли они…

— Прекратите! Прекратите! — крик ее относился в основном к Быстрому Прыгуну, с копьем в руке она отбежала в сторону.

Пока она делала это, цепь снова разорвалась.

Лунная Тень стонал, но стон его замер, как только он открыл глаза. Двое мужчин, которые держали его, отпустили, после чего он сломался, словно все его силы, вся его гордость были отняты у него в одном-единственном непонятном нападении. Быстрый Прыгун переводил свой взгляд с него на нее и обратно, все еще преисполненный злорадного удовлетворения, когда их глаза встретились. Он взмахнул своей палкой.

— Стой!

Она остановилась, однако копье ее все еще было направлено на него.

— Что вы делаете? — она говорила, обращаясь к толпе, которая возвышалась перед ней, словно частокол. Старейшины окружили ее, глаза, которые еще недавно были тупыми и безразличными, сейчас были холодны, как зимний снег, она с отчаянием смотрела в них.

Быстрый Прыгун обратился к толпе:

— Я говорю вам правду! Этот здесь, и она — его палка указала сначала на Лунную Тень, а потом ткнула ей в сторону девушки, все еще не отваживаясь прикоснуться к ней, — хотят отдать нас Звездным Людям, как это уже случилось однажды. Но мы покажем вам правду! — по его знаку старейшины исчезли в толпе. — Читта

спасет нас! Дадим Звездным Людям читты, и они умрут! Дадим ей читту и будем свидетелями ее смерти… — его палка ударилась о копье, оно выскользнуло из ее окоченевших рук и упало на землю.

Она снова прижала к себе шар-фонарик. Она чувствовала, как толпа глядит на нее, душа ее была опустошена, растерзана, отчаявшаяся фигурка растерянной птички, бессильно пытающейся отомстить местью, заложенной в ней предками — и добиться собственного освобождения. Она увидела, как Лунная Тень с трудом поднялся на колени, видела свой собственный страх и отчаяние, как в зеркале отразившиеся на его лице.

— Беги, — она едва расслышала его слова. — Беги, Звездная Женщина, беги!

Она послушно повернулась, прорвалась через толпу в том месте, где она не была такой плотной, слепо пробежала через площадь, нырнула в темный зев улицы, бежала, бежала…

В конце концов, подгоняемая только лишь воспоминаниями о пережитом страхе, она, шатаясь, поплелась по узкому ущелью ночной улицы, спотыкаясь, падая, наполовину обезумев от полуслившихся картин двух миров, воспоминаний о бурлящих жизнью городах и их звуках, и

наполненных странными шорохами руин полуразвалившихся зданий. Однако, скоро наступило время, когда уже никакие видения не могли ее заставить двигаться дальше.

Она остановилась, боль раздирала ее суставы, глаза резала чуждая симметрия городских окраин. Луна светила, как маленькое серебристое лицо, она замерла над высокой башней, как раньше наполнила Таравасси мысленно окна зданий душами прошлого, так теперь луна наполняла их светом. У ее ног в серебристом лунном свете что-то шевельнулось. Она услышала легкий стук костей. Она испуганно вскрикнула и ее крик тысячекратно отразился от стен здания, пока, наконец, эхо не смолкло и снова не наступила тишина. Когда она была единственным живым существом…

И, когда она полностью потеряла самообладание, лунный свет вычертил очертания разрушенного здания, которое ни с чем нельзя было спутать. В этом здании был теперь лагерь Лунной Тени. Серебристый палец-луч указал ей путь внутрь. Она пошла, отбросив все мысли, все заботы, с благодарностью приняв этот единственный сеанс реальности во тьме ночи.

Она обнаружила разбитую стену, скрытую в

полутьме и скользнула в уединенное нутро помещения. Но никто не разжег погасший огонь, никто не ждал ее, сидя или вытянувшись лежа на куче тряпья — он не приходил. Таравасси упала на колени, губы ее дрожали. Придет ли он когда-нибудь? Жив ли он? Были ли другие разделившие с ним его тайну и бывшие достаточно добрыми, а не злыми, чтобы потом убить его — как они уже убили ее, как за добро, так и за зло, за то, что они показали людям правду?

Однако все это уже не играло никакой роли — он ушел, и у нее уже не было достаточно сил, чтобы вызвать его дух. Она не обладала силой бессмертных, не обладала властью над душами, даже над своей собственной. Ей оставалось только ужасное одиночество. Лунная Тень, ее мать — оба они уже были по ту сторону слез, боли и одиночества, оставив все позади себя. Еще так много было несказанного, не сделанного, но она больше ничего не могла изменить. Все возможности что-то сделать, или оставить так, как есть, потеряны… потеряны… Печаль охватила ее, она содрогалась в сухих рыданиях, ужасаясь при мысли о бессилии своих грез, которые больше никогда не станут реальностью, которые дали ей так же мало, как грезы, наводимые соком

читты. Почему она только поверила, что Звездный Источник содержит ответы на все вопросы? Как она могла ожидать, могла признать все эти бесчисленные страхи и сомнения, наполнявшие ее душу? Как только она могла поверить, что все это не играет больше никакой роли? Она же была прекрасно обучена жить — стоит ли теперь умирать раньше срока?

Откуда она могла знать, ждет ли ее в конце туннеля темноты развитая цивилизация? Может быть, это будет мир, в котором она с удовольствием проживет свою новую жизнь, может быть, там признают ее — а может, эта древняя культура уже давно превратилась в прах, как человеческая цивилизация здесь, на этой планете? Ее мать была мертва, и только горе заставляло ее верить, что какое-то доброе чудо снова вернет ее к жизни. На протяжении пятисот лет никто не прибывал сюда, чтобы посмотреть на свой народ, никто больше не придет. Если душа ее матери нашла свою новую родину, тогда это было место, куда ни одна живая душа не могла последовать за ней, или ее душа рассеялась в темноте, затерялась в разноцветном спектре замерзающих газов и пыли? Знала ли она об этом? Хотела ли она вообще это знать?

— Я не хочу этого! Я не хочу этого! — воскликнула Таравасси, поднялась, потом снова опустилась на колени в отдающееся эхе своего собственного крика. — Я не хочу, чтобы она умерла! — повторило эхо. — Я не хочу знать правду, я не хочу терять свою жизнь! — в складках ее застегнутой одежды она сжимала спрятанные туда кулаки. — И я не знаю, что делать! Нет никакой необходимости, чтобы пытаться, нет никаких оснований для такой попытки! Я не должна пытаться сделать это!

* * *

Когда эхо стихло, до ее ушей донесся стон, шорох сыпавшегося щебня. Она замерла, как испуганный зверек, медленно обернулась назад, мигая в луче света, который, как защищающая рука, выхватил ее из темноты постели.

Она подавила новый вскрик, хорошо зная, как часто выдавал ее собственный голос.

Внезапно в луче света появилась фигура — туземец! Прозвучал голос… чистый звук которого был странно знаком.

— Лунная Тень? Лунная Тень!

Он медленно вполз внутрь, он двигался с трудом, как калека. Она заморгала, чтобы убедиться, что это не обман зрения. Он достиг того места,

где она стояла возле очага, на мгновение заколебался, его глаза смотрели сквозь нее. Лицо его перекосилось, смущение, и что-то еще, более темное, заволокло его взор. Однако потом его взгляд снова обратился к ней, он поднял руки и жестом единения положил их ей на плечи. Она взяла его руки и прижала их к себе. На его лице появилась улыбка, вес его рук тянул ее вниз, когда он устало опустился на кровать. Своим телом она мягко затормозила его падение, темные пятна покрывали его мех.

— Лунная Тень… — она взяла одну его руку в свою и увидела, что по ее пальцам бежала кровь, ногти его были вырваны. Она разжала испачканную ладонь.

— Они что, сошли с ума? Или мы их… Как они могли причинить тебе такую боль? — ее рука снова сжала его узкую, трехпалую ладонь. — Как? И зачем?

Он слегка вздрогнул от сильной боли. Тонкий, жалобный вскрик, словно предсмертный стон, сорвался с его губ.

Наполненная предчувствиями, она подняла взгляд.

— Что это? Что там произошло? Что они сделали?

Лунная Тень покачал головой, он избегал смотреть ей в глаза, в его жестах сквозило одиночество и непонимание.

— Ты не можешь меня понять? — голос ее окреп. — Что произошло? Что они с тобой сделали? — Она запнулась. — Но как же мы тогда сможем… — потом, вспомнив что-то, она подняла руку. когда ее рука скользнула в его сумку, он отчаянно вскрикнул. Тело его противилось ее прикосновению. Рука ее замерла. Таравасси отчаянно, удивленно и недоверчиво отступила назад.

Лунная Тень схватил ее кулак, мягко разжал сведенные судорогой пальцы и она еще раз отступила назад. Глаза его просили прощение, лицо было маской разочарования. Он ввел ее руку в свою сумку, его руки дрожали от бури чувств, которые она была не в состоянии прочесть. А потом, словно все объясняя, в ее мозг устремилось воспоминание о том, что с ним сделали по приказу Быстрого Прыгуна.

Он снова пережил унижение, был беспомощным, и с ним обращались, как с предателем, пережил момент, когда Быстрый Прыгун с помощью невероятных истязаний раскрыл тайну его вины. Она пережила позор, когда обнажились все его самые сокровенные переживания, вос-

поминания, которые он бы никогда не обнажил добровольно и которые с силой вырвали у него, акты эротических извращений, и эти интимные тайны сделали очевидными перед лицом всего народа, тайны, которые не имели никакой ценности для посторонних.

Бесконечно печальный вой смерти снова вырвался из его горла. Горькие слезы, слезы Тараваси упали на его шелковистый мех, она больше не была в состоянии сдерживать их. Казалось, ее захватило чужое горе. Она видела его глазами, как Быстрый Прыгун повернулся к ней, и Лунной тени уже больше ничего не могло помочь, когда ей, Звездной Женщине, сказали, что она должна убираться прочь.

А потом, неспособный подняться, стоя на коленях на каменном полу, он почувствовал, как толпа волнами захлестывает его мутной грязью, всегда свежей ненавистью к правде человеческой низости, знал, что все обещания, все надежды на новую жизнь, которые наполняли его, никогда не сбудутся, знал, что они, как камни, канут в неизмеримую бездну забвения, затеряются… затеряются… Он застонал.

Быстрый Прыгун со всем искусством риторики снова начал призывать свой народ. Он слушал

себя самого: Лунная Тень, извивающийся в извращенном единении со Звездными Людьми, сумасшедший, чадо своих выродков-родителей, запятнал чистоту Настоящих Людей. Тот, который хотел лишить их прочного жизненного базиса с тем, чтобы они снова погибли от злодейства Звездных Людей, как они уже однажды чуть не погибли от этих самых людей, потому что он, Лунная Тень, был посвящен этим чудовищам из ночного кошмара.

Лунная тень с большим трудом встал на ноги и едва владея своим голосом, вмешался последним отчаянным усилием в речь Быстрого Прыгуна, крикнув, что здесь, перед лицом священного пламени, его не хотят выслушать или поступить с ним по справедливости.

Палка Быстрого Прыгуна сильно ударила его по плечу, он снова упал на пол, и его народ, заряженный и воспламененный зрелищем такой жестокости людей, воспроизведенной воспоминаниями Лунной Тени, замкнул вокруг него круг тел и начал мстить.

— *Нет!* — Таравасси закричала от ужаса, оборвала связь, и ее ужас перед лицом тысяч чужих мыслей ненависти, взорвавшихся в ее черепе, выхлестнулся наружу, превосходящая мощь

чужих мыслей выжгла извилины ее мозга, вырвала ее личность, воспоминания о предках, все реальнее…

Лунная Тень покачнулся и упал на нее. Она высвободила одну руку, мягко обняла его за шею, с бесконечной нежностью погладила его густой мех. Она беспомощно плакала, зная, почему он при каждом движении воспринимает ее страх… но как все это произошло? Он полностью контролировал ход единения, так же, как Быстрый Прыгун контролировал его связь, пока та не прервалась и не вернулся в самого себя. А потом он потерял контроль и доверие к себе и сам забыл о своей цели. Как это могло произойти? Почему у него появился такой недостаток? Почему? Почему?

Лунная Тень, тихо плача, поднял голову с ее плеча. Таравасси задыхалась перед лицом того, что было перед ее глазами, и снова испугалась, когда все померкло. Наконец, он кивнул, вздохнул и снова посмотрел ей в лицо. Мягко и осторожно она сунула руку в его сумку, мысленно представила себе мгновения их дружбы, попыталась передать крушение всего, чтобы понять, почему…

Губы Лунной Тени издали короткий вскрик

— к чему он относился, она была не уверенна. Ее мозг наполнился воспоминаниями о Быстром Прыгуне — шамане, выдающемся духе, старейшем из старых, который объединяет в себе все знания, который решает, ценно или бесполезно показанное. Быстрый Прыгун, который занимает абсолютное положение в глазах каждого Настоящего Человека, который, согласно мысли Лунной Тени, воплощает собой все заклинания. Принимая во внимание все эти мысли и уверенный в правоте своих предков, Лунная Тень считал виновным во всем Быстрого Прыгуна. Она снова подумала о глупости изречений стариков, почувствовала, что вера Лунной Тени поворачивается против нее, отмежевывается от нее. Быстрый Прыгун знал об этом и ему этого оказалось достаточно. Застывшая система, к изменению которой стремился Лунная Тень, ударила его и он навсегда стал частью этой системы.

Таравасси снова прервала контакт, мучимая внезапным и сильным приступом голода. Она нагнулась вперед, чтобы взять мешок Лунной Тени, в котором находилась пища, потянула его к себе и они оба молча поели сушеных фруктов и мяса. Они не тратили силы на разговоры — слова теперь, по-видимому, были не нужны.

Лунная Тень снова взял ее руку — теперь уже другую, которая не была сведена судорогой боли. И она на этот раз позволила ему коснуться себя, на этот раза без опасного вздрагивания. В ее голове возникли его планы пойти к Звездному источнику, чувство неотложности и необходимости этого… Вопрос, действительно ли она должна попытаться сделать это, исключительный ответ — настойчивая неотложность и крайняя необходимость.

Она отрицательно покачала головой. Она не может, не хочет, она позволила устремиться в свой разум всем безответным вопросам, всем заботам и беспокойству. Не будет никакой пользы и нет никакой необходимости…

Сердитое ворчание донеслось до ее ушей, она открыла глаза и увидела гнев на его лице. Он упрямо передавал ей в мозг свой план, передавал свою тоску, свою жажду знаний, лицо ее матери. Его память раскрылась, показывая ей отрывочные картины Братства Звездных Людей, и народ уничтожил воспоминания его предков. Если она не приведет сюда свой народ, людей, чтобы осуществить его надежды и мечты, тогда, значит, все эти страдания были напрасны. Только она одна может спасти его предков, которые находятся

в его памяти. Если ей не удастся привести сюда свой народ, тогда он и все его предки умрут и исчезнут для всех навсегда. Она была его Сестрой по Братству, его единственным другом, и она обещала… обещала…

Она снова ответила ему сомнением, показала ему саму себя, свой народ, исчезнувший, уничтоженный, как этого и боялись его предки и ничего больше не удалось…

Ее же собственное лицо отразилось за ее плотно сомкнутыми веками, она была его единственной надеждой, единственной надеждой его Братства, единственной надеждой всех…

— Но я боюсь! — она оторвалась от него. — Я боюсь за саму себя. Но никто, кроме меня, не сможет сделать этого, ни ты, ни они никто, кроме меня. Будьте же вы все прокляты! Я проклинаю свой народ — он никогда не входил в настоящий контакт, он эгоистичен, боязлив. Я тоже эгоистична! Я должна быть уверена, должна быть совершенно уверена, иначе я никогда не буду в состоянии войти в источник, Я должна быть уверена, что это будет лучше для меня *самой*…

Она нервно перебирала обрывки шкур на полу, не глядя ему в лицо, краешком глаза она увидела свою руку, которая бессмысленно гладила мех

на затылке Лунной Тени. Однако для нее стало больше невозможным закрывать глаза на их отчаянное положение и отразившееся на его лице непонимание, которое только могло ответить на ее невысказанные вопросы другими вопросами.

Лунная Тень опустился на колени, а потом, хмыкнув, лег на шкуры. Его глаза еще мгновение всматривались в ее лицо, расширенные зрачки были черны и бездонны, а потом, когда они раскрылись совершенно, он смежил веки. Затем он удовлетворенно вздохнул.

Она медленно вытянулась на своем месте, поудобнее устраиваясь на лохмотьях. Едва заметное тепло ее тела смешивалось с его теплом в узком пространстве между ними, она согрелась без костра. Она ощущала слабый, чуждый запах его тела, напряжение ее спало, а потом улетучилось совсем.

Дыхание Лунной Тени было сильнее дыхания спящего, однако ее собственный разум игнорировал требования тела, обыскивая, оценивая, взвешивая все ее «я», Если она не решится войти в Источник или если она осмелится и потерпит неудачу — что ей тогда остается? Прожить все время здесь, в руинах, с Лунной Тенью, среди теней прошлого, все время вспоминая о смерти

и о закате человеческой цивилизации? И они не смогут изо дня в день беседовать о прошлом. Она испытала связь, которая могла значить для ее народа церемонию единения — но как им договориться о своем настоящем и своем будущем? И будет ли вообще в состоянии его разум изучить снова ее язык?

С другой стороны, она не могла больше так жить, как жила до сих пор, вернуться назад, затеряться в грезах и смерти — снова стать живым мертвецом в хрустальном гробу. Что же лучше? Или хуже? Было бы лучше признать эту преждевременную смерть только потому, что она представляет, что это такое и уверена в этом? Или лучше взять свою жизнь в руки, уступить неизвестному, где она может быть вознаграждена счастьем и исполнением желаний — или где ее ждет ничто, небытие…

Она внезапно открыла глаза, чтобы взглянуть в лицо спящего Лунной Тени. Ее страх, ее знания, ее смертность образовали сверкающую стену вокруг ее отказа, говоря ей: она должна попытаться ради него и ради себя — как ручательство жизни, вечной жизни. Но она была всего лишь Таравасси! Таравасси, не Лунная Тень, не Шамадакс и не Базилион, не искупительница чужих

грехов, не спасительница чужой расы — только Таравасси. И это было ее тело, это она поплывет в бесконечности сна — зеленой тьме Звездного Источника, он отделит ее душу от тела и уже больше никогда не вернет обратно. Если бы все было так просто, намного проще, чем если бы у нее было достаточно сил, чтобы просто поверить, как это сделал он, Андар, и она, Шамадакс. Если бы она только знала, что есть кто-то, кто снова поместит ее душу в тело, как она отдаст себя призрачной таинственности Источника. Победит дракона, и в темную бездну нырнет… Так просто, только если она была бы уверена в этом. Но был ли кто-нибудь, кто был в этом уверен, совершенно уверен? Можно ли знать будущее?

Она видела так мало, и хотела узнать так много — и никакие степени оценок не могли ответить на вопросы, была ли она готова принять правила этой игры, готова ли поставить на кон свою жизнь ради жизней многих других? И только ее собственное сердце могло дать ответ, только ее сердце — и Звездный Источник услышит этот ответ.

* * *

На следующее утро тонкий слой снега покрыл почву у входа в здание, белые снежинки падали, как светлая пыль прошедших столетий. Лунная Тень медленно пошевелился, потом на время забыл о своих намерениях, он тер о камень лезвие своего ножа, чтобы высекаемыми искрами наконец-то разжечь потухший костер, который согрел бы их замерзшие тела.

Пока девушка ела, он иногда украдкой смотрел на нее, пытаясь прочесть выражение ее лица. Однако она прятала от него свои мысли, одобряя его решение привести их жилище в порядок. Наконец, она коснулась его, чтобы показать ему картину хрустального корабля, она ничего не обещала, сообщив только то, что она сейчас уйдет.

Он кивнул, но в его глазах вспыхнула внезапная радость, которая перешла в глубокое понимание ее страхов. Она снова почувствовала, как велика часть его в ней, принимающая участие в удаче или неудаче ее миссии.

Наконец, она покинула укрытие, чтобы через лабиринт улиц пойти навстречу своему невероятному будущему. Падающий снег окутывал ее своей чистой белизной, застревая в ее ресницах

и волосах, а так же и в мехе Лунной Тени — все скрывающем одеянии. На мгновение мысли Таравасси задержались на том моменте, когда ей придется пройти через Звездный Источник — похудевшее, изможденное тело она оставит и войдет в новую жизнь. Она знала, что тело было всего лишь оболочкой для той субстанции, которая будет переброшена в глубины вселенной, оболочкой, которая снова будет создана, конечно, без тех внешних признаков, которые добавила ей рука, безжалостная рука жизни. Она видела лицо своей матери — здоровое и волевое, как она этого ожидала — она ухватилась за это видение, чтобы не думать о той бесконечной черноте, которая подстерегает ее в темной беспредельности.

Наконец, они достигли покрытого снегом купола Посадочной площадки. Она медленно вошла внутрь, чувствуя себя здесь чужой, Лунная Тень вошел следом за ней. Она услышала неравномерную поступь своей раненой ноги, обратила внимание на ее молчание, такое характерное для нее ранее, увидела этот символ успеха, который был так неестественен среди аппаратуры внутри купола. Никто ее не ждал, но бот стоял наготове. Она была рада этому, никто не должен был ждать ее, она не хотела тратить время на раздумья и

колебания.

У входа в прозрачную оболочку бота она задержалась. Лунная Тень стоял рядом с ней и рассматривал бот с выражением полного непонимания. Она указала на опалового цвета небо над головой, однако он все еще не понимал. Она протянула ему руку и показала на изображение маленькой жемчужины, приближающейся к хрустальному кораблю, где их ждет Звездный Источник. Он отступил назад, шерсть на его загривке стала дыбом при мысли о полете, и в человеческом языке не было слов, которые были бы в состоянии передать его страх. На мгновение выражение страха на его лице сменилось наслаждением, но потом он снова с беспокойством глянул в сторону.

Боль охватила ее. Нет, она не могла, не могла бросить его, не таким образом… Как-то они должны были оба пройти этот путь, который даст им возможность разгадать эту последнюю тайну. Она сделала ему знак рукой, чтобы он следовал за ней в бот.

Он кивнул головой, страх не исчез с его лица, но он был побежден внезапной решимостью. Лунная Тень ударил себя в грудь.

— Я не забыл. Буду ждать возвращения и нико-

гда не забуду! — он присел на корточки и жестом показал, что будет ждать. Что бы ни произошло, он будет ждать ее возвращения.

Она кивнула, приняв во внимание знания Шамадакс и вспомнив о том, что Звездный Источник больше никогда не транспортировал туземцев. Она знала, что путешествие было только делом, зависящим от ее решения, ее мужества и ее сил, что их разделение было только той ценой, которую она должна была заплатить, проверкой ее силы воли.

Лунная Тень снова встал и положил обе руки ей на плечи, причем он смущенно смотрел в ее сторону, пока она разглядывала его. Его голос был очень тих и он повторял одно и то же:

— Моя сестра… моя сестра…

— Да, мой брат… мой брат… мой брат, до свидания… — Она оттолкнула его прежде, чем силы ее воли иссякли, и пошла внутрь бота. Она смотрела на его серебристое лицо и спектр разнообразных чувств, которое оно отражало, видела его недоверчивое удивление, когда он поднялся. Фигура его исчезла, когда бот покинул купол и планета осталась внизу. Она чувствовала, что часть ее осталась с ним, и одновременно чувствовала, что часть его всегда будет в ее душе. И поняла,

что она ошиблась, когда думала, что она, может быть, будет забыта всеми… серый туман облаков окутал бот.

Таравасси прошла через посадочный туннель из бота в корабль. Ее ноги шагали по хрусталю, голова ее была среди звезд. Где-то звучала музыка, громко и мелодично. Поверхность стен была покрыта темными и кроваво-красными пятнами. Она остановилась в хаотичном беспорядке, царящем в комнате ожидания, закрыв уши, глаза ее были широко распахнуты. Что же это было? Цветоорган? Невозможно было представить, что это создала Мирро! Тогда она закрыла глаза, но не могла закрыть свой мозг от этой почти невыносимой вибрации. ТЫ ЗНАЕШЬ, КАК ЭТО БУДЕТ! ТЫ ЗНАЕШЬ ЭТО ТОЧНО С ТОГО САМОГО МГНОВЕНИЯ, КАК ТЫ УВИДЕЛА РЕЗУЛЬТАТ СВОЕЙ ИГРЫ. ИДИ ДАЛЬШЕ И ВЗГЛЯНИ ПРАВДЕ В ГЛАЗА…

Она пошла дальше по коридору, шагая теперь быстро, чтобы достичь комнаты, где всегда играла Мирро, где она все еще ткала свою светозвуковую паутину, окруженная диссонирующей звуковой завесой, являющейся для нее прекрасным образцом совершенства. Таравасси, ужасаясь, стояла у входа, она хотела закричать, хотела оторвать от

пульта инструмента одинокую фигуру, которая никогда не создавала настоящей музыки, хотела, чтобы она прекратила играть… хотела, чтобы она прекратила… Но она знала, что совершенно бесполезно бороться против действия читты, что она ничего не добьется…

Преследуемая тенями, созданными игрой Мирро, она вошла в комнату грез. Грезящие там лежали так же, как прежде или бесцельно блуждали вокруг, с удивлением рассматривая далекие звезды. Некоторые из них взглянули на нее, когда она вошла, но без всякого удивления или интереса. Поношенная одежда мешками висела на их истощенных тенях-телах. Их лица, которые она знала много лет, были похожи на маски, они казались чужими лицами с запавшими глазами, ввалившимися и без различными ко всему. Запах читты, человеческого тела и несвежей одежды вызвал у нее отвращение… Кто-то, спотыкаясь, двинулся к ней. В приближающемся человеке она узнала Сабовина, который, со своей стороны, узнал ее между долгими секундами временного прояснения. Он легко коснулся ее, усмехаясь бездумно и равнодушно.

— Ты уходила…

— Сабовин, — ее руки схватили его за воротник

и потрясли его. — Послушай меня. Ты не должен больше пить читту, вы все должны покончить с этим! Читта приведет вас к гибели — вы должны умереть! Прошу, ПРОШУ ТЕБЯ, выслушай меня! — внезапно она ясно вспомнила сумасшествие Андара.

— Позволь мне поцеловать тебя, Таравасси… я снова пойду грезить, но прежде всего позволь мне поцеловать тебя — его рука погладила ее по волосам, словно он не мог вспомнить, зачем он это делает, борода его защекотала ей щеку. Она оттолкнула его от себя. С отвращением на лице она смотрела как он, все еще улыбаясь, отрешенно упал на софу.

Она начала подъем на спиральный пандус на другой стороне помещения и, не останавливаясь, прошла да края Звездного Источника. Она встала перед ним на колени и с удивлением смотрела на бесчисленное множество звезд, которые едва заметно двигались по лазурно-голубым световым линиям. Она провела рукой сквозь прохладный, не оказывающий сопротивления сине-зеленый туман и попыталась разглядеть отражение своих собственных глаз в бездонной глубине. И за этим отражением, далеко позади него, она увидела улыбку Андара и лицо ее матери. Они оба улыба-

лись. И квинтэссенция ее существа, которое все еще хранило ее, равнодушно воспринимала то, куда она шла. И это нечто, которое всегда было ее частью, оказалось равнодушным к тому, что с ней должно было случиться. Вид бессмертия, вечное пламя… Она медленно поднялась и шагнула через край. Тихо и беззвучно отдалась она океану.

Эпилог

И Лунная Тень получил обратно тело Тараваси, в хрустальной слезе спустившееся с такого же хрустального корабля, где находился Звездный Источник. Он спрятал ее тело, и где он ее похоронил, не знает никто, потому что обычай братства требует, чтобы злые духи как можно дальше держались от мертвого. Он провел церемонию читты, чтобы вызвать назад из молчаливой дали душу своей сестры по братству в том случае, если она не найдет лучшего дома. Однако, о чем он грезил, и грезил ли вообще, не знает никто.

Потом, как он и обещал, он стал ждать ее возвращения. Он ждал тридцать лет, преследуемый и травимый жителями города, Настоящими Людьми, своим народом. Однако за это время она не вернулась назад.

И через тридцать лет он умер, и не было среди

его народа того, кто совершил бы для него церемонию читты, чтобы дать его душе заслуженный покой, потому что он был последним из Братства Звездных Людей.

Так гласит легенда о Лунной Тени и Таравасси.

Ученик торговца

Джейгит Кэтчетурианц — на первый взгляд обычный странствующий торговец. Но свои товары он продает не в разных местах, а… в разных эпохах, наблюдая за изменениями жизненного уклада с течением времени. После очередного хронопутешествия он оказывается в странном мире со средневековым уровнем развития и пытается понять, что же нарушило ход эволюции.

Властелин Файфа лорд Бакри I сидел, лениво развалясь на троне и смотрел, как два его младших сына в шутку сражаются в пустом зале для аудиенций. Кинжалы были деревянными, но соперничество самым настоящим, и мальчик помладше явно проигрывал. Лорд Бакри начал теребить тяжелую золотую серьгу. Стройный темноволосый Ганабан был его тайным любимцем. Мальчик унаследовал от отца и внешность, и склад ума.

Повелитель Равнинных Земель был высоким мужчиной, его некогда каштановые взъеро-

шенные волосы уже начали седеть на висках. Голубые глаза на худощавом лисьем лице все еще взирали на мир с приводящей в замешательство резкостью, хотя многолетний опыт и научил его прятать свои мысли. Более двадцати лет прошло с тех пор, как он выиграл в битве за власть над своими землями. Не будь он умен и осторожен, он бы не удержал в руках опасное место правителя. Сейчас, когда Ганабан крикнул: «Трэйс, посмотри, что там!», в его глазах вспыхнуло столь не свойственное ему выражение одобрения. Стоило брату отвлечься, отвернувшись, как Ганабан хорошенько ударил его в грудь.

— Я тебя сделал, — радостно закричал Ганабан. Трэйс скривился от досады.

Их отец тихонько засмеялся, но выражение лица мгновенно изменилось, когда он услышал шум снаружи залы. Тяжелые прозрачные двери в дальнем конце комнаты с треском распахнулись. Гонец с Равнинных Земель прорвался сквозь стражу, пересек огромный с высокими потолками зал, в котором эхом отдавались все звуки, и склонился в низком поклоне. Его ружье с грохотом свалилось на пол.

— Ваша светлость.

Лорд Бакри щелкнул пальцами, и его сгораю-

щие от любопытства сыновья молча покинули комнату.

— Поднимись, — сказал он нетерпеливо. — Что, в конце концов, это значит?

— Ваша светлость, — гонец поднял запылившееся лицо, мысленно вздрогнув, услышав тягучее произношение лорда — уроженца Нагорных Земель. — Ходят слухи, что морские королевства собрали новую армию. Сейчас они переходят через прибрежные горы, и…

— Невозможно. И полугода не прошло, как мы разбили их на голову.

— Они набрали множество людей на побережье, ваша светлость. — Даже поза всадника выражала извинения. — И Джейли Акульи зубы заключил на этот раз договор с Южными Землями.

Лорд Бакри фыркнул.

— Сколько помню, они всю жизнь были заклятыми врагами. — Он нахмурился, теребя серьгу. — Единственное, что их объединяет — это я. Проклятие.

Он рассеяно выслушал отчет наездника, затем резко поднялся, запоздало решив отпустить гонца. Пока плавно закрывались тяжелые двери зала, он уже шел широкими шагами к лифту мимо ко-

лонны с баллистическим транспортировщиком, ведущим к выходу, которым не пользовались более тридцати лет. Мягкие подошвы обуви с Нагорных Земель неслышно скользили по холодному полированному полу.

С башни замка он оглядел необъятную ширь своих владений, богатых, совершенно плоских пахотных земель, расположенных в тянущейся на многие километры долине. Именно эти земли жаждали получить Юг и Запад. Сейчас поля были темными из-за вспаханной земли, готовой для весенних посевов. Нет времени собирать армию. Он был уверен, что его враги прекрасно об этом осведомлены. День стоял исключительно ясный, и на восточном рубеже открывающейся перед ним панорамы, он мог различить пурпурную стену седых гор: — Нагорные Земли, в которых он родился и в которых заключалось сейчас нечто даже более для него важное.

Сухой ветер ворошил его волосы, в то время как он сквозь тридцатилетие смотрел назад в прошлое. Загорелые руки обхватили зеленоватую черноту древних цельных перил. «Будь ты проклят, мистер Джаггед! — бросил он ветру. — Где твое волшебство, когда я в нем *нуждаюсь?»*

* * *

Торговец пришел к Границам Темного леса с востока в тот день, когда Виму Бакри исполнилось семнадцать лет. Лето только начиналось, и Вим все еще видел, как искрятся солнечные лучи, падая на снег, который покрывал поросший соснами холм, возвышающийся над Границами. Пласты снега на тех холмах, что повыше, таяли в последнюю очередь, заливая овраги, которые большую часть года стояли сухими, превращая Маленько-большую Речушку в холодный шумный поток, изливающийся на землю внизу лачуг на северной стороне дороги. Еще неделю назад Восточный Перевал покрывали более тридцати футов снега.

Что-то вроде молчаливого оцепенения охватило горожан, в то время как они смотрели на торговца, волочившего повозку по восточной дороге в направлении Границ. Фургон был примерно десять футов в высоту и пятнадцать в длину с резными ярко раскрашенными деревянными стенками, которые уходили от колес вверх, резко наклоняясь, и венчались остроконечной крышей. Глаза Вима широко распахнулись от удивления, когда он увидел эти колеса — длин-

ные и тонкие, словно ива, но тем не менее более пяти футов в ширину. Под весом повозки они на полфута, а то и больше, уходили в дорожную грязь, но разрезали ее без сопротивления и не оставляли колеи.

Несмотря на это, торговец сгибался почти вдвое, волоча свой груз. Мужчина был низкорослым и грузным, а его кожа намного темнее той, что когда-либо доводилось видеть Виму. Заостренная черная бородка задиралась под определенным углом, когда он, пошатываясь, брел по колее по лодыжки в грязи. Над икрами светилась чернотой и чистотой кожа гетр с вытесненным на ней узором. Несколько вялых псов осторожно увивались вокруг, пока он с трудом тащился по середине дороги. Он не обращал на них внимания, так же как не обращал внимания на глазеющих горожан.

Вим резко передвинул пустую кружку назад к Оунзу Рампстеру, который сидел ближе всех к двери таверны. «Еще», — сказал он. Оунз выругался, встал со ступенек и исчез в таверне.

Вим ни на секунду не отрывал взгляда от торговца. Когда смуглый человек достиг того места, где дорога в центре города расширялась, он затащил повозку прямо в грязную трясину, где

некогда стоял дом Вдовы Хенли, пока его не разрушила Маленько-большая Речушка. Теперь к незнакомцу было приковано всеобщее внимание. Даже городской кузнец оставил меха и стоял в дверном проеме, выпучив на торговца глаза.

Пока торговец ногой опускал тормозное приспособление позади раскрашенного фургона и закреплял его в грязи, спина его была повернута к горожанам. Затем он возвратился к передней части повозки и повернул несколько колесиков внутри деревянной обшивки. Узкая подвесная дощечка, выкрашенная в голубой цвет, отделилась сверху от фронтона и стремительно завибрировала. Из фургона раздалась резкая, металлическая, свистящая мелодия. Этот звук опустошил таверну и привел на улицу оставшихся жителей Границ. Оунз Рампстер чуть не свалился с деревянных ступеней, торопясь разглядеть источник музыки. Он тяжело опустился, протянув Виму наполненную вновь кружку. Вим даже не заметил.

Когда торговец повернулся к толпе, жуткая музыка прекратилась, и речушка громко шумела в тишине. А потом маленький человек прогремел неожиданно низким голосом: «Меня зовут Джейгит Кэтчетурианц, и я торгую коваными изделиями. Иглы, тесла, клинки — нужны они

вам?». Он потянул за щеколду на стенке фургона и из нее выскочила панель, открыв взорам ряды сияющих игл и лезвий для ножей, настолько острых, что Вим мог видеть только сверкание в тех местах, куда падал солнечный свет. «Подходитека, люди добрые, сюда. Посмотрите, потрогайте. Скажите, что вы можете за них дать?». Приглашение не пришлось повторять дважды — он был окружен в мгновенье ока. Поскольку горожане сомкнулись сплошной стеной, он взобрался наверх на несколько ступенек, которые находились сбоку фургона, чтобы его можно было различить сквозь толпу.

Парни Вима вскочили на ноги; но он сидел неподвижно, на заостренном лице застыло решительное выражение. «На место», — сказал он, довольно громко. — У вас глаза почти выскочили из орбит. Они сдерут с нас шкуры значительно быстрее, если мы что-нибудь предпримем здесь. Слишком много народа. «На место!» Он пнул с боку голень ближайшего из них, Батекара Хенли; все сели. «Пьяница, дай-ка мне одно из ваших кольц, то большое».

Младший брат Оунза Рампстера впился в него взглядом, затем вытащил из грязного шерстяного манжета кулак с драгоценностью и протянул

Виму. «Как получается, Вим, что ты внезапно становишься таким храбрым?» Он с раздражением опустил кольцо в его руку. Вим отвернулся, не удостоив парня ответом, и передал массивный кусок золота пухлой, симпатичной подружке Батекара.

«Ну, Эмми, просто иди к тому фургону и позаботься о том, чтобы купить нам несколько клинков. Не слишком длинных, скажем, таких, — он вытянул пальцы. — И выясни, как они крепятся на стойке».

«Конечно, Вим». Она поднялась со ступеней и засеменила по грязной дороге к толпе, окружившей фургон торговца. Вим поморщился, раздумывая о том, что красное вязаное платье, которое купил ей Батекар, возможно чересчур маленькое.

Разглагольствования торговца продолжались, почти заглушая шум Маленько-большой Речушки. «Просто опробуйте свои клинки на моих, друзья. Давайте. Смотрите, вы не оставили на них ни царапины, видите? Ну и сколько они стоят, друзья? Я беру золото, серебро. Или ремесленные изделия. И мне нужна лошадь — свою я потерял, спускаясь по тем чертовым тропам». Он махнул рукой на Восточный Перевал. Ряды горожан со-

мкнулись еще плотнее, поскольку каждый из них пытался изыскать возможность испытать сверкающий металл и предложить цену, которая бы устроила торговца. Эмми мастерски лавировала в толпе; через несколько секунд Вим уже видел ее красное платье в первых рядах. Она восторженно поглаживала товары, соревнуясь с остальными за внимание незнакомца.

Ганабан Крой поменял положение своего массивного тела на жесткой деревянной ступеньке. «Три золотые свиньи говорят, что пришелец — с нижнего запада. Он просто пришел с востока, чтобы между нами появились пересуды. Никто не делает такие ножи к востоку от перевала».

Вим едва заметно кивнул. «Возможно». Он наблюдал за торговцем и теребил пальцами толстую золотую серьгу, наполовину спрятанную за взлохмаченными каштановыми волосами.

Через дорогу от него продавца с четырех сторон забрасывали предложениями о сделках. Многие горожане хотели продать меха или арбалеты, но Джейгита Кэтчетурианца они не интересовали. Это значительно сузило круг его потенциальных покупателей. Даже когда он яростно спорил со стоящими внизу, его быстрые темные глаза стреляли вверх и вниз по улице, не обойдя вниманием

и компанию у таверны, на миг они остановились на Виме, как будто пронзив его.

Торговец снял со стойки несколько лезвий и передал их вниз, очевидно получив в оплату металл. Эмми досталось по крайней мере два. Затем, добиваясь тишины, он поднял руки. «Люди, я действительно сожалею, что свалился вам как снег на голову, и вы все не были готовы к моему приходу. Давайте разойдемся сейчас и повторим попытку завтра, когда вы сможете принести то, что имеете для торговли. Я, возможно, буду брать некоторые меха. И приводите также лошадей, если хотите. Так как мне одна нужна позарез, я отдам два, возможно, три тесла за хорошую лошадь или мула. Хорошо?»

Не тут-то было. Несколько разочарованных горожан попробовали сорвать товары со стойки. Вим заметил, что у них ничего не вышло. Торговец потянул за шнур в передней части повозки и стойка развернулась внутрь, вместо нее снова появилась резная деревянная обшивка. Когда толпа поредела, Виму стало видно Эмми, которая сжимала в руках два ножа и кусочек ситцевой ткани. Она все еще о чем-то горячо говорила с торговцем.

Торговец снял с талии серебристую цепь, пропу-

стил через колеса телеги, а затем обмотал вокруг ближайшего дерева. После этого последовал за Эмми назад через дорогу.

Оунз Рампстер фыркнул. «Уверен, это просто детская забава. Спорю, что мы без труда ее разломаем».

«Возможно». Вим снова кивнул, не слушая. Его глаза стали синими от гнева, когда Эмми подвела торговца прямо к ступеням таверны. «О, Батекар, только взгляни, какие чудесные иглы продал мне мистер Кэтчетур». Пьяница вскочил на ноги. «Ты! Тупая маленькая, маленькая... мы сказали тебе купить ножи. Ножи! А ты спустила мое кольцо, чтобы купить иглы!». — Он вырвал ткань из рук Эмми и принялся рвать ее на кусочки.

«Эй! — Эмми начала колотить его в бессильной ярости, хватаясь за свою добычу. — Батекар, пусть он остановится!» Батекар и Оунз опустили Пьяницу на место, вернув ей иглы и ткань. Эмми надула губы. «Страшный мужлан».

Вим нахмурился и выпил, не выпуская торговца из виду. Смуглый чужеземец стоял, разглядывая всех по очереди. Руки свободно болтались по бокам, а на губах играла едва заметная улыбка, спокойные черные глаза не пропускали ни одной детали. Такие глаза совсем не подходили к

упитанной физиономии торговца. Вим неловко заерзал, терзаясь какой-то неуверенностью. Но он стряхнул с себя это чувство. Непонятно, какие у них тут шансы, чтобы начинать состязание, исход которого не очевиден. Он встал и протянул руку. «Меня зовут Вим Бакри, мистер Кэтчетур. Прошу простить за поведение Пьяницы, он все время навеселе, это уж точно».

Торговцу пришлось слегка приподняться, чтобы пожать ему руку. «Люди обычно зовут меня просто Джейгит. Рад познакомиться. Мисс Эмми сказала мне, что ты и твои друзья иногда нанимаетесь охранять людей вроде меня».

За его спиной Батекар стоял, открыв рот. Эмми самодовольно улыбалась. Время от времени она доказывала, что не столь глупа, как кажется.

Вим благоразумно кивнул. «Случается. И дело стоит того, чтобы иметь нас на службе». В этих горах множество воров, но большинство из них попятится, завидев шесть добрых лучников. Он взглянул на Пьяницу. «Пять добрых лучников».

«Вот и хорошо». Маленький толстый человек ласково улыбнулся, и мгновение Вим недоумевал, чем это лицо могло его так насторожить. «Хотелось бы предложить вам работку».

* * *

Вот так они начали спускаться с высоких гор. Было самое начало лета, но в Нагорных Землях оно больше напоминает шумную весну. Под сверкающим голубым небом всюду по земле распространяется зелень, оттесняя мрачные холмики тающего снега и покрывая выходящие на поверхность пласты гранита. Полноводные ручьи подпрыгивали и, журча, бежали вниз по горным долинам, проносясь сквозь водопады и пороги, которые вдребезги разбивали воду, превращая ее в пену и раскидывая блестящим покрывалом едва ли ни в дюйм глубиной над горными породами. Рваные вершины, окаймленные шкурами ледников, оставались все дальше и дальше, и все же день не становился теплее. Ледяная вода кругом не давала воздуху прогреться.

Торговец и шесть его «защитников» шли извилистым тропами сквозь глухой болотистый сосновый лес, прерываемый альпийскими лугами, на которых цвели яркие, подобные звездам, цветы, а невысокая трава на пригорках заставляла лодыжки болеть от усталости. Они проходили мимо болот, где даже в такой холод роились тучи комаров, и высокие мокасины Вима пронзитель-

но скрипели на мягкой сырой земле.

Но ближе к вечеру отряд дошел до Тропы в Ведьминской Низине, и путь для лошади, тащившей фургон торговца, стал легче. Где-то впереди отряда Оунз Рампстер занимал лидирующее место, вдалеке по бокам шли толстый Ганабан, Батекар и Коротышка, в то время как Пьяница Рампстер, сейчас почти трезвый, прикрывал тыл. В Нагорных Землях даже грабители, особенно грабители, путешествуют с предосторожностями.

Большую часть дня Вим провел в молчании, слушая журчание воды, ветер, щебечущих среди сосен птиц — прислушиваясь к звукам людского вероломства. Но, похоже, вокруг никого не было. Он видел только одного земледельца в четырех милях от Границ Темного леса, и с тех пор ни души.

Вчера торговец расспрашивал его об этих землях и о том, сколько людей живет вблизи Границ, чем они зарабатывают на жизнь. Он, казалось, расстроился, услышав, что в окрестностях обитают в основном лишь бедные, живущие далеко друг от друга земледельцы да охотники. Сказал, его товары из разряда тех, что скорее заинтересуют богатых горожан. Вим тут же заявил, что он один из тех немногих людей с Нагорных

Земель, которые когда-либо бывали в Великой Долине и доходили до огромного города Файф, и что они будут более чем рады сопроводить его до Равнинных Земель — за вознаграждение. Если за толикой жадности скроются их истинные намерения, то тем лучше. А предоплата торговца, выданная странными усеянными драгоценными камнями серебряными шариками, только предала больше искренности заинтересованности в его планах на будущее.

Вим бросил взгляд на торговца, идущего сбоку от него рядом с пятнистой лошадью, запряженной в повозку. Вблизи он казался даже более примечательным, чем на расстоянии. Его прямые черные волосы были подстрижены невероятно аккуратно у основания шеи, Вим задумался, надевал ли он на голову миску, чтобы стричь вокруг. И от него странно пахло, не то чтобы неприятно, но скорее старой хвоей, чем человеком. Серебряная нитка, которой была прошита рубашка из мягкой кожи, была тоньше, чем Виму доводилось видеть. Будет совсем не плохо получить такую рубаху, Вим рассеяно потянул рукой за петли бус и гладкий металл, которые висели поверх его собственной льняной рубашки.

Они уже прошли около полумили, когда Вим

решил поведать: «Это называют Ведьминской Низиной. Есть поверье, что раньше у людей было волшебство, и они могли летать по воздуху на хитрых приспособлениях. Один из них утратил волшебство недалеко отсюда. Еще двадцать лет назад можно было найти место, где лежат кости и кусочки стали, как я слышал, целиком покрытые ржавчиной. Некоторые говорят, что эта тропа через низину также не обычная».

Джейгит не ответил, брел, опустив вниз голову, заостренная черная борода загибалась на груди. Впервые с того времени, как началось путешествие, его, казалось, не интересовал ландшафт. Наконец он произнес: «Сколько, ты считаешь, прошло времени, с тех пор как летающее приспособление рухнуло здесь?».

Вим пожал плечами. «Мой дед слышал историю от своего собственного деда»

«Хм. И это все… волшебство, о котором, как ты слышал, рассказывают?»

Вим решил не говорить торговцу о том, что он знал о городе Файф. Это, наверное, напугает маленького человека так, что он повернет обратно, и это станет причиной преждевременного противоборства. «Ну, у нас есть в горах ведьмы, вроде двоюродной сестры Вдовы Хенли, но

большинство из них ненастоящие, по крайней мере те, которых я видел. Только внешний вид и несчастья, которые, как говорит народ, идут в наказание за грехи, — ухмылка скривила его лицо — ну, а о волшебстве я ничего не знаю. А чего вы ожидали?»

Джейгит покачал головой. «Нечто большее, чем ничтожные неудавшиеся ведьмы, можешь не сомневаться. Чем больше смотрю на страну, тем больше убеждаюсь, это не то место, откуда я отправлялся в путь».

Следующую милю они шли в молчании. Тропу пронзал гранитный гребень. Вим мельком увидел Ганабана слева, высоко наверху, параллельно фургону. Его лицо было красным от напряжения. Он быстро махнул им, показывая, что все в порядке. Вим также посигналил ему и вернулся к размышлениям о необычном маленьком человеке, который шагает сбоку от него. Почему-то он продолжал вспоминать вчерашний день, Ганабан пожаловался: «Вим, не нравится мне этот коротышка. Говорю же, что надо его бросить». Снова пришло ощущение надвигающейся беды и огромная, как никогда, злость на самого себя. Он резко бросил: «Трусишь, Ган? То, что парень странный, вовсе не значит, что у него дурной

глаз». И знал, что не убедил ни его, ни себя.

Может быть, почувствовав направление его молчания или, может быть, по другим причинам, торговец начал говорить снова. На этот раз не о том, куда он направлялся, но, скорее о себе самом и о том, откуда он пришел, о месте под названием Шарн, земле, на которой творились такие чудеса, что если бы Вим услышал рассказ от кого-нибудь другого, он бы рассмеялся.

Потому что Шарн — это земли где правили настоящие маги, где летающие приспособления были бы примечательны только своей заурядностью. Шарн — огромные земли и одновременно город, город, где нет улиц, это один блестящий, живой кристалл, который снопами света бросает вызов небесам. И люди из страны Шарн благодаря своей магической силе сделались похожими на богов. Они носили одежду из тончайшего шелка, летали в небо на молниях, пока гремел гром, переговаривались друг с другом через мили. Они спускались под воду теплых пограничных морей, погода повиновалась им, и они оставались молодыми столь долго, сколь жили. Волшебство превратило их в грозных воителей и могущественных завоевателей, так как они могли убить чуть ли не одной мыслью и кивком головы. И

если их раздражала гора, они в одно мгновение могли ее разрушить. Вим подумал о Нагорных Землях и содрогнулся, потрогав костяную рукоять ножа, пристегнутого ремнем к ноге.

Джейгит пришел в Шарн из страны, которая располагала еще дальше на восток и была значительно примитивнее. Он остался и овладел тем волшебством, которое было ему под силу. Товары, которые он привез в Шарн, пользовались успехом и за них платили немалую цену. За время, проведенное в волшебных землях, он овладел некоторыми не очень мощными шарнскими заклинаниями. Потом он ушел, чтобы найти место сбыта для этого приобретения, в земли, где знали волшебство, но не так глубоко, как в Шарне.

Когда торговец закончил рассказ, Вим увидел, что солнце почти докатилось до горных хребтов к востоку от них. Несколько минут он шел, искоса глядя на закат, пытаясь обнаружить следы потерянных земель Шарн.

Тропа изогнулась под углом в девяносто градусов, направляясь вниз через небольшую долину. Наполовину спрятанный в сгущающемся полумраке, который сейчас расползался по земле, шаткий деревянный мост пересекал реку. По ту сторону моста в неожиданном свете солнца

сосны карабкались на затемненные склоны гор. Вдоль гряды холмов, расположенных чуть дальше, чем в миле, десять или двенадцать громадных, одиноких деревьев ловили, возвышаясь над лесом, свет.

«Мистер Джейгит, вы — лучший лгун, которого я встречал в своей жизни». Вим упорно гнал от себя страх, чувствуя, как торговец спокойно смотрит ему в лицо, в то время как сам он показывает рукой за долину. «Мы думаем устроиться на ночь как раз за той грядой. В месте, которое называется Дедова роща. Возможно, вы никогда не видели таких больших деревьев, даже в Шарне!»

Торговец вглядывался в умирающий закат. «Возможно, — сказал он, — в любом случае я, конечно же, хочу посмотреть на такие большие деревья».

Они шли вниз от солнечного света к поднимающейся темноте. Вим мельком увидел высокую фетровую шляпу Оунза, когда он вынырнул из тени на другой стороне долины, но никого из остальных ребят заметить не удалось. Вим и торговец были вынуждены оставить Тропу в Ведьминской Низине. Для лошади с повозкой передвижение затруднилось, но несмотря на это, они достигли края Дедовой Рощи менее, чем за

полчаса, минуя одно из высоченных деревьев, затем второе и третье. Низкие жердеобразные сосны стали тонкими, а потом и вовсе исчезли. Впереди были только дедовы деревья, их шероховатые полосатые стволы казались красно-коричневыми и золотыми в умирающем свете солнца. Легкий ветерок, который с ними вместе пересек долину, рев реки позади, все звуки растворились в кафедральной тишине, остался лишь прохладный неподвижный воздух и золотые деревья. Вим остановился и откинул голову назад, чтобы поймать даже мимолетное колыхание самых низких ветвей, унизанных колкой золотисто-зеленой хвоей. Это была их земля, и он знал не один рассказ, в котором говорилось, как деревья охраняют ее, не пуская опасные существа, сохраняя воздух прохладным, а почву ароматной и слегка влажной на протяжении всего лета.

«Сюда», — слева раздался приглушенный голос Ганабана. Они обошли вокруг двадцатифутового ствола и обнаружили Ганабана и Батекара, разжигающих небольшой костер при помощи лучин, которые они подобрали в роще. Вим знал, что кора дедовых деревьев очень плохо горит. Трепещущее пламя осветило огромную темную впадину за их спинами: ствол древнего дерева

разрушился, образовав пещеру, в которой могли найти ночное убежище путешественники.

К тому времени, как они поели и поменяли дозорных, солнце село. Вим потушил костер, и единственным источником света стал серп месяца, катящийся вслед за солнцем на запад.

Вим заметил с возрастающим раздражением, что торговец и не пошевелился, чтобы пойти спать. А неподвижно сидел, скрестив ноги, в тени своего фургона. Он надел темное пальто от холода, и был практически невидим. Однако Вим думал, что он смотрит вверх на небо. Молчание тянулось все то время, пока Вим не решил, что ему надо прикинуться спящим до того, как уснет торговец. Наконец, Джейгит встал и подошел к задней части фургона. Он открыт крошечную заслонку и переместил два предмета.

«Что это?», — спросил Вим, испытывая одновременно и любопытство, и подозрение.

«Просто немного безобидного волшебства». Он поставил одно устройство вниз на землю, по виду оно напоминало брусок с ручкой на одном конце. Вим подошел к торговцу, пока тот устанавливал второй предмет на уровне глаз. Второе устройство выглядело куда как сложнее. Оно мерцало, почти искрилось в тусклом свете луны, и Вим подумал,

что видит зеркала со странными линиями по бокам. Крошечный пузырек плавал вдоль боков в трубке. Торговец взирал через устройство на разбросанные по небу бледные звезды, заметные среди ветвей. Наконец, он поставил устройство назад в фургон, и подобрал брусок. Вим осторожно смотрел на торговца, в то время как остальные удалились в направлении дерева-пещеры, брусок уж слишком напоминал оружие.

Джейгит нажал что-то у ручки бруска, и в роще раздался жуткий вой. Он вскоре растаял в тишине, но Вим был уверен, что теперь передняя часть бруска вращается. Джейгит поместил его напротив серебрящейся в лунном свете коры дерева-пещеры, и верхний конец начал без напряжения пробираться внутрь массивного ствола.

Голос Вим слегка дрожал. «Это… это кое-что из вашего шарнского волшебства?»

Торговец мягко засмеялся, заканчивая свой эксперимент. «Едва ли. Шарнское колдовство гораздо изощреннее, намного проще выглядит. А это лишь простые чары, чтобы прочитать Знаки».

«А-а». Вим явно колебался, испытывая страх, смешанный с любопытством. В стволе дерева-пе-

щеры появилась глубокая аккуратная дырка. *То, что парень странный, Ган, вовсе не значит, что у него дурной глаз…* Вим инстинктивно скрестил пальцы. Потому как дело явно шло к тому, что торговец, по-видимому, вовсе не был самым большим в мире *л*жецом, а это значило… «Может, я лучше проверю, как там устроились ребята».

Когда торговец не ответил, Вим развернулся и быстро пошел прочь. По крайне мере, он надеялся, что выглядит это именно так, самому ему казалось, что он бежал. Он прошел мимо Оунза, наполовину скрытого гигантским пнем. Вим ничего не сказал, но показал жестом, чтобы тот продолжал наблюдать за торговцем и фургоном. Остальные стояли в ожидании у среднего размера дедова дерева, примерно в сотне ярдов от дерева-пещеры, в месте, о котором они условились в последний вечер на Границах Темного леса. Вим в молчании двигался по упругой земле, огибая остатки того, что некогда, похоже, являлось одним из огромнейших деревьев в роще — четырехсотфутовая громадина, которую поразила болезнь, и через годы она рухнула. Большущий диск разрушенной корневой системы взмыл в воздух больше, чем на тридцать шагов. Вим по сравнению с ним казался очень маленьким, ко-

гда он, тяжело спрыгнув вниз, встал рядом, сбоку от Ганабана.

Батекар Хенли зашептал. «Я оставил Оунза и Пьяницу охранять».

Вим кивнул головой. «Вряд ли это имеет значение. Мы не тронем этого торговца».

«Что?!», — восклицание Батекара прозвучало громко от удивления. Он лишь слегка понизил голос, когда стал продолжать. «Одного парня? Ты испугался одного парня?»

Вим угрожающим жестом призвал к молчанию. «Вы слышали меня. Ганабан был прав, этот Джейгит чертовски опасен. Он колдун, у него дурной глаз. И у него там нечто вроде ножа, который может без труда проникнуть в дедово дерево! И его манера говорить, это самое незначительное…»

Его прервали приглушенные ругательства остальных. Только Ганабан Крой молчал.

«Ты сошел с ума, Вим, — произнесла громоздкая тень Коротышки. — Мы прошли сегодня пятнадцать миль. И ты заявляешь, что все зря. Эдак нам проще заняться земледелием, чтобы заработать себе на жизнь».

«Мы все-таки кое-что получим, но, похоже, на какое-то время должны стать честными. Я думаю, проводить его вниз, скажем, до того места, где

начинаются лиственные леса, а затем довольно вежливо попросить дать половину того, что он обещал нам на Границах».

«Я уверен, как сам сатана, что не попрусь провожать никого на такое расстояние вниз в Долину». Батекар нахмурился.

«Ну тогда можешь просто развернуться и пойти назад. Пока здесь управляю я, Батекар, не забывай. Мы уже и так кое-что получили с этого дела. Серебряные шарики, которые он дал нам в качестве предоплаты».

Раздался свистящий звук. Глухой шлепок. Ганабан, обессилев, упал ничком на освещенную лунным светом землю по другую сторону от тени дерева. Из его горла торчала стрела арбалета.

Пока Вим и Батекар взбирались в поисках укрытия на гниющие вывороченные корни дерева, Коротышка встал на ноги и прорычал: «Все чертов торговец!». Это стоило ему жизни. Три стрелы пронзили его на месте, и он осел на Ганабана.

Вим слышал, что те, кто на них напали, приближаются. Из того, что он мог видеть, все они были вооружены арбалетами, у его парней не было ни единого шанса при таком перевесе сил. Он еще глубже зарылся в когтистые корни, почувствовав, как нитка бус хрустнула и рассыпалась

где-то над рукой. Позади Батекар отстегивал свой собственный арбалет и вставлял стрелу.

Вим взглянул за его плечо и на мгновение, которое длится удар сердца, увидел золотисто-белое сияние в раскрашенном луной пейзаже с резко затемненным голубым блеском. Ослепленный и озадаченный, он встряхнул головой. Однако изумление вскоре вытеснили неожиданные крики. Он молился и отчаянно ругался одновременно.

Но их противники уже подошли к поваленному дереву. Вим слышал, как они протискиваются сквозь корни, и отклонялся назад все дальше, за пределы досягаемости их ножей. Совсем близко раздался еще один вскрик, и чей-то голос заметил: «Эй, Руф, я достал ублюдка, который пристрелил Рокера прошлой осенью».

Другой голос ответил: «Теперь их пять, — все, за исключением торговца и Вима Бакри».

Обливаясь потом, Вим затаил дыхание. Он узнал второй голос — Эксл Борк, старший из братьев Борк. Последние два года банда Вима стала оспаривать у рода Борков их семейное дело — воровство, и вплоть до сегодняшней ночи находчивость Вима спасала их от мести Борков. Но сегодня ночью — как же он так оплошал сегодня

ночью? Будь проклят торговец!

Он услышал, как снова обшаривают корни, теперь уже ближе. Затем чьи-то пальцы внезапно поймали его за волосы. Он дернулся, но другая пара рук присоединилась к первой и схватила его за волосы, а потом и за воротник кожаной куртки. Вима грубо выволокли из запутанного клубка корней. Он взмыл на ноги, но получил удар в живот до того, как смог убежать. Он повалился обратно на землю, хватая ртом воздух, и почувствовал, как выдергивают из ножен кинжал. Три темных фигуры маячили над ним. Тот человек, что был ближе всех к Виму, поставил тяжелую ногу ему на грудь и сказал: «Ну, Вим Бакри, лежи спокойненько, мальчик. Сегодня удачная ночь, даже если мы не поймаем торговца. Ты просто слегка свихнулся от жадности, мальчик. Мои двоюродные братья убили всех твоих бандитов до одного». Раздавшийся хохот, как стрела, пронзил Вима. «Всего пятнадцать минут и мы сделали то, чего не могли сделать последние два года».

«Лу, ты отведешь Вима в дерево-пещеру. Сейчас найдем торговца и устроим небольшое веселье с этими двумя».

Вима поставили на землю, потом сбили ударом ноги, и он растянулся поверх тел Ганабана и Ко-

ротышки. С трудом вскочив на ноги, он побежал. Но лишь для того, чтобы его повалил и избил другой из братьев Борк. К тому моменту, как он достиг дерева-пещеры его правая рука безвольно болталась, а один глаз ничего не видел из-за теплой липкой крови.

Борки попытались вновь разжечь костер. Трое из них стояли вокруг Вима в колеблющемся свете, он слышал, как остальные рыщут среди деревьев. Он мрачно размышлял над тем, почему они не могут найти на открытой местности фургон, когда они достали всех его парней.

Один из младших братьев, которому едва ли исполнилось больше пятнадцати, нерешительно забавлялся тем, что размахивал тлеющими прутиками вокруг лица Вима. Вим попытался его шлепнуть, промахнулся. Но, наконец, один из Борков, выбил горящую палку из рук мальчишки. Вим вспомнил, что право первым наказывать тех, кто провинился перед бандой, было закреплено за Экслом Борком. Оглушенный болью и отчаянием, он, извиваясь, отодвинулся от огня и прислонился к сухому упругому стволу дерева-пещеры. Одним глазам он видел, как возвращаются с пустыми руками другие Борки. Всего он насчитал шесть, но из-за слабого, едва

брезжущего света не мог рассмотреть их лиц. Единственный, кого он распознал бы наверняка, был Эксл Борк, но его коренастого силуэта пока не было видно. Двое из клана Борков прошли мимо него в черноту, где находилось самое сердце дерева-пещеры, он слышал, как они опускаются на карачки, чтобы обогнуть поворот в самом конце прохода. Торговец мог бы там спрятаться, но его фургон перегородил бы вход в пещеру. Вим снова недоуменно подумал, почему Борки не могут найти фургон, и снова пожалел о том, что встретил его на пути.

Двое парней вылезли из дерева-пещеры как раз тогда, когда в мерцающий круг света от костра, прихрамывая. шагнул Экс. Коренастому бандиту было по меньшей мере лет сорок. За эти сорок лет он проиграл положенную ему часть битв и ходил слегка согнувшись. Вим знал, что за свисающей вниз шляпой скрывается череп, испещренный шрамами, среди них была даже одна вмятина. Старший Борк подошел поближе к костру, небрежно отправляя труху и несгораемую кору в угасающее пламя. «Ну, хорошо… и куда же вы, сукины дети, гори вы все в аду, смотрели? Вы стояли в двух шагах от этого дерева, вы проткнули всех ублюдков из шайки Бакри, за исключением

Вима. Почему же вы не нашли торговца?»

«Он ушел, Экс, ушел». Мальчишке, который играл с Вимом, показалось, что он сделал открытие. Но Эксла это не впечатлило, ударом слева он отбросил мальчишку к дереву.

Один из силуэтов запинаясь заговорил. «Только не говори, что я лжец, когда я тебе расскажу, Эксл… но я ведь смотрел прямо на дерево-пещеру, когда вы пошли за остальными. Я видел торговца так же ясно, как сейчас вижу тебя. Он стоял рядом с фургоном и лошадью. Затем неожиданно случилась эта голубая вспышка, говорю тебе. Экс, она была *яркой*, и минуту я ничего не видел, а когда зрение ко мне вернулось, этого чужака и дух простыл».

«Гм». Старший Борк воспринял рассказ без видимого гнева. Он почесал левую подмышку и стал перемещаться вокруг затухающего костра туда, где лежал Вим. «Значит, ушел? Просто взял и испарился. Похоже, он желанная добыча…» Эксл неожиданно подскочил и схватил Вима за воротник, после чего поволок к костру. Остановившись в кольце света, подтянул Вима прямо к лицу. Широкие свисающие поля шляпы превратили его лицо в черную дыру, которая была куда страшнее настоящего лица.

Заметив ужас Вима, он скрипуче захохотал, и не стал поворачиваться к костру. «Давненько, Вим, я хотел преподать тебе урок. Но сейчас я могу совместить дело и удовольствие. Мы просто будем сжигать тебя по дюйму за раз, пока ты не скажешь нам, куда так спешно исчез твой дружок».

* * *

Вим едва не подавился комком, который подступил к горлу. Эксл Борк стал дюйм за дюймом подвигать его здоровую руку к огню. Больше всего хотелось прокричать правду о том, что торговец никогда не посвящал его в свое волшебство. Но он знал, что правду, как и мольбы о пощаде, никто не будет слушать. Единственный выход — врать. Врать лучше, чем он врал за всю свою прошлую жизнь. Рассказы, поведанные торговцем за день, всплыли у него в голове и приняли форму слов. «Продолжай, Экс. Веселись. Я знаю, я почти мертв. Но и вы тоже…» Плечи и шею по-прежнему сжимала мертвая хватка, но узловатая рука перестала тащить его в костер. Он почувствовал, как кисть обжигает невыносимо горячий воздух над углями. В отчаянии он заставил боль, как совсем недавно страх, отступить

и решил не обращать на нее внимания. «Почему, думаешь, я и мои ребята за день и пальцем не тронули этого торговца? Дожидались, пока угодим в вашу засаду?» Его смех звучал слегка истерически. «На самом деле, мы испугались до мозга костей. Чужеземец — колдун, он слишком опасен, чтобы его преследовать. Он может проникнуть прямо тебе в голову, задурманить ум, заставить видеть то, чего в действительности и близко нет. Он может убить, просто взглянув на тебя. Да… — на него нашло настоящее вдохновение. — Да ведь возможно, он даже убил одного из твоих распрекрасных братцев и стоит сейчас здесь, претворяясь Борком, и ты никогда не узнаешь, пока он не поразит *тебя…*»

Эксл выругался и распластал по горячей золе руку Вима. Даже ожидая этого, Вим ничего не смог с собой поделать. Он закричал громко и пронзительно. Мгновение — длинное, как никогда, и Эксл вытащил его руку из пекла. Движение расшевелило угли. Костер погас, выбросив напоследок над углями несколько злых красных языков пламени. Соперничать со светом луны остались лишь тусклые красные точки. Молчание длилось довольно долго. Вим прикусил язык, чтобы сдержать стон. Тишину прерывали лишь

легкий ветерок, который шелестел листьями в кронах дедовых деревьев на высоте в несколько сотен футов, да храпение лошади где-то поблизости.

«Эй, у нас ведь нет лошадей», — сказал один из братьев с тревогой в голосе.

Семь человеческих фигур замерли в огромной распростертой тени дерева-пещеры. На них лежали тусклые серебряные полосы света уходящей луны. Борки стояли неподвижно, смотря друг на друга. И тогда Вим понял то, что они сами должно быть уже заметили. Братьев Борк восемь. Каким-то образом торговец уничтожил одного из Борков во время нападения, да так тихо и быстро, что никто не заметил потери.

Вим вздрогнул, неожиданно вспомнив вспышку сверхъестественного бело-голубого света и заверения, которые он сделал о торговце. Если одного Борка можно так легко убить, то почему не двоих? А тогда…

«Он здесь, претворяется одним из вас!», — закричал Вим, его голос треснул.

И он почти почувствовал их ужас, который расползался во все стороны, передавался, непрерывно возрастая, от одного к другому, пока один из самых маленьких силуэтов не сломался и не

выбежал на лунный свет.

Он не пробежал и двадцати футов, как его пригвоздила к земле пущенная в спину арбалетная стрела. Несмотря на то, что беглец свалился в мягкую золотистую грязь, заговорил другой арбалет и другой брат рухнул мертвым на ноги Вима.

«Это Клайн, ты… колдун». Вновь несколько луков были готовы выстелить.

«А сейчас подождите», — заорал Эксл. Теперь осталось только пять Борков. На земле распростерлись два неподвижных тела. «Торговец поймал нас в свои колдовские сети. Мы не должны потерять голову и вычислить, кем из нас он прикидывается».

«Но, Экс, он ведь не просто маскируется, мы бы не увидели, кто он… он, он может заставить нас поверить, что он любой!»

Придавленный трупом Вим видел в ночи только пять теней. Лица были укрыты от света, а преувеличенно огромная одежда стерла какие-либо различия.

Он прикусил губу, чтобы не издать ни малейшего стона. Совсем не время напоминать оставшимся Боркам о Виме Бакри. Но адская боль ползла от кисти по всей руке, и вскоре он почувствовал ужасное головокружение. Все

расплылось и поплыло перед глазами, голова безвольно повисла…

Он снова открыл глаза и увидел, что на поляне стоят только три человека. Еще двое умерли. Их тела до сих пор подрагивали на земле.

Голос Эксла стал пронзительным от ярости. «Ты, чудовище! Ты околдовал нас, чтобы мы поубивали друг друга». «Нет, Экс, я должен был застрелить его. Клянусь, это был торговец. Переверни его. Он пристрелил Яна, после того как ты приказал нам остановиться».

«Колдун, — воскликнул третий голос. — Все они мертвы». Два арбалета натянулись и выстрелили одновременно. Два человека упали замертво.

Эксл довольно долго стоял в молчании. Один среди мертвых тел. Луна, наконец, села. И оставшиеся редкие звезды едва светили сквозь колыхающиеся ветви дедова дерева высоко над головой. Вим был неподвижен, как сама смерть.

Он слышал запах крови, пота и паленого мяса. И приближающихся шагов. Ослабев от страха, он взглянул вверх на темную коренастую фигура Эксла Борка.

«Все еще здесь? Хорошо». Обутая в черный сапог нога откатила мертвое тело с ног Вима. «Ну, мальчик, тебе лучше разрешить мне взглянуть

на твою руку». Голос принадлежал Джейгиту Кэтчетурианцу.

«Уф! — Вима бросило в дрожь. — Уф. Мистер Джаггед… это ведь… вы?».

В ладони торговца, пришедшего из страны Шарн, появился свет.

Вим потерял сознание.

* * *

Раннее утро пронзило Дедову Рощу пыльными снопами света. Вим Баркли сидел, прислонившись к стволу, у входа в дерево-пещеру. Маленькими глотками он неуклюже прихлебывал что-то горячее и горькое из кружки, зажатой в забинтованной руке. Вторая рука была заткнута за пояс, чтобы уберечь вывихнутое правое плечо. Он в молчании наблюдал, как торговец чистит пеструю кобылу. И в десятый раз осматривал залитую солнечным светом рощу, где ни одно напоминание о событиях минувшей ночи не омрачало тихого дневного спокойствия. Воспоминания о пережитом ужасе, как плохой сон, казались сейчас нереальными, и он раздумывал, не было ли это очередным колдовством, вроде напитка, который успокаивал боль во всем теле. Он взглянул вниз на штаны, где темнели засохшие пятна

крови. *Я позабочусь об останках,* сказал торговец. Так и произошло, все хорошо — все Борки. И все мальчики. Секунду он с тоской думал о драгоценностях, которые ушли в землю вместе с ними, скрывая за этим более глубокое чувство потери.

Торговец вернулся к костру, завалил огонь грязью. До этого ему не составило ни малейшего труда развести огонь. Вим выпрямил ноги. В темных глазах на угрюмом лице застыл вопрос.

«Мистер Джаггед, — теперь не было и тени насмешки в том, как он его называл. — Чего вы от меня хотите?».

Джейгит смахнул пыль со своей кожаной рубашки. «Я подумал, что если ты в силах, то, может, ты не захочешь прервать наше соглашение».

Вим поднял забинтованную руку. «С меня мало пользы. Одна не действует».

«Но я не знаю дороги вниз через Долину, которую знаешь ты».

Вим недоверчиво рассмеялся. «Я считаю, вы можете слетать к луне на метле. И сто пудов, что вы не нуждаетесь в защите! Зачем вы вообще нас наняли, мистер Джаггед?» Горе неожиданно успокоило его, мысли в голове прояснились. «Вы ведь все знали, не так ли? Что мы намерены делать. Вы взяли нас с собой, чтобы наблюдать за нами

и, возможно, нас пугать. Ну, сейчас-то вам совсем не обязательно за мной наблюдать. Я… мы уже поменяли наше решение до того, как случилось все это с Борками. Мы порешили спуститься с вами вниз, как и сказали. Все по честному».

«Знаю, — торговец кивнул. — Ты когда-нибудь слышал старую поговорку, Вим, одна голова хорошо, а две лучше? Никогда ничего не знаешь наверняка. Ты вполне можешь мне пригодиться».

Вим уныло пожал плечами, недоумевая, где торговец слышал эту «старую поговорку». «Что ж, за сегодняшнее утро лучших предложений мне не поступало».

* * *

Они оставили Дедову Рощу и продолжали спускаться к Великой Долине. Все раннее утро их продолжал окружать сосновый лес, но по мере приближения полудня, Вим заметил, что вечнозеленые уступают место дубам и кленам, а воздух потерял прохладу и значительную часть влажности. К концу дня он увидел золотисто-зеленые просветы просторов, это и была Долина. Вим указал на них торговцу. Джейгит кивнул с видимым удовольствием и вновь принялся беззаботно

мурлыкать что-то себе под нос, как подозревал Вим, скрывая за этим свои дьявольские мысли. Он вновь смерил взглядом круглого коренастого торговца, последнего человека на свете, которого заподозришь в колдовстве. Может, поэтому оно выглядело так убедительно… «Мистер Джаггит? Как вы это делаете? Я имею в виду колдовство с Борками».

Джейгит улыбнулся и покачал головой. «Настоящий волшебник никогда не говорит, как. Что, еще куда ни шло, но как — никогда. Нужно наблюдать и самому понять, как. Вот как становятся по-настоящему хорошими волшебниками».

Вим вздохнул, изменил положение руки под ремнем. «Думаю, тогда я не хочу этого знать».

Торговец захихикал. «Довольно честно».

Оставшуюся часть дня Вим наблюдал за каждым его движением. После ужина торговец опять отправился в темноте к своему вагону. Вим, растянувшийся без сил у костра, видел слабый свет волшебной палочки колдуна, но на этот раз даже не попытался разузнать подробности, только для предосторожности скрестил пальцы. Ему и без этого было, что обдумать, во время отдыха. Он уставился на пламя, нестерпимо болела рука.

«Так ты считаешь, завтра мы после часа пути

окажемся в Долине. Говоришь, потом надо идти на северо-запад, пока не придем в Файф?»

Вим вскочил, услышав голос торговца. «А… да, я так считаю. Нужно двигаться на север, и любая дорога доведет туда. Они все идут в Файф».

«Все дороги ведут в Файф?» — торговец неожиданно рассмеялся, садясь на корточки перед огнем.

Вим задумался, что в этом такого уж смешного. «Любой покажет вам путь отсюда, мистер Джаггет. Думаю, наутро, я поверну назад. Я… мы никогда не ходили так далеко. Мы, горный народ, не особо любим спускаться вниз, в Равнинные Земли».

«Гм, мне жаль это слышать, Вим. — Джейгит бросил еще одну ветку в костер. — Но все же, я полагаю, некогда ты был в Файфе?»

«Ну, да. Я был… почти. — Он озадаченно поднял глаза. — Три-четыре года назад, когда я был совсем мальчишкой, с папой и еще кое-какими людьми. Понимаете, мой дед был кузнецом на Границах Темного леса, и он изготовил ружье…» Вим и не заметил, как начал рассказывать торговцу то, что все и так знали, и то, что он никому не рассказывал. Как его дед изобрел черный порох, как жители гор решили свергнуть властителей

Файфа и захватить богатые долины себе. И как из города, чтобы отразить нападение, выступили всадники с ружьями и колдовскими чарами. Как золотистые поля были истерзаны и превратились в красные, как умер отец, когда ружье выстрелило ему в лицо. Как окровавленный мальчик с крепко стиснутыми губами вернувшись один к Границам Темного леса, вселил в души жителей страх перед Богом и властителями Файфа… Он сел, болезненно дергая за золотую серьгу. «И я слышал о том, что они используют там внизу черную магию, мы такой и не видывали, чтобы околдовывать все Равнинные Земли. Может, вам тоже стоит еще раз обдумать, надо ли вам спускаться вниз, мистер Джаггед».

«Благодарю за предупреждение, Вим, — Джейгит кивнул. — Но, скажу тебе, я торговец по профессии и по призванию. Если я не могу продать свои товары, жизнь теряет всякий смысл, а я не могу продать товары в этих горах».

«Вы не боитесь, что они попытаются остановить вас?»

Торговец улыбнулся. «Ну, я еще такого не говорил. Уверен, их колдовство мне неизвестно, оно пришло не из Шарна… Кто знает, может статься, они мои лучшие покупатели. Господа

любят бросать деньги на ветер». Во взгляде, обращенном на Вима, промелькнуло что-то вроде уважения. «Но, как я уже говорил, две головы лучше одной. Я ужасно сожалею, что ты хочешь быть один. Может случиться так, что утром мы рассчитаемся…»

Утром торговец запряг лошадь и отправился вниз по направлению к Великой Долине. И, сам не понимая почему, Вим Баркли пошел с ним.

* * *

В самом начале дня они вышли из гостеприимного укрытия последнего дубового леса, следуя через открывшиеся их взору качающиеся холмы диких трав, пока не наткнулись на изрезанную колеями дорогу, которая вела на север. Вим сорвал с себя куртку и освободил рубашку. Его бледная кожа жителя Нагорных Земель постепенно краснела под восходящим солнцем Долины. Смуглый торговец посмеивался над ним, и Вим с раздражением подумал, что тот наслаждается жарой. К полудню они дошли до тянущейся в бесконечность зеленой ребристой каймы возделываемых земель, последняя кочка — и они оказались на мощеной дороге.

Перед тем, как продолжить путь, Джейгит

опустился на колени и проткнул упругую поверхность покрытия. Вим смутно помнил это мягкое покрытие, казавшееся странной роскошью выходцам с Нагорных Земель. Полотно дороги стелилось вплоть до самого города. В этот раз Вим заметил, что время местами испортило покрытие, но оно было аккуратно залатано гладко обтесанным камнем.

Торговец почти не говорил с ним, только мурлыкал себе под нос, вероятно погруженный в поиски признаков равнинной магии. *Настоящий волшебник наблюдает…* Вим заставил себя изучить наполовину знакомый ландшафт. Насколько хватало глаз, долину, словно огромное, живое лоскутное одеяло в зеленых и золотых тонах, которое накинули на богатую темную землю, покрывали колосящиеся поля и пастбища. Вдалеке виднелся бледный туман. Вим заинтересовало, колдовская ли это выходка или только дневная жара. Он увидел упитанных, небрежно одетых земледельцев за работой в придорожных полях. Загорелые спокойные лица взирали на их процессию с покорным равнодушием, какое, как он предполагал, должно быть у рабочих мулов. Вим нахмурился.

«Я бы сказал, довольно любопытное отсутствие

любопытства, вы согласны?» Торговец взглянул на него. «Из них выйдут плохие покупатели».

«Только посмотрите на них! — зло взорвался Вим. — Они смогли сделать все это? Они ни чуть не лучшие земледельцы, чем мы в Нагорных Землях. В горах от работы стираешь до костей руки и ничего не получаешь, только камни. А посмотрите-ка на них, они жирные! Как так, мистер Джаггед?»

«А как *ты* думаешь, Вим?»

«Я… — он замолк. *Хороший волшебник сам понимает, как…* — Ну, у них земли лучше».

«Правда».

«И… не обошлось без магии».

«Она и сейчас есть?»

«Вы видели — их гладко выстланные потоки, вот эта дорога. Она ненастоящая. И… все они выглядят, как будто и сами заколдованы, я так и слышал. Может статься, только властители в Файфе владеют магией. Мы на них идем смотреть?» Он скрестил пальцы.

«Возможно, и так. Похоже, они будут моими единственными покупателями, если ничего не изменится». Лицо торговца абсолютно ничего не выражало. «Перестань скрещивать пальцы, Вим, единственное, что может тебя спасти — это

уважение образованных людей».

Вим распрямил пальцы. Прошло несколько минут, прежде чем он понял, что торговец теперь говорит, как обитатели Равнинных Земель так же хорошо, как до этого говорил на наречии Нагорья.

К вечеру они добрались до колодца в одной из земледельческих деревень, которая, словно ось в огромном колесе, раскинулась в центре полей. Торговец окунул в ведро чашку, а потом Вим сделал огромный глоток прямо из ведра. Рот наполнился горьким вкусом металла, и он испуганно выплюнул воду, оглянувшись на торговца. Джейгит водил рукой над чашкой, точнее, бросал что-то в нее. И, насколько Вим мог видеть, вода начала пениться и неожиданно превратилась в ярко-красную. Черные брови торговца с интересом поползли вверх, и он медленно вылил воду на землю. Вим побледнел и тщательно вытер рот рукавом. «Вкус, как у яда».

Джейгит покачал головой. «То, что ты чувствуешь, не яд. Я бы сказал, крестьяне чем-то загрязнили колодец. Но вода испорчена». Он осмотрел деревенских жителей невнятно бормочущих что-то рядом с его фургоном.

«Бараны». Лицо Вима скривилось от отвра-

щения.

Торговец пожал плечами. «Но они все здоровые, богатые и благоразумные… ну, здоровые и благоразумные, в любом случае… здоровые?..» Он пошел назад, чтобы предложить свои товары. Покупателей было немного. Когда Вим вернулся к фургону, глотая затхлую воду, принесенную с гор, он услышал, как маленький человек снова бормочет что-то себе под нос, как будто произносит заклинание: «Файф… Файф… Дистон-Файф, говорят они… Пятый город в районе?.. Не может быть».

Он нахмурился, пытаясь сосредоточиться. «Но тогда опять, а почему бы и нет?..»

Торговец держал свои мысли при себе весь остаток дня. Он был непривычно угрюм и время от времени извергал проклятия на каком-то непонятном языке. В тот вечер, когда они расположились на ночлег и в уставшей голове Вима против его воли стали вновь всплывать мысли о потере единственных в жизни друзей, он захотел узнать, также ли одинок смуглый молчаливый незнакомец, сидящий по другую сторону костра. «Мистер Джаггит, вы когда-нибудь чувствовали, как будто возвращаетесь домой?»

«Домой? — Джейгит поднял взгляд. — Иногда.

Возможно, сегодня вечером. Но я пришел из такого далека, что, думаю, это невозможно. Когда я вернулся, все уже исчезло». Неожиданно сквозь пламя его лицо показалось Виму очень старым. «То, что делало его домом, исчезло до того, как я ушел… Но, может, я найду свой дом снова, где-нибудь еще, пока иду».

«А-а…» — Вим кивнул, понимая одновременно и больше и меньше, чем он сам осознавал. Он завернулся в одеяло, ставшее вдруг уютным, и уснул крепким сном.

* * *

Незначительные чудеса продолжали преследовать Вима во время их путешествия, как и вопрос «почему», до тех пор, пока постепенно стараниями Джейгита его суеверный страх не превратился в дерзкое любопытство, которое временами заставляло торговца хмурить брови, хоть он ничего и не говорил по этому поводу.

До тех пор, пока на третье утро, Вим не заявил. «Это все обманки. Надо просто понимать, что за ними стоит. Как с ведьмами в горах. Все имеет объяснение. Думаю, не существует никакого волшебства!»

Джейгит уперся в него спокойным взглядом,

в котором, казалось, мерцали отблески ночи, проведенной в Дедовой Роще. «Думаешь, нет, а?»

Вим беспокойно опустил глаза вниз.

«Волшебство есть, Вим, это уж точно. Оно нас здесь окружает со всех сторон. Только теперь ты смотришь на него глазами волшебника. Так как есть объяснение всему, что происходит, ты можешь не знать, что это волшебство, но все-таки оно существует. А знание не делает вещи менее волшебными, странными или ужасными, просто с ними становится легче иметь дело. Стоит иметь это в виду, где бы ты ни оказался… Также имей в виду, что *незначительное* знание — опасная вещь».

Отчитанный волшебником Вим, кивнул и почувствовал, как краснеют уши. «То же можно сказать и о незначительном невежестве…» — пробормотал торговец.

Третий день пути открыл им вид на город Файф, хотя он и походил скорее на неясное пятно, парящее над горизонтом. Вим взглянул назад поверх бесконечно зеленого моря на горы, но они спрятались за золотистым туманом равнины. Пока он следовал вперед по знакомой и вместе с тем чужой дороге, снова всматриваясь вперед в направлении города, он убедился, что страх,

который пришел в Великую Долину вместе с ним, уменьшился вместо того, чтобы возрасти. Пестрая, запряженная в повозку лошадь громко фыркала в душном пыльном молчании, и он понял, что именно торговец с вагоном полным волшебных вещей, подарил ему это мужество.

Он улыбнулся, сгибая обожженную руку. Джейгит ни разу не извинился за то, что сделал, но Вим не был настолько ханжой, чтобы действительно ожидать этого, учитывая обстоятельства. Торговец вылечил его раны зельями, так что синяки начали исчезать, а ожоги зажили почти на глазах. Это было почти…

Мысли Вима прервались, так как он споткнулся о неровную поверхность дороги. Город, значительно приблизившийся, бесстрастно лежал среди полей в удлинившихся после полудня тенях жаркого дня. Интересно, в каком поле его отец… он снова резко изменил ход своих мыслей, направив их на настоящее. Он заметил, что у города нет стен или других видимых признаков защиты. *Почему?* Может, им нечего бояться. Он почувствовал, как тело сковывает прежний ужас. Однако по мере приближения цели от некогда мрачного настроения торговца не осталось и следа, как будто он обрел решимость. А если тор-

говец столь уверен, то и Вим должен быть таким. Он взглянул на город глазами волшебника, и ему пришло в голову, что властители Файфа вряд ли когда-нибудь бросали столь диковинный вызов.

Они вошли в город, и хотя торговец выглядел почти что разочарованным, Вим что есть мочи старался не глазеть по сторонам, что у него довольно плохо получалось. Массивные каменные и деревянные здания заполнили собой мощеную булыжниками улицу, возвышаясь на два, а то и на три этажа, заслоняя тем самым вид на поля. По краю улицы выстроились в линию витрины магазинов. Окна из увеличительного стекла и облупленные крашеные вывески объявляли о предлагаемом товаре. Этажами выше, как он предполагал, жили люди. Обветренные камни бордюров были стерты до дыр ногами бессчетных пешеходов. И одна мысль о том, что так много людей — пять тысяч, по подсчетам торговца, могут жить на такой маленькой территории, заставила его содрогнуться.

Они шли мимо невзрачно одетых, упитанных горожан и крестьян, заканчивающих дневную торговлю в прохладе уходящего дня. Вим уловил обрывки временами весьма горячих сделок, но заметил, что город проявил не больше интереса

к причудливой процессии, состоящей из него и торговца, чем сельский люд, с которым они имели дело во время путешествия. По крайней мере, уж дети-то должны бежать за разноцветным фургоном. В него закралось смутное беспокойство, когда он понял, что едва ли видел, здесь или в округе детей, а те, которые им встретились, держались только рядом с родителями. По всему видно, дела у торговца не будут идти здесь лучше, чем в Нагорных Землях. *Как свиньи в загоне…* Он оглядел улицу в одну и другую сторону. «Где все свиньи?»

«Что?» — торговец посмотрел на него.

«Чисто. Все эти люди, которые тут живут. И ни следа мусора. Как так может быть. По крайней мере, держат же они свиней для еды? Но я ни одной не вижу. Так же как и карапузов».

«Да-а-а», — торговец пожал плечами, улыбаясь. «Хороший вопрос. Возможно, нам следует задать его хозяевам города».

Вим покачал головой. Пока что он вынужден был признать, что город, несмотря на все странности, не обнаружил признаков чар более могущественных, чем те, что он видел в полях. Быть может, властители Файфа не такие уж грозные, как гласит молва. Их воины не волшебные,

а просто лучше вооружены.

Улица сделала резкий поворот, цепляющиеся впереди друг за дружку здания выходили на открытую площадь, заполненную крытыми прилавками городского рынка. И за ним… Вим остановился, уставившись. За ним, он знал, стоял дом властителей Файфа. В два раза больше, чем любое здание, которое он видел. В зелено-черных стенах с пилястрами отражалась, как в огромном злобном зеркале, площадь. Здание обладало прочностью сооружения, которое выросло прямо из земли. Создавало впечатление незыблемости, которое заставляло весь остальной город казаться эфемерным. Сейчас, он знал, он смотрит на здание в поисках волшебства, которое может противостоять торговцу и стране Шарн.

На губах Джейгита, который стоял рядом с ним, заиграла искренняя и смутная улыбка. «Прошу прощения, мадам, — торговец остановил проходящую мимо женщину с девочкой, — но мы чужеземцы. Как называется то здание?»

«Да ведь это Правительственный Дом». Женщина лишь слегка удивилась. Вим любовался ее лодыжками, обтянутыми чулками.

«Вот как. И что там делают?»

Она рассеяно отодвинула маленькую девочку

подальше от фургона. «Там сидят правители. Люди носят туда прошения и все такое. Они правят, я думаю. Лизи, отойди от этого грязного животного».

«Спасибо, мадам. А могу ли я показать вам…»

«Не сегодня. Пойдем, дочка, мы опоздаем».

Торговец поклонился, испытывая нечто вроде недовольства, когда она продолжила свой путь. Вим вздохнул, а торговец покачал головой. «Я начинаю думать, что вряд ли этот рынок пригоден для чудес из Шарна. Я, должно быть, перехитрил сам себя. Получается, что мой единственный шанс — нанести визит властителям Файфа. У меня, вероятно, найдется пара вещей, чтобы заинтересовать их». Его глаза сузились, когда он, оценивая ситуацию, взглянул через площадь.

В ответ на неодобрительное сопение Вима, Джейгит оглянулся и указал на удлинившиеся тени. «Но сейчас в любом случае слишком поздно начинать торговлю. Что ты скажешь на то, что мы просто посмотрим…» Он неожиданно замолчал.

Вим обернулся. К ним приближалась группа из полудюжины солдат с суровыми лицами. У предводителя на шляпе с жесткими полями красовался крест, который был знаком Виму. Они снимали с плеч ружья. Вопрос застрял у Вима в

горле, когда они спокойно оцепили фургон, отрезав его от торговца. Полицейский адресовался к торговцу с некоторым презрением. «Правители…».

Вим схватился за ствол ближайшего ружья, отбросил его хозяина на соседнего солдата, потом вырвал ружье и опустил его на голову третьего глазеющего на все это охранника.

«Вим!» Он нахмурился, заслышав звук голоса торговца и обернулся. «Брось ружье». Торговец стоял, не сопротивляясь, рядом с фургоном. А три оставшихся ствола уперлись в Вима. Лицо его исказила злость от предательства, он бросил ружье.

«Свяжите парня с гор… Правители требуют и тебя на пару слов, как я и говорил, торговец. Ты пойдешь с нами». Глава полицейских невозмутимо стоял в отдалении, пока его подчиненные поднимались на ноги. Вим поморщился, когда ему грубо стягивали спереди руки. Однако в покрытых синяками лицах охранников не было мстительности. Его подтолкнули вперед, чтобы он шел с торговцем. И Вим горько пробормотал: «Ну почему же вы не применили свое колдовство!».

Джейгит покачал головой. «Было бы плохо для

дела. В конце концов, властители Файфа пришли ко *мне*».

Вим назло перекрестил пальцы, когда они поднимались по зелено-черным ступеням Правительственного Дома.

В совершенно невыразительной, лишенной окон комнате, где их оставили дожидаться, часы тянулись бесконечно долго.

И Вима вскоре перестала удивлять ровная поверхность стен и отсутствие дыма от ламп. Торговец вертел в руках какие-то мелкие предметы, которые остались у него в карманах, а Вим, вопреки своему желанию, уже начал дремать, когда, наконец, вернулись охранники, чтобы отвести их на столь надолго отложенную аудиенцию с правителями Файфа.

Охрана привела их к одному единственному человеку, который улыбаясь, поднялся над простором рыжевато-коричневого стола, когда они вошли в комнату с зелеными стенами. «Ну, наконец-то». Ему было к шестидесяти и одет он был, как простой горожанин, ростом примерно с Вима, но тяжелее, с седеющими волосами. Вим отметил, что в улыбающемся лице не было и следа тупости их захватчиков. «Я Шарль Айдрикс, представитель Мирового Правительства. Прино-

шу свои извинения за то, что заставил вас ждать, но я находился вне города. Мы следили за вашим продвижением с некоторым интересом».

Вима страшно интересовало, за кого, черт побери, принимает себя этот никчемный господинишко, объявляя Равнинные Земли целым миром. Он взглянул на невыразительную, освещенную лампами комнату. На губернаторском столе он заметил лишь один признак богатства правителя — необычный шар из добытого в этих землях металла, в основном синий, но с коричневыми и зелеными вставками, установленный на золотой подставке. Еще больше Вима интересовало, где другие правители Файфа. Айдрикс был один, даже без охранников… Вим неожиданно вспомнил, что кем бы ни был этот человек, он волшебник, в не меньшей, чем торговец, степени.

Джейгит вежливо поклонился. «Джейгит Кэтчетурианц, к вашим услугам. Торговец по профессии, и льстец по интересам. Это мой ученик…»

«Вим Бакри». Оценивающий взгляд правителя неожиданно переместился на Вима. «Да, мы помним тебя, Вим. Признаться я удивлен видеть тебя здесь снова. Но доволен. Мы хотели захватить вас всех». Выражение крайней заинтересованности

промелькнуло на лице Айдрикса.

Вим с тоской взглянул на закрытую дверь.

«Пожалуйста, садитесь». Правитель вернулся к своему столу. «К нам не часто приходят столь… Интригующие посетители…»

Джейгит спокойно сел, а Вим почти упал на соседний стул, колени внезапно ослабели. Когда он провалился на мягкую поверхность, он почувствовал, что на него давит сверху какая-то не имеющая источника сила, он рванулся вперед, как испуганный жеребенок, но был лишь еще сильнее пригвожден к сиденью. Он тяжело задышал и почувствовал, как давление ослабевает, по мере того, как сам он перестает сопротивляться, потерпев поражение.

Джейгит посмотрел на него сочувственно, а затем вновь взглянул на правителя. Вим видел, что пальцы торговца довольно сильно дергаются на ручке стула. «Вы, конечно, не расцениваете нас как угрозу». В его голосе звучала легкая насмешка.

«Мы знаем о силах, которые вы использовали в Дедовой Роще».

«Да неужели! Я на это и рассчитывал». Джейгит встретил пристальный взгляд и выдержал его. «Тогда я очевидно, наконец, имею дело с несколь-

ко технологически искушенным человеком. У меня есть несколько предметов на продажу, которые могли бы заинтересовать вас...»

«Можете быть уверены, мы не оставим их без внимания. Но давайте будем честными друг с другом, договорились? Вы такой же торговец, как я. Нам не знакомы ваши приемы. И если бы вы действительно пришли с востока, да откуда бы ни пришли, я бы об этом знал. Наши каналы коммуникаций бесперебойны. Вы просто появились из ниоткуда в Высокогорном Заповеднике. Действительно из ниоткуда на этой земле, не так ли?»

Джейгит ничего не сказал, продолжая выжидать. Вим неподвижно уставился на зеленое покрытие стен, пытаясь забыть о том, что является свидетелем переговоров двух колдунов.

Айдрикс нетерпеливо заерзал. «Из ниоткуда на этой земле. И не из наших колоний на луне, значит, не с планеты этой системы. Остаются Потерянные Колонии — вы пришли из одного из имперских колониальных миров, из другой звездной системы. И если вы ожидали, что нас это удивит, вы ошибаетесь».

Джейгит пожал плечами. «Честно говоря, я этого не ожидал. Но я также не ожидал и всего остального. Все обернулось совсем не так, как я

ожидал...».

Вим, поборов себя, слушал в молчаливом удивлении. Над его миром существуют другие, которые не более чем искры в черных просторах ночи? Значит, там находилась страна Шарн со всеми своими чудесами? Над небом, где, как говорят люди, провидение?

«... Очевидно», — говорил правитель, «что вы самая настоящая сокрушительная угроза Мировому Правительству. Потому что это *мировое* правительство, и оно поддерживает порядок и спокойствие на протяжении тысячелетий. Наша система космической безопасности смотрит за тем, чтобы пришельцы не могли потревожить мир. Так, по крайней мере, было до недавнего времени. Вы — первый, кто проник сквозь нашу систему, а мы даже не знаем, как вы это сделали. А именно это мы и *должны* знать, Джейгит, не столько, кого вы представляете, или где, или даже почему, сколько, *как.* Мы ничему не позволим разрушить наш порядок». Айдрикс наклонился через стол вперед, руки в защитном жесте сомкнулись над подставкой со странным металлическим шаром. От его любезности не осталось и следа. И Вим почувствовал, как тают его надежды, он осознал, что каким-то образом

правитель знает все секреты торговца. Джейгит не был непробиваемым, и в этот раз он позволил поймать себя в ловушку.

Но Джейгит, казалось, вовсе не падал духом. «Если вы так дорожите вашим спокойствием, тогда, я бы сказал, его давно пора кому-нибудь побеспокоить».

«Это ожидалось». Айдрикс сел на место, выражение лица переменилось и стало презрительным. «Но вы будете не единственным. Мы десять тысяч лет улучшали нашу систему, и никто не преуспел в том, чтобы сломать ее. Мы, по крайней мере, положили конец бесконечным тысячелетиям разрушительных потерь на этой земле…»

Десять тысяч лет?.. По мере того, как он говорил, Вим ощупью пробирался к осознанию второй истины, которая рвалась из самых основ его понимая.

На протяжении бессчетных тысячелетий история человечества тянет вглубь чудо за чудом, сквозь гигантские круги, заполненные кругами поменьше. Цивилизация достигла высот, где каждая мечта стала реальностью, а человечество пустило ветвь к звездам. Но лишь для того, чтобы свалиться из-за своей же глупости в пропасть поражения тогда, когда люди забывают о

человечности, и действительность становится кошмаром. Затем, постепенно, круг вновь изменяется, и в свое время человечество достигнет новых вершин, на которых парадоксальным образом оно не сможет удержаться. Люди в разгар своих творений, по-видимому, никогда не были способны противостоять желанию разрушения, и всегда находили способы разрушить все до основания.

Вплоть до конца последней великой циклической империи, когда группа людей среди правящей верхушки увидела, что грядет новое падение и начала действовать, чтобы предотвратить его. Они заставили мир принять новый порядок, не имеющую модели стабильность низкого уровня и оставили все в таком состоянии. «… И благодаря нам такое мироустройство, без раздоров и страданий, существует уже десять тысяч лет неизменно. В буквальном смысле слова — неизменно. Я один из отцов-основателей Мирового Правительства».

* * *

Вим с недоверием взглянул на улыбающееся, ничем не примечательное лицо и столкнулся с глазами фанатического, невероятного возраста.

«Вы хорошо сохранились», — сказал Джейгит.

Правитель разразился искренним смехом. «Это не настоящее мое тело. Используя нашу компьютерную сеть, мы можем перемещать наши воспоминания неповрежденными в тело «наследника» — кого-то из обычных жителей, молодого и полного сил. До тех пор пока индивидуальность человека совместима, она поглощается в более мощное целое.

И человек становится нашей воскрешенной частью. Вот почему я внимательно наблюдал за Вимом, у него есть черты, которые должны сделать из него прекрасного правителя». На лице правителя вновь показалась чересчур заинтересованная улыбка.

Связанные руки Вима сжались в кулаки. Невидимое давление опрокинуло его назад на место, его лицо исказилось.

Айдрикс, веселясь, наблюдал за ним. «Тяга к прогрессу и личная агрессивность — ключевые факторы, которые ведут к неуправляемому обществу. Так как, для того чтобы поддерживать порядок, мы вынуждены подавлять эти факторы у населения, нам приходится держать несколько неконтролируемых групп и не вмешиваться в их жизнь, например, людей с гор, жителей На-

горных Земель. И у нас всегда есть надежный источник различных типов личностей, в которых мы нуждаемся».

Но эта система, так же как и все вокруг вас, детально разработана. Компьютерная сеть снабжает нас нашими последовательностями, технологией, коммуникациями, и — источниками власти, в которых мы нуждаемся, чтобы поддерживать порядок. В замен мы обеспечиваем непрерывность работы компьютера, потому что храним знания, необходимые для его работы. Не существует причин, по которым система не может действовать вечно.

Вим взглянул на лицо торговца в поисках подтверждения, но в нем была лишь мрачность, которая заставила Вима отвернуться вновь, когда Джейгит произнес: «И вы думаете, это подвиг, который я должен оценить? То, что вы манипулируете судьбой каждого живого существа в течение десяти тысяч лет на свое усмотрение, и то, что вы собираетесь делать это бесконечно?».

«Но ведь все ради их же блага, разве вы не видите? Мы ничего не просим взамен, никакой пользы для себя, никакой другой награды, кроме, как знать, что человечество никогда не сможет вновь прийти к варварству, что цикл разруши-

тельных растрат, взлетов и падений, наконец-то, остановлен на земле. Люди в безопасности, их мир прочен, они знают, что такая же жизнь будет и грядущих поколений. Может ли ваш собственный мир предложить так много?»

Вим видел, как Джейгит заставил себя успокоиться, на губах торговца вновь заиграла улыбка. «Но ведь факт остается фактом — цикл взлетов и падений — это естественный порядок вещей. Жизнь и смерть, если хотите так его называть. Он дает человечеству шанс достичь новых высот, и полное забвение старому порядку. Застой — это кома, нет спусков, но нет и высот, нет *выбора.* Почему-то мне кажется, что Шарн предпочел бы полное уничтожение тому…»

«Шарн? Что ты знаешь о древней империи?» — правитель наклонился вперед, утратив обходительность.

«Шарн?..» — в голове у Вима все перемешалось.

«Они знали все о Шарне, откуда я пришел. Кристаллический город с гнилью в сердце. Игры Троих. Они даже видели пути, которые приведут к этому, но и им и в голову не приходило, что это столь успешно осуществится.»

«Да-а-а, становится все интереснее и интерес-

нее». Голос правителя стал стальным. «Учитывая то, что никто со стороны не мог знать о последних годах империи. Но я подозреваю в таком случае, у нас появляется все больше и больше вопросов. Думаю, пора получить и некоторые ответы».

Вим затих на стуле, представляя себе зрелища пыток. Но правитель только вышел из-за стола и, миновав Вима, со взглядом, в котором читалась жажда знания, водрузил сияющий обруч из филигранного металла на голову Джейгита.

«Вас может удивить то, что вы получите», — выражение лица Джейгита оставалось спокойным, но Виму показалось, что напряжение сковало его голос.

Правитель вернулся на свое место. «Ну, я так не думаю, я просто подсоединил вас к нашей компьютерной сети».

Внезапно лицо Джейгита стало суровым от удивления, затем снова расплылось в полуулыбке, но Айдрикс заметил перемену. «Когда она проникнет в мозг, у вас будут значительные сложности с тем, чтобы что-то скрыть. Быстро и всегда эффективно. Хотя, к сожалению, я не могу вам обещать, что вы не останетесь идиотом».

Улыбка торговца растаяла. «Как гуманно — сказал он спокойно. Он встретил вопросительный

взгляд Вима. — Ну, Вим, ты помнишь, что я тебе показывал? И скрещивание пальцев не помогло, не так ли?»

Вим потряс головой. «Что бы вы ни говорили, мистер Джаггит…», — он подозревал, что у него никогда не будет возможности что-либо вспомнить.

Неожиданно торговец тяжело вздохнул, и его глаза закрылись, тело безвольно обвисло на стуле. «Мистер, Джаггит…» Но ответа не было. В одиночестве, Вим немо вопрошал, какого рода страшные чары содержатся в металлической короне, и будет ли больно, когда компьютер — что бы это ни было — проглотит его собственную душу.

«Вы следите? Все районы? Прямое соединение, да». Казалось, правитель говорит со своим столом. Он поколебался, как будто слушая, затем уставился в пространство.

Вим обречено повис на стуле, было уже не страшно. Он не замечал, и его не замечали два заколдованных человека. Молчание затянулось в зеленой комнате. На мгновение свет вспыхнул и потускнел.

Глаза Вима широко распахнулись, когда он почувствовал, что невидимое давление, которое

прижимало его к стулу, слегка ослабло, затем вернулось вместе с освещением. Правитель не понятно почему нахмурился, все еще глядя в пространство. Вим тщетно попытался освободить связанные руки. Как бы ни работало колдовство в этой комнате, оно только что перестало работать, если оно перестанет вновь, он будет готов… Он взглянул на Джейгита. Он улыбнулся?..

«Район номер восемнадцать на связи. Айдрикс, что это?»

Вим вздрогнул. Живая, лишенная туловища голова рыжеволосого юнца только что появилась в неожиданно ярком пятне, расплывшемся на стене. Правитель, щурясь, повернулся к призраку.

«Полученная нами информация искажена. Сведения не могут быть достоверными, получается, что он… — Призрачное лицо закачалось, а голос поглотил звук, похожий на мчащийся поток воды, — … что происходит с передачей? Он соединен напрямую? Мы ничего теперь не получаем…»

Еще два лица, — одно старика, с кожей даже более смуглой, чем у торговца и другое женщины средних лет, — появилось на стене, выражая протест. И тогда Вим понял, что видит других

властителей Файфа, а точнее мира, здесь, и все же не здесь. Они перенеслись сюда с помощью волшебства с дальних концов земли. Рыжеволосый призрак впился глазами в Вима, который отпрянул от злых молодых и одновременно старых глаз, затем взглянул на Джейгита. Хмурый взгляд неподвижно застыл, затем стал озадаченным, его сменило выражение недоверия. «Нет, это невозможно!»

«Что это?» — Айдрикс выглядел обеспокоенным.

«Я знаю этого человека»

Черноволосая женщина повернулась, как будто могла его видеть. «Что ты имеешь в виду, ты…»

«Я тоже знаю! — Появилось еще одно смуглое лицо. — Из Шарна, из империи. Но… после десяти тысяч лет, как он может оставаться *тем же самым…* Айдрикс! Вспомни продавца примитивными товарами, он был знаменитым, он тратил… — голос стал неясным, — нужно выкинуть его из коммуникационной системы! Он знает коммуникационно-установочные коды, он может…» Лицо призрака полностью дематериализовалось.

Айдрикс дико взглянул на неподвижного торговца, обратно на оставшихся правителей.

Вим видел, что появились новые лица, и еще одно лицо медленно погасло. *Тот же самый человек...*

«Останови его, Айдрикс!». Голос женщины повысился. «Он уничтожит нас. Он изменяет коммуникационно-установочные коды, разрушая связь!».

«Я не могу его выключить!».

«Он сейчас в моем соединении, я теряю кон...», — рыжеголовый призрак исчез.

«Останови его, Айдрикс, или мы сожжем Файф!».

«Джейгит, берегись! — Вим принялся бороться со своими невидимыми узами, когда увидел, что правитель с мрачной решительностью потянулся за разноцветным металлическим шаром на столе. Он знал, что Айдрикс собирается размозжить им голову торговца, и беспомощное тело на стуле не может его остановить. — Мистер Джейгит, очнитесь!» В отчаянии Вим выставил ногу, когда Айдрикс проходил мимо, правитель споткнулся. Еще одно лицо исчезло со стены, и свет погас. Вим соскользнул со стула, он стал свободным и неловко пытался нащупать нож, которого у него больше не было.

Под неуверенными взглядами привидений на

стене, Айдрикс на ощупь пробирался к Джейгиту.

Вим вцепился в ногу Айдрикса, как раз тогда, когда включился свет, и поймал лодыжку. С проклятиями, правитель обернулся назад, чтобы пнуть его, но Вим был уже на ногах, отпрыгнув от удара тяжелым изваянием.

«Айдрикс, останови торговца!»

Внезапно разозлившись, Вим тяжело выдохнул: «Будь ты проклят, на этот раз ничего у вас не выйдет!» Стоило правителю отвернуться, как он набросился на него со спины, заставив покачнуться, и перекинул связанные руки через шею Айдрикса. Айдрикс изо всех сил сопротивлялся, пытаясь освободиться. Когда он начал пятиться назад, чтобы ударить противника о стол, то выронил шар. От удара Вим застонал, позвоночник болезненно терся о край стола, он потерял равновесие. Но во время падения, успел выбросить вперед колено. Раздался резкий *хруст*, правитель приземлился и замер рядом с ним. Вим поднялся на колени. Древние глаза смотрели на него с упреком и страхом. «Нет, о, *нет*». Глаза остекленели.

Спустя неделю после своего семнадцатилетия, Вим Бакри убил десятитысячелетнего человека. И, сам того не ведая, помог разрушить империю.

В комнате было тихо, головы оставшихся властителей исчезли со стены. Вим медленно поднялся на ноги. Рот исказило в усмешке отвращения. Никакое волшебство в мире уже не поможет этому колдуну. Он отправился к тому месту, где все еще в трансе сидел Джейгит, поднял руку, чтобы стянуть с головы металлический обруч и разрушить чары. Он поколебался, неожиданно потеряв уверенность в своих действиях. Если чары разрушатся, то пробудит ли это торговца или убьет его? Надо уходить отсюда, но Джейгит, как он понимает, каким-то образом уничтожает колдовство правителей, и, останови он его сейчас… Он опустил руки и стоял, сомневаясь и выжидая. И выжидая.

Вновь нерешительно поднял руки к металлической короне и резко отдернул, когда Джейгит неожиданно ему улыбнулся. Темные глаза открылись, и торговец посмотрел вперед, затем стал спокойно снимать с головы металлический обруч. «Я рад, что ты медлил. Ты даже не знаешь, насколько рад!» Вим усмехнулся теперь уже по-настоящему, с облегчением.

Джейгит встал на подкашивающиеся ноги, бросил взгляд на тело Айдрикса и покачал головой. Лицо выглядело изможденным. «Говорил же, что

твоя помощь может потребоваться, говорил?» Вим флегматично стоял, пока торговец, который был стар, как сам Шарн, высвобождал из пут его кровоточащие запястья. «Я бы сказал, мы закончили свое дело. Ты готов выбираться отсюда? У нас мало времени».

В ответ Вим направился к двери, открыл ее и столкнулся лицом к лицу с незваным охранником, стоящим в коридоре. Кулак подпирал отвисшую от изумления челюсть. Колени охранника подогнулись, и он без сознания упал на пол. Вим уже подобрал ружье, когда рядом появился Джейгит, жестом приглашая его продолжить путь по тусклому коридору. «Где все?»

«Будем надеяться, дома, в кроватях. Сейчас четыре тридцать утра. Тревога не должна подняться».

Вим счастливо засмеялся — «Это в тысячу раз проще, чем удрать от Борков!»

«Мы все еще здесь, возможно, мы уже опоздали. Те лица на стене пытались бросить частицу солнца на Файф. Думаю, я остановил их, но не знаю наверняка. Если мне это полностью не удалось, то лучше нам быть отсюда подальше». Он повел Вима в обратный путь вниз по широкой лестнице, в пустой зал, где собирались в тече-

ние дня просители. Вим пошел было по гулкому полу к выходу, но Джейгит, позвал его обратно, всматриваясь во что-то на стене, они спустились вниз на еще один пролет, ведомые волшебным светом торговца. У подножья лестницы проход перекрывала наглухо закрытая дверь. Джейгит выглядел раздосадованным, затем внезапно луч его света засветился голубым, он полоснул им по металлической дощечке на двери. Дверь плавно раскрылась, и он прошел внутрь.

Вим последовал за ним в тесное, светящееся мягким светом небольшое помещение, почти целиком занятое тремя туго набитыми сиденьями вокруг необычного стола. Вим отметил, что мебель вероятнее всего прикручена к полу и неожиданно почувствовал приступ клаустрофобии.

«Садись, Вим. Благодари Бога, что я не ошибся, рассчитывая, что эта башня — баллистический выход. Пристегни ремни, потому что нам предстоит им воспользоваться». Он начал нажимать подсвеченные кнопки напротив себя, на столе.

Вим возился с ремнями безопасности, боясь предположить, что имел в виду торговец, когда тяжелая внутренняя дверь захлопнулась, отрезав их от остального мира. Почему было просто

не убежать из здания? Как такое может быть… Что-то вдавило его в подушки сиденья, словно мягкая настойчивая рука. Сначала он решил, что это еще одна ловушка, но по мере продолжения давления, он понял, что это что-то новое. А затем, подняв глаза и миновав взглядом лицо Джейгита, он увидел, что вместо ровных стен их окружает ночное звездное небо. Он наклонился вперед, под ногами раскинулся город Файф, становящийся все меньше и меньше с каждым ударом сердца, исчезающий во всепоглощающей тьме. Он видел то, что видят орлы… он летел. Он вновь откинулся на сиденье, пытаясь ощутить надежную твердость невидимого пола, но неожиданно обнаружил, что ноги, больше его не касаются. Не было и давления, которое отбрасывало его назад, не было вообще ничего. Тело, ставшее легче, чем птица, свободно двигалось за ремнями безопасности. Из груди вырвался тихий вздох недоверия к происходящему чуду, когда он стал вглядываться в неожиданно появившиеся звезды.

И увидел, что за темной линией горизонта разливается, с каждой секундой все больше и больше, яркий блеск, замазывая звезды нежными красками рассвета. Пылающее лицо солнца прорвалось сквозь край мира, заставляя Вима

щуриться, и стало подниматься с невиданной скоростью и сверхъестественным сиянием в небо, покрытое упорным ночным сумраком. Наконец, солнечный шар показался целиком, и продолжил наступление на кромешную тьму небес. Теперь Вим видел тонкую полоску голубого неба, тянущуюся вдоль оставшегося позади горизонта, который посередине все еще полыхал ярко-желтыми красками рассвета. Сверху над этой полоской солнце облачилось в остроконечную корону самой яркой звезды, а снизу на краю горизонта он мог разглядеть мир, входящий в новый день. Горизонт не был совершенно плоским, но по сторонам плавно загибался книзу… Под ногами все еще царила полнейшая тьма, которая поглотила Файф. Он вздохнул.

«Вот это зрелище». Джейгит сидел позади светящегося стола, слегка паря над сидением, на лице играла уставшая улыбка.

«Вы тоже это видите?» — хрипло спросил Вим.

Торговец кивнул. «В первый раз я себя чувствовал также. Полагаю, как и все. Каждый раз, когда цивилизация дорастает до освоения небесных просторов, в награду она получает такой вид».

Вим промолчал, не в состоянии подобрать слова. Вид на горизонт едва заметно изменился, и

насколько он видел, вместе с этим произошли и дальнейшие перемены. Солнце стало медленно, но верно двигаться обратно по своей траектории, снова заходя за ту точку, которая дала ему рождение. Или, как он неожиданно понял, это они сами снова начали скользить вниз с вершин славы в темноту земного мира. Вим ждал, пока солнце исчезнет с черного чуждого неба, оказавшись там, где оно уже вставало до этого повторного погружения в ночь, и горизонт вновь заслонял зрелище. Он упал на сиденье, как будто поддавшись невидимому зову мира, и снова появились звезды. Тяжелый крен, словно взрыв, потряс кабину, а затем все движение прекратилось.

Когда дверь отъехала в сторону, и холодный пронизывающий воздух заполнил крошечное помещение, он сидел не шевелясь, не понимая, что происходит. За дверным проемом вновь была темнота, но он знал, что за ней скрывается уже не зал правительственного здания.

Джейгит устало возился с ремнями безопасности. «Домой в тот же день…»

Вим не стал ждать, ведомый инстинктом, он высвободился и шагнул к дверному проему. И резко остановился, когда обнаружил, что они находятся не на уровне земли. Ноги нащупали лестницу, и

когда он сошел с последней ступени, то услышал и почувствовал, как, с тихим шелестом, хрустит под ногами галька. Единственными, кроме этого, звуками были вздохи ледяного ветра и плеск воды. Когда глаза привыкли к темноте, они сообщили ему о том, что уже знали остальные пять чувств — он был дома. Не на Границах Темного леса, но где-то в его родных красивых суровой красотой Нагорных Землях. Призрачные клыки вершин поднимались с двух сторон, закрывая звезды, но они сверкали на гладкой поверхности водного зеркала, слегка дрожа, как дрожал он сам от холодного ветра, весь липкий от пота под тонкой тканью рубашки. Он стоял на валуне горной тропы, где-то над линией деревьев. А на востоке разрез между двумя вершинами окрасился розовато-серым цветом возвращающегося дня.

За спиной он услышал движение и оглянулся. Торговец медленно спускался по лестнице на землю. Снаружи кабина волшебника по форме напоминала усеченную ружейную пулю. Джейгит взял с собой позаимствованное у охранника ружье, и теперь стоял, опираясь на него, как на трость. «Ну что ж, навыки пилотирования пока меня не подвели». Он потер глаза и выпрямился.

Вим вспомнил подобное замечание, сделан-

ное страшно давно о полете на метле к луне, и снова взглянул на восход, который на этот раз привычно и мирно разгорался на посветлевшем небе. «Мы прилетели сюда. Разве не так, мистер Джейгит, — его зубы стучали, — как птицы. Только… мы ле-летели очень высоко над землей». Он прервался, испуганный своим собственным откровением. Какое-то время его старая жизнь, полная суеверного ужаса кричала о том, что он не имеет права знать о тех вещах, которые он видел, или верить в них. Слова вырывались в дерзком неповиновении. «Да, именно — очень высоко над землей. И… это все правда. Я слышал, что мир круглый, как камень. Должно быть правда, что есть другие миры, как вы сказали в зеленой комнате, и люди там такие же, как здесь. Я увидел, солнце такая же звезда, как и другие звезды, только больше…» Он нахмурился. «Оно… ближе? Я…»

Джейгит вовсю улыбался, его зубы сияли в бороде белизной. «Волшебник, первый класс».

Вим вновь взглянул вверх, на небо. «Если оно не превосходит все остальные… — сказал он. Затем, переключившись на более насущные дела, промолвил: — А что насчет призраков? Они будут нас преследовать?»

Джейгит покачал головой. «Нет. Я думаю,

что положил конец этим призракам весьма и весьма надолго. Я изменил кодовые слова в их коммуникационной системе. Большую ее часть сейчас совершенно невозможно использовать. Их компьютерная сеть разломана, а система их космической защиты, должно быть, навеки вышла из строя, судя по тому, что они не разрушили Файф. Я бы сказал, что Мировому Правительству пришел конец. Они еще не знают об этом и, возможно, не уйдут еще пару сотен лет, но в конце концов они сдадутся. Их громадный механизм поддержания «покоя» наконец-то дал сбои в работе… Полагаю, они больше не смогут контролировать ситуацию в этих краях и использовать свое колдовство».

Вим подумал, а потом с надеждой спросил: «Вы ведь собираетесь туда вернуться, мистер Джейгит? Примените свое волшебство к жителям Плоских Земель? Мы могли бы…»

Но торговец покачал головой. «Нет, боюсь, это совсем меня не интересует, Вим. В действительности я хотел лишь сломать закрытую систему, которую те колдуны установили в этом мире. И я уже это сделал».

«Тогда… вы хотите сказать, что в действительности делали все это, рисковали нашими

жизнями, за так? Как вы сказали, просто потому, что не правильно использовать волшебство на тех людях, которые не могут ему противится? Вы сделали это для нас… и ничего не хотели взамен? Вы должно быть сумасшедший».

Джейгит рассмеялся. «Я бы так не считал. Я уже говорил тебе до этого. Все чего я хочу — это получать новые впечатления и продавать мои изделия. А Мировое Правительство препятствовало моим делам».

Вим встретился с пристальным взглядом торговца и в неуверенности отвел глаза. «Куда вы собираетесь отправиться теперь?» Он почти ожидал, что ответ будет «обратно за облака».

«Обратно спать». Джейгит оставил баллистический транспортировщик и начал карабкаться по каменистому склону, идущему вверх от озера. Он жестом пригласил Вима следовать за ним. Вим шел следом, тяжело дыша из-за тонкого горного воздуха, до тех пор, пока они не достигли большущей впадины из валунов перед отвесной гранитной стеной. Только когда он оказался прямо перед ней, он понял, что они пришли к входу в пещеру, спрятанную в горах. Он заметил, что отверстие поразительно симметрично, а сквозь тьму, казалось, мерцает радуга, напоминающая

туман. Он непонимающе уставился на нее, потирая замерзшие руки.

«Вот отсюда я и пришел, Вим. Не с востока, как ты считал, или из космоса, как думали правители». Торговец кивнул на темный вход. «Видишь, Мировое Правительство полностью ошибалось относительно меня. Они заключили, что я мог прийти только из места, которое не находится в их власти. Но на самом деле, все это время я был на земле. Эта пещера была моим домом на протяжении пятидесяти семи тысяч лет. Внутри нее что-то вроде волшебства, которое погружает меня в «очаровывающий» сон на пять-десять тысячелетий за раз. А тем временем мир меняется. Когда он меняется достаточно, я снова просыпаюсь и выхожу на него посмотреть. Этим я и занимался в Шарне десять тысяч лет назад. Я привез товары из более ранней, примитивной эпохи, они стали популярными, и я превратился во что-то вроде знаменитости. Так я получил доступ к новым товарам для торговли — шарнскому волшебству, чтобы пустить его в ход где-нибудь еще, когда вещи вновь поменяются.

Мировое Правительство этому препятствовало, они нарушили естественные циклы истории, от которых я завишу, а это в свою очередь нарушило

ритмы моего бодрствования. Поддержание покоя они превратили в целую науку так, что все могло остаться неизменным пятьдесят или сто тысяч лет. Десять или пятнадцать тысяч, и я мог бы вновь прийти сюда и переждать, но пятьдесят тысяч — слишком долго. Я должен был вновь привести вещи в движение, иначе остался бы не у дел».

Воображение Вима споткнулось о бесконечно длинную череду веков, которая отделяла его от торговца, которая отделяла торговца от всего, что когда-либо было частью человека или когда-нибудь могло бы ею быть. Какая нужна вера и какой характер, чтобы переживать это одному? И какие потери и награды привели его к этому? Должно быть что-то, что делает все это стоящим…

«Было *сделано* больше вещей, Вим, чем потомки Шарна когда-либо *мечтали.* Я удивляюсь каждой новой вершине, которую беру… Сейчас я тебя покину. Ты оказался лучшим провожатым, чем я ожидал. Благодарю тебя за это. Я бы сказал, что до Границ Темного леса два или три дня пути на северо-запад отсюда».

Вим колебался, испытывая одновременно и страх и непреодолимое желание. «Могу я пойти с вами…»

Джейгит покачал головой. «Там комната только для одного. Но ты уже повидал намного больше чудес, чем другие люди. И я думаю, ты также и научился многим вещам. Я бы сказал, тебе представится неоднократная возможность применить их здесь. Ты помог изменить мир, Вим — как ты собираешься это повторить?»

Вим молча стоял в нерешительности. Джейгит поднял ружье и перекинул ему. Вим поймал ружье, на его лице медленно стала появляться улыбка, предвкушающая огромные возможности.

«До свидания, Вим».

«До свидания, мистер Джейгит». Вим смотрел, как торговец уходил в пещеру.

Добравшись до входа, Джейгит заколебался и оглянулся назад. «И еще, Вим, в этой пещере больше чудес, чем ты когда-нибудь мечтал. Я не задерживаюсь надолго, потому что я легкая добыча. И не вздумай прельститься грабежом моего убежища». На мгновение радуга вырвала из темноты его силуэт.

Вим медлил у входа до тех пор, пока, наконец, холод не заставил его отправиться обратно по серому каменистому склону. Он снова остановился у зеркальной глади озера, оглядываясь назад, за

пулеобразный транспортировщик волшебника, покоящийся на откосе. Восходящее солнце омывало окрестности золотым светом, но теперь почему-то Вим совсем не был уверен в том, где находится пещера.

Он вздохнул, перекинул ружье через плечо, и начал долгий путь домой.

* * *

Лорд Бакри вздохнул, когда воспоминания отступили, и вместе с ними ушло и грызущее желание вновь отыскать пещеру торговца, желание, которое не оставляло его на протяжении тридцати лет. Там находится решение всех проблем, с которыми он когда-либо сталкивался, но он никогда не пытался преступить через предупреждение Джейгита. И не столько из-за риска, риска одновременно смертельно опасного и обоснованного, сколько из-за понимания того, что его собственная жизнь со всеми достижениями эфемерна, меньше чем ничто в сравнении с жизнью, которая измеряется половиной истории человечества. Внутри пещеры торговца находится невозможное, вот почему он никогда не попытается проникнуть туда.

Вместо этого он вернулся к возможному и

сделал его действительностью, зависящей от него и от необычайно ясного видения вещей, которое оставил ему торговец. Он решал все проблемы один просто потому, что должен был так поступать, и теперь ему просто предстоит в одиночестве решить еще и эту.

Он взглянул вниз, и в его душе неожиданно встрепенулась гордость за ту власть, которую он имел над горожанами на площади, над городом Файф, ныне окруженном прочной стеной… Так значит, Запад и Юг объединились по одной единственной причине. Она ненадежно балансирует на одной чаше весов с огромным количеством старых обид. И если что-то нарушит баланс — например, пара удачно пущенных сплетен, то они снова будут готовы перегрызть друг другу горло. Возможно, ему даже не понадобится собирать армию. Они разберутся без него. А потом…

Лорд Бакри начал улыбаться. Ему всегда ужасно хотелось повидать море.

* * *

Признаюсь, я не знаю истинных побуждений Джейгита. Я могу представить себе героя, его слова и поступки, но что касается побуждений… Объяснения Джейгита по поводу того, почему он

разрушил существующую цивилизацию, без сомнения благоразумны: Мировое Правительство препятствовало Джейгиту, какие бы у него ни были причины для путешествия по оси времени. Быть может, он был простым торговцем, желающим получать новые впечатления, но я думаю, у него были и другие намерения. Возможно, его занимал вопрос, почему никогда не встречаются Сингулярности, и искал цивилизацию, которая, в конце концов, вырвалась бы из колеса фортуны. Возможно, все предыдущие цивилизации *уже* закончились в Сингулярности. А Джейгит остался убедиться, что это может произойти вновь. Перечитывая рассказ, я чувствую себя почти так же, как Вим в конце, трепещущим… и слегка побаивающимся узнать правду.

Вы нашли место, где перестал писать я, и вступила Джоан? Последнее, над чем работал я — спасение от банды Эксла Борка. Я писал мою часть рассказа все лето, по странице в день (для меня странный, но забавный, способ писать). После эпизода со спасением у меня — имелись лишь общие соображения, и работа прервалась; конец рассказа стал плодом удачного и интересного сотрудничества.

АНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Джоан
ВИНДЖ

Joan Vinge

МАСТЕР
ПЛАНЕТАРНОЙ
ФАНТАСТИКИ

Джоан
ВИНДЖ

Снежная королева

ЛАУРЕАТ
ПРЕМИИ
ХЬЮГО

АНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ